

ТРИНАДЦАТЬ ЖЕРТВ

LILLITA

Эта история началась очень давно и повторялась из раза в раз. Мрачный замок с запечатанной в нём душой ведьмы, что не может найти покоя, тринадцать жертв, которых приводит туда судьба. Нынешнему поколению было предсказано положить конец проклятью, но что они могут сделать, если попытки прошлых поколений не принесли никаких результатов?

Прежде чем полагаться на предсказание, убедитесь, что оно адресовано вам. Прежде чем бороться со злом, убедитесь, что оно есть.

Первое впечатление бывает обманчивым — кто этого не знает? Пока одни вещи переворачиваются с ног на голову, другие показывают новые грани. Здесь важно найти правду, и читатель, внимательный к подсказкам, способен сделать это раньше героев. Однако это может сильно изменить взгляд происходящее.

Эта история о попытках исправить ошибки, о сожалении и непонимании, о том, что и желания, и проклятия могут сильно испортить жизнь. О переплетении судеб, о втором шансе и о том, что виноваты все. Или никто.

Тринадцать жертв

Пролог: Сказка на ночь

Когда-то давно жил на свете дух. Так же, как и подобные ему, не имел он ничего: ни дома, ни семьи, ни имени. У него был лишь некий облик и светящаяся сфера из прозрачного камня, в которой заключалась его сущность, его душа, его память. Он бродил по свету в поисках хозяина, от которого смог бы получить силы, необходимые для того, чтобы стать реальным. Взамен дух мог исполнить желание хозяина. Лишь одно, но любое, а потому нельзя было опрометчиво подходить к этому вопросу.

Но безуспешны были поиски. Шли годы, а дух всё так же странствовал, не имея хозяина. Он потерялся, путешествуя между мирами, и уже не мог вернуться туда, откуда пришёл. Вернуться, чтобы найти покой и исчезнуть. Его прозвали Хенбетестир, что означало «старый путник», о нём складывали легенды и сказки в тех мирах, что он посетил.

Однажды прознала о духе ведьма, что жила в старом замке в лесной глуши. Хотела она получить могущество, ни с чьим не сравнимое, чтобы провести ритуал, а после обидчикам всем отомстить. Выкрали слуги её сферу Хенбетестира, вынуждая прямо в обитель ведьминскую явиться, ведь не может дух отдельно от своей сущности существовать.

Приказала ему колдунья одноглазая, чтобы слугою ей стал, да желание исполнил. Но видел дух, что замыслы её черны, отказал он ведьме. Разозлилась та очень сильно и прокляла в тот момент странника. Настолько сильным оказалось проклятье, что раскололась сфера на десять частей, а осколки по свету разлетелись. Вот только столь сильные чары были губительны и для самой ведьмы, тело рассыпалось прахом, а неуспокоенная душа оказалась запечатана в замке. Дух же лишился даже облика и обратился в сгусток тумана, блуждавшего в поисках нового тела.

Через несколько лет родились дети, хранившие в себе осколки души Хенбетестира. Были они похожи на всех прочих детей, но иногда проявляли способности странные. Не знали они ничего друг о друге, не знали ничего о себе, но однажды свела их судьба в замке ведьмы, где властвовал дух её, тоже проклятый, желавший вырваться на свободу и окончательно уничтожить странника.

Хранители осколков не могли противостоять ведьме. С каждым днём они всё сильнее менялись, становясь непохожими на людей. Их собственные силы брали над ними верх. Это и нужно было ведьме, ведь подчинившись полностью силе, хранители погибли бы, а осколки вновь стали сферой и освободили хозяйку замка. Но её планы были нарушены, когда ещё трое заблудившихся детей пришли в замок, спасаясь от непогоды. В одного из них, который должен был умереть сразу после рождения, и вселился дух Хенбетестира, тем самым подарив жизнь. Он мог обуздать силу хранителей осколков своей сути, но дух странника не проснулся до конца, и потому его собственные силы не могли проявиться в полной мере.

Осознавая опасность, ведьма попыталась убить хранителя духа, но вместо этого погубила других детей, ставших ему друзьями. Потрясение от произошедшего окончательно пробудило духа. Он был уже не хранителем, он был собой, обрёл полную власть над другими хранителями и смог защитить их от ведьмы. Но странник слишком привык к пути и потому не мог добровольно заточить себя в замке. Несмотря на предостережения, он отправился в новое странствие.

Если бы дух остался в замке, всё закончилось бы со смертью последнего проклятого. Но из-за его поступка проклятье усилилось, изменилось. И теперь всё будет повторяться вновь и

вновь, пока в замке ведьмы не соберётся последнее, тринадцатое, поколение. Последние тринадцать жертв ведьмы.

Мать закрыла книгу и с улыбкой посмотрела на уснувших дочерей. Они сами попросили, чтобы она рассказала им эту историю. Не хотели и слышать о том, что та может оказаться довольно скучной. Что же, зато теперь точно крепко проспят до самого утра.

Поцеловав спящих девочек, женщина потушила свет и вышла из комнаты. Через три года умер её муж. Ещё через три — она сама. Оставшись одни, сёстры должны были отправиться к родственникам. Путь их проходил через лес, окутанный множеством легенд. Лес, в котором располагался проклятый замок.

Часы ударили один раз. Время пошло...

Глава 1: Быть в дождь в лесу — не к добру

Город уже давно остался позади, делая бессмысленной идею повернуть назад. Резко же начавшийся ливень заставлял идти быстрее, храня надежду на то, что впереди удастся найти хоть какое-то место, где можно будет укрыться и переждать непогоду. Промокнуть до нитки и вследствие того заболеть сейчас было бы очень и очень нежелательно. До пункта назначения путь неблизкий, а задержаться где-нибудь, чтобы поправить здоровье, вряд ли будет возможным.

Одна из путниц тихо воскликнула, запнувшись о корягу, не замеченную в полутьме леса. Поспешно поправив слетевший капюшон, она нагнала остановившуюся сестру. Кто эти девушки и что они забыли в лесу, о котором во всех ближайших городах и деревнях ходят слухи и легенды, одни мрачнее других? Почему они шли одни и куда держали свой путь? Камилла и Ирмелин — две сестры, потерявшие родителей. Исполняя последний наказ недавно издавшей последний вздох матери, они направлялись к родственникам. Путь через лес был самым коротким, а легенды... Старшая из сестёр, Ирма, верить в них отказывалась — мало ли, что там люди говорят. Младшей оставалось только согласиться. Она вообще особо по этому поводу не беспокоилась, потому что всё ещё не свыклась с потерей матери. Отца они похоронили за три года до этих событий.

Дождь даже не думал прекращаться или хотя бы успокаиваться, в то время как лес начал редеть. Это показалось странным, ведь так быстро закончится он не мог. Всё стало понятно, когда вскоре впереди показался мрачного вида замок, окружённый не уступавшей в своей мрачности высокой каменной стеной. Легенды о замке также ходили в народе, подтверждений, правда, не имея. Или же почти не имея — это уже неважно, потому что куда спокойнее слушать разного рода рассказы, чем действительно жить с чем-то жутким под боком.

Слухи слухами, но ведь и замок мог сгодиться в качестве укрытия. Приняв решение, что хуже уже не будет, сёстры побрели вдоль стены, чтобы найти вход. Почти не тронутые ржавчиной большие кованые ворота, которые будто будто украшали скрбченные ветви, нашлись довольно скоро. Кажется, местами на них даже остались следы позолоты. Рядом же оказалась похожая по оформлению калитка, которая поддалась очень легко, словно ею часто пользовались, открылась тихо, даже не скрипнув.

Далее шёл большой двор. От ворот к замку вела широкая, вымощенная тёмной от дождя плиткой дорога, с обеих сторон огибавшая круглый фонтан. В некоторых местах она разветвлялась, уходя куда-то в стороны. Трава и кусты были подстрижены, в клумбах росли цветы, явно забытые сорняками. Всё это говорило об одном — замок обитаем. Это, в свою очередь, ещё раз подтверждало, что не стоит излишне доверять слухам, а идея переждать непогоду в замке оказалась не такая уж и плохая.

По обе стороны от лестницы, что вела ко входу в замок, стояли статуи — большие птицы из чёрного камня, спереди закрывавшие себя крыльями. Осторожно поднявшись по скользким ступенькам, сёстры застыли перед массивными дверьми. Старшая неуверенно взялась за кольцо и постучалась. Никакой реакции не последовало, и, когда ждать уже надоело, Ирмелин попыталась просто открыть дверь. Сделать это оказалось проще простого. Пройдя немного вперёд, по пути скинув капюшоны, девушки застыли, оказавшись в вестибюле, пол которого покрывала тёмная плитка в белых разводах. На одной из двух

лестниц, что симметричными дугами поднимались вверх, соединяясь там, стоял худой и высокий молодой человек, с интересом наблюдавший за гостями. Хотя, пожалуй, нет. Не человек. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он — маг. Маги этого мира имели отличную от людской внешность. У него же имелись рога цвета зелёной плесени, по форме и текстуре напоминавшие бараньи, и волосы были им в тон — достаточно для того, чтобы сделать выводы.

Незнакомец неспешно спустился, скользя одной рукой по поручню из светлого дерева. Немного рваный подол болотно-зелёного с тем же плесневым оттенком плаща слабо колыхался при движении. Воцарившуюся тишину нарушали только стук каблуков, какой обычно издают армейские сапоги, и тихий звон ключей, небольшие связки которых висели на ремешках, обвивавших его пояс и плечи. Остановившись перед девушками, он поправил длинную, скрывавшую почти всю левую половину лица, чёлку и внимательно осмотрел их.

Камилла поёжилась. Ей не нравился взгляд этих холодных глаз непонятного то ли золотистого, то ли серебристого цвета, а вертикальный зрачок только добавлял облику нечеловечности и опасности. Хотя не ей, сероглазой, на теплоту взгляда жаловаться, а точнее на её отсутствие.

— Доброго вечера, просим прощения за беспокойство, — не зря Ирмелин была старшей — она пришла в себя быстрее, — на улице ужасная непогода, мы надеялись, что сможем переждать здесь дождь. До города путь неблизкий.

Незнакомец задумчиво покачал головой и слегка улыбнулся. В нём не было заметно какой-либо враждебности, только естественная осторожность.

— И вам доброго времени. Погода действительно оставляет желать лучшего. Что же, — он сделал паузу, отчего-то внимательнее всматриваясь в лица сестёр, — если вас не смущает провести время под одной крышей с магом — прошу за мной, — развернувшись на каблуках, он призывно махнул рукой и направился к лестнице.

Одновременно решив, что в компании мага нет ничего такого ужасного, или хотя бы понадеявшись на это, сёстры двинулись следом. Поднимаясь по лестнице, Камилла не удержалась и осторожно коснулась перил. Те были гладкими и прохладными. Поднявшись, они сразу свернули направо, попадая в коридор, стены которого были обиты красными коврами с серебристым рисунком.

— Я отведу вас в гостевую... К слову говоря, как вас зовут?

— Ирмелин, — ответила старшая, провожая взглядом какую-то мрачную картину.

— Камилла, — младшая же в это время боролась с начавшими топорщиться блекло-чёрными волосами. — А вас как?

— Эрланн. Хотя некоторые местные называют меня Мастером. Можете обращаться как угодно и даже на «ты», — Эрланн издал тихий смешок. Вообще, по нему было видно, что он примерно одного возраста с Ирмой, может, та даже немного старше. К слову, они и роста почти одного оказались.

Недалеко удалось пройти вперёд, когда вдруг что-то шумное пронеслось мимо Эрла, врезавшись в Камиллу. Оно тут же отскочило в сторону, оказавшись миниатюрной девочкой (либо уж очень по-детски выглядевшей девушкой) с короткими неровными тёмными волосами и чем-то, что напоминало крылья летучей мыши, которые располагались немного выше ушей. Девочка одёрнула платице, блеснула бордовыми глазками и принялась щебетать, прыгая вокруг Эрла:

— А ведь я говорила! Говорила, что кто-то идёт к замку! Видишь же, видишь? Я была

плава. Я пелвая их увидела!

— Да-да, ты была права. Что дальше? — как-то устало поинтересовался он, кинув на сестёр извиняющийся взгляд. Похоже, подобное поведение было нормой и то и дело доставляло определённые неудобства.

— Ничего, — откликнулась, пожав плечами. — Здям. А вы кто? — тут же переключила своё внимание на гостей. — Я — Дик... — малышка замялась, пытаясь что-то произнести, но выходила лишь некая помесь из «л» и «х». — Дик! — просто повторила в итоге она.

— Её зовут Дикра, но она совершенно не умеет произносить «р», — пояснил Эрланн.

Сёстры улыбнулись и представились, после чего на них тут же обрушился град вопросов со стороны Дикры. Причём разобрать их было чем-то невозможным — она ужасно тараторила, перескакивая с темы на тему, словно ответы и не нужны были, куда важнее просто с кем-то поговорить. С кем-то новым, кто ещё не устал от такой словоохотливости.

Теперь до гостевой они шли заметно медленнее, потому что Дикра скакала вокруг, дёргала за рукава, куда-то показывала и прочими способами требовала обратить на неё внимание. Первое время Ками пыталась отвечать, но не успевала она открыть рот, как уже оказывалась перебита новым словесным потоком, что заставило отказаться от идеи превратить монолог в диалог. Мало того, шумное создание постоянно задевало её, слишком активно жестикулируя.

— Пойдите. Пойдите, пожалуйста, Мастер! — послышался со стороны очень мягкий и мелодичный голос. — Пойдите. Пойдите, пожалуйста, гости, — к Эрланну подошла молодая девушка, как две капли воды похожая на Дикру, только волосы были длинные и аккуратно подстрижены. — И ты, сестра моя, тоже стой. Дай слово сказать, а потом — продолжай.

— Сюзи, да говори ты уже сколей! — нетерпеливо воскликнула Дикра, скрестив руки на груди и разве что ножкой не топнув в нетерпении.

— Сейчас-сейчас, не торопи, будь так добра. Спросить хотела я, Эрланн, на сколько человек готовить ужин? Я вижу, ныне у нас гости.

— Мейлир и Элеонора ещё не вернулись? Хм, кажется, Эгиль и Фрейя говорили, что задержатся и сами всё сделают. Значит, нас будет девять.

— Хорошо. Надеюсь, Мейнир поможет мне управиться скорее. Дик, пошли со мной, я кое-что тебе хотела поручить.

Было видно, что Дикра не горела желанием отставать от гостей, но всё же, недолго подумав, пошла вслед за близняшкой. Эрланн облегчённо выдохнул и повёл гостей дальше. Затихшая же Камилла вспоминала его слова и невольно загибала пальцы, подсчитывая. Если исходить из услышанного, получалось, что здесь проживало где-то одиннадцать человек. Вот только человек ли? Пока что единственными людьми в замке были сёстры.

— А вас тут... Достаточно. И все вы маги? — осторожно поинтересовалась Ками.

Всё же, некоторые сочли бы такой вопрос невежливым — к магам многие относились с большим подозрением, если те не приносили обществу видимой пользы. Поэтому кто-то легко мог оскорбиться из-за того, что его заподозрили в принадлежности к магам. Однако любопытство брало верх над тактичностью.

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил Эрл, смотря куда-то в сторону. — Это проблема?

— Отнюдь нет! Мне всегда было интересно повстречать хотя бы одного мага. А тут так

повезло...

— В этом действительно нет проблем, — поспешила заговорить Ирмелин, пока младшая сестра не начала уподобляться Дикре. — Тем более, то, что вы позволили нам остаться и достаточно тепло приняли, уже о чём-то говорит.

— Это хорошо, потому что, наверное, вам лучше будет остаться здесь на ночь. Дождь наверняка затянется. Идти по ночному лесу в любом случае не лучшая идея. Всё будет в порядке, только относитесь ко всему спокойно и, главное, когда вас попросят пойти спать — лучше так и сделайте. Собственно, мы пришли, — Эрланн остановился перед дверью и открыл её, пропуская девушек в комнату. — Я подойду чуть позже.

Эрл ушёл, а сёстры начали осматриваться. Комната была оформлена в красно-фиолетовых тонах, у стены стояла двуспальная кровать с балдахином, перед ней располагался диванчик, пара кресел и низкий столик, покрытый небольшим слоем пыли — видимо, убирались тут по возможности, но не чаще раза в неделю. Также в комнате были замечены: туалетный столик, пара комодов, шкафы книжные и платяные, камин и письменный стол. На противоположной от кровати стене располагалась ещё одна дверь, которая, как поспешила узнать Камилла, вела в ванную. Большую и красивую, несмотря на общую мрачность — что и ожидалось от замка.

Вообще, в замках никогда не было недостатка в ваннных комнатах. Дело в том, что ещё во время их строительства при помощи магии создавался своеобразный водопровод, что позволяло хозяевам в любой момент предаться водным процедурам. И хотя для порядка во дворе всегда имелся колодец, надобность в нём возникала довольно редко.

Скинув плащ на кресло, а рюкзак рядом на пол, Камилла развалилась на диване, предварительно откинув куда-то в сторону ботинки. Пока есть время, она собиралась потратить его на то, чтобы передохнуть. Вскоре рядом присела Ирмелин, пред этим аккуратно сложив их вещи. Старшая сестра тоже устала. Они сегодня довольно много прошли, причём основная часть пути проходила через лес, где и тропинок-то толком не было. Ходить по лесам сёстры не привыкли, да и вообще редко когда были на ногах так долго. Их прошлая жизнь была довольно спокойной и размеренной, но, кажется, ей пришёл конец.

Ещё после смерти отца стало ясно, что жизнь не будет такой, как раньше. Он никогда не жаловался на здоровье, будучи довольно крепким. Просто в один день почувствовал сильное недомогание, на следующий день слёг, а через несколько дней умер в бреду. Случившееся сильно подкосило мать. Та начала угасать, стало ясно, что жить ей осталось недолго. Но она протянула целых три года. В последние дни жизни на мать было больно смотреть. Та уже была мертвецом, только ещё дышала и тихо-тихо говорила.

Время текло незаметно. Камилла задремала, устроив голову на подлокотнике, а Ирмелин пролистывала найденную в комнате книжку, когда в дверь постучали. Отложив книгу, Ирма растолкала младшую сестру, которая с трудом сообразила, где она и с чего вообще вдруг нужно возвращаться в этот мир. Обувшись, сёстры вышли в коридор, где их ждал Эрланн. Заметив «гнездо» на голове Камиллы, он тактично сцедил улыбку в кулак и предложил последовать за ним на ужин.

— А я уж надеялась, что мне всё приснилось, — разочарованно протянула Ками, широко зевая.

— Реальность жестока, моя дорогая, — заметила Ирма, на ходу заплетая длинные тёмные волосы в толстую косу и отмечая, что те всё же успели подсохнуть. — Надеюсь,

утром ты не начнёшь расспрашивать, как мы здесь оказались.

Камилла ничего не ответила, лишь усмехнулась. Ну да, после сна она зачастую довольно туго соображала. Иногда даже не помнила, кто она такая, какой сегодня день и зачем она вообще проснулась. Младшая любила поспать и, при этом, часто умудрялась не высыпаться. Поэтому отрицать слова сестры — бессмысленное занятие.

Столовая, в которую Эрланн привёл сестёр, явно по изначальной задумке предназначалась для хозяев замка и их семьи — она пусть и была большой, но не настолько, чтобы принимать гостей. Посередине стоял большой круглый стол из тёмного дерева, а вокруг него располагалось тринадцать обитых чёрным бархатом стульев. Две свисавшие с потолка люстры наполняли помещение светом, что немного сглаживало мрачность обстановки. От еды на столе исходил приятный аромат, в миг пробуждавший аппетит.

За столом уже сидели остальные участники ужина: знакомые близняшки, девочка с практически белыми волосами, которая выглядела чуть младше них, парни-близнецы, черноволосые, но с цветными прядями в районе чёлки, и темноволосая же печального вида девушка.

— Эрл, наконец-то! — девочка вскочила с места и подбежала к Мастеру.

Её ярко-зелёные глаза, хорошо выделявшиеся на фоне бледного личика, с любопытством изучали сестёр. Сама девочка казалась довольно хрупкой и какой-то... Светлой? Нет, не в смысле цвета, что тоже являлось правдой. Как будто у неё изнутри шёл мягкий свет, от которого становилось теплее на душе.

— Гости устали, поэтому мы шли не спеша... К слову, познакомьтесь, Камила и Ирмелин, — он по очереди указывал на девушек, представляя. — А это — Гленда, — светлая девочка кивнула, дружелюбно улыбнувшись, — Сюзанна и Дикра, вы их уже знаете, Мейнир, — печальная девушка, уши которой почему-то напоминали коровьи, а под левым глазом красовались два зелёных ромба, располагаясь один под другим, сделала совсем слабый кивок. — Лауге и Исаак, — близнецы помахали руками. Сначала тот, у которого чёлка была розово-жёлтой, а повязка закрывала левый глаз, а потом с бирюзово-фиолетовой чёлкой и повязкой на правом глазу.

Все расселись за столом и начали ужинать. Сюзанна заметила, что Элеонора и Мейлир сильно задерживались из-за ливня, и её это беспокоило. Близнецы весело откликнулись, что не стоило об этих двоих сильно переживать. Не маленькие они, да и, если что-нибудь случится, Фрейя и Эгиль быстро вернут их домой, ибо, если уж выбирать между их возмущениями и немилостью погоды, лучше выбрать второй вариант. Гленда то и дело с беспокойством посматривала на часы, а Мейнир молча ела, не выражая никаких эмоций, кроме печали.

— Сюзан, а ты очень вкусно готовишь, — заметила Камила, украдкой облизывая вилку, за что получила лёгкий толчок по ноге от сестры.

— Приятно слышать это. Я... Старалась, в надежде, что понравится, — смущённо пробормотала Сью, потупив взгляд.

— Сьюзи, не скромничай. Ты каждый день нас балуешь, — радостно добавила Гленда, незаметно забирая кусочек морковки из тарелки Эрланна.

— Ага. Ты-то у нас умелица. Не то, что твоя сестра — совершенно безответственное вечное дитя. И как только так вышло?

— Иди в лес, Исаак! Ты-то с блатом два сапога пала! Пф! Да и зануда Эгиль вас не лучше.

Дикра и близнецы тут же начали обмениваться колкостями, что, кажется, было обычным делом, если судить по реакции остальных. Точнее, хоть как-то реагировала на происходящее только Сюзанна, укоризненно глядевшая на сестру. Та этого в упор не замечала и чуть не кинула картошку в Лауге, благо, её вовремя одёрнул Эрл. Атмосфера была лёгкой и весёлой, будто все за столом являлись хорошими знакомыми, если не одной семьёй. Даже сёстры почувствовали себя здесь своими. Увы, веселье прервала Гленда, которая в очередной раз обернулась к часам.

— Мне жаль, что надо прерывать веселье, но время поджимает. Гостям лучше поскорее отправиться в комнату и лечь спать...

— Сколько осталось? — тут же посерьёзнев, спросил Эрланн.

— Примерно полчаса. Я думаю, задерживаться не стоит.

— Действительно, — задумчиво хмыкнув, Мастер поднялся из-за стола. — Я провожу вас до комнаты.

Гленда, Сюзанна и Мейнир начали убирать со стола тарелки, тогда как Эрланн и сёстры покинули столовую, снова направляясь в гостевую. Ирмелин, выходя, кинула взгляд на часы. Почти девять. Время двигалось к закату, что было бы заметно, если бы не дождь стеной. Однако яснее от этого не становилось — пришлось списать всё на то, что у магов могут быть свои причуды и обычаи. Тем более, Эрланн уже предупреждал о возможных странностях. Он имел полное право ничего не объяснять, ведь они оставались лишь гостями, а это — наверняка дела внутренние, «семейные», так сказать.

— Пожалуйста, — Эрл остановился около двери и серьёзно посмотрел на сестёр, — ни за что не выходите из комнаты. Утром к вам заглянет Гленда, а до этого лучше даже не подходите к двери. Это очень важно.

— Хорошо, — Ирмелин кивнула, открывая дверь. — Мы останемся здесь. Спокойной ночи.

— Спокойной... — тихо откликнулся Эрланн, удаляясь.

Быстро помывшись, сёстры переоделись в извлечённые из рюкзаков ночные рубашки и легли спать. Кровать оказалась очень удобной. А чего ещё, спрашивается, ожидать от замка? Ирмелин уснула довольно скоро, тогда как Камилла проворочалась какое-то время, осмысливая всё произошедшее. Несмотря на внешнюю мрачность замка, его обитатели были довольно милыми, их общество ей понравилось. И всё же, почему все они живут именно здесь? И что такого особого в ночи, что нельзя выходить из комнаты? Оставалось надеяться, что в своё время найдутся ответы на эти вопросы.

Глава 2: К чему приводит бессонница

На улице, усыпляя, всё также шумел дождь, собираясь продлиться, кажется, до самого утра. Но Камилле оказалось не до сна. Она редко страдала от бессонницы, и обычно это было связано с сильными переживаниями, паршивым самочувствием, либо же, что случалось реже, с новым местом. И вот сейчас она лежала, бессмысленно глядя куда-то вверх, и думала о разных вещах. О том, что завтра, похоже, придётся топтать по грязи. О том, что заставило идти через этот лес. Об обитателях замка, тех, которых уже довелось повидать, и тех, кого только упоминали. Странные они, к тому же, довольно необычно встретить сразу столько магов в одном месте. Маги не то, чтобы не любили собираться вместе, скорее им просто не давали этого делать, опасаясь.

Перевернувшись на бок, Камилла поморщилась и прикрыла глаза. Куда же вдруг делась усталость? Спать не хотелось совершенно, и потому она начала вслушиваться в окружающие звуки. Это оказалось не лучшей идеей, так как со стороны коридора слышались рыдания и крики. Плакала какая-то женщина, и голос её напоминал голос матери. Осознав это, Ками больше не могла лежать и вскочила с кровати. Забыв о данном Эрланну слове, она выбежала в коридор.

Шлёпая босыми пятками и придерживая сорочку, всё дальше и дальше по коридорам бежала на голос, даже не задумываясь о том, как найдёт потом дорогу назад, ведь не запомнила даже дороги до столовой. Что уж говорить об ориентации в замке вообще. Но давящий на мозги плач оставался всё таким же далёким, как бы Камилла не спешила. Кажется, она ни на шаг не приблизилась к цели, хотя пробежала уже достаточно. Постепенно в ней пробудилось осознание происходящего. Довольно неутешительное осознание.

Она, одетая в одну лишь сорочку, побежала непонятно куда по коридорам незнакомого замка, услышав голос матери, которой тут, да и где-либо ещё, в принципе находиться не могло. Мало того, этот замок населён магами, о которых почти ничего не было известно, но которые просили ни за что не выходить из комнаты. Камилла раздосадовано ударила кулаком в стену. Как же глупо она поступила! И главное, как теперь вернуться в комнату? В какую сторону идти?

Держась одной рукой за стену, Ками пошла в обратную сторону. В коридорах было очень темно, из-за чего казалось удивительным то, как она ни разу не навернулась при беге, хотя сейчас то и дело спотыкалась о собственные ноги и края ковров. Дойдя до развилки, Камилла задумалась. В какую сторону ей идти? Кажется, придётся действовать наугад. Ну, а раз ничего другого всё равно не остаётся, можно положиться на великую силу детской считалочки. Она ведь не может подвести, правда? Как-никак, народный метод для принятия решения при самых затруднительных выборах. А народ, как он сам любит утверждать, врать не может.

Вздохнув, повернула налево. Хуже ведь уже не станет, правда? Хотя, конечно, на самом деле ещё более худший вариант существует всегда, просто иногда он не случается. Ждёт, так сказать, своего часа, когда произведённый эффект окажется в разы масштабнее. Потому и вызывает подозрение череда удач в жизни. Вот только в случае с Камиллой не скажешь, что так уж сильно ей везло до этого момента.

Впереди возник слабый золотистый свет. Ками остановилась. На этот раз она

задумалась над тем, стоит ли идти дальше. Кто знает, каков источник у этого света, не ловушка ли там? Свет дёрнулся, Камилла бессознательно сделала шаг назад, сжав кулаки. Вдруг захотелось бежать. Без оглядки, куда угодно, лишь бы подальше от этого места. И забыть обо всём, как о страшном сне. Бреде, который породила температура. Откуда взялось это чувство страха? Страх, что гнал прочь, и в то же время, сковывал, не давая сдвинуться с места, нормально вздохнуть и ясно мыслить.

Не было слышно никаких посторонних звуков, но вдруг на плечо легла рука. Камилла вздрогнула, резко вдохнув. Напряжённо сглотнув, она попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть, кто это, но почувствовала чьё-то дыхание возле самого уха и замерла, почти не дыша. Какое-то время некто ничего не делал, лишь постукивал по плечу пальцами и тихо посмеивался, однако вскоре послышался насмешливый мужской голос:

— Кто это тут у нас, мм? — Незнакомец провёл второй рукой по щеке Ками. — Непослушная любопытная девочка... — кажется, он выпрямился, потому что теперь голос звучал над головой. — Что же это за дети нынче пошли такие? Слушаться? Что такое слушаться? Конечно, гораздо лучше взять и выбежать из комнаты. Ночная прогулка по замку магов — что может быть лучше? — в голосе незнакомца слышалась такая откровенная издёвка в сочетании с презрением, что хотелось сжаться как можно сильнее и просто исчезнуть.

Холодные пальцы спустились со щеки на шею и надавили на ямку выше ключиц. Камилла открыла рот, пытаясь нормально вдохнуть, пальцы надавили сильнее, и она закашлялась. Но это помогло немного прийти в себя. Отдёрнув от шеи руку, Камилла вырвалась и побежала в сторону света. Окажись там хоть сто ловушек, лучше они, чем этот жуткий незнакомец! Кажется, будто сам воздух вокруг него заставляет испытывать чувство беспочвенного страха. В горле до сих пор оставалось какое-то неприятное чувство, сродни тому, что возникает, если там застревает случайно проглоченный леденец.

И всё же, главное отличие света от плача состояло в том, что тот был абсолютно реален и находился куда ближе, чем казалось. В этом Ками убедилась, по невнимательности врезавшись Гленду, которая шла ей навстречу. Вокруг девочки летало много светящихся золотых бабочек, а сама она выглядела крайне обеспокоенной. Схватив гостью за руку, Гленда внимательно посмотрела ей в глаза, после чего одна из бабочек села Камилле на нос и почти сразу исчезла. Вместе с ней ушли и остатки страха, навеянного незнакомцем.

— Ками, что ты тут делаешь? — посмотрев по сторонам, малышка настойчиво потянула Камиллу за собой. — Зачем ты покинула комнату? Нам надо вернуться. Как можно скорее.

— Я услышала плач... Он напомнил мне о матери. Я...

— Плач, крики — что бы это ни было, нельзя обращать на это внимания. Ночь очень обманчива. Пожалуйста, не покидай комнату до утра, — Гленда чуть крепче сжала руку гостьи и замедлилась. Остановившись, прислушалась.

С вытянутой вперёд свободной руки слетела ещё одна бабочка, осветив фигуру незнакомца. Он был высок, неестественно бледен, с тёмными волосами, что отливали зеленовато-синим цветом, черноглаз и с чёрной пятиконечной звездой вокруг левого глаза. Незнакомец улыбался, и эта улыбка выглядела до зубного скрежета мерзкой. Поймав мелькавшую перед носом бабочку, он просто раздавил её, делая шаг вперёд.

— Гленда, милая, — от этого голоса Камилла вздрогнула, узнав того, кто её напугал, — а чего это ты разгуливаешь с нашей дорогой гостьей, которая, почему-то, не сидит в комнате, как ей было велено? Неужели над твоим воспитанием тоже надо поработать?

— Эгиль, отойди. Я провожаю её в гостевую. И давай без трюков, она и так напугана, — Гленда укоризненно посмотрела на Эгиля, который стоял с насмешливым выражением на лице, засунув руки в карманы и расслабившись.

— Конечно, напугана. Потому что плохих детей положено наказывать.

— А, так это твоих рук дело? Что же, возьми с полки пирожок и всё же соизволь пропустить нас. Она завтра уже покинет нас, а ты тут вздумал психику гостье поломать.

— А если не покинет? Или же... — Эгиль цокнул языком и подошёл ещё ближе, — решит разболтать об этом месте, а? Такое сборище магов в покое так просто не оставят, можешь не сомневаться. Лучше избавиться от проблемы до её появления, глупая малышка.

— Прекрати подозревать всех и каждого. Утром поговорим, — Гленда, не отпуская Камиллы, всё же проскользнула мимо Эгиля, чья расслабленность была не более чем притворством.

Немало пропетляв по коридорам, они добрались до гостевой. Сконцентрировавшись на беге, Ками старалась не обращать внимания на крики. Это давалось с трудом. Внутренний голос убеждал не оставаться равнодушной, проверить, что случилось, кому нужна помощь. Но голос разума неустанно повторял: «Это обман. Это обман. Это обман». К тому же Гленда держала крепко, что мешало вырваться и побежать в другую сторону.

Повторив ещё раз, чтобы Камилла никуда не выходила, Гленда закрыла за ней дверь и ушла. Убедившись, что Ирмелин всё также крепко спит и отсутствия не заметила, Ками помыла ноги и снова легла спать. На этот раз долго ворочаться не пришлось, в сон она погрузилась довольно скоро. Но сон этот был беспокойным. Различные картины-воспоминания мелькали перед глазами, сменяя друг друга. Лес, дом, город, снова лес, коридоры замка, мать в гробу... А потом темнота и голос матери, рассказывающей сказку. Ту самую сказку про духа и хранителей осколков.

Камилла не заметила, как темнота сменилась комнатой, сама же она не стояла больше в пустоте, а сидела в кресле, обхватив коленки руками. Голос матери убаюкивал, неужели снова не удастся дослушать историю до конца? Ками потрясла головой, пытаясь отогнать сон. Испытывать сонливость во сне — это странно даже для неё, но глаза продолжали слипаться. Чтобы хоть чем-то себя занять, пришлось начать осматривать комнату. Но в той не обнаружилось совершенно ничего необычного — всё такое же, каким было дома. Старый, протёртый, но любимый диван, из-за чего его так и не решились заменить, светлые стены, украшенные связанными матерью кружевными платками, а на кресле рядом лежала незаконченная вышивка. Дом. Такой, каким он остался в памяти. Только у окна стояла незнакомая женщина в тёмном платье и с длинными-длинными зелёными волосами с болотным оттенком. Это она, а не мать, рассказывала сказку.

— А знаешь, дорогая, кто новая жертва ведьмы? Кому придётся умереть, чтобы пробудить духа? — поинтересовалась в конце женщина, продолжая смотреть в окно.

— Учитывая постановку вопроса, — Камилла невесело усмехнулась, — ею окажусь я.

— О, какая сообразительная! — женщина обернулась. Кажется, внутри что-то застыло и оборвалось, разбившись с оглушительным звоном. У женщины отсутствовало лицо, а кожа была порвана там, где у людей находится рот. — Да, дорогая, ты — жертва. Этот замок станет твоим домом и твоей могилой. Посмотрим, чего же добьётся это предсказанное поколение...

Всё снова сменилось темнотой, которая не исчезала до самого утра. А утро, словно надсмехаясь над всей прочей мрачностью, выдалось пронзительно ясным. Так как окна не

были задёрнуты шторами, солнечный лучи с радостью били в глаза, выполняя роль будильника и заставляя с головой укрываться одеялом, прятать голову под подушку и всеми прочими способами пытаться продлить минуты сна. Увы, но вскоре к солнцу присоединилась Ирмелин, имевшая привычку вставать рано и уже успевшая привести себя в порядок.

Ворча и потирая глаза, Камилла села на кровати и стала шарить ногами в поисках тапок. Дома она всегда оставляла те возле кровати, так что их отсутствие удивляло. Пробубнив под нос ругательства в сторону сестры, которая, наверняка, из большой вредности взяла и спрятала куда-нибудь любимые тапочки, Ками всё же соизволила открыть глаза. Ладонь тут же познакомилась со лбом, а младшая страдальчески застонала. Ну, естественно, она забыла, где уснула! Точнее, не сразу вспомнила об этом после пробуждения, а ведь подобное было ожидаемо.

Проклиная, на чём свет стоит, Ками сползла с кровати и тоже принялась приводить себя в порядок. Увидев в зеркале воцарившийся на голове хаос, понадеялась, что во время ночной прогулки всё было не так плохо. Всё же, Ирмелин с волосами повезло больше — пускай она и походила иногда по утрам на ведьму болотную, но могла исправить это, просто несколько раз проведя по волосам рукой. В случае с Камиллой такой трюк не срабатывал и без смоченной расчёски редко удавалось создать хоть что-то путное, не вызывавшее приступы смеха у окружающих и смущения у Камиллы.

Раздался стук в дверь, которая вскоре была открыта улыбавшейся Глендой. Пожелав доброго утра, она дождалась, когда сёстры зашнуруют ботинки, и все направились в столовую. Когда малышка поинтересовалась, как гостям спалось, Камилле показалось, что это намёк на её прогулку. Но нет, одного взгляда на Гленду хватало, чтобы понять — спрашивала та без каких-либо задних мыслей и намёков. Что странно, Ирмелин тоже замялась, отвечая на вопрос.

— Спалось хорошо, но как-то... Странно? Сон был очень... Необычным. Словно это было послание.

Ками закусил губу. Сестра сказала то же, что хотела сказать она. Может ли это быть совпадением, или сон действительно что-то значил. Выражение лица Гленды тоже на мгновение переменялось. Та нахмурилась, дёрнув плечом.

— Странно. Эрл тоже что-то про послание говорил, когда я его спросила... — пробубнила она, потупив взгляд. Но тут же снова заулыбалась.

Освещаемая солнечными лучами столовая казалась ещё менее мрачной и даже немного уютной. С утра замок в принципе выглядел не настолько зловещим, пускай и не переставал быть мрачным и немного пугающим. За столом обнаружили только Эрланн, снова грустная и молчаливая Мейнир, о чём-то переговаривающиеся близняшки и полноватая девушка с вьющимися волосами бледного розовато-рыжего оттенка и симметричными отростками, будто на голове сидели две полупрозрачные фиолетовые бабочки. Девушка посмотрела на сестёр, оказалось, что глаза у неё цвета хвои и вертикальный зрачок, и тут же смущённо потупила взгляд. Можно было позавидовать тому интересу, с которым она изучала тарелку.

— Доброе утро, — Эрл обернулся к сёстрам и кивнул им. — Присаживайтесь, скоро будем завтракать. Как спалось?

Сёстры переглянулись и усмехнулись. После слов Гленды этот вопрос был ожидаемым. Собственно, ответ на него не изменился, из-за чего на этот раз поморщился Эрланн.

Бормоча что-то под нос, он качал головой и вертел между пальцев вилку. К сожалению, подтверждались его худшие опасения.

— Скажите, видели ли вы в своём сне безликую женщину? — наконец, спросил он, где-то в глубине души всё же надеясь на отрицательный ответ.

— Да. А ещё она что-то сказала про жертву, — тут же ответила Камилла, добивая.

Эрланн невесело усмехнулся. Поднявшись с места он, заложив руки за спину, неспешно подошёл к окну. Раз всё сошлось, перед ним стояла задача как можно яснее объяснить сёстрам сложившуюся ситуацию. В принципе, многое можно понять из той самой сказки, которая оказалась реальностью, но некоторые моменты всё равно требовали разъяснения. Правда правдой, да ведь не всё, с чем придётся столкнуться, было рассказано. Развернувшись на каблуках, Эрл вернулся на своё место.

— Я надеялся, что это не так. Но, похоже, вам действительно придётся остаться в этом замке. История о хранителях — это правда. И, думаю, вы уже поняли, какую роль в ней выполняете, — он бросил взгляд на часы. — Скоро все подойдут, и тогда я прод...

Договорить Эрланн не успел, так как на всю столовую раздалось громкое:

— Здравов, всем утра. Чё такие мрачные?

Обернувшись к дверям, сёстры увидели смуглую девушку с перебинтованными руками, чья одежда больше напоминала мужскую. Совершенно неженственной походкой она прошла до стола и уселась рядом с другой незнакомкой, развалившись на стуле и широко расставив ноги. Не вписывавшиеся в образ волосы, которые почти доставали до колен, она откинула за спинку стула, чтобы не сесть на них. К слову, цвет волос напоминал покрытую пылью листву. Медового цвета глаза с вертикальным зрачком (мода это такая что ли?) встретились с блекло-ореховыми глазами Ирмелин, которая внимательно рассматривала мужеподобную смуглянку.

— Хо, вижу, Мейлир ещё не пришёл. Может, это, без него начнём? А? Нет? Ну, ладно... Но это вы зря так, без этого зануды гораздо лучше, — не обременённая излишней вежливостью обладательница громкого голоса хохотнула и хлопнула по плечу соседку. — Нор, ну, кончай зажиматься. Скромности должно быть в меру. И как ты вообще с людьми работаешь, если из-за наличия всего лишь двух гостей помидоришься?

— М-мне просто неп-привычно видеть... Кого-то в-вместе с нами з-за столом, — ответила она так тихо, что еле удалось разобрать слова.

— Ну, судя по тому, что там мямлил Эрл, тебе придётся к ним привыкнуть! — засмеявшись, смуглянка посмотрела на вход, со стороны которого доносился размеренный цокот, и тут же помрачнела.

В столовую, стуча тростью, вошло создание андрогинной внешности. Светлые с голубыми кончиками волосы до плеч на зависть аккуратно уложены, строгие чёрные брюки были идеально выглажены, а заправленная в них рубашка — безупречно белая. Поздоровавшись со всеми, обладатель ярко-голубых глаз с укоризной посмотрел на мужеподобную девушку.

— И по какой такой несправедливости, такие, как ты, рождаются девушками? Фрейя, как ты только можешь так сидеть? Это неприлично!

— Бла-бла-бла, — Фрейя сделала соответствующий жест рукой и показала язык. — Тебя не спрашивали, баба в теле недомужика. Сколько раз мы уже об этом говорили? Мейл, отвянь, что-либо изменить не в твоих силах, — показав неприличную фигуру из пальцев, она ещё сильнее развалилась на стуле. Мейлир лишь устало вздохнул и присел возле Мейнир.

Похоже, оставалось дожидаться лишь Эгиля и близнецов. Помня о ночном происшествии, первого Камилле не особо хотелось видеть, и она надеялась, что эта пугающая личность придёт ещё нескоро. Надежда, как известно, умирает последняя, но тоже не бессмертна, так что вскоре на входе показалась темноволосая тройца. Также пожелав всем доброго утра, они без лишних слов заняли свои места.

Все приступили к еде в полнейшей тишине. Молчала даже Дикра, чувствуя общее настроение. Через некоторое время однообразный стук столовых приборов о тарелки был нарушен звуком отодвинутого стула. Опираясь на стол, Эрланн медленно поднялся и отошёл чуть в сторону, снова заводя руки за спину. Пройдя пару шагов, он остановился и развернулся лицом к сёстрам:

— И вот, все мы собрались. Эта фраза могла бы быть радостной или торжественной, если бы не сложившаяся ситуация. Все мы знаем историю о ведьме, расколовшейся сфере и хранителях. И все знают, к чему ведёт полный состав «игроков». Замок не отпускает своих жертв, некоторые не могут покидать его территорию вообще, некоторые — более, чем на сутки. И вас, — он по очереди заглянул в глаза каждой сестре, — это тоже коснётся. Можете проверить, хотя и не советую. Ощущения не из приятных. Как можно догадаться, они, — Эрл обвёл рукой присутствовавших, — хранители осколков сферы. А я — души Хенбетестира. Несмотря на странности во внешности и наличие некоторых способностей, не совсем верно будет называть нас магами.

— Кто же вы в таком случае? — поинтересовалась Ирмелин, вопросительно приподняв бровь.

— Хранители, как я и сказал, — пожал плечами Эрланн. — Изначально кое-какие магические способности были только у меня. Хранители же рождались обычными людьми, на которых со временем стали влиять осколки, изменяя облик и давая некие силы. И если знать об осколках чуть больше, то понятнее становится поведение хранителей. Как известно, сфера была сущностью духа. Осколки — частицы той самой сущности, и хотя они содержат разные черты, некоторые преобладают. И именно они оказывают влияние, именно по ним мы и называем осколки.

Давая сёстрам время на то, чтобы осознать полученную информацию, Эрланн неспешно прошёлся вокруг стола, направляясь в сторону Гленды. Говорить приходилось много, но это было необходимо. Возможно, полученная информация позволит лучше всё понять и поскорее влиться в новую жизнь. Да и неплохо будет знать, чего стоит ожидать от новых соседей.

— Пойдём по порядку, чтобы вы знали, у кого какой осколок. Гленда — хранитель осколочка надежды. Осколок Дикры связан с ребячеством, обидчивостью, что хорошо заметно по её поведению. И за это её нельзя корить, тем более, что чем младше хранитель, тем больше он подвержен влиянию осколочка. Сюзанна, — Эрл, говоря, всё также неспешно шёл по кругу, — это забота, красноречие... Эгиль — страх. Правда, в его случае осколок влияет несколько иначе, и я не знаю, связано ли это с возрастом, но среди нас он старший. Многих вещей боится Элеонора, Эгиль же скорее пугает других. Осколок Исаака связан с ложью, осколок Лауге — с правдой. Думаю, понятно, кому из них лучше не верить. Как точно охарактеризовать Мейлира, мы ещё не решили. Но у него ярко выражена тяга к прекрасному и «повадки короля», не помню, кто так сказал, но небезосновательно. А ещё в нём есть тяга к жизни. И, как противоположность, идёт Мейнир. Она — это скорбь, обречённость, апатия. Так что воззвать к каким-либо эмоциям — пустая затея. Осколок Фрейи мы прозвали

осколком госпожи. Мейлир утверждал, что вернее будет сказать «госпожи дикарей», но это рискованно, — Эрл поспешил поскорее пройти мимо Фрейи, которая недобро усмехнулась. — В общем, самоуверенность и сила воли — это по ней. Осколок Элеоноры — осколок сострадания, сочувствия и робости, пугливости.

Эрланн дошёл до своего места и сел. После всего этого монолога хотелось пить. Гленда осторожно тронула его за рукав и вопросительно кивнула, в ответ Эрл чуть прикрыл глаза, тем самым давая согласие на то, чтобы на вопросы, которые могли появиться, отвечала она.

— А почему ночью нельзя было выходить из комнаты? — поинтересовалась Камилла. — И чем вы тут занимаетесь?

— Причин несколько. Первая, ночью мы хуже контролируем осколки. Если днём Эрл может заглушать их силу, то ночью возникают некоторые проблемы. И нет ничего хорошего в том, чтобы случайно попасть под действие чьей-нибудь способности. Особенно, если это способности Эгиля или Мейнир. Первый напугает до поседения, а вторая... — Гленда покосилась на обладательницу коровьих ушей, чью голову Мейлир устроил у себя на плече и теперь поглаживал. — Может отнять все жизненные силы. Вторая же причина в том, что замок сам по себе небезопасен, так что ночью есть большой шанс угодить в какую-нибудь ловушку. С Дикрой уже чуть не произошло такое. А вот занимаемся мы кто чем. Эрл, так как он не может покидать замок, в основном пропадает в библиотеке, пытаясь хоть что-то разузнать. Эгиль и Фрейя регулярно выходят в лес на охоту, Мейлир и Элеонора работают в городе в лечебнице. Сьюзи главная в хозяйстве, ей обычно помогает Мейнир, которая иначе бы просто сидела на месте и смотрела в одну точку. Я же помогаю либо им, либо Эрлу. Дел в замке хватает, ведь непросто поддерживать в относительном порядке такую территорию. Но ладно, — Гленда хлопнула в ладоши и улыбнулась. — Основное уже было сказано, а с остальным давайте разберёмся после завтрака? Этот день обещает пройти в делах, ведь вам надо будет устроиться в замке!

Глава 3: Из гостей в обитатели

Услышанное не могло не шокировать сестёр. Ещё бы, шли к родственникам, а оказались втянуты в «игру», из которой так просто не вырваться. В игру, где самый вероятный выход — смерть. С другой стороны, почему они должны в это верить? На каком основании принимать услышанное за истину? Сон? Но ведь присниться может много чего, и нигде не сказано, что каждый странный сон надо воспринимать как знак. То, что сон общий — совпадения в жизни случаются. Камилла могла бы обратить внимание на ночную прогулку, и на то, как довелось попасть под действие способностей Эгиля. Но так ведь никто точно не знает, на что способны маги. Может, вселять бесконтрольный страх для некоторых в порядке вещей? Фактически, это вера на слово.

Да, всё так. Но не поверить просто не получалось. Чары ли это или что-то ещё, не проснувшись, сёстры почувствовали — так просто замок их не отпустит. Сложно дать этому ощущению толковое описание, просто... Понимание этого факта казалось таким же естественным и очевидным, как дыхание. Не дыша, можно умереть. Оставалось одно — принять и смириться. Однако, в таком случае, появлялась другая проблема: появление в замке новых ртов должно сопровождаться появлением новых рук. С этим проблем не было — сёстры не собирались бездельничать и нахлебничать. Но, в то же время, не были готовы всё время проводить в замке, а знание леса оставляло желать лучшего.

— Мейлир, Элеонора, можно поинтересоваться? — спросила Ирмелин после недолгого совещания с Камиллой.

— Конечно. Что вам нужно? — успел ответить Мейлир, пока Элеонора боролась со смущением.

— Гленда сказала, что вы работаете в городе. Но ближайший город находится, как минимум, в нескольких часах пути. Разве так можно уложиться в отведённые на пребывание вне замка сутки? Ко всему прочему, как вы смогли выдать себя за своих? Как город так просто принял магов?

— В ваших вопросах слышится голос разума, похвально. — Мейлир одобрительно покачал головой. — Что же, для начала я бы уточнил следующее: замок, а также окружающая его территория, является зоной аномальной. Вероятнее всего, это связано с множеством чар, что были на него наложены. Никто точно не знает, что из этого было делом рук ведьмы, а что — прошлых поколений. В силу этого, в некоторых местах искривлено пространство, что делает многие пути обманчивыми. В некоторых других же искривлено время, которое может идти ненормально долго или же, наоборот, быстро. — Фрейя, обратившая внимание на хранителя, страдальчески закатила глаза и с сочувствием посмотрела на сестёр, а потом с завистью покосилась на близняшек, у которых была собственная довольно оживлённая беседа. — Вдаваться в детали я не стану, скажу лишь, что нам удалось обнаружить дорогу, даже тропинку, которая позволяет добраться до города примерно за двадцать минут. Единственное что, идти по ней приходится очень внимательно, так как, сбившись с пути, придётся немало поплутать, ища дорогу до замка. Собственно, именно поэтому мы вчера вынуждены были задержаться — непогода ухудшала видимость, а также саму дорогу. Относительно других вопросов — пришлось прибегнуть к помощи Исаака, говоря иначе, ко лжи и дурману. — Услышав своё имя, Исаак обернулся и в недоумении посмотрел на говорившего, пытаясь понять, о чём шла речь. — Ко всему

прочему, люди способны достаточно спокойно принимать тех магов, от которых есть польза. Пользу же лекаря отрицать нельзя.

Под конец монолога Мейлира, Камилла расслышала стон со стороны Фрейи. Похоже, её утомляла речь хранителя. Ками не смогла бы сказать, что не согласна с ней. То, о чём можно было сообщить коротко и ясно, было растянуто, в частности благодаря неспешному темпу речи, на несколько минут.

— Это всё замечательно, но, в таком случае, у нас есть ещё один вопрос. Возможно ли нам будет устроиться на работу в том городе?

— Почему же нет? Предлагаю заняться этим завтра. Мы покажем вам дорогу, а Исаак поможет ввести в заблуждение горожан. — Кивнув сам себе, Мейлир посмотрел на часы, шепнул что-то на ухо Мейнир, которая снова села прямо, и поднялся из-за стола, взяв в руки трость. — Элеонора, ты закончила? Нам пора выходить, первый приём назначен на утро.

— Д-да! Уже иду, — спешно откликнулась Нора, вставая. В спешке она чуть не споткнулась о собственные ноги, но смогла устоять и поторопилась следом за Мейлиром.

Сестёр полностью устраивал полученный ответ. К тому же, немного легче становилось от возможности посещения города. В отличие от обитателей замка, они — обычные люди, и находиться среди таких же людей гораздо спокойнее и привычнее. Но всё связанное с городом можно оставить на завтра, главная забота сегодняшнего дня — замок. По окончании завтрака Эрланн и Гленда пообещали провести по нему небольшую экскурсию — нужно уметь ориентироваться там, где живёшь. К тому же, гостевая комната — это хорошо, но лучше бы было устроиться поближе к остальным. Тем более, что сёстры предпочитали спать на разных кроватях.

Захватив из гостевой свои немногочисленные пожитки, сёстры направились в другую часть замка, где проживали остальные его обитатели. Жилая часть хотя и оставалась довольно мрачной, но казалась немного уютнее. Шторы на окнах были приятного персикового цвета, на некоторых подоконниках стояли вазы с цветами, которые явно регулярно меняли. На стенах не наблюдалось мрачных картин, а ковры были старательно кем-то разукрашены.

Свободные комнаты располагались в конце коридора, рядом с ванной комнатой, по соседству же обитали близняшки. Прежде чем на некоторое время покинуть девушек, тем самым давая им возможность получше осмотреть новое место жительства, Мастер попросил каждую положить руку на ручку своей двери и прочёл заклинание. Собственно, необходимо это было для того, чтобы ночью в комнату не могли зайти посторонние.

Кинув рюкзак с вещами на стул, Камилла в первую очередь направилась к окну. Отдёрнув тяжёлые шторы и впустив в помещение больше света, она выглянула на улицу. Окна выходили во внутренний двор, полный зелени и цветов. Среди деревьев проглядывали чёрные статуи, скамейки и колодец. Многие дорожки сходились у небольшого фонтана, напоминавшего диковинную птицу. Чёрную, как и все прочие скульптуры. Отвернувшись от окна, Ками окинула взглядом комнату. Тёмное дерево и светло-жёлтые ткани, набор мебели же не сильно отличался от того, что был в гостевой. Губы тронула ухмылка. Кто бы мог подумать, что однажды придётся жить в настоящем замке. Несмотря на сложившуюся ситуацию, было в этом что-то волнующее и очаровательное.

«Не будь я при этом ещё и жертвой — было бы вообще прекрасно», — заметила между делом Камилла, перекладывая вещи из рюкзака в шкаф и прикроватную тумбочку. Стоило задуматься о том, чтобы прикупить некоторой одежды в городе. Либо, в крайнем случае,

купить ткани и сшить самостоятельно — благо, шила она очень недурно. Проведя рукой по столу, Ками также отметила, что нелишним будет прибраться. Не самое любимое занятие, но всё же необходимое. К тому же, не помешало бы поставить цветы в вазу на комод. Судя по двору, недостатка в них не было, зато комната так будет смотреться более обитаемой.

Задумавшись о делах, Ками прилегла на диван и чуть не задремала — ночь снова давала о себе знать, но в это время послышался стук в дверь. Стучали настойчиво. Судя по всему, это была сестра. Пришлось открывать глаза и садиться, ища взглядом ботинки. И когда, спрашивается, она успела их куда-то откинуть?

— Камилла, сестра моя, — Ирмелин словно издевалась, намеренно говоря в таком тоне, — ты там не уснула часом?

— Обойдётся! Сейчас, обуюсь и выйду...

Зашнуровав обнаруженный около двери второй ботинок, Камилла привычным движением пригладила волосы или попыталась это сделать, и вышла в коридор. Все уже были на месте и ждали только её. Гленда тут же подскочила и протянула какую-то сложенную бумажку. Приблизительный план замка, который она обещала нарисовать. Выполнен он был, конечно, далеко не профессионально, и явно содержал не все комнаты, однако, на первое время и такой сойдёт — лишь бы не теряться постоянно. Пускай сёстры не страдали топографическим кретинизмом, но коридоры замка были довольно запутанными и похожими.

Экскурсия началась с жилой части. Эрланн просто, без всяких уточнений, перечислил имена хранителей в том порядке, в каком шли комнаты. Порядок был следующим: близняшки, Фрейя, Элеонора, близнецы, Эгиль, Мейлир и Мейнир. Загибая по ходу перечисления пальцы, Камилла заметила, что кого-то не хватает, не сразу сообразив, что не были названы сами Эрланн и Гленда. И, кажется, продолжать перечисление никто не собирался.

— Стоп-стоп. А вы-то где живёте?

— Это, наверное, ещё очень-очень давно завелось, но, если другие могут выбирать, где жить, то Мастер всегда живёт в одном и том же месте, — начала объяснять Гленда. — Эрла с самого начала потянуло к той комнате. Просто появилось осознание того, что он должен жить там. Вам, наверное, это чувство знакомо, только относительно замка в целом. В общем, комната Эрла этажом выше, а я живу рядом с ним.

«А она к нему очень привязана», — подумала Ками, переводя взгляд с Гленды на Эрланна и обратно. По виду нельзя было сказать, что их что-то связывает, но поведение выдавало близких друг другу людей. Они друзья? Или, может быть, родственники? Хотя нет, последнее казалось маловероятным в силу внешности. По крайней мере, сама Камилла была куда больше похожа на сестру: пускай и не настолько высокая, но зато такая же темноволосая, с блеклыми глазами, похожими чертами лица, только кожа бледнее из-за плохой переносимости долгого пребывания на солнце. И всё же, родственницы в них угадывались.

А что объединяло Эрла и Гленду? Первый высокий, вторая же — совсем ещё мелочь, и вряд ли настолько сильно подрастёт со временем. Цвет волос и цвет глаз не имели ничего общего. И если кожа Гленды заставляла вспомнить о фарфоровых куклах, то Эрл же выглядел нездоровым, но не бледным. Даже просто в чертах не наблюдалось сходств! Нехорошо, конечно, совать свой нос в чужие дела, но стоило бы в будущем поинтересоваться, что связывало Мастера и хранительницу.

Экскурсия, тем временем, продолжалась. Эрланн показал сёстрам гостиную, в которой предпочитали собираться жители замка. Очередное подтверждение тому, что зону жилую от нежилой отличить несложно — снова присутствовали более тёплые тона, цветы, какие-то милые вещицы. Особенно Камиллу позабавила статуэтка на столике: лягушка, застывшая в прыжке, пытавшаяся поймать бабочку и одной ногой стоявшая на спине недовольного лебедя. Засмеявшись, Ками тронула птицу за раскрытый клюв, однако тут же отдёргнула руку, покосившись на Эрла. Но, похоже, тот ничего не заметил.

— Забавная фигурка. Чья она? — поинтересовалась, отходя от стола.

— Это... — Эрл поморщился вспоминая. — А, точно! Кажется, её Элеонора в одной из комнат нашла. А после решила сюда поставить.

— В одной из комнат?

— Ну, да. В нежилых комнатах можно найти немало вещей, оставшихся от прошлых поколений. Они ничейные, так что, если вам что-то приглянется — можете спокойно забрать себе. Все так свои комнаты и обставляли. Где-то может попасться одежда. По размеру — берите.

— Н-да, вот это порядки...

— Надо уметь пользоваться тем, что есть, — Эрланн пожал плечами, выходя из гостиной.

Следующей Эрл показал вторую ванную комнату, отметив, что этой обычно пользуется мужская часть жителей и Фрейя. Конечно, в замке были и другие, но они не использовались, разве что уборка там проводилась раз в несколько недель, так, на всякий случай. Потом была объяснена и показана дорога до столовой, а оттуда — путь на кухню, в которой пока что никого не было.

Побродив ещё немного по этажу, они поднялись на следующий. Отличался он не сильно, на первый взгляд так и вовсе казался таким же. Но потом стало ясно, что этот этаж казался мертвее и более... Пустым, наверное. По крайней мере, голые стены встречались чаще, а на большей части окон отсутствовали шторы. Те, что попадались, казались очень старыми. Изредка можно было увидеть картины в тёмных рамах, на них были изображены разные люди, которых объединяло одно — выражение скорби на лице и потухший мёртвый взгляд, обращённый к пустоте. Среди портретов выделялся один, изображавший девушку в бальном платье с открытыми плечами и пышным цветком-заколкой в тёмных сильно вьющихся волосах. Она улыбалась, но именно эта улыбка, в сочетании со взглядом, делала портрет ещё более жутким. Улыбка, на веки застывшая на лице мертвеца.

«Боргхилль», — прочитала Камилла подпись на раме, и больше ничего там сказано не было. Поёжившись, она поспешила отойти от портрета и нагнать остальных — оказалось, что Ками засмотрелась на незнакомку, чего никто не заметил, и в итоге она осталась позади. А ведь путь они держали в библиотеку. Туда хотелось поскорее попасть, наверняка ведь в таком замке библиотека — место впечатляющее.

В повисшем молчании очень не хватало кого-нибудь вроде Дикры, кто был бы способен просто болтать ни о чём, не ожидая ответа и не особо в нём нуждаясь. Просто потому, что сторонний шум, производимый одной девочкой, несложно игнорировать, тогда как тишина давила и угнетала, переплетаясь с атмосферой замка. Нервно перебирая пальцами, Камилла стала напевать себе под нос какую-то мелодию, пытаясь отвлечься. Она не отличалась каким-то там прекрасным чарующим голосом, но музыкальный слух всё же был, и этого вполне хватало. Ирма покосилась на сестру, но ничего не сказала. Ей, по правде говоря, тоже

не нравилась эта тишина.

Они остановились перед массивными чёрными дверьми, на которых были изображены чудовищные оскалившиеся морды. Глаза невиданных зверей были заменены поблескивавшими голубыми камнями. За этими дверьми начиналась впечатляющих размеров библиотека. Пол был оформлен в стиле шахматной доски: квадраты светлого дерева чередовались с квадратами тёмного.

Книжные шкафы тянулись от пола до второго яруса, на который вели две лестницы с разных сторон, а там — до самого потолка. На потолке было изображено ночное небо с сероватыми облаками и неестественно яркой, рыжей луной. Яркой для этого мира, где луна была очень бледной, с каждым веком исчезая всё больше и больше. В нескольких местах стояли столы, как обычные прямоугольные, так и овальные. Между некоторыми книжными шкафами располагались небольшие столики: пустые или же с какими-то замысловатыми фигурками, пустыми вазами, светильникам; между другими одиноко стояли кресла или двухместные диванчики, обитые тёмной красно-коричневой тканью, поблекшей от времени. В самом же центре зала располагался огромный, практически в человеческую высоту, глобус, который, что становилось ясно при более близком рассмотрении, местами тоже не пощадило время. В окна лился свет, но его явно было недостаточно, и становилось непонятно, почему же в библиотеке не царит полумрак — люстр не было, а светильники не горели.

— Она... Просто огромна! — восторженно выдохнула Камилла, проходя мимо книжного шкафа и проводя рукой по гладкой поверхности столика.

— На самом деле это не вся библиотека, — довольно заявил Эрланн, — в основном, здесь находятся обычные книги разных времён, на разных языках. Есть ещё третий ярус, там книги, в которых говорится о магии, а также о самом замке. Правда, многие из них сложно прочесть...

— Ага! Почти никто из наших на это не способен! — из-за глобуса показалась Гленда с синей книжкой в руках. Непонятно, когда только успела так далеко отбежать, что-то найти и вернуться. Подбежав к остальным, она положила книгу на столик и дёрнула Эрла за рукав. — Напомни мне потом забрать её. Я давно искала эти выкройки. Кстати, — теперь она обратила внимание на сестёр, — несмотря на время, многие книги в достаточно хорошем состоянии, чтобы их можно было читать. Главное, с языком не ошибиться.

— Учитывая, сколько прошло поколений, странно, что книги вообще сохранили пригодное состояние... — Ирмелин достала первую попавшуюся книгу и теперь пролистывала её.

— Так и есть, но стоит вспомнить об аномальной зоне. О ней так ничего толком не удалось узнать. Но, не будь её, замок в целом был бы в ужасном состоянии. Ведь пока не пришло новое поколение, он стоит здесь совершенно пустым.

— А как же ведьма?

— Ведьма — лишь душа, что не может покинуть это место, — возразил Эрланн. — Пока нет хранителей, она спит и ни на что не способна. Ни на что видимое уж точно. Ведьма и сейчас ещё не пробудилась, ведь только вчера нас стало тринадцать. И, как я знаю, проявляет себя она не сразу после этого события.

— Получается, пока что всё относительно спокойно, и можно лишний раз не беспокоиться?

— Увы, но нет, — Гленда покачала головой и печально улыбнулась, — ведьма — не

единственная наша проблема. Сам замок в ночное время, а также осколки достаточно портят нам жизнь. Чем дальше, тем сложнее нам подавлять их влияние. Зачастую бывает так, что ночью они почти полностью обретают власть над кем-то из нас, ведь Эрл в это время теряет силы. И чем сильнее влияют на нас осколки, тем больше меняется наша внешность. Вы ведь видели Мейнир! Из-за её безвольности, осколок больше всего затронул именно её. Эти уши, хвост, цвет рук и ног, переходящий от голубого к сиреневому...

— Стоп. Хвост? — Камилла удивлённо покосилась на хранительницу.

— Ну... Да. Вы, наверное, не видели её, когда она стоит. У неё есть хвост. Лысый, достаточно длинный и с кучей кисточкой. Мне кажется, если бы не Мейлир, осколок бы уже овладел ею.

— Кажется, он к ней равнодушен, — заметила Ирма. Гленда в ответ кивнула, хихикнув.

Покидали библиотеку уже не в молчании. Сёстры узнали, что первыми в замке, где-то три года назад, оказались Эгиль и близнецы — они всегда были хорошими друзьями. Лауге и Исаак воспринимали Эгиля как старшего брата. Друг семьи, он присматривал за ними по просьбе родителей. И, кажется, продолжал делать это до сих пор. Потом в замок попала Мейнир, далее — Фрейя и Элеонора. Нора — приёмная дочь в семье Фрейи, которая сама была дочкой кузнеца, рано потерявшей мать. Следом пришёл Мейлир, который вскоре взял под своё крыло Мейнир, после близняшки, а последними были Гленда и Эрланн. Всех занесло в замок по разным причинам: кто-то сбежал из дому, кто-то заблудился, кого-то завёл случай... Но все понимали: не собраться вместе они не могли, потому что до этого почувствовали влияние осколков, некая сила заставляла отправиться именно в этот лес. И она же не позволяла уйти.

По этому этажу бродили меньше. Мастер и хранительница показали, где находятся их комнаты, хотя искать там кого-либо всё равно дело обычно бесполезное. Рядом с комнатами находилась мастерская. Правда, что именно там мастерили, никто объяснить не удосужился, как и пустить внутрь. Вместо этого Гленда предложила посетить сад. Камилла тут же поддержала эту идею, так как только посмотреть из окна ей было недостаточно.

Оказавшись на свежем воздухе, Гленда тут же поскакала к беседке, откуда открывался красивый вид на небольшой пруд. С ногами забравшись на скамейку, она перекинула их через стенку беседки, совершенно не стесняясь того, что одета в платье. Вытянув вперёд тонкие ручки, раскрыла ладони, с которых слетели золотые бабочки, начавшие порхать над прудом. Эрланн нахмурился и легонько шлёпнул хранительницу по затылку.

— Ты у нас младшая, и при этом бездумно используешь силы. Ты ведь понимаешь, что это рискованно? Использование сил только усиливает влияние!

— Бе-бе-бе, — улыбаясь, Гленда показала Мастеру язык. — Не настолько этот осколок вредный, чтобы из-за простых бабочек меня захватить. Но ты только посмотри, как красиво!

Золотые бабочки действительно смотрелись очень красиво. Будто над водной гладью порхали маленькие солнышки. Лёгкие крылышки светились, и свет этот отражался от воды.

«Словно звёзды на дневном небе!» — подумала Ками, заморожено следя за полётом. Ирмелин тем временем смотрела по сторонам.

— А куда ведёт та дорожка? — поинтересовалась старшая, указывая в сторону.

— Там находится огород, следить за ним поручено близнецам, хотя главный по растениям у нас Мейлир. У него хорошо получается приводить их в должное состояние, даже самые чахлые ростки оживают. Он целитель, и если что-то случится — идите к нему.

— А Элеонора, получается, тоже лечить умеет?

— Почти. В городе её прозвали целителем душ. Она умеет забирать боль.

— Кстати! — Камилла оторвалась от созерцания бабочек и решила привлечь к себе внимание. Ей захотелось уточнить одну деталь. — А в замке есть подвал?

— Должен быть. Но вход туда так и не удалось открыть, не подошёл ни один ключ, — Эрланн покачал головой. — А ведь, возможно, там удастся найти подсказки к тому, как избавиться от проклятья...

— Найдём, если будет нужно! — усмехнувшись, Ками снова обратила своё внимание на бабочек.

До обеда осталось немного времени, и его решили провести в саду. Комнатами и прочими делами можно будет заняться после, а сейчас просто хотелось насладиться зеленью, свежим ветерком и просто хорошей погодой, полностью противоположной вчерашней. Много ли у них в запасе времени — никто не знал, но если торопиться, можно упустить жизнь. Она просто пронесётся мимо. И даже если успеешь сделать многое, какой в этом толк? Ведь всё равно упустишь всё, что можно.

Глава 4: Несколько находок

На обед отдохнувших в беседке позвала Мейнир. Вернее будет сказать, подошла, привлекла к себе внимание, тронув Мастера за руку, кивнула и ушла. Присмотревшись к удалявшейся хранительнице, Камилла заметила, что у той действительно был хвост. Безвольно висевший, почти что подметавший кончиком дорожку. Да и сама походка была какой-то вялой, босые ноги шаркали по плитке, плечи ссутулены, голова опущена. Покорность и безволие — вот что виделось во всем этом. Ками тихо вздохнула, Мейнир ей почему-то было жалко.

В столовой уже собрались все, за исключением Мейлира, Элеоноры и Фрейи. На вопрос, куда же делась последняя, Сюзанна ответила, что Фрейю попросили сегодня заглянуть в кузницу. Все расселись по местам, и Дикра тут же начала расспрашивать сестёр, как им замок, каковы впечатления и, в процессе, вывалила кучу ненужной и неусваиваемой информации, суть которой сводилась к тому, что погода хорошая, ковры красные, а на кухне нашлась «во-от такая» морковка.

Обед проходил спокойно. У чёрной троицы, как их успела в мыслях прозвать Камилла, снова были какие-то свои разговоры, Гленда щебетала с близняшками, Мейнир вяло шевелила ложкой в тарелке с супом, сёстры размышляли о послеобеденных делах, а Эрланн и вовсе был где-то в совершенно сторонних мыслях, иногда с улыбкой поглядывая на младших хранительниц. Больше жителей в замке означало так же и больше ответственности. Мастера также иногда называли Управляющим, потому что именно он должен заправлять делами замковыми и нести ответственность за тех, кто в нём живёт, или кто просто по случайности сюда приходит.

Под конец обеда, когда настало время пить чай, Эгиль встал из-за стола и направился к стоявшему в углу столику, на котором всегда располагалась ваза с фруктами, и долго что-то там выбирал. Столик этот был настолько неприметным, что сёстры только сейчас обратили на него внимание.

— Ирма, яблоко будешь? — поинтересовался Эгиль, возвращаясь на своё место.

— А? Да... Ай! — Ирмелин еле поймала прилетевшее с левой стороны яблоко. — Едой кидаться нельзя. А если уж делаешь это — хотя бы предупреждай, — возмутилась она, зачем-то протирая фрукт салфеткой.

— Могла бы и заметить, — спокойно ответил хранитель, пожимая плечами и надкусывая своё яблоко. — И не надо меня учить, что можно, а что нельзя. Я абсолютно уверен, что старше тебя.

— Возраст не показатель.

— Разве? — Эгиль усмехнулся, в наигранном недоумении изогнув бровь. — Что же, если ты считаешь главным показателем опыт — тут я тебя тоже опережаю.

Остальные решили временно отвлечься от своих дел и принялись с интересом наблюдать за беседой Эгиля и Ирмелин. Даже Мейнир перестала рассматривать чашку и посмотрела в их сторону, слегка склонив голову к плечу.

— Ты заявляешь это человеку, которого знаешь меньше суток. На каком основании?

— Потому что оно так и есть?

— Это каким боком?

— Левым, полагаю.

— Сволочь... — сквозь зубы процедила Ирмелин. Поведение Эгиля её раздражало, а ведь на первый взгляд он показался вполне нормальным и адекватным человеком.

— Не слишком ли рано ты начала сыпать комплиментами? — хранитель подмигнул Ирме. Заметившая это Камилла захихикала в кулак.

А вскоре засмеялись остальные — что-то забавное было в споре старших обитателей замка, которые сейчас не обращали никакого внимания на окружающих. Даже Мейнир, пускай и не издала ни звука, даже не улыбнулась, но выглядела не такой печальной. Единственное что, как-то странно смеялся Исаак — он смеялся, точно смеялся, но совершенно беззвучно и почти незаметно. Сначала Камилла подумала, что ей просто показалось, просто не различила его голос среди остальных. Но, прислушавшись, она убедилась в своих догадках и потому решила поинтересоваться:

— Эй, Лауге, — она обратилась к уже успокоившемуся близнецу, который продолжал с улыбкой следить за перепалкой, но, услышав обращение, обернулся к Камилле, — а почему твой брат так странно смеётся?

— А он иначе не умеет. В первые годы вообще никак не умел.

— Странно тогда, что его так зовут...

— Имена нам дают, ещё ничего о нас не зная, — Лауге пожал плечами и снова обратил своё внимание на старших.

Ками покачала головой. Конечно, слова хранителя были справедливы, но она не так часто встречала кого-то, кому бы так явно не подходило его имя. Да, Камилла неплохо разбиралась в значениях имён, просто потому, что в своё время интересовалась этим, хотя, конечно, всего не знала. Интерес к этому появился после рассказанной матерью сказки, часть которой всё же была услышана. Камилла спросила, если Хенбетестир — старый путник, то значит ли что-то её имя? И через некоторое время мать подарила ей книгу, в которой и рассказывалось об именах и их значениях. К слову сказать, книгу эту Ками взяла с собой — как память о матери.

Вскоре закончился обед, все отправились по своим делам. Камилла направилась в комнату, а Ирмелин решила перед этим помочь убрать со стола — старшая сестра всегда была более хозяйственной, нежели младшая, которая в основном делала только то, о чём её просили.

Первым делом, забрав из комнаты складной нож, Камилла отправилась в сад — нарезать цветов. По пути она встретила Дикру, которая несла куда-то воду, краски и кисти. На вопрос, зачем ей всё это, хранительница ответила, что идёт разукрашивать ковры. Это было похоже на правду, потому что рисунки, если постараться и припомнить их, представляли из себя разнообразные цветочки, грибочки, радуги, мордочки, завитушки и прочие милые вещи, автором которых явно был ребёнок. Странно было только, как Дикре хватало на это усидчивости, но тут уже вопрос в том, как давно она начала заниматься коврами. Может, уже год прошёл?

В саду обнаружили близнецы, подстригавшие кусты. Кажется, у них было соревнование, кто быстрее закончит свою часть работы. По крайней мере, то и дело слышались выкрики вроде: «Хей, а я почти закончил!» Покачав головой, Ками улыбнулась и направилась к замеченным ранее пышным жёлтым цветам. Такие наверняка будут хорошо смотреться в комнате. К тому же, букет из этих цветов напоминал солнце, насладиться которым в полной мере Камилла не могла из-за чувствительной кожи.

Поставив цветы, Ками решила заглянуть к сестре. Усевшись на диване, принялась

наблюдать за тем, как Ирма протирала стол и расставляла уже имевшиеся в комнате вещи так, как ей нравится. Стоило бы, наверное, заняться тем же, но лень и нелюбовь к уборке были сильнее. Да и, с другой стороны, не так уж много в комнате было пыли, можно спокойно подождать ещё недельку. Или две... Услышала бы это мать — наверняка бы отругала. Нет, родительница не была помешана на чистоте, тогда бы Камилла такой не выросла, но с неодобрением смотрела на подобное пренебрежение к уборке.

— В саду была? — поинтересовалась Ирмелин, обернувшись к сестре и окинув ту взглядом.

— В окно меня видела? — сложив руки на подлокотнике, Камилла устроила на них голову.

— У тебя пыльца на носу, дурёха, — улыбнувшись, Ирма подошла и чистым краем тряпки протёрла нос младшей. — Ты бы не страдала от безделья, а тоже уборкой занялась, пока не натаскала в комнату какого-нибудь барахла. Потом труднее протереть будет.

— Ты всерьёз думаешь, что я этим потом займусь?

— Тебе придётся этим заняться, — снова улыбнувшись, Ирмелин вернулась к своим делам.

Ещё немного так посидев, Камилла решила, что наблюдать за сестрой слишком скучно. Нет, она не пошла убираться, пускай и понимала, что потом всё равно заставят, вместо этого Ками решила поискать того самого барахла, к собиранию которого у неё была какая-то тяга. Было, правда, непривычно, что можно вот так просто зайти в любую нежилую комнату и взять то, что приглянется. Дома приучили к тому, если иходишь в чужую комнату — ничего не трогай и не бери, если на это нет разрешения или крайней надобности. Вот только от кого тут получать разрешение, если хозяева вещей мертвы? Но разве нормально брать вещи мертвецов? Если те могут пригодиться живым — да. Предрассудков по этому поводу не водилось.

Довольно далеко забрела Ками, прежде чем решилась открыть какую-нибудь дверь. В комнате было холодно. Странно, день ведь довольно тёплый. Возможно ли, что подобное ощущение появилось из-за безжизненной атмосферы? Поёжившись, Камилла прошла вдоль шкафов и полок. Ничего интересного. Не удержавшись, она нарисовала на покрытом пылью столе солнышко и покинула комнату. В следующих двух комнатах также не было ничего интересного, а вот в четвёртой нашёлся довольно симпатичный комплект, состоявший из блекло-чёрной жилетки и шорт ей в тон. Навскидку вещи были по размеру, поэтому, немного подумав, Камилла всё же решилась взять их. В город в таком вряд ли пойдёшь, но вот носить в замке вполне можно.

Гораздо более интересной оказалась пятая комната. Выглядела она так, будто её владелец просто отошёл на некоторое время. Время это сильно затянулось, однако обитателя комнаты ждали до сих пор, оставив все вещи на своих местах. Неаккуратно свисавшее с кровати покрывало, открытая книга на кресле, на столе лежали пожелтевшие листы бумаги с выцветшими чернилами, в открытой чернильнице не было ничего, кроме пыли. Судя по всему, эта комната принадлежала девушке. Именно девушке, не женщине — в царящей небрежности, найденных безделушках и выбранных книгах чувствовалась молодость.

Ведомая любопытством, Камилла начала изучать содержимое ящиков стола. Среди прочих мелочей, она нашла заколку — пышный фиолетовый цветок, из центра которого торчали сине-голубые перья.

«Боргхилль, — всплыло в памяти имя, вот почему заколка выглядела знакомой, — это

её комната?»

Несмотря на прошедшее время, старой заколка не казалась. Приложив её к волосам, Ками посмотрелась в затёртое зеркало, казавшееся более древним, чем многие предметы вокруг. Можно было подумать, что время на него влияло сильнее, чем на всё остальное.

Камилла криво ухмыльнулась. Столь яркая вещь ей совершенно не шла. И никакой подходящей одежды не было, да и вряд ли появится. Но заколку она всё равно забрала, слишком уж та приглянулась. А заодно прихватила с собой пустую, при беглом просмотре, записную книжку с красивой обложкой, украшенной пёрышками, бусинами и часовыми шестерёнками. Угольком пометив комнату на карте буквой «Б», Ками направилась обратно к себе, по пути куда-нибудь заглядывая и помечая более-менее занятные комнаты, которые можно было потом получше изучить, либо что-нибудь взять.

В очередной раз открыв дверь, Ками увидела старательно протиравшую полки Сюзанну. Вскоре она встала на носочки, пытаясь достать до верхних полок, но в силу небольшого роста ничего не получалось. Желая помочь, Камилла положила вещи на столик и забрала тряпку, с лёгкостью дотянувшись до нужных мест.

— Спасибо большое, Камилла, за помощь, — поблагодарила хранительница и окинула взглядом вещи. — Я вижу, что в замке освоилась ты. И что-то вот, даже, уже приглянулось. Скажи же, как ты?

— Не за что. Но почему ты одна? Тебе же, вроде, Мейнир помогает? А я в порядке, вот, находки в комнату несую.

— Обычно, конечно, до высоты достаёт Мейнир. Но я попросила её сходить за водой. Надеюсь, что вскоре вернётся она...

— Слушай, а Мейнир вообще говорит? — задала Камилла внезапно возникший в голове вопрос. Она ведь до сих пор ни слова от хранительницы не услышала.

— Немного. Молчалива уж очень она, но её Мейлир без слов понимает, — приняв обратно тряпку, Сюзанна вернулась к уборке. — Никто не знает, что у неё на уме. Да и о ней почти ничего не знаем.

Вздыхнув, Ками пожелала Сьюзи удачи, взяла вещи и вышла. В голове не укладывалось, как можно быть такой тихой, пассивной. Будто всего лишь тень от человека. И возникал вопрос, действительно ли Мейлир понимал эту тень? Или же принимал желаемое за действительное, потому что «тень» не сопротивлялась, не высказывала своего отношения к происходящему? Почему он вообще к ней равнодушен? Не похоже, чтобы это было из-за внешности. Однако же нечто большее, то, что внутри, надо как-то углядеть. Возможно ли, чтобы иногда Мейнир вела себя иначе?

«Наверное, они всё же как-то общаются. Не поверю, что он просто так обратил на неё внимание».

Было решено повнимательнее понаблюдать за этими двумя. Может, так получится узнать чуть больше.

Находки были оставлены в комнате: вещи отправились в шкаф, а всякие мелочи, среди которых были и заколка с записной книжкой — в прикроватную тумбочку. Недолго отдохнув, Камилла снова вышла, направляясь к лестнице, которая вела к главному входу. Захотелось получше рассмотреть чёрных птиц и фонтан. Но, как оказалось, не судьба. В Камиллу врезалась кучка обтёсанных поленьев, у которой почему-то были ноги Эрланна. Вскоре из-за поленьев показалась голова Мастера, который виновато посмотрела на девушку.

— Извини... Тебя из-за неё не было видно...

— Порядок. Ты куда это всё несёшь? — Ками сняла верхнее полено и стала его рассматривать. Дерево как дерево, ничего особенного.

— В мастерскую.

Услышав это, Камилла наострила уши. При утреннем обходе замка она туда не попала, так почему бы не воспользоваться шансом сейчас? Интересно же, что там. Ну, судя по всему, действительно мастерская — не просто же так поленья несут. Но хотелось бы узнать, что из них делают.

— Тебе помочь донести?

— Не надо, мне не тяжело.

— Зато можешь снова врезаться, — Камилла взяла ещё несколько поленьев, чтобы из-за них стала видна голова Эрланна. — Не вредничай, я от этого не развалюсь. Или так не хочется в мастерскую пускаться?

— Ладно, — Мастер вздохнул, — пошли. Но неси осторожно. На ноги себе не урони.

Довольная собой, Камилла пошла следом. Она пыталась представить, что же её ждёт. Что может делать такой человек, как Эрланн? Какие-нибудь ложки-плошки? Кормушки? Лошадок и солдатиков? Постепенно предположения становились всё более странными и фантастическими, на невероятной скорости отдаляясь от реальности. Когда они остановились перед дверью, Ками уже успела представить детально проработанный макет замка в пару человеческих ростов, вокруг которого ходили фантастические чудища.

Но нет, она не угадала. За дверью не было ни чудищ, ни замков. То тут, то там валялась деревянная стружка, куски дерева, на столе, который сразу привлёк внимание, в полнейшем хаосе были разбросаны инструменты, стояли баночки с краской, из стакана торчали кисти разных размеров. А где только можно сидели куклы. Милovidные, в нарядных платьицах и довольно умело сделанные. Такого Камилла и не предполагала. А после она заметила сидевшую на заваленном тканью диванчике Гленду, которая шила, а перед ней на столике лежала открытая книга. Наверное, та, что была утром найдена в библиотеке.

«И снова она», — промелькнула в голове мысль.

Гленда подняла голову и приветливо улыбнулась, поприветствовав Эрланна и Камиллу, после чего вернулась к шитью. Тонкие пальчики умело обращались с иглой. Неудивительно, если предположить, что все прошлые наряды сшила тоже она.

— Так мы поэтому утром прошли мимо мастерской? — Камилла пристроила поленья к той кучке, которая была самой большой.

— Ну... — Мастер смущённо покосился в сторону. — В общем, да...

— Да ладно тебе! Это даже мило, что ты оказался кукольным. Хотя я этого даже не предполагала, — похлопав Эрла по плечу, Ками принялась расхаживать по мастерской и рассматривать кукол.

И чего тут стесняться? Кукольные мастера совсем не обязаны быть женщинами. Мастер ничего не ответил и, тоже пристроив поленья, уселся за стол, открывая краски и доставая кисточки.

— Я посижу с вами, ладно? — ещё не получив ответа, Камилла отодвинула часть ткани и пристроилась возле Гленды.

Эрланн, покосившись на неё, что-то буркнул и кивнул, беря недоделанную куклу. Восприняв ответ как положительный, Ками принялась наблюдать за работой хранительницы. Захотелось и самой чем-нибудь занять руки. Что-нибудь сшить. Немного

подумав, Камилла спросила, не нужна ли Гленде помощь. Та, отложив шитьё в сторону, взяла со стола другую книжку и, найдя нужную страницу, поинтересовалась, сможет ли Ками сшить и после украсить изображённый там фартук. После утвердительного ответа она нашла в творившемся беспорядке нужную ткань, на которую уже был перенесён чертёж, и указала на швейный набор, после вернувшись к тому, что должно было стать платьем.

В комнате повисло молчание, все были заняты своим делом. Судя по всему, для Гленды и Эрланна не переговариваться было совершенно нормально. Камилла чувствовала себя немного неловко, но старалась игнорировать это чувство, концентрируясь на работе. Сейчас было важно аккуратно вырезать все детали. И снова возник вопрос: что же связывало хранительницу и Мастера? Спрашивать или нет? И если да, то у кого? Хотя последнее можно назвать вопросом риторическим. Гленда выглядела более общительной, так что если обращаться, то к ней.

Закончив вырезать детали, Камилла вдела нитку в иголку и поудобнее устроилась на диване, то и дело косясь в сторону хранительницы. Как лучше начать? Спросить напрямую, или же пойти издалека? Нормально ли вообще задавать такие вопросы в лоб? С другой стороны, чем эти вопросы отличались от любых других?

— Слушай, Глен... — неуверенно начала Ками, следя за реакцией. Гленда вопросительно глянула, слегка склонив голову к плечу. — А ты, похоже, очень близка с Эрланном. Вас, эм... Что-то связывает?

— Да, — просто и легко ответила она. — Эрл — мой брат.

— Брат? — недоумённо переспросила Камилла. Только этим утром она отвергала то, что они могут оказаться родственниками. — То есть? Как Фрейя и Элеонора что ли? Ну, неродной...

— Нет-нет. Самый что ни на есть родной, — видя недоумение на лице Камиллы, Гленда поспешила продолжить: — Знаю-знаю, мы не похожи. Но это всё из-за проклятья. Раньше у нас всё же было что-то общее. Насколько это возможно, учитывая, что я всё же девочка. И что у нас лет восемь разница в возрасте.

— Стоп, а сколько тебе тогда лет? — Ками попыталась вычислить возраст, но вышло, что либо Эрл выглядит старше своих лет, либо Гленда — младше.

— Около четырнадцати. Можешь не говорить, знаю, что выгляжу лет на десять. Мне нормально.

Камилла застыла, переваривая информацию. И тут ей стало интересно, а сколько же лет остальным обитателям замка. Оказалось, что и близнецам, и близняшкам в районе шестнадцати — а ведь парни выглядели как минимум на пару лет старше девушек. Элеоноре семнадцать, Фрейе — двадцать. Мейлиру — девятнадцать, а Мейнир, по его же словам, должно быть где-то восемнадцать лет. Оказалось, что они с Камиллой ровесники. Эгиль же действительно был самым старшим — двадцать пять лет, хотя Ирмелин уступала лишь на два года. Что же, это всё лишний раз доказывало, что возраст — не показатель. Как и внешность.

В мастерской Ками пробыла до самого ужина, хотя разговор уже шёл в основном о куклах, шитье и о том, можно ли взять немного ткани и сшить что-нибудь себе. В городе-то всё равно придётся закупаться, а собственноручно сделанные вещи часто оказываются удобнее или же симпатичнее. Эрл в разговорах почти не участвовал, и нельзя было сказать, мешало ли ему женское щебетание, или же всё с этим было в порядке. Но недовольства он не высказывал, даже разрешил иногда заглядывать в мастерскую.

Во время ужина Мейлир сообщил сёстрам, чтобы утром те были готовы, так как в город они отправятся сразу после завтрака. А также перечислил, что именно лучше захватить с собой. В остальном в этот день более никаких происшествий не было, если не считать того, что Ирмелин отругала сестру, заметив, что она так и не начала уборку.

Глава 5: Пропажа

Прошло уже несколько дней с тех пор, как сёстры посетили город и, не без помощи хранителей, устроились на работу. Камилла — в швейное ателье, а Ирмелин — в пекарню. Обе хорошо ладили с тем, с чем связывались, так что не сказать, что от вынужденного обмана кто-то что-то терял. Прodelать всё честным путём возможности не было в любом случае — в небольшом городе сложно выдать себя за местных, а прочие населённые пункты находились на достаточном расстоянии, чтобы ежедневное путешествие из них сюда выглядело странно.

В замке за это время не произошло ничего, на что стоило бы обратить внимание. Каждое утро о чём-нибудь спорили Мейлир и Фрейя, хотя становилось понятно, что делают они это не из-за плохих отношений. Скорее напоминало традицию или привычку, которая зачастую забавляла окружающих. Иногда случались перепалки у Ирмелин и Эгиля, а вот услышать голос Мейнир так и не довелось. После завтрака сёстры, Мейлир и Элеонора уходили в город, вместе возвращались к ужину. Вообще-то, работа у них заканчивалась в разное время, но ходить в одиночку сёстрам пока не разрешали — стоило для начала убедиться, что те запомнили дорогу. После ужина, который проходил в довольно спокойной обстановке и обсуждениях того, как прошёл день, все расходились по комнатам. Никакие излишне любопытные Камиллы, и, тем более, достаточно разумные Ирмы, по коридорам ночами не ходили. Хотя кому-то очень хотелось.

Когда же появлялось свободное время, Камилла заглядывала в мастерскую и помогала Гленде, иногда ведя с той беседы. Эрл первое время косо посматривал в сторону «третьей лишней», но в итоге свыкся, что теперь делал кукол не только в компании сестры. Кстати, тема, почему именно их, до сих пор не поднималась. Ками, конечно, хотела спросить, но никак не решалась, чувствуя, что в личное лучше пока не лезть.

Наконец, настали выходные. Можно было не собираться утром впопыхах (кто-то ведь любит поспать) и посетить, наконец, библиотеку в поисках чего-нибудь интересного. Чем, собственно, и занялась Камилла после завтрака, предварительно немного повалявшись на диване — на неё вдруг напала тоска. В ворохе событий последних дней притупилась память о том, что именно привело сестёр в замок. А тут, непонятно из-за чего, вдруг вспомнилась мать. С её смерти прошло немногим больше недели, и потому воспоминания об этом до сих пор были довольно болезненными, тяжестью отдаваясь в груди. Но, к счастью, плохие мысли удалось побороть, хотя неприятный осадок остался.

По пути в библиотеку Ками поёжилась, когда проходила мимо портретов. Судя по всему, все изображённые на них люди когда-то проживали в замке, и от этого становилось ещё более неуютно. Ведь, похоже, умерли они также здесь. Сколько же смертей повидало это место? Сколько загубленных жизней на совести ведьмы? И кто же она такая? Возможно, что та женщина из сна, вот только понятнее от этой догадки не становилось. Лица у женщины не было, да и голос, кажется, вовсе не её был. Ведьма считалась хозяйкой замка, но откуда тот у неё? Возможно, ещё раньше, во времена, давность которых даже в голове не укладывалась, у замка были другие хозяева. И что же тогда случилось с ними? Чем дальше заходили мысли, тем больше появлялось вопросов.

Остановившись перед дверьми, Камилла ненадолго застыла, рассматривая морды. Странные жуткие звери, никогда и нигде не доводилось видеть подобных или хотя бы читать

о таких созданиях. Глаза-камни же завораживали, а встречавшиеся в них вкрапления напоминали о звёздном небе. Кажется, тот, на чьей совести оказалось оформление библиотеки, был равнодушен к этому самому небу.

Ками зашла в библиотеку и первым делом направилась не к полкам, а к глобусу. Хотелось получше его рассмотреть. Странность и необычность заключались не только в размерах, но ещё и в том, что особое внимание было уделено лесам. Жаль только, что не удавалось разобрать подписи — такого языка Камилла не знала. И всё же, странный выбор. В подобной библиотеке уместнее бы смотрелся обычный глобус, либо же глобус с созвездиями. Но никак не леса.

Ещё немного времени было уделено осмотру огромного шара, который, как оказалось, довольно легко крутился. Отойдя в сторону, Камилла, наконец, заметила, что не одна в библиотеке. На диванчике сидел Эрланн, который читал какую-то книгу. Довольно старую, судя по цвету страниц. С другой стороны, разве тут могут быть другие? Подойдя поближе, она заметила, что Мастер казался бледнее обычного. За завтраком Ками была слишком сонной, чтобы придать этому значение, а после не была уверена, а не показалось ли ей это? Нет, не показалось. К тому же, в этот раз удалось заприметить ещё и круги под глазами.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась она, проходя мимо и начиная рассматривать книги.

— Нормально, просто спалось плохо, — пробубнил в ответ Эрл, не отрываясь от книги. По тону было ясно, что на беседу он сейчас не настроен, так как старался сконцентрироваться на чтении.

Пожав плечами, Ками побрела вдоль книжных шкафов. Иногда она останавливалась, вытаскивала заинтересовавшую книгу и пролистывала ту. Про одну находку определённо стоило потом рассказать Ирмелин — то была книга, посвящённая гаданиям, которыми интересовалась старшая сестра. У неё даже была для этого особая колода карт, доставшаяся, кажется, ещё от бабушки. Или же нет... Никто точно не помнил, откуда взялись те карты, но они были дороги Ирме. А вот младшая в гаданиях не смыслила почти ничего, хотя честно пыталась понять.

Выбирать пришлось довольно долго. И не столько из-за того, что приходилось искать книги на нужном языке — их было довольно много. Выбор был большой, многое заинтересовало и теперь никак не удавалось решить, за что взяться в первую очередь. Разложив на столике несколько книг, Камилла закрыла глаза и наугад ткнула пальцем. Правда, при первой попытке попала в стол, но зато во второй раз ткнула в книгу о приключениях монаха и чародея. Довольно любопытный вариант, учитывая, что сторонники религии всегда хуже остальных смотрели на магов. Когда-то давно, когда власть церкви стояла выше всей прочей, была даже объявлена Великая охота, которую удалось пресечь, только ограничив власть церкви. В учебниках по истории почему-то очень мало говорилось об этом времени, а более подробную информацию найти было трудно.

Вернув остальные книги на их законные места, Камилла снова подошла к Эрлу. Тот отложил книгу в сторону и теперь сидел с прикрытыми глазами и откинув голову на спинку дивана. Немного подумав, Ками присела рядом. Надо было что-то сказать, но ничего путного на ум не шло, и потому она просто молча рассматривала Мастера. Он не был «застывшим» и отстранённым, как Мейнир или же бледным, как Гленда, и всё же было в его облике что-то мёртвое. Камилла хорошо помнила, как выглядят мертвецы, и от этой памяти у неё холодели руки.

«Интересно, а рога ему спать не мешают?» — подумала она вдруг, попытавшись представить, каково это вообще, жить с рогами. Это ведь лишний груз, лишние неудобства. Но с расспросами об этом Камилла решила повременить. Было ещё кое-что, её заинтересовавшее — плащ, который постоянно носил Эрланн. Ещё не было дня, когда бы он показался без плаща.

— Эм, Эрл, я тут спросить кое-что хотела... — Камилла в неуверенности почесала затылок. Эрланн нехотя открыл глаза и вопросительно взглянул на неё, тем самым как бы говоря продолжать. — Я понимаю, замок каменный, так что не сказала бы, что тут жарко. И всё же, не настолько ведь прохладно, чтобы вечно ходить в плаще.

— Мне нормально, — ответил тот, пожав плечами, и снова закрыл глаза.

Разговор рисковал зачахнуть, так толком и не начавшись. Непроизвольно постукивая ногтями по обложке книги, Камилла решила задать ещё один вопрос:

— А что это за ключи? Зачем они нужны?

Эрл молчал, кажется, размышляя, стоит ли вообще отвечать. Ками невольно задумалась, а не связаны ли с этим какие-то неприятные воспоминания? Может, стоит в принципе унять своё любопытство? Нет, это невозможно. Она напряжённо и выжидающе смотрела на Мастера, который всё также сидел с закрытыми глазами и никак не реагировал.

«Он там не уснул?» — подумалось Камилле, когда та осторожно коснулась кисти Эрланна, но тут же отдернула руку.

— Я подумала, что ты уснул... — пробормотала в оправдание она, стараясь избежать холодного взгляда непонятного цвета глаз.

— Я собирался с мыслями. И чего ты так дёргаешься?

— Я... Не думала, что ты так быстро среагируешь.

— Интересно, что бы ты предприняла, не будь с моей стороны никакой реакции? — Эрл хитро улыбнулся, тем самым вызвав у Камиллы желание чем-нибудь в него запустить.

— Растрясла бы. Нечего тут придумывать всякое! — воскликнула она, возмущённо хлопнув рукой по колену. — И не уходи от темы. Я тебе, между прочим, вопрос задала.

Мастер, улыбаясь, покачал головой и вздохнул. Реакция Камиллы его забавляла, хотя он и догадывался, что в некоторых случаях может на самом деле словить что-нибудь головой. Подушку уж точно, так как та не особо травмоопасна и вообще — классика.

— Не уйду я, не уйду. Начнём с того, что, как я предполагаю, плащ может быть неким... Мм... Атрибутом Управляющего. Я нашёл его в той комнате, в которой сейчас живу. Не знаю, почему, но плащ оказался прямо по размеру, и он прекрасно носится в любую погоду. Ясное дело, что без магии тут не обошлось, — покачав головой, Эрл начал перебирать те ключи, что находились на поясе, Камилла подалась чуть вперёд и начала их рассматривать. — Меня, конечно, тоже заинтересовало, что это за ключи и зачем они нужны. Как удалось выяснить, они от комнат. Не от всех, конечно, тогда бы их было гораздо больше. Один из них оказался от библиотеки, другой — от третьего яруса, ещё один бы от мастерской... Я уже точно и не вспомню, где какой, потому что оставил все те комнаты открытыми.

— А можно их потрогать? — спросила Камилла, потому что ей мало было только наблюдать.

Вместо ответа Эрланн кивнул, и Ками протянула к ключам руку. Они были цвета красного золота, холодные и немного тяжёлые. А ещё очень уж простые — в представлении Камиллы ключи от замковых комнат должны соответствовать им и представлять собой что-

то красивое и дорогое, сделанное настоящими ювелирными мастерами. Хотя, конечно, это просто фантазии.

— И не тяжело постоянно таскать их? Не пробовал где-нибудь оставить?

— Не тяжело. Правда, сначала меня раздражал их звон, но теперь привык. А оставить пытался, вот только, — он усмехнулся, — совесть не позволяла. Или что-то вроде того, сам не знаю.

Камилла хотела спросить что-нибудь ещё, раз уж Эрл разговорился, но тут двери в библиотеку распахнулись, и в помещение вбежали Сюзанна и Фрейя. Выглядели они обеспокоенными и как-то напряжённо осматривались, словно что-то искали. Через мгновение Фрейя сорвалась с места и взбежала на второй ярус, оббежав который отрицательно покачала головой и с досады пнула стол, ворча под нос:

— Куда только делась эта малявка? Не ребёнок, а сплошная проблема!

— Пожалуйста, Фрейя, не надо беситься. Подыши же и успокойся немного, — пробормотала Сюзанна, подходя к тем, чью беседу прервало их появление. — Скажите, не забегала ли Дикра сюда?

— Нет, а что случилось? — напряжённо ответил Мастер, нахмурившись.

— Да пропала эта заноза! — Фрейя ударила кулаком по столу. — Весь замок оббежали — нигде нет! Вот же дрянь проблемная...

— Не ругайся так, ты ведь знаешь: не от неё зависит это, не её в этом вина. Осколок действия диктует, поступать заставляет так.

— Да плевать я хотела на эту осколочную бредятину! — хранительница топнула ногой и грязно выругалась, вызвав тем самым неодобрительные взгляды со стороны присутствующих, на что ей было более чем всё равно. — Своя голова ей для чего дана? Воля тут напрочь только у Мейнир отсутствует. Задрали уже, нечего всю хрень на осколки скидывать.

Понаблюдав за разговором и немного поразмыслив, Камилла отложила книгу в сторону и поднялась с дивана. То же сделал и Эрланн, придя к аналогичному решению.

— Сейчас лучше не кипятиться, а вместе искать пойти. Вы точно всё осмотрели? — спросили они одновременно.

Пока Фрейя с горем пополам успокаивалась, Сюзанна перечислила, какие места ещё не были осмотрены. Было решено разделиться: Сью и Эрл проверяли оставшуюся часть замка, а Ками и Фрейя отправлялись смотреть на улице. После они договорились встретиться у входа. Если удастся отыскать Дикру, то вместе с той. Проблем, конечно, добавлял тот факт, что юная хранительница была той ещё непоседой, и явно не стала бы сидеть где-нибудь в одном месте. Да и вообще не стала бы сидеть, потому что сидящей её видели довольно редко и, в основном, во время еды.

Исходя из этого, несложно догадаться, что довольно продолжительные поиски никаких результатов не принесли. Что замок, что сад были осмотрены не по одному разу, с учётом кустов, шкафов и пространства под кроватями; обнаруженные в саду близнецы, Эгиль и Ирмелин, чью оживлённую беседу пришлось прервать, тоже с Дикрой не сталкивались и понятия не имели, куда та могла пойти. Фрейя уже не стеснялась в выражениях (из-за чего Эрлу пришлось закрыть Гленде уши), матерясь не хуже деревенских пьяниц, когда, собравшись у входа, все обсуждали факт пропажи хранительницы и что теперь с этим делать, где ещё смотреть, и почему вдруг так случилось. Дикра ведь не любила оставаться одна и потому часто мельтешила у кого-нибудь перед глазами, и таким образом почти всегда

оставалась на виду.

Отошедшие в сторону сёстры заметили Мейнир, которая стояла около фонтана и смотрела на блестящие в свете солнца брызги. Кажется, ту вообще ничего не волновало. Точнее, почему кажется? Так и было. Мейнир словно пребывала где-то в своём мире, где не было и намёка на проблемы мира реального, где всё было спокойно, размеренно и очень грустно.

— Эй, Мейнир, — Камилла подбежала к фонтану и для верности тронула хранительницу за плечо, привлекая к себе внимание. Реакции не последовало, чего и следовало ожидать. — Ты не видела Дикру? Мы нигде не можем её найти.

Хранительница медленно развернулась. Со странной грустью во взгляде — единственная эмоция, которую вообще можно было увидеть — посмотрела на Камиллу, слегка наклонив голову к плечу. Кажется, она о чём-то размышляла или же вспоминала, но нельзя было с уверенностью заявить об этом. Потом так же медленно Мейнир посмотрела в сторону ворот и указала на них пальцем, но, когда у неё уточнили, ушла ли Дикра в лес, снова обратила своё внимание на фонтан. Наверное, это означало «да».

Предчувствуя, что ничего хорошего эта новость не принесёт, сёстры неуверенно подошли к остальным и переглянулись, после чего на пару шагов отделились от Фрейи. Не то, чтобы её боялись, но на поясе у смуглянки красовались ножны, и никто не мог гарантировать, что сгоряча она не схватится за их содержимое. Камилла судорожно схватила сестру за край кофты — она часто так делала, когда надо было что-то сказать, но неожиданно становилась боязно. Ирма сразу поняла, что говорить придётся ей, но для начала не помешало бы, чтобы остальные замолчали.

— Кхм... — она несколько раз хлопнула в ладоши. Это подействовало. — Мы спросили у Мейнир. И, если исходить из её ответа, Дикра ушла в лес.

Послышался вскрик заломившей руки и побледневшей Сюзанны. Она до последнего надеялась, что сестра где-то на территории замка, что ей не взбрело в голову выйти за ограду. Лес сам по себе место небезопасное, а для ребёнка тем более. Хранительница начала что-то судорожно бормотать, и Эрланну на пару с Глендой пришлось переключить внимание на неё в попытках успокоить. Близнецы и сёстры растерянно молчали, а Эгиль задумчиво смотрел в сторону леса, качая головой.

— Паника паникой, но лучше отправиться на поиски прямо сейчас, — вдруг сказал он, переведя взгляд на Фрейю. Благодаря охоте они хорошо знали лес и потому могли ходить туда без лишних опасений. Фрейя кивнула, кладя руку на эфес меча, будто проверяя его наличие.

— М-мы с вами! — воскликнула Камилла, догоняя направлявшихся к воротам хранителей.

Эгиль молча посмотрел сначала на Ками, потом на Ирму, что-то пробормотал себе под нос. После, подумав, дал согласие, но с тем условием, что сёстры не будут отставать ни на шаг и смотреть по сторонам во все глаза. Всё же вчетвером больше шанс что-то заметить, а больше взять с собой некого — Гленда слишком мелкая, да и брат её не отпустит, близнецы пусть тоже в замке сидят, Сьюзи почти в припадочном состоянии, Эрл не может покидать территорию замка, а от Мейнир не будет никакого толку. Хотя это не отменяло факта, что сёстры были самыми уязвимыми, но, наверное, убережёт всего лишь двух человек не станет проблемой.

Несмотря на погоду, лес был почти таким же мрачным и неприветливым, как и во время

дождя, но сейчас в нём было больше звуков. Лес казался более обитаемым. Вот только спокойнее от этого почему-то не становилось. Действительно уверенно в лесах могли ощущать себя только ведьмы — их основное отличие от прочих магов было именно в том, что они понимали лес, его обитателей, могли общаться с ними, могли помочь, а те, взамен, оберегали. Именно поэтому леса, особенно дремучие, издавна считались ведьминскими убежищами. Редко когда люди решались заходить в самую чащу, особенно если по округе ходили соответствующие слухи.

Однако почему ведьм боялись? Да, ещё одной их особенностью был талант к разного рода проклятьям, но в остальном своём они мало отличались от обычных женщин. Даже внешние отличия зачастую были меньше, чем у прочих магов. Но всё равно были, магия не могла не вносить в организм видимых изменений. Наверное, боялись по старой памяти, когда церковь из всех врагов, из всех магов, выделяла именно ведьм, как особо мерзких и злобных созданий. Необоснованно, глупо, но люди верили. А те, кто думали иначе, ничего не могли поделать, рискуя погибнуть зря. Но снова же, информации о тех временах, об истоках этого страха, о том, как всё же так получилось, что не погубили всех ведьм, было мало.

А четвёрка ищущих заходила всё глубже. Впереди довольно уверенно шагала Фрейя, иногда оставляя зарубки на деревьях и сверяясь с какими-то давно знакомыми ориентирами. Замыкающим был Эгиль, который почему-то вскоре начал постоянно оглядываться назад. Сёстры же, как и пообещали, смотрели по сторонам, пытаясь заметить хоть что-то. И желательно, чтобы этим хоть чем-то была Дикра, а не какой-нибудь дикий зверь. Но не было вообще никого, и непонятно, радоваться по этому поводу или печалиться.

И они всё шли, шли и шли. И всё непонятнее становилось, как вообще возможно ориентироваться в этом лесу — всё казалось таким же похожим, как коридоры замка. Слишком похожим. Больше всего это напрягло Эгиля, который попросил остальных остановиться и подошёл к дереву, на котором уже красовалась зарубка. Потом он наклонился к пню, от которого был отбит гриб. Им же.

Хранитель нахмурился и выпрямился. Вывод был только один, но он напрягал и вот совсем не радовал. Как такое произошло? Уж в чём в чём, а в умении Фрейи ориентироваться в пространстве, сомневаться не приходилось. Как и в своём собственном, а он бы понял, будь что не так. Эгиль вздохнул и с напряжённым выражением на лице покачал головой.

— Мы заблудились.

Сказал как отрезал. Бедному пню пришлось познакомиться с тяжёлым фрейиным сапогом. Камилла вздрогнула, невольно сжав кулаки, а Ирмелин нахмурилась, вопросительно посмотрев на хранителя. Судя по виду, тот собирался сказать что-то ещё.

— Но у меня есть одна мысль, что можно с этим сделать. Но знайте, изначально я так поступать не хотел.

Глава 6: Кто ищет, тот всегда найдёт

Все в ожидании смотрели на Эгиля, который не спешил рассказывать о своём замысле. Он будто бы всё ещё размышлял, задумчиво разглядывая ветки деревьев, мох на коре, тихо падавший засохший лист, подхваченный поднявшимся ветром. Всё вокруг зашумело, зашелестело, однако никто так и не проронил ни слова. Вдруг Фрейя, которая, кажется, что-то поняла, глянула на хранителя, как на сумасшедшего.

— Если это то, о чём я подумала, то ты идиот! — воскликнула она.

— Если ты меня так называешь, то, полагаю, подумала верно, — усмехнулся Эгиль, отходя чуть в сторону.

— Ты считаешь, что это сработает? Что другого способа нет?

— Я считаю, что мы должны вернуться назад. Вместе с Дикрой. И если нет других вариантов, то, — он закатал рукав чёрной рубашки и положил ладонь на ствол дерева, — именно так я и поступлю.

— А ты вообще пытался найти другие варианты?!

— Нельзя ли объяснить, о чём речь? — раздражённо перебила Ирмелин, которой надоело ничего не понимать.

— Он хочет воздействовать на большую территорию своей силой. Дурак! То, что ты старший, не значит ни-че-го, — Фрейя схватила хранителя за запястье, крепко сжав то, и посмотрела в глаза. Они были настолько чёрные, что невозможно было даже разглядеть зрачок. — Для тебя так же, как и для всех нас, вредно в таких масштабах задействовать способности! И вообще! Ладно, я. Что мне твои страхи? А о них, — она указала на сестёр, — ты подумал? Они — люди, на них твои выкрутасы могут повлиять сильнее.

— Фрейя, будь добра, отпусти. Я прекрасно осознаю, что делаю.

— А чем это вообще может помочь? — уточнила Ирма, не улавливая связь между страхами и поиском. Напугав, можно кого-то отогнать и, тем самым, потерять, а вот о том, как таким образом найти, представлений не было.

— Скорее всего, — Эгиль всё же смог высвободить руку и теперь потирал запястье — Фрейя как всегда плохо контролировала силу, — причиной того, что мы заплутали, стали способности Дикры — она способна дезориентировать. Вряд ли она ушла очень далеко, так что, скорее всего, мне удастся её задеть. Если достаточно напугать Дикру, способность перестанет действовать. И, возможно, мы её услышим.

— Да, но это всё равно слишком неразумно. Сильнее всего ведь воздействие будет возле тебя!

— Именно поэтому тебе лучше отойти с ними в сторону и хоть чем-то помочь.

— Мои силы так не работают. Знали бы, взяли бы с собой Гленду, — Фрейя раздражённо сплюнула.

— Гленда нужна там, Сюзанну больше никто не успокоит. А ты попытайся что-нибудь придумать, чтобы никто не вернулся седым.

Старшие ещё некоторое время что-то выясняли, тогда как стоявшая в стороне Камилла с интересом рассматривала руку хранителя, который снова дотронулся до дерева. Сквозь тонкую кожу просвечивали вены, которые почему-то начали чернеть. День был довольно тёплым, однако по коже поползли мурашки, стало до жути неуютно, где-то на задворках сознания зашевелился страх. В глазах потемнело, становилось всё сложнее воспринимать

реальность, руки резко похолодели, а дыхание сбилось. Чувство, подобное тому, что довелось испытать в первую ночь, но только в разы сильнее. Тогда она понимала хоть что-то. Тогда в голове ещё были какие-то осознанные мысли. Сейчас — ничего. Одно лишь чувство, полностью охватившее и тело, и разум. Страшный гул поднялся в ушах, сквозь него можно было различить голоса. Кто-то звал, умолял, проклинал, угрожал... Но всё это заглушил крик, полный ужаса.

Камилла и сама бы закричала, но голос исчез. Она бы упала на землю, сжалась, обхватив себя руками, но застыла, подобно статуе. Взгляд, направленный в пустоту, потерял всякую осмысленность, зрачок расширился настолько, что, кажется полностью поглотил радужку. Глаза покраснели из-за лопнувших сосудов. На лбу проступила испарина. Ногти так сильно впились в ладони, что, кажется, готовы были их пропороть.

— Приказываю! — крик с трудом прорывался сквозь шум. — Не бойтесь! Я приказываю не бояться!

Шум затих. Странно, но, кажется, из-за этого крика стало ненамного, но всё же не так страшно. Вернулся голос разума, упорно твердивший, что причин бояться нет. Что всё это лишь наваждение, а на самом деле всё хорошо, всё спокойно. Кто-то осторожно гладил по голове, и от этого также становилось легче.

Фрейя и сёстры сидели на земле в нескольких метрах от Эгиля. Хранительница не успела, среагировала с запозданием, из-за чего девушек пришлось буквально оттаскивать в сторону, усаживать и, обхватив, прижав к себе, пытаться дозваться. Способность подчинять не особо пригодна для того, чтобы отгонять страх, и всё же, кажется, что-то из этого получилось. К сожалению, умение поднимать дух сейчас было почти бесполезно — в подобных условиях надо затратить действительно много сил, чтобы сработало, чтобы достучаться.

Глядя сестёр по волосам, Фрейя смотрела на хранителя. Её тоже трясло от страха, но рассудок сохранять удавалось — позволяла сила воли, даваемая осколком. Поддаться страху, значит проиграть. А это недопустимо. И всё же оставаться совершенно спокойной не получалось. Фрейя пыталась не думать о том, что же будет, если в этот момент находиться возле Эгиля. Он и сам выглядел пугающе: всё тело было покрыто переплетениями чёрных линий, звезда, искривлённая, жуткая, расползлась на половину лица, а лучи её напоминали щупальца. Ставшие длиннее волосы, которые сейчас ещё больше напоминали водоросли, шевелились. Рука изменилась, стала костлявее, а кожу пропороли мелкие шипы, удлинившиеся искривившиеся пальцы оканчивались тёмными когтями, пронзившими кору дерева. Само дерево почернело, и без того не выглядевшее полным жизни, оно будто начало засыхать. Воздух вокруг хранителя дрожал и, казалось, даже становился темнее.

В такие моменты становилось понятно, почему люди боялись магов. Да, хранители ими не являлись, но внешне изменялись точно так же. Чем больше у мага сил, тем меньше в нём человеческих черт. Но истинно сильные маги, чьи возможности даже представить сложно, исчезли давно. Кажется, ещё до начала охоты. Но некоторые предполагали, что те маги живы до сих пор, просто никто не знал, что это они. Из-за внешности. Кто-то считал, что маги прошлого — чудовища, с которыми приходится сталкиваться в настоящем, так как из-за силы они обезумели, а после ослабли, но вернуть себе нормальный облик не смогли. Как бы то ни было, но всё же некоторые людские страхи были вполне обоснованными.

И всё закончилось. Так же неожиданно, как и началось. Просто в какой-то момент стало легче дышать, исчезла дрожь, становились яснее мысли. Но Фрейя продолжала сидеть

на земле, руками закрывая сёстрам глаза. Эгиль не просил об этом и всё же благодарно кивнул. Пытаясь выровнять дыхание, опершись на ствол спиной, он ловил ртом воздух и ждал, когда тело восстановится. Ноги не держали, а потому, в конечном счёте, он осел. Со стороны, в отдалении, был слышен детский плач.

— Поторопитесь и... Найдите её... — хрипло проговорил Эгиль, прикрыв глаза.

Ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Какую площадь он только что охватил? Не хотелось и вспоминать об этом. Сердце неровно и бешено колотилось, как после долгого быстрого бега. Посмотрев на свою руку, которая слабо подрагивала, хранитель усмехнулся. На месте шипов красовались свежие ранки. Но они наверняка скоро пройдут, а пока стоило снова скрыть руки рукавами.

— Фрей, одолжишь меч? Я не Мейлир, чтобы с такими патлами ходить. — Эгиль попытался сдуть чёлку с лица, но, конечно, ничего у него не вышло.

— Нож держи, пока без головы не остался, — проворчала уже поднявшаяся с земли Фрейя, доставая из сапога нож и протягивая его. — Сиди здесь, а мы пойдём.

— Я останусь!

Обернувшись, Фрейя вопросительно посмотрела на Ирму, которая с трудом поднялась на ноги. И то, похоже, благодаря Камилле. Что старшая, что младшая — сёстры выглядели не очень хорошо, но, похоже, последняя отходила быстрее. По крайней мере, движения были более уверенными и на ногах стояла крепче.

— Не думаю, что далеко пройду. К тому же, я бы не решилась оставить его сейчас одного, — Ирмелин кивнула в сторону Эгиля, который уже обрезал волосы до прежней длины и теперь сидел, прикрыв глаза, всё ещё частично покрытый тёмными линиями.

Немного подумав, Фрейя кивнула и, схватив Камиллу за руку, поспешила на плач. Очень хотелось надеяться, что Дикра — а плакала явно она — не вздумает побежать куда-то, а ещё, что дитём не заинтересуется кто-то из местного зверья. Хотя животным сейчас явно не до этого — они тоже отходили от прошедшей по лесу волне страха. Было интересно, не дошла ли та до замка, где все и так нервные. Если поймут, что что-то заставило Эгиля потратить столько сил, точно места себе находить не будут.

Ирмелин проводила взглядом сестру и, подойдя к Эгилю, присела рядом. Подняв с земли оставленный хранительницей нож, принялась рассматривать тот. Довольно умелая работа. Но выполненная явно для себя и не для того, чтобы потом этим красоваться. Вообще, сложно было представить Фрейю, которая хвастается какой-то безделушкой. Слишком мелко для неё, та если и будет хвастаться, то чем-нибудь покрупнее, позначительнее. Собственноручно сделанным мечом, например. Или убитым в одиночку медведем. Нет, о последнем слышать ещё не доводилось, но в плане физической силы Фрейя превосходила всех в замке: она спокойно могла одна, например, устроить полную перестановку в комнате. И именно поэтому попасть под горячую руку не хотел никто.

Снова поднялся ветер, срывая листья с пострадавшего от магии дерева. Распушенные волосы тут же принялись с особой наглостью лезть в рот — кто ж знал, что придётся в лес выбираться. А причёски в свободное время Ирмелин делать не любила, ей почему-то казалось, что волосы от этого становились только тяжелее. Посмотрев на хранителя, Ирма подалась чуть вперёд и поправила ему чёлку, но случайно задела всё ещё не принявшую исходный вид звезду. По пальцам словно током ударило, заставив отдёрнуть руку.

— Одни проблемы от вашей магии... — проворчала, дую на пальцы. — Как ты себя хоть чувствуешь?

Эгиль насмешливо взглянул на собеседницу из-под полуприкрытых век и криво ухмыльнулся. Как он себя чувствует? Можно подумать, что по нему не видно. Вопрос можно было бы принять за издёвку, если бы не вполне себе взволнованный тон и обеспокоенное выражение лица.

— Даже не надейся, жить буду. Я так просто не загнусь, — хранитель засмеялся, но смех этот был хриплым, больше напоминавшим кашель.

— Не ёрничай, — с укоризной ответила Ирмелин, наблюдая за тем, как исчезли последние тёмные линии.

Только однажды она наблюдала вблизи, как творят довольно сильные чары, и как это отражается на колдующем. Её тогда привели к ведьме-целительнице, жившей в их родном городке. Кажется, было что-то серьёзное, с чем не мог справиться обычный врач, однако в памяти почти ничего не осталось, ведь прошло около двадцати лет. Только две вещи вспоминались и по сей день: странная внешность женщины, чью кожу покрывали пятна из красной чешуи, а около висков торчали перья, и то, что её звали Изольдой. В честь королевы, память о которой хранили только лишь ведьмы, благодарные за своё спасение.

Вздохнув, Ирма потыкала ножом валявшийся на земле кусок коры. Жутко от этого всего становилось. От этой силы, что превращала людей в чудовищ. И от того, во что они вязались, попав в замок. Но если верить истории, то выбора не было: они бы в любом случае пришли в это место, ибо они — такая же деталь механизма, именуемого проклятьем, как и хранители, как и Мастер. А проклятья — штука сложная, их не разрушить, если чего-то не хватает.

— И не боишься ты? — вдруг спросил Эгиль, всматриваясь в клочки неба, что проглядывали сквозь переплетение ветвей.

— Чего? — Ирмелин отвлеклась от издевательств над корой и тоже посмотрела наверх, но не нашла там ничего интересного.

— Осталась наедине с хранителем страха, отпустила сестру со странной вспыльчивой девицей. Мало ли, вдруг тот плач — обман? — тонкие губы снова искривились в ухмылке.

— Даже будь у тебя повод, ты бы ничего мне сейчас сделать не смог — не переоценивай себя. Фрейе я доверяю, она действительно беспокоится об остальных и уж если применяет силу, то на окружающих объектах. К тому же, это в общих интересах, чтобы все были живы. Мы все в одной лодке.

— В лодке с пробоиной, — Эгиль засмеялся, а после снова прикрыл глаза. Колдуя, он не мигал, так что те пересохли и теперь болели.

— Со змейй. Среди жертв ведь всегда была змея, — грустно усмехнулась Ирмелин.

Прошло не так уж много времени: минут пять, может, семь, как послышались шаги. Хранитель и Ирма поднялись на ноги и обернулись к источнику звука. Вскоре показались Фрейя, ведущая за руку Дикру, лицо у которой было заплаканным, и шедшая немного позади Камилла. Как только они подошли, Эгиль схватил малышку за ухо и принялся отчитывать, обещая в следующий раз за подобную выходку наслать кошмары. Как ни странно, Дикра не вырывалась, не буянила, не плакала. Только лишь спокойно выслушивала всё, понуриив голову.

Ирмелин долго терпеть подобную картину не смогла, взмутившись жестокому обращению с ребёнком. Собственно говоря, споры на тему того, как надо воспитывать детей, что делать можно, что нельзя и всё остальное в этом духе, продолжались чуть ли не до самого замка. Каждый придерживался своей точки зрения, опираясь на собственный опыт. И

уступить, как обычно, не желал никто.

Сапоги Фрейи довольно громко стучали по плитке, так что сидевшая на краю фонтана Сьюзи сразу обратила внимание на вернувшихся. Заметив сестру, она радостно вскрикнула, вскочила и побежала навстречу, тут же заключив Дикру в объятия. На визг Сюзанны из замка вышел Эрланн. Оглядев всех, он облегчённо выдохнул: никто не пропал и не пострадал, большего и желать не приходилось. Спустившись, он подошёл к Эгилю и положил тому на плечо руку, вопросительно кивнув. Хранитель поджал губы, а после покачал головой, убирая руку. Он сам как-нибудь со всем справится, без посторонней помощи. Помощь нужнее детям.

— Дикра, дорогая, зачем ты ушла? Что в лес вдруг тебя потянуло? — спросила, наконец, Сюзанна то, что её беспокоило.

— Я... Не знаю. Не помню. Я шла к тебе, а потом... Не знаю, что было потом. Я только почувствовала, как мне стало очень-очень стлашно. Я была в лесу. Одна. Потом было не так стлашно. А потом появились Флейя и Ками.

Эрл, услышав эти слова, нахмурился, однако промолчал. Эгиль что-то пробубнил себе под нос и направился в замок, проходя мимо близняшек, он как бы невзначай несильно тяпнул Дикру за «крылышко» на голове. Та взвизгнула, отпуская сестру, и с видом величайшего возмущения показала удалявшемуся хранителю язык.

— Больше так не делай, сестрёнка. Я от беспокойства вся извелась.

— Если от меня будет что-то зависеть, — Дикра пожалала плечами, а после поморщилась. — Сьюзи, — недовольно протянула она, нагоняя сестру, которая тоже пошла к замку. Сюзанна обернулась и приподняла брови в немом вопросе. — У меня спина чешется... — капризным тоном пожаловалась она в попытках нормально достать до спины.

— Всё пройдёт, милая. Потерпи, — ответила она успокаивающе, и сама невольно повела плечами. Не спроста это, не спроста.

Сёстры некоторое время стояли, смотря на фонтан, после чего Камилла неожиданно хлопнула себя по лбу и побежала, крикнув, что должна заглянуть в библиотеку. Из-за случая с Дикрой она оставила там книгу и чуть не позабыла о той. Зря что ли тратила время на то, чтобы найти и выбрать?

Книга оказалась там же, где Ками её оставила. Подняв её с дивана, она растерянно провела рукой по волосам. Послышался звон. Дёрнувшись, Камилла заозиралась. Нет, всё на месте, всё в порядке. Может, это она что-то уронила? Рука сама собой потянулась к ушам. И точно, в левом ухе не хватало серьги. Отложив книгу в сторону, Камилла опустилась на колени, принявшись осматривать пол. Очень хотелось надеяться, что серьга не в лесу потерялась. Не то, чтобы это было что-то очень важное и памятное, но жалко терять хорошие вещи. А хорошие и вполне дорогие вещи — тем более.

Найдя-таки серьгу, Камилла заметила, что под диван завалилось что-то ещё. Пришлось немного помучиться, чтобы то самое что-то достать. Это оказался ключ. Небольшой, неприметный, похожий на те, что были на плаще у Эрланна. Только темнее и ещё более невзрачный. Подумав о том, что надо бы не забыть и отдать находку, Ками убрала ключ в карман, поднялась с пола и, прихватив книгу, вышла из библиотеки. На этот день, пожалуй, потерь и поисков достаточно, так что лучше посидеть до ужина в комнате, почитать. А там уже встретиться и отдать.

Вспомнилось, как они шли на плач. Фрейя выглядела очень обеспокоенной, постоянно рискуя сорваться на бег. Но вовремя вспоминала, что если бежать, то можно снова

заблудиться и ещё сильнее. А Камилла волновалась ещё и из-за сестры. Добровольно остаться наедине с таким жутким типом... Да, конечно, после той ночи Эгиль не давал видимый поводов, чтобы его бояться, но даже двух «страхотерапий» хватало, чтобы не гореть желанием лишней раз находиться рядом. Тем более, после того, что случилось. Камиллу до сих пор немного потряхивало, а от воспоминаний мурашки пробегали вдоль позвоночника.

Но ведь Ирмелин старше, умнее. Если она решила остаться, значит, не так уж это и опасно. К тому же, ей действительно стоило отдохнуть. Оставалось верить в лучшее. А Дикру найти большого труда не составило — она сидела возле упавшего дерева и размазывала по лицу слёзы вперемешку с грязью. Пришлось потратить некоторое время на то, чтобы более-менее успокоить малышку и оттереть ей лицо: всё же, ни у Камиллы, ни у Фрейи не было опыта в утешении плачущих детей. Одна всегда была младшей, а другая понимала, что угрозами и приказами сейчас ничего не добьётся. Иначе же она действовать не умела.

Размышления и воспоминания зашли бы и дальше, если бы не послышавшийся впереди грохот, сопровождаемый звоном и вскриком. Тряхнув головой, Ками поспешила посмотреть, что произошло. На полу сидела Элеонора, испуганно смотревшая на осколки и растекающуюся по ковру лужу. Осколки, судя по всему, когда-то были вазой, в которой хранительница меняла воду. Камилла присела рядом, с беспокойством всматриваясь в лицо Элеоноры. Глаза у той уже блестели от слёз.

— Ну-ну, Нор, не надо плакать из-за какой-то вазы, — попыталась утешить Ками, отложив книгу и принявшись собирать осколки. — Разбилась — так что с того? Случается.

— Н-но... — голос хранительницы дрожал. Судорожно вздохнув, она протёрла рукавом глаза и тоже взялась за осколки. — Эта ваза очень нравилась М-мейлиру... Он будет злиться.

— Не такой уж он и изверг, зря ты так думаешь. Ты только осто... Поздно...

Элеонора тихо пискнула, неудачно схватившись сразу за несколько осколков, и теперь с виноватым и ещё более испуганным видом слизывала с пальца кровь. Иногда казалось, что эта миловидная девушка боится каждого шороха. Знать бы ещё, из-за чего. В замке все к ней относились хорошо. Да и относиться плохо было бы малость опасно — кое-кто очень доходчиво объяснит, почему так делать нехорошо. Получается, снова всему виной осколок?

Когда они уже собрали и выбросили то, что раньше называлось вазой, Элеонора хотела по-тихому куда-то уйти, но Камилла поймала её за руку и отрицательно покачала головой.

— Нет-нет, мы пойдём к Мейлиру.

— З-зачем? — прошептала хранительница, тут же как-то сжавшись.

— Руку твою ему покажем. Да и про вазу, по-хорошему, надо рассказать.

— А, может, н-не надо? Про вазу...

Укоризненно посмотрев на Нору, Камилла всё равно повела её к комнате Мейлира. Тот предпочитал находиться либо там, либо в гостиной. Собственно, в последней он и нашёлся. Привередливо рассматривал какой-то букет, стуча тростью. Элеонора снова попыталась сказать что-то против, но поворачивать назад было бы поздно.

— Кхм... Мейлир, — Камилла крепче сжала руку Норы, чтобы та перестала дёргаться. Хранитель неспешно обернулся и недоумённо посмотрел на девушек.

— Вам что-то нужно, дорогие? — поинтересовался он, вежливо улыбнувшись. Ками не доводилось встречаться с аристократами, но в её представлении какими-то такими они и были.

— Мы тут это, вазу разбили.

— Я! — неожиданно воскликнула Элеонора. — Я разбила! Прости, Мейлир, я знаю, она тебе очень нравилась. Я не хотела. Не специально... П-прости...

Мейлир вздохнул и взял Нору за руку, которую та прижимала к груди. Заметив порезы, он покачал головой и начал колдовать над ними, что-то шепча. Повреждения исчезали на глазах, слабо при этом светясь.

— Элеонора, скажи, неужели я так ужасен? Неужели ты думаешь, что я буду ругаться на тебя из-за вазы? Их тут много, и многие мне нравятся, однако зачем же мне психовать, случись что с одной из них? Но, прошу, будь в следующий раз осторожнее. Если вдруг снова порежешься — сразу иди ко мне. Вазы вазами, а вот за тебя я беспокоюсь.

Покраснев, Элеонора смущённо закивала и, высвободив руки, поспешила покинуть комнату. Хранитель только тихо засмеялся и вернулся к созерцанию букета, а Камилла пожала плечами да направилась к себе. К счастью, более в этот день ничего значимого не происходило, а за ужином даже никто не затеял очередной спор.

Глава 7: Пирожки — не повод забывать о времени

Стоя у двери, Камилла замялась, сильнее сжав пальцами края бумажного пакета. После ужина Ирмелин разрешила взять часть пирожков, которыми с ней поделились на работе, а Ками решила, что неплохо бы было угостить ими Эрланна. Однако теперь перед ней стояло два вопроса: а как вообще вышеупомянутый субъект относится к выше же упомянутой пище, и нормально ли это — вот так вот взять и прийти, не предупредив заранее? Ладно, если быть совсем откровенными, то Камиллу интересовал только первый вопрос, а вторым она задавалась исключительно ради приличия.

Поднесла руку к двери, задумалась, снова опустила. Растрепала ещё влажные после мытья волосы, нервно сжала край жилетки. В мастерской ей доводилось бывать часто, в комнате — лишь пару раз. Но, судя по всему, сейчас Мастер находился именно там. Переминаясь с ноги на ногу, Камилла раздумывала, постучаться или же бросить эту затею и пойти спать, чтобы хоть раз не торопиться утром, собираясь. С другой стороны, три «ха» второму варианту, всё равно пораньше не ляжет и хватит уже сомневаться.

Глубоко вдохнув, она постучалась. Послышавшееся из-за двери невнятное бормотание было воспринято как положительный ответ, так что Ками открыла дверь и зашла в комнату. Вообще, комната Управляющего состояла из двух помещений. Первое называли гостиной, просто потому что не знали, можно ли это обозвать как-то иначе, а второе, что логично, являлось спальней и, в целом, ничем особенно интересным они от прочих замковых помещений не отличались. На первый взгляд уж точно.

Эрланн и Гленда сидели на диване, хранительница держала в руках куклу — судя по всему, до этого она рассказывала, какую придумала для той историю. Гленда каждой кукле давала имя и о каждой что-нибудь сочиняла, считая, что те обидятся, если так и останутся просто красивыми оболочками. Переубедить малышку было сложно, да никто и не пытался. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось...

— О, Камилла! — отложив куклу, Гленда соскочила с дивана и подбежала, с любопытством посмотрев на пакет. — А что это у тебя? Вкусно пахнет.

Эрланн, кивнувший в знак приветствия, тоже выглядел заинтересованным, но не видел смысла что-то говорить по этому поводу.

— Ирма разрешила мне взять несколько пирожков. Я решила вас угостить, а то кто-то снова хмурый ходит... — Камилла покосилась на хозяина комнаты, который сделал вид, что совершенно не при чём. — Но, эм... Как вы к ним относитесь?

— Люблю! И даже очень. Если только в них лука не наложили... Но, судя по запаху, те, что ты принесла, сладкие. Я тогда схожу, посмотрю, остался ли ещё чай, — хранительница выбежала из комнаты, а Ками вопросительно посмотрела на Мастера. Тот так ничего и не ответил.

— Эй, угрюмая плесень, я вообще-то вопрос задала. А у тебя снова никакой реакции.

Ненадолго задумавшись, Эрл пожал плечами. Камилла резко выдохнула, пытаясь побороть раздражение и, положив пакет на столик, плюхнулась на диван, недовольно скрестив на груди руки. Ей очень хотелось открутить чью-то рогатую голову, когда её обладатель в своей многословности начинал уподобляться Мейнир. От последней, правда, до сих пор не довелось услышать ни одного слова. Но этому-то ничего не мешало нормально говорить!

— Между прочим, я мысли читать не умею. Так что ответь уже хоть что-нибудь.

— Что я могу ответить, если действительно не знаю, как относиться к этим самым пирожкам? Зачем вообще к ним как-то относиться?

— Но какие-то предпочтения у тебя ведь должны быть! Гленда, вон, много лука не любит. А ты?

— Не знаю я, — Эрланн отвернулся к окну. — Не помню.

— Можно подумать, что тебе память отшибло. Не помнит он... — пробубнила под нос Камилла и поднялась.

Обойдя комнату, она пришла к выводу, что одна из украшавших комод тарелок вполне подойдёт, чтобы выложить на неё содержимое пакета. Не найдя ничего лучше (точнее, решив, что занавески для этой цели явно не годятся), Ками протёрла посуду рукавом. Тарелка была красивой, с золотой каймой и рисунком, что напоминал мозаику, выполненную из разных оттенков синего цвета. Ценитель бы возмутился устроил целую лекцию на тему, почему нельзя есть из таких дорогих вещей, которые созданы непосредственно для декора и пополнения коллекций. Простому же человеку было всё равно, какого века этот фарфор (до сих пор без трещин — вот и отлично!), чья это работа, и почему она стоит больше, чем две пары новых добротных сапог, тем более что от обуви толку гораздо больше.

Многие вещи, увиденные в замке, казались пустым расточительством. Красота красотой, но зачем тратить на неё столько денег, если есть более дешёвые аналоги? Тем более что замок располагается в лесу. Вряд ли тут много гостей бывало, а зверьё не оценит того, сколько золота было затрачено на оформление этого места. Но, наверное, хозяевам было виднее, либо же у ведьмы был некий «синдром сороки».

— Неудачная из тебя аристократка, — ехидно заметил Эрланн, обратив внимание на выбранную тарелку.

— Ну, простите, мой отец был гончаром, а мама швейй работала — неоткуда аристократичности взяться. А замки я только на картинках видела.

— То есть, ты по её стопам пошла?

— Относительно, — Камилла пожалала плечами, раскладывая пирожки, — мама обучила меня шитью, а я решила заняться тем, что умею лучше всего.

— Докучать другим?

— Эй! — она развернулась и недовольно нахмурилась, встретившись взглядом с улыбающимся Эрлом. — Я, между прочим, не настолько надоедливая. А если сравнивать с Дикрой, то и вовсе совершенно спокойный человек.

— Я бы не выдержал второй Дикры, — усмехнулся Мастер. — Но если сравнить с Мейнир, то в тебе запрятано тридцать вулканов.

— В сравнении с ней даже некоторые мертвецы живыми покажутся...

За окном завывал ветер. Было пасмурно, из-за чего приходилось то и дело оглядываться на часы, чтобы отследить время заката. Почему-то в районе замка погода была особенно вредной и часто портилась, из-за чего даже в самый ясный день мог резко начаться ливень, да такой сильный, что вода, казалось, лилась сплошной стеной. Конечно, это всё затрагивало и лес, а вот до города добиралось редко. Городские же воспринимали лесную непогоду как дурной знак и боялись в этот день повстречать призрак одноглазой ведьмы, выбравшейся на поиск жертв. В дни гроз обязательно встречался хоть кто-то, кто бы утверждал, что видел ту самую женщину, которая заманивала в лес, что-то при этом обещая, либо угрожая...

Камилла присела на диван и взяла в руки куклу, именно для неё она помогала делать фартук. Его потом, правда, пришлось поправлять, так как в выкройке была допущена ошибка. Захотелось усмехнуться. Людям бояться было нечего, они просто тешили себя рассказами, скрашивали дни небылицами. Им ничего не угрожало, ведь замок уже очень давно жил своей жизнью, которая не затрагивала посторонних. Сюда ведь и до этого из-за непогоды забредали люди, но наутро, либо же когда всё стихало, спокойно уходили, разве что понервничав перед этим из-за пребывания в обществе магов. Тем, кому не предназначено стать частью тринадцати, нечего бояться, если только они не вздумают надеть глупостей и выйти на ночную прогулку. Как бы хотелось сейчас стать одной из тех «просто гостей», чтобы продолжить путь, добраться до родственников и продолжать жить той скучной, но спокойной жизнью, без всяких странностей, проклятий и клейма жертвы, которая в конце истории обязательно умирает. Но в то же время, хотелось помочь хранителям, Мастеру. Ведь у них тоже могла быть другая жизнь, нормальная, без риска быть захваченными какими-то осколками. Могла быть, да, если бы не ведьма. Если бы не ошибка первого Мастера, который отправился странствовать.

Вскоре вернулась Гленда с серебряным подносом в руках, на котором стояли три наполненных чашки. За чаем Камила завела разговор о том, что всё как-то подозрительно спокойно, за время жизни в замке она не заметила ничего действительно странного, кроме самих его обитателей, и разного рода шума, который иногда был ночью слышен из коридора. О ведьме так и вовсе не было ни слуху ни духу. То, что замок так просто не отпустит, она чувствовала, но вот всё остальное... Разве так и должно быть? К тому же, что именно они делают и должны делать, чтобы избавиться от проклятья? Если просто жить и ждать, от этого ничего не изменится. Обустроиться — это, конечно, хорошо, но толку?

Первой, после некоторых раздумий, ответила Гленда, пояснив, что для хранителей всё не так спокойно. Она и сама, особенно ночью, ощущала, как влияние осколка становилось сильнее. Что такое это самое влияние — объяснить сложно, просто появлялось ощущение — а иногда даже и его нет — что что-то начинало управлять телом и мыслями. Появлялось желание что-то сделать, а некоторые поступки и вовсе совершались бессознательно. Даже если это противоречило логике или характеру. Так, например, побег Дикры в лес явно был капризом осколка, который перехватил управление сознанием малышки. Детский разум был неустойчив и гораздо легче поддавался контролю, хотя ещё немало значила сила воли. Именно поэтому наиболее уязвимы Гленда, как самая младшая, Дикра, которую осколок делал ближе к ребёнку, и Мейнир, сила воли которой являлась созданием мифическим.

— Получается, безопаснее всего Эгилю и Фрейе? — заметила Камила, взяв ещё один пирожок.

— Именно, — Гленда согласно кивнула, — но в некотором смысле это просто отсрочка неизбежного, так как если бы они действительно могли подавить осколки, то и выглядели бы как люди. А тут, сама видишь, с обычным человеком не спутаешь.

После Эрланн добавил, что в одной из книг было упомянуто, будто бы ведьма никогда не проявляла себя сразу. Её дух спит, дожидаясь какого-то события, но оно либо нигде не упомянуто, либо упоминание не удалось найти. Разговор о книгах вызвал интерес у Ками. Столько разных языков — ведь невозможно знать все! Да что там, даже большую часть. С этим утверждением нельзя было поспорить, но Эрл заметил, что изначально знал только один язык, родной. Потом, листая некоторые книги, он понимал, что какие-то слова казались ему знакомыми, и некоторые языки удавалось понять. Возможно, ему передались

знания прошлых Управляющих. Очень выборочно передались, однако на понимание не родных языков всё равно уходило больше времени, да ещё и всегда возможны неточности при переводе. Где-то стол — это стол, а яблоко — это яблоко, в другом же языке этими же словами могли называть ещё десяток различных объектов, объединённых по какому-то одному, не всегда самому значительному, признаку. Словарей же в библиотеке, как оказалось, мало.

Отходя в ванную по своим делам, Камилла по возвращении обратила внимание на то, что Гленда очень встревожена. Заметив Камиллу, она подбежала и взяла её за руки, беспокойно заглянув в глаза.

— Ками, пожалуйста, останься тут! — выпалила она, крепче сжимая руки.

— Что?..

— Время. Мы совсем забыли про время! Осталось всего ничего, ты можешь не успеть дойти до комнаты. Может что-то случиться. Останься здесь. Не волнуйся, он ничего тебе не сделает, — протараторив это, хранительница выбежала из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Недоумённо посмотрев на дверь, Камилла развернулась и встретила взглядом с Мастером. Тот кивнул и указал на часы. Времени до захода солнца действительно осталось мало, и лучше, наверное, было послушаться и не рисковать. Нет, если очень поторопиться, можно успеть, но бежать по лестницам — идея не лучшая. Эрланн вздохнул и скрылся в спальне, а через несколько минут вернулся с рубахой, которую протянул Камилле.

— Иди в спальню, переодевайся и ложись. Если боишься, можешь дверь закрыть — она запирается только изнутри.

— Э... А ты? — всё ещё растерянно уточнила Камилла и, немного помедлив, всё же взяла рубаху.

— Я здесь лягу, на диване. Или ты про что? — Эрл, тем временем, полез в один из комодов за пледом.

— Ага. Ну, тогда, спокойной ночи?

— Спокойной.

Камилла прошла в спальню и прикрыла за собой дверь, однако запирать не стала. Она верила Эрланну, да и Гленда не стала бы врать, сказав, что волноваться не о чем. Присев на край кровати, посмотрела в окно. Небо немного прояснилось, и было видно, как догорали последние всполохи заката, уступая темноте. В её окна был виден разве что восход, но Камилла мало того, что постоянно его просыпала, так ещё и перед сном специально задёргивала шторы.

Рубаха оказалась велика, пришлось даже немного закатать рукава. Наверное, она была изъята из недр шкафа, потому что Эрлу тоже оказалась бы не по размеру. Сложив свои вещи на стуле, что располагался возле шкафа, Камилла забралась под одеяло и жестом, которому её обучили в первые дни жизни в замке, потушила свет.

Заснуть удалось быстро, но не прошло и часа, как пришлось проснуться из-за криков в коридоре. Ками поморщилась и попыталась спрятаться под одеялом, но это не помогло. Да уж, в её комнате шума явно было меньше, неудивительно, что Эрланн часто выглядел не выспавшимся. Рассматривая полог над кроватью, точнее, пытаясь хоть что-то углядеть в темноте, она вспоминала о том, как однажды Сюзанна поделилась предположениями, что крики эти принадлежали тем, кто в прошлом погиб в замке. Из-за обилия чар, оплетающих это место, мало кому удавалось найти покой, души были вынуждены невидимками скитаться

по замку, когда наступала ночь; лишённые облика и телесной оболочки, привлечь к себе внимание они могли только лишь криками, стонами, мольбами, которые невозможно разобрать. Ни в коем случае нельзя было внимать словам погибших, от этого можно сойти с ума, либо найти свою смерть, пополнив в итоге их ряды.

Перевернувшись на живот, Камилла закрыла голову подушкой, надеясь, что всё же удастся заснуть. Но нет, второй раз сон приходит отказываясь, как ни изворачивайся. В итоге, полежав ещё немного, Камилла встала с кровати и подошла к окну. Сейчас был виден только кусок звёздного неба, а ближе к утру, наверное, можно будет увидеть бледную луну.

С луной действительно было что-то не так, ибо с веками она становилась всё бледнее. Если верить тому, что говорили маги, луна — проводник, соединявший этот мир с другим. Днём она пропускала свет светила из другого мира, но это незаметно, так как перекрывается настоящим солнцем, а ночью видна Луна, что существует в том мире. Бледность же объяснялась тем, что связь между мирами слабела. Скорее всего, это происходило из-за того, что по другую сторону оставалось всё меньше магии. Говорили, что будущие поколения луну смогут увидеть только на картинках, а ночи для них станут заметно темнее. Было в этом, пожалуй, что-то печальное.

Надо было чем-то себя занять, но идти в гостиную — вариант плохой, не стоило будить Эрланна, он и так спал плохо. Да и глупо это, портить чужой сон, если свой ушёл в дальние странствия. Камилла забралась на подоконник, к счастью, тот был достаточно широким, и подобрала ноги. Дома, когда не спалось, она часто так делала. Но там иногда можно было понаблюдать за припозднившимися прохожими, тут же только лес, лес и ещё раз лес. Жуткое и шумящее чёрное море. Даже не так, трясина, которая с лёгкостью способна утянуть недостаточно осторожного путника.

Захотелось пить. Камилла помнила, что в гостиной был графин с водой, так что глупить и покидать комнату не пришлось. «Надо бы и у себя подобное сделать», — мысленно отметила она, чтобы с большой вероятностью потом забыть. Тихо прошмыгнув в гостиную, Ками заметила, что Эрл с головой накрылся пледом. Что же, ему виднее, как будет удобнее.

Она осторожно и почти бесшумно добралась до стоявшего возле зеркала графина, по пути с грацией пьяницы со стажем врезавшись сначала в кресло, а потом в ножку столика. Но, кажется, хозяина комнаты это совершенно не побеспокоило. Налив воды, Камилла со стаканом устроилась в кресле, стараясь отвлечься от криков. Утром, наверное, голова будет болеть, а ведь ещё на работу идти... Захотелось приложить к голове что-нибудь большое и крепкое, например, стену.

Камилла не сразу услышала странную помесь вскрика и стоны, не сразу поняла, что звук этот доносился не со стороны коридора, а из комнаты. Ещё немного времени потребовалось, чтобы понять, в чьей комнате она находилась и кому, судя по всему, стало дурно. Оставив стакан, она подбежала к дивану и сдёрнула покрывало. Не сразу заметив, что не так, Камилла увидела, что Эрланн одной рукой прикрывал голову, а другой так сильно вцепился в запястье, будто хотел либо разорвать его, либо оторвать кусок. Дышал он, к тому же, шумно, неровно и через рот.

Гуманное «потрясти за плечи» результатов не принесло, попытки хотя бы разжать руку тоже оказались тщетными. Калечить Мастера было нежелательным, так что Камилла просто крикнула ему что-то на ухо, сразу после этого отпрянув, и снова врезавшись в проклятый стол, чтобы не быть схваченной ошалевшим от крика Эрлом. Тот сидел, приложив к несчастному уху руку, и, кажется, пытался прийти в себя. В то же время, не похоже было, что

за нарушенный сон собирались ругать.

И вот теперь у Камиллы появилась возможность осознать, что же именно ей показалось неправильным. У Эрланна не было рогов. Совсем. Ни следа того, что они вообще были. Сложно было сказать в темноте, когда какие-либо цвета различались с трудом, но, похоже, волосы стали другого оттенка.

— Эрл, — удивлённо протянула Камилла, так и не удосужившись встать со стола, — а почему ты больше не баран?

— Потому что сейчас ночь, — устало выдохнул Эрланн, закутываясь в плед. — Ты же помнишь, что ночью я вообще не могу сдерживать силу хранителей? А не могу почему? Потому что отчасти снова становлюсь человеком. Сам не знаю, почему оно так. Может, дух засыпает...

Всё также кутаясь в плед, он поднялся и тоже налил себе воды. Камилла, тем временем, забрав свой стакан, перебралась на диван, устроившись так, чтобы ничего лишнего не оголялось. Ей тоже почему-то стало немного зябко, из-за чего пришлось сжаться. Эрл, вернувшись на место, заметил это и укрыл девушку частью пледа, а та благодарно кивнула.

— Скажи, а что тебе снилось? Просто... Судя по твоему виду, это было что-то действительно жуткое. Твоё запястье вообще цело?

— Жуткое — это да, — посмотрев на запястье, Эрланн хмыкнул. Были следы от ногтей, но не более. Хотя, наверное, потом и синяки появятся. — Во сне я был кем-то из прошлых Мастеров. Кто-то умирал у меня на руках. Кто-то важный мне, кто-то близкий. Было много крови, кажется, рядом валялась оторванная рука... — на этих словах Эрла передёрнуло, как и Камиллу, которая невольно представила описанную картину. — И был шум, много шума. Потом подошла ведьма. Наверное, ведьма. Я точно заметил болотного цвета волосы, а один глаз был скрыт. Она обратилась ко мне, но я не смог разобрать слов, а потом вырвала что-то из груди умирающего. Светящееся, полупрозрачное...

— Может, это был осколок?

— Наверное. Но не понимаю, зачем ведьме было убивать хранителя? По легенде ей не было в этом необходимости.

— Составители легенды всей правды знать не могли. Но, подожди, получается, осколки — совершенно материальные объекты? Я думала, это какие-то чары или вроде того.

Эрланн пожал плечами и задумался. Что такое осколки — тоже занятный вопрос, но найти на него однозначный ответ было проблемой.

— Не знаю, насколько в этом плане можно верить сну, а лично проверять, продырявив кому-нибудь грудь, у меня нет никакого желания. Хотя Мейлир утверждал, что при магическом обследовании в хранителе действительно можно найти инородный объект со странным фоном.

После услышанного, Камилла пришла к выводу, что о сне лучше более не говорить. Эта тема действительно была довольно неприятной, хотя и отчасти любопытной. Однако теперь вопрос возник у Эрла:

— Кстати, вы ведь до сих пор не рассказали, почему вообще забрели в лес. Может, поделишься своей историей?

Глава 8: А где же тогда правда?

В их истории не было ничего секретного, а потому Камилла согласилась ею поделиться, предварительно попросив немного времени, чтобы собраться с мыслями. Крутя в руках уже пустой стакан, она отрешённо смотрела куда-то вперёд, переводя взгляд с одного предмета на другой, но ни на чём долго не задерживаясь. В комнате было всё так же темно — никто не захотел включать свет, это испортило бы всю атмосферу. Вздохнув, Ками отставила стакан и обхватила себя руками.

— Не так давно мы похоронили маму, оставшись одни. Наш родной город, Лиоль, находился довольно близко к этому лесу. Не по соседству, конечно, там ещё какая-то деревня была, довольно крупная, а буквально на противоположной стороне леса живут мамины родственники. Идти напрямик гораздо быстрее, чем обходить, к тому же, как мы слышали, между многими населёнными пунктами не слишком хорошие дороги, — пояснила Камилла. Спустив рукава, она теперь натягивала их на кисти. Эрланн слушал молча, хотя ему и хотелось кое-что уточнить. Немного подождав, Ками продолжила: — Ирма не верила всем этим легендам, а потому решила, что мы пойдём через лес. Потом, как ты знаешь, был ливень, и мы решили укрыться в замке, встретили вас, оказались жертвами... — нервно сглотнув, она замолчала, невольно прижимаясь к Эрлу.

— Но, подожди, — всё же решил уточнить тот, обхватив девушку за плечи, — ведь вы обе уже, как я знаю, совершеннолетние. Зачем вам было уходить? Это ведь, в любом случае, не лучшая идея.

— Мы не могли проигнорировать мамино последнее желание. Она очень беспокоилась, что мы не сможем жить одни. В Лиоле у нас больше никого не было и, случись что, никто бы не помог. Никто из родственников не приехал даже на похороны из-за плохих дорог. Да и накладно было там оставаться.

— А... А что случилось с вашим отцом? Вы не могли отправиться к нему? Или это ещё дальше?

— Папа, — Камилла невесело усмехнулась, — умер три года назад. Быстро и неожиданно, но теперь мне кажется, что это как-то связано с проклятьем, с нашей ролью в нём. Всё сложилось так, чтобы мы всё равно попали сюда.

— Вполне возможно, ведь жертвы, в отличие от хранителей, не слышат зова, вынуждающего явиться в замок. Значит, должно быть что-то другое.

Камилла кивнула, соглашаясь. Вроде бы, всё звучало логично, хотя и казалось странным. Если в первый раз, который был описан в сказке, жертвы оказались в замке случайно, почему часть с ними тоже повторяется? Ведь если происходящее — дело рук ведьмы, а жертвы помешали её планам в первый раз, зачем повторять прошлые ошибки? Появлялось два предположения: либо ситуация вышла из-под контроля ведьмы, либо собравшиеся в замке не знали чего-то важного. Не знали правды, которая, возможно, и являлась ключом. Последнее казалось более вероятным, потому что как иначе воспринимать женщину из сна? Нарушай это её планы, ведьма бы, наоборот, попыталась прогнать сестёр из замка. Но как выяснить настоящее положение вещей, если в жизни никто ещё не видел ведьмы? Разве кто-то кроме неё может это знать?

Помимо этого, стало интересно, что же представляет собой этот самый зов, о чём Камилла и спросила Эрланна. Тот сразу предупредил, что точнее на этот вопрос ответят

хранители, так как он и сам знает о зове в основном со слов Гленды.

Сначала возникло навязчивое желание отправиться в путь, уйти подальше от наскучившего места, в котором приходилось проводить годы жизни. С каждым днём желание становилось сильнее, а обыденность казалась всё унылее, доводила до апатичного состояния. Потом во снах возникала дорога, невероятно чётко откладываясь в памяти, она доводила до замка, который преследовал хранителя во снах до тех пор, пока не случилось так, что он не выдерживал и, вопреки всему, уходил. Бывало и такое, что хранитель покидал дом не столько из-за зова, сколько из-за обстоятельств, однако итог всегда один: дорога, что привела в замок.

— Но, знаешь, — добавил вдруг Эрл, рассматривая потолок, — есть предположение, что зов появился только в третьем поколении.

— Да? Почему ты так думаешь?

— Ты слышала про Керрон?

Немного подумав, Камилла неуверенно кивнула. Керрон, его ещё называли «мёртвый город», до сих пор вызывал множество споров у историков. Никто не знает, почему, но буквально за неделю в городе не осталось ничего живого. Погибли даже растения и тараканы. В то место до сих пор не вернулись люди, а единственное предположение, которое удалось сделать — из всего, что было, просто вытянули жизнь, но даже маги разводили руками, не зная, как такое могло произойти.

— Судя по всему, до появления зова хранителей, когда пробуждались осколки, в замок приводили какие-то обстоятельства, случайности. Но во втором поколении не хватало одного хранителя. У него был тот же осколок, что и у Мейнир. Наверное, из-за подавленной воли всё произошло слишком быстро, разум был полностью захвачен, хранитель начал вытягивать жизнь из окружающих, но в итоге погиб, поглотив слишком много.

От услышанного передёрнуло. Всё оказалось гораздо серьёзнее, и получалось, что хотя ведьма и поступала, исходя из собственной выгоды, она таким образом защитила людей от повторения той истории с гибелью города. Новые знания, порождали ещё больше вопросов и догадок, от которых всё в голове путалось. Как вообще можно бороться с проклятием с таким количеством белых пятен?

Самым разумным сейчас было бы снова пойти спать, в надежде, что сон всё же явится. Может, так мысли придут в хоть какой-то порядок. Вот только оставлять Эрланна одного в гостиной не хотелось — а вдруг снова будут кошмары, и он всё же навредит себе? Убедить пойти и лечь в кровать оказалось непросто, но в итоге Эрл сдался, понимая, что в противном случае его будут терроризировать до самого утра. В ответ на слова о том, что он вряд ли сможет снова заснуть, Камилла, недолго думая, заявила, что споёт колыбельную. И ведь по лицу было видно, что не шутит.

— Но зачем? Большая ли тебе разница, усну я или нет?

— Большая, — возразила Ками, снова закатывая рукава у рубахи. — Ты и так вечно на мертвеца похож, а попытка не пытка. Слушай, я понимаю, у меня не такой красивый голос, как у Сюзанны, но не настолько всё плохо!

— Ладно-ладно, только не начинай, — согласился он и закрыл глаза.

Усевшись поудобнее, Камилла взяла Эрланна за руку и запела. Монотонное и усыпляющее пение ей давалось неплохо, в отличие от более сложных вещей, так что Эрл уснул ещё до того, как закончилась песня. Этой колыбельной Камиллу обучила Ирмелин, с которой, в свою очередь, поделилась знаниями мама, но только обычно исполнять её

приходилось пустоте. И умиравшей родительнице, попросившей об этом.

Замолчав, она ещё некоторое время просидела так, вглядываясь в умиротворённое лицо. Определённо, это выражение Эрланну шло больше, чем обычное настороженно-задумчивое. Наверное, тяжело отвечать за всех, при этом ещё и не имея возможности покинуть замок, чтобы хоть немного развеяться. Постоянно думать о будущем, прошлом и настоящем, бороться с тем, чего не знаешь.

«Как бы я хотела тебе помочь», — подумала она, засыпая.

Утром кто-то настойчиво тряс Камиллу за плечо, от чего та упорно отбивалась, не желая даже открыть глаза. Зачем вставать, куда вставать и за что так крепко сжали плечо, которое ни в чём не виновато? Нашупав подушку, Ками попыталась отбиться ею, бормоча, что никуда не встанет, и вообще, нечего к ней лезть, день утром не ограничивается. Словив подушку, некто отстал и, кажется, покинул комнату.

Стоило только поудобнее устроиться и задремать, как утренний мучитель вернулся, на этот раз ощутимо щёлкнув по лбу и тяпнув за нос. За этим последовал ещё один щелчок, побольнее. Прикрывая нос и лоб руками, Камилла всё же села и открыла глаза. Непонимающе посмотрела на сестру, затем на стоящего подле неё посмеивающегося Эрланна, потом осмотрела комнату, вспоминая, почему уснула здесь, а не у себя.

— Ирма, а ты тут откуда? — спросила она, потирая лоб. Щелбаны у Ирмелин были отменные.

— Да вот кто-то не хотел вставать, так что Эрланн позвал меня. Не волнуйся, мне уже всё по пути объяснили, я рада, что ты не наделала глупостей. А теперь поторопись, до выхода осталось меньше часа.

— От жеж! — Камилла чуть не подскочила с кровати и, схватив со стула одежду, поспешила в свою комнату.

К счастью, что собиралась она быстро, несмотря на довольно сонное состояние, так что на завтрак явилась примерно в то же время, что и всегда, и даже не последняя. Не хватало ещё «вредной водоросли», но только Эгилю спешить было некуда, что очень радовало Камиллу. И так после ночи голова болела. Гленда поспешила извиниться за то, что не уследила за временем, из-за чего пришлось остаться в комнате Мастера, потому как понимала, что с непривычки крики третьего этажа очень мешают уснуть.

По дороге на работу, пытаясь хоть немного взбодриться, Камилла решила поговорить с сестрой. Так вышло, что они довольно редко обсуждали то, во что оказались втянуты. Догадки ведь можно строить до бесконечности, а смысл? Как переливать из пустого в порожнее.

— А вот как ты думаешь, как много мы знаем правды?

— В смысле? — переспросила Ирмелин, не уловив сразу сути вопроса.

— Ну, насколько верны наши знания? Возможно ли, что на самом деле что-то не так? — уточнила Ками, не зная, как лучше сформулировать вопрос.

— Возможно, что мы в чём-то ошибаемся. Понимаешь, прошло уже очень много лет, с того момента, как всё началось. Ведьма могла за это время поменять свои планы, что-то пересмотреть. Хотя, не думаю, что для нас это важно, наши цели наверняка разные.

Камилла хотела возразить, ведь мотивы поступков узнать интересно, но любопытство имеет привычку выходить боком. К тому же, если бы ведьма хотела помочь, она бы наверняка уже сняла проклятье. Ведь не может быть так, что она на это не способна? С другой стороны, кто этих ведьм знает? Посмотрев на небо, Ками прищурилась. День обещал

быть солнечным и, возможно, жарким. Нехорошо. Следовало постараться поменьше выходить из ателье, а то под конец дня можно полумёртвой стать.

С утра никаких заказов ещё не было, а потому Камилла вызвалась проверить, каких ниток и пуговиц надо будет закупить. Составляя список, она то и дело зевала, иногда так широко, будто пыталась вывихнуть челюсть. В очередной раз запутавшись, Ками поднялась и немного размялась, после чего вернулась к работе.

Закончив со списком, она отправилась к начальнице, чтобы отдать его. Та о чём-то говорила с блондинкой, которую Камилла до этого пару раз видела в ателье. На клиентку незнакомая девушка похожа не была, как и на родственницу начальницы.

— О, Камилла, вот и ты, — обрадовалась женщина и забрала список. Проглядев тот, она довольно кивнула. — Молодец, ты как раз вовремя. У нас тут новенькая, — она кивнула в сторону девушки, — объясни ей, что у нас где.

Редко когда Ками так радовалась новой работе. Что же, может быть, проснётся, пока будет объяснять. Она, конечно, сама тут не так уж долго работает, но что-то новенькой показать сможет, тем более, что начальница тоже так считала. Главное, чтобы потом не отправили закупаться, так как придётся идти в центр города. Нарфаль хоть и небольшой городок, а толкотня в центре была регулярно, что могло только ухудшить последствия жары и солнцепёка.

Как оказалось, звали новенькую Доротея, но она предпочитала, чтобы к ней обращались просто Дора, так как считала, что полное имя звучит слишком пафосно и совсем не романтично. Когда после обхода ателье они присели, чтобы поболтать, в ожидании какой-нибудь работы, выяснилось, что Дора довольно наивна и часто витает в облаках, теряя нить разговора. Приходилось постоянно её окликать, возвращая к реальности и напоминая, о чём шла речь.

— А где ты живёшь? — поинтересовалась Дора, подперев голову руками.

— На окраине города, — привычно неопределённо ответила она, чувствуя на себе заинтересованный взгляд. Собеседница улыбнулась и покачала головой.

— Неправда. Ты живёшь в лесу.

— Да где же там жить? — Камилла пускай и была удивлена заявлением Доротеи, среагировала быстро. Может, это просто одна из фантазий? Или попытка подловить?

— Не знаю, я далеко туда никогда не заходила, но на тебе остатки его энергии. Чтобы они налипли, в лесу надо жить.

— Ты из чувствующих? — догадалась она, внимательнее посмотрев на Дору. У той были карие глаза, потому и не привлекло внимания то, что в них нет зрачков. Доротея кивнула с добродушной улыбкой.

Чувствующие — люди, у которых среди дальних родственников были маги, однако сами они колдовать не способны, да и внешне отличались лишь отсутствием зрачков. Зато чувствующие способны видеть, да и, собственно, чувствовать магическую энергию, а также её направленность — светлая, опасная, поддерживающая и так далее. В обществе их воспринимали нормально, за исключением особо консервативных личностей, у которых в крови неприязнь ко всему сверхъестественному.

— Знаешь, у этого места такая странная энергия. Столько всего переплетено, что у меня даже голова начинает кружиться!

— Да, на лес в своё время было наложено много чар.

— Откуда ты это знаешь? — тут же любопытствовала Дора, придвигаясь поближе.

— Эм... Я живу с магами, они мне это сказали.

— Правда? — кажется, она была готова заискриться от любопытства. — Наверное, жить с магами очень интересно! Тебе так повезло.

— Это везение больше похоже на наказание... — пробормотала Камилла, встала и подошла к окну.

Далее разговор у них шёл о всяких пустяках, без затрагивания щекотливых тем. Собеседница из Доры оказалась приятной, хотя и неспособной поддерживать серьёзные темы — она сразу же уходила в мечты и начинала говорить о том, чего просто не могло быть. Потом пришла начальница и сказала, что так-то и так-то, дела важные навалились, закупаться придётся идти Камилле вместе с ещё одной швеёй. Та тяжело вздохнула, но спорить не стала.

Швея, с которой Камилла шла в магазин, была вечно всем недовольной женщиной в возрасте. Сначала она ворчала о том, что в ателье всё же взяли «эту богомерзкую чувствующую», которая обязательно всё попортит и навлечёт беду. Потом возмущалась тем, что видела, будь то девушка в лёгком сарафане — смрад то какой! — или слишком яркие цветы в клумбе — как вообще можно такие сажать, от них же глаза болят! Сначала Ками делала вид, что слушает, но потом ей стало просто не до этого. Несмотря на светлую шляпу, чувствовалось, как напекает голову.

В магазине было много народу, а потому швея попросила Камиллу подождать на улице. Не зная, что хуже, духота или пекло, она всё же осталась и попыталась найти тень. Увы, свободного тенька не оказалось, а уходить далеко Камилла не рискнула. Снова заболела голова, навалилась усталость, к горлу подступила тошнота. Было непонятно, то ли это опять последствия плохого сна, то ли от солнца. В итоге пришлось присесть прямо на землю, спиной опершись на стену.

Время тянулось невероятно долго, минуты казались часами, а перед глазами начинало плыть. Когда в очередной раз открылась дверь, Камилла обернулась, надеясь наконец увидеть швею-ворчунью. Но нет, это была какая-то незнакомая мадам, смерившая Камиллу презрительным взглядом. Ох, если бы ей только было сейчас дело до того, что думают окружающие! Сесть оказалось действительно разумным решением, так как ещё минут через десять, проведённых в ожидании, она просто потеряла сознание, окончательно повалившись на землю.

Швея, выйдя из магазина, сначала начала возмущаться, что «эта девчонка» куда-то пропала, потом всё же заметила валяющуюся без сознания коллегу, которую прохожие демонстративно игнорировали, подняла шум, заставила каких-то мужчин отнести пострадавшую в ближайшую лечебницу, а попавшему под горячую руку пареньку пришлось помогать тащить до ателье покупки.

Придя в себя, Камилла почувствовала прикосновение холодных пальцев ко лбу, потом слышала шёпот, но слова разобрать не получалось. Вскоре ей стало легче, перестала болеть голова, уже не тошнило, а ещё перестало саднить щёку. Наверное, ободрала её, когда упала. Чьи-то губы коснулись лба.

— А теперь тебе стоит поспать, — прошептал кто-то на ухо, после чего Камилла действительно уснула.

Сон был беспокойный. Никаких чётких образов уловить не удавалось, всё было слишком размытым, но зато отчётливо слышались голоса. Первый говорил, что ещё не время, второй кричал, что всё это неправильно и было таковым с самого начала. Потом промелькнуло что-

то блестящее, послышался звон, и кто-то спросил: «А где же тогда правда?»

Её разбудили вечером. Осторожно, не так как это было утром, но и сама Ками не пыталась отбиваться. Рядом оказались Мейлир и Ирмелин. Последняя была сильно обеспокоена и тут же кинулась обнимать сестру.

— Ирм, ну, спокойнее. Не надо меня душить, знаешь же, со мной такое бывает, — попыталась успокоить старшую сестру Камилла.

— Да ты знаешь, как я испугалась, когда ко мне пришла Элеонора и сказала, что тебя без сознания принесли к ним!

— Хорошо, что вообще принесли. Уверена, если бы не коллега, так бы там и валялась... — мрачно усмехнулась Ками, но притихла, почувствовав, что у Ирмелин дрожат руки. Та действительно очень испугалась, ведь потерять ещё и сестру было бы ужасно.

— Посиди тут ещё немного, вещи твои из ателье я уже забрала. Пойдём обратно вместе, — сказала Ирма, когда уже отпустила сестру.

Камилла кивнула, приняла от Мейлира воду и какую-то таблетку. Шляпы не обнаружилось, похоже, её куда-то унесло. Это было печально, ведь хорошая вещь пропала, но всё остальное было на месте. В замок они действительно пошли вчетвером, но там никому ничего рассказывать не стали — не стоило лишний раз заставлять беспокоиться, и так ведь что ни день, то нервы.

Глава 9: Выжженная записка

Это утро выдалось оживлённым, как намёк на то, что день принесёт что-то новое, либо просто не будет скучным. Ирмелин пыталась вернуть колбасу, которую Эгиль с самым наглым видом стащил с её бутерброда, проходя мимо; надо сказать, что все её попытки результата не принесли, так как хранитель был и выше, и ловчее. Мейлир ворчал на Фрейю, которая прямо за столом вздумала чесать в ухе, однако в итоге был обсыпан хлебными крошками и пытался как-то от них избавиться, бубня что-то невнятное под раскатистый смех хранительницы. Дикра препиралась с Исааком, попутно отбиваясь от комментариев Лауге, который незаметно таскал еду из её тарелки, за что в итоге получил по рукам от Сюзанны. Гленда, которая довольно быстро расправилась со своей порцией, плела косичку из чёлки брата, полностью игнорируя его протесты, а потом ещё и попыталась привязать к рогу ленточку.

Наблюдая за всем этим, Камилла улыбалась и пыталась попасть по еде вилкой, не глядя при этом в тарелку. Ей нравилось, когда день начинался вот так: радостно и беззаботно. Казалось, что это просто посиделки друзей, которые решили собраться вместе. Друзей немного странных, но это ведь в порядке вещей? Вдруг она дёрнулась и обернулась.

— Ой, сколько времени!..

— Час, — тихо ответил кто-то.

Камилла хлопнула себя по лбу и засмеялась. Сегодня же выходной, можно никуда не торопиться! А потом застыла, осознавая. Во-первых, на часах было полдесятого, а, во-вторых, она не помнила, чтобы кто-то говорил с таким сильным акцентом. По крайней мере, кто-то из тех, кого она уже слышала. Ками посмотрела на Мейнир, которая апатично разглядывала уже пустую тарелку.

— М-мейнир? — ошарашено произнесла, не веря в свои догадки. — Это ты сказала?

Хранительница кивнула, всё также смотря в тарелку. Это было странно. Почему она именно сейчас решила подать голос, отвечая на простой вопрос о времени? Тем более, отвечая неправильно. Ответ «просто так» отметался сразу, просто потому, что в случае с Мейнир это невозможно. Мейлир, который с относительным успехом всё же избавился от крошек, заметил замешательство Камиллы и улыбнулся.

— Час, да? — понимающе спросил он, на что в ответ получил неуверенный кивок. — Зайди после завтрака ко мне, как раз есть время показать одну вещь. Будет даже лучше, если вместе с Ирмелин заглянешь, я сразу вам обеим объясню.

— Угу...

Думая о том, что же собирается рассказать Мейлир, Камилла еле досидела до конца завтрака. Почему именно час? Что за час? Получается ведь, что это что-то значит. И что же именно он собирается показать? Если связывать это что-то со словами, получается, что часы? Но что в них может быть необычного? В замке ведь немало часов, из которых многие не идут. Снова построив кучу невероятных и оторванных от реальности предположений, младшая даже принялась помогать убирать со стола, когда завтрак закончился, чтобы Ирма побыстрее освободилась.

Услышав короткий рассказ сестры о том, почему надо поторопиться, Ирмелин, которая всё упустила, воюя с Эгилем, тоже немало заинтересовалась, хотя и немного опечалилась из-за того, что не услышала Мейнир. Увы, попытки Камиллы скопировать голос оказались

провальными, но, может быть, в будущем ещё появится возможность услышать самой?

Сёстры знали о том, что хранители живут вместе, так что не удивились, застав в комнате и Мейлира, и Мейнир. Как объяснил это ранее Мейлир — так легче присматривать за Мейнир, та всё равно не возражала, а если кто-то подумал о «том самом», то склонностей к некрофилии у него никогда не было, поэтому фантазии лучше сразу угомонить.

Хранительница сидела в кресле, что стояло возле окна, и смотрела на почти безоблачное небо, либо делала вид, что смотрела. По ней сложно было что-либо понять, ибо взгляд, как и всегда, отражал только печаль и отрешённость. Хранитель же стоял возле напольных часов, рассматривая их. Часы эти, судя по всему, были очень старыми и дорогими, а застывшие стрелки показывали ровно час. Мейлир кивнул, приглашая сестёр посмотреть вместе с ним.

— В своё время, осматривая замок, я смог обнаружить эти часы. Очаровательная древность, хочу сказать, а потому я не смог не позаботиться о том, чтобы не перенести их в эту комнату. Конечно, мне хотелось вернуть им жизнь, но вот в чём странность, — он поднял указательный палец, — они работают. Подойдите, — он сделал шаг в сторону, позволяя сёстрам подойти поближе. Прислушавшись, они смогли разобрать тихое тиканье. Сёстры непонимающе посмотрели на хранителя.

— Да, в своё время я тоже был этим удивлён, и ведь, что занятно, их даже не надо заводить! Конечно, было предположение, что имеет место некая неисправность... Но и это оказалось неверным! Был случай, в замке на время остановился часовой мастер — его тоже застала непогода, дело обычное — и я попросил его осмотреть часы. Он не смог ничего обнаружить, все механизмы в полном порядке, — Мейлир покачал головой и постучал ногтём по стеклу, что защищало циферблат. — Мы даже пытались сдвинуть стрелки вручную. Хочу заметить, идея была дурная — чуть не остались без пальцев. И вот, похоже, именно из-за этих часов Мейнир иногда на вопрос о времени отвечает, что час. Ведь они показывают час в любом случае. Хотя сама она сказала, что не знает, почему так говорит.

Мейнир, которая сама не понимала, почему что-то говорит — это было странно, но она и сама была не от мира сего. Однако также сестёр заинтересовали часы, которые исправны, но не идут. С позволения Мейлира они решили повнимательнее их осмотреть, хотя понимали, что вряд ли это что-то даст. Но ведь любопытно! Судя по корпусу, с часами обращались очень бережно, регулярно протирая, натирая и просто проявляя аккуратность.

Ровно до этого момента. Неизвестно, как так вышло, но ноготь Ирмелин застрял в стыке между боковой стенкой часов и углублением в ней. Попытки вытащить его так, чтобы ноготь не оказался выдран с мясом, привели к тому, что дощечка из того самого углубления выпала. Ойкнув, и нагнувшись за ней, Ирма обнаружила, что на внутренней стороне выжжены какие-то надписи. Разобрать их было сложно, то ли из-за почерка, то ли из-за того, что кто-то плохо выжигал, а, возможно, причина была сразу и в том, и в другом.

Камилла, заметив замешательство сестры, заглянула через плечо, несколько раз нетерпеливо спросив, что же там. Мейлир, подойдя с другой стороны, тоже попытался разобрать написанное. Записка была похожа на неумело составленное стихотворение, смысл которого уловить не удавалось, ровно как и понять, почему оно было спрятан в часах.

В час начало положили, В два пошёл отсчёт. Три, четыре — не дожили, Пять, шесть, семь — грядёт. Восемь с честью погубили, Девять — вслед уйдёт. Десять жизнь не пожалеет, Одиннадцать — счёт ведёт. С двенадцатью последний

светОтсюда же уйдёт, И вместе с тем историяКонец свой обретёт.

Переписав эти строки, Камилла ещё раз посмотрела на них и покачала головой. Было ясно, что здесь говорится о смертях, которые почему-то соотносились со временем. Точнее, о времени говорилось сначала, а потом часы, судя по всему, уже обозначали людей. Если предположить, что первые два часа — это жертвы, а остальные — хранители... Это, в принципе, было разумно. Но почему именно эти часы? Кто оставил записку? И почему сейчас стрелки показывают час? К тому же, неизвестно, не истёк ли у этих строк срок годности? Если, конечно, можно так сказать. Возможно, что это и вовсе описание того, что уже произошло.

Правда, относительно составителя строк можно было сделать некоторые предположения. Вероятнее всего, что это была девушка (либо аристократ на подобии Мейлира). Не очень хорошо выжигая, она всё равно пыталась делать всякого рода закорючки и петельки. Писала она не спеша, так как буквы были достаточно глубокими, а в конце стояла вычурная подпись, разобрать которую, к сожалению, не получалось.

Пока Камилла размышляла над сказанным в записке и над самой запиской, Ирмелин и Мейлир внимательно рассматривали корпус — вдруг там что-то ещё спрятано? Увы, все остальные части корпуса держались крепко, а специально ломать часы никто не собирался. Раритет и всё такое, хотя и непонятно, перед какими ценителями этой древностью хвастать. В замке же действительно оценить старину вещей мог, кажется, только Мейлир, остальные смотрели на всё гораздо проще, если им вообще было дело до этого. Так однажды Фрейя сбросила тушу убитого животного прямо на сушившееся во дворе причудливо вышитое покрывало, на нём же начав её разделявать. Сюзанна, чьей способностью было умение успокаивать пением, потом полчаса приводила Мейлира в более-менее адекватное состояние, а Фрейя так и не поняла, почему он взбесился.

Как говорится, вспомнишь солнце, вот и... Вот и в комнату ввалилась Фрейя, с ноги открывшая дверь; непонятно, как та осталась цела и не слетела с петель. Осмотрев присутствующих, она щёлкнула пальцами и указала сначала на Мейлира, а потом на Ирмелина.

— Вот, вас я и искала. Сюю, короче, звала. Помочь просила, с уборкой там и тырыпыры... Ну, вы и сами всё знаете!

Фрейя хохотнула, развела руками и уже хотела покинуть комнату, как её окликнул недовольно постукивавший тростью Мейлир:

— Уважаемая госпожа дикарей, — наигранно официально начал он, — сколько ещё раз мне потребуется повторить, чтобы ты, наконец, запомнила, что прежде чем войти, надо постучаться? К тому же, непорядочно открывать дверь с ноги.

— Да повторяй, сколько хочешь, — хранительница фыркнула, подходя к Мейлиру и с насмешкой смотря на того. — Тебе не надоело ещё, принцессуля?

Предчувствуя, что это перерастёт в очередной бесплодный спор, Ирмелин поспешила покинуть комнату, прихватив с собой Мейлира. Камилла тоже не стала медлить и, сунув в карман сложенную бумажку, выскочила в коридор. Ей захотелось перекусить, так что она направилась в сторону кухни. Конечно, неплохо было бы захватить что-нибудь с собой, найти компанию и устроить посиделки в беседке — это было любимое место в замке, точнее, на его территории — но только всему мешала уборка.

Камилла шла на кухню. Да. По крайней мере, она была в этом уверена, хотя и начала

сомневаться, когда в очередной раз врезалась в стену, а потом, открыв дверь, оказалась в совершенно незнакомой комнате. Снова выйдя в коридор, она, пытаясь сориентироваться, направилась в другую сторону, и снова во что-то врезалась. Плутания начинали раздражать. Неужели это Дикра решила пошутить, дезориентировав? Нет, не похоже было. В лесу они явно не врезались в то, чего нет, но что появлялось бы после столкновения.

Наткнувшись на очередную дверь, Ками попыталась её открыть. Ничего не вышло. Это было необычно, ведь, как говорил Эрланн, находя запертые двери, он их оставлял открытыми. Получается, что либо дверь — обман, либо Мастер до неё не добрался. Вероятнее было второе, так как из-под двери совершенно реально поддувало. Приложив ухо к двери, она прислушалась, но смогла разобрать только что-то напоминавшее тихие завывания ветра. Камилла поёжилась и снова сменила направление, надеясь, что сможет выйти в хоть какое-нибудь знакомое место.

— Эй, а чего ты боишься?

Услышав вопрос, она вздрогнула от неожиданности и начала неуверенно озираться по сторонам. Никого не было видно, так же, как не было и желания отвечать на вопрос. Но почему-то она начала против своей воли выкладывать правду:

— Я боюсь крыс, слизняков и смерти. А ещё Эгиля.

— А что такого с последним? — снова прогнусавил кто-то.

— В первую ночь я вышла из комнаты, и он меня напугал, — Ками совершенно не желала рассказывать о том происшествии, но слова сами слетали языка.

Некто задал ещё несколько вопросов, на которые она честно отвечала. Потом послышался свистящий смех. Довольно узнаваемый смех — так смеялся только Лауге, особенно когда пытался делать это незаметно. Камилла нахмурилась, похоже, близнецам снова было нечего делать. Так как послышался ещё один вопрос, стало ясно, что гнусавил Исаак, вот только легче от этого не стало. Ками как выдавала всю правду, так и продолжала её выдавать, попутно, однако, размышляя над тем, что потом сделает с проказниками.

Потом кто-то окликнул близнецов, отчего оба затихли. Камилла, которая давно бросила попытки найти верное направление, застыла и прислушалась. Судя по голосу, её спасителем оказался Эгиль, который начал отчитывать близнецов и потребовал немедленно развеять дурман. Те сначала попытались что-то возразить, оправдаться, но всё же послушались.

Когда наваждение исчезло, Камилла поняла, что находится в коридоре, ведущем от главной лестницы в гостевую комнату. Рядом стояли пристыженные Лауге и Исаак, на которых сурово смотрел Эгиль, цепко державший их за воротники чёрных рубашек. Хранитель, обернувшись, посмотрел на неё с выражением «прости этих недоумков, не всем хватает воспитания» и снова нахмурился, недовольно стуча носом башмака по полу.

Ками даже застыла. Чтобы Эгиль, да хотя бы взглядом попросил прощения, ещё и за других? Похоже, этот день решил пройти под знаменем удивления. Нет, конечно, за чудище она хранителя не держала, но всё равно относилась с большим недоверием и сомневалась в том, что у него в наличии имелась человечность. Слишком уж тот был холоден и мрачен, не вызывая доверия. Вот только не раз и не два уже было сказано о том, что первое суждение, как и суждение по внешности, часто обманчиво.

— Вы сами извинитесь, или мне для начала провести с вами воспитательную беседу с применением методов Фрейи? — строго спросил он близнецов. Те нервно сглотнули и смущённо пробормотали в ответ что-то невнятное. — Вот и отлично, — отпустив воротники, Эгиль подтолкнул хранителей в сторону Камиллы.

Потупив взгляды, они, запинаясь и спиной чувствуя взгляд Эгиля, попросили прощения, пообещав, что больше так делать не будут (днём уж точно, про ночь, увы, наверняка ничего не скажешь), а также, что не будут разбалтывать то, о чём вызнали во время своего баловства. Камилле вдруг стало жалко близнецов, она вспомнила, кто именно часто за ними присматривает, а также заметила недобрую ухмылку старшего хранителя. Кажется, близнецам всё равно достанется, так что лучше простить. В конце концов, всё ведь разрешилось мирно, а мстительностью она не отличалась. Дома всегда говорили, что не стоит намеренно запоминать плохое, лучше обратить внимание на те вещи, которые можно будет вспомнить в тяжёлое время, дабы приободриться и не отчаиваться.

Лауге слабо улыбнулся брату, когда они подходили к старшему. Да, конечно, их застучали, но ведь всё равно было весело. В замке они находились дольше всех, уже как три года, а за ворота выходили очень редко, и то только в сопровождении кого-то из взрослых. То и дело становилось скучно, что и побуждало проказничать, делать глупости или специально кого-то провоцировать. Чаще всего, конечно, они провоцировали Дикру, так как та была наиболее словоохотливой и несдержанной (последнее, конечно, подходило и к Фрейе, но в данном случае риск себя не оправдывал).

Исаак едва заметно кивнул в ответ. Конечно, во многом они пытались ровняться на Эгиля, с самого детства восхищаясь его взрослостью и серьёзностью, ведь хранителю рано пришлось стать самостоятельным. У него было много братьев и сестёр, среди которых он был старшим, а потому оказался вынужден заботиться о них, помогая родителям. К этому «детсаду», будто бы его было мало, прибавились также дети соседей, с которыми были дружественные отношения и которые часто оказывались заняты. Но, конечно, давал о себе знать возраст близнецов, которые просто не могли взять и посерьёзнеть от одного только «хочу». Энергии требовался выход.

— Я понимаю, что вам скучно, — Эгиль положил руки на плечи близнецам, — но вы можете хотя бы развлекаться, не используя силы осколков? Я мог бы закрыть глаза на обычные шалости, хотя и из этого пора вырастать, но при виде подобного не могу сделать вид, что ничего не было. Вы ведь делали это по своей воле?

Обычно в голосе хранителя слышалась насмешка, иногда мелькало презрение, недоверие, издёвка... Это, конечно, было неприятно, кого-то отвращало, кого-то пугало, но если привыкнуть, то воспринималось совершенно естественно. И тогда уже пугало другое. Моменты, как сейчас, когда тон Эгиля был холодным, безэмоциональным, даже каким-то отстранённым. Подобным становилось и выражение лица: исчезали кривая ухмылка и насмешливый прищур глаз. Он никогда не кричал, если злился или раздражался, повышал голос только тогда, когда это действительно нужно. Именно такими некоторыми людьми представляли себе хладнокровных маньяков, которые без лишних слов убьют кого-то, а потом оботрут нож об одежду жертвы.

— По своей... — тихо ответил Лауге. Когда требовалось давать прямые ответы на какие-то вопросы, чаще всего говорил он.

— Это было совершенно осознанное и ничем не навязанное решение?

— Да... — ещё тише произнёс он, понимая, чем вызваны эти расспросы.

Эгиль облегчённо выдохнул и отпустил близнецов, пообещав, что после ужина ещё побеседует с ними. Пока что ему было достаточно того, что их мысли и действия принадлежали им самим, значит, о клятве молчания можно не беспокоиться. Однако же ради профилактики лучше было ещё раз напомнить, что делать можно, а что нельзя.

Сунув руки в карманы и насвистывая что-то неопределённое, он продолжил свой путь на улицу. Дойдя по узкой неприметной дорожке до сада, он хотел было пробраться к любимившейся старой груше, под которой хорошо дремать в это время суток, когда слышал шорохи и непонятные междометия. Заинтересовавшись, Эгиль свернул туда, где росли яблони, и остановился, наблюдая за тем, как Ирмелин, подпрыгивая, пыталась дотянуться до ветки. Да, к сожалению, почти все деревья были довольно высокими, так что, чтобы добраться хотя бы до нижних веток, приходилось либо прыгать, либо тащить лестницу, либо просто карабкаться наверх. Очевидно, что Ирмелин оставался только первый вариант, ибо о местонахождении лестницы она не знала, а по деревьям лазать почти не умела.

— Эй, чего мучаешься? — окликнул хранитель Ирму, когда та решила немного передохнуть.

— Меня попросили яблочка нарвать — на пирог не хватает, — ответила она, поправляя хвост, который немного разболтался. — Сказали, что раз я высокая, то должна достать.

— Кажется, они переоценили твою способность к прыжкам, — с усмешкой заметил Эгиль, подходя поближе и присматриваясь к ветвям. Он был выше, да и прыгал недурно, так что можно было попробовать. Хранителю нравилось помогать Ирмелин, так как он видел в ней, в некоторой степени, родственную душу. Тоже старшая, тоже привыкшая следить за другими. Можно сказать, что он даже был рад, когда в замке появился ещё кто-то, за кем не нужен глаз да глаз.

Попросив её отойти, он слегка присел и, подняв руку, подпрыгнул, тут же поймав ветку. Опустив ту пониже, так, чтобы вполне можно было дотянуться до плодов, Эгиль кивнул.

— Давай, рви, сколько там тебе надо.

Ирма благодарно улыбнулась, подбирая корзину, которая была оставлена около ствола. Она редко просила кого-то о помощи: просто не привыкла это делать. Эгиль же помогал, не спрашивая, нужно ли это, ведь ответ, скорее всего, оказался бы отрицательным, даже если на деле это иначе. И, если честно, ей хотелось сделать что-то в ответ, чтобы мрачный хранитель тоже понял, что такое забота. Но пока что удавалось лишь подыгрывать его своеобразному ребячеству, подобному тому, что было этим утром. Такие моменты помогали хоть немного развеяться.

— Спасибо, — Ирмелин крепче ухватила за полную корзину, — обещаю, что не буду солить твой кусок.

— Иди уже, гадалка. Не спали ничего, — усмехнувшись, Эгиль махнул рукой и направился к скамейке. Было бы забавно обнаружить соль в яблочном пироге, но ведь она бы этого всё равно не сделала.

Глава 10: Тучи становятся гуще

Мысли Камиллы были заняты недавним происшествием. Закрытая дверь. Определённо, стоит как-нибудь попытаться её найти, запомнить место и привести туда Эрланна. Кто знает, вдруг, за ней скрыто что-то важное, что-то нужное, то, что может помочь? А если это тот самый вход в подвал? Но тогда становилось странным, откуда взялся ветер. В любом случае, требовалось проверить это место и всё узнать.

Она и сама не заметила, как добралась до кухни. Из-за закрытой двери слышалось чьё-то недовольное ворчание. Точнее говоря, сразу было ясно, что возмущалась Фрейя, потому как её голос и манеру речи спутать было сложно. Осторожно заглянув в помещение и прошмыгнув туда, Камилла заметила, что хранительница отчитывала Мейнир и Элеонору, которые, судя по услышанному отрывку речи, были недостаточно аккуратны и то ли что-то чуть не разбили, то ли сами едва не поранились. Скорее всего, последнее, потому что человеческая целостность была для Фрейи куда приоритетнее целостности вещей.

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, Камилла пробралась к буфету и достала оттуда пару карамелек и персик. Кивнула Сюзанне, которая месила тесто. Похоже, на обед будет пирог — замечательная традиция тех дней, когда у всех выходной. Хотелось понаблюдать за процессом готовки, но, понимая, что скорее всего будет постоянно таскать что-то съедобное и в итоге испортит себе аппетит, Камилла поспешила покинуть кухню. Лучше всё же отправиться на улицу.

Пустые мрачные коридоры навевали уныние, напоминая о сути этого проклятого места, где умер не один человек. Неприятно было ходить по ним одной, особенно если приходилось заглядывать в нежилую часть замка. Сильнее ощущались собственные беспомощность и незащищённость, понимание того, насколько слаб человек перед лицом тёмной неизведанной силы, своевольной, непокорной, веками властвовавшей над чьими-то судьбами. Глупы те люди, которые считали, что ненавистью, прикрывающей страх, убийствами и изгнаниями они смогут подчинить древние силы, уберечь себя от них, искоренить то, что порою бывает сильнее самой природы.

По пути встретила Ирмелин. Камилла с удивлением посмотрела на полную корзину яблок — странно, как сестре удалось столько нарвать? Да и кто вообще додумался отправлять её что-то собирать?

— Кажется, я чего-то о тебе не знала...

Притормозив, Ирмелин непонимающе посмотрела на младшую сестру.

— Ты это о чём?

— Да вот о том, что ты несёшь, — она усмехнулась, — деревья же высокие.

— А, это, — Ирма пожалала плечами. — Мне помогли. Сама бы не справилась.

— Кто?

— Эгиль, мы пересеклись случайно.

— Похоже, у водоросли сегодня хорошее настроение, — Камилла присвистнула, за что была награждена недовольным взглядом сестры, который предпочла проигнорировать.

Обменявшись ещё парой слов, сёстры разошлись. Ками искренне пыталась сыграть в игру «я могу понять чужие мотивы», но забросила эту идею, как только оказалась в беседке. Атмосфера там совсем не располагала к размышлениям. Наоборот, хотелось съесть то, что удалось добыть из буфета и немного подремать. Тенёк, лёгкий ветерок, пение птиц, — что

ещё нужно для приятной полуденной дремы? К обеду всё равно позовут, когда придёт время.

Услышав речь на незнакомом языке, Камилла сначала подумала, что это часть сна. Сна, который решил поиздеваться, подсунув непонятные сочетания звуков вместо нормальных слов. Потом пришло осознание, что первый голос принадлежал Мейлиру а второй, если верить памяти, Мейнир. Беседа была размеренная, спокойная, больше похожая на монолог, лишь иногда разбавляемый тихими фразами, которые, похоже, редко состояли более чем из одного слова. Однако же, если собеседник Мейлира угадан верно, это уже была невероятная, просто неслыханная разговорчивость.

Любопытство, в конечном счёте, взяло верх. Так как нормально подслушивать из-за языкового барьера не получалось, пришлось попытаться хоть что-то подглядеть. Неохотно открыв глаза, Камилла, приподнявшись на руках, выглянула наружу. Хранители стояли в тени раскидистого дерева и смотрели, очевидно, на пруд. Попытавшись устроиться так, чтобы её с меньшей вероятностью заметили, Камилла продолжила своё наблюдение.

Мейлир, приставивший трость к дереву, о чём-то рассказывал, машинально обрывая листья с ножки пышного лилового цветка. Иногда он оглядывался на Мейнир, которая либо слабо кивала, либо тихо что-то спрашивала. В какой-то момент её плечи дрогнули, будто бы она усмехнулась, хотя выражение лица совершенно не изменилось.

Опустившись на корточки, Мейнир погладила рукой траву. Та почухла в некоторых местах, из-за чего хранительница вздрогнула и ещё более печально посмотрела на Мейлира. Он улыбнулся, присел рядом и, похоже, что-то прошептал, ободряюще улыбнувшись. Украсив цветком волосы Мейнир, он взял её за руку и снова провёл ею по траве, от чего та ожила. Наверное, выражение лица хранительницы в тот момент можно было назвать улыбкой, по крайней мере, оно не было по-обычному печальным. Уши её тоже дёрнулись вверх, а хвост слегка шевельнулся. И хотя сказанные ею слова разобрать было нельзя, наверное, это были слова благодарности.

Вся эта атмосфера была настолько умиротворённой и интимной, что совесть взяла верх, и Камилла снова опустилась на лавочку, чтобы продолжить дремать. Хранители ведь наверняка пришли сюда, чтобы побыть одни и, как ни странно, поговорить. Наверное, была какая-то связь между этим и иностранным языком, но не стоило в это вмешиваться. Каждый имеет право на личное пространство и разного рода особенности.

Позже Ками была разбужена сестрой и чуть ли не половину обеда возвращала себе адекватное восприятие реальности. Теперь ещё сложнее было понять, не приснился ли ей тот разговор под деревом. С другой же стороны, не было необходимости это понимать.

После обеда в коридоре удалось застать довольно необычную картину. Гленда, смешно уперев руки в бока, привстав на носках и задрав голову, что-то возмущённо говорила Эрланну, которого, к слову, на обеде не было. Прислушавшись, Камилла поняла, что Гленда просила брата быть внимательнее к себе и не молчать, если что-то не так. Тот вяло кивал в ответ, видимо, думая о чём-то своём. Вид у Эрла снова был неважным, что, похоже, и стало причиной выговора. Отправив в итоге брата в сторону кухни, Гленда обратила внимание на Камиллу и предложила уединиться и немного поболтать. Планов никаких не было, как и причин отказывать, так что Ками с радостью отправилась в комнату хранительницы.

Комната Гленды удивительным образом сочетала в себе аккуратность и какой-то очаровательный беспорядок. С первого взгляда всё было очень мило и гармонично. Чисто, без большого числа тех странных ненужных вещей, которые носили сугубо декоративную функцию, хотя скорее превращали комнату в свалку антикварной лавки. В то же время, на

одной полке были забыты ножницы, на другой — подушечка с иголками, на кровати пристроились несколько открытых книжек, и вечно где-нибудь встречались мелкие кусочки ткани, а к одежде липли нитки. На покрывале также важно восседала пара плюшевых игрушек, о происхождении которых оставалось только гадать, так как рассказ о них каждый раз менялся.

С ногами пристроившись на диванчике, Гленда вздохнула, покосившись в сторону. Очевидно, она хотела чем-то поделиться, но решительности не хватало. Не желая торопить, Камилла просто молча рассматривала комнату и обложку книги, что была забыта на стоявшем рядом кресле.

— Знаешь, — всё же начала Гленда, неуверенно наматывая на палец кончик косички, — раньше Эрл был другим. Нет, не в том смысле, что он не был Мастером, хотя эти вещи и взаимосвязаны. Он и Эрлом то не был.

— В смысле? Он был другим человеком? — спросила Камилла, не понимая пока что, к чему вела хранительница.

— Он был другим, и он был человеком, — поправила она. — Моего брата, с которым я пришла сюда, звали Освальд. Эрланн — имя, которым он сам назвался, забыв прошлое, забыв меня...

Гленда взяла Камиллу за руку, как бы ища поддержки. Ей надо было выговорить то, что накопилось, поделиться тем, что давило, но о чём она не решалась заговорить с кем-нибудь до этого. Пыталась держать это в себе, но поняла, что так продолжать нельзя.

Оказалось, что помимо неё и брата детей в семье больше не было — родители и им-то еле успевали уделять внимание, так как часто были в делах. Освальд был активным и жутко вспыльчивым, часто ввязывался в драки. Хотя обычно он просто защищал сестру от других мальчишек, которым почему-то нравилось задирать Гленду. У него была предрасположенность к магии, что позволяло показывать, как он это сам называл, некоторые фокусы. А ещё был склонен к разного рода необдуманным поступкам, за что в последствии часто получал выговоры от родителей или от бабушки. Взросление не сильно изменило характер Освальда, добавив лишь немного рассудительности и пару грамм осторожности, а также усилив мнение, что сестру надо защищать.

Всё изменилось после первого дня в замке, куда их привёл зов Гленды. Брат, конечно, поначалу пытался остановить её, заставить одуматься, но в итоге пошёл вместе с ней, потому что надо быть дураком, чтобы отпустить младшую сестру одну. Они прибыли ближе к вечеру, Гленда познакомилась с такими же, как она, а также избавилась, наконец, от зова. С Освальдом ничего странного не происходило, все думали, что он просто человек и, скорее всего, отправится вскоре назад. Если бы.

Заглянув утром в комнату, Гленда сначала испугалась, увидев на кровати кого-то другого. Вроде бы и черты лица были похожими, но и глаза, и волосы были не того цвета, к тому же, на голове красовались рога. На имя рогатый также не откликнулся, представившись совсем иным, к тому же, как выяснилось, он не помнил о своей прошлой жизни. Гленда поняла, что это её брат, почувствовала, догадалась, просто некому больше быть! И потому с того дня она всегда делала вид, что всё в порядке, что ей не страшно, что она уверена в том, кто рядом с ней. Надеялась, что это сможет пробудить воспоминания, что в поведении проскользнет Освальд, которого она знала, вместо этого чужого Эрланна. Однако же время шло, а память так и не вернулась, только если какими-то незначительными обрывками. Её не вспомнили, её просто приняли, видимо, ощущая родство, ощущая надобность в чужой

поддержке. Ведь кто, как не хранитель надежды, может помочь верить в лучшее? В то, что выход есть, что его можно найти? Главное, чтобы этот хранитель сам не терял веру.

Гленда рассказывала довольно долго, часто прерывалась, молча смотрела в потолок и рукавом утирала глаза. Она должна верить в брата до самого конца, она должна верить в каждого, кого занесло в замок и делиться этой верой. Чистой и светлой верой ребёнка. Но иногда так хотелось поделиться своими тревогами, которые обычно скрывала беззаботность.

Воображение услужливо подкинуло Камилле то, как бы себя чувствовала она, случись что-то подобное с Ирмелин. Быть забытой собственной сестрой, при том, что больше никого не осталось, а судьба занесла в жуткое место, ушатом ледяной воды обрушив на голову древнее проклятье... Увидеть вместо сестры абсолютно другую женщину: другой внешности, другого характера. Узнать, что Ирма не та, кем всегда казалась. Страшно. словно одновременно не стало и части сестры, и части её самой, оставив две неровные тени, слабо напоминавшие о прошлом.

Желая хоть как-то утешить Гленду, но не понимая, что нужно делать, Камилла просто крепко обняла её. Младшая жительница замка столкнулась со всеми этими трудностями и не могла найти поддержку, опасаясь, что своею печалью и страхами сделает хуже другим. Хранители вынуждены постоянно бороться с тем, что внутри них, Гленда это понимала, потому и старалась не давать лишнего повода для беспокойства. Беспокойства из-за неё. Но ведь с людьми-жертвами иначе. Их разум принадлежит только им, значит, не страшно, если поделиться переживаниями с человеком?

Нужно было перевести тему, чтобы отвлечься. Камилла пыталась придумать, о чём бы заговорить, чтобы это не превратилось в пустой обмен слов из серии «а погода нынче...» Довольно кстати вспомнилась записка, которая была убрана в карман. Конечно, не самая оптимистичная и жизнеутверждающая тема, но хоть что-то.

— Кстати, мы сегодня рассматривали часы, ну, те, что Мейлир нашёл. Так вот, силой случайности мы смогли найти записку. Что-то странное, выжженное на дощечке...

Гленда тут же оживилась, с интересом заглянула Камилле в глаза, нетерпеливо теребя пальчиками подол платья. О часах она, естественно, знала и была заинтересована в их тайне не меньше многих.

Улыбнувшись, Камилла достала из кармана листок и протянула его хранительнице. К счастью, почерк Ками был более понятным, чем у автора записки, хотя местами и оставлял желать лучшего. Гленда тут же принялась читать строки, одними губами повторяя написанное и слабо качая головой.

— Там ещё подпись в конце была, но я не смогла её разобрать, так что и скопировать не получилось, — добавила, припоминая те завитушки.

— А на что она была похожа? Не на букву «и»?

— Эм... — Камилла замялась. Она вообще не смогла там букв различить толком. — Нет, наверное. А что с ней не так?

— Как нам удалось узнать, ведьму зовут Ингрид. Вот я и подумала, не могла ли она это оставить. Но раз нет... — Гленда пожалала плечами. Да и, в целом, зачем ведьме заниматься такими глупостями, как написание стишков?

— Стоп. То есть вы знаете имя ведьмы? Но почему тогда никогда по имени её не называете?

— Просто, — она развела руками. — Вообще, у Мастеров настолько сильно отложилась в подсознании ненависть к ведьме, что они даже по имени звать её отказываются. По

крайней мере, Эрл мне сказал что-то такое.

Камилла покачала головой. С одной стороны, нехорошо вечно называть кого-то по виду деятельности, происхождению или как-то в этом роде, это могло быть даже обидно. С другой стороны, не в данном случае надо об обидах думать. С третьей же, что вообще даёт знание имени ведьмы? Знать имя своего убийцы? Да, действительно, невероятно важная и необходимая вещь.

До ужина они говорили о разном, обсуждали что-то, делились догадками, но к теме прошлого более не возвращались. Остаток дня проходил спокойно, без лишнего шума, без происшествий. Довольно спокойной была и ночь, точнее, её начало.

Это было довольно необычно, но Камилла проснулась рано. Судя по всему, вряд ли сейчас было хотя бы четыре часа, но как бы она ни ворочалась, сон более не шёл. Её терзало странное необъяснимое беспокойство, а звуки в коридоре его только подпитывали. Вроде бы, всё было как обычно, но что-то настораживало, пробуждая порывы взять и выйти из комнаты, иногда слышался шум воды. В итоге, понимая, что уснуть снова не получится, Ками переделалась и устроилась у окна, ожидая, когда же появятся первые лучи солнца. Можно было, конечно, чем-нибудь себя занять, но никакое занятие не привлекало, ни на чём не удавалось сосредоточиться.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем небо посветлело, а с показавшимся солнцем за дверью стало тише. Кто-то пробежал мимо двери, снова зашумела вода. Подорвавшись с места, Камилла выскочила из комнаты и поспешила в сторону гостиной, из которой доносился шум. Похоже, действительно что-то стряслось, раз кто-то был на ногах в это время, а на полу можно было заметить тёмные пятна.

Оказавшись на пороге, она замерла. На диване сидел Мейлир, выглядевший непривычно неопрятным, будто его срочно оторвали от кровати, а его одежда была испачкана в крови. Рядом лежала Дикра, голова которой была устроена на коленях хранителя, рука и нога её были перебинтованы, и сейчас Мейлир занимался пораненным лицом. Щёки и лоб пересекали довольно глубокие царапины, а на скуле ярким пятном расцвёл синяк. На полу на коленях сидела Мейнир, которая либо что-то подавала, либо забирала. Пол тоже был заляпан кровью, хорошо заметной на светлом дереве.

Элеонора и Гленда успокаивали Сюзанну, уговаривали её присесть и не качаться около окна. Другие хранители тоже были здесь (конечно, они ведь могли не дожидаться рассвета), кроме Фрейи, которая, похоже, ходила менять воду. Вскоре в гостиную пришли Ирмелин и Эрланн.

Не зная, куда себя деть, Камилла прижалась к какой-то стенке, понимая, что ничем помочь не сможет. Она даже не понимала, что же произошло, хотя, казалось, некоторых это не сильно удивляло, пускай и беспокоило. Подошёл Лауге и с кривой усмешкой заметил, что в случившемся странного, по сути, мало.

— Это, на самом деле, не первый случай, хотя обычно всё не так серьёзно. С близняшками такое редко бывает, но иногда они лунатят. Обычно другая это замечает и останавливает, либо просыпаются до того, как что-то происходит. Видимо, в этот раз Дикра во что-то попала... — Лауге с сожалением посмотрел на хранительницу, которая сейчас, ясное дело, пребывала в бессознательном состоянии. — К счастью, она оказалась достаточно разумной, чтобы поспешить к Мейлиру. Они тут уже не меньше часа сидят.

Камилла вздрогнула. Нет, её предупреждали о ловушках, но до этого момента как-то не верилось, что среди них могут быть настолько опасные. Судя по всему, у Дикры были все

шансы умереть, приди она в себя позже или не обратись за помощью. Руки слабо подрагивали, в сознание прокралось нехорошее предчувствие. Что-то случится, что-то обязательно должно случиться. В скором времени.

На плечи легли чьи-то руки. Подумав, что это сестра, Камилла успокоилась, но Ирма была замечена в стороне — помогала Фрейе отмыть от пятен ковёр. Ками в недоумении обернулась и заметила Эрланна. Тот ободряюще ей улыбнулся. Ну, или попытался это сделать. Вышло неважно, но даже за такую попытку она была благодарна.

— Не волнуйся, с Дикрой всё будет хорошо. Мейлир, — он окликнул хранителя, который заканчивал обрабатывать лицо, — как она?

— Пригодно. В целом, если в ближайшие дни будет вести себя спокойно, не будет скакать везде и нигде лишний раз не пострадает, а также не будет забывать заглядывать ко мне... Думаю, даже шрамов не должно остаться. По крайней мере, я постараюсь, чтобы так было. Но пока что ей нужен покой, и чтобы кто-нибудь следил. И сегодня пусть не встаёт, не знаю, как она до меня дошла. Бедное дитя... — Мейлир вздохнул и погладил Дикру по голове. Тяжелее всего было смотреть на пострадавших детей.

Помогать вызвалась Гленда, объяснив это тем, что она всё равно ничем толком не занята, просто мелькает там, где может понадобиться. К тому же, Дикре наверняка будет уютнее в компании кого-то близкого по возрасту.

«Замок от каждого требует жертв», — почему-то подумала Камилла, поёжившись.

Она снова обратила внимание на руки Фрейи. Привыкнув, перестала обращать на это внимание, но произошедшее заставило вспомнить. Хранительница всегда ходила с перебинтованными руками, о чём, однако, неудобно было спросить. Но с чем это могло быть связано? Вряд ли дань какому-то образу — слишком глупо. Что же тогда? Что хранительница старалась скрыть и зачем, если во всём предпочитала прямоту?

Чем дальше, тем напряжённее всё становилось, и, похоже, худшее только впереди, ведь хуже может быть всегда.

Глава 11: Глупости приводят к ссорам

В этот день Элеонора, которая освободилась раньше, по настоянию Мейлира сразу отправилась в замок, дабы проверить состояние Дикры и, при необходимости, оказать помощь. В городе были закуплены некоторые лекарства, которые могли помочь малышке быстрее поправиться. Однако в замке её ждал неприятный сюрприз. Сёстры заглядывали в лечебницу за час или более до выхода Элеоноры, но до сих пор не пришли. Вариант, что те задержались в городе, исключался сразу, потому что они прямым текстом сообщили, что возвращаются.

Элеонора начала нервно мять пальцы, скукожившись. Получается, что-то случилось? Всё то время, что она и Мейлир ходили этим путём, не встречалось никаких опасностей, не зря же его называли ведьминской тропой — как лес не трогал ведьм, так он и не трогал путников на этой тропе. Получается, они сошли в сторону? Но что могло подтолкнуть к этому? Ведь сёстрам не раз повторяли, что это опасно: можно заблудиться, даже если отойти совсем недалеко. Если бы Камилле снова стало плохо и из-за этого пришлось бы задержаться, Нора бы встретила их, к тому же, весь день было облачно, что сводило к минимуму риск получить солнечный удар.

— Так что же? — поторопил Эрланн. Его удивила реакция хранительницы на то, что сёстры ещё не пришли, и потому он ожидал ответа.

— П-понимаешь... Они заглядывали к нам. Б-более часа назад, — она мысленно отругала себя за то, что голос снова дрожал, а слова с трудом удавалось выдать из себя, — сказали, ч-что в-возвращаются, но... Я не видела их, когда шла с-сюда. И в-вот ты сказал, что они не... — Элеонора замолчала и закрыла лицо руками.

Больно. Больно и страшно. Из-за — или же благодаря? — своей способности она могла чувствовать чужую боль, а потому знала, насколько хрупки души, как сильно они откликаются на происходящее, как легко неосторожным словом или действием сделать хуже. Наслоившись на природную робость и неуверенность, это стало причиной постоянного страха, страха сделать ещё большее, ещё сильнее повредить и без того покалеченные души.

Эрланн сжал кулаки, уставившись в одну точку. Поджав губы, он вдруг резко развернулся на каблуках и, сказав Элеоноре сменить Гленду, направился искать остальных. Ему хотелось самому прямо сейчас выбежать из замка и отправиться на поиски, останавливала лишь память о том, что даже за ворота выйти не удастся. Чтоб эту ведьму со всеми её проклятиями! Это злило, но сейчас было не лучшее время, чтобы позволять эмоциям взять верх. Сначала надо позаботиться о поисках, а уже потом пытаться не растратить остатки нервов на ожидание и неизвестность. Мастер выругался сквозь зубы. День и без того начался отвратно, а тут ещё и сёстры куда-то пропали. Кажется, мироздание решило поиздеваться. Хотя, когда оно поступало иначе?

Как и в случае с Дикрой, в лес отправились Фрейя и Эгиль, но на этот раз вызвалась ещё и Гленда. Конечно же, Эрланн не хотел её отпускать, но хранительнице и не требовалось разрешения, она просто побежала следом, оставив Сюзанну успокаивать брата, к счастью, что саму Сью не требовалось в этот раз приводить в чувства.

Оставшись один, Эрл мерил шагами комнату и думал о том, что, с одной стороны, это хорошо, если ничего не случилось и они по собственной глупости сошли с тропинки. С

другой же, окажись оно действительно так, он за себя не отвечал. Ведь сколько раз уже было сказано и пересказано не лезть, и не нарываться? По истории жертвы гибли первыми, значит, если с ними что-то случится, это будет сигналом, что история стала развиваться по своему обычному сценарию. Если после этого и останутся шансы всё это прекратить, то ничтожно малые.

Более того, подсознательно он боялся смерти жертв по ещё одной причине. Это событие влекло за собой пробуждение духа, которое начинало стирать личность того, кто этот самый дух хранил. Личность, от которой и без того мало что осталось после потери памяти, но даже так по спине бежал холодок от мысли, что придётся стать кем-то другим, исчезнуть окончательно. Он не хотел исчезать. Он боялся исчезнуть.

Несмотря на ужасно ранний подъём, рабочий день проходил совершенно нормально. В сон почти не клонило, заказы оказывались простыми, в город не отправляли, а беседа с Дорой была на редкость приятной, потому как не затрагивались различные щекотливые темы. Правда, собеседницу приходилось чаще обычного возвращать с небес на землю, потому что из-за впечатлений от недавно прочитанной книги она постоянно удалялась в мечты. Попытки расспросить о книге результатов не принесли: ничего внятного Дора рассказать не смогла, постоянно возвращаясь к своим восхищениям главным героем. Камилле сложно было понять Доротю, так как ей редко настолько сильно нравились персонажи именно в плане того, чтобы доходило чуть ли не до влюблённости в них. К тому же, она предпочитала приключенческие рассказы, а внимание чаще привлекали второстепенные персонажи, которые появлялись несколько раз за историю.

Где-то в пять зашла Ирмелин. Доротея косо посмотрела на ту, но Камилла не стала придавать этому значения, посчитав, что коллега просто заметила на сестре след от леса и замка. Либо просто была недовольна, что пора расходиться.

После сёстры действительно заглянули в лечебницу, на случай, если Мейлир скажет что-нибудь насчёт Дикры, направились в замок, но... Конечно, однажды что-то должно было пойти не так, потому что одна из сестёр питала странную любовь к процессу «хождения по граблям», почему-то теряя вдруг способность думать головой, а не прочими частями тела.

На полпути Камилла заметила довольно необычный светло-лимонный цветок, отдалённо напоминавший лилию, но с двумя рядами полупрозрачных лепестков и округлыми листьями с бирюзовыми прожилками. Путём упорных уговоров на тему «ну он ведь такой красивый, давай сорвём, совсем ведь близко, ну, Ирма, не будь врединой» Ками добилась того, что они сошли с тропинки в сторону. Как результат — обернувшись, сёстры не нашли тропинки, да и в целом пришли к выводу, что не знают, где находятся и как сориентироваться.

Побродив некоторое время, надеясь, что всё же удастся выйти на тропу, они в итоге дошли до небольшого озера. Что это за озеро и куда от него идти сёстры понятия не имели, но благоразумно решили остаться на берегу — тех, кто находится на одном месте найти всё же легче.

— И вот сдался тебе этот цветок? — недовольно пробурчала Ирма, усевшись на траве.

Она потёрла пальцами виски и поморщилась. Снова начинала болеть голова. В замке это случалось чаще обычного, наверное, это метеочувствительность, проявлявшаяся раньше довольно слабо, усилилась из-за непонятной и вечно менявшейся погоды. Конечно, Ирмелин

старалась не подавать виду, что что-то не так, а потому о реальном положении вещей могла догадываться разве что сестра, которая благоразумно не рассказывала об этом всем и каждому.

Камилла подошла к озеру и, намочив носовой платок, обмотала им ножку цветка там, где та была обрезана. Она понимала глупость своего поступка, но ведь сейчас с этим всё равно уже ничего не поделаешь.

— Зато цветок действительно красивый, — Ками присела рядом, — полно тебе, уверена, нас найдут. Зато, вот, посидим среди природы, вдали от замка, развеемся, — она улыбнулась, но по выражению лица сестры поняла, что доводы получились неубедительными.

Вздыхнув, Камила отложила шляпу в сторону и растянулась на траве, закинув руки за голову. Раз ничего другого не остаётся, стоило хотя бы поискать положительные стороны в сложившейся ситуации и воспользоваться ими. До заката ещё время было, а там уж, если что, и стоило побеспокоиться хотя бы о том, как провести ночь. Ну, или о том, как быть, если придётся вернуться в замок после захода солнца. В любом случае, все переживания потом.

Кто знает, удастся ли им разобраться с проклятьем. Конечно, хотелось верить в лучшее, но не стоило слепо считать, что всё уже хорошо и они точно справятся, что жертвы не исполнят предначертанную им роль. Каждый день мог оказаться последним.

Возможно, она никогда больше не отдохнёт около озера, не полежит на траве, не понаблюдает за облаками, которые так любили складываться в причудливые фигуры. Возможно, все мечты и надежды оборвутся в одно мгновение, просто потому, что поколение, на которое возлагались надежды, не оправдало ожиданий. Печально думать об этом, но убежать от правды глупо. Смириться со своей участью тоже не хотелось, однако тут, как ни прискорбно, сложно чем-то помочь, будучи обычным человеком.

— Ирма, как думаешь, а что стало с нашим домом? — спросила вдруг Камила, нарушив затянувшееся молчание.

Ирмелин дёрнулась. Похоже, вопрос вырвал её из собственных мыслей. Она призадумалась. В последнее время как-то даже и не приходилось вспоминать о подобном, ведь домой уже не вернуться, дом остался в прошлом, новым домом стал замок.

— Я точно не знаю, но... — Ирмелин сорвала травинку и стала зачем-то завязывать на ней узелки. — Мы ведь написали дяде, что мама умерла и что по завещанию ему решать, что делать с домом. Возможно, он уже побывал в Лиоле... А как поступил — не знаю.

— А будут ли нас искать?

Вопрос, в целом, был бессмысленным, потому что от поисков всё равно не было бы никакого толку. Даже если кто-то набредёт на замок, сёстры его покинуть не смогут при всём желании. Но ведь хочется верить, что родственникам не безразлична твоя жизнь, что они хотя бы немного побеспокоятся.

— Вряд ли дядя успел вернуться назад, даже если выехал сразу после того, как узнал. Соседи должны были сказать, что мы отправились к нему, так что он будет думать, что встретится с нами у него дома. Потом, конечно, поймёт, что мы не добрались, — Ирма отложила в сторону травинку и сорвала новую, — наверное, попытается поискать. Но в лес он вряд ли сунется, он же у нас жуть какой суеверный!

Камилла усмехнулась. Да уж, их дядя и на километр к лесу не приблизится, даже если от этого будет зависеть его жизнь. Все паранормальные истории, будь это передаваемое из

поколения в поколение придание или детская выдумка, он тут же принимал на веру, иногда это доходило до абсурда. Было весело наблюдать подобное, но через некоторое время становилось не до смеха, так как дядя начинал говорить о религии, что затягивалось надолго и было очень и очень скучно. К счастью, что мама сильно от него отличалась: не верила и детей приучала не доверять всякого рода рассказам, воспринимать их как интересные — или не очень интересные — выдуманные истории.

Медленно тянулось время. Сёстры иногда обменивались несколькими фразами, потом надолго замолкали, после кто-нибудь снова начинал разговор о том, как всё было, и что могло бы быть, происходи оно так, как задумано, а не как получилось. Солнце неумолимо двигалось в сторону горизонта, пробуждая беспокойство, но пока ещё несильное.

Родственники родственниками, а вот в замке пропажу наверняка уже заметили и обеспокоились по этому поводу. Общая проблема сближала, превратила всех обитателей замка в одну большую семью, члены которой были друг другу ближе, чем некоторые люди, которых связывало только кровное родство. Даже сёстры, прибывшие позже всех, ощущали себя частью этого семейства проклятых.

Камилла чихнула, когда ей на нос села бабочка, та тут же рассыпалась множеством золотых искр. Послышалась довольно громкая ругань, которую, кажется, просто невозможно не узнать, потом чьё-то недовольное ворчание, всё это происходило под шорохи и хруст веток. Радостный вскрик сопровождался выбежавшей к озеру Глендой, которая кинулась по очереди обнимать, не успевших хоть как-то среагировать, сестёр. Следом показались Фрейя и Эгиль.

— В замке расскажете, что вы тут забыли, нам надо торопиться назад, — довольно резко произнёс хранитель, хмуро глянув на Камиллу, которую, судя по выражению лица, случившееся совсем не волновало. Он уже и не сомневался, из-за кого именно пришлось отправляться в лес, потому что из этих двоих только одно создание так и не выросло из нежелания сначала думать, а потом делать.

Назад они возвращались чуть ли не бегом, из-за чего по лицу, рукам и ногам то и дело били ветки, обещая оставить на память немало царапин. Камилла старалась как можно осторожнее нести цветок, чтобы тот смог дожить до возвращения, иначе получится, что они даже в её понимании зря сошли с пути, а ведь эту красоту хотелось поставить у себя в комнате.

Уже около замка пришлось замедлиться, так как Гленда, непривычная к продолжительным физическим нагрузкам, начала выдыхаться, рискуя в любой момент упасть, запутавшись в собственных ногах, да так и остаться лежать.

Поравнявшись с Глендой, Камилла поинтересовалась, как брат отпустил её, на что хранительница улыбнулась и развела руками, ответив, что никак её не отпускали, так что, возможно, Эрл окажется ещё более недовольный и раздражённый, чем мог бы быть. Ответ этот вызвал нервное хихиканье, так как после объяснения причины поводов для недовольства станет ещё больше. Немного подумав, Камилла передала цветок Гленде, попросив по возвращении отнести в комнату и поставить в вазу.

Уже на пороге почему-то стало страшно и захотелось убежать обратно в лес, но Эгиль с мрачным видом подтолкнул замешкавшуюся Камиллу, дабы та не мешала пройти остальным. Споткнувшись о порог, она чуть ли не влетела в вестибюль, еле остановившись в какой-то паре шагов от ожидавшего их Эрланна и чудом в него не врезавшись. С кривой ухмылкой и готовым задёрнуться глазом она подняла голову, встретившись со строгим взглядом, который

из-за непонятного цвета глаз и вертикального зрачка сейчас меньше всего походил на человеческий. Такой больше подошёл бы какому-нибудь чудищу-стражу, что охранял вход в древний храм, полный сокровищ и магии. С другой стороны, что-то общее у этих мест всё же было.

— И что же случилось? — холодно спросил Мастер, отмечая, что напуганными и пострадавшими сёстры не выглядят, если не брать в расчёт странное выражение лица младшей.

Камилла замешкалась. Как часто такое бывало, от нервов слова застряли в горле, да и в мыслях не торопились складываться в ровные и ясные фразы.

— Мы сошли с тропы, — спокойно ответила Ирмелин, подходя к сестре и хлопая ту по пояснице, дабы она наконец выпрямилась и перестала держать руки слегка расставленными в стороны.

— Ну, это само собой разумеется, иначе бы Элеонора вас встретила, когда возвращалась, — он скрестил руки на груди, — я спрашиваю о том, почему именно вы это сделали.

— Это я, — буркнула Камилла, поднимая с пола упавшую шляпу. — Там в стороне цветок красивый был, и мне захотелось его сорвать. Вот я и уговорила Ирму сойти.

Кажется, это было сказано зря. Иногда лучше придумать какую-то правдоподобную историю, чем выдавать глупую правду, от укрытия которой никому бы не стало хуже.

— Цветок. Цветок! — Эрл вскинул руки, закатив глаза. Нет, конечно, он предполагал разные глупости, но подобное... Взять и придушить — меньшее из того, чего ему сейчас хотелось. Но убивать жертв собственными руками в его планы не входило. — Из-за какого-то идиотского цветка, она вздумала переться не пойми куда, несмотря на то, что сотню раз повторяли этого не делать!

Камилла молча смотрела вниз, разглядывая белые разводы на тёмной плитке. Можно было бы возразить, но это будет смотреться глупо. Ирмелин изучала потолок, понимая, что и её вина в этом тоже есть.

— Что младшая, что старшая — обе хороши. Одна на цветочки западает, напрочь переставая думать, вторая не додумалась отговорить. Неужели так хочется поскорее помереть?! — Эрланн, сам того не замечая, начал повышать голос.

Увы, подобное было красной тряпкой для Камиллы. Она могла терпеливо и без пререканий выслушивать многое, даже если это были неоправданные обвинения, последняя глупость или просто необходимость найти виноватого, но только если это говорилось с обычной громкостью. Услышав же, что на неё повышают голос, она начинала неосознанно огрызаться. Слушая возмущения Эрла, которые в основном своём были направлены на неё, она, конечно, старалась себя контролировать, ведь нельзя всегда идти на поводу у эмоций, потакать им, но всё равно не выдержала.

— Да захлопнись ты, баран! — вскрикнула Камилла, кинув в него шляпу. — Чего расшумелся? Сидишь тут в замке целыми днями и только и думаешь, а что, а как, а если!.. — она начала усиленно жестикулировать, из-за чего сестре пришлось сделать несколько шагов назад. — Уже, небось, мозги заплесневели, оставив только способность нервничать и считать всех за беспомощных детишек. Умник, я не вчера родилась. Сошли и сошли! — Ками топнула ногой, зло посмотрев Эрланну в глаза. — Как видишь, ничего не случилось, так что уйми свой комплекс мамочки.

Ирмелин, отойдя в сторону, устало прикрыла глаза рукой и покачала головой. От

поднятого шума у неё только сильнее болела голова. Да и сестре она сколько раз повторяла, не шуметь и не огрызаться в ответ — это ничем не поможет и правой её уж точно не сделает, только усугубит ситуацию. В детстве Ирма была такой же, а потому знала, что при желании можно научиться держать себя в руках и отвечать на крики спокойствием. Эрланн, конечно, тоже зря начал говорить на повышенных тонах. Но это дома все знали, к чему приводят крики, а потому старались, как бы странно это не звучало, ругаться тихо. Он же, наверное, и не предполагал подобного, потому что до ссор дела пока ещё не доходили.

Хранители разошлись почти сразу, потому как им не было причин оставаться и наблюдать за творившимся цирком. Услышали причину — можно идти к остальным, дабы рассказать, что все вернулись, все живы, и что, собственно, произошло.

В скором времени явилась Сюзанна. Окинув всех усталым взглядом, она при помощи способности заставила шумевших успокоиться, и объявила о том, что необходимо поторопиться, так как на то, чтобы поужинать, осталось совсем немного времени — солнце уже почти садилось, так что все личные разборки стоило оставить на завтра, никуда они не убегут.

Не заходя в комнаты, чтобы оставить вещи, пришлось сразу направиться в столовую, помыв руки на кухне. Все, кроме Дикры и Мейлира (им Сюзанна принесла еду в комнату), были уже на месте. Ужин проходил в напряжённом молчании, все попытки завести хоть какой-то разговор быстро затухали, оказываясь неудачными. Да и с говорунами была проблема. Главная болтушка сейчас находилась в кровати, Гленда нервничала, понимая, что и ей от брата достанется. У Фрейи не было обычного оппонента, а Ирмелин и Эгиль были достаточно разумны, чтобы знать, когда их «театр» уместен, а когда лучше молчать. Близнецы тоже не решались разводить шум.

Камилла чувствовала себя так, словно сидела на гвоздях. Вынужденная находиться рядом с Эрланном, она ощущала, как снова и снова вспыхивает в груди раздражение. Пока несильное, не вызывавшее навязчивого желания закатить скандал или натворить назло каких-нибудь глупостей, но заметно портившее всякий настрой и заставлявшее постоянно ёрзать, в спешке, почти давясь, есть и вечно оглядываться на часы.

Доев, она резко встала из-за стола, скрип стула в царившей тишине казался оглушительным. Поймав на себе непонимающие взгляды, Камила замешкалась, растерянно посмотрев по сторонам. Отпихнув от себя стул, она подобрала свои вещи и молча убежала из кухни, почувствовав, что иначе просто снова вспылит. Чтобы действительно успокоиться, ей требовалось гораздо больше времени, хотя бы час. В идеале всё это время лучше было не видеть раздражитель и вообще не ощущать его присутствие, что сложно, когда находитесь рядом.

Ирмелин тяжело вздохнула, посмотрев на хлопнувшую дверь. Если такое будет повторяться, то однажды штукатурка определённо кого-нибудь прибьёт. Пришлось извиниться перед остальными и объяснить, что хотя сестра и не выглядит такой уж раздражительной, но когда подобное случается, до добра это редко доводит. Правда, она решила сейчас умолчать о том, что именно стало причиной срыва — на эту тему стоило поговорить потом. Сейчас же и остальным не стоило задерживаться, так как время никого ждать не собиралось.

Хорошо, что этот день уже заканчивался. Вряд ли за оставшееся время что-то успеет случиться, в ином же случае... Стоило поискать того, кто выдаст награды «за глупость» и «за "везение"».

Глава 12: А ссоры — к ещё большим глупостям

Добежав до комнаты, Камилла кинула свои вещи куда-то в угол и, отправив в полёт обувь, развалилась на кровати, носом уткнувшись в покрывало. Что-то она сегодня сама не своя. Утром стоило извиниться за своё поведение и постараться в будущем не реагировать так бурно, тем более что переживания Эрланна были вполне справедливыми.

Размышляя обо всём этом, Ками задремала. Проснулась, когда было уже совсем темно. Пришлось задуматься о том, как же быть — лечь спать, не помывшись, не хотелось, но идти в ванную среди ночи... С другой же стороны, ванная комната располагалась по соседству, если быстро перебраться туда, то ничего ведь не случится. Просто не успеет случиться, ибо это будет слишком даже для замка, да и для Камиллы тоже. Придя к аналогичному решению, она взяла сменную одежду, обулась и выскочила в коридор, стараясь не хлопнуть дверь слишком сильно — не хватало ещё сестру в соседней комнате разбудить.

Заходя в ванную, Камилла ясно услышала за спиной шаги. Обернувшись, она заметила, что кто-то повернул за угол, а также кусок тёмного платья. Вспомнились слова Лауге о близняшках. А если это кто-то из них? Если то, что заставило всех в этот день посуетиться и побеспокоиться в столь раннее время, повторится? Спешно скинув вещи на стоявшую возле входа тумбу, Камилла поспешила проверить.

Как бы она ни торопилась, шаги всё время слышались где-то впереди, к тому же, было слишком темно и уловить что-либо не удавалось. Включать ночью свет в коридоре крайне не рекомендовалось, так как за этим следовал настолько громкий и противный визг, что недолго было и оглохнуть — души погибших терпеть не могли свет.

Когда всё стихло, Камилла осознала, что понятия не имела, где оказалась. По спине пробежал холодок — что-то всё это напоминало. Для полного счастья не хватало только Эгиля, который почему-то тоже решил побродить по ночным коридорам. Другое дело, что для него это не должно было представлять большой опасности, лишь бы под ноги не забывал смотреть. Поёжившись, Камилла вдоль стены побрела в обратном направлении. Глаза уже привыкли к темноте, но заметно легче от этого не стало.

Впереди был виден силуэт, из-за чего пришлось остановиться и всмотреться. У стены сидела женщина — или же девушка? — в тёмном платье и, закрыв лицо руками, тихо всхлипывала. Что делать в таких случаях Камилла не знала, однако сработала привычка. Подойдя поближе, она присела на корточки и, осторожно коснувшись плеча, спросила, что произошло. Странная женщина убрала руки от лица и, шмыгнув носом, подняла голову. Она, судя по всему, была ещё совсем молодой; левую половину бледного лица скрывали волосы, цвет которых не получалось разобрать, но они точно не были ни светлыми, ни чёрными.

Женщина покачала головой. Сбившиеся волосы позволили заметить, что левый глаз она держала закрытым.

— Тому, что случилось, нельзя помочь, — почти шёпотом ответила она подрагивающим голосом.

— Что же это за беда такая, что ей не поможешь?

Сейчас Камилла даже не задумывалась о том, кто эта женщина, как она оказалась в замке и почему выбрала именно это место, чтобы поплакать. Куда важнее было узнать причину слёз и хоть что-то сделать для того, чтобы их не было.

— Сложная, очень сложная беда... Пожалуйста, дай мне свою руку! — вдруг попросила она. Что-то неуверенно пробормотав, Ками протянула руку. Женщина вложила в неё нечто небольшое и холодное, но посмотреть на вещь не удалось, так как женщина прикрыла ладонь своею. Руки её были прохладными, а кожа на ладонях грубой — похоже, работа была ей не чужда.

— Храни это. Пожалуйста, храни это. Ради того, чтобы всё закончилось, чтобы этот круг разорвался, — спешно зашептала она, посмотрев прямо в глаза. Взгляд её вызывал лёгкое оцепенение, а слова эхом отдавались в голове.

Когда Камилла кивнула в ответ, женщина убрала руки. Поднявшись, Ками подошла к окну, чтобы получше рассмотреть предмет. Это оказалось кольцо, похоже, что серебряное и с небольшим серым камнем. Обернувшись, она хотела спросить, что в этом особенного, для чего оно нужно и чем могло помочь, но женщины уже не было на месте, равно как и не было слышно хоть каких-то звуков. Пожав плечами, Камилла убрала кольцо в карман, одновременно с этим нащупав там ещё что-то.

«Хм... Ключ?» — растерянно подумала она, вынимая находку. Пришлось напрячь память, чтобы понять, откуда он взялся.

Точно! Захотелось отругать себя и как следует удариться и без того бестолковой головой об стену. Этот самый ключ был найден под диваном в библиотеке. Конечно же, Камилла забыла отдать его Эрланну! Пожалуй, не столкнись она с Элеонорой, отдала бы во время ужина, как и планировала. Но, в силу сложившихся обстоятельств, изначальные планы оказались позабыты. Да уж. Срочно требовался портной, который заштопал бы дыры в памяти.

В данный же момент оставалось только одно — попытаться дойти до комнаты. Ладно, в отличие от первой ночи был шанс хотя бы на то, что где-то удастся сориентироваться. Главное — не свернуть в темноте шею и не сглупить. Но только, как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает, а в случае с Камиллой это было более чем правдиво.

Впереди, в паре метров от места, где сидела женщина, показалась дверь. Она была железная и меньше тех, что обычно встречались в замке. При приближении к двери ключ в кармане начал неприятно покалывать ногу. Наверное, это был намёк на то, что именно им дверь и открывалась. Остановившись, Камилла посмотрела на дверь, раздумывая. Если быть разумной и хорошей девочкой, то надо просто запомнить, где это место и пойти дальше. А если быть Камиллой, то стоит посмотреть самой. Потому что если по-хорошему всё рассказать, то точно отругают, а за дверью могло не оказаться ничего стоящего. Возможно, никто ничего не узнает, а если и узнает, то уже не зря.

Отыскав замочную скважину, Ками вставила туда ключ и повернула, хотя для этого пришлось приложить некоторые усилия. За дверью оказалась лестница, что вела вниз. Неужели, путь в подвал? Камилла поёжилась. Очень хотелось надеяться, что в подвале нет крыс. В замке в принципе не встречалась лишняя живность, и всё же... Но не останавливаться же на полпути? Шагнув вперёд и прикрыв за собой дверь, она решила ли проверить, подействует ли на лестнице тот самый жест, которым включали свет?

Сработало. Свет был довольно тусклым и холодным, а источника его не было видно — похоже, им служил сам воздух, но даже это было лучше, чем ничего, так как теперь хотя бы можно было разглядеть ступеньки и не покатиться по ним вниз. Нервно сглотнув, Камилла на мгновение подумала о том, что, быть может, всё же не стоило спускаться. Кто знал, что в этом подвале? Но ноги эти размышления не волновали, так что через некоторое время Ками

оказалась внизу.

Она находилась в небольшом помещении, от которого, расходясь лучами, в разные стороны вели узкие коридоры. Может быть, они чем-то и различались, но в глаза эти отличия не бросались. Единственное, за что мог бы уцепиться взгляд — таблички над входами в коридоры, вот только надписи на них разобрать было практически невозможно, лишь отличить некоторые буквы, которые ни о чём не говорили. Стены, пол и потолок были абсолютно голыми, в некоторых углах висела паутина, попахивало сыростью, было прохладно.

Подумав, Камилла решила пойти по тому коридору, что располагался прямо перед лестницей. Главное — запомнить свой путь, потому что выбираться придётся самой, а учитывая, что размеры подвала должны как минимум соответствовать размерам замка, плутать по нему можно вечно. Ну, или до смерти, что гораздо вероятнее.

Было тихо, слышались лишь эхо шагов и собственное дыхание. Тишина эта казалась слишком странной и непривычной после голосов в коридорах, какой-то неестественной и неправильной, а ещё ужасно неуютной. «На поверхности» замок не спал ни днём, ни ночью, никогда не утихал полностью, а потому сейчас Камилле казалось, что она попала в мир мёртвых. Действительно мёртвых, а не неупокоенных душ. Получается, погибшие не могли проникнуть в подвал? На ум приходило только то, что на это место были наложены некие особые чары, но чтобы сказать наверняка, надо хоть что-то в этом понимать.

Наконец, на глаза попала дверь. Деревянная, обитая железом и с тяжёлым кольцом в качестве ручки. Толкнув её, Камилла ввалилась в комнату, так как дверь поддалась куда легче, чем ожидалось. Поймав равновесие, она подняла голову и зажала рот руками, чтобы не закричать. С противоположной стены на неё пустыми глазами смотрел распятый скелет. По спине пробежали мурашки, ноги стали ватными. Нервно сглотнув, Камилла посмотрела по сторонам. Вдоль стен сидели ещё скелеты, всего их, если считать висящий, выходило тринадцать, все они оказались примерно одного роста и одетые в тёмные полуистлевшие платья. Это явно было не случайно, но узнавать, в чём дело, почему-то совершенно не хотелось.

Поборов оцепенение, Камилла выбежала в коридор и захлопнула дверь. Прислонившись к стене, она попыталась успокоиться, унять дрожь в конечностях. Разум говорил о том, что надо бы повернуть назад, уйти из этого ещё более жуткого, чем сам замок, места. Вот только любопытство распалось ещё сильнее, и потому, более-менее придя в себя, Камилла пошла дальше. Двери, правда, теперь открывать она опасалась.

Чем дальше, тем более давящей казалась атмосфера этого места. Наверное, если бы кто-нибудь сейчас дотронулся до её плеча, Камилла бы просто потеряла от страха сознание, а то и мгновенно поседела. От холодного света становилось ещё более зябко, из-за чего она часто ёжилась и потирала руки.

Послышалось журчание реки, совсем тихое, пришлось застыть и для верности задержать дыхание, чтобы убедиться в его реальности. Камилла решила попытаться найти его источник. Само наличие реки её не удивляло, откуда-то ведь должна была братья вода. Магический водопровод или нет, а источник воды всё равно должен быть реальным. Непонятно, правда, зачем к нему идти, но сейчас казалось, что всё лучше, чем тишина. Хотелось побежать, но тогда был высок риск ошибиться с направлением, поэтому приходилось идти осторожно и постоянно прислушиваться.

Путь привёл в пещеру. Камилла взвизгнула, когда за шиворот ей попала ледяная капля,

покачиваясь по спине и заставившая скривиться. Слегка шаркая ногами, она шла вперёд, осматриваясь. Сталактиты и сталагмиты — всё время забывалось, что из них чем являлось — встречались довольно часто, то тут то там капала вода, а пол был довольно скользким; и всё тот же холодный и тусклый свет, который придавал пещере некую таинственность и, может, даже сказочность, хотя для последней тут явно не хватало каких-нибудь светящихся летающих созданий и тихой музыки.

Потом снова пришлось застыть и присмотреться. На берегу реки сидела особа в нарядном платье, совершенно неуместном в этом месте, её тёмные сильно выющиеся волосы были украшены пышным фиолетовым цветком с сине-голубыми перьями. Узнать особу труда не составило — Камилла часто обращала внимание на её портрет, когда направлялась в библиотеку, вопрос был в другом: откуда она тут?

— Боргхильд? — спросила Ками, подойдя поближе.

Та обернулась. Странно было то, что она казалась совершенно живой. Не светилась, не просвечивала, не проявляла ещё каких-то признаков, свойственных тем, кто появлялись в этом мире, будучи мёртвыми.

— Кто вы? — в ответ поинтересовалась она, посмотрев с удивлением и некоторым недоверием. В словах слышался слабый южный акцент, что было неудивительно, если учитывать внешность.

— Я, эм... — Камилла замялась и почесала затылок. — Меня зовут Камилла, я — одна из следующих жертв. А твоё имя я видела на портрете в замке, — решила заранее уточнить она.

Боргхильд печально улыбнулась и покачала головой. Кивнув, она жестом предложила присесть рядом с ней. Отказывать Ками не стала.

— Вот как... Значит, мы всё же не справились? Впрочем, чего ещё ожидать, мы ведь были девятыми. Даже карты сказали, что ничего не выйдет, разве что что-то узнать.

— Карты? Ты умеешь гадать? — Камилла слегка подалась вперёд.

— Умею, — с гордостью ответила Боргхильд. — По одному гаданию у меня даже получилось написать стишок. Хотя, признаться честно, поэт из меня...

Щёлкнув пальцами несколько раз, Камилла попыталась восстановить в памяти строки из найденной в часах записки, после чего пересказала их и спросила, не это ли собеседница имела в виду. Боргхильд сначала удивилась, а потом подтвердила, что именно об этом предсказании шла речь. Но даже она не знала, что именно оно должно значить и когда сбыться, если вообще сбудется, а в часы было спрятано потому, что использованная раскладка называлась «проклятый часовщик», а у странных часов как раз недавно дощечка из углубления отвалилась. Про часы тоже ничего толком не удавалось сказать, потому что в её время они также работали, но не шли, а стрелки показывали час.

После Камилла поинтересовалась, что именно Боргхильд делала у реки. Ответ оказался на удивление простой: ей нравилось тут сидеть. Путь она хорошо помнила, так что часто приходила сюда, но в целом по подвалу не бродила — тоже в своё время была напугана комнатой со скелетами, но тогда их было девять.

— Вот ты сказала, что что-то вам удастся узнать. А вот что ты сама сейчас знаешь о проклятье?

— Хм... — Боргхильд запустила пальцы в волосы и посмотрела вверх. — Вообще-то, почти ничего. Вряд ли больше, чем ты, я ведь не так давно в замке. Там, в своём времени. Ты, наверное, встретила моё воспоминание.

— Воспоминание?

— Да. Я тоже встречала какую-то прошлую жертву, только не вспомню, где. Мне потом объяснили, что иногда замок фиксирует в некоторых местах образы тех, кто там находились. В какой-то определённый момент, с памятью, знаниями и прочим, что этому моменту соответствовало. Иногда он это... — она замялась, не зная, какое лучше подобрать слово. — В общем, показывает эти образы. Эти примерно также как у нас в памяти какие-то картины из жизни всплывают. Но воспоминания прикованы к одному месту. Поэтому, думаю, я, которую ты встретила, не может покинуть подвал, как и пойти иным путём, не как обычно. А ещё могу исчезнуть или появиться в любой момент.

Камилла запустила пятерню в чёлку, отодвинула ту назад, и вздохнула. Понять то она поняла, что говорили, но воспринять это было сложно. Появлялось слишком много вопросов из разряда «как?», «почему?», «зачем?» и так далее. Сейчас было ясно только одно: она говорила с Боргхилль, которая когда-то жила и условно, по собственным воспоминаниям, сейчас также живая. И многого от неё не узнать.

— Я сделаю вид, что всё ясно, — в итоге ответила Ками, покосившись в сторону.

Боргхилль рассмеялась. Смех её был громкий и очень заразительный, такой свойственен многим южанам. Такая живая, такая яркая. Рядом с этой девушкой Камилла чувствовала себя какой-то обесцвеченной, словно это она уже давно мертва, она — лишь воспоминание, показанное замком. Отчего-то стало ясно, почему комната Боргхилль выглядела так, словно её хозяйка недавно ушла. Её поколение так и не смогло поверить в то, что такой яркий человек вдруг умер.

— В своё время я сделала точно так же. Но вот скажи, вы как считаете: когда появляется ведьма? — спросила она, неожиданно посерьёзнев.

— Ну... Мы этого не знаем. Считается, что она ждёт какого-то события.

— Понятно. Значит, это заблуждение пошло дальше, — печально заметила Боргхилль. — Но, может, это и к лучшему. Но тебе я всё равно расскажу то, что узнала. Надеюсь, это поможет...

Камилла выжидающе смотрела на собеседницу, которая, верно, собиралась с мыслями. В чём же они заблуждались?

— Понимаешь, ведьма, конечно, действует не сразу, но вот следит за происходящим довольно давно. Её дух заперт, а потому она вынуждена использовать одного из жителей в качестве своих глаз. Я не знаю, вселяется она или ещё что, но наблюдает за вами она уже сейчас. Она знает обо всём, что вам самим удалось выяснить. Скорее всего, она использует одного из хранителей — пол ей неважен, но их легче всего использовать. Так что, пожалуйста, будь осторожна с теми, кто тебя окружает.

Услышанное обрушилось на голову, словно ушат ледяной воды. Среди них. Ведьма среди них и уже давно. Она всё знает, за всем следит. Не исключено даже, что специально запутывает. Опасность действительно ближе, чем все считают, но ведь об этом и правда не расскажешь. А вдруг ведьма решит поскорее избавиться от жертвы, пока та не узнала ещё чего-то лишнего? Она ведь определённо не глупа, если до сих пор не была раскрыта, водила за нос несколько поколений.

Камилла плохо помнила, как Боргхилль довела её до лестницы, как объяснила путь до жилой части замка. Она действовала словно в полусне, снова и снова думая о том, что среди них есть... предатель? Слишком громкое слово, ведь тот, кто был глазами ведьмы, вряд ли делал это по своей воле, да и сомнительно, что знал, как избавиться от воздействия. Его ведь

вообще, быть может, можно не распознать, принимая за действие осколка. Но всё равно становилось ужасно неудобно, страшно и немного противно.

Сильнее всего был страх. Вот только не сразу удалось понять, что для естественного он слишком сильный, а потом понимать стало поздно. Камилла оказалась окружена крысами. Их было много, казалось, что это пол стал крысами, писк множества созданий превратился в ужасный шум, маленькие блестящие глазки были направлены на Камиллу. Они подходили всё ближе и ближе, сжимая кольцо. Что-то противное почувствовалось на трясущихся от страха руках. Липкое, склизкое. Оно двигалось всё выше и выше, оно чувствовалось и на ногах, заползало под рубашку. Омерзительно. Настолько, что к горлу подступила тошнота.

Подняв руки, Камилла покосилась на них и истерично взвизгнула. Они были облеплены слизняками, которые медленно поднимались всё выше и выше. Борясь с оцепенением и отвращением, Ками попыталась стряхнуть их с себя, но с потолка на неё падали новые слизняки, в то время как старые облепили ноги. Всё это сопровождалось писком и щёлканьем зубов, которые становились всё ближе. От ощущения беспомощности выступили слёзы.

Когда первые зверьки добрались до ботинок, крысы вдруг начали разбегаться, словно уступали кому-то дорогу. Несложно догадаться, кому именно. Он шёл прогулочным шагом, руки сунув в карманы и противно улыбаясь (странно, что даже в темноте это выражение лица было прекрасно различимо). Остановившись перед Камиллой, Эгиль за подбородок поднял её лицо, заставив посмотреть ему в глаза.

— Тебе ведь говорили не шляться ночами? Говорили. Ты послушалась? Конечно, нет. Неужели недавней глупости было мало, своевольное дитя? — он говорил тихо, но голос был настолько холодным, что стало ещё более жутко. Зато начали постепенно пропадать крысы и слизняки. — У тебя не так много времени, чтобы поумнеть, а ты намеренно его сокращаешь. Нехороший, очень нехороший ребёнок.

Камилла внимательно следила за слегка прищуренными чёрными глазами. Ей всё ещё было страшно, но страх больше не парализовал. Отпихнув руку Эгиля, она проскочила мимо него и понеслась в свою комнату, чтобы там спрятаться под одеяло и попытаться дождаться утра. Подвалы, кольца, слова про ведьму, — всё это сейчас не волновало, не вспоминалось, лишь бы оказаться подальше от хранителя и его способностей.

Как ни странно, уснуть удалось. К счастью, ничего не снилось, но пробуждение вышло тяжёлым. Голова гудела, а руки оказались все исцарапаны ногтями (видимо, из-за попыток избавиться от несуществующих слизняков). Придав себе более адекватный внешний вид, а заодно забрав вещи их ванной, Камилла отправилась на завтрак. По пути она раздумывала над словами Боргхилль.

Кто-то из обитателей замка — приспешник ведьмы. Кто-то из хранителей. Подозревать можно было кого угодно, ведь даже самое милое поведение возможно принять за маскировку. Умелую маскировку, которая как бы не должна вызывать никаких сомнений. Взять, например, Гленду. Слишком милое дитя, чтобы быть используемой ведьмой. С другой же стороны, она младшая, легче всего поддавалась контролю. Но тогда попадала под подозрения Мейнир, которая была больше похожа на тень и своей воли, возможно, не имела вовсе. Рассуждая, в каждом можно разглядеть причину, по которой именно он — дополнительная пробоина в их лодке, на которую, правда, не обращают внимания, занимаясь другой, более крупной и явной. А лодка всё равно шла ко дну.

Однако всё равно самым подозрительным выходил Эгиль. Мрачный, относительно

необщительный, без видимой связи между поведением и осколком (по логике ведь должен трястись сильнее Элеоноры!), да ещё и так вовремя встречаемый в коридоре. Почему он бродил именно этой ночью? Как нашёл её? Для ведьмы, конечно, было бы странно настолько подозрительно себя вести, но Эгиля в любом случае не получалось воспринимать без опасения.

Во время завтрака атмосфера была менее напряжённой, чем за ужином, но Камилла всё равно чувствовал себя неудобно. Эгиль делал вид, что не замечал её, а вот Эрланн явно хотел что-то сказать. И это что-то отнюдь не извинение за вчерашнюю излишнюю вспыльчивость, либо же что-то и вовсе нейтральное по своей теме.

— Чего тебе? — хмуро пробурчала она. Почему день не мог начаться с чего-нибудь радостного?

— Мне сказали, что ночью тебе вздумалось прогуляться, — строго начал он. Можно было подумать, что Эрл специально дожидался этого вопроса. Остальные на эти слова не отреагировали. Видимо, и так всё знали. — Мало было вчера по глупости всех на уши поставить? Дикра — живой, к счастью, пример того, что может случиться. Совсем свежий пример! Так нет, шило у кого-то так и зудит. У тебя хотя бы объяснение есть?

Конечно, можно было рассказать всё так, как случилось. Как кто-то куда-то шёл, как потом встретила женщина, нашла дверь... Но нет, этого совершенно не хотелось. Сколько можно её упрекать? Сколько можно поучать, как делать можно, а как нельзя? Раз сказали, два повторили — этого хватит, новые попытки ничего не изменят. Нет же, надо постоянно напоминать, намекая, что у кого-то недостаток ума.

— Не буду я ничего никому объяснять! Умники. Только и умеете, что ворчать!

Камилла кинула ложку и, резко вскочив из-за стола, выбежала в коридор. В столовой все затихли и посмотрели на дверь, некоторые девушки с неодобрением покосились на Эрланна. Похоже, того тоже ждал серьёзный разговор на тему того, как надо общаться, а чего делать не стоит.

Чтобы успокоиться, Камилла несколько раз умылась холодной водой. Понимала, что будет плохо, если сорвётся на ком-нибудь на работе, к тому же, не поймут. Обычно улыбчивая и спокойная, а тут вдруг шумит и спорит. Не одобряют, ещё пожалеть потом придётся... Поэтому по пути в город Ками шла немного впереди, пыталась то ли гармонию с природой найти, то ли просто чтобы никого пока не видеть. Вспомнив о кольце, она достала его из кармана, чтобы получше рассмотреть уже при свете. Действительно, серебряное, а камень по цвету очень походил на её глаза.

Стало любопытно, а окажется ли кольцо по размеру? Не раздумывая, Камилла надела его на средний палец левой руки и полюбовалась. Село, как родное, что даже снимать не захотелось. В конце концов, что от этого будет?

Глава 13: Мрачные мысли лечим примирением

Подбирая подходящие по цвету нитки, Камилла не обратила внимания на то, как странно смотрела на неё Доротея, особое внимание уделяя рукам. Когда коллега молчала, она вообще становилась до удивительного незаметной, словно исчезала. Поправляя светлую прядь, по обыкновению не убранную в немного неаккуратный пучок, Дора возвращалась к работе, но потом снова поднимала взгляд на Камиллу и слегка хмурилась. Ей что-то не нравилось, что-то изменилось в магической энергии, окружавшей Ками, но не удавалось понять, уловить, что именно. Эта энергия всегда была сложной для понимания: столько всего намешано, напутано, переплетено между собой хитрыми узлами колдовства, но тем интереснее пытаться разгадать, распутать, распознать. И всё же сейчас руководил не интерес, а чувство непонятной тревоги, зародившейся в дальнем углу подсознания.

Камилла зажала губами иголку и отрезала новую нитку, уловив что-то краем глаза, она обернулась и подняла в удивлении брови, заметив обращённый на неё взгляд Доротеи. Вопросительно промычав нечто неразборчивое, Ками всё же вынула иголку и нормально спросила, что случилось. Дора вздохнула и покачала головой.

— Не знаю, это я и пытаюсь понять, — невесело ответила она, беря очередную ужасно мелкую декоративную пуговицу. — Понимаешь, что-то изменилось в той энергии, что тебя окружает, но не могу разобраться, что же это.

Камилла пожала плечами и продолжила зашивать юбку.

— Мало ли, что там могло понацепляться. Не обращай внимания, оно того не стоит.

— Если бы. Это что-то явно нехорошее. Хуже, чем то, что я видела на тебе ранее.

— Неважно, — она усмехнулась, — всё неважно. Мне иногда кажется, что в моём случае даже нельзя сказать, что хуже будет только смерть.

Пускай Камилла уже успокоилась и после того, что произошло вчера, и после утра, но всё равно пребывала не в самом хорошем расположении духа и была бы рада погрузиться в работу, не задумываясь ни о чём, но теперь, когда она знала, как внимательно её рассматривают, сделать это гораздо сложнее. К счастью, Дора была достаточно понятливой, и потому даже если внимание с её сторону не исчезло, оно снова не ощущалось.

Часы, которые висели в соседнем помещении и которые было отлично слышно, пробили двенадцать. Камилла встрепенулась — похоже, через полчаса обед, чему она действительно радовалась: утром из-за собственных распатавшихся нервов не удалось нормально поесть, и теперь в любой момент она могла услышать рулады в исполнении недовольного желудка, который не прощал пренебрежений к еде. И вот стоило кипятиться? Если уж без этого действительно было никуда, то стоило оставить все разборки на время после еды, авось сытой она бы поспокойнее на всё реагировала.

— Слушай, а давай сегодня в пекарню сходим? — предложила вдруг Камилла. Она часто обедала вместе с Доротеей — в компании всё же веселее, а их, к тому же, уже вполне можно назвать подругами.

— С сестрой захотелось повидаться? — она пожала плечами, тем самым показывая, что ей без разницы, где есть.

— Я сегодня плохо завтракала, хочется чего-нибудь мучного, к тому же, еда из таверны мне уже приелась. А с сестрой я и так часто вижу. Мы живём вместе.

— Зато там такой симпатичный повар... — мечтательно вздохнула Дора.

— Не начинай, — растягивая слова, простонала Камилла, закатив глаза.

Непонятно, как та умудрилась, но однажды Доротея по ошибке забрела на кухню и пала жертвой чар одного из местных поваров. Конечно же, ей надо было с кем-то этим поделиться, а кто ещё кроме Камиллы мог попасться под руку? Никто. Вот и пришлось Камилле остаток дня слушать о том, какой же в таверне работает принц в белом фартуке, рыцарь половников, лорд кастрюль, и что-то там ещё было про сковородки, но на том моменте закончился рабочий день, и пришло спасение в лице сестры. Увы, но тот разговор стал хоть и первым, но далеко не последним, на следующий день заиграла примерно та же шарманка, только теперь в ней появились бароны фарша (или фаршированные бароны?), повелители перцовок и прочий бред, рождённый излишне мечтательным мозгом Доротеи. Дальше стало только хуже, потому что то и дело коллега переносила образ повара на любимых книжных героев, выдавая словесную кашу редкого качества, но, к счастью, к тому моменту Камилла научилась пропускать мимо ушей всё звучащее, как только снова случайно поднималась эта тема.

В этот раз всё обошлось, а потому оставшиеся полчаса не пришлось выслушивать о выдуманных подвигах и героизмах очередного мага всея пюре или кто там был в последний раз? Предварительно выглянув в окно, Камилла пришла к выводу, что шляпу всё же лучше взять — возможно, сейчас и не пекло сильно, но рисковать не стоило. Ей самой в свете последних событий можно уже давать какой-нибудь титул, связанный с неудачами и неразумностью.

На улице резко поднявшийся ветер сдул шляпу и, кажется, готов унести её к другому концу города, если бы Камилла не была решительно настроена против очередной потери головного убора; и хотя в итоге пришлось шнырять между ног спешивших куда-то прохожих, победа была одержана, а шляпа поймана. Отряхивая ту, Ками стала высматривать Доротею и нахмурилась, увидев невдалеке мужчину. Коротко стриженный рыжий в одеждах красного и коричневого цвета, несмотря на тёплую погоду, он носил вышитый серебром плащ, на котором спереди красовалась серебряная брошь в виде скелета священной птицы, название которой успешно забыли, а голову его украшал венец с алыми атласными цветами. Священник... Камилла совершенно не разбиралась в их иерархии, но точно могла сказать, что этот представлял из себя довольно важную особу, что делало непонятным его пребывание в городе. Религиозный центр данной области располагался в другом месте, и всяческие верхушки покидали его довольно редко. Нарфаль же и вовсе считался нечистым местом, так как располагался ближе всего к лесу, поэтому его обходили десятой дорогой.

Священник разговаривал с неким мужчиной преклонного возраста, который, судя по усиленной жестикуляции, пытался в чём-то его убедить, но, видимо, с сомнительным успехом. Услышать разговор не удавалось, лишь уловить пару огрызков: что-то про историю, про то, что куда-то там не надо идти и что-то о погоде. В общем, понятнее не стало.

Вернувшись к Доротее Камилла сохраняла недовольное выражение лица, что вызвало совершенно естественный интерес. Раз шляпа на месте, то дело явно не в ней, и за такой короткий промежуток времени всё же что-то успело произойти.

— Что случилось? — как бы между делом спросила Дора, хотя выражение лица выдавало её чуть более чем полностью.

— В город прибыла важная священная шишка, — с некоторым отвращением ответила Ками, покосившись в сторону. — И что им не сидится в... Эм, ну, в общем, где сидят, там и не сидится.

Причины для нелюбви у Камиллы имелись. Кто-то посчитает, что они бредовые, но ей их было достаточно. Из-за дяди тема религии иногда вызывала рвотные позывы, потому что каждая из встреч в итоге превращалась нудную лекцию на соответствующую тему. Ещё все случайно или не очень встреченные священники и прочие служители веры почему-то как на подбор оказывались высокомерными параноиками, которые любили обвинить других во всех возможных грехах, ведьмовстве и каком-то там одним им понятном бреде. В общем, неприятные впечатления накладывались друг на друга и в итоге породили то, что есть — отвращение к вере и нежелание находиться рядом с теми, кто ей служит.

— Чем же они тебе не угодили?

— Просто не люблю, неужели нужны ещё причины? — Камилла развела руками.

— Я тоже не люблю... — Дора прищурилась, смотря в небо. Ками посмотрела на неё и усмехнулась, ей казались забавными эти две родинки под левым глазом коллеги, которые не оставались надолго в покое из-за часто менявшегося выражения лица. — Не люблю, когда мне смотрят в глаза, а они делают это особенно пристально, а потом ещё и расспрашивать о чём-то начинают. Говорят, как с заразной, а сами — святые в шелках! Наверное, сами и ободрали свою священную птицу, чтобы перьями её украсить своего предводителя, либо же подписывать ими указы о начале охоты.

Доротея говорила это с таким умиротворённым и даже доброжелательным видом, что Камиллу передёрнуло. Милые люди иногда бывали жуткими, если сохраняли этот образ независимо — или почти независимо — от обстоятельств. Вспомнилась Гленда. Та, наверное, тоже способна рассуждать о не самых приятных вещах со светлой улыбкой и совершенно беззаботным выражением лица, а ведь именно от таких созданий обычно не ждёшь подвоха, таким быстро начинаешь доверять.

Довольно скоро они дошли до пекарни. Весело звякнул колокольчик над дверью, приветствуя посетительниц, Камилла, заметив сестру, которая сейчас как раз стояла на кассе, помахала ей, сняв шляпу.

— И вот надо было с завтрака подрываться? — Ирмелин покачала головой и отрезала кусок от пирога.

— Ирма, ну, не надо об этом, я тоже не рада, что так сделала. Зато появился повод к тебе заглянуть.

— Можно подумать, он тебе нужен, — она хохотнула и отвернулась, чтобы взять чашки. — Не торопись во время еды и осторожнее со шляпой, Мейлир и так в последние дни только и делает, что беспокоится.

Камилла что-то пробубнила, забирая чай. Она, во-первых, не во всём виновата, а, во-вторых, не может ничего поделаться со своей невезучей природой. И как сестра догадалась про шляпу? Та, конечно, светлая, но, вроде бы, отряхнута была хорошо. Либо интуиция настолько хороша, либо это сказано просто потому, что Ирмелин знала: иначе получится и не могло. Не зря же они родственницы.

Поставив чашки на стол, Ками уточнила у Доротеи, не нужно ли им ещё что, и только потом села. Всё же обеденный перерыв не резиновый и сильно засиживаться не стоило. Камилла зевнула и посмотрела в окно, взглядом провожая случайного прохожего. Она уже вторую ночь подряд нормально не спала, что, наверное, тоже сказывалось на настроении не лучшим образом.

— И всё же вы не похожи, — вдруг произнесла Дора, переводя взгляд с Камиллы на Ирмелин и обратно.

— Разве? — удивилась Ками. — А обычно говорят обратное, а то и вовсе за мать и дочь принимают.

— Внешне, у вас, конечно, что-то и есть, но вот окружающая энергия различается. У неё она плотнее, сильнее и мрачнее.

— А нечего часто общаться со всякими подозрительными личностями. — Пожала плечами Камилла и вернулась к обеду. Иногда интересно слушать все эти слова Доры о различных энергиях вокруг людей, но не сейчас.

Сейчас, ко всему прочему, вряд ли получится понять сказанное, тем более что на ум так некстати пришли слова Боргхилль. И вот как после них можно было оставаться спокойной? Как делать вид, что всё как обычно? Как вести себя с остальными, чтобы ненароком никого не обидеть из-за своей подозрительности? И, главное, как не попасться ведьме и вычислить её? Станным всё равно оставалось то, что Ингрид чего-то ждала, не начинала действовать, а ведь, казалось бы, в её интересах сделать всё как можно скорее. Устранить жертв до того, как они станут по-настоящему важны Мастеру, устранить Мастера, чтобы тот не мешал осколкам захватывать хранителей. Почему за столько поколений ничто не сдвинулось с мёртвой точки, раз за разом повторяя один и тот же сценарий? Новое знание только добавляло несостыковок. Снова.

После этого вспомнилась комната со скелетами. Тринадцать. Во время девятого поколения их насчитывалось девять. Скелеты были в платьях, вероятно, что они женские. Все платья тёмные и похожие между собой, всё это не просто так, но не хватало ещё одной детали.

Камилла ойкнула, случайно уколов палец. Это же насколько надо задуматься, чтобы допустить подобное?

— Что такое? — обеспокоенно спросила Дора.

— Порядок, бывает, — Камилла пожала плечами и продолжила шить.

— Так вот, в той книге безликая женщина...

«Безликая женщина?» — Ками поморщилась.

Женщина из сна, названная ведьмой, тоже ведь была в тёмном платье. Получается, все те скелеты принадлежали прошлым телам ведьмы? Что же, звучало разумно, если принять в расчёт то, что слова о рассыпавшемся прахом теле появились в легенде для красоты слова. Но зачем они там? Почему один из них распят? Где ответ, где правда?

Возвращаясь обратно, она всё также пыталась что-то обдумать, до чего-то в итоге прийти, но уже сонный мозг не мог выдать ничего путного. В итоге пришлось бросить это дело и занять себя любованием того, что было вокруг.

— Кстати, — Ирмелин немного замедлилась, чтобы поравняться с сестрой, — откуда у тебя это кольцо? Я его ещё в обед заметила.

— Кольцо? — недоумённо переспросила Камилла. За всеми этими размышлениями она успела о нём позабыть. — Да, нашла где-то. Сейчас уже не вспомню.

Врать сестре нехорошо, но выдавать правду почему-то не хотелось. Чтобы сменить тему, Ками заговорила о замеченном днём священнике. Ирма криво усмехнулась, она относилась к ним не лучше и вообще предпочитала не пересекаться. Почему? Так уж получалось, что молодые представители духовенства вдруг забывали о том, что служат вере, и начинали с недобрым интересом рассматривать определённые части тела Ирмелин, которая, конечно, привыкла к такого рода вниманию, но считала, что с их стороны это выглядело особенно низко. Ладно, когда проходивший мимо парень начинал, мягко говоря, пялиться на вырез в

платье, он земной обычный человек, но те, кто обвиняли других в грехах должны хотя бы уметь не выдавать себя. И ведь не обвинишь в ответ, тут же найдут, к чему придраться, а там оставалось только выдать медаль «за занудство» и уснуть с закрытыми глазами, чтобы не слушать по неизвестно какому кругу одно и то же.

— Надеюсь, мы не пересечёмся, — вздохнула Ирма, открывая калитку. По городу она особо не ходила, так что шанс встретится со священником был мал, но ведь закон подлости никто не отменял.

Камилла согласно кивнула. Ей чаще приходилось куда-то ходить, но в силу собственной неприметности выше шанс уйти незамеченной. Хорошо иногда быть серой мышью — легче избегать нежелательных встреч.

Открывая дверь и смотря под ноги, Камилла обратила всё внимание на порог, чтобы не повторить внеплановый полёт с экстренными попытками предотвратить приземление. В итоге, конечно, она не заметила того, кто шёл навстречу и тоже почему-то глядел не туда. Врезавшись головой, Ками резко посмотрела наверх и с невероятной резвостью отскочила назад, прижав руки к груди.

— Твою ж! Что ж ты вечно из ниоткуда возникаешь! — воскликнула она, глядя на Эгиля.

Тот, судя по всему, а особенно по неприятной улыбочке, сначала хотел по обыкновению сказать что-то колкое, но вдруг изменился в лице, словно привидение увидел. Застывший взгляд его был направлен прямо на руки Камиллы, которая невольно тоже на них посмотрела, испугавшись, что с теми что-то не так. Но нет, ничего не изменилось, руки оставались руками и даже были целыми, если не считать оставшихся после ночи царапин.

— Ты чего так пялишься? — не совсем осторожно спросила она, подозрительно косясь на хранителя.

— Это ты чего?! Идиотка. Клиническая идиотка. — Эгиль приложил к лицу ладонь и покачал головой, произнося что-то неразборчивое, но явно нецензурное. — Если не хочешь убить себя собственной глупостью — не снимай это кольцо, раз уж надела. О, небо, ниспошли ей мозгов... — развернувшись, Эгиль направился в сторону лестницы, продолжая что-то бормотать.

Провожая его взглядом, Камилла покрутила пальцем у виска и присвистнула. Если ей не хватает ума, то кому-то явно не хватает адекватности. Мало того, откуда он знает что-то про кольцо? Или же это ему бред в голове что-то нашептал? Немного ошалев, Ками пошла в комнату. Скоро ужин, а надо ещё переодеться.

Ужин проходил как обычно. Дикре разрешили иногда вставать, так что теперь она сидела со всеми и снова не давала надолго повиснуть тишине. Удивительно, как только та успевала и есть, не отставая от остальных, и неустанно о чём-то щебетать, каждому задавая гору вопросов, самостоятельно же на них отвечать, спорить с близнецами и попутно интересоваться, как дела у Сюзанны. Вообще, как оказалось, половину оживления во всё вносила именно она, что даже не привлекали внимание задумчивость Эрланна и мрачное настроение Эгиля.

После еды Камилла сразу отправилась в ванну, а потом, заранее задвинув шторы, устроилась с книжкой на диване, планируя через пару глав отправиться спать, чтобы завтра не напоминать свежеподнятого мертвеца. Тем более со столь светлой кожей такая вещь, как круги под глазами, была очень заметной, а красоты это вообще никому не прибавляло.

В дверь постучали. Заложив страницу, Камилла отложила книгу на стол и подошла,

чтобы открыть. На пороге она обнаружила Эрланна.

— Да? Что-то случилось? — спокойно спросила она, не понимая, зачем тот пришёл.

Нервно дёрнулся уголок губ, Эрланн покосился куда-то в сторону. Что ж, похоже, дело не срочное, раз он не торопился. Вздохнув, Ками отошла в сторону.

— Не люблю говорить на пороге. Проходи давай и собирайся с мыслями.

Впустив Эрла, Камилла закрыла дверь и вернулась на диван. Тот факт, что она уже переделась ко сну, её совершенно не смущал — было бы чего стесняться. Эрланну, похоже, тоже до этого не было дела, он вообще пребывал где-то в иной реальности; взгляд его перебегал с одного предмета на другой, выдавая волнение, он даже не сразу отреагировал, когда предложили присесть. Кивнул, устроился на противоположном краю и снова завис, нервно теребя правой рукой ключи.

— Эрл, ну, проснись. Что с тобой? — Ками придвинулась ближе и потрясла его за плечо.

Вздохнув, он попытался посмотреть ей в глаза, но всё равно отвёл взгляд и всё же заговорил:

— Это... Извини меня, что, ну... Накричал вчера. Сам не знаю, что нашло вдруг. Нервы что ли...

— Всё нормально, — Камилла улыбнулась. — Я не обижаюсь, от волнения же всякое бывает. Это мелочь, тебе необязательно было приходить.

— Сью и Гленда от меня бы и мокрого места тогда не оставили, — нервно усмехнулся он, проведя рукой по шее.

— Ой, да они бы ничего не сделали! Не такие милые создания. Но, знаешь, я ведь тоже хороша... Прости идиотку, вечно от меня одни беды. И за то, что наговорила вчера... Я всегда такая несдержанная, если голос повышают. Вот даже если не хочу — всё равно вспыхну, а ведь ты прав был.

— Ты верно тогда сказала. Я слишком много беспокоюсь, забывая то, что ты не ребёнок уже и, хотя и являешься человеком, но ведь не совершенно беззащитная.

Камилла, кажется, хотела что-то возразить, но вместо этого рассмеялась. Всё же, до чего глупо выглядела эта сцена, когда двое пытались доказать, что виноваты в первую очередь они сами. Это, с одной стороны, хорошо, а с другой бывает также бессмысленно, как когда обвиняют друг друга. Эрланн тоже засмеялся, но вдруг затих, кое-что вспомнив, и спросил у Камиллы, почему всё же та ходила ночью по замку. Неожиданным оказалось то, что после вопроса она вдруг подскочила и кинулась к шкафу, после чего принялась что-то разыскивать. Вернувшись, она протянула ключ, ту же начав немного сбивчиво объяснять, откуда тот у неё взялся.

— И, в общем, он от подвала, — добавила она в конце, садясь и начиная с каким-то странным интересом рассматривать собственные пальцы.

— Откуда ты это... Ты спускалась в подвал?! — Эрланн от удивления даже вперёд подался.

Камилла неуверенно кивнула головой, немного помолчала, а потом начала рассказ о том, что, собственно, произошло вчера ночью. О том, как пыталась догнать кого-то, подумав на близняшек, как говорила с женщиной, как потом спустилась в подвал, увидела комнату со скелетами... Дойдя до части с Борхилль, Ками сильно сжалась, при этом так сильно схватив себя за руку, будто желала пропороть ногтями кожу.

— А п-потом она сказала, чт-то ведьма уже среди нас. Наблюдает, через одного из

хранителей. И я потом плохо что-то помню, н-но уже в коридоре я столкнулась с Эгилем. Это б-было очень страшно. Он всегда такой жуткий. И почему он тоже был ночью там? Почему он так странно себя ведёт? А если он и есть тот, кто служит ведьме? — у Камиллы заметно дрожал голос, да и сама она слабо тряслась.

Пододвинувшись поближе, Эраланн обнял её и начал медленно поглаживать по голове и спине, пытаясь хоть немного успокоить. Конечно, сказанное совсем не радовало, но он не очень-то в это верил. Мало ли, почему Боргхиль так решила, и откуда она это узнала, не стоило так легко принимать всё на веру.

— Не знаю, почему она так решила, но, поверь, если бы ведьма воздействовала на кого-нибудь, я бы это почувствовал. Я ведь маг, не забывай. И про Эгиля я знаю, он нередко ночами ходит, пытается за остальными следить, но и ему ведь нужно спать, поэтому порою случается то, что случилось недавно. Он ведь винит себя за это, хотя, спрашивается, он тут причём? Мы теперь друг для друга семья и должны друг другу верить. У всех свои странности, и у всех есть на это причины.

Камилла, ничего не ответив, сильнее прижалась к Эрлу, крепко вцепившись в его плащ. Ей было сложно вот так сразу изменить своё мнение, но, наверное, стоило попытаться. Но потом, сейчас ей не хотелось думать об этом. Ни о чём не хотелось думать, только обнять как можно крепче и сидеть так. Чтобы время остановилось, позволило растянуть это мгновение. Так не могло продолжаться вечно, но немного подольше... Всего лишь немного подольше, на несколько минут. Уйти, спрятаться от суеты и страхов жизни в объятиях, как можно лучше сохранив в памяти этот момент. Она ведь не просила о многом, не просила, чтобы спасение пришло само, все вопросы решились в одно мгновение, чтобы жизнь превратилась в сказку. Просто чуть дольше побыть рядом с тем — как неожиданно пришло понимание! — кто так незаметно стал очень дорог. Слово за слово, встреча за встречей, просто знакомый стал другом, друг... Пока точно не получалось утверждать, кем именно, но кем-то действительно важным, своим, обязательной частью жизни.

Она с трудом оторвалась, и то только потому, что сидела на ногах и те начали затекать, а это портило момент. Спустив ноги вниз, Камилла положила голову на плечо Эрлу и взяла его за руку. Тот улыбнулся, чуть крепче сжимая руку.

— Знаешь, насчёт кольца... Наверное, пока что действительно лучше не снимай его. Я, кажется, видел упоминание чего-то подобного. Постараюсь найти и тогда уже скажу точнее.

Ками кивнула. Ей как-то без разницы — есть кольцо на пальце, нет — оно всё равно не мешало, так что можно и не снимать. Хотя, конечно, стоило всё же прежде его показать, но что уж теперь поделаешь? Думать надо было раньше, а с этим почему-то постоянно возникали проблемы.

Мирно сидеть рядом — это, конечно, хорошо, но время неумолимо, время продолжало идти вперёд, а разговоры и опущенные шторы не помогали за ним уследить, скорее даже наоборот. Ночь наступила, хотелось того или нет, а это имело свои последствия. Эрланн неожиданно отдёргнулся и согнулся, схватившись за голову. Камилла испуганно посмотрела на него, ему явно было больно, но она не знала, что произошло, что делать.

— Эрл, что с-случилось?.. — голос-предатель дрогнул, выдав волнение.

Эрл выставил в сторону одну руку, как бы останавливая, прося успокоиться. Можно было бы воспринять этот жест как «всё в порядке», но только на порядок оно никоим образом не походило. Когда порядок, не хватаются за голову и не кривятся от боли. Но Камилла послушалась. Застыла, смотря испуганно на происходящее, и постепенно замечала,

что рога становились меньше, словно врастали обратно в голову, а волосы постепенно приобрели светлый каштановый цвет. Так вот, как он снова становился человеком.

Опустив руки, когда всё закончилось, Эрланн устало откинулся на спинку дивана, всё ещё держа глаза закрытыми. Он дышал несколько неровно и иногда морщился, но, похоже, это было остаточной реакцией.

— И часто такое происходит? — осторожно спросила Камилла, снова оказываясь рядом, но почему-то боясь дотронуться. Глупый вышел вопрос.

— Каждый день. Извини, надо было следить за временем и не засиживаться, не хотел пугать... — Эрланн виновато посмотрел на Ками, и та с удивлением заметила, что настоящий цвет его глаз — ореховый. Совершенно нормальный, понятный и довольно приятный цвет.

— Не беспокойся об этом. Не извиняйся. Зато теперь я знаю, как ты выглядел раньше на самом деле, — она попыталась ободряюще улыбнуться. — А то в прошлый раз темно было.

— Жаль только, что для меня обе внешности одинаково чужие. И смена у них неприятная. Не нравятся они мне этим...

— А мне они нравятся! И... И ты тоже нравишься! В любом виде, — вдруг выпалила Камилла, умудрившись при этом даже взгляд не отвести, но зато явно покраснев.

Эрланн закашлялся, подавившись воздухом. Удивлённо посмотрев на Камиллу, он сначала грешным делом подумал о том, что либо со слухом проблемы, либо галлюцинации начались, но, вроде бы, ничем подобным не страдал, предпосылок к этому не было...

— Ты это сейчас серьёзно сказала? — неуверенно переспросил он, пытаясь безуспешно найти подвох.

— Более чем. Неужели похоже на то, что я вру? Так могу повторить, мне несложно, — Камилла усмехнулась и развела руками.

— Нет, пожалуй, не надо... — пробормотал Эрл, всё ещё пребывая в каком-то обескураженном состоянии. Это сейчас было признание или что? Скорость работы мозга и способность соображать явно начали подводить, не желая воспринимать услышанное. Он даже не думал, что подобная ситуация может произойти и уж тем более не планировал, как в таком случае реагировать, как себя вести, что отвечать... И всё-таки, это точно не померещилось?

Камилла вздохнула. Она догадывалась, что такая реакция объяснялась замешательством, и пускай хотела бы услышать хоть какой-то ответ, но понимала, что торопить с этим неправильно. Она и сама сейчас подивилась собственной бойкости, не понимая, что её вообще толкнуло на эти слова. Наверное, внутренний голос устал что-то мямлить и решил ясно расставить точки над «ё». Слишком ясно. Зевнув, Ками обняла решившего изобразить из себя статую Эрланна и прикрыла глаза.

— Я устала. Я слишком устала и третью ночь недосыпания не переживу, — пробубнила она, пытаясь поудобнее устроить голову на новой живой подушке.

— Так поспи. Что тебе мешает? — немного оттаяв, Эрл слегка улыбнулся и осторожно начал перебирать тёмные растрёпанные волосы, которые — он только сейчас заметил — были ещё немного влажными.

— Не хочу тебя отпускать.

— Так не отпускай.

— Ты никуда не денешься?

— Не денусь.

— Плащ неудобный.

— Да.

— И сердце у тебя не бьётся...

— Ага.

Вскоре Камилла заснула, что стало ясно по тихому и размеренному посапыванию, а также по ослабевшей хватке. Подняв её на руки, Эрланн переложил Ками на кровать, накрыл одеялом и, наклонившись, осторожно поцеловал в висок.

— И ты мне нравишься, — прошептал он и вернулся на диван.

Глава 14: Секрет у каждого свой

Элеонора, прижимая к груди яркий сладко пахнувший букет, торопилась в гостиную; ей почему-то всегда казалось, что если нести цветы чуть дольше, то они тут же завянут. Глупость, и Нора прекрасно это понимала, но всё равно каждый раз спешила, и спешка эта нередко приводила к падениям. Сегодняшний случай не стал исключением: запнувшись о собственные ноги, она растянулась на полу, выронив при этом цветы.

Вздыхнув, хранительница села. Интересно, чем же руководствовалась магия, когда украшала её голову бабочками? С этими очаровательными созданиями у неё не было ничего общего: ни лёгкости, ни грации, ни свободы. Объединяло лишь то, что, подобно гусеницам, Нора ничего не знала о своих родителях, вот только для гусениц это было нормально, гусеницам было всё равно. Подбрав те цветы, что находились ближе всего, она застыла и невольно прислушалась. Из-за двери, рядом с которой довелось упасть, слышались голоса — кто-то довольно оживлённо беседовал. Подслушивать нехорошо, однако теперь отвлечься от разговора не удавалось.

— Значит, ты поэтому вчера так странно выглядел? — судя по голосу, вопрошающий был одним из близнецов.

— Думаешь, та женщина дала ей это кольцо? — не стоило и сомневаться, что где один, там и другой.

— Уверен, — третий говорящий был также очевиден, голос его звучал заметно тише и слова различались хуже. — Более чем уверен. Сами ведь знаете, почему сомневаться не приходится. И я вам уже говорил не называть людей теми и этими, если знаете имя.

— Да-да. Вот только вступаться за Ингрид... Перешёл на тёмную сторону? — с едва заметной язвительностью отметил кто-то из одноглазых братьев.

— Или предпочитаешь постарше? А мы уж думали, что у тебя с Ир...

Хранитель неожиданно замолчал. Элеонора же подумала, что он просто решил закончить фразу тише, и потому решила подойти поближе к двери, нервно сжав стебли собранных цветов.

— Лучше бы вы о другом думали, — по-обычному насмешливо ответил Эгиль и, скорее всего, ухмыльнулся. — Например, о том, чтобы говорить потише...

Дверь резко распахнулась, из-за чего Элеонора вздрогнула и дёрнулась назад, рискуя снова упасть. Не осмелившись поднять глаза, она чуть ли не физически ощущала тяжёлый взгляд хранителя, что скрестил руки на груди и лениво опёрся на дверной косяк. Он не был похож на жертву, скорее на хозяина этого места, так себя вёл, так хорошо вписывался в обстановку. И всё же, это было не более, чем внешнее впечатление, игра, Нора знала это, чувствовала, однако со своим страхом ничего поделать не могла.

— Нора-Нора... От тебя я такого не ожидал, — с каким-то странным удовольствием протянул Эгиль, а хранительница почувствовала, как вдоль позвоночника пробежали мурашки. Театр потерял прекрасного исполнителя отрицательных персонажей. — Ну-ну, не надо так трястись. Никто тебя ругать не будет, не обидит. Я даже не буду спрашивать, как долго ты тут стоишь. Но только пообещай, милая, — выделенное интонацией, это слово прозвучало угрожающе, — что никому ничего не расскажешь. Мне очень не хочется ещё сильнее портить твои нервы, но, сама понимаешь... Так что же, будешь держать рот на замке?

Всё же осмелившись поднять взгляд, Элеонора на мгновение заглянула в прищуренные глаза хранителя и тут же закивала головой, ощущая, как начали дрожать руки.

— Н-не скажу. Ничего не с-скажу... — пробормотала она и убежала.

Получилось на удивление резво, а ведь только мгновение назад ноги подгибались и не слушались. У страха не только глаза велики, но и скорость завидная. Когда спадало оцепенение, конечно. Однако надолго Элеоноры не хватило, так что вскоре она перешла на шаг, попутно переводя дыхание. Физическая форма оставляла желать лучшего настолько, что в случае опасности гораздо лучше попробовать притвориться мёртвой — убежать всё равно не выйдет, а так, может, проигнорируют.

Недалеко от гостиной возле окна стояла Мейнир, а рядом с ней мельтешила Дикра, как обычно о чём-то щебеча. Весело, беззаботно, словно ничего с ней не случилось, словно не только вчера ей разрешили вставать, и то с условием, что будет вести себя поспокойнее. В каком-то смысле роль Дикры, как ребёнка, была именно в этом — разряжать обстановку, не давать остальным полностью погрузиться в мрачные мысли, заикнуться на них, окончательно погрязнув в этом болоте. Элеонора печально улыбнулась. Осознанно или нет, но каждый здесь играл какую-то роль, притворялся, глубоко внутри запирая переживания и боль, не желая беспокоить этим других. Здесь не было счастливых. И очень тяжело было чувствовать это, но не иметь возможности помочь.

Вроде бы не было ничего необычного, но Элеоноре показалось, она почувствовала, что Мейнир чем-то опечалена, что-то произошло, хотя никаких внешних доказательств этому предположению не было.

— Мейнир, что т-такое? Чем обеспокоена? — тихо спросила она, кончиками пальцев коснувшись руки хранительницы. Та вздрогнула — это нельзя было заметить, однако удалось ощутить.

— Дерево, — прошелестела в ответ Мейнир, — умирает...

Учитывая, сколько деревьев растёт на территории замка, понять, о каком именно шла речь, невозможно, как и сделать что-нибудь. Понимая, что расспросами более ничего не добьётся, да и не желая этим причинять неудобства, Элеонора попросила подождать, пока она всё же отнесёт и поставит цветы, а потом показать, с чем возникла проблема.

Они направились в сторону калитки, причём Дикра тоже захотела посмотреть, какое же дерево расстроило Мейнир. Хотя, скорее всего, ей просто не хотелось оставаться одной, что можно было понять. Как оказалось, речь шла о росшем недалеко от ворот старом-старом ясене, который, правда, несколькими днями ранее выглядел гораздо лучше. Скорее всего, погибать дерево стало именно из-за Мейнир, так как по отношению к растениям та особенно плохо контролировала свою силу, но в таком случае было достаточно просто дождаться Мейлира, который мог легко всё исправить, о чём и сообщила Элеонора, надеясь, что это успокоит хранительницу. Та кивнула и слегка дёрнула хвостом — похоже, помогло.

Никто не услышал ни шагов, ни того, как открывалась и закрывалась калитка, и если бы Элеоноре не захотелось вдруг обернуться, ведомой странным предчувствием, так бы и осталась незамеченной маленькая светлая фигурка, быстро скрывшаяся за тихо перешёптывающимися о чём-то деревьями. Дикра, заметив, что Нора вдруг застыла, напряжённо смотря на лес, дёрнула ту за рукав и спросила, что случилось.

— Г-гленда... Она ушла в лес, — испуганно пробормотала хранительница, трясущимися пальцами сминая подол.

— Тогда мы должны велнуть её! Пока она не ушла далеко, — воскликнула Дикра и

хотела уже побежать следом, но было остановлена Элеонорой.

— С-стой. Тебе н-нельзя выходить. Нам надо найти к-кого-нибудь из старших.

Это был единственный пригодный вариант, пришедший на ум. Сама Элеонора очень боялась леса и даже той тропинкой, что вела в город, она бы не пошла одна. Послать Мейнир было плохой идеей — потом и её искать придётся. Ничего не делать тоже нехорошо, ведь неизвестно, почему Гленда убежала. Одно дело, если по своей воле — вернуться сможет легко, не потеряется, но если в этом снова виноват осколок? А если Эрланн заметит отсутствие сестры? Как ни посмотри, ничего хорошего при бездействии не выходило.

Разделившись, Элеонора и Дикра побежали за теми, кого можно было отправить в лес. Найти удалось только Фрейю и близнецов, куда делся Эгиль — непонятно, а Мейлир пока ещё был в городе. Вместе с хранительницей на поиски отравили Лауге, Исааку же дали указание, чтобы следил за Эрлом и при надобности заговаривал зубы, не позволяя узнать правду.

— И вот чего Гленде не сиделось на месте? — проворчала Фрейя, сунув руки в карманы и всем своим видом выразив недовольство.

С тех пор, как в замок прибыли жертвы, она уже третий раз была вынуждена кого-нибудь искать в лесу, причём проявлялась странная закономерность: сначала искать помогали сёстры, потом искали их; в этом помогала Гленда, а теперь... Хотелось надеяться, что хотя бы Лауге не продолжит эту цепочку, так как, случись подобное, Фрейя либо разнесёт в щепки то, что попадётся под руку, либо кого-нибудь убьёт.

— И всё же, мне кажется, убежала она осознанно, — заметил Лауге, пытаясь распознать, какое направление будет истинным. Это была немного не его специализация, однако при желании можно было вывернуться, исхитриться. — Нам туда, — показал он пальцем, повернув.

— Если осознанно, то могла бы и предупредить...

— И никто бы её не отпустил. Вам, взрослым, хорошо. Захотели — ушли, кто же запретит? — хранитель усмехнулся и развёл руками.

Фрейя возразила, что, может быть, в сопровождении с кем-нибудь вполне могли отпустить, но Лауге заострил внимание на этом самом «может быть», которое как раз могло оказаться объяснением её поступка, а после заметил, что чем гадать сейчас, лучше просто узнать всё у Гленды. Пришлось согласиться.

Они вышли к реке и направились вдоль неё, противоположно течению. Река эта была довольно извилистой, не особо широкой, не слишком быстрой, но просто ужасно холодной. Настолько, что если оказаться в воде, в момент сводило конечности и становилось трудно дышать, однако же, что странно, она никогда не замерзала. Идя по течению, можно было добраться до места, где река разветвлялась. Одна ветвь скрывалась под землёй и протекала под замком, а вот вторая продолжала петлять по лесу, окончательно в нём теряясь. По крайней мере, так было, если верить картам, а что происходило на самом деле, никто узнать не решался.

Обмениваясь то и дело парой-другой слов, хранители внимательно смотрели по сторонам. Лауге был уверен, что искать Гленду надо где-то здесь, а не в чаще. Фрейе оставалось только поверить ему, так как сама она не имела никаких предположений, да и не могло их быть в принципе. А ведь этот день мог быть вполне себе чудесным, при такой-то ясной и тёплой погоде, отсутствии важных дел и конфликтов между обитателями замка.

Река сделала ещё один довольно крутой поворот и, наконец, можно было заметить

сидевшую возле берега особу, которая внимательно высматривала что-то в густой траве. Не было сомнений в том, кто это, вопросы вызывала лишь пара костяных крыльев, что торчали из спины малышки. Хранители удивлённо переглянулись — никто и никогда их не видел, неужели они появились только сейчас? Однако же это не значило ничего хорошего, как и все прочие изменения во внешности, которые случались у хранителей. Фрейя окликнула Гленду, та вздрогнула и подняла голову. Судя по взгляду, она действовала совершенно осознанно, а ещё была уверена, что уход остался незамеченным.

— А ведь я старалась действовать как можно тише... — печально заметила она и покачала головой.

— У тебя бы всё получилось, если бы Нора не решила обернуться, — усмехнулась Фрейя, опускаясь рядом на корточки. — Зачем ты убежала?

Гленда кивнула на пучок трав у себя в руке и пояснила:

— Травы эти растут только здесь. Выращивать их невозможно — уже пыталась. Я делаю из них отвар для Эрла, правда, он ничего не знает, считает, что просто чай. Его надо хотя бы в раз неделю делать, а то, что удалось собрать в прошлый раз, уже закончилось, — Гленда вздохнула, поднялась. Пора было возвращаться.

— Ну, с одним вопросом мы разобрались, — Лауге подал хранительнице руку, помогая встать. — Но откуда крылья?

— Они у меня уже давно появились, — она пожала плечами, — просто в замке я их скрываю, чтобы не беспокоить Эрла. Он ведь и так много сил тратит на то, чтобы осколки сдерживать. Слишком много. И, пожалуйста, не говорите ему ничего, — Гленда с мольбой посмотрела на хранителей, прижав руки к груди. — Я могу ходить не одна, если вас это беспокоит. Только не говорите, он ведь и слушать не станет, что для его же блага это. Либо, чего хуже, найдёт повод себя винить... А ведь ему помощь нужна не меньше, чем нам! Но если мы и можем что сделать, то совсем мало. Несравнимо с тем, что он делает для нас.

На правах старшей Фрейя хотела проявить строгость, упрекнуть хотя бы в том, что Гленда никому ничего не сказала ранее, но, как оказалось, даже ей не хватало воли, чтобы возразить малышке. Лауге же было легче её понять, а потому он даже сообщил, что если понадобится помощь в незаметном покидании замка, то на него и Исаака всегда можно положиться. В конце концов, хранители ведь тоже должны заботиться о Мастере, а не быть эгоистами.

Повернув обратно, они так и не заметили затаившегося за деревьями неизвестного в неуместном в данной обстановке плаще, расшитом серебром. Мужчина с подозрительным вниманием и странным, даже пугающим, интересом рассматривал ещё не скрытые крылья Гленды. Они сильно напоминали крылья священной птицы, вещей птицы, которая говорила устами Всевышнего и которая подала знак начать охоту. Однако после того случая не было ни одного достоверного сведения о новом её появлении, птица пропала, вновь стала просто легендой. Быть может, её просто плохо искали?

Возле ворот хранители встретили только-только вернувшихся из города сестёр, которые оказались заметно удивлены столь неожиданной встречей, однако расспрашивать не стали. Возле ясеня были замечены Мейлир и Мейнир, первый лечил дерево, попутно убеждая, что не стоило близко к сердцу принимать такие мелочи и расстраиваться из-за них. Мейнир едва заметно кивала в ответ, словно и не слушала его вовсе, а просто на автомате, по привычке, соглашалась со всем, что слышала.

На входе их встретил Исаак, который сообщил, что ему даже не пришлось ничего

выдумывать, так как всё это время Эрланн дремал в гостиной. Гленда улыбнулась, услышав эту новость и, поблагодарив всех за помощь и понимание, побежала в сторону кухни.

Камилла недолго постояла, размышляя о чём-то, а потом, передав вещи сестре и пробормотав какую-то отговорку-объяснение, поспешила следом. Всё же ей очень хотелось спросить о произошедшем. Казалось, что это шанс побольше узнать об Эрле, тем более что после его вечернего визита появился ещё один вопрос, если, конечно, ей не померещился их последний диалог. Сонному состоянию доверять нельзя, но мало ли.

Похоже, этот поступок был слишком очевидным, так как Гленда, которая на удивление быстро добралась до кухни и уже всюду занималась приготовлениями, даже не обернувшись, поприветствовала Камиллу и сказала, что как раз с ней и хотела сейчас поговорить. Даже, можно сказать, ждала.

— Я настолько предсказуема? — коротко рассмеялась Камилла и устроилась на табуретке.

— Просто иначе это была бы не ты, — откликнулась Гленда, доставая из шкафчика ступку.

Ками хотела было задать вопрос, но была вежливо остановлена виновато улыбнувшейся хранительницей:

— Я знаю, для начала ты хочешь спросить, почему мы встретились. Я уходила в лес, но это заметили и пошли меня искать, думали, убежала, как тогда Дикра. Нет, у меня была причина, и делала это не в первый раз, — она на мгновение отвела взгляд, — просто удавалось быть незаметной. Понимаешь... Я регулярно завариваю их Эрлу, правда, об этом не знают, но травы для этого надо ходить собирать в лес...

— А зачем нужен этот отвар? — поинтересовалась Ками, наблюдая за действиями хранительницы. Да, по той было видно, что далеко не первый раз его приготовлениями занималась.

Гленда молчала, как и всегда, когда хотела поведать о чём-то важном, и потому собиралась с мыслями. Тишину нарушали только стук пестика о ступку, и начинавшая закипать вода. Наконец, она залила водой травы и оставила их настаиваться, а после присела напротив Камиллы.

— Ты, конечно, помнишь сказку о духе и ведьме? — она скорее констатировала факт, чем спросила. — Помнишь, что случилось с ним после раскола сферы?

— Он... Вселился в младенца, который должен был умереть? — неуверенно ответила Камилла после некоторой запинки.

— Именно, — Гленда кивнула. — Духу нужно было тело, но если бы он вселился в кого-то другого — неизвестно, к чему бы привело наличие двух душ в одном теле, да и нарушение судеб... И, скорее всего, так происходит каждый раз. Дух выбирает тех, кто должен был умереть после рождения, либо мертворождённых. В общем, в случае с Осваллем было именно второе, по крайней мере, бабушка рассказывала, что младенец, которого считали мёртвым, неожиданно задышал...

Камилла вздрогнула, услышав это. Гленда тоже выглядела бледноватой, но продолжала говорить. Она рассказала, что, как удалось узнать из какой-то невзрачной серой книжки, в целом, довольно скучной и такой же серой по своему содержанию, духи адаптировались под миры, в которых оказались. Они способны создавать иллюзию жизни — у них бьются сердца, они едят, внешность меняется словно под влиянием времени... Но на это приходится тратить собственные силы, так как изначально тело духа — просто оболочка, вписавшаяся в

обстановку. Что-то похожее, видимо, применимо и к Мастеру — он тоже, пускай и неосознанно, тратил силы на «поддержание жизни», правда, только до тех пор, пока не пробуждался дух. Однако в его случае недосып, недоедание, частые волнения, большие затраты сил на какие-то другие вещи и некоторые другие факторы заметно подрывали самочувствие. Это нормально для людей, но не для духов.

Вот только, в отличие от тех самых людей, Мастер не мог умереть от всего этого в привычном понимании, потому что и живым не являлся. Он скорее становился ходячим мертвецом, утрачивал не только физические признаки жизни, но и становился равнодушным ко всему, апатичным, что в своей сути тот же мертвец. Просто не гниёт, так как тело преобразовывалось в свойственную духам оболочку (эта часть была высказана только как собственное предположение, сделанное благодаря некоторым упоминаниям в книгах и просто умозаключениям).

Для магов, как стало известно из других книг, очень полезна вода. Там было ещё какое-то сложное объяснение ко всему этому, но его Гленда понять толком и не смогла, но зато обнаружила, что определённые травы, если их заварить, помогали быстрее восстановить силы, а также заметно уменьшить их пустые затраты, которые в обычное время происходили постоянно и совершенно неосознанно. Найти нужные ингредиенты удалось не сразу, к тому же, пришлось прибегнуть к помощи бабочек, но оно того стоило. Эрланн, который тогда своим поведением был неотличим от Мейнир, заметно оживился, да и по лицу было видно, что стал лучше себя чувствовать. Конечно, окончательно таким образом «вернуть к жизни» было невозможно — с того момента, как Мастер оказался в замке, об этом вообще можно было позабыть — так что Эрл до сих пор холоден на ощупь, иногда выпадал из реальности, а ещё у него не билось сердце.

— Значит, мне тогда не показалось... — пробормотала Камилла, поднеся пальцы к губам.

— О чём ты?

— Вчера, ну, после того, как Эрл извинился, я была настолько уставшей, что уснула у него на груди. И, наверное, если бы не сонливость, гораздо заметнее отреагировала на отсутствие сердцебиения, — она растерянно почесала затылок, теперь осознавая, насколько же в усталом состоянии спокойно реагировала на то, что в обычное время вызвало бы бурную реакцию, волнение и нервную суету.

— О, и как из братца подушка? — смеясь, поинтересовалась Гленда и обернулась к часам. Время поболтать у них ещё было.

— Так себе, плащ у него неудобный, — с притворным недовольством пробурчала Камилла и встала, дабы найти то, чем можно перебить аппетит. Сегодня работа закончилась гораздо раньше, так что ужина ещё ждать и ждать.

— А у вас как день прошёл?

— Сейчас, сжую что-нибудь и поделюсь. У нас, конечно, всё не так интересно, но... Одно относительно занятное событие всё же имеется.

Глава 15: Наверное, серый не так уж плох

Пока Камилла перекусывала довольно скромным бутербродом, Гленда решила уточнить ещё один момент по поводу Мастера. Как она сказала сначала, дух занимал тело мертвеца, то есть то, в котором не могло быть другой души. В то же время со стороны могло показаться обратное, хотя бы потому, что Мастер не помнил прошлых жизней (на этом моменте Камилла подумала, что, похоже, Эрланн не рассказывал о своих снах). А если углубиться в записки о прошлых поколениях, становилось ясно, что и характеры Мастеров до пробуждения духа всё же различны, но этому можно дать объяснение. Во-первых, не совсем верно говорить о сне духа — на самом деле спит только его память. Как такое возможно и почему происходило, конечно, объяснялось. Было что-то про предметы памяти, сущности духов и прочие сложные вещи, которые Гленда вряд ли смогла бы вспомнить, а перевернуть информацию не хотелось.

В любом случае, каждая новая жизнь начиналась с чистого листа, личность формировалась заново, в новых условиях и с новыми обстоятельствами. Во-вторых, если ещё внимательнее изучить прошлое, можно заметить, что и общее у Мастеров было, помимо ненависти к ведьме, конечно. Так, например, все они любили делать кукол, были достаточно ответственными и умели находить общий язык с хранителями.

Потом пришёл черёд Камиллы рассказывать. Сама она ничего из этого не видела — сестра поделилась новостью. Священник, который был в городе довольно примечательной персоной, заметно выделяясь из общей толпы, через весь торговый ряд гнался за кем-то в плаще. Кем именно — понять не удалось, так как лицо скрывал капюшон, но, кажется, служитель веры кричал что-то о ведьме. Впрочем, это можно было расценивать просто как указание на пол. Всем известно, что у этой группы людей все особы женского пола, которые им не по душе, сразу становились ведьмами.

Ирмелин наблюдала за всем со второго этажа пекарни, а потому смогла проследить за ними немного дальше, благо, улица была прямой и достаточно длинной. Когда беглянка достигла ближайшего поворота, случилось странное: плащ просто упал на землю, а сама она пропала. Священник среагировать не успел, а потому затормозил прямо в пузо — и это ещё мягко сказано! — какого-то очень важного горожанина, ослепительно блестящего своей лысиной и излучавшего тяжёлые волны высокомерия. Неясно было, почему вдруг важная персона просто прохаживалась по городу, а тем более по той части, где обитал простой люд, однако скандал разразился знатный. Крики горожанина были слышны за несколько улиц, равно как и возмущённые восклицания священника, утверждавшего, что его напрасно отвлекли от поимки воровки этими глупыми претензиями. На крики собрались зеваки, но более ничего значимого не происходило, однако неожиданно пропавшая особа явно была кем-то интересным.

— Возможно, она действительно ведьма. Не наша ли случай? — предположила Камилла и тут же опровергла сама себя: — Нет, вряд ли. Она бы не стала так опрометчиво гулять по городу и, тем более, попадаться священнику. Он же, получается, знал, за кем гнался.

— Согласна. Ингрид не один век прожила, так что должна быть достаточно разумной. — Гленда обернулась к часам и кивнула. Пора было идти к Эрланну, о чём она и сообщила, поставив чашку на поднос, рядом с заранее подготовленной вазочкой с печеньем.

Печенье это было особенно вкусным потому, что Сюзанна и Гленда готовили его сами, никому, однако, не рассказывая, что в него добавляли. В прочем, их и не пытали, так как это прибавляло изделию некоторой таинственности, определённо благотворно влиявшей на вкус. Оно не было сладким или солёным, явно отдавало какими-то травами и всё же не напоминало ничего конкретного. Даже Ирмелин не могла угадать состав, хотя на работе узнала немало рецептов.

На пути к гостинной Камилла снова почувствовала какую-то неловкость, но только старалась не подавать виду — стыдно было выставить себя трусихой перед Глендой. Откуда, собственно, взялось это чувство? Наверное, от воспоминания о том, как вчера она практически призналась в том, в чём вроде как и сама была не уверена, но слова, которые вырвались так неожиданно, подтверждали обратное. Но ладно признание! Да, выдала она себя, так что с того? Зачем медлить, если можно в любой момент умереть? Волновало другое: всё это прозвучало как-то неправильно, неуместно. Он говорил, что ему не нравится эта смена внешностей, что та неприятна, а она... Неужели нельзя было момент получше подобрать? А если из-за этого неправильно поняли? Захотелось саму себя ударить, но это выглядело бы странно.

Так как поднос несла Гленда, стучаться пришлось Ками. На самом деле, она не ожидала услышать ответа, так как, по словам Исаака, Эрланн спал. Но, похоже, ситуация успела измениться, поскольку из-за двери послышалось блеклое: «Войдите». К слову, это была не та гостинная, в которой привыкли собираться хранители, а другая — на третьем этаже, недалеко от комнаты Мастера.

Эрл сидел на диванчике, который казался немного выцветшим, и сосредоточенно листал книгу, явно что-то в ней выискивая. На стоящем рядом низеньком столике с коваными ножками была стопка из, наверное, десяти книг. Можно было заметить, что из некоторых выглядывали закладки — неаккуратные обрывки неких бумажек. Даже не посмотрев на вошедших, Эрланн кивнул им и пробормотал что-то невнятное, пальцем проводя по строкам.

Осторожно поставив поднос, Гленда заглянула брату через плечо и понимающе кивнула, но тут же удивлённо взгляделась в текст. Едва шевеля губами, она повторяла слова, то хмурясь, то снова удивляясь. Подойдя к Камилле, хранительница взяла ту за левую руку и многозначительно хмыкнула.

— Да, похоже на это кольцо. Но как ты понял, что надо искать в книгах прошлых поколений? И дало ли это что-нибудь?

— Не особо, — немного заторможено ответил Эрланн, оторвавшись от книги. — Правда, как я и ожидал, ничего хорошего оно не значит. И Эгиль был прав — лучше не снимать.

— Всё настолько плохо? — обеспокоенно уточнила Гленда

Эрл кивнул в ответ и вновь обратил своё внимание на книгу. Камилла же в этот момент, мягко говоря, ничего не понимала, кроме того, что это напрямую связано с кольцом, а, значит, и с ней. Однако, похоже, никто и не собирался ничего прояснить, то ли полагая, что в этом нет надобности, то ли скинув всё на «сама догадается». Вздохнув, она тактично кашлянула.

— Я, конечно, понимаю, что ничего не понимаю, — Ками развела руками, как-то странно скривив губы, — но, может, кто-нибудь что-нибудь мне объяснит? Что за книги? Почему нельзя снимать кольцо?

— Книги, о которых мы говорили — это записи предыдущих поколений, туда вносились какие-то значимые события, находки, что удалось узнать... По сути, все записывали то, что считали важным, что могло пригодиться в будущем. Сейчас этим в основном занимаюсь я, хотя, честно, не знаю, надо ли оно — мы ведь, вроде как, последние. Но мне это и самой интересно. Что же до кольца... — она пожала плечами. — Это лучше у Эрла попытаться выпытать. Я поняла лишь то, что оно уже встречалось. Пойду я, посмотрю, как там у Мейнир и Мейлира дела, — неожиданно добавила Гленда и, улыбаясь чему-то лишь ей понятному, вместе с подносом покинула гостиную, оставив Мастера и жертву наедине.

Почему-то Камилле показалась, что хранительница это сделала нарочно, выдумав повод, ведь вышеупомянутые, скорее всего, уже перешли в другое место. Она тоже могла уйти, даже ничего не сказав, ибо вряд ли Эрланн обратит на это внимание, но любопытство и желание узнать о кольце хоть немного больше были сильнее чувства неловкости, которое снова дало о себе знать. Стараясь идти как можно тише — каблуки ботинок слишком громко стучали в повисшей тишине — Ками подошла к дивану и села рядом, подобно Гленде заглянула в книгу. Обычно людей такое раздражало, но Мастер не удостоил даже малейшей реакцией.

— Эм... Эрл, так почему мне нельзя снимать кольцо? — спросила она, положив руку на плечо Эрланну.

— Ты всё-таки хочешь знать? — с сожалением уточнил он, выдавая свою опечаленность.

— Конечно! Кольцо у меня, так что всё, что связано с ним, в первую очередь затрагивает меня.

— Если говорить кратко: ты умрёшь, сняв его. Но, полагаю, этого ответа тебе будет недостаточно... — вздохнув, Эрл положил книгу на колени, примечая утвердительный кивок Камиллы. — Это кольцо, если судить по книгам, каждый раз встречалось у одной из жертв. Причём в двух случаях оно было снято, что привело к преждевременной смерти жертв. Как я понял, оно высасывает жизненные силы, что даёт о себе знать именно после снятия. Вот и всё, — интонацией дав понять, что этот вопрос более обсуждать нет смысла, он вернулся к прерванному занятию.

Камиллу передёрнуло. Теперь реакция Эгиля становилась понятнее, так как с кольцом она действительно сглупила. Очень сглупила. Нервно усмехнувшись, она сцепила руки в замок так сильно, что побелели костяшки. Слышимое тиканье часов казалось насмешкой, они словно повторяли: «Время идёт, время идёт, кто-то скоро умрёт, кто-то скоро умрёт...» Либо же сам себя погубит, но это уже детали. Стало труднее дышать, и потому Камилла подошла к окну, открыла то и выглянула на улицу. Удивительно, погода, кажется, и не собиралась портиться, лес снова о чём-то шептался, а солнце оставалось всё таким же ласковым, хотя это всё равно не позволяло долго на нём находиться.

Она оперлась на подоконник и, прикрыв глаза, несколько раз глубоко вдохнула. Спокойствие, надо сохранять спокойствие. Ещё ведь есть время что-то изменить, но для этого нужно не сидеть на месте, отдавшись страданиям о собственной судьбе, а действовать. Хоть как-то. Правда, пока что действия Камиллы ни к чему хорошему не приводили, но это не повод опускать руки.

«Однако, вернёмся к нашим баранам...» — прервала Ками свои размышления о неприятностях, в которых оказалась по воле судьбы и ошибок прошлого, и обернулась. Созерцание природы длилось минут пять, но казалось, что за всё это время Эрланн ни разу

не шевельнулся. Либо это Камилла настолько от реальности отвлеклась, либо на самом деле не было слышно даже шороха страниц, однако, не придав этому большого значения, она принялась рассматривать Эрла. Уже в который раз. До сих пор некоторые вещи оставались незамеченными, однако рассказ Гленды заставил обратить на них внимание.

Раньше она не придавала этому значению, но теперь заметила, что иногда Эрланн прекращал дышать, обычно в моменты сильной задумчивости или сосредоточенности на деле, словно забывал о необходимости это делать. Он редко моргал, а иногда мог и не моргать вовсе, щёки выглядели впалыми, кожа — бескровной, а руки обычно были слишком холодными для живого человека, даже если предположить, что он держал их некоторое время в холодной воде.

«Я ещё удивлялась, что Мейлир нашёл в Мейнир. А сама!.. Влюбилась в живого мертвеца. В прямом смысле», — мысль сопровождалась невесёлой ухмылкой. Не суди других, да не судимой будешь. Подойдя, Камилла нагло отобрала у Эрла книгу и пододвинула чашку, на которую тот совсем не обращал внимания.

— Оторвись от чтения, пока совсем не остыло. Мы же поэтому к тебе заглянули. И печенье бери, — поставив вазочку поближе, Ками взяла одно печенье и присела, — уверена, что ты сегодня даже толком не обедал. С самого утра сначала в библиотеке был, потом тут закрылся... Не смотри так, никто мне ничего не говорил, — она улыбнулась, — просто я догадываюсь, что иначе и не могло быть.

Поджав губы, Эрланн отвернулся и покорно взял в одну руку чашку, а в другую печенье. Зачем-то подув на уже заметно остывшую жидкость, он медленно пригубил её, словно действовал в полусне. Камилла внимательно, неотрывно наблюдала за ним, снова сцепляя пальцы в замок и то и дело облизывая от волнения губы. Ей казалось, что что-то не так, что Эрл хотел о чём-то то ли сказать, то ли спросить, но почему-то не сделал этого. Иногда он смотрел в сторону окна, иногда на стопку книг, но ни разу не повернулся к Ками, словно осознанно избегал этого.

Надо было о чём-то заговорить, потому что напрягала тишина, что возникала раз за разом. Но о чём? Об уходе Гленды не расскажешь, о ведьме в городе тоже. А было ли что-то ещё, заслуживавшее внимания? Наверное, было, но только Камилла хотела заговорить, как это сделал Эрланн:

— Незадолго до вас забегала Дикра. Сказала, что сегодня после ужина кто-то придёт.

— Откуда она это знает? — удивилась Камилла. — Да и кто это может быть? Мы все в сборе уже...

— Не знаю, она всегда угадывает такие вещи. Ваш приход тоже предсказала. Может, гость какой? Но непогоды не предвидится... — как-то отстранённо заметил он и взял ещё печенье.

Камилла покачала головой. Что же, возможно, что и правда гость, либо предчувствие в этот раз обмануло Дикру. Главное, чтобы гостем не оказался священник, так как его появление в замке не повлечёт за собой ничего хорошего. Внезапно вспомнился дядя, который должен был отправиться в их родной город, но нет, тот ни за какие богатства не зашёл бы в лес. Догадок не было, да и не могло быть, гадать и предполагать в данном случае бесполезно, так что оставалось только ждать. После ужина всё станет ясно.

— Эрл, знаешь... — неуверенно начала она, понимая, что всё равно должна сказать то, что хотела. Сжав правое запястье, Ками внимательно наблюдала за реакцией, надеясь, что та всё же последует. — В-вчера я сказала правду. Это, конечно было неожиданным и для меня,

но... Но не стоит считать, что показалось, что оно вырвалось просто так или что-то ещё.

Мастер, поставив чашку на стол, непонимающе посмотрел на собеседницу. Он пытался сообразить, о чём именно начала чуть ли не бормотать Камилла, при этом всем своим видом выдавая волнение и напряжение. Однако не стал перебивать, понимая, что так собьёт оставшийся настрой и точно ничего не узнает.

— Я была искренней, говоря, что ты мне нравишься. Я не прошу ответа, я даже не знаю, как ты ещё терпишь моё присутствие. Просто надеюсь, что... Эм... Ты поверишь моим словам и не поймёшь их неправильно... — Камилла, замолчав, уставилась в пол, ощущая, как начали краснеть не только щёки, но и уши. Сердце стучало так часто и громко, что, казалось, стремилось заглушить все внешние звуки и все мысли, которые сейчас хаотично скакали в голове.

С улицы слышались радостные крики близнецов и звонкий смех Гленды, но попытки отвлечься на них, дабы меньше нервничать, провалились, треща по всем направлениям. Камилла бездумно смотрела на собственные вены, отдалённо напомиравшие мёртвые деревья проклятого леса, просвечивавшие сквозь тонкую кожу запястья, ощущала частый и неровный пульс.

— Я, наверное, никогда не любил серый цвет, — как-то совсем не к месту сказал Эрланн, рассматривая потолок. — Он какой-то мёртвый. Никакой. Скучный цвет пустоты... Цвет неизвестного мне прошлого.

Эти слова заставили сердце сжаться. Серый, значит? Ками тихо и нервно хихикнула. Она ведь сама серая, и внешне, и в том, что легко становилась незаметной для окружающих. Стоило ли расценивать сказанное как намёк на то, что это она скучная, никакая? Так не к месту вспомнилась Боргхилль — девушка, что выглядела живой, даже будучи просто воспоминанием, которое воспроизвёл замок, будучи портретом мертвеца. Снова противно заворошилась зависть, напоминая, что Камилле никогда не стать такой, а все попытки хоть как-то выделиться будут выглядеть смешно, нелепо, глупо.

— Но в твоей компании я как-то забываю про это. Казалось бы, этот цвет приходит вместе с тобой, но приходят события, впечатления и эмоции, которые хочешь не хочешь, а испытываешь.

— Действительно, моя глупость мало кого может оставить равнодушным. Удивляюсь, что ещё жива, — заметила Камилла, усмехнувшись. Она подняла взгляд на Эрла и заметила, что тот слабо улыбался, откинувшись на спинку и прикрыв глаза.

— Я совру, если скажу, что такого не было. Однако ведь не только это. И, наверное, серый не так уж плох, если соотносить его с тобой. Наверное, он мне даже не не нравится... — Эрл поднялся с дивана и, взяв в одну руку чашку и вазочку, протянул другую Камилле. — Пошли, занесём на кухню и в саду посидим. Я весь день пробыл в помещении.

Улыбнувшись, Камилла протянула руку и встала. Теперь она была в растерянности, но, похоже, поводов занимать голову негативными мыслями относительно самой себя не было. По крайней мере, именно такое ощущение появилось после слов о том, что серый не так плох. Это не было похоже на ответ на признание, но, в то же время, как-то согревало душу. Не всё потеряно!

В саду действительно было весело. Стоя в тени деревьев, Камилла, посмеиваясь, наблюдала за тем, как близнецы хвастались перед Ирмелин выращенными без всякой магии помидорами размером чуть ли не с кулак. Сестра, в свою очередь, пыталась защитить от Эгиля и Гленды корзину с фруктами, на которую они очень нагло покушались. Причём, что

очевидно, куда лучше и продуктивнее это выходило у первого в силу хотя бы роста. Фрейя по традиции подтрунивала над Мейлиром, у которого на рукаве обнаружилось пятно, что можно было сравнить с кошмаром. Собственно, вряд ли у кого-то могли возникнуть сомнения, кто стал причиной этого пятна и почему у этого кого-то руки испачканы ягодами. Дикра пыталась украсить цветами рога Эрланна, которому не дали спокойно постоять в стороне и насладиться природой.

Потом пришла Элеонора и позвала всех ужинать. Казалось, что все уже и забыли предсказание Дикры о госте, но после еды Эрланн направился к главному входу. Камилла, движимая любопытством, отправилась следом. Сначала она хотела незаметно красться, почему-то уверенная, что её отправят в комнату, но попытка провалилась, когда Эрл со вздохом заметил, что кто-то слишком часто обо что-нибудь стучался ногой.

Через несколько минут послышался осторожный стук в дверь, скорее всего, стучалась женщина или девушка. Ками хотела что-нибудь ответить, но была остановлена Эрланном. В замке было негласное правило не отвечать на стук, ожидая, пока неожиданный гость сам покажет себя, либо же пойдёт дальше, что было куда более желательным. Дверь открылась. На пороге показалась невысокая фигура в плаще, на голове был капюшон, мешавший рассмотреть лицо, на грудь спадало несколько коричневых прядей, среди которых также виднелись светлые. Незнакомка не стала осматриваться, лишь схватила рукой за дверной косяк. Она медлила.

— Осторожно, порог! — не удержавшись, крикнула Камилла, видя, что гостя рискует споткнуться о него и упасть.

Та кивнула и, ногой прощупав пространство перед собой, зашла в замок. Сняв капюшон, она, наугад определив расположение Мастера и Камиллы, поклонилась в знак приветствия, приложив к груди правую руку. Всё же, то была скорее девушка, нежели женщина, а глаза она держала закрытыми. Кажется, она была слепая.

— Спасибо за предупреждение, — кротко поблагодарила она, распрямившись.

Сбежав по лестнице, игнорируя все прочие попытки остановить, Ками приблизилась к госте и, поздоровавшись, поинтересовалась, что привело ту в замок. Незнакомка замялась, закусив губу и нервно дёрнула рукой, словно хотела отгородиться. Эрланн, тем временем, тоже спустился вниз и, пройдя мимо девушек, закрыл дверь.

— Понимаете... Меня преследует один человек. Преследует за то, в чём я не виновата, но он вряд ли станет искать тут, — всё же ответила она нерешительно.

«Преследует? Не о ней ли рассказывала Ирма?» — подумала Камилла.

«Похоже, сюда она шла целенаправленно», — предположил Эрланн, слегка нахмурившись.

— Для начала, скажите, кто вы, и как нашли это место? Вы, если я верно понял, слепы, однако даже зрячие редко доходят до замка, просто того захотев, — скептически сказал он, скрепя руки на груди.

— Действительно... — кивнула гостя. — Меня зовут Хальдис, и меня довёл лес. Это место известно среди ведьм, так же, как и то, что замок может стать убежищем для любой из нас, и что уже много веков тут властвует дух нашей бессмертной сестры.

Упоминание ведьм заставило Мастера скривиться, но он был вынужден поверить, потому что ощущал — прогнать не сможет. Замок не позволит сделать этого, даже если бы очень хотелось. Хотя, помимо замка, была и другая проблема в лице Камиллы, которая очень уж умоляюще смотрела, словно прося разрешить Хальдис остаться.

— У нас нет выбора, — всё же сдался Эрланн и развернулся на каблуках. — Оставайтесь, сколько вам будет нужно. Камилла, сможешь отвести её в гостевую?

Ками ответила утвердительно, после чего Эрланн быстро удалился. Его поведение могло бы показаться грубым или наглым, но Камилла могла это понять. Соседство с ещё одной ведьмой никак не могло обрадовать Мастера, хотя, кажется, Хальдис была абсолютно безвредной для обитателей замка. Что же, время покажет.

Глава 16: А какво быть Мастером?

Существует легенда о том, что утро бывает добрым. Кто-то скажет, что это и не легенда вовсе, достаточно просто ложиться вовремя, и ситуация уже станет лучше. Предположим, что это так, но только не для Эрланна, которого, впрочем, можно понять. Изо дня в день он просыпался с первыми лучами солнца, но причиной пробуждения становились отнюдь не они, а головная боль, которая, кажется, пыталась одновременно разорвать, разбить, разрезать и раздавить череп. Исчезновение рогов болезненно, но ещё хуже их неминуемое появление, при котором хотелось бы осыпать мир всеми существующими проклятиями, если бы в тот момент вообще оставалась способность думать.

Подобно выброшенной на берег рыбе, Эрланн хватал ртом воздух, побледневшими от напряжения пальцами вцепившись в одеяло, одновременно с этим чуть ли не ощущал, как боль пронзила глаза, словно раскалывала их, а место раскола обозначила ставшим вертикальными зрачками. Как покинуло тело оставшееся тепло, отчего на миг стало жарко и душно. О, если бы всё это длилось немногим дольше, он бы, наверное, сошёл с ума от боли, но даже тех мгновений, что требовались для трансформации, хватало для того, чтобы испортить день с самого утра, чтобы само слово «утро» казалось ругательным, а фраза «доброе утро» редкостным издевательством. К сожалению, с этим ничего нельзя было поделать: пока дух спит, ежедневные изменения неизбежны, как и всё сопутствующее им.

Всё же открыв глаза, Эрланн отстранённо посмотрел на полог над кроватью. В голове, как и всегда, было пугающе пусто. Сколько ещё он будет наивно надеяться на возвращение хоть каких-нибудь воспоминаний, намёков на то, какой была прежняя жизнь? Словно и не жил вовсе. Сразу появился в этом всеми высшими силами проклятом замке со всеми его проблемами и бедами, которые почему-то именно он должен решить. Он, непонятно кем и за что названный Мастером, Управляющим. Да ещё и в тринадцатом поколении, что автоматически возлагало на него какие-то надежды. Вот только сам Эрл в свои силы не верил. С чего вдруг, если он во всём происходящем понимал не более остальных? Знания прошлых Мастеров? Увы, от них в основном достались только ночные кошмары и невнятные отрывки, которые способны разве что ещё больше запутать. Да он ведь даже о магии знал мало! В особенности это касалось теории, которая определённо важна в данном деле, потому как, чтобы решить проблему, ту надо для начала понять. Пришлось изучать всё с азов.

На самом деле, сейчас всё уже не так плохо, как было в самом начале. Возможно, потому что к некоторым вещам Эрланн всё же смог привыкнуть. Потому что теперь у него были воспоминания, пускай о довольно недолгой, но точно его жизни, были друзья и есть цель. В то же время, было и то, о чём хотелось бы забыть. Например, первое пробуждение, мысли о котором каждый раз заставляли вздрагивать.

Тогда всё также началось с боли, но он потерял сознание, что в первое время повторялось изо дня в день. Потом в его комнату — отчего-то Эрла был уверен в том, что комната именно его, хотя место в целом не ощущалось знакомым — пришла светлая девочка и назвала чужим именем. А точно ли чужим? А точно ли то, как он тогда представился — это настоящее имя? Эрланн. Откуда оно вообще появилось в сознании? Сейчас уже он сам себя понять не мог. Девочка же тогда явно была растеряна и напугана, пускай и старалась не подавать виду, не зная, что Эрл ощущал себя примерно так же. Она представилась Глендой,

но это имя ни о чём не говорило, назвалась сестрой — это казалось невозможным, ведь они слишком разные, она пообещала, что будет рядом и поможет, поддержит. И в это захотелось поверить. И он поверил, потому что не хотел быть один, потому что подсознательно боялся одиночества, ощущая его неизбежность.

Гленда оказалась славным созданием, не давала опустить руки, помогала «вернуться к жизни», когда Эрланн по собственной глупости доводил себя до истощения, содействовала в поисках и просто была очень добра. Добра ко всем, независимо от того, что происходило, от того, как относились к ней самой, что говорили и как обращались. Некоторое время они довольно умело делали вид, что являются родственниками — никто так ничего не заподозрил; и в какой-то момент Эрланн искренне пожелал, чтобы Гленда действительно оказалась его сестрой. Он ничего не вспомнил, но принял её, словно ощутив ту загадочную связь, которая должна быть между родными людьми.

Все ещё спали — в такую-то рань, но Эрлу, как и всегда, было уже не до сна. Куда там! В последнее время он только и мечтал, что выспаться, но летние ночи коротки, а события последних дней делали только хуже. Сначала с Камиллой заговорился, после чего был вынужден на свой риск уйти к себе до рассвета, лишь бы не разбудить её, не заставить беспокоиться из-за утренней трансформации, коли уж вечернюю застала. И вроде бы после вчерашнего дневного сна стало лучше, но пришедшая в замок ведьма крепко засела в мыслях, долго не давая уснуть. Можно ли верить этой Хальдис? Не являлась ли она на самом деле «их» ведьмой? Стоило внимательнее к ней присмотреться, в конечном счёте, ведьма ведь должна лучше разбираться в ведьминских чарах, может, в её силах будет помочь проклятым?

Приведя себя в порядок, Эрланн отправился в мастерскую, чтобы там взяться за недоделанную куклу. Странное дело, о своих предпочтениях он изначально знал только две вещи: он любил делать кукол и не любил серый цвет. Всё. Создавалось ощущение, что это и не его предпочтения вовсе, а кем-то навязанные, на что неоднозначно намекало наличие в мастерской других кукол. Если это черта Мастера, получалось, что все прошлые тоже занимались этим. Зачем? Чтобы избавиться от одиночества? Этот вариант был самым вероятным, потому что всё явно пошло не от первого Мастера — тот был писателем. Он, бродя по мирам, изучал духов, объединял все имевшиеся знания о них. Вот только где искать его книгу? Где-то было упомянуто, что первый предпочитал работать в подвале, специально оборудовав там комнату, там же он и умер, не успев закончить свой труд. Однако ключ от подвала нашёлся совсем недавно и, если судить по рассказу Камиллы, ходить туда стоило осторожно. А ведь время уходит. Если тринадцатое поколение не справится, то, в лучшем случае, следующий шанс выпадет ещё через тринадцать поколений, в худшем же... Этот кошмар, что разрушал судьбы, будет повторяться вечно. Это заложено в сути плетения многих повторяющихся проклятий: они слабеют на тринадцатом витке, а дальше — как выйдет.

Раздался стук в дверь. Пришла Гленда, значит, пора на завтрак. Не было чувства голода, но Эрланн понимал, что есть надо, в противном случае будет и ему хуже, и, вдобавок, некоторые создания женского пола возмутятся, особенно сестра. По возможности, не стоило расстраивать её лишней раз, ведь пускай малышка и казалась сильной, приходилось очень внимательно следить за поведением её осколка, чтобы успеть подавить его. Он был готов потратить последние силы, только бы сохранить эту улыбку, только бы это светлое создание не умерло так рано, прожив всего ничего.

В столовой уже во всю хлопотала Сюзанна, мельтешила неугомонная Дикра. Насколько

близняшки были похожи внешне, настолько же разными они оказались в своём поведении, во взглядах на определённые вещи, в реакциях на те или иные ситуации. Сюзанна порою казалась не по годам взрослой, она не могла долго не работать, не могла не заботиться о ком-нибудь, не беспокоиться. Спокойная и доброжелательная, аккуратная, внимательная, расторопная. Наверное, такими должны быть мамы, такими они были во многих книгах. Дикра же, наоборот, навеки застряла в детстве, но не похоже, что её это волновало. Капризная, озорная, беззаботная, но она одним своим присутствием была способна поднять настроение. Однако же после того побега осколки близняшек стали сильнее проявлять себя, а потому Эрланн уже несколько раз был вынужден подавить их. Увы, пока спал дух, нельзя было делать это бесконечно, в один момент они всё равно себя проявят. Только бы суметь как можно сильнее это отсрочить.

Мейнир сидела за столом, держа за руку Элеонору, которая так и порывалась сделать что-нибудь, но в силу своей суетливости могла только добавить работы, из-за чего ещё сильнее переживала. Гленда, заметив пристальный взгляд брата, дёрнула его за рукав и вопросительно кивнула. Эрл покачал головой. Нет, пока что всё в порядке, всё спокойно, но надолго ли? Эти хранительницы в зоне риска из-за того, что слабы духом. Эта слабость очевидна, с ней ничего нельзя поделаться, и это было бы не так уж страшно, если бы не представляло опасности.

Своё место уже успела занять Ирмелин. Пожалуй, из всех обитателей замка она была наименее проблемной. Да, жертва. Да, должна погибнуть. Только она была осторожной, стараясь не создавать лишних проблем и помогать. У неё было что-то общее с Сюзанной — тоже мать для всех, но словно всегда чем-то опечаленная. Ирма была спокойной, задумчивой и очень сильно беспокоилась о сестре, хотела защитить её от участи умереть так рано. В этом они были похожи.

В столовую влетели близнецы, за которыми гналась Фрейя в попытке вернуть свой меч. Эрланн усмехнулся, следя за ними. Две вещи его интересовали с самого знакомства: что случилось с глазами близнецов, ведь повязки они явно не просто так носили, и почему Фрейя всегда прятала руки. Да, можно было просто спросить, но данные вопросы казались довольно неэтичными. В целом же эти хранители, именно в рамках данной роли, особого внимания не требовали, зато как личности... Но близнецам положено, они ещё молоды, как бы ни старались выглядеть старше, подражая Эгилю, а Фрейя пускай и была взрывной, прямолинейной и совершенно не контролировала свой язык, всё же оставалась надёжной, умела собраться в нужный момент и никому не желала зла. Даже её постоянные стычки с Мейлиром вряд ли были всерьёз. Они просто развлекались так. Тем более что Мейлир прекрасно умел игнорировать внешние раздражители, а потому, будь их конфликты настоящими, просто не отвечал бы.

Вообще хранители, Мейлир и Эгиль, были довольно загадочными персонами. О первом было известно примерно ничего, особенно о прошлом. Он всегда избегал этой темы, а если кто-то всё же её затрагивал, умело переводил разговор в другое русло. Мейлир никогда не расставался со своей тростью, и хотя всегда отвечал, что она нужна ему для образа, памятная вещь, либо что-то ещё, верилось Эрлу в это с трудом. В случае же с Эгилем всегда казалось, что он чего-то недоговаривал, причём тот, вроде как, и не отрицал этого, но и не подтверждал. Он старался держаться как-то чуть в стороне от остальных, поведением специально настраивал против себя. Всегда и во всём старался быть самостоятельным, отказывался принимать помощь даже от Мастера, хотя тут можно было и проявить

благоразумие.

За столом собрались почти все, не хватало только двоих — Камиллы и Хальдис. Ками опаздывала почти всегда, потому что поздно просыпалась, иногда только при участии сестры, а сегодня она ещё и должна была зайти за ведьмой, чтобы помочь той дойти до столовой.

Если бы только жертве не была уготована такая судьба... Ведьма убьёт жертву, когда обнаружит привязанность Мастера к ней. Значит, нельзя выдавать себя, чтобы отсрочить этот момент, но... Не глупо ли это? Жертва исполнит свою роль в любом случае, а так он, будучи дураком, терял бесценное время, хотя самому уже надоело изображать отстранённость и почти что равнодушие. Тем более что выходило это плохо.

На вошедших сначала никто не обратил внимания, но потом раздался резкий скрип — это Мейлир опершись на стол, поднялся со своего места, в непонимании уставившись на ведьму так, словно увидел приведение. Та застыла, обернувшись на скрип, наверное, догадавшись, что послужила причиной этого.

— Х-хальдис? — дрожащим и несколько испуганным голосом спросил удивлённый хранитель, обычно очень внимательный к собственной речи. — Т-ты жива?

— Мейлир? Не думала, что встречу тебя тут, — похоже, она тоже была удивлена, но в меньшей степени.

Мейлир обессилено опустился на стул и провёл по лицу рукой, словно стирал с него лишние эмоции, но полностью вернуть выражение спокойствия у него всё равно не получилось. Выдохнув, он снова посмотрел на гостью.

— Как? Откуда? Тебя ведь тогда...

— У ведьм, говорят, тринадцать жизней. Это, конечно, сказки, но в них есть доля правды, — спокойно ответила она, пожав плечами. — Мне, пожалуй, есть, что сказать тебе и рассказать, но, думаю, что это не для чужих ушей. Зная тебя — ты ведь не захочешь ворошить прошлое при посторонних.

После этого Хальдис заняла место, к которому её проводила Камилла, а, через некоторое время, Ирмелин озвучила вопрос, который интересовал всех:

— Вы, получается, знакомы?

— Так вышло, к счастью или сожалению, но да, знакомы. Причём у нас даже не было выбора — в наших условиях знакомство дело неизбежное, — начал объяснение Мейлир, который, судя по речи, уже пришёл в себя. Со стороны послышался стон Фрейи. Похоже, она успела понадеяться, что хотя бы за завтраком хранитель будет говорить нормально, без лишних вензелей во фразах. — Мы были знакомы, общались, не так уж долго, но этого, поверьте, оказалось достаточно. Переходя ближе к делу, могу сказать, что Хальдис — моя родственница. Троюродная сестра, которая уже лет четырнадцать как, не меньше, считается мёртвой. Считалась, до сего момента. И я могу заверить вас, что хотя она и ведьма, но не имеет никакого отношения к нам и нашему проклятью.

Последние слова вызвали несколько облегчённых выдохов — похоже, не только Эрланн страдал опасениями по этому поводу. Хальдис поинтересовалась, в чём суть этого проклятья, на что в ответ получила обещание на разъяснение данного момента вечером, когда Мейлир вернётся из города. На этом все примечательные события завтрака закончились, а когда подошёл к концу и он, Эрланн проводил всех уходящих до ворот и нехотя направился в сторону библиотеки. Откровенно говоря, это место стало уже раздражать, а луна на потолке, казалось, откровенно насмеялась надо всем, что видела. Над

всеми попытками хотя бы понять, найти нужное направление для решения поставленной задачи.

Однако его планам не суждено было сбыться. Гленда, нагнав, крепко ухватила за рукав плаща и посмотрела так, что стало ясно — сейчас никаких дел. Эрланн улыбнулся, смотря на забавно сдвинутые к переносице тонкие светлые и почти незаметные брови. Гленда умудрялась быть милой, даже когда пыталась выглядеть хмурой или серьёзной, просто потому, что это было её неотъемлемой частью. У кого-то кривой нос, родинка под глазом, лоб широкий, веснушки или голос хриплый, а Гленда просто милая. И этого не изменить.

Кивнув, Эрланн покорно пошёл вслед за ней в сад. Странно, как на территории замка вообще могло оказаться и, тем более, сохраниться настолько умиротворяющее место, которое не делали мрачнее даже чёрные скульптуры, напоминавшие перепуганных или разъярённых зверей, чьей-то рукой и по воле одной лишь прихоти обращённых в камень.

Это был некий островок спокойствия, позволявший на время забыть о многих заботах и проблемах, набраться сил и просто вспомнить о том, что мир, всё-таки, может быть прекрасен, несмотря на многие свои недостатки и вопреки им. И в особенности, верно было это для Мастера, который не имел никакой возможности выйти за ворота, а потому был полностью отрезан от мира, заперт в этой клетке из переплетения колючек.

Сначала они стояли у пруда, в который Гленда, смеясь, кидала камешки, а после наблюдала за расходящимися по воде кругами. Ей нравилось это занятие, хотя куда более захватывающим она считала наблюдение за бабочками, что искорками отражались от воды. Почему именно бабочки? Эрланн знал, что её магия может приобрести абсолютно любой облик, но Гленда неизменно выбирала бабочек. Когда он спросил об этом, она ответила, что в прошлом они жили в той местности, где водились золотые бабочки. Они встречались только там и нигде более, а потому стали некоторым символом, напоминанием о доме. Хотя, конечно, настоящие куда более красивые, нежели сотворённые магией, но тут уже ничего не изменишь.

Через некоторое время хранительнице надоело это занятие, и потому она предложила посидеть в тени дерева. Говоря точнее, сидел только Эрланн, малышка же распустила волосы и улеглась на траве, устроив голову на его коленях. Она часто так делала и, откровенно говоря, Эрл уже устал повторять о том, что не стоило лежать на земле. Гленда, на самом деле, не могла похвастаться крепким здоровьем и легко простывала, но от всех замечаний с улыбкой отмахивалась, говоря, что она и до восемнадцати вряд ли доживёт, так зачем лишать себя этих небольших радостей? Собственно, подобные ответы тоже были причиной того, почему Эрланн стал реже возмущаться: в этих словах была горькая правда, о которой не хотелось, но приходилось вспоминать.

— Слушай, — Гленда подняла руку и коснулась щеки брата, — ты ведь так ничего и не вспомнил? Ни о прошлом, ни о себе, ни обо мне?

— Нет, ничего нового. Есть какие-то туманные обрывки, но, наверное, их просто породило воображение, стараясь заполнить эту дыру... Мне жаль, но память действительно не хочет возвращаться, — вздохнув, ответил он и продолжил перебирать лёгкие пряди.

— Ничего страшного. Однажды это обязательно произойдёт. А если и нет... Так оно и должно быть. Главное, не беспокойся. Ты — это ты, — она ободряюще улыбнулась, пытаясь сделать свои слова хоть каплю убедительнее. — Неважно, с прошлым или без него, с настоящей или же фальшивой памятью. Это ничего не меняет, поверь мне. И... В какой-то

степени я д-даже завидую тебе.

Гленда прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Она боялась признаться даже самой себе в том, что на самом деле часто тосковала по дому, по родителям, по прежней жизни. Как только прекратился зов и вернулось нормальное осознание реальности, стало понятно, что полностью привыкнуть к такой жизни не получится, что всё это не для неё, что ей очень и очень страшно. В прошлом она была той ещё плаксою, а потому и сейчас хотелось уткнуться кому-нибудь в плечо и разреветься, но Гленда ни разу не позволила себе подобного. Потому что так нельзя, потому что если она не могла помочь, то не должна хотя бы делать хуже. Да и повседневные заботы помогали отвлечься, взять себя в руки.

Эрланн молчал. Он осторожно приподнял малышку и крепко её обнял. Да, она вряд ли понимала, чему завидовала, но в данном случае нужны были не споры и поиски истины, а простое понимание. Желать сбежать от проблем — это естественно, за одно только желание нельзя судить, а вечное напряжение до добра не доводит.

— Эрл, ты ведь знаешь, что ты дурак? — пробубнила Гленда в плечо.

— Почему? Я опять сделал что-то не так? — усмехнулся он, хотя и понимал, что сейчас это говорилось без всякого злого умысла и реального желания принизить его умственные способности, как это было после недавнего конфликта.

— Тебя любят, ты любишь, но вы топчитесь на месте, как... Да я даже не знаю, с кем вас сравнить! — хранительница всё же выбралась из объятий и внимательно посмотрела брату в глаза, слегка прищурившись, из-за чего взгляд стал ещё более озорным. — С вами ведь всё также очевидно, как и с Мейлиром и Мейнир, либо же с Ирмой и Эгилем. Только не для вас самих. Может, пора перестать тянуть? — Гленда подбоченилась и недовольно скривила губы, что выглядело довольно комично, и Эрл еле сдержался, чтобы не рассмеяться. — Если ты так тормозишь из-за того, что Камилла — жертва, так поверь мне, ведьма, коли действительно наблюдает за нами, уже сто раз всё поняла. Я уже и не знаю, сколько ещё вас надо раз наедине оставить, чтобы толк вышел!

— Я, конечно, догадывался, что ты это всё специально, но всё же... — Эрланн хотел сказать что-то ещё, но мотнул головой, резко переходя к более заинтересовавшей его части: — Ты сказала, что Ирма и...

— Вот только не говори, что и этого не заметил, — как бы возмутилась она, скрестив руки на груди. — Да, именно как я и сказала. Ирма и Эгиль. И давно уже. Совсем ты от жизни отстал, закопавшись в своих книжках. Ладно, — Гленда подняла с травы и поправила юбку, — схожу я, проверю, как там Хальдис. А ты чтобы до обеда в замок ни ногой. Посиди тут, разгрузись, а то совсем связь с миром потеряешь. Мастер ты или кто там ещё, но это всё будет вторично, если перестанешь воспринимать то, что происходит вокруг.

Нагнувшись, она поцеловала Эрланна в лоб, а после весело поскакала к замку. Эрл провожал её взглядом до тех пор, пока она не пропала из поля зрения, а после прикрыл глаза с мыслями о том, что надо попытаться вздремнуть. Всё равно больше делать нечего, а сидеть в тени очень приятно. Главное, чтобы неожиданно дождь не пошёл или, чего хуже, не началась гроза. И чтобы кошмаров не было. Лучше как обычно — совсем без снов, чем те отрывки прошлого, слишком реальные, чтобы можно было их игнорировать.

Со своею же глупостью он попытается разобраться, раз уж всё действительно настолько очевидно, а потому пропали последние причины молчать. Вот только хватит ли ему духу признаться?.. Хватит. Наверное, хватит.

Глава 17: Неудавшийся праздник

Последние три дня прошли для Камиллы в некоторой суматохе — в городе вовсю готовились к празднику, а потому в ателье поступало много заказов, настолько, что часть работы приходилось забирать с собой. Что за праздник, в замке никто точно не знал, похоже, тот был свойственен именно для этой местности, которая была чужой даже для сестёр, в прошлом живших ближе всех к этому лесу. Попытки расспросить Дору ни к чему не привели: та ответила что-то неопределённое, добавив, что сейчас этот праздник просто называют летним, без всяких уточнений. В любом случае, было решено посетить мероприятие, ведь надо и веселиться иногда, да и младшим стоило во внешний мир выйти. Естественно, Эрланн и Хальдис никуда не шли, так как первый не мог этого сделать по вполне очевидным причинам, а вторая слишком сильно рисковала столкнуться с теми, от кого скрывалась. Гленда тоже хотела никуда не идти, не желая оставлять брата, особенно наедине с ведьмой, ведь тому явно будет неуютно в такой обстановке. Сам по себе пугающий замок, обитающий в нём дух злейшего врага, странная скрывающаяся от церкви особа... Но Эрланн с вежливой улыбкой заметил, что куда больше расстроится, если Гленда из-за него упустит свой шанс отдохнуть вместе с остальными, а потому ей лучше пойти. Малышке оставалось только вздохнуть и ответить, что она постарается поскорее вернуться и что-нибудь принести.

К Мейлиру и Элеоноре в городе уже привыкли; близнецы, Эгиль, Фрейя и Гленда особо внимания не привлекали — они вполне могли стать частью толпы, а вот близняшки и Мейнир были довольно заметными, над чем стоило поработать перед уходом. Невозможно было надолго скрыть нечеловеческие черты, но только на время праздника... Эрл предчувствовал, что одна маленькая светлая особа потом припомнит ему эту трату жизненных сил, но всё равно усилил печати на осколках, тем самым приглушив и их влияние на внешность.

— Не стоило так утруждаться, в порядке были бы мы... — виновато произнесла Сюзанна, отводя взгляд.

— Не помру от такого, — Эрл усмехнулся и потрепал её по волосам. — Некуда дальше помирать. А вот чтобы у вас были неприятности, когда впервые за долгое время отправляетесь в город, — этого я не хочу.

— С-спасибо, Мастер, что всегда нам готовы вы помочь...

Проводив взглядом Сюзанну, поспешившую к Дикре, которая никак не могла завязать ленты на туфлях, он только покачал головой. Немного напрягала эта вежливость, официальность, при учёте того, что они достаточно времени знали друг друга и состояли в хороших отношениях, но тут ничего нельзя было поделать. Сью просто не могла говорить иначе, хотя призналась как-то, что хотела бы общаться нормально, как все.

Эрл явно кого-то выискивал среди собиравшихся, обеспокоенно переводя взгляд от одного к другому. Вот он заметил светлую шляпу с широкими полями и тут же направился в ту сторону. Было ещё одно бедствие, с которым стоило переговорить.

— Камилла... — он осторожно тронул ту за плечо. — Можно тебя кое о чём попросить?

— Да? — поинтересовалась она, справившись, наконец, с завязками на рукавах.

— Будь осторожнее. Пожалуйста. Я понимаю, ты будешь там не одна, понимаю, что часто повторяю подобное и что слишком много беспокоюсь, но...

— Но у тебя есть все основания для этого, — улыбнулась Ками, сжимая руку Эрланна. — Даже тогда, когда я сорвалась, возмутилась... Я ведь снова вляпалась в какую-то ерунду, только подтверждая то, что не могу не давать поводов для беспокойства. Мирозданию, наверное, очень не нравится моё существование, тут ничего не поделать. А тебе предсказано из-за этого волноваться, тут тоже ничего не поделать. Но, обещаю, я постараюсь вести себя как можно благоразумнее и избегать неприятностей.

Ещё немного так постояв, Камилла неуверенно и как-то нехотя отпустила Эрла и отошла — все уже собирались уходить. Снова улыбнувшись на прощание, она поправила шляпу и поспешила за остальными. Почему-то в этот момент ей тоже захотелось остаться, но она понимала, что всё равно уговорят этого не делать, так что в итоге только затормозит остальных.

До города шли не слишком стройной группой, однако, добравшись до места празднования, все тут же разделились. Мейлир решил поводить Мейнир по магазинам, видимо, надеясь, что это сможет хоть немного развеселить ту; близнецы тут же устремились туда, где, по их мнению, было веселее всего — к местам проведения различных конкурсов и соревнований; Фрейя и Элеонора, поддавшись уговору близняшек, не желая отпускать их одних, отправились смотреть представление, оно как раз только-только началось, хотя вряд ли была разница, к какому танцу или песне прийти. Сестёр тут же заметили коллеги и втянули в разговор, который, по большей части, состоял из самых свежих сплетен, а также предположений, что окажется самым интересным на празднике; Эгиль же следовал за Глендой, как бы следя за той, хотя, если быть честными, таким образом он просто сторонился толпы, ведь малышка ходила несколько в стороне от основных действий.

Было очень шумно. Люди кричали, смеялись, хлопали, со сцены доносились звуки музыки, песни, всё пестрело от ярких нарядов и обилия цветов, которыми щедро украсили дома, фонарные столбы, киоски. Небо было ясным, хотя и не сказать, что без единого облачка, солнце пока ещё щадило и только пригревало, но было очевидно, что днём начнётся настоящее пекло, хотя вряд ли это кого-то волновало сегодня. Было весело, люди праздновали и отдыхали, они не хотели сегодня беспокойств и забот — для этого есть все прочие дни.

Через некоторое время Камилла смогла выбраться из круга болтушек — её всё равно не интересовало то, о чём они говорили — и тоже направилась к магазинам. Обычно у неё было совсем немного времени, чтобы ознакомиться с местами, которые не имели никакого отношения к работе. Теперь же появился шанс наверстать упущенное.

Больше всего её заинтересовал относительно небольшой магазинчик, наполненный всякими древностями. Вообще-то, множество предметов такого рода Камилла видела каждый день в замке, но там как-то меньше обращала на них внимания — настолько те приелись. Тут же стало любопытно, кому могла принадлежать та или иная вещь, почему теперь оказалась бесхозной... Следуя вдоль полок, Ками неожиданно наткнулась на висевший на стене портрет. Подпорченный временем, сохранившийся куда хуже, чем те, что встречались в замке, но всё равно узнаваемый.

«Это ведь она...» — удивлённо подумала Камилла и принялась взглядом искать продавца, дабы побольше расспросить об изображённой девушке.

— Извините, — она приподняла руку, привлекая к себе внимание мужчины в возрасте, на висках у которого уже заметно проступила седина, — не могли бы вы рассказать, кто изображён на этом портрете?

Немного удивлённо глянув сначала на картину, а потом на Камиллу, он кивнул и подошёл поближе, чтобы удобнее было вести разговор.

— Это — последний сохранившийся портрет «Беглой принцессы», иначе известной как «Боргхилль — беглянка с юга» или же «Несбывшаяся невеста». У этой девушки было много прозвищ, а её судьба довольно загадочна. Историки до сих пор ведут споры как на тему её рождения и родословной, так и о том, когда и где она умерла.

Слушая и смотря в глаза слегка улыбающейся девушки, Ками понимала, что неспроста были и эти нарядные платья, вычурная подпись, выдававший южанку акцент. Интересно, почему проклятье выбрало тогда жертвой именно её? Неужели нельзя было нацелиться на кого-нибудь поближе и менее важного? Но, в любом случае, было известно хотя бы то, где настигла смерть эту невероятно живую, даже на таком старом полотне, девушку.

— Точно известно, что на самом деле принцессой она не являлась, — продолжал рассказ продавец. — Она была девушкой из знатной семьи, кровно связанной с королевской династией, что всё равно имело немалый вес. Также высказывались предположения, что в роду у Боргхилль были маги или даже ведьмы. На основании слухов, можно было предположить, что она хорошо гадала. Но также ясно, что непосредственно колдовать Боргхилль не могла... Лет в семнадцать она сбежала прямо со свадебной церемонии, что и дало повод для нового прозвища.

Камилла уже не особо слушала, что говорил мужчина, задумавшись о гаданиях. Возможно, если сказанное имело место быть, стоило серьёзнее отнестись к тому странному стишку из часов? Даже если Боргхилль сама сомневалась на счёт того.

«В час начало положили... Возможно ли, что первые два часа всё же не люди, а события? И первое уже произошло? Но, в чём смысл? Может, это начало происходить, когда хранители начали собираться в замке?»

Ками поморщилась и потёрла переносицу. Из-за напомнивших о себе проблем праздничное настроение заметно притупилось, а большим пальцем она невольно дотронулась до кольца. Сколько ещё ей осталось жить?

Поблагодарив за рассказ и извинившись, Камилла торопливо покинула магазин и принялась искать сестру, либо кого-нибудь из хранителей. Очень некстати вспомнилось, что на празднике наверняка присутствовал священник, и будет очень нехорошо, если он к кому-нибудь прицепится. Он же охотился за Хальдис, а, значит, вполне может отреагировать и на прочих магов, даже если это определение неверно. Есть люди, которых подобные мелочи и уточнения не волновали, их вообще ничто не волновало, иначе бы не пришлось беспокоиться из-за Ирмы.

Устав лавировать среди людей в попытках кого-нибудь выследить, что оказалось непросто даже при учёте того, что рост Камиллы был выше среднего, она купила себе перекусить и устроилась на лавочке. К сожалению, все места в тени оказались уже заняты, но ведь на солнце было проведено не так уж много времени, да и шляпа на месте... Всё должно быть в порядке.

Попутно вспомнился тот случай, когда близнецы, забавляясь, заставили плутать по замку. Тогда Камилла набрела на запертую дверь, которая явно, а не так давно в этом удалось убедиться, вела не в подвал. Но куда? По случаю праздника предусматривалось несколько выходных дней — хороший шанс, чтобы попытаться найти ту дверь и постараться узнать, что за ней. Почему-то казалось, что это могло помочь, могло если не дать ключ к разгадке, то хотя бы подтолкнуть в нужном направлении.

— Девушка, почему вы грустите в столь прекрасный день? — послышался рядом голос, заставив Камиллу вздрогнуть. Задумавшись, она даже не заметила, как рядом с ней кто-то присел и уже некоторое время довольно пристально рассматривал. От этого стало немного неуютно.

— Я не грущу, — ответила она с улыбкой. — Вам показалось, право слово.

— Допустим, это мне могло показаться... Но почему же вы одна? — Стало очевидно, что собеседник так просто оставлять Ками в покое не желал.

— Вам снова показалось. Я здесь с сестрой.

— Значит, с сестрой... — он словно о чём-то призадумался, продолжая пристально глядеть на Камиллу. Захотелось наплевать на вежливость, вскочить и уйти подальше от надоедливого человека, тёмные сощуренные глаза которого не внушали никакого доверия. — Получается, вы свободны? — спросил, многозначительно поведя бровями и приблизившись. Запах спиртного заставил отпрянуть и с возмущением глянуть на собеседника. — Может, я составлю вам компанию?

— Может, нет. Я не свободна и, будьте добры, отстаньте, — недовольно ответила Камилла, отодвигаясь и уже собираясь встать, но её схватили за руки. Можно было попробовать вырваться, но... Она неожиданно почувствовала слабость, а перед глазами знакомо поплыло.

— Не будьте так неприступны, обещаю, мы прекрасно проведём время...

Кажется, он хотел сказать что-то ещё, но резко замолчал и застыл, боясь обернуться. Камилла почувствовала, как похолодели и задрожали державшие её руки. Подняв голову, она заметила мертвецки бледные пальцы, сжавшие плечо собеседника, а после пересеклась взглядом с чёрными глазами. Как всегда пугавшими, словно через них на мир глядела бездна.

— Молодой человек, вас, между прочим, довольно вежливо попросили не приставать. Неужели так трудно внять этим словам?

Камилле и самой стало жутко от голоса Эгиля: холодного, тихого, невероятно — до ужаса — спокойного. Несмотря на погоду, на мгновение стало холодно, и всё же... Это не было похоже на тот ужас, который она испытывала раньше, сталкиваясь с хранителем после того, как допустила очередную ошибку. Может потому, что в этот раз он не ругал, а помогал.

Собеседник встал, боясь оглянуться, его уже ощутимо трясло. Не издав ни одного лишнего звука и, кажется, в раз протрезвев, он поспешил уйти подальше, при этом выглядя таким напряжённым, словно спиной мог видеть до бездушного равнодушный взгляд самого пугающего из всех живых обитателя замка. Как только незнакомец скрылся из поля зрения, Эгиль облегчённо выдохнул и подошёл поближе, обеспокоенно глядя на Камиллу. Ему показалось странным то, что она вела себя довольно вяло и относительно спокойно.

— Спасибо за помощь, — неожиданно, даже для себя, тихо и слабо произнесла Ками и попыталась встать. Покачнувшись, она снова осела на скамейку, беспомощно посмотрев вверх замутнённым взглядом.

— К-камилла? Что с тобой? — Эгиль явно занервничал, в момент преодолев оставшееся расстояние, и придержал начавшую отклоняться в сторону девушку. — Ирма говорила... Ты слишком долго находилась на солнце? — спросил он в большей степени самого себя, потому что Ками вряд ли была в состоянии ответить.

Придерживая её, хранитель помог подняться, но тут же понял, что это плохая идея и подхватил девушку на руки. Озираясь по сторонам, он выискивал тень. Потом посмотрела на

Гленду, которая стояла рядом и переминалась с ноги на ногу, не зная, что ей делать.

— Гленда, найди Ирму. Или Мейлира. Неважно, кого, лишь бы поскорее.

Отдав указания, он направился к ближайшей находившейся в тени лавочке, которая как-то резко опустела. Устроив на ней Камиллу, он отошёл к фонтанчику, чтобы смочить в воде платок. Та только глупо улыбалась, глядя вслед и осознавая, что не так уж страшна эта «вредная водоросль», либо же это сознание так сильно помутилось... Либо всё и сразу, но, в любом случае, в данный момент не ощущалось никакого страха.

Вернувшись, Эгиль принудил Камиллу лечь, положив голову ему на колени, и приложил ко лбу платок. Он что-то бормотал о том, что некоторые просто не могут жить без неприятностей, не доставляя другим проблем, что за детьми надо постоянно следить, так как взрослеть и становиться внимательнее никто, похоже, не торопится. Он говорил что-то ещё, но Ками не могла разобрать слов и просто продолжала улыбаться, с интересом вглядываясь в недовольное и обеспокоенное лицо хранителя. Ей просто надо было чем-то занять себя, попытаться сохранить сознание, но эта затея провалилась.

Когда Гленда всё же привела Ирмелин, Камилла пребывала в бессознательном состоянии. Без лишних слов старшая сестра поняла, что именно произошло, и в первую очередь извлекла из сумки небольшой флакончик. Заставив младшую проглотить мутноватую вязкую жидкость, она покачала головой и заметила, что лучше бы было вернуться сейчас в замок. Конечно, вряд ли кто-то захочет так скоро покидать праздник... Однако, как оказалось, и Гленда и Эгиль были только за то, чтобы отправиться назад.

С пустыми руками не возвращался никто: женская часть несла покупки, а мужская, в лице единственного хранителя — Камиллу. Последняя, в свою очередь, при всём желании не смогла бы ничего нести. Гленда скакала немного впереди, ей не терпелось поскорее увидеть брата и кое-что ему показать, взрослые же тихо о чём-то переговаривались.

— Я помню, — начал Эгиль, — ты говорила, что она плохо переносит солнце, но чтобы настолько... Неужели она и раньше так часто теряла сознание?

Ирмелин отрицательно покачала головой и слегка нахмурилась. Для неё тоже было странным, что сегодня произошло подобное.

— В том-то и дело, что нет. Если бы я могла предположить, что сегодня случится подобное...

— Думаешь?..

— Да, наверное, это отголосок нашего проклятья. Я ведь тоже проклята, но... Не почему вечно не везёт ей? Как бы я хотела это исправить... — Ирмелин потупила и отвела взгляд. Она тоже была бессильна в данной ситуации, а от мыслей об этом начинала болеть голова. Или последнее было из-за леса с его аномалиями? Тут уж никто не знал ответа.

В лесу погода была заметно хуже, наверное, снова должен был пойти дождь. Впрочем, ничего удивительного. Оставалось надеяться, что удастся дойти до замка сухими и, в дополнение ко всему, не подхватить простуду.

Замок встретил мрачный молчанием. Действительно, откуда взяться множеству звуков, когда многие покинули это место? Однако, совсем скоро по коридорам стал разноситься звонкий голосок Гленды, что звала брата. Она и так знала, где стоило того искать, но всё равно хотела оповестить о возвращении — наверняка ведь так рано не ждали. На голос вышла и Хальдис, которая сидела в это время в гостиной и ощупывала какую-то статуэтку. С ней столкнулись Эгиль и Ирмелин, относившие Камиллу в её комнату. В скором времени там собрались все, кто был в данный момент в замке.

— А ведь я просил её быть осторожнее... — вздохнул Эрланн, подходя к кровати.

— Думаю, она была. Хотя... Когда мы всё же нашли её, она уже была почти никакая. Хорошо, что Гленда предложила поискать... — Эгиль подошёл к креслу и сел, устало растрепав волосы.

— Значит, вы намеренно её искали? — Мастер обернулся к сестре, которая что-то высматривала, шурша бумажным пакетом.

— Да. Я почувствовала, что что-то не так и предложила... Да где же оно? — Гленда стала выкладывать некоторые вещи. Видимо, нужное, как обычно, завалилось как можно глубже. — И предложила поискать Ками. Хорошо, конечно, что мы успели вовремя, но лучше бы моё предчувствие оказалось просто предчувствием. К счастью, что теперь она, похоже, в порядке и просто крепко спит. О, нашла! — воскликнула она, извлекая коробочку, по размерам соответствовавшую какой-нибудь небольшой вазочке.

К этому моменту на полу уже стояло несколько баночек с красками, лежали кисточки, было что-то, завёрнутое в коричневую бумагу — наверное, еда. Довольно улыбаясь, Гленда подскочила к брату и протянула тому коробочку, уточнив, чтобы сей подарок он открывал осторожно. Хмыкнув, тот присел на край кровати и с интересом заглянул внутрь. К сожалению, содержимое, опять же, оказалось завёрнуто, так что удалось поднять только одно — это никакая не ваза.

Тихо шурша обёрткой, Эрланн, под любопытные взгляды остальных, не считая слепой Хальдис и бессознательной виновницы сбора в этой комнате, извлёк на свет нечто странное. То была довольно необычная фигурка, представлявшая собой разбитое яйцо, из которого выглядывал некий механизм — множество странно соединённых между собой медного цвета шестерёнок. Эрл с интересом рассматривал подарок сестры, иногда почему-то слегка морщась. Он точно не мог ранее видеть чего-то подобного, но всё равно это «яйцо» казалось знакомым. Может, не сейчас, а где-то в прошлой жизни... Или же, до жизни в замке...

— Ты ведь не помнишь, да? — печально спросила малышка, заглянув брату в глаза. Тот отрицательно покачал головой, но довольно неуверенно. — Подобное было у нас дома. Нам всегда хотелось рассмотреть эту фигурку поближе, но взрослые не разрешали, опасаясь, что сломаем, разобьём. Знаешь, я очень удивилась, обнаружив это в городе, и не смогла не купить.

— Значит, дома? — Эрл усмехнулся. — Значит, вот что показалось знакомым. Такое... Похоже, это сложно забыть окончательно.

Получше изучив подарок, он переставил тот на столик и, устроившись уже на диване, попросил остальных рассказать, как прошёл день, и что было на празднике. Комнату не хотел покидать никто — вдруг, с Камиллой снова что-то случится?

Глава 18: Была бы дверь, а ключ найдётся

Беседа была тихой, но довольно оживлённой — Гленда и Ирмелин с радостью делились впечатлениями от праздника, который в немалой степени впечатлил обеих. Вот только если с Глендой всё было понятно, так как она видела за свою жизнь не так уж много, то Ирма, кажется, должна была уже привыкнуть к подобному. Однако в оправдание впечатлительности старшей можно было сказать, что и Эгиль иногда что-то добавлял, а ещё пожаловался на то, что несколько раз его приняли за какого-то грустного клоуна. Увы, запомнить обозначившихся не удалось — они подозрительно быстро убежали, стоило только обратить на них внимание. Хранительница засмеялась, вспомнив этот случай, и добавила, что люди те ни в чём не виноваты, так как она лично видела похожих на Эгиля клоунов. Только они были именно грустными, а не пугающими или словно только что с кладбища вернулись, где утраивали чаепитие со скелетами.

В окна застучал дождь. Да, где-то в городе солнечно и весело, но в этом месте веселье — роскошь. Осторожные шаги — это Хальдис поднялась с кресла и подошла к кровати, что-то прошептала, а потом кивнула и вернулась на место; обладая более чувствительным слухом, она первая обратила внимание на шевеления Камиллы, которая пришла в сознание и теперь осматривалась.

— Как самочувствие? — спросила Ирмелин, тоже подходя поближе и помогая сесть.

— Не идеальное, но гораздо лучше. Кажется, я снова накосячила, — Ками виновато улыбнулась и подтянула к себе плед, устраиваясь поудобнее.

— Не говори так, — старшая опустила на край кровати и потрепала младшую по волосам, за что была награждена шутливо недовольным выражением лица. — Честно, будь тут твоя вина, было бы спокойнее. Но, кажется, непереносимость солнца стала сильнее.

Камилла ничего не ответила и отвела взгляд. Никто не идеален, у всех свои слабости, но воспринимать себя в чём-то ущербной всё равно неприятно. Даже если это такая мелочь. Но мелочь ли? Как известно, солнце — это жизнь, а когда сам организм противился этой жизни, когда на эту проблему накладывалось ещё и печальное предназначение, становилось только грустнее и неудобнее. Ирмелин понимала, что чувствовала сестра, а потому решила вернуть тему в прошлое русло. Камилле ведь тоже что-то запомнилось и, не первый год зная младшую, Ирма была уверена, что та хотела поделиться этим с остальными. И не прогадала.

Постепенно оживая, она рассказывала о всяких забавных мелочах, о том, что видела фигуры из цветов, среди которых самой впечатляющей оказалась, как ни странно, ваза с цветами. Причём из цветов состояла как и сама ваза, так и находившиеся в ней огромные цветы. О том, как увидела женщину в том самом наряде, который на днях подшивала, замучившись с подолом. Потом вспомнила про антикварную лавку, в которой обнаружила портрет Боргхилль. Захотелось уточнить один момент, связанный с рассказом продавца.

— Хальдис, скажи, а правда, что у ведьм есть особый талант к гаданиям на картах?

— В целом, — Хальдис ненадолго призадумалась, — сама я, конечно, не могла этим заниматься... Однако если судить по моей покойной матушке и верить её словам, то так и есть. Ведьмы в целом очень способные в гаданиях.

Хитро улыбнувшись, Камилла посмотрела на сестру. Та ответила недоумевающим взглядом, не понимая, к чему именно вела младшая, но вскоре тоже заулыбалась и покачала головой, снова потрепав сестру по волосам.

— Ну, а что, Ирм? Ты тоже с картами дружишь. Вдруг и у нас в родстве были ведьмы? — смеясь предположила Ками, увернувшись от руки.

— Заманчивая, конечно, идея, но, во-первых, в моих предсказаниях верности столько же, сколько случайностей в них попадает. Это как твои толкования имён — с кем-то правда, с кем-то — совсем не к месту. А, во-вторых, тогда бы это и тебя коснулось. Тогда как ты и карты...

— Вот тебе смешно, а в именах действительно правды может быть много, — заметила Камилла, выпутываясь из пледа и подползая к краю кровати. — Вот, например, имя Эгиля может означать страх или наказание, — услышав эти слова, хранитель сцедил смешок в кулак и что-то проворчал на тему того, что у родителей было плохо с фантазией, — а Гленда — белая и добрая.

— Теперь знаю. А ещё помню, что я — огромная змея.

— Ну... И такое бывает, — Камилла развела руками и улыбнулась. В конце концов, не всегда же именам попадать в цель.

Медленно, но верно разговор перетёк к Хальдис, о которой до сих пор знали совсем мало: она ведьма, скрывается от церкви и троюродная сестра Мейлира. Как оказалось, она не против рассказать о себе побольше, но сразу предупредила, что не будет распространяться о прошлом, так как это коснётся и Мейлира, который не хотел бы раскрывать некоторые вещи о себе.

Оказалось, что она родилась зрячей, но мать, не желая, чтобы раскрыли наличие магии у дочери (а, значит, и у родительницы тоже) ослепила ребёнка, которого мог выдать цвет глаз. Однако через несколько лет обман раскрылся и, когда Хальдис было семь лет, и её, и мать должны были казнить. Родительница действительно умерла, а вот девочке повезло — вместо неё на эшафот возвели другую, вот только хорошего в этом везении было мало. Той, которая ранее жила в достатке, пришлось как-то выживать на улице. Слепой, неумелой, робкой и беспомощной. Помогало то, что хоть как-то смотреть на мир она могла иногда при помощи животных и птиц, а потом её заметила группа беглых магов и приняла к себе, ведь хорошо обученная ведьма может быть полезной. Даже если она слепа.

К слову, «Хальдис» было её настоящим именем. Так как мать происходила из рода горных ведьм. То назвала дочь дево́й скал, в память о своей родине, однако там, где они жили, это имя не было редким, так что не оказалось и причин называться иначе.

Жизнь в новом окружении была не то, чтобы очень хорошей, но и не такой уж плохой. Конечно, не совсем честной, но в чём-то даже лучше, чем раньше. Маги перебрались в другой город, а потому о семье своей Хальдис ничего не слышала, хотя даже до неё дошёл слух о пропаже троюродного брата. Несмотря на все трудности в отношениях с семьёй, она относилась к нему довольно тепло и обеспокоилась из-за этой новости, но ничего поделать не могла.

Несколько же месяцев назад приключился довольно неприятный инцидент. Один маг захотел украсть некоторые тексты из церкви — подробностей дела Хальдис не знала, так как её делом было просто следить при помощи птиц, чтобы никто их не застал. И в какой-то момент всё пошло не так: ведьма хорошо выполняла свою часть работы, но маг подставил её, провернув всё так, что за воровку приняли Хальдис, которая к текстам даже не прикасалась. Никто не собирался слушать ведьму, её просто начали преследовать, желая предать суду.

Переходя с места на место, из одного города в другой, скрываясь в посёлках и глухих деревушках, Хальдис нигде не могла найти покоя и осесть надолго. Кто знает, как

священники делали это, но они находили её везде. Иногда беглянка задавалась вопросом, что же такое было в украденных текстах, что её так старательно ловили? Однако на размышления времени особо не было — приходилось почти сразу задумываться, как покинуть очередное пристанище и куда пойти на этот раз. Вот так, будучи в бегах, Хальдис столкнулась с другой ведьмой, которая и рассказала про замок. Что было дальше — понятно и без лишних слов.

— Слушай, Халь, — обратилась Камилла, уже успев перебраться с кровати на диван и устроиться рядом с Эрланном, — а вот оказавшись в замке, что ты можешь сказать по поводу него и того, что здесь происходит?

— На самом деле, не так уж много, — призналась она. — Конечно, сильнее всего здесь ощущается дух бессмертной сестры и её чары. Но не она одна поработала над этим местом. Я чувствую, куда слабее, колдовство других сестёр, оно более древнее, пропитавшее насквозь камни, воздух... Это место видело много, очень много ведьм.

Гленда во время разговоров стояла у окна и смотрела на дождь. Было неясно, о чём она думала, слушала ли других, однако в этот момент малышка обернулась, с немалым интересом смотря на ведьму. Было видно, что она хотела задать вопрос, но боялась перебить, и поэтому медлила, выжидала.

— А почему вы называете Ингрид бессмертной? Ведь она всё же умерла после того, как прокляла духа.

Хальдис обернулась на голос и покачала головой, сдержанно улыбаясь.

— Физическое бессмертие — это иное. Тело не так уж ценно, его можно сменить. Другое дело души. Они не умирают, а, если нет постороннего вмешательства, возрождаются снова и снова, попадая в новые оболочки, однако перерождённые души чисты, так как ничего не помнят о прошлых жизнях. Вот только Ингрид смогла нарушить круг своих перерождений, потому как уже столько веков не теряет памяти о прошлом. Я не знаю подробностей, но, наверное, это потому, что её душа связана с замком.

— Подожди... Ты говоришь так, словно её перерождения не прервались, — заметил Эрл, подаваясь вперёд.

— Да, так и есть. По моим ощущениям, с замком связана только часть души, а другая, по словам сестёр, всё так же возрождается в новых телах. Не знаю, насколько это всё правдиво, но именно поэтому её называют бессмертной.

Слушая о бессмертии ведьмы, Камилла вспоминала о скелетах в подвале и о словах Боргхилль. Может ли быть так, что каждый раз ведьма возрождалась, например, в теле одного из хранителей? И потому, что это просто частица души, а не кровное родство, Мастер и не мог ничего почувствовать? А если эта частица находилась в жертвах?

«Бред! Такими темпами я только окончательно запутаюсь», — Камилла сжала руку в кулак и отвела взгляд в сторону, словно захотела посмотреть в окно. Она могла только строить догадки, не имея возможности их подтвердить. Собственных знаний недостаточно, а делиться мыслями с другими... Эрланн уже отверг их, рассказывать об этом хранителям не хотелось, что-то пугало, а сестра знала не больше неё. Может, стоило поговорить об этом наедине с Хальдис? Но можно ли ей верить? Да и об этом месте она знала больше на чужих словах.

— Всё в порядке? — спросил Эрл, осторожно взяв Ками за руку.

— Д-да, — она кивнула, неуверенно улыбнувшись. — Просто ещё не совсем пришла в себя.

— Ложись сегодня спать пораньше.

Ещё немного побеседовав, все разошлись, чтобы дать Камилле отдохнуть, хотя на самом деле она не настолько плохо себя чувствовала, но спутанные мысли постоянно вырывали из реальности. Ближе к ужину вернулись близняшки в сопровождении Фрейи, потом подтянулись близнецы, последними пришли Мейлир, Мейнир и Элеонора. К счастью, обошлось без происшествий, хотя Дикра жаловалась на гудящую голову и снова начавшую ужасно зудеть спину. Сюзанне оставалось только вздыхать и, совместно с домашними делами, следить за сестрой и успокаивать её.

На следующий день сразу после завтрака Камилла принялась за исполнение вчерашней идеи. Она была решительно настроена на то, чтобы найти ту дверь и если не узнать, что за ней, то хотя бы запомнить, где это место, и привести туда Эрла, у которого были все ключи. В тот раз путь начинался от жилых комнат, значит, туда и стоило пойти в первую очередь. Потом направиться в сторону кухни... А что дальше?

Камилла остановилась и, постукивая указательным пальцем по подбородку, посмотрела по сторонам. Из-за дурмана Исаака она забрела туда, где до этого бывать не доводилась. Однако на этом пути было несколько развилок, где она выбирала только определённые направления. Как определить, где свернуть? Пробовать разные варианты с самого начала, пока какое-то место не покажется знакомым? Смешно, если не забывать про дурман, но попытаться стоило. Камилла свернула налево, прошла немного вперёд и развернулась, заметив впереди тупик. Одно направление отпало, уже хорошо, ведь если она сюда и заходила, то проходить сквозь стены точно не научилась.

Забредая то в один коридор, то в другой, Ками либо понимала, что идти дальше нет смысла, либо не замечала ничего хоть немного знакомого, и потому возвращалась. В какой-то момент появилась нелепая мысль отыскать близнецов и попросить снова наложить на неё чары, но, во-первых, идея действительно была так себе, а, во-вторых, не стоило им лишний раз способности применять.

— Эй, Ками. — Вздрогнув, она обернулась и заметила Эрланна. Похоже, до этого он беседовал с Мейлиром. — Ты что-то потеряла? Ты уже несколько раз проходила мимо с таким странным лицом... Или что-то случилось?

— Нет, ничего не... Хотя да. Я пытаюсь найти одно место.

— Какое же место вдруг смогло тебя так сильно заинтриговать? — поинтересовался Мейлир, поглаживая набалдашник у трости.

— Меня тоже это интересует. Дело в том, что как-то раз я заблудилась из-за дурмана Исаака. И наткнулась на закрытую дверь, из-под которой поддувало, судя по звукам, там действительно было ветрено. Собственно, — она перевела взгляд на Эрла, — я хотела снова найти это место, чтобы можно было потом привести тебя туда. Но это оказалось гораздо сложнее.

— Как любопытно! — хранитель поднял вверх указательный палец. — А мы ведь обходили замок несколько раз, проверяя, не упустили ли случайно какое-нибудь занятное место, которое впоследствии могло бы оказаться даже важным. Скажи, пожалуйста, а куда ты направлялась изначально?

— На кухню. Это было как раз тогда, когда мы нашли записку в часах, а потом пришла Фрейя и позвала сестру и Мейнир.

— А где оказалась, когда дурман исчез?

— На пути от главной лестницы в гостевую. До этого я как раз наткнулась на дверь, но

так как она не открывалась, поменяла направление.

Мейлир кивнул и задумался. Постукивая тростью, он смотрел вверх, словно был очень заинтересован светильниками, а потом сказал, что в таком случае лучше начинать поиски с конца. Так должно выйти ближе. Шли молча, из-за чего Камилле показалась, будто своим присутствием она помешала разговору, но, похоже, тот просто подошёл к своему логическому завершению.

Оказавшись на месте, хранитель бегло осмотрел стены, а потом гораздо пристальнее стал вглядываться в ковры на них. Камилла и Эрланн переглянулись и синхронно пожали плечами, ничего не понимая.

— Что не так с коврами? — поинтересовалась Ками, подходя к Мейлиру.

— Дело не столько в коврах, сколько в том, где они находятся, — откликнулся он и провёл рукой по стене. — Замкам, как известно, свойственно наличие потайных ходов, но надо знать, где те искать. Вполне вероятно, что здесь есть что-то похожее, раз ты прошла сюда из того места, которое точно было незнакомым. А так как замок принадлежит ведьме... Эрланн, ты не ощущаешь никаких чар?

Мастер ненадолго прикрыл глаза, а потом отрицательно покачал головой. В этом месте он не ощущал ничего, что выбивалось бы из общего магического фона замка. Сложного фона, от которого с непривычки могло стать — и становилось — дурно, но даже так уловить отличия было реально. Если сказать больше, то Эрланну показалось даже, что это место слишком чисто от «примесей», что выглядело подозрительно. И эту мысль он высказал вслух, что вызвало сдержанную улыбку Мейлира.

— Действительно подозрительно. Словно бы намеренно тщательно сглаживали фон, шлифовали, убирая зацепки... Тогда попробую я. Камилла, можешь дать свою руку?

Приподняв в удивлении брови, но не задавая вопросов, Ками протянула правую руку, которую хранитель, незаметным движением сняв белую перчатку, очень аккуратно перехватил за запястье и развернул ладонью кверху. В тот момент Камилла невольно подивилась, насколько у него тонкие и длинные пальцы, а кожа мягкая — в их городке у многих девушек не было таких рук, что же говорить о парнях. Странно, ведь нельзя было сказать, что хранитель сторонился работы, сидел без дела. Он ведь был занят в лечебнице, помогал по саду... Или тут снова осколок постарался? Нет же, глупо всё объяснять этим.

Пока она размышляла, Мейлир уже отпустил её и медленно пошёл около стены, ведя вдоль той раскрытой ладонью. Не дойдя совсем немного до конца коридора, он остановился и словно бы начал ощупывать воздух перед ковром.

— След совсем слабый, но исчез ещё не до конца. Стоит поискать здесь, — заметил он, постукивая кончиком трости по стене.

— Какой след? — в этот раз не удержалась от вопроса Камилла, присоединяясь к осмотру.

— Все живые существа оставляют следы на вещах, с которыми контактировали; это можно назвать отпечатком жизни, как след от подошвы на снегу или грязи, пальцы на стекле. Но это именно жизнь, не магия, а потому мало кто видит эти следы, мне удаётся такое только из-за способности, и то не всегда.

— Не злоупотребляй этим, — неожиданно подал голос Эрланн.

— Волноваться не стоит, поверь, — заверил хранитель. — Сейчас я сделал это в качестве исключения. Иначе нам бы пришлось идти за Глендой. Это ведь она главная по поискам.

После упоминания младшей хранительницы тема тут же сменилась на другую: как определить, что именно здесь находился потайной проход? Однако, вопреки всем высказанным предположениям, найден тот был совершенно случайно, просто Эрланн ударился обо что-то локтем, а потом смог нащупать невидимую дверную ручку. Невидимой оказалась и дверь, а потому чуть не столкнулась с носом Камиллы, которая в последний момент успела увернуться. Не наблюдая никакого прохода, Эрл осторожно протянул вперёд руку, в итоге прошедшую сквозь стену.

Они прошли через иллюзию и оказались в пыльном коридоре, в который еле-еле пробивался сквозь грязные стёкла дневной свет. Пылинки медленно кружились, и казалось, что здесь гораздо тише, что здесь слишком тихо, и даже дыхание становилось недопустимо громким. Шаги ударами грома отражались от голых каменных стен, отчего-то выглядевших более старыми; покрывавший пол выцветший ковёр, настолько потёртый, что цвет уже угадать было невозможно, местами продырявился или покрылся пятнами плесени. Присмотревшись к окнам, можно было заметить, что за ними были решётки, обвитые засыхавшим плющом, из-за чего в коридоре становилось ещё мрачнее. Это место было не таким, как остальные части замка. Это место больше всего поддавалось влиянию времени.

Коридор был коротким и оканчивался невзрачной дверью. Наверное, и она была когда-то украшена, но теперь об этом могли напомнить только пятна и рубцы. Как и ожидалось, дверь оказалась заперта, но Мастер уже знал, как находить нужные ключи — они сами выдавали себя. Кто как: некоторые нагревались, другие светились, третьи начинали издавать тихий звон... В этот раз ключ просто слетел со связки, что не могло бы произойти случайно.

За дверью обнаружилась комната, в которой царил настоящая разруха: на полу валялась поломанная мебель, рваные шторы еле держались на отваливавшихся карнизах, было грязно, а в разбитые окна задувал ветер. Можно было подумать, что в этом месте проходило побоище, только мёртвых тел не хватало. А впереди виднелась ещё одна дверь. Массивная, с несколькими тяжёлыми замками, из которых почему-то закрыт был только один.

Глава 19: Часовая башня и отголоски прошлого

— Мейлир, ты идёшь? — спросила Камилла, обернувшись к застывшему на входе хранителю.

Тот брезгливо поморщился, покосившись на грязь и беспорядок, но всё же кивнул и подошёл ближе. Осторожно и быстро, стараясь ничего лишнего раз не касаться. Несмотря на то, что он попытался вернуть лицу обычное спокойное с долей вежливой благосклонности выражение, глаза то и дело выдавали отвращение к увиденному.

К этой двери ключ искать пришлось дольше, так как он не торопился выдавать себя с той же очевидностью, что и прошлый металлический собрат. Ощупав несколько связок, Эрланн наконец заметил, что одна подозрительно потяжелела.

Издав противный скрип, единственный запертый замок открылся, а после второй попытки удалось отворить и саму дверь. За ней было достаточно темно, чтобы стало проблемой что-либо разглядеть, а свет из комнаты позволил заметить лишь покрытый каменной крошкой и ржавыми железками пол. Очевидно, что когда-то они были оружием.

«Странное место, действительно странное», — подумала Камилла, безрезультатно вглядываясь в темноту.

— Опять грязь... Отвратительное место, — тихо заметил Мейлир и протянул вперёд руку.

С раскрытой ладони сорвались три пятна света, позволявшие лучше разглядеть скрытое за дверью. Ничего примечательного, но примерно в полутора метрах от порога начиналась винтовая лестница, уходившая далеко вверх, в темноту, которую не удавалось развеять созданным светом. Ни намёка на то, что можно встретить далее, но если уж идти, то до конца, и потому все трое, не сговариваясь, а лишь переглянувшись, пришли к выводу, что надо посмотреть, куда ведёт лестница.

Несмотря на то, что Камилле очень хотелось пойти первой, сначала к лестнице направился Эрланн. Надо быть последним глупцом, чтобы позволить простому человеку, да ещё и слабой бедовой девушке, проверять новые пути в заколдованном замке. От камней веяло холодом, и почему-то казалось, что уже осень, но не начало, когда ещё тепло, а середина или даже ближе к концу. В замке всегда было прохладно, однако в данный момент Ками пожалела, что не надела что-нибудь потеплее бридж.

Лестница была достаточно широкой, однако перила сохранились очень плохо, из-за чего Камилла старалась идти вдоль стены, ведя по той рукой. Казалось, что из-за этого становилось только холоднее. Эрл шёл ступеней на пять впереди, постоянно норовя пропасть из виду, а Мейлир заметно отстал. О том, что он никуда не делся можно было понять только по мерному стуку трости. Правда иногда стук сбивался, и это вызывало беспокойство.

Камилла в очередной раз обернулась, чтобы посмотреть, где хранитель и, заметив, что звук стал тише, попросила Эрланна притормозить. Когда она повернулась, чтобы продолжить подъем, показалось, словно рядом мелькнул рукав тёмно-фиолетового цвета, но впереди никого кроме Мастера не оказалось.

«Наверное, померещилось», — попыталась успокоить себя Ками, спешно занимая мысли размышлениями о том, сколько ещё осталось идти. По ощущениям они поднимались уже минут так семь, если не больше, и сейчас уже, в каком направлении ни посмотри, не

увидеть ничего, кроме стен и ступеней. Идти становилось труднее из-за того, что начинала кружиться голова. Раньше подниматься по винтовым лестницам почти не доводилось, но не заладилось с ними сразу.

На самом деле оставалось не так уж много, вскоре показалась новая дверь, которая, к счастью, была не заперта, хотя тоже поддалась не сразу. За ней обнаружилась очередная комната, в центре которой стоял круглый стол в окружении двенадцати стульев, больше напоминавший огромный циферблат с символами вместо чисел. Вдоль стен располагались книжные шкафы, половина из которых была почти или даже полностью пуста. Спереди находились два больших окна, разделённых тем, что в прошлом, наверное, было картиной, сейчас же там ещё виднелись тусклые пятна краски, но уже ничего не разобрать. Возле правого окна стояло кресло, на спинку которого была накинута чёрная шаль. Слышалось тиканье часов; достаточно ясное, чтобы не посчитать его за галлюцинацию. Похоже, они оказались в часовой башне, и всё бы ничего, вот только снаружи её видно не было, а ведь она определённо должна была возвышаться над остальным замком. С тем, чтобы отследить бой часов было сложнее, ведь их в замке достаточно. Хотя на улице это наверняка было бы заметно.

Бегло осмотрев комнату, Камилла обеспокоенно глянула на хранителя. Кажется, после подъёма он стал сильнее опираться на трость, а когда направился к ближайшему шкафу — едва заметно прихрамывал.

Мужская часть сразу заинтересовалась книгами, тогда как Ками решила выглянуть на улицу. Впрочем, ничего нового она не увидела, так как во всём замке вид из окна был одинаков: лес; различны были только части замковой территории, которые можно было разглядеть внизу. Отсюда были видны ворота, дорога от них и фонтан. Отойдя от окон, Камилла решила посмотреть, что такого в обнаруженных книгах. Разобрать не вышло не то что ни слова, даже буквы были какими-то странными. Они больше напоминали каракули, которые нацарапали просто для того, чтобы создать видимость исписанной страницы.

— Кажется, я одна здесь ничего не понимаю, — вздохнула она, отходя от Эрланна, в книгу которого заглядывала.

— В этом нет ничего страшного или предосудительного, — отозвался Мейлир, проведя пальцем по корешкам, — ведь эти книги написаны на уже устаревшем магическом языке. Большая часть уж точно. Даже мне бывает сложно понять некоторые моменты в них, и это без учёта вникания в суть, а просто говоря о возможности перевести те или иные слова. Удивительная коллекция, похоже, связанная какой-то одно тематикой. По крайней мере, я вижу здесь достаточно книг, посвящённых перемещениям между мирами и переселениям душ.

— Такому обычно не учат. Я удивлена, что ты в этом разбираешься.

— Я знаю об этом не так много, как хотелось бы, да и изучал несколько лет назад. Как и все прочие вещи, знать о которых было обязательно в моей семье. Признаюсь, тогда я и не думал, что подобное действительно может пригодиться, а потому не придавал должного значения.

— Чем дальше, тем больше я думаю, что ты был из какого-то знатного рода... — пробормотала Камилла, присматриваясь к яркой вещице, завалившейся между шкафами.

Хранитель ничего не ответил, только улыбнулся, как-то очень странно, болезненно и обречённо, но стало ясно, что это предположение очень близко к правде. Слишком близко. Вот только пытаться узнать об этом побольше не стоило.

Ярким пятном оказалась заколка-цветок, которая очень напоминала заколку Боргхилль, только не фиолетовая, а оранжевая. Просто совпадение? Камилле казалось, что Боргхилль очень дорожила своим украшением, ведь оно было и на посмертном портрете, и на воспоминании, и на картине в магазине. К тому же тогда, как и всегда, должно было быть две жертвы. Возможно ли, что это заколка второй жертвы? Но что она делала тут? Что это вообще за место такое, которого не видно и путь к которому скрыт? Как часто кто-либо забредал в эту башню? Даже комнаты замка, в которые никому не было надобности заходить, не выглядели настолько заброшенными.

Осматривая остальные шкафы, Камилла заметила, что в одном месте расстояние между ними на порядок больше. Присмотревшись к этому месту получше, она поняла, что там находится небольшая и довольно хорошо замаскированная дверь. Очень хотелось узнать, что за ней, но, похоже, мужская часть была слишком увлечена чтением, а потому было решено проверить всё самой. Это слишком близко, чтобы умудриться сильно напортачить. Пригнувшись, чтобы не удариться головой о дверной косяк, Ками прошла в небольшую комнатку, попутно прицепив заколку к жилетке. По правую сторону полки были уставлены чучелами птиц, по левую расположились шкафы со стеклянными дверцами, за которыми виднелись неизвестные приборы. Напротив небольшого окна стоял самый обыкновенный письменный стол, к которому и направилась Ками.

Единственной примечательной вещью на столе оказался золотой обруч с четырьмя камнями и тонкими узорами, он прижимал к столешнице пожелтевшую записку, у автора которой почерк был ещё затейливее, чем у Боргхилль. Благоразумно ничего не трогая, Камилла выглянула за дверь и позвала остальных.

Убедившись в том, что на обруч не наложено никаких опасных чар, Эрланн поднял его и достал записку. Разобрать у него ничего не получилось, так что находка была передана Мейлиру. Тот некоторое время всматривался, слегка морщился, однако вникнуть в завитушки смог, после чего зачитал написанное.

«Если ваш бог действительно существует, то почему он позволяет совершать такие бесчеловечные поступки? Почему страдают невинные? Почему он молчит, когда вы взываете к убийствам? Убийствам во имя него! Если бог милосерден, то почему подобное происходит вновь и вновь? Почему он сквозь пальцы смотрит на вашу жестокость? Я всё больше уверяюсь в том, что бог либо слеп, либо его нет. Заклинаю, если сегодня мы погибнем в стенах этого замка, в будущем он всё равно будет спасением для магов. Заклинаю, пусть хотя бы один из нас найдёт здесь защиту. Заклинаю именем королевы».

— Королевы? — эхом повторила Камилла. — Здесь разве была какая-то королева? Вроде же только о ведьме речь шла.

— Не могу ничего утверждать с абсолютной точностью, но на ум приходит только одна возможная королева. — Отдав записку Эрланну, Мейлир принялся рассматривать обруч. — По крайней мере, связь с ведьмами и этот обруч напоминают только о ней. О королеве-ведьме Изольде. Той, которая спасала не только ведьм, но и остальных магов во времена Великой охоты. Но кое-что меня во всём этом смущает.

— Что же?

— Изольда жила во время Великой охоты, — поднял указательный палец хранитель, —

а история Ингрид, если прикинуть, имела место быть во время охоты на ведьм, — он начертил пальцем линию в воздухе. — Между этими двумя событиями прошло довольно много времени. Пара веков или около того. Королева, как и многие из тех, кто находился под её защитой, погибла, так как к тому моменту её муж ещё не успел собрать достаточно единомышленников, чтобы ограничить власть церкви. Если бы Ингрид тогда была рядом, то умерла бы раньше, чем нашла духа. Получается, этот замок принадлежал Изольде, где она и скрывалась вместе с остальными — это разумно и логично. Такое место точно было, только нигде не упоминали о его конкретном расположении. И тогда я не понимаю вот чего: почему и как Ингрид стала хозяйкой этого места? Почему именно её душа связана с замком? Говоря об этом месте, вспоминают именно о ней, а не о королеве, память о которой так почитают ведьмы.

— Может, из-за давности событий? Учитывают то, что «свежее», — предположил Эрл. Мейлир на это отрицательно покачал головой.

— Подобное применимо к обычным людям, ведь из-за определённых — довольно спорных — моментов связанные с Изольдой события не предаются широкой огласке, о них мало где написано. Получить доступ к имеющимся текстам непросто. Но ведьмы! — не сдержавшись, он всплеснул руками — Даже моя сестра об этом месте знает больше среднего обывателя, как и о королеве. — Хранитель издал тяжёлый вздох. — Хотел бы я в этом разобраться, но сейчас не лучшее время для этого.

Слушая Мейлира, Камилла рассматривала чучела птиц, которые были сделаны на удивление умело. Казалось, что их глаза следили за незваными гостями, а стоит отвернуться, как птицы оживут и взлетят. Присмотревшись, можно было заметить на каждой лапке по тонкому колечку; чем-то они неуловимо напоминали обруч королевы. Одно такое колечко лежало на полке, Камилла потянулась к нему, но не успела дотронуться, как почувствовала укол от собственного кольца. Отдёрнув руку, она решила не хватать явно магические предметы. То, что её убивает, явно не будет колотиться просто так.

Все вздрогнули, услышав бой часов. Семь тяжёлых ударов, за которыми снова последовало мерное тиканье. Семь? Это было странно, ведь сейчас никак не могло быть семи часов.

— Наверное, часы сбились... — предположила Ками, глянув в сторону окна.

Возможно, ей это только показалось, но на улице стало заметно темнее, словно наступил вечер. Между столом и окном начал медленно проявляться женский силуэт, постепенно становясь совершенно чётким.

«Воспоминание?» — Камилла вспомнила о встрече с Боргхилль в подвале. Однако, в отличие от того случая, их не замечали.

Женщина в тёмно-фиолетовом платье склонилась над столом. Придерживая распущенные лавандовые волосы, которые так и норовили попасть в чернила, она спешно что-то писала, то и дело оглядываясь назад. Из окна в комнату попадал свет, источник которого находился где-то внизу. Закончив писать, женщина сняла в головы золотой обруч, положила на записку и выглянула на улицу.

— Я не успею... Они пришли быстрее, чем я думала, — взволнованно пробормотала она, нервно сжав подол платья. — Эльцан, поспешим.

Когда женщина махнула рукой, самая большая из птиц сорвалась с полки, о которую ударилось слетевшее с лапы кольцо. Они поторопились прочь из комнаты, а незваные гости, не сговариваясь, кинулись к окну.

Стало ясно, откуда взялся свет. Лес вокруг замка, чем-то неуловимо отличавшийся от нынешнего, пылал. Прислушавшись, можно было разобрать крики и лязг оружия. Но если это уже не иллюзия? Не воспоминание? Подобная мысль слишком обеспокоила, поэтому троица тоже поспешила покинуть башню.

Первой по лестнице сбежала Камилла, торопясь в коридор возле гостевой. Место действия у воспоминаний ограничен, это она знала, помнила из ночной прогулки по подвалу. Скорее всего, в этот раз «обманной зоной» была вся обнаруженная сегодня часть, по крайней мере, пробегая через погромленную комнату и заброшенный коридор, она заметила рыжие отблески за пока ещё чистыми окнами.

Замедляясь и пытаясь восстановить дыхание, Ками приблизилась к подоконнику. Опершись на него, выглянула на улицу. Всё спокойно. Как всегда неспешно качались верхушки деревьев, образуя тёмно-зелёное море, на светлом дневном небе, к удивлению, практически не было облаков.

— Обошлось, — выдохнула она и присела на подоконник. Всё же бегать по винтовым лестницам — это ужасно. Ужаснее, наверное, было бы только бежать вверх.

Вскоре послышался звон, а следом показался Эрланн. Заметив Камиллу, он ухмыльнулся и подошёл.

— Ну ты и резвая, не думал, что ты можешь так носиться, — это удивление было явно притворным.

— Могу... Если захочу... — Ками попыталась рассмеяться, но дыхания на это не хватило.

Эрл рассматривал небо, задумавшись, в то время как Камилла удивлялась тому, что он так спокоен после бега, пока не вспомнила, что кто-то вообще-то мертвец. Те обычно не бегают, но если уж пришлось — усталость и сбитое дыхание — это слишком по-живому. От подобных мыслей передёрнуло. Сначала она похоронила родителей, потом узнала, что обречена умереть и влюбилась в того, кто жив только условно. Только за счёт какого-то духа внутри, который рано или поздно присвоит себе и тело, и разум. Это всё ненормально и жутко, это то, что лучше бы оказалось дурным сном, чем такой необыденной правдой, настигшей так неожиданно. Ведь по всем законам какие-то намёки на избранность или проклятость давались с самого начала, но реальность оказалась куда проще. Не утруждая лишними предупреждениями, свалила на ничего не подозревавших обывателей всё и сразу.

На немой вопрос Эрланна Ками ответила улыбкой, а после соскочила с подоконника и прислушалась. Тихо. Сколько прошло с момента их возвращения из башни? По крайней мере, достаточно, чтобы передохнуть.

— Я предполагала, что Мейлир отстанет, но тебе не кажется, что его как-то долго нет? — обеспокоенно спросила она, подходя к тому месту, где должен был быть проход.

Мастер вздрогнул, не сразу отреагировав. В своих размышлениях он ушёл уже достаточно далеко от беготни и беспокойства из-за воспоминаний замка. Визит в башню породил более насущные проблемы, которые достаточно сильно обеспокоили.

— Действительно, он должен был уже появиться. Ками, правее, — поправил Эрланн и тоже подошёл.

Они снова оказались в коридоре, который теперь освещался не едва пробивавшимся светом, а полыхавшим за окнами пожаром. В воспоминании это место совсем не выглядело старым, однако сейчас было не до любопытства к бывшему облику коридора; возле двери, спиной опершись на стену, сидел хранитель, отрешённо смотрящий на блики огня на

оконных решётках, трость его лежала рядом. Заметив вошедших, он махнул рукой. Камилла подбежала и присела рядом, обеспокоенно вглядываясь в лицо Мейлира. Он выглядел нормально, но почему, в таком случае, решил тут посидеть?

На вопрос Эрла о том, может ли он встать, хранитель только отвёл взгляд и пожал плечами. Поморщившись, он попытался подняться, но чуть не упал, как только оказался на ногах, благо Мастер подхватить успел. Когда Камилла подала трость, Мейлир смог встать ровнее, однако пытаться идти пока не решался. Он виновато посмотрел на Эрланна и попросил не ждать, потому что ему надо просто ещё немного отдохнуть и всё будет в порядке. Ведь главное, что никакой опасности сейчас нет, как и надобности торопиться.

— Мейлир... — Ками робко посмотрела в глаза. — Наверное, некорректно задавать такой вопрос. И-извини, что слишком любопытствую. Но всё же... Ты, получается, ходишь с тростью потому, что у тебя проблемы с ногой? — Она мягко коснулась руки, которая вцепилась в набалдашник, словно в последнее спасение.

— Только не говорите об этом Фрейе, а то точно из просто принцессы превращусь в хромоногую принцессу, — пошутил Мейлир, улыбнувшись одним уголком губ. — В самом деле, после некоторых событий, которые произошли ещё в детстве, у меня не всё в порядке с коленом. К сожалению, даже при помощи моей способности с этим нельзя ничего поделать. Это банально уже поздно лечить, даже будь такое возможно. В то же время, хорошо уже то, что я в принципе могу ходить.

— Если бы не сегодняшние события, я бы так ни о чём и не догадалась. Ты... Очень наловчился за это время.

— Привык, — пожал он плечами. — Положение обязало в своё время быстро приспособиться делать вид, что всё в порядке. Однако всё равно некоторых физических нагрузок следует избегать. — Хранитель покосился на дверь. Очевидно, что бег по длинным винтовым лестницам как раз входил в список противопоказаний.

Несмотря на все возражения, Эрланн убедил Мейлира опереться на него, чтобы хотя бы выйти отсюда и перейти в гостевую, а Камилла подхватила трость, чтобы та не мешала хранителю. Невидимая дверь сама закрылась за троицей, которая уже не сможет так просто вспомнить, где же был проход в заброшенную часть замка. Ведь даже не сумев сохранить свои секреты, он не позволит оплошности вновь. Попавшие в сети не выберутся из них живыми, нашедшие дорогу, обернувшись, не обнаружат следов.

Глава 20: Решение есть?.

Ирмелин нервно постукивала каблуком, размышляя над тем, где ещё могла бы находиться сестра. Её беспокоило самочувствие Камиллы, которую никак не получалось найти, хотя, кажется, уже под каждый камень довелось заглянуть. А время тикало, за час до обеда надо было ещё кое с кем встретиться. Сестра, конечно, важнее встречи, просто некрасиво получится, если не явится. Да, поймут, да, не осудят, и всё равно данное слово надо держать.

Выгляну в окно, Ирма вздохнула. Погожие дни имели скверную привычку омрачаться, впрочем, как и непогожие. Каким бы ни был день в этом замке, заранее радоваться и расслабляться не стоило. И всё же, где сестра? Стоило лучше следить за ней, но в замке Камилла обычно что-то высматривала, выискивала, всё ещё надеясь, что способна оказать какую-нибудь помощь, тогда как Ирмелин была занята делами по хозяйству. Она понимала, что не в её силах, вопреки всем этим нелепым предсказаниям и предназначениям, что-то изменить, так лучше позаботиться о более насущных проблемах, таких как тёплая еда, чистая постель и отсутствие сантиметровых слоёв пыли на всех горизонтальных поверхностях. Даже если эти дни окажутся последними, пускай в них будет хоть что-то приятное.

— Надо быть оптимистичнее, — упрекнула она себя и направилась к комнате. Всегда есть шанс, что Камилла решит туда вернуться.

Что же, в этот раз удача оказалась на стороне старшей сестры. Возвращавшаяся младшенькая первая заметила Ирму и, подбежав, радостно заключила её в объятия. Ирмелин улыбнулась и обняла сестру в ответ. Немного так постояв, она растрепала Камилле волосы, мысленно отметив, что пора их постричь, и попросила отпустить уже, иначе они так до самого обеда простоят, а это пускай и заманчивая идея, но не настолько, чтобы ей последовать.

— Я тебя еле отыскала, — одновременно произнесли они и рассмеялись.

Камилла — потому что сестра снова слишком переживала, что стало ясно и по её словам, и по выражению лица, а Ирмелин из-за нелепости ситуации. Когда двое друг друга ищут, нередко найти становится только труднее.

— И всё же, где ты была? — уточнила Ирма, отсмеявшись.

— Да вот, было тут такое... — Камилла протянула сестре обруч, который взяла специально чтобы показать, а потом отдать Мейлиру, и рассказала о визите в башню.

В процессе рассказа она заметила, что не выходило вспомнить, где именно находился проход в башню и как удалось его отыскать, но не стала придавать этому большого значения, добавив, что не горит желанием снова посещать это место. Почему не горит — сама не поняла, там ведь вроде как интересно было, только воспоминания какие-то неприятные. Ирмелин внимательно слушала, вертя в руках обруч. На первый взгляд — очередная старинная вещица, коих тут за века скопилось на пару-тройку магазинов антиквариата, но с другой стороны, вещь, которая принадлежала королеве, причём королеве-ведьме, могла таить в себе нечто особенное. Только обычному человеку почувствовать это всё равно не было дано. Всё равно, что попросить кого-то вроде Фрейи объяснить различия в разных фасонах юбок, либо расспросить Элеонору о наиболее эффективных способах пыток. Первая пойдёт в речке утопиться, потому что нет этих различий — всё ужасно неудобно, а вторая даже слова сказать не сможет, расплакавшись в приступе жалости ко всему живому.

Услышав про Мейлира, Ирма покачала головой. Вот уж точно, наловчился так, что и не раскусишь. Она считала себя достаточно внимательной к мелочам, но призналась, что даже не подозревала о наличии у хранителя проблем с ногой. Ещё бы! В высшем обществе глаза у стервятников в разы острее, их обмануть — особое искусство, непостижимое для уроженки городка возле леса. Такому не то, что годами учатся, это с молоком матери впитывают, а закрепляя первой незамеченной каплей яда в бокале.

— Это, конечно, чудесно, но ты как себя чувствуешь? — перешла старшая к более интересовавшей её теме.

— Ну... — протянула Камилла, отводя взгляд. — Не очень хорошо, — всё же призналась она. — Отдам обруч и пойду отдыхать. Послезавтра же работа, надо в форме быть. Иначе от расспросов Доры не отобьюсь... А так хоть послушаю про её новую любовь, которую она наверняка на празднике встретила.

Ирмелин похвалила сестру за здравомыслие, вернула украшение и попросила постараться не проспать время обеда, после чего они временно распрощались, и Ирма направилась к главной лестнице. Теперь можно было со спокойной душой повидаться с Эгилем, который наверняка уже ждал, усевшись на верхних перилах, которые словно соединяли две лестницы, при взгляде со стороны входа превращая их в одно целое.

Старшая искренне не понимала, почему Ками называла его водорослью, ведь кроме цвета волос ничего общего заметить не удавалось, но если Эгиль не обижался на подобное, не возмущался, то всё ведь в порядке? Иногда, правда, казалось, что он в принципе не способен испытывать подобные эмоции, как и некоторые другие. Или выражать их. Ирма проводила с хранителем времени больше, чем многие другие обитатели замка, однако почти всегда видела его с одним и тем же выражением лица, как-то научившись при этом распознавать различные эмоции. Уставший, угрюмый и напряжённый, словно от каждого камня, от каждой щели ждал подвоха — вот каким обычно виделся хранитель. Последнее, к слову, обычно толковали иначе, принимая за насмешку, издёвку, недовольство... В общем, что угодно, кроме правды.

Остановившись возле лестницы, Ирмелин оглянулась, к своему удивлению не обнаружив Эгиля. Опоздать он не мог, а вот услышать шаги и... В следующий момент хранитель подкрался к ней и поцеловал в левую щёку, обхватив за талию. Ирма улыбнулась и поцеловала его в ответ, для чего пришлось привстать на носках.

— Извини, я задержалась. Никак не могла найти Ками.

— Она опять неприятности искала? — устало поинтересовался Эгиль.

— В этот раз она делала это не одна, а с Эрлом и Мейлиром, так что можешь так не напрягаться. — Одарив хранителя ободряющей улыбкой, Ирмелин сжала его руку. Эгиль вздохнул и покачал головой — понять и принять безрассудство ему было трудно. — К тому же, пусть лучше она их ищет днём, чем ночью, раз уж не может бездействовать.

Эгиль освободил руку и, отойдя в сторону, присел на верхнюю ступеньку. Упершись локтями в колени, он запустил пальцы в волосы, прикрыл глаза. Ирмелин подошла и, придерживая юбку, опустилась рядом.

— Это ведь в твоих силах: убедить её быть осторожнее, — вздохнул он, бегло глянув на Ирму. — Ты ведь знаешь, что...

Она удручённо покачала головой, медленно перебирая волнистые тёмные пряди. Кажется, Эгиль снова поленился причесаться. Вот что с ним таким делать? Бегать с расчёской по всему замку? У них и так почти каждый завтрак или ужин приключалось новое

«шоу».

— Да. Мне ли не знать? — Опустив руки, Ирмелин уткнулась лбом в колени. В силах, в силах, да что же с того? Ни радости от этого, ни пользы. — Но я не хочу давить на неё. Поздно. Я сама в этом виновата.

— Не вини себя во всём.

— Я знаю. Этим не поможешь.

— Я ведь не о том. Не притворяйся, что не поняла.

— Не могу ничего обещать, это тяжело.

Они замолчали, никому не хотелось продолжать эту тему, да и возможности не было. Ирмелин обняла хранителя и, прижавшись к груди, тихо всхлинула. Праздник ознаменовал, что близится осень, но лучше бы она не наступала. Никогда не наступала из-за того, что время застыло.

Заглянуть к Мейлиру и передать обруч оказалось делом пяти минут, но у Камиллы не было никакого желания валяться в кровати, несмотря на самочувствие, поэтому до обеда она просто просидела в компании ежедневника и пледа, делала заметки о сегодняшнем дне. Рыжий цветок она пристроила на столе рядом с фиолетовым. Его бы тоже следовало показать сестре, да ведь возможность ещё будет, а по Ирмелин видно было, что она куда-то торопилась. Ками достаточно хорошо знала привычки сестры, чтобы понять, что значали эти сдерживаемые попытки оглянуться назад, беглые взгляды в окно и редкий стук каблуком. И, наверное, она даже понимала, к кому торопилась сестра, ведь её взгляды на хранителя легко было истолковать верно.

Во время обеда Эрланн отсутствовал, и это можно было бы воспринять спокойно — не первый случай, только больно уж обеспокоенной и опечаленной выглядела Гленда, которая очень часто задумывалась настолько, что забывала есть. Она не реагировала даже на вопросы близняшек и очередную перепалку Фрейи и Мейлира, хотя обычно не упускала такого из внимания. Камилле это очень не понравилось, предчувствуя неладное, она, как только все начали расходиться, догнала малышку. Та застыла возле лестницы, словно не решалась идти дальше.

— Гленда, — окликнула Ками, положив руку на плечо хранительнице. Та вздрогнула и обернулась. — Что случилось? Ты сама не своя.

Гленда молча смотрела перед собой, словно не понимала смысла сказанных слов.

— Гле-е-енд... Это как-то связано с Эрлом?

— А?.. А, д-да, — всё же откликнулась она, снова вздрогнув. — Да. Брат... С ним разное бывало, н-но... — Хранительница подалась вперёд и схватила Камиллу за руки, с испугом посмотрев ей в глаза. — Понимаешь, я ещё не видела его таким. Не понимаю, что случилось, но на нём просто лица нет. Я... Я не понимаю, что могло произойти, всё ведь было нормально в последние дни. И он... Он н-ничего не хочет говорить. В комнате сидит, мертвее кукол своих выглядит. — Руки Гленды дрожали, а говорила она быстро и сбивчиво, как утопающая ртом захватывая воздух.

Беспокойство малышки передалось Ками. Она вспомнила, что после посещения башни Эрланн действительно выглядел немного странно, но не придавала этому большого значения, а потом, после разговора с Мейлиром, этот момент и вовсе забылся. Теперь стало ясно, что нужно разбираться, что надо растормошить Мастера. Держа хранительницу за руку, Камилла поспешила в его комнату.

Притормозив ненадолго возле входа, девушка резко распахнула дверь. Мертвецкую тишину в комнате разбавляло только тиканье часов на полке над камином, Эрланн, безвольно свесив руки, сидел на диване и с отрешённостью мраморной статуи смотрел перед собой. Стоило отметить, что статуя эта была в своём натуральном состоянии и в принципе не старалась ожить, потому что даже не моргала. Камилла, вздохнув, подошла и помахала перед глазами рукой, на что, конечно, не получила никакой реакции.

— Вот же, и ведь он живой труп, его даже бить сейчас бесполезно — не почувствует, — проворчала она, скрестив руки на груди.

— Кажется, ты заразилась от Фрейи, — сдавленно хихикнула Гленда, пытаясь не смотреть брату в глаза.

— Нет-нет, просто, ну... Я не знаю, чем ещё в чувства приводить! По щекам можно шлёпать, можно облить, с дивана спихнуть... Но ведь это всё не имеет значения, если он на внешний мир не реагирует и не чувствует ничего. Говорить с ним тем более бесполезно — я уверена, ты это уже делала. — Камилла недовольно фыркнула и плюхнулась на диван. — Есть, конечно, ещё один прекрасный вариант, но, первое — это банально, просто жуть как, а второе — я всё равно сомневаюсь в эффективности.

— Ты это о?.. — Гленда коснулась пальцами губ, на что получила утвердительный кивок.

Банально или нет, а что-то всё равно надо было делать. Посмотрев на руку, Ками покрутила на пальце кольцо, словно удостоверилась, хорошо ли оно сидит. Конечно, хорошо. Не спадает, но и снимается просто, чтоб эту магию с её трюками. Можно было попробовать пригрозить Эрланну, что если не перестанет изображать статую, то она снимет кольцо, либо в окно выйдет, что, в целом, приведёт к одному результату. Да только услышит ли? Поверит ли? Умирать на самом деле не хотелось. Это была бы самая глупая смерть жертвы.

Посмотрев на хранительницу, Камилла подняла указательный палец, словив более дельную мысль.

— Слушай, но ведь если мы не можем достучаться обычным способом, то можно использовать ваши умения. Мы могли бы позвать Фрейю, чтобы она приказала ему «ожить». Либо, если он действительно чем-то выбит из колеи до такой степени, то можно попытаться воздействовать твоей силой.

— Я думаю... — Гленда поджала губы и склонила голову к плечу. — Моё воздействие будет более «щадящим», чем у Фрейи, к тому же, она сейчас ещё на взводе, так что может и дел натворить... В общем, я попробую.

Малышка кивнула и подошла к брату, всё так же отводя взгляд. Бояться нехорошо, но ничего не удавалось с собой поделаться. Страшно было не только потому, что родной человек выглядел сейчас ещё более чужим, чем обычно, но и потому, что страшно было за него. Что случилось? Почему? Что это за новый груз, оказавшийся столь тяжёлым? Задаваясь этими вопросами, Гленда, подойдя со спины, положила руки на голову Эрланну, кончиками пальцев едва касаясь оснований рогов. Ярко-зелёные глаза засветились изнутри золотистым цветом, но хранительница почти тут же прикрыла их, чтобы легче было сосредоточиться.

Казалось, что всё пространство вокруг пронзили тонкие золотые нити, змейками света устремившиеся к дивану и сидевшему на нём Эрлу. Это завораживало, магия Гленды была очень красивой, а ведь, по сути, источники способностей всех хранителей были на самом деле частями одного целого. С трудом верилось, что разделение этого целого могло привести к таким разным результатам, но поверить приходилось. Верить и не понимать —

вот и всё, что оставалось очарованной происходящим Камилле.

Её саму, как сидевшую поблизости, охватило странное воодушевление, захлестнула волна веры в светлое будущее, в то, что пока они в состоянии искать выход, он есть. Его просто не могло не быть. Вот только почему взгляд Эрланна всё ещё такой пустой и потерянный? Вспышка возмущения не дала усидеть на месте. Отбросив логическое мышление, что кричало о неразумности и бессмысленности действий, Камилла подалась вперёд, обняла Эрла и поцеловала, уверенно коснувшись холодных мёртвых губ. В тот момент не хотелось сомневаться, не хотелось взвешивать все «за» и «против» и задаваться всякими «а что, если». Хотелось действовать, а как — уже детали.

Сколько времени длился поцелуй? Никто не считал, но почувствовав резкий вздох, Камилла отпрянула, открыв глаза, и встретила с недоумённым взглядом Эрла, на колени к которому она незаметно для самой себя успела перебраться и теперь не горела желанием слезать. Гленда стояла рядом и тихо посмеивалась над реакцией брата, прикрыв рот ладошкой.

— Что-то не так? — с самым невозмутимым видом поинтересовалась Ками, держа руки не плечах у Эрланна.

— Эм... Ками, что ты делаешь?

— Мне кажется, тут пояснения не очень-то и нужны... Или ты правда не знаешь? — Она соскочила на пол и потянулась. Захотелось поскорее покинуть эту комнату, так как она всё же была мрачновата и не сочеталась с поднятым настроением.

— Нет, это я как раз понял, но зачем ты это сделала? — уточнил Эрл, разминая конечности, которые затекли от долгого пребывания в одном положении.

— Просто захотелось, — пожала плечами Камилла, а после всплеснула руками. — Так, всё, все в сад, все в сад, я не хочу продолжать беседу в этом месте. Оно плохо на тебя влияет!

Не без помощи Гленды, Эрланна удалось заставить подняться с дивана и потащить на улицу. По пути всё же убедили, что рассказать придётся, вопреки всем «но», «не», «зачем» и «лучше не стоит». Особенно раздражало последнее, ведь отчего-отчего, а от умалчивания точно никому не станет лучше, а кое-кто снова впадёт в пугающее невольных свидетелей состояние.

Они решили разместиться в беседке, хранительница по обыкновению устроилась не на скамейке, а на стенке, свесив ноги наружу, а Камилла примостилась возле Эрла, заключив его ладони в свои. Он молчал некоторое время, хмурился, взглядом обводил местность, но избегал смотреть на девушек. Он напоминал человека, который собирался сказать плохую новость, но до последнего оттягивал этот момент, что только усиливало волнение окружающих. Наконец, вздохнув, он заговорил, всё ещё отводя взгляд.

Сначала Эрланн рассказал о башне, чтобы хоть немного ввести в курс дела сестру, ведь нельзя так сходу начать рассказ о месте, которого не видно. Или это был ещё один способ оттянуть неизбежное признание? Рассказ был очень неспешным, как будто каждое слово приходилось выжимать из себя, вытягивать тисками. Ками чувствовала, как нервно сжимались то и дело холодные пальцы, но Эрл продолжал говорить.

Он рассказал о найденных на месте книгах, которые, конечно, все просмотреть не удалось, но даже имевшегося хватило, чтобы понять, что так или иначе они имели связь с проклятием. Видимо, тот, кто обитал в башне, уделял этому особенно много внимания. Помимо прочего, удалось найти нечто вроде записной книжки, где содержались выписки из разных книг. Некоторые даже удалось узнать: они находились на третьем ярусе в

библиотеке. Рядом с выписками иногда встречались пометки, комментарии, уточнения или отсылки к каким-то книгам или, что странно, к картам. Не к тем, что помогали на местности ориентироваться, а использовались при гадании.

— И вот... — голос у Эрла дрогнул, заставляя сделать очередную паузу. — Во всём этом, в самом конце, как итог, было написано, как можно избавиться от проклятья. Да, это действительно реально, но... Дело в том, что обязательной частью будет... — Он замолчал, уставившись в одну точку, и взялся за шею, растирая ту.

— Что за часть? — спросила Камилла, когда поняла, что молчание явно затянулось. Ей самой уже было не по себе от этих недомолвок.

— Понимаете, чтобы снять проклятье, надо воссоздать сферу. Так устроены эти чары, причём полученных мною знаний хватает для того, чтобы убедиться в истинности написанного. В том, что не так много способов, потому что с сильным колдовством почти всегда так. Это скорее исключение, чем правило, что чем сложнее колдовство, тем больше способов его распутать.

— Но что в этом такого? Что с того, что надо воссоздать сферу? — подала голос Гленда, тоже перебравшаяся на скамейку.

— То, что надо получить осколки. Получить пока... Пока хранитель осколка ещё жив. Т-то есть... В целом... Его надо из ещё бьющегося сердца... Вырвать. — Последнее слово было сказано очень тихо, но его было легко разобрать в повисшей тишине.

Девушки и так поняли, к чему вёл Эрланн, но надежда, глупая надежда на то, что они ошиблись, сохранялась до последнего момента. До последнего слова, что подобно гильотине отсекло надежде голову. Вырвать — убить. Уже ведь ни для кого не секрет, что хранитель не сможет жить без осколка, что его удаление, каким бы ни был способ, приведёт к одному результату. К смерти. И что же это получалось? Ничего не изменится от того, будут они поддаваться ведьме или решат ей противостоять, разница лишь в том, что убивать будет либо она, либо они сами. Да разве у кого-то поднимется рука? Никто не мог похвастаться подобной решительностью и бесчеловечностью.

Глава 21: Хрупкий шанс и множество тревог

Жизнерадостное щебетание птиц казалось насмешкой над безотрадней судьбой проклятых, у которых осталось ещё меньше надежд на хоть сколько-нибудь позитивный исход. Наверное, неизвестность была в некотором смысле лучше, ведь она позволяла сохранять надежду, что выход есть, что у них всё получится, надо просто ещё немного поднажать в поисках. Теперь же... Хотелось просто опустить руки и принять свою участь, ведь какой ни сделай выбор, а суть то его не изменится. Но куда легче свалить на другого вину и ответственность, так пусть же ведьма и в этот раз исполнит давно отработанный сценарий — ей не привыкать, да и образ её не очернить ещё сильнее. Это лучше, чем если кому-то ещё придётся поднять руку на остальных, став, по сути, предателем. А что же тогда с предсказанием? Сказки не всегда становятся чем-то большим, глупо верить в них безоговорочно и возлагать большие надежды. Подобные мысли были едины для тех, кто собрался в беседке для непростого разговора.

Гленда, обхватив руку брата, уткнулась ему в плечо, изо всех сил сдерживая слёзы. В ней сейчас боролись две сущности: хранитель, призывавший сохранять веру в лучшее вне зависимости от ситуации, и слабая пугливая девочка, которая очень боялась смерти. Страх, который преследовал её с малых лет.

Их мать не была способна родить здорового ребёнка — первый, Освальд, оказался мёртвым, а второй, Гленда, очень слабым. С самого младенчества врачи повторяли о том, что она не проживёт долго. Двадцать лет — это уже много, это уже большая удача. Впоследствии, благодаря действию осколка, Гленда немного окрепла, прогнозы стали лучше, а страх притухнул силой расцветшей в душе надежды. И вот сейчас, стоило только осознать услышанное, как малышку сковала паника, парализуя, лишая дыхания. В таком состоянии она была совершенно неспособна рассуждать и по обыкновению пытаться искать иные варианты или подбивать к этому остальных.

Немного легче восприняла новость Камилла. Она, конечно, не хотела умирать, но на неё мысли о смерти не нагоняли столь сильный страх. Даже свою роль жертвы Ками до сих пор не осознала до конца, лишь иногда вспоминая, что естественно и непрерывно наступавшее завтра в довольно скором времени могло так и не наступить. Куда больше собственной смерти её пугало то, что для её предотвращения, как и для разрушения проклятья, требовалось пожертвовать остальными. Выходило как-то совсем неправильно, и не хотелось верить, что может быть лишь так и не иначе.

Эрланн же снова впадал в то состояние, в котором его застали в комнате и из которого с таким трудом удалось вывести. Его совершенно не склонная к позитивному мышлению сущность уже устала от этой непрестанной борьбы с судьбой и, наткнувшись на сей валун проблем, решила, что пора бы опустить руки.

Растерянно оглядывавшаяся Камилла заметила это и невероятно чётко осознала одну вещь: если прямо сейчас не попытаться что-то предпринять, если не выдать пусть даже невероятное и неисполнимое, но ободряющее решение, то они действительно обречены. Без участия Мастера не на что и надеяться, а та, которая могла его «пробудить», пребывала в состоянии совершенно невнятного.

Со стороны замка послышались крики и смех. Обернувшись, Ками заметила убегающую от близнецов Дикру. Похоже, они снова играли. Пробежав мимо беседки, хранительница

попыталась затормозить перед прудом, но споткнулась о камни и полетела в воду. Лауге рассмеялся ещё громче, а Исаак широко улыбнулся и не удержался от комментария, но всё же близнецы помогли малышке выбраться.

— Эй, что стряслось? — спросил хранитель правды, заметив сидевших в беседке.

Камилла вздрогнула. После падения Дикры всё её внимание оказалось обращено к камням. Какая-то мысль начала зарождаться в голове, но неизменно ускользала, не позволяя сформировать её во что-то более ясное.

«Камни, камни, камни... Камень, почти как сфера. Сфера! Ведь нам нужна сфера духа... Память...» — одна мысль сменяла другую, не позволяя ей толком закончиться.

Вскочив, Ками подбежала к пруду и подняла камень, форма которого больше всего напоминала шар. Обрывки мыслей начинали складываться. Ей не хватало познаний в области магии, да, можно сказать, что их не было вообще, но, возможно, именно это и позволяло мыслить немного шире, не загоняя себя в рамки правил и формул.

Вернувшись в беседку, Камилла положила камень на стол и, схватив Эрланна за плечо, трянула его пару раз, привлекая к себе внимание.

— Эрл! Эрл! Послушай меня! Ведь воссоздать — это же не только собрать воедино осколки. Ведь тот, кто делал те записи, явно не рассчитывал на помощь Мастера и хранителей. Именно они же и располагают и сущностью, и памятью, чем и является сфера. Зачем собирать старое, если у нас есть то, с чем можно создать новое? Найти сосуд, наполнить... Где сказано, что так нельзя?

Эрланн немного осмысленнее посмотрел на девушку и убрал с плеча руку. Ему-то от тряски ничего не было, а вот Гленде это явно на пользу пойти не могло. Прижав сестру к груди, он внимательно посмотрел на камень, обдумывая услышанное. Смысл слов неохотно, но всё же продирался к разуму сквозь цепкую паутину разочарования и неверия в будущее. Разумно, пусть даже на грани с невозможным и маловероятным, но разумно.

Ничего не понимавшие, но явно заинтересованные хранители столпились в беседке. Перешёптываясь друг с другом, они косились то на Эрланна, то на камень, то на выжидавшую ответа Камиллу. Сопоставление услышанного с увиденным не породило ничего, кроме разного уровня странности догадок, которыми они и обменивались.

Наконец, Эрл вздохнул и ответил:

— Я, честно, не знаю, можно ли такое проверить, но... Но совсем исключать такую возможность нельзя. Шансы есть, пусть даже не так много. — Снова задумавшись, он посмотрел в сторону замка и кивнул собственным мыслям. — Исаак, — взгляд был обращён на хранителя, — найди Хальдис и отведи её в библиотеку, мне надо будет с ней переговорить. Дикра, быстро иди переоденься, иначе простудишься. И не вредничай, иначе всё расскажу Сюзанне. — Малышка недовольно фыркнула, но всё же поторопилась в замок, напоследок показав близнецам язык. — Ками, Лауге, Гленду я оставляю на вас.

Эрланн передал сестру, которая всё ещё не подавала никаких признаков адекватного восприятия реальности, Камилле и ушёл вместе с Исааком. Оставшиеся в беседке растерянно переглянулись.

— Агх! И вот что прикажете делать? — возмутился Лауге, раздражённо всплеснув руками. — Я понятия не имею, как успокаивать девчонок. Она же даже не плачет, а просто... Она вообще ничего не делает!

— Так-так, Лауге, не буйнь, а то тут тебя успокаивать придётся, — притормозила его Камилла, заботливо прижимая к себе Гленду. — Нам сейчас явно не обойтись без Элеоноры

или Сюзанны. В общем, кого найдёшь раньше, сюда приведи. — И Ками проводила хранителя взглядом, слегка покачиваясь и поглаживая малышку по спине.

В это же время в лесу разворачивалось другое действие. Почти сразу после обеда Фрейя отловила Эгиля и сказала последовать за ней, после чего поспешила в одной лишь ей понятном направлении. Хранитель несколько раз пытался выяснить, к чему такая спешка и куда они вообще бегут, но всё было безрезультатно.

— Ненормальная, — буркнул он, чуть не запнувшись о корень. — Куда ж тебя так понесло?

— Молчи и следуй за мной, — отрезала Фрейя тем самым тоном, которого никто не мог послушаться. Ведь приказы госпожи не обсуждаются.

Пришлось занимать себя молчаливыми попытками понять, что могло прийти в голову этой буйной девице, которая никогда не отличалась повышенным здравомыслием и адекватностью. Впрочем, язык не поворачивался назвать адекватной девушку, которая могла одной рукой кабана тащить, а другой попутно набивать кому-нибудь морду. Ну, может и не рукой, а тем самым кабаном. В общем, не зря же говорят, что сила есть... А ум — это просто неплохое дополнение.

Наконец Фрейя остановилась и замерла, прислушавшись. Можно подумать, что она до этого передвигалась настолько тихо, что никто бы заранее не заметил её приближения и не скрылся, если бы на то была необходимость. Эгиль хмыкнули и, подойдя, посмотрел в том же направлении. Между деревьями виднелась небольшая полянка возле реки. Судя по всему, там никого не было.

Уже никого не было. Выйдя на полянку, Фрейя обнаружила кострище. Оно было относительно свежим, но не похоже, чтобы тот, кто разводил тут костёр, покинул это место, услышав топот хранителей.

— А ведьма-то не соврала, — присвистнула Фрейя, об штаны оттирая пальцы от сажи. — Значится, кто-то и правда в лесу шарится.

— Может, ты теперь объяснишь, почему мы сюда сорвались? — вздохнул Эгиль, ополаскивая руки в реке.

— Ну, это... Халь, короче, сказала, что там всякие букашки-таракашки не спокойны, по лесу кто-то шастает, да долговато. И это странно, потому что путники, они в одном месте так не бродят, даже в таком идиотском лесу. Особенно в таком идиотском лесу, который обычно или убивает, или выплёвывает. В общем... Ну, значит, попросила проверить, не её ли это ищут. Иб, сам понимаешь, если они на замок набредут, одна боль головная нам. Но ничё дельного мы не выяснили, — она пожала плечами и обвела рукой местность.

— Отлично, с этим мы разобрались, хотя, — Эгиль усмехнулся, скрестив руки на груди, — тебе ничто не мешало сказать мне это и раньше. Мы сюда не пять минут добирались. И, к тому же, зачем тебе я? Сомневаюсь, что несколько священников сильнее тебя.

— Я в своей силе, конечно, уверена, но не настолько безрассудна, как ты считаешь. К тому же, если они ловят ведьму, у них должно быть то, что блочит магию.

Хранитель хотел ответить, что с ними подобный фокус вряд ли пройдёт, но не успел. Изменивший направление ветер донёс со стороны тошнотворный сладковатый запах гнили. Беседовавшие насторожились, переглянулись, и начали искать источник смрада. Вроде бы, ничего удивительного в том, что кто-то умер в лесу — естественное явление, но что-то

заставляло насторожиться, словно бы предсказывало неприятную находку.

Раздвинув кусты, Фрейя громко выругалась и позвала Эгиля. На земле лицом вниз лежал труп женщины, голова её была пробита, а одежда разорвана до состояния окровавленного тряпья. Хранительница перевернула пострадавшую, из распоротого живота повалились внутренности. Молодое лицо было перекошено от ужаса, а глаза широко распахнуты.

Эгиль прищурился, всматриваясь внимательнее; несмотря на увиденное, он не выражал никакого омерзения, только спокойное сосредоточение. Фрейя снова подивилась тому, как спокойно кое-кто умел реагировать на многие вещи.

— Слушай, Фрей, — начал хранитель, отведя взгляд от трупа, — тебе не кажется, что в её чертах есть что-то напоминающее Хальдис?

Скептически хмыкнув, Фрейя покрутила голову женщины, рассматривая её с разных сторон. В принципе, если посмотреть с ракурса в три четверти и опустить тот момент, что глаза покойницы не были похожи на белёсые глаза ведьмы, то да, что-то общее имелось, о чём и было сказано. Получив подтверждение своему наблюдению, хранитель нахмурился и с недовольством цокнул языком, отходя от трупа.

— Значит, опасения Хальдис оказались не напрасны. Здесь действительно были эти церковные ищейки, да только не ту поймали. Надо будет обговорить с ней, может, удастся лучше отследить их передвижение и отвадить от замка... Ладно, поспешим назад.

Фрейя согласно кивнула и поторопилась в замок, спешно подобрав с земли серебряную брошь в виде скелета птицы. Однако сообщить о случившемся им не удалось. Хальдис уже была в библиотеке вместе с Эрланном, о чём сообщили близнецы, тут же забравшие Эгиля для некой «очень важной» беседы. Фрейе только и оставалось, что пожать плечами и пойти искать Элеонору, надеясь, что она не успела заработать за прошедшее время новых повреждений.

Примерно через полтора часа по замку бегала Гленда, выглядевшая так, словно ничего и не случилось, и всех оповещала о том, что после ужина надо будет в обязательном порядке собраться в гостиной для одного очень важного дела. О том, какое это дело, она пояснила только Камилле, сказав, что будут проверять её теорию о возможности перемещения памяти в другой предмет, а после предложила заняться выбором этого предмета. У Эрланна не было времени сделать это самостоятельно, да и пожелания отсутствовали, так что он просто решил положиться на сестру, а ей уже было просто скучно одной. В то же время, её попросили ничего не разбалтывать раньше времени, так что единственным возможным компаньоном оставалась Камилла.

Меряя шагами комнату брата, малышка присматривалась ко всем небольшим предметам, что оказывались в поле зрения, пытаясь понять, что смотрелось бы лучше в роли новой сферы. Ей очень нравились куклы, но она понимала, что Эрланн пускай и любил их делать, но ведь не любил говорить о своём увлечении, так что такому выбору не обрадуется.

— Может, возьмём что-то вроде того камня? Он хотя бы по форме был близок, — предложила Ками, опустившись на диван.

— Мм... Нет, это не то. Это некрасиво, — возразила Гленда и остановилась около камина. — Сфера, конечно, была просто сферой. Камнем, но красивым камнем. Ведь это, в каком-то смысле, душа. И сравнить душу с невзрачным серым куском... Нет-нет, мне не нравится такой вариант. Эрл потерял прошлого себя, но он ведь не стал монотонным и безликим!

— Ты всё-таки очень любишь брата, — с улыбкой заметила Камилла.

— Можно подумать, у тебя с сестрой иначе.

— И то верно.

Они затихли, думая о семье, которой нет и к которой не вернуться. Даже если удастся спастись, даже если получится всё разрешить, к прошлой жизни дороги нет. Она обратилась в прах, в пропасть за спиной идущего. И не только потому, что на этом пути нельзя свернуть назад, но и потому, что с теми, кто был дорог, пути разошлись окончательно.

«А ведь у меня даже никакой памятной вещи не осталось, — вздохнула Камилла. — Но откуда же мне было знать, что всё так повернётся? Но... Стоп, вещь!»

— Слушай, Гленд, а почему бы не взять то самое яйцо-механизм, которое ты во время праздника купила? Оно и выглядит интересно, и, к тому же, является памятной вещью для Эрла. Не знаю, может ли это как-то помочь, но лишним же не будет.

— В принципе... — Она сняла фигурку с камина и повертела в руках. — Неплохой вариант. Да, давай её!

На этом они и остановили свой выбор, после чего до вечера занимались своими делами. Гленда шила, стараясь отвлечься от событий, что так сильно выбили её из колеи, а Камилла, кутаясь в плед, делала пометки в записной книжке, иногда косясь на кольцо. Нет, сначала надо было разобраться с проблемой хранителей, а потом уже думать о том, как не погибнуть самой. Возможно, если всё получится, ведьме не придётся снимать с жертвы кольцо, а значит, не придётся и умирать из-за этого. Хотелось в это верить, тогда как самочувствие твердило, что одной лишь верой делу не поможешь.

Ужинали спешно, так как многим хотелось узнать, по какому такому делу был объявлен сбор. Наконец все расселись в гостиной. Камилла и Гленда переглядывались между собой, близнецы косились на Эгиля, а все остальные выжидающе смотрели на Эрланна и сидевшую подле него Хальдис.

Выждав несколько минут, Эрл пересказал то, что удалось ему узнать о способе избавиться от проклятья, упустив момент с вырыванием осколков и заменив его предположением о возможности создать новую сферу. Дело это, конечно, непростое, даже если окажется совершенно точно возможным, что, собственно, и требовалось проверить сегодня. Надо было узнать, смогут ли хранители поместить в предмет часть сил, что давали им осколки. Хальдис согласилась помочь в этом деле, взяв на себя роль проводника. Будучи магом от рождения, она лучше управлялась с магической энергией и могла переместить её без потерь, избежав также риска отторжения предметом инородных сил. Эрланн, сам по себе обладая магическим даром, тоже мог бы проверить такое, если бы речь не шла о хранителях. Являясь также Мастером, он со слишком большой вероятностью мог просто заглушить силы хранителей.

Первой узнать, что да как будет на практике, вызвалась Фрейя. Точнее, своей фразой: «Первой буду я», — она просто не дала другим возможности сказать что-то против этого решения. Эрланн, ожидавший такого поворота, пригласил хранительницу устроиться рядом с Хальдис и взять её за руку, после чего передал ведьме выбранную сестрой фигурку и отошёл в сторону.

— То, что тебе нужно сделать, на самом деле, довольно просто, — начала объяснение Хальдис. — Попробуй постепенно концентрировать силы в той руке, которой держишь мою. Улавливай волны, которые посылает осколок, и перенаправляй к руке. Не надо торопиться и не надо пытаться собрать как можно больше сил. Сейчас от этого не будет проку. Всё

остальное сделаю я.

— А тебе это не навредит? — обеспокоенно поинтересовалась Гленда.

— Если делать всё аккуратно и если никто не попытается воздействовать на меня, вместо того, чтобы просто сконцентрировать силы, то всё будет в порядке. Мне доводилось быть проводником для других ведьм, а это куда рискованнее, ведь их магия не имеет чёткой направленности, а в данном случае я знаю, от чего защищаться. Так что не стоит беспокоиться. — Ведьма улыбнулась и чуть крепче сжала руку Фрейи, тем самым прося её начинать.

Пускай Хальдис и говорила про просто, но так бы было для обычных магов, у которых в основе очень многих чар лежала именно концентрация энергии в руках или других частях тела, тогда как для хранителей обычным делом было сдерживать силы, а для использования требовалось просто ослабить контроль. О том, чтобы прислушиваться к осколкам, и речи не шло, так как это создавало опасность потерять контроли над собой, но Фрейя очень старалась сделать всё правильно. Она была достаточно в себе уверена, чтобы отбросить страх быть захваченной, и полностью сосредоточилась на деле, впервые замечая, что выпускаемые осколком волны полностью совпадали с ритмом биения сердца.

Удар, волна, рука. Удар, волна, рука. Где-то в подсознании отголосками всплывали картины кровавых битв, слышались крики с поля боя, но это быстро прошло. Почувствовав, что уже можно начинать, Хальдис поудобнее обхватила фигурку и зашептала заклятье. Иногда, когда сквозь неё проходил слишком большой поток энергии, ведьма слегка морщилась и пыталась усилить защиту, но в основном всё шло довольно гладко. Дело заняло не более пары минут, так как для простой пробы этого было достаточно. Хальдис ослабила хватку, давая знать, что можно заканчивать, и хранительница вернулась на своё место.

Потом был Мейлир. Шепнув сестре, что пусть обязательно сообщит ему, если почувствует слабость, он за руку взял её аккуратно, почти тут же сумел поймать нужную волну. В силу своей деятельности он лучше управлялся со способностями и всё же, когда лечил, старался концентрировать силы для лучшего результата. То, что увидел он, заставило приложить усилия, чтобы не выдать свои эмоции. Особняк, дом. Место, о котором не хотелось вспоминать и куда не было желания возвращаться. Гадючник, в котором подвиг — это дожить до совершеннолетия.

Следующим стал Эгиль. Хранитель страха старался не всматриваться в то, что подсовывало ему подсознание, так какхватило и резанувшего по ушам полного страданий вопля и ударившего в нос запаха крови. Как же хорошо, что бледнеть ему было уже некуда.

Элеонора, услышав от Фрейи о мелькнувших видениях, боялась, что тоже увидит что-то жуткое, но ей достались просто виды лечебницы, тишина и терпкий запах трав. Исаак не заметил ничего, кроме леса и густого тумана, а Лауге окружало бесчисленное множество зеркал. Вышедшей вслед за ним Сюзанне досталась пекарня, а Дикре — часовая мастерская.

Мейнир очень не хотела выходить. Она теребила кончик хвоста и отводила взгляд — боялась, что навредит Хальдис, ведь хуже всех контролировала свои силы, которые были самыми губительными. Она даже вслух произнесла, что, наверное, сейчас стоит попытаться обойтись без неё. Все постарались приободрить хранительницу, а Эрланн заверил, что если что-то пойдёт не так, он обязательно вмешается и не позволит ничему плохому случиться. В итоге Мейнир всё же решила и даже мысленно не удивилась тому, что в своих видениях оказалась среди болот. Разве могло ей достаться что-то другое?

Последней была Гленда. Она намеренно не торопилась, понимая, что к концу Хальдис

точно устанет, а от сил хранителя надежды хотя бы не придётся защищаться, так что будет немного легче. Конечно, будь в конце Мейлир или Сюзанна, тоже можно было бы поберечь силы, но малышка знала, что они точно не дотерпят. В отличие от неё, они не привыкли быть почти всегда последними. Младшей хранительнице в видениях пришёл заброшенный храм, вызвав на лице мимолётную ухмылку и заставив вспомнить о своих костяных крыльях. Не зря же они были так похожи на крылья священной птицы из-за которой, пусть даже не существовало её никогда, и начинались охоты на ведьм и на магов.

Закончив, Хальдис взяла странное яйцо двумя руками и произнесла последние слова, которые должны были удержать всю переданную энергию, не давая ей рассеяться или испускать вредящий окружающим магический фон.

— Что же, теперь надо подождать несколько дней, после чего проверить, не разрушит ли магия этот предмет, удержится ли она внутри и сможет ли слиться в одно целое, — пояснила ведьма, возвращая фигурку Эрланну.

Все начали расходиться. Мейлир, беспокоясь о состоянии сестры, подхватил её под руку, заверив, что не позволит идти до комнаты самой. Камилла затормозила на выходе, обернулась, а после и вовсе отошла в сторону, чтобы подождать, пока гостиная освободится, так как ей захотелось переговорить с Эрлом. Он, как только получил яйцо, сел на диван и почти не шевелился, выглядя сильно о чём-то задумавшимся. Это напоминало о том, в каком состоянии он был после обеда, а потому заставило обеспокоиться.

— Эй, — окликнула Ками, опустившись рядом и осторожно дотронувшись до плеча, — что-то не так?

Эрланн отрицательно покачал головой и медленно отставил фигурку на стол. Тихо вздохнув, он обнял Камиллу, сильнее прижимая её к себе, но стараясь не сделать больно и не задеть рогами. Выдохнул в растрёпанные волосы и прикрыл глаза.

— Не могу сказать точно, так или нет. Но, просто... Даже сейчас, держа в руках эту несуразную вещь, я смог почувствовать какой-то отклик. Что-то странное. Это трудно уловить, понять, но показалось, словно память стала яснее. Словно если я постараюсь, то смогу что-нибудь вспомнить. И куда отчётливее, чем обычно, когда обрывки не сложить ни в какую картину.

— Но ведь это хорошо?

— Не знаю, — он усмехнулся. — Хочу ли я знать, что было раньше? Сейчас начинаю сомневаться. Почему-то.

— Даже если так... То, что ты что-то почувствовал, значит, что мы на верном пути.

— Надеюсь. Что же, времени уже много, поторопись в комнату.

Эрланн отпустил Камиллу, и, прежде чем встать, поцеловал в висок, только после этого забрав фигурку и покинув гостиную. Ками, не сдержав глупой счастливой улыбки, тоже направилась к себе. Она не знала, что там и как Эрл почувствовал, но была просто рада тому, что он стал смелее в выражении чувств.

Глава 22: С кражами надо быть осторожнее

Звон от разбившейся чашки заставил отвлечься от своих дел и обернуться на звук тех, кто после ужина убирал и мыл посуду. Ирмелин смущённо посмотрела на девушек и присела, чтобы убрать последствия своей неаккуратности.

— Гость будет. Мужчина, — заявила вдруг Дикра, следя за действиями Ирмы.

— М-мужчина? — робко переспросила Элеонора, сразу как-то сжавшись.

— Однозначно, — кивнула в ответ малышка и продолжила расставлять тарелки.

Волнение Элеоноры понять было несложно, ведь она всегда чувствовала себя неловко в присутствии незнакомцев, но с женским полом было всё же как-то попроще, в то время как беспокойство Ирмелин не могла объяснить и она сама. Вроде бы, ну, что такого? На улице даже погода снова испортилась, так что ничего удивительного, если кто-то вдруг заплутает в лесу, набредёт на замок и решит тут укрыться — сёстры сами так в своё время сделали. И всё равно после слов Дикры стало неуютно.

Под конец уборки дверь на кухню приоткрылась, и внутрь прошмыгнула Камилла, вид которой явно сообщал, что что-то произошло. Оглядев присутствовавших, она нашла взглядом сестру и подбежала к ней.

— Он здесь! — воскликнула Ками, схватив Ирмелин за руку.

— Кто он? — спросила в недоумении старшая. — В замок кто-то пришёл?

— Священник. Я сейчас шла и увидела, как Эрл провожал священника. Того самого, которого мы в городе видели. От которого Халь скрывается. На нём не было никаких символов, но это точно он! Похоже, Эрл не знает...

Теперь стало ясно и о каком госте говорила Дикра, и почему эти слова были так негативно восприняты интуицией. Что могло быть хуже священника в замке с ведьмой-беглянкой и одиннадцатью почти магами? Только то, что его теперь до утра не выпроводить — это могло вызвать подозрения. Даже не так, это точно вызвало бы подозрения, если верить тому, что Ирмелин знала обо всей этой религиозной братии.

— Ты уже предупредила остальных?

— Да, — кивнула уже немного успокоившаяся Камилла. — Халь я тоже сказала — мы поменялись комнатами на эту ночь, так как ей слишком рискованно находиться по соседству с ним, а я так смогу за ним немного следить. Просто... Тебе ведь тоже лучше быть от него подальше.

Ирма хотела бы возразить, но всё же мысленно признала правоту сестры, и потому только похвалила за быструю реакцию. К сожалению, ситуация действительно складывалась таким образом, что безопаснее всего пересекаться со священником было Камилле и Эрланну. Первой потому, что она человек и никогда не страдала от повышенного внимания религиозных личностей, а второму, потому что он себя уже выдал.

Честно говоря, Ками тоже была не в восторге от перспективы находиться так близко к столь подозрительному типу. Понимая, что сон вряд ли придёт к ней этой ночью, она сидела на кровати и пыталась понять, что же привело священника в замок. На первый взгляд у него не могло быть никаких причин для того, чтобы вообще заходить в лес, потому что даже его наличие в Норфале вызывало только недоумение. До появления Хальдис, которая поделилась своей историей. Если только не... Одно предположение было, но это был, наверное, самый неприятный вариант из всех возможных. Священник мог напасть на след

ведьмы. В том, что замок не выдаст её, сомнений не возникало, но это ничуть не мешало гостю попытаться докопаться до истины, доставив всем изрядную долю неприятностей.

Камилла покосилась на кольцо, уныло поблёскивавшее серым камушком. Когда она решилась спросить Хальдис, можно ли что-то сделать с этим в прямом смысле слова убийственным украшением, та с сожалением ответила, что с чарами такого уровня совладать сможет либо сама Ингрид, либо кто-нибудь равный по силе древним магам. Во всех остальных случаях оставалось только одно: следить, чтобы кольцо оставалось на пальце. А если быть точнее, то не снимать его, так как само кольцо ни за что не соскочит.

У гостевых, по сравнению с другими комнатами, был один осязаемый недостаток. Если двери комнат зачаровывались с ориентировкой на обитателя, не позволяя тем самым открыть их без его желания, то двери гостевых просто не пропускали хранителей. О недостатке этом Камилла помнила, но всё же открывшаяся вдруг дверь стала для неё неожиданностью.

Обернувшись, она увидела на пороге священника. Одно мгновение он выглядел так, словно испытывал неловкость из-за того, что ошибся дверью. Однако убедившись, что в комнате нет никого, кроме Камиллы, он усмехнулся и в пару мгновений преодолел разделявшее их расстояние. Ками инстинктивно отпрянула, но наткнулась на стоявший позади столик и упала на него, потеряв те секунды, за которые всё же могла успеть что-то предпринять. К лицу прижали платок. Камилла понимала, что надо задержать дыхание, но надолго хватить её не могло. Это же понимал и священник, крепко прижав девушку к столу и терпеливо дожидаясь, когда она всё же вдохнёт отравляющие пары.

Через минуту Камилла уже не подавала никаких признаков сопротивления, да и не могла бы сделать этого при всём желании. Тело не слушалось вплоть до того, что не удавалось открыть глаза, а все звуки словно пробивались сквозь слой ваты. Тем не менее, это не помешало почувствовать, что в какой-то момент её вынесли за пределы замка.

От дождя осталась только изморось, но ветер пробирал до самых костей, особенно в не предназначенной для ночных прогулок одежде, потому что никто в своём уме не пойдёт гулять в сорочке. По спине хлестали мокрые ветки деревьев, кустов, и было непонятно, как долго собирался идти священник и куда вообще держал путь. Что до города понесёт — это вряд ли. Нет на то причин. Через некоторое время, счёт которому Ками потеряла, удалось разобрать шум реки, который становился всё отчётливее. Потом, когда они явно подошли совсем близко, её просто скинули на мокрую траву.

— Что, даже связывать не будешь? — Голос был мужским, но определённо принадлежал не тому рыжему священнику.

— Нет необходимости. Она ещё достаточно времени ничего не сможет сделать из-за яда, а потом промёрзнет достаточно. — А это уже явно был «старый знакомый».

— Что же, надеюсь, птица клюнет на наживку, — хрипло откликнулся кто-то третий. «Птица? То есть они пришли не за Хальдис? Тогда это ещё страннее...» — подумала Камилла и попыталась шевельнуться, но священник оказался прав. Пока что яд славно выполнял свои обязанности.

Оставалось одно: лежать, терпеть и слушать беседу служителей веры, которая приносила некоторую ясность в сложившуюся ситуацию. Судя по всему, цель поймать ведьму всё ещё присутствовала, но была отодвинута на второй план. Теперь мысли священников занимало желание увидеть легендарную священную птицу, причём непонятно было, откуда у них такая уверенность, что та точно обитает в замке. И, тем более, откуда

вообще взялась мысль, что эту, по факту, выдуманную птицу можно выманить таким образом? Служителей веры всегда было трудно понять.

Спина промокла уже насквозь, а потому лежать стало особенно неприятно. Камилла дёрнулась в бессознательной попытке укрыться от ветра, казавшегося теперь особенно холодным. Пусть даже с неохотой, но тело её послушалось.

— Эй, слышали? — спросил хриплый, тем самым заставив замереть.

— Тебе показалось.

— Да, наверное...

Оставив попытки расшевелить конечности, Камилла попробовала хотя бы открыть глаза. Было слишком темно, и даже полная бледная луна, мелькавшая из-за туч, почти не улучшала видимость. Вдох-выдох. Надо успокоиться, сосредоточиться. Вспомнить об осторожности и рассудительности. Нельзя принимать поспешных решений, чтобы сложившаяся ситуация не усугубилась.

Просто пролежать до утра или сколько там собрались ждать священники птицу было плохим и очень сомнительным вариантом — вряд ли они оставят наживку в живых. Не дождутся и убьют, чтобы не плодить лишних свидетелей, в лесу труп всё равно никто не найдёт. В замке пропажу обнаружат не раньше утра, а если добавить ещё к этому время поисков... Прогнозы всё равно выходили неутешительными. Если же просто даже предположить, что птица действительно появится, то наживку снова будет проще убить за ненадобностью. Как ни посмотри, а все варианты сводились к смерти.

Ками, стараясь не шуметь, начала разминать пальцы. В условиях щедро продуваемой сырости они задубели, хотя ночь на самом деле была летней, но лесной погоде до таких деталей дела не было. Более-менее сладив с пальцами, попробовала подтянуть к себе ноги, после руки. Немного приподняться... Пока что священники были больше увлечены разговорами, а издаваемые Камиллой шорохи можно было принять за лесные звуки. Поднявшись на ноги, она начала медленно пятиться, не упуская троицу из виду. Если успеть скрыться среди деревьев, то шанс спастись станет гораздо выше, ведь лес очень обманчив и переменчив. Не туда повернул и уже оказался в другом месте, где даже время течёт иначе.

Под босой ногой предательски громко хлюпнула грязь, попутно почти заставив Камиллу потерять равновесие. Три головы одновременно обернулись к несостоявшейся беглянке. Не сговариваясь, два священника — те незнакомцы, которые ждали «гостя» в лесу — кинулись к девушке. От первого удалось увернуться, но второй успел поймать за руки и заломил их за спину. Пришлось начать отбиваться ногами. Ноги в скором времени тоже перехватили.

— Я же говорил, что её связать надо и не мучиться.

— Значит, свяжем, — согласился рыжий и начал рыться в сумках. — Видимо, надурил нас торговец с ядом.

Камилла закусила губу, сдерживая крик. Всё стало ещё хуже. Вывать к совести было бесполезно, а молить о пощаде не позволяла гордость. В такой момент, конечно, это было последнее, о чём стоило вообще вспоминать, но здравомыслие согласно кивало головой на то, что мольбы не возымеют результата. В таком унижении смысла не было вдвойне.

Среди ветвей что-то зашуршало, а в следующее мгновение появился голубь, напавший на удерживавших девушку священников, принуждая опустить ту, чтобы защитить глаза от птичьей атаки. Оказавшись на земле, Камилла тут же вскочила на ноги и бросилась к реке, потому что та была гораздо ближе зарослей. Один из священников заметил это и кинулся

следом.

Ледяная вода тут же заключила грудь в тиски, лишая дыхания. Левую ногу свело, а за правую ухватились, пытаясь то ли потопить, то ли вытащить обратно на берег. Вдохнув как можно глубже, Камилла нырнула под воду. Там она, извернувшись так, как ни за что не сможет в любой другой ситуации, укусила преследователя за руку и ударила в солнечное сплетение. Оттолкнувшись, она поплыла по течению, движимая лишь одной мыслью: отплыть как можно дальше, пока на то хватало сил и дыхания. В ледяной воде было очень тяжело дышать.

Хватило Камиллы до ближайшего поворота. Выбравшись на сушу, она побежала вдоль берега, постоянно поскользываясь и рискуя навернуться. Мокрая сорочка облепляла тело, мороза ещё сильнее, что речная вода казалась теперь почти тёплой ванной. Завернув в небольшой просвет, Ками сделала ещё пару шагов и рухнула под деревом, хватая ртом воздух. Лёгкие горели, руки тряслись, а сердце явно хотело пробить себе путь наружу. Но надо взять себя в руки. Сейчас было совсем не было времени на отдых, ведь если погоня продолжится, её быстро отыщут и поймают.

«Полминуты... Хотя бы полминуты на передышку...»

Младшей хранительнице в эту ночь тоже не спалось. На душе стало слишком беспокойно от вести, что в замке появился священник. Несмотря на то, что впустил его Эрланн, брата нельзя было винить. Он ничего не знал и поступил человечно. За такое не осуждают. И всё же что-то не давало уснуть, принуждало просто сидеть у окна и смотреть на улицу. Для хранителей, в целом, бессонница была делом обычным, когда влияние осколков становилось гораздо сильнее. Сейчас же ничего подобного не замечалось. Однако это не дававшее уснуть неизвестное и позволило заметить фигуру, спешившую к калитке. Приглядевшись, Гленда заметила на плече у беглеца бледную ношу в одной ночной сорочке.

— Быть этого не может. Зачем? — пробормотала она, открывая окно и выпуская крылья.

Полёт, вопреки мечтам, никогда не был чем-то чарующим, приятным, весёлым. Это были бесконечные минуты боязни упасть и непонимания, как вообще костяные крылья могли поднять кого-то в воздух. Однако сейчас было не до страха. Точнее говоря, было страшно за Камиллу, ведь не было сомнений, что несли именно её, и потому Гленда, не раздумывая, но по привычке задержав дыхание, сделала шаг из окна.

Летать быстро она не умела, а потому к тому моменту, когда удалось достичь хотя бы забора, священник уже скрылся в лесу. Высмотреть что-либо было невозможно, так что пришлось выпустить бабочку, рискуя привлечь к себе внимание раньше времени. Но в данный момент хранительница о таких вещах даже не задумывалась.

Преодолена была, наверное, середина пути, когда Гленду нагнала коричнево-белая голубка с белёсыми глазами, которые и стали подсказкой относительно личности неожиданной спутницы.

— Хальдис? Ты тоже это заметила? — удивилась Гленда, ведь она сама только чудом смогла всё высмотреть.

Голубка курлыкнула, что, видимо, являлось утвердительным ответом, а после знаком попросила спуститься вниз. Опустившись на ближайшую крепкую ветку, Хальдис снова обратилась человеком и тут же ухватила рукой за ствол.

— Да. Я подозревала, что Фритьоф пришёл не просто так, а потому попросила птиц

проследить за его окнами и выходом, — спешно заговорила ведьма. — Они сообщили о случившемся. Сейчас он несёт Камиллу на поляну возле реки, где поджидают ещё двое. Что собираются делать — не знаю. Я быстрее, я полечу вперёд и, если что, возьму священников на себя, а ты попробуй помочь Камилле.

— Хорошо. — Гленда кивнула и снова поднялась в воздух. То же сделала и Хальдис, превратившись обратно в голубя.

Ведьма действительно оказалась быстрее, к тому же, в какой-то момент скрылась среди ветвей, ведь голубь имел возможность там маневрировать, в отличие от Гленды, которая была маленькой по человеческим меркам, но слишком большой для подобного.

Когда хранительница оказалась совсем близко к полянке, но ещё вне зоны видимости тех, кто на ней находился, послышались ругань, адресованная наглой птице и буйной девчонке, и суета. После кто-то плюхнулся в воду, кто-то кинулся следом. Гленда зависла возле воды и вскоре заметила, вынырнувшую Камиллу, уплывавшую от неизвестного мужчины. Хранительница сдула с ладони капли света, которые взорвались искрами перед глазами преследователя, временно его ослепив, и последовала за Ками. Надо было дожидаться момента, когда та затормозит, оказавшись подальше от этого места.

Опустившись на дерево, к которому привалилась Камилла, Гленда присмотрела к той. Вид был печальным: бледная, продрогшая, с красными следами на коже, обхватившая себя дрожащими руками в безуспешной попытке сохранить призрачные остатки тепла, которое забрали ветер и река.

— Ками, Ками! — осторожно позвала хранительница и спустилась на землю.

Камилла вздрогнула от неожиданности, спиной вжимаясь в ствол, но немного успокоилась, заметив светлую крылатую фигурку, которая при столь скудном освещении, казалось, светилась изнутри.

— Откуда ты тут? — пробормотала она испуганно, никак не ожидая встретить ночью в лесу хранительницу. — Ты здесь из-за...

— Нет, — спешно перебила Гленда, мотнув головой, — осколок ни при чём, не волнуйся. Я тебе потом всё расскажу, а сейчас ты должна как можно скорее добраться до замка. Они тебя доведут. — Хранительница кивком указала на появившихся рядом с ней бабочек.

— А ты? Ты не собираешься возвращаться? Они так маниакально настроены поймать птицу, что могут схватить тебя вместо меня.

— Я помогу Халь, и мы вернёмся. Да, она тоже тут. Не беспокойся, в лесу, особенно в этом, она вне опасности. А с их погоней за птицей мы разберёмся. — Она крепко обняла поднимающуюся Камиллу и прошептала, ободряя: — Всё будет хорошо, правда. А теперь — поспеши назад.

Гленда дождалась, когда исчезнет из поля зрения золотистый свет бабочек, и снова взлетела. Троица священнослужителей уже бежала вдоль берега, а Хальдис кружила сверху, готовая в любой момент задержать их, если вдруг хранительница не успеет помочь Камилле найти безопасный путь назад. Теперь же, когда первый пункт плана был исполнен, можно было приступить к следующему.

Хальдис обогнала священников и засела в ветвях, а Гленда спустилась и, специально не убирая крылья, затаилась между деревьев, поджидая. Затея была рискованной, и хранительница это понимала, но кое в чём требовалось поскорее поставить точку, пока охота служителей веры не доставила ещё больше проблем, как то всегда бывало. Гленда

догадывалась, какую птицу искали священники и кого они за эту птицу приняли, а также, зачем надо было приходиться в замок. Вопрос был только в том, когда её успели заметить.

Чем ближе слышались шаги и голоса, тем больше хотелось самой развернуться и убежать, потому как решительности всё же не хватало. Гленде, конечно, стыдно было бы перед кем-нибудь в этом признаться, но она слишком привыкла прятаться за спиной брата. Она хотя и была слабой, но не боялась тех, кто был враждебно настроен по отношению к ней. Знала, что Освальд заступится, защитит. Даже если бы захотелось, не получилось бы встать лицом к лицу с недоброжелателем. Не пустили бы, а случись всё же такое — нашли бы и потом отругали за безрассудство. По правде говоря, Гленда и сейчас знала, что Хальдис ей поможет, и только поэтому решила выйти навстречу священникам.

— Остановитесь! — приказала она, расправив крылья, украшенные полупрозрачными светящимися золотистыми перьями. — Вы своего добились, так прекратите преследовать невинную.

Мужчины замерли, с какой-то растерянностью смотря на появившуюся перед ними девчонку. Костяные крылья не давали усомниться в том, что именно на неё были расставлены сети, но не такой встречи они ожидали.

— Какое имеете право вы, служители веры, обязанные нести в мир благодетель и быть примером следования истинному пути света, поступать с людьми подобным образом? Вы нарушаете не только порядки церкви, но и обыкновенные нормы человеческой морали. И всё это в слепой погоне за мифом!

— Но ведь ты же!.. — Фритьоф, тот самый рыжий гость, дёрнулся вперёд, но не смог сделать и шага, так как ноги священников обвили корни. — Что это значит?!

— Вы сами себе всё надумали, просто увидев мои крылья. Я не птица и никогда ею не была, а нести ответственность за ваши фантазии не обязана. Однако вы были слишком настойчивы, так что пришлось откликнуться на столь наглый призыв.

По мере того, как Гленда упрекала мужчин, из чащи всё отчётливее доносилось рычание. Из-за деревьев вышли три волка и остановились в пяти шагах от хранильницы и священников. Весь вид их говорил о том, что звери дожидались отмашки, готовые в любой момент напасть.

— Сейчас у вас есть прекрасный шанс, чтобы выбрать. Либо вы клянётесь, что больше не будете охотиться за птицей и, тем более, не заявитесь для этого в замок, а также прекратите преследовать Хальдис, либо поиграете в догонялки с волками. Правда, к вашему сожалению, они точно выиграют. Ну так что? У вас есть время на раздумье.

Рядом с Глендой появились часы из света, похожие на песочные, золотистая струйка в которых очень быстро осыпалась вниз. Священники заметно побледнели, осознав услышанное. В данный момент они были не в том месте, где имели хоть какое-то влияние, какую-то власть, здесь правили магия и природа, а потому перспектива умереть была слишком реальной. Ни миф, ни какая-то воровка-неудачница не стоили того, чтобы прощаться с жизнью, так что выбор был очевиден.

— Мы уходим, — заявил Фритьоф, с опаской косясь на волков.

— Отлично. Но учтите, что если обманете, придётся держаться подальше от лесов. За расплатой явятся очень быстро.

Гленда кивнула, и волки скрылись в чаще, а корни вернулись под землю. Подождав некоторое время, пока священники уйдут, она переглянулась с Хальдис, и они поспешили обратно в замок. Тревога душу так и не отпустила, а значит, этой ночью случится что-то ещё.

Глава 23: Ночь красной луны

Тучи, как-то слишком резко затянувшие небо, только добавляли беспокойства. Гленда торопилась в замок как могла, но ей всё равно казалось, что она непростительно медленна, что она опаздывает, хотя сама не понимала, куда, зачем. С Камиллой всё должно было быть хорошо, её бы никто не тронул по пути в замок, да и уже на месте магия довела бы её безопасным путём. С ней и Хальдис также ничего не могло произойти. Не сегодня. Не сейчас. Не было никаких видимых причин для переживаний, но всё равно холодело в груди, а вдоль позвоночника пробегали мурашки.

Гленда опустилась на траву недалеко от калитки, на всякий случай пряча крылья и пристально всматриваясь в небо. Алые просветы между облаками заставили вздрогнуть и сжать пальцы в кулачки.

— Только не это... — пробормотала она, невольно хватая за руку оказавшуюся рядом Хальдис.

— Что-то случилось?

— Нет. Пока что нет, — довольно резко ответила Гленда, поторопившись к калитке и потащив ведьму за собой. — И очень надеюсь, что ничего не случится.

Вбежав на территорию замка, они не сбавляли хода до самого фонтана, перед которым хранительница резко, забыв предупредить Хальдис, затормозила, из-за чего последняя чуть не упала. Впереди на плитах лежала Камилла, на волосах у которой сидела золотая бабочка, дожидаясь своего творца. Заметив Гленду, бабочка вспорхнула и рассыпалась золотистыми искрами. Хранительница опустилась на колени и коснулась пальцев Камиллы. Ледяные. Лоб же оказался горячим. Слишком быстро дало о себе знать ночное происшествие, и с этим срочно надо было что-то делать.

О том, чтобы оставить Ками на улице, и мысли не было, ровно как и не было возможности занести её в замок своими силами. Попросив Хальдис посидеть около фонтана, так как оставлять Камиллу совсем одну было боязно, а ведьму, если что, птицы ориентируют, Гленда поспешила на поиски кого-нибудь более сильного. Ночь, конечно, время для хранителей опасное, но ситуация была чрезвычайной и требовала нарушения негласных правил.

С первой проблемой столкнуться пришлось тогда, когда не получилось сотворить чары для поиска, вторая проблема нарисовалась сама собой вместе со встреченным в коридоре первого этажа Эгилем. Очень явно обеспокоенным Эгилем. Само его наличие в коридоре было ожидаемо — Гленда знала о привычке хранителя гулять по ночам, несвойственными было проявление определённых эмоций. Заметив малышку, он вздрогнул с таким выражением, словно заглянул в глаза собственной смерти, но быстро взял себя в руки, и если бы не увиденное ранее, хранительница бы смогла заподозрить неладное только по едва заметному напряжению в позе и мельтешащему взгляду.

— Ты выбрала неудачное время для прогулок, малышка, — усмехнулся хранитель и запустил пятерню в волосы, убирая с лица чёлку.

— Я помогала Камилле.

— Вот как? — Эгиль покачала головой. — Прямо навевает воспоминания о первой нашей встрече. И что же побудило её покинуть комнату в этот раз? Недостаток острых ощущений или же...

— Её похитили, — не дала договорить Гленда, всем своим видом показывая, что сейчас не до шуток. — Гость похитил её, желая тем самым выманить меня. А сейчас она без сознания лежит перед фонтаном, и мне нужен кто-то, кто поможет хотя бы до комнаты её донести.

Ухмылка с лица хранителя тут же исчезла. Подхватив Гленду под руку, он без лишних вопросов направился к выходу. Пытаясь подстроиться под шаг Эгиля, Гленда не сразу обратила внимание на дрожь в пальцах. Всмотревшись в и без того обычно бледное лицо, она заметила напряжённо поджатые губы, сведённые к переносице брови и проступившую венку на виске.

— Эгиль, ты... Что произошло, пока меня не было? — не выдержав, спросила она.

— Мейнир. Осколок снова захватил её, и она ходит по замку.

— Ты думаешь, что если она найдёт Ками, то...

— Да! — Эгиль непроизвольно крепче сжал руку Гленды. Та поморщилась от боли, но промолчала. — Она её убьёт, тут даже гадать не надо.

На этих словах разговор закончился, потому что добавить к сказанному было нечего, да и не хотелось ничего добавлять. Ситуация предельно ясна и ничего хорошего не предвещала, зато требовала действовать без промедлений.

Третья неприятность поджидала хранителей, за порогом, стоило им открыть дверь и, не сговариваясь, одновременно посмотреть на небо. Тучи отчасти разошлись, являя миру непривычно яркую луну, что краснела прямо на глазах. Эгиль несдержанно выругался, Гленда крепче сжала зубы, бросив встревоженный взгляд в сторону фонтана, застывшие струи которого сейчас больше напоминали кровь.

— Полагаю, приоритеты поменялись, — растерянно пискнула хранительница.

— Ага, — сквозь зубы процедил Эгиль, захлопнув дверь. — Колдуй поиск! — рявкнул он, резко отпустив руку.

От командного тона хранителя Гленда вжала в голову плечи. Соединив трясущиеся ладони, она попыталась сотворить хоть что-нибудь, но чары рассыпались, не успевая сформировать даже небольшой шарик света.

— Н-не могу... Пока ф-фон н-не стабилизируется, у меня н-ничего не получится, — совсем уж затравленно пролепетала она.

Сейчас о Камилле можно было не беспокоиться: пока мир освещает красная луна, время останавливается для всех, кроме магов. Хранителей это так же не касалось, но так как магической их составляющей были осколки, то они становились гораздо сильнее, хуже поддавались контролю, а если уж кого-то захватывали, то хранители становились ещё более непредсказуемыми и неконтролируемыми. В то же время, пока магический фон не стабилизируется после перехода от своего привычного состояния к краснолунию или обратно, колдовать хранители могли с очень малым шансом на успех, который становился тем меньше, чем младше был хранитель.

— Ладно, так найдём. Надеюсь, за это время у неё тоже ничего натворить не получится. Не отходи от меня, малышка. Ещё не хватало, чтобы с тобой что-то случилось, — уже спокойнее закончил Эгиль, понимая, что нельзя срывать на ребёнка, которому и так страшно. Он же, в конце концов, старший, и о свалившемся на плечи детском саде заботиться должен, а не заставлять дрожать осинкой на ветру.

Долго Мейнир искать не пришлось. Она обнаружилась недалеко от гостевых комнат, но, стоило присмотреться, как стало ясно, что хранительница не одна. Рядом ясно виднелся

высокий, тёмный силуэт женщины в длинном платье. Обе стояли к хранителям спиной, но даже так было заметно, что они никак не взаимодействовали. Мейнир просто стояла на месте, слабо покачивая потемневшим и удлинившимся хвостом, в то время как женщина рассматривала ближайшую стену, иногда касаясь её рукой. Болотный оттенок волос неизвестной, что удалось опознать в тусклом коридорном освещении, неоднозначно намекал на её личность.

«Ведьма», — подумала, дрогнув, Гленда, делая полшага назад.

В том, что ведьма могла спокойно расхаживать по замку во время красной луны, не было ничего удивительного, но встреча с ней ничего хорошего не предвещала, а потому её бы хотелось всеми силами избежать. Однако поздно было метаться. Женщина обернулась на звук. Ту часть лица, что не была скрыта волосами, скрывала тень, однако Гленде показалось, что она увидела мерзкую улыбку на мёртвых губах.

Ведьма покачала головой и не спеша направилась к хранителям, нарушая возникшую гнетущую тишину шорохами чёрных юбок. Хотелось убежать, надо было убежать, но ноги не слушались. Гленда почувствовала, как Эгиль задвинул её за спину, собою отгораживая от ведьмы. С потерей зрительного контакта получилось вернуть контроль над собственным телом, но теперь не позволяло убежать нежелание оставлять хранителя одного. Несмотря на все попытки Эгиля выглядеть спокойным, она ощущала его страх. Страх совершенно естественный, заложенный в самой сути хранителей. Ведь они ничего не могли сделать ведьме при помощи своих способностей, тогда как она была вольна поступить с ними так, как только пожелает.

Встав напротив хранителя, ведьма провела пальцами по его лицу, обвела контур чёрной звезды, лучи которой начали удлиняться. В этих действиях не было агрессии, не было издёвки. Та часть сознания Гленды, что не была подчинена страху, смогла заметить в этом даже заботу и долю сожаления. Послышался тихий вздох, а после ведьма приподнялась на носках и поцеловала Эгиля в щёку. Тот с тихим рыком оттолкнул Гленду от себя, оставив на руке пару глубоких царапин, и тут же, сжавшись, вцепился пальцами в плечи, ранив кожу проросшими когтями.

Гленда, не чувствуя боли, испуганно сделала на автомате несколько шагов назад, широко раскрытыми глазами глядя то на хранителя, то на ведьму, которая почти сразу после случившегося со всё той же неспешностью отошла к стене и скрылась в ней.

«Возможно, с Мейнир произошло похожее...» — мелькнула мысль в голове малышки. Ведьма ведь не могла появиться просто так и, тем более, не находилась бы без причины рядом с хранительницей, ничего при этом с той не делая.

Хрупкое тельце пробивала сильная дрожь — аура страха, которую начал распространять Эгиль, всё сильнее касалась Гленды, ещё не отошедшей от встречи с ведьмой. Разум бил тревогу, крича о том, что надо что-то делать, причём срочно, ибо два опаснейших хранителя, потерявших над собой контроль — это не просто плохо, это ужасно! Заметив, что магический фон снова стабилен, Гленда протянула вперёд руки раскрытыми ладонями вверх. Сноп золотых искр поднялся над ними и окутал одержимых, уже обративших своё внимание на малышку. Мейнир застыла прямо на полушаге, так и не опустив ногу на холодный камень, а в затаенных чернотой глазах Эгиля промелькнуло осознание.

— Беги, — хрипло произнёс он жутким голосом. Такой не мог принадлежать человеку, только чудовищу. Ведь именно чудовищами, по сути, являлись сильнейшие маги, ими же становились и одержимые хранители.

Слово, которое разобрать удалось с большим трудом, подействовало лучше кнута. Развернувшись, Гленда со всех ног побежала в противоположную от одержимых сторону, не дожидаясь, когда рассеются её чары, благодаря которым разум не терял надежды перебороть осколки. Почти сразу стало ясно, что долго такой трюк без подпитки срабатывать не будет, а колдовать вплоть до самого конца красной луны хранительница была не в состоянии, рискуя тоже поддаться осколку.

Судя по ослабевавшей ауре, Гленда поняла, что за ней не гонятся, что позволило собраться с мыслями и перемещаться по замку более осмысленно, не рискуя обо что-нибудь запнуться, врезаться в угол или свернуть туда, куда не следует. К тому же, начала давать о себе знать слабость тела, пока что только делая намёки при помощи боли в правом боку. Заметив дверь, Гленда притормозила, толкнула ту. Было открыто, так что она прошмыгнула внутрь и прислонилась к двери спиной, пытаясь перевести дух. Привычный жест — в помещении появился свет. Оказалось, что хранительница попала в кладовку, через которую можно было пройти на кухню.

Если говорить честно, то идти никуда не хотелось. Было только одно желание: закрыться в безопасном месте и дожидаться конца красной луны. Но надо было побороть свои страхи и остановить одержимых. Точнее говоря, надо было решиться выбраться из укрытия и найти тех, кто сможет остановить одержимых, пока не стало хуже. Кого искать — Гленда знала. Сюзанна могла помочь успокоить, а Мейлир окончательно привёл бы себя Мейнир. Главное, чтобы с ними самими ничего не случилось.

— Всё будет хорошо, я почувствую, если они будут поблизости, — прошептала Гленда, дотрагиваясь до ручки двери, которая вела на кухню. Идти назад она смысла не видела. Только сейчас на глаза попались царапины, кровь с которых уже заляпала юбку. Пришлось достать платок и наспех перевязать руку.

И на кухне, и в столовой, малышка никого не повстречала. Колдовать поиск она пока не рисковала, так как чувствовала, что надо подождать, иначе перешагнёт ту границу, за которой легко потерять контроль. От её одержимости хуже не станет никому, вот только очень не хотелось, чтобы брат вдруг узнал.

«Интересно, что сейчас с Эрлом? — задумалась Гленда, выходя в коридор. — Он, конечно, сам по себе маг, и всё же... Мы ни разу не пересекались в красную луну и не обсуждали её».

Тишина застывшего мира, выпавшего из привычного временного потока, могла бы заморозить, если бы не сложившаяся ситуация. Всё то, что не содержало в себе магического источника, застыло в том самом виде, в каком предстало взору красного небесного ока. Зависли в воздухе пылинки, так и не коснувшись земли опавшие листья, сверкали гранатовыми зёрнами водяные брызги. Тишина, которая воцарялась во время красной луны, никогда бы не смогла повториться в обычное время. Маги считали, что такие ночи лучше всего подходили для медитации, Гленда считала, что никогда ещё не была так рада услышать грубоватый женский голос, которым в последних выражениях озвучивали описания того, что надо сделать с криво лежавшим ковром. Ведь это означало, что рядом Фрейя, и что она в порядке.

Малышка поспешила на голос. К счастью, хранительница была не из тех, кто останавливался на паре стандартных выражений недовольства, так что почти не было страха потерять ориентир. Да и идти далеко не пришлось — пара поворотов, и вот уже Гленда с радостным восклицанием обняла несколько удивившуюся встрече Фрейю.

— Как же я рада, что ты не спишь, — пробормотала хранительница, носом уткнувшись в утянутую грудь.

— Луна же, никто не спит, — откликнулась Фрейя, растрёпывая светлые волосы. — Ты чё взболмошенная такая?

— Одержимые.

Одного слова было достаточно, чтобы всё стало ясно без лишних описаний. Старшая хранительница тут же посерьёзнела и слегка отстранилась, заглянув младшей в глаза. Действительно серьёзная Фрейя порою пугала не меньше разозлённого Эгиля, но малышка за ночь пережила достаточно, чтобы не стусеваться под этим взглядом.

— Кто?

— Мейнир и Эгиль. А ещё перед фонтаном Ками без сознания лежит, но там осталась Хальдис.

Фрейя сжала зубы и приложила к стене кулак, пытаясь не врезать по той со все силы. Конечно, когда краснолуние закончится, принесённый миру ущерб исчезнет, если только это не чьё-то убийство, но сейчас надо было обуздать собственные эмоции. Даже Гленда, глядя со стороны, могла понять, каких усилий стоила эта иллюзия сдержанности. Да, никто не смеет перечить воле госпожи. Даже она сама. Ведь нельзя командовать другими, потеряв власть над собой.

— Сможешь отвести к ним? — спросила, наконец, старшая хранительница, осторожно беря Гленду за руку.

Та кивнула и прикрыла глаза, пытаясь уловить отголоски своей магии, что осела на одержимых. Похоже, они направлялись к выходу. Услышав об этом, Фрейя пробормотала что-то невнятное сквозь зубы, подхватила Гленду на руки, и побежала в нужном направлении. Она не сбавляла ходу до тех пор, пока не достигла лестницы, что двумя симметричными дугами спускалась в вестибюль. Одержимые уже были внизу, причём при взгляде на них хотелось послать мир туда, откуда он появился. Фрейя поставила хрупкую ношу на пол и набрала побольше воздуха.

— Стоять! — рявкнула она так, что даже без красной луны, даже без способностей госпожи, мир вокруг застыл без лишних раздумий. Что уж говорить об одержимых и Гленде, у которой и дыхание перехватило. — Ты, — Фрейя кинула беглый взгляд на младшую, — быстро шли козявок за кем надо, я удержу их сколько смогу.

Гленда нервно сглотнула, не раздумывая выпустила двух бабочек, указав им найти и привести Сюзанну и Мейлира. Те поймут, что надо следовать за светом — это точно, главное, чтобы не тормозили. В том, что старшая хранительница сможет задержать одержимых, сомнений не было, вот только это не давало права медлить. На памяти Гленды, Фрейя только один раз теряла над собой контроль, но если это случится сейчас, то не надо гадать, кто станет предводителем одержимых. И вот совсем никак не хотелось представлять, чем это обернётся.

Обернётся... Вот чего-чего, а оборачиваться, в прямом смысле слова, сейчас не хотелось больше всего. В одержимых от людей осталось совсем мало. Эгиль сейчас больше походил на чёрную сущность с длинными шевелившимися волосами-водорослями, острыми чёрными когтями и торчавшими во все стороны шипами. Руки, если увиденное действительно было ими, уподобились узловатым ветвям засохшего дерева, с которых свисали клочья серовато-землистой кожи. У Мейнир ноги обратились длинным мощным хвостом, похожим отдалённо на змеиный, посиневшая кожа покрылась трупными пятнами, на голове вырос

гребень из рогов, а лицо обратилось в гниль, от уха до уха разрезанную ртом с внушительными клыками.

Гленда не удержалась, один раз посмотрела вниз, после чего издала невнятный писк и опустила на пол, зажмуривая глаза и зажимая руками уши. Этот хищный рык, в сочетании с надёжно отпечатавшимися в памяти образами, теперь не одну ночь будет являться ей в кошмарах.

«Только бы от запаха не стошнило», — подумала малышка, тихо всхлипнув. Всё же гниль не была иллюзорной и характерный душок сверху ощущался довольно хорошо.

Фрейя посмотрела вниз и сочувственно вздохнула. Ей тоже не по себе было, только вот нельзя было давать слабину, иначе контроль пропадёт, а набрасывать его снова было проблематично. Всё же ещё ни разу не приходилось сдерживать сразу два настолько сильно пробудившихся осколка. И каких! Одно неверное движение, и смерть в муках гарантирована, причём перед глазами пронесётся не жизнь, а все возможные страхи, о некоторых из которых даже знать не доводилось.

Не вечность, конечно, прошла до того момента, как старшая услышала за спиной шаги, но ещё немного и она бы точно в пух и прах разругалась с теми, кто решил, что в экстренных случаях положено передвигаться прогулочным шагом.

— А ещё медленнее нельзя было? — раздражённо воскликнула Фрейя, даже не удосужившись обернуться.

За спиной, забыв про манеры, удивлённо присвистнули — это Мейлир подошёл к перилам и посмотрел вниз. Увиденное ответило на все не озвученные вопросы и, в принципе, хорошо оправдало недовольство хранительницы. Тут у кого угодно нервы начали бы сдавать. Гленда, вон, сидела уже в том состоянии, которое в любой момент могло обратиться истерикой.

— Прости, быстрее ходить не умею, — подал голос хранитель, облакачиваясь на перила и присматриваясь к одержимым. Судя по проблескам эмоций на лице, в нём сейчас боролись отвращение и беспокойство. — Однако же без Сюзанны мы всё равно не сможем начать, а что за ней вы тоже послали, я уверен.

— Какой догадливый, вау! Тогда побудь полезным — успокой мелкую, — огрызнулась Фрейя, сжимая поручень.

Мейлир не стал отвечать на агрессию. Понимал, что та вызвана не желанием кого-то оскорбить или спровоцировать конфликт, а нервным напряжением и свалившейся на плечи ответственностью, которые плохо сочетались во взрывным характером, импульсивностью и привычкой решать большую часть проблем грубой силой. Кивнув непонятно чему, хранитель опустил на корточки, положил на пол трость и прижал к себе Гленду. Через пару мгновений он почувствовал, как та расслабилась, а после и вовсе обняла в ответ.

Пока ждали Сюзанну, Гленда рассказала наконец о ночных происшествиях, начав с момента похищения и закончив встречей с ведьмой, которая и спровоцировала одержимость. У Эгиля уж точно.

— Когда всё закончится — отведи меня к Камилле, её нужно обследовать как можно скорее, — попросил Мейлир, поднимаясь с полу и жестом приветствуя запыхавшуюся Сюзанну. Пора было унять бунт осколков, пока Фрейя ещё в состоянии сдерживать одержимых.

Глава 24: По дороге воспоминаний, по тропе кошмаров

Не было никаких ощущений. Ни собственного тела, ни окружающего мира, словно всё исчезло. Остались только мысли. Тревожные, непонятные, словно чужие, пришедшие извне. Их даже от собственных отделить было сложно. Сложно было найти среди них себя.

«Я? Какое я? Я — это кто? Что из этого я? Или я — всё это? Что это?»

Потом появилось зрение. Пустота разделилась на контуры стен, пола и потолка. Контуры обрастали линиями, формами; формы заливались красками, становились всё более реалистичными. В образовавшемся видимом мире можно было узнать один из замковых коридоров, который начал наполняться человеческими силуэтами. Силуэты спешили, суетились, постоянно сменяли друг друга.

Вместе с ними появился слух. Коридор наполнился шагами, голосами, шорохами ткани. Их было слишком много, смешиваясь с мыслями, они образовывали жуткую какофонию, которая усиливалась до тех пор, пока не достигла своего пика. Взрыв. Тишина. Мир застыл, замолк, а вместе с этим от него, наконец, отделилось собственное «я». Сформировалось, обособилось, осозналось. Очертились контуры тела. Куда менее реального, чем мир. Эфемерного, условного, здесь неуместного. И мир ожил. Теперь уже в своей привычной скорости. Не давивший на сознание переизбытком информации.

Камилла посмотрела на себя. Она была почти прозрачной, то и дело и вовсе пропадавшей, в том же виде, в каком помнила себя во время побега. Даже кольцо на пальце осталось, только вот камень на нём теперь мерно пульсировал красным, слегка светясь. Не понимая, что происходит она пришла к самому разумному выводу: всё это просто сон. А раз так, то стоило просто подождать его окончания. Сон ведь не может быть вечным, правда? Только не у неё. Ей предначертан другой конец.

Не видя смысла стоять на месте, Ками пошла вперёд, постоянно присматриваясь к тем, кто встречался по пути. Тут были и женщины, и мужчины, хотя первых встречалось куда больше, о которых точно можно было сказать одно: все они маги. Настоящие маги, не хранители.

«...спасала не только ведьм, но и остальных магов во времена Великой охоты...» — всплыли в памяти слова, сказанные Мейлиром в башне.

Не было сомнений в том, что этот коридор располагался именно в замке — при желании даже можно было припомнить, в какой именно его части, а если совместить этот факт со словами, то стоило предположить, что Камилла видела сейчас то время, о котором говорил хранитель. Однако ведь её воображение не могло нарисовать столь реалистичной картины, да и не свойственны снам те странности, которые она испытывала вначале.

«Может, я погрузилась в воспоминания замка? Странно, конечно, но нигде не говорилось, что это невозможно».

Все услышанные разговоры были связаны в основном с церковью и охотой, а также с недавно попавшими в замок магами, жизнь в которых едва теплилась, и за которых сейчас боролось сразу пять целителей. Было похоже, что охотники стали гораздо агрессивнее, а ещё начали подозревать, куда держали путь многие маги, чтобы укрыться от них.

Среди всех фигур внимание привлекла одна — уже знакомая. Женщина с длинными лавандовыми волосами и золотым обручем на голове. Она двигалась плавно и быстро,

словно никого не замечала, но её замечали все и склоняли голову в знак уважения. Камилла поспешила вслед за Изольдой. Она вышла на улицу и подошла к группе магов, что совещались около фонтана, те, заметив королеву, поклонились, а после от них отделилась женщина, в аккуратно уложенных волосах которой уже проглядывалась седина.

— Как обстоят дела с лесом? — поинтересовалась королева.

— Мы добавили в плетение новых чар, но... — женщина замаялась и растерянно обернулась к остальным. Изольда слегка склонила голову к плечу и приподняла одну бровь, намекнув, что ждёт продолжения. — В них до сих пор есть лазейка, убрать которую мы не можем, если только не хотим лишить шанса тех, кто только на пути к замку. Если мы сделаем лес непроходимым для охотников, наши собратья также не доберутся сюда. Пытаясь это изменить, мы можем нарушить тридцать восьмой магический закон.

Последние слова не сказали Камилле ровным счётом ничего, но вот по королеве было видно, что ей никаких дополнительных разъяснений не требовалось. Устремив взгляд вдаль, она, похоже, задумалась. Только сейчас Ками обратила внимание на цвет глаз нынешней хозяйки замка. Бирюзовый. Такой чистый и яркий, что невозможно было не залюбоваться, не позавидовать. Её собственная серость не шла с ним ни в какое сравнение. С этой женщиной вообще было трудно сравниться, её впору было называть Королевой с большой буквы. Перед ней следовало преклоняться, а не желать убить.

— Я поняла, — ответила, наконец, Изольда, снова посмотрев на женщину. — Тогда переходим ко второму плану — время начать опутывать сетью замок. Мы должны создать для них столько помех, насколько хватит наших сил и умений. Если однажды охотники прорвутся сюда — они не уйдут.

Маги кивнули, давая знать, что поняли желания и требования королевы. Она пожелала им удачи и снова поспешила, на этот раз в замок. Камилла хотела снова последовать за Изольдой, но стоило переступить порог, и мир резко изменился. В вестибюле стало безлюдно, а середина лета на улице резко сменилась зимой. Появилось ощущение заброшенности. Наверное, причиной тому были тишина, невозможная для такого населённого места, и отсутствие любых следов на снегу, хотя последнее можно было списать на метель.

Сквозь завывания ветра Ками разобрала скрип и выглянула на улицу. Несмотря на лёгкую одежду, в таком виде она не ощущала холода. Ко входу, еле продираясь через сугробы, спешила женщина в чёрном плаще, которая прижимала к груди перепачканный кровью свёрток. Ветер нещадно трепал тёмные волосы и всё сильнее стремился распахнуть порванный плащ, который и без того держался на одном честном слове. Незнакомка ворвалась в замок и упала на колени, тяжело дыша, отодвинула свёрток от груди и всмотрелась. Ребёнок в нём был мёртв. Женщина вскрикнула в отчаянии и сжалась, сотрясаясь от рыданий. Камилла в страхе отшатнулась и побежала к одной из лестниц, не осознавая, что делает, но желая оказаться как можно дальше от входа. Кольцо на пальце стало пульсировать сильнее, ярче, но Ками не обратила на это внимания.

Странным образом она оказалась в подвале. Скорее всего, причина снова была в изменениях мира, ведь бежать до него было не так близко.

Камилла недолго бродила по подвалу, прежде чем наткнулась на приоткрытую дверь, из-за которой виднелся свет и доносились голоса. Ками зашла в комнату, она была небольшой, освещённой лишь парой светящихся сфер, а из мебели удалось заметить лишь тёмный стол с открытой книгой на нём, стул и несколько шкафов. Возле одного из шкафов

стоял мужчина, лицом чем-то напомилавший Эрланна, только седой, с голубым рогом, осунувшийся и очень-очень уставший.

«Другой Мастер», — догадалась Камилла, потому что это просто не мог быть кто-то другой. Потому что это было бы неправильно, нелогично.

В нескольких шагах от мастера стояла девушка. Тоже полупрозрачная, но всё же казавшаяся реальнее Камиллы, довольно хрупкая на вид и с короткими волосами. Девушка выглядела неместной, но только её Мастер и видел, и слышал.

— Жаль только, что своим преемникам я смогу оставить только лишь проклятье... — сказал он с заметным сожалением.

— Проклятье? — переспросила с недоумением незнакомка. Это ещё раз доказывало, что к их истории она отношения не имела.

— Да. Всю жизнь я должен был пробыть в этом месте. Управлять им, — Мастер провёл пальцем по корешкам книг, — но вместо этого странствовал. Точнее убегал от судьбы. И в итоге только испортил всё. Знал, что если вернусь сюда, то скоро умру. А тем, кто будет после меня, точно не скряться. И, я чувствую, их проклятье будет хуже моего.

— Откуда вы это знаете? — девушка тоже подошла к шкафу и присмотрелась к книгам.

— Не знаю. Знание само пришло ко мне. Как и то, кем я должен был быть. Мне этого никто не говорил. Как и то, что я первый из Управляющих.

— Много же вас таких, знающих что-то из ниоткуда.

— На самом деле, не настолько. Куда меньше, чем вас. — Мужчина развернулся и посмотрел на стол. — Артефакт. Возьми его. Мне он больше не будет нужен. А ты вряд ли иначе сможешь вернуться.

— Но зачем тогда было говорить мне прийти вновь?

— Просто захотелось ещё раз повидаться с кем-то не из этого места, — он пожал плечами.

Девушка подошла к столу и забрала лежавшую на нём металлическую пластинку в форме ромба, после чего убрала её в карман. Мастер молча следил за её действиями, как вдруг пошатнулся и схватился за полку, чтобы не упасть. Лицо его исказилось, и, кажется, даже тени под глазами стали темнее. Камилла рефлекторно дёрнулась в его сторону, а потом вспомнила, что всё равно не способна взаимодействовать с этим миром. Но незнакомка тоже отреагировала на произошедшее. Она подбежала к нему и еле успела подхватить — Мастер чуть не свалился на пол. Девушка села на колени, придерживая мужчину. Тот тяжело дышал, глаза его были закрыты, а брови сведены к переносице.

— Что с вами? — растерянно спросила она.

Однако ответа не последовало. Только слабая вымученная улыбка, совершенно неуместная в этой ситуации. Незнакомка устроила голову Управляющего у себя на коленях, тот вдруг взял её за руку. Девушка осторожно накрыла ладонью слегка подрагивавшие пальцы.

— Просто... Время заканчивается... — шёпот был еле слышен.

Видно, что слова давались Мастеру с большим трудом, но он всё равно смог снова улыбнуться. Девушка вздохнула и приложила пальцы к его губам, другой рукой всё ещё держа за руку, и растерянно пробормотала:

— Не надо. Не говорите ничего. Не заставляйте себя улыбаться.

Мастер слегка помотал головой и убрал её руку.

— Если... Я не могу оставить... Ничего хорошего после себя. То я хотел бы... Хотя бы

умереть... С улыбкой.

— Глупо...

— Конечно. Как и... Всё.

— Ложь.

— Да. Вся эта жизнь. Была ложной... Я даже не помню, кто я. На самом деле. —

Мастер рассмеялся. Тихо, коротко, горько и болезненно.

— Ужасно.

— Но я рад... Я хотя бы не умираю. В одиночестве...

Камилла чувствовала себя так, словно вот-вот расплачется, однако в этом облике у неё не могло быть слёз. Но ведь и дыхания у неё не было, а горло всё равно сжимали спазмы. Она понимала, что это тот самый первый Мастер, что из-за его странствий обречена умереть, знала, что до её времени он сам уже много раз умер и переродился, но всё равно не могла спокойно смотреть на происходящее. На месте этого Мастера она почему-то видела Эрланна, который, если ничего не изменить, тоже в итоге останется один. И один предстанет перед лицом смерти.

— Рог... Забери его потом, — хрипло прошептал Управляющий и замолчал, вздрогнув. С губ сорвался тихий стон, от которого внутри всё сжалось — столько в нём было муки, но мужчина снова улыбнулся.

Камилла видела, как дрожал Мастер, то и дело невольно сжимая руку незнакомки. Совсем слабо, но будто таким образом хватаясь за жизнь. Иногда лицо искажалось от боли, и вдруг он тихо вскрикнул и застонал. Голубой рог упал на пол. Просто отвалился. В тот же момент волосы из седых стали просто светлыми, а черты лица немного изменились. Мужчина приоткрыл глаза. Не золотистые, а просто карие. Он выглядел умиротворённым и, улыбнувшись в последний раз, что-то прошептал одними губами (кажется, это было «вспомнил»), а после закрыл глаза уже навсегда, издав последний вздох. Облегчённый.

Покрасневшими от слёз глазами девушка посмотрела на Мастера и поцеловала в лоб, шепча молитву, после чего подняла с пола рог. В комнату тихо зашла Ингрид, Камилла сразу узнала её, стоило только заметить болотного цвета волосы. Она подошла к столу, глянула на книгу и закрыла её, сказав что-то настолько невнятно, что разобрать удалось лишь два слова: «тринадцать поколений».

— Писатель умер, не закончив повесть. Что ж, и такое бывает, — ведьма обернулась и бросила на незнакомку равнодушный взгляд. — Дитя, тебе пора уходить. Надеюсь, ты знаешь, как это сделать?

Девушка лишь кивнула в ответ. Осторожно убрав с колен голову, она встала, прижимая к груди рог, достала из кармана пластинку и сделала разрез в пространстве, через который и покинула подвал. Ингрид проводила её взглядом и обратила внимание на то место, где всё это время стояла Камилла, присмотрелась к левой руке, на которой светилось кольцо, и усмехнулась. Подошла ближе — теперь их разделял только шаг.

— Тебе тоже тут больше нечего делать, любопытное дитя, зашедшее в воспоминания. Иди к своему Мастеру, пока он ещё жив. Пока ты ещё жива. У тебя осталось... — Ингрид снова глянула на кольцо, хмыкнула. — Две недели. Не более.

Ведьма протянула вперёд руку и провела ногтем по лбу ошарашенной Камиллы. Её потрянуло, мир пошёл рябью, изменяясь. Стены расширились, на них появились окна, пространство наполнилось мебелью. Стало светлее. Камилла узнала в этом помещении гостиную, которая располагалась рядом с жилыми комнатами. Но делать здесь было нечего.

Она вышла в коридор, с одной стороны знакомый, а с другой — не такой, как в её времени, непривычный. На стенах были те же ковры, но без рисунков, на подоконниках отсутствовали цветы. Вроде, мелочи, но зато они прибавляли уюта.

Камилла шла медленно, всё ещё пребывая под впечатлением от услышанного. Две недели. Вроде бы странно просто взять и поверить этим словам, ведь откуда ведьме из прошлого знать о том, что ждёт жертву настоящего? Но отнестись к услышанному спокойно всё равно не получалось.

Сама того не заметив, она оказалась около библиотеки. На стенах возле неё ещё не было портретов. Непривычно. Хотя портреты мертвецов и пугали, но они стали уже настолько естественной деталью, что теперь неуютно становилось без них. словно кто-то решил стереть память о прошлом, стереть следы страданий предыдущих поколений.

Тишину нарушил топот. Повернувшись к лестнице, Камилла увидела влетевшего в коридор парня. Растрёпанный, перепуганный, с глубокой раной на правой руке, он испуганно заозирался, не зная, куда деться. В следующий момент хранителя — а это точно был один из них — с силой впечатало в стену. Он отшатнулся, обернулся, из разбитого носа текла кровь, капая с подбородка на порванную рубашку. Ками отчётливо понимала, что будь у хранителя возможность, он бы снова обратился в бегство, но парень застыл статуей, которой больше всего подошло бы одно название: «Отчаяние».

В следующее мгновение в коридоре появилась ведьма. Она не торопилась, не проявляла агрессии, ненависти или жажды убийства. Она вообще ничего не проявляла. Холодность и отрешённость — вот и всё, что можно было прочесть на лице ведьмы.

Ингрид вплотную подошла к хранителю, провела рукой по волосам, словно мать, желавшая приласкать ребёнка, нервно сглотнула, прикрыв на мгновение глаз и позволив на миг промелькнуть на лице сожалению. У Камиллы появилось странное чувство, словно сознание не желало принимать то, что видит. Образ ведьмы в этот момент не вписывался в то, что о ней представляли. Она не была похожа на ту, что получала бы удовольствие от убийств, а ведь именно такую картину рисовала известная всем им история. Правда (если это действительно были воспоминания замка, а не сон) не соответствовала ожиданиям. Но только отчасти.

Стоило только Камилле подумать о том, что они ошибались, как ведьма, одну руку всё ещё держа на голове хранителя, другой пробила ему грудь. Там, где располагалось сердце. Хранитель сдавленно захрипел, согнулся пополам, ещё сильнее пачкая кровью ковёр. Из глаз его брызнули слёзы, но ведьма не обращала на это никакого внимания. Она, не торопясь, шевелила рукой, словно искала что-то в груди несчастного.

«Осколок!» — осознала Камилла, вспомнив, что те у хранителей являлись частью сердца.

Ками сама поразилась ясности своих мыслей. Будь она сейчас в реальном теле, точно бы тряслась от ужаса, борясь с желанием опустошить желудок. Сейчас тоже было страшно, а ещё очень противно, но этот страх удавалось контролировать.

Вскоре ведьма кивнула, замерла на мгновение, а после резко выдернула руку из чужой груди. Тонкие окровавленные пальцы цепко сжимали осколок с налипшими на него кусками плоти. В этот же момент тело хранителя исчезло, став новым портретом на стене, послышался бой часов. Ингрид обессиленно опустилась на пол и заплакала, судорожно стирая с лица слёзы и размазывая по нему кровь. Когда от этих действий чёлка сдвинулась в сторону, Ками заметила пустую глазницу. Ведьма в самом деле была одноглазой.

«Так что же она чувствует на самом деле?» — успела спросить себя Камилла, прежде чем мир подвергся очередным изменениям.

Эту комнату узнать удалось не сразу, но как только на глаза попался стол, за которым сидела кудрявая девушка с ярким цветком в волосах, всё встало на свои места. Это была Боргхилль. Рассматривая карты, она делала пометки в записной книжке.

Дверь в комнату открылась. Судя по человеческому облику вошедшей, это была вторая жертва. Она подошла к столу и положила на него небольшую дощечку — точь-в-точь такую, какая потом выпала из часов.

— Если уж ты действительно хочешь оставить послание грядущим поколениям, — сказала она, присаживаясь на край стола, — то лучше уж выжги. Чернила выцвести могу.

— Ну... — Боргхилль подняла голову и приложила к губам кончик пера. — Тогда мне нужна твоя волшебная спица. Иначе как я это проверну?

Неизвестная вынула одну из спиц, что держали пучок, и положила рядом с дощечкой.

— Была бы проблема, — пожалала она плечами, после чего соскочила на пол и ушла.

Боргхилль недовольно пробурчала под нос, что снова ей всё самой делать приходится, но всё же начала выводить на дереве послание, периодически негодуя на лезшие в лицо волосы.

В этот раз Камилла даже шагу сделать не успела, прежде чем очутилась в новом воспоминании. Ингрид сидела, привалившись спиной к стене, и прижимала к себе Боргхилль. Та была спокойна, либо же настолько слаба, что не могла выказывать какого-либо сопротивления. Но если заметить, что губы её затрагивала слабая улыбка, то второе предположение сразу ставилось под сомнение. Ингрид же была очень печальна. Кажется, она боролась с собой, кажется, никак не могла решиться, то сжимая, а то отпуская руку жертвы, на среднем пальце которой поблескивало кольцо.

— Не стоит сомневаться, — шепнула Боргхилль, приоткрыв глаза. — В моей истории уже поставлена точка. Не надо превращать её в многоточие — это больно.

Ведьма вздохнула и сняла кольцо.

Камилле показалось, что она ослепла, потому что всё резко сменилось абсолютной тьмой. И оглохла, потому что во тьме не было никаких звуков. Потом к ней вернулось ощущение тела, но как-то очень странно, неполно, потому что настоящее тело должно быть сейчас слабым и больным.

Она стояла. Было прохладно, а под ногами что-то мокрое, противно тёплое и не менее противно хлюпавшее. От ударившего в нос запаха скрутило желудок, и Камилла согнулась, с трудом сдерживая рвотные позывы. Это был запах крови. Пульсация кольца превратилась в ровный красный свет, который еле-еле разгонял темноту. Ками попыталась осмотреться. Это место не было похоже на часть воспоминаний, а вот на сон — вполне. Точнее на кошмар.

Нечто мягкое и тёплое с мокрым шлепком упало ей на голову. Камилла дёрнулась и истерично взвизгнула, когда по левой стороне лица сполз кусок мяса, плюхнувшийся в кровавую речку под ногами. По телу прошла нервная дрожь, а из горла вырвался смешок. Тоже нервный. Одной рукой Ками обхватила себя, а вторую — с кольцом — протянула вперёд, чтобы видеть дорогу. Стоять на месте, как и смотреть наверх, не хотелось.

Иногда под ноги вместо каменной плитки попадало что-то упругое. Камилла каждый раз вздрагивала, чувствуя, как по телу пробегают мурашки, и ускорялась, намеренно не опуская взгляда. Она вообще-то слабонервной себя не считала, думала, что спокойно может перенести всё, кроме крыс, слизней и магии Эгиля. Практика расставила всё на места.

Услышав встречные шлепки, Камилла настороженно замерла, всматриваясь в мрак. Через несколько секунд в освещаемой кольцом зоне появился человек, а вот душа, кажется, пожелала в срочном порядке покинуть тело от представшего перед Ками зрелища.

Половина головы была снесена, а на оставшейся части лица отсутствовала кожа. Вместо рук — почти начисто обглоданные кости. Кишечник вываливался из разорванного живота и тянулся следом, путаясь под ногами, на которых не хватало внушительных кусков плоти. Появился запах гнили. Вдруг у мертвеца выпал желудок, издав на прощание мирное «буль».

Больше рассматривать не было ни сил, ни желания. Резко развернувшись, Камилла устремилась в противоположную от мертвеца сторону. Долго ли она бежала — сказать не получалось, потому что страх смазал ощущение времени, а усталости в этом кошмаре не ощущалось. Остановилась Камилла только когда поскользнулась на склизкой плитке и упала, ощутимо ударившись коленками и ладонями. Крови на влажном полу было меньше: не речка, а только лужи. Судя по отсутствию звуков, за Ками не гнались, что позволило перевести дух и попытаться выровнять дыхание.

Она осторожно поднялась на ноги и, держась за стену, продолжила двигаться вперёд. Потому что только это и оставалось. Толстые липкие нити задевали Камиллу по голове и плечам, заставляя упереть взгляд в пол. Интерес, что же это, заметно проигрывал страху узреть очередной ужас.

Игнорировать удавалось ровно до тех пор, пока по лицу не ударила чья-то пятка. Камилла присмотрелась к ноге и увидела, что ступню проткнули три шипа, на голени были вырезаны узоры. Взгляд против воли заскользил выше. Под потолком висело мёртвое тело с неестественно вывернутыми конечностями, из которых торчали самые разные металлические предметы, лицо было сожжено, а волосы местами выдраны. Вместе с кожей. Отвисшая нижняя челюсть держалась на одном только честном слове, готовая в любой момент свалиться на Камиллу. Та благоразумно поспешила миновать очередное тело, теперь уже окончательно решив наверх не смотреть.

Постепенно коридор начал расширяться, появлялись развилки, стало немного светлее за счёт магических факелов на стенах. Светили они слабо, но всё же заметно лучше кольца. Эти коридоры снова напомнили о замке в его нежилых частях.

Впереди, спиной к Камилле, кто-то сидел на полу. Кто-то целый и, похоже, живой. Склонивший голову и тихо-тихо говоривший. Оказавшись ближе, Ками узнала в этом ком-то Эрланна. Без рогов, в человеческом своём облике. Выражение лица у него было как в тот день, когда стало известно, что проклятье не снять, не собрав сферу. Причину этого состояния узнать удалось быстро — стоило только посмотреть вниз. На коленях у Эрланна лежал труп с вырванными ногами и кровавым месивом вместо правой руки, в искажённых чертах которого Камилла узнала себя. И вот тут ноги перестали её держать. Ками осела возле Эрла, но тот никак на это не отреагировал.

Прислушавшись, из всего бормотания она смогла вычленить только несколько раз повторённое «не спас». Если честно, Камилле сейчас не было дела, что именно говорил Эрланн, ибо вряд ли это было что-либо осмысленное. Куда важнее ей казалось вернуть его во вменяемое состояние, а ещё доказать, что она жива, а то тело — это лишь порождение больного воображения.

— Эй! — позвала она, встав рядом на колени и помахав перед глазами рукой. — Эй, Эрл, посмотри сюда. Я здесь. Я жива. — Камилла схватила Эрланна за плечо и потрянула. Голова его дёрнулась, но реакции всё ещё не наблюдалось. — Да что с тобой?! Это же

просто сон!

Удерживая Эрла за плечи, Ками развернула его лицом к себе и встретила с остекленевшим взглядом. Такой же был у убитого хранителя до того, как его тело исчезло.

Из глубины коридора послышались грохот, скрежет и звук от ударявшегося о камни металла. Звук приближался. Камилла крепче сжала пальцы, чувствуя подступавшую панику. В силу своего печального опыта, она даже представлять не хотела, что могло стать источником этого звука, нечего и говорить о встрече с ним. Вскочив на ноги, Ками спихнула труп на пол и попыталась заставить Эрланна подняться. Пускай. Пускай он и дальше пребывает в состоянии полной отрешённости, лишь бы не оставался на месте. Потому что сама Камилла разрывалась между желанием убежать и осознанием того, что не может оставить Эрла тут.

Рядом обвалился кусок стены. В поднявшемся облаке каменной пыли появилась длинная когтистая лапа. За неё ещё одна. Две... Шестилапый монстр, с трёх взрослых человек величиной, гремя остатками цепей, остановился и втянул носом воздух. На лысой голове с каменными наростами не было глаз, зато присутствовало сразу три рта; два из них дожёвывали прошлую добычу, а третий был приоткрыт, капая вязкой слюной и обнажая четыре ряда острых неровных зубов. От чудища пасло так, что желудок снова скрутило, а во рту появился тухлый привкус.

Жалобно заскулив, Камилла дёрнула Эрла с такой силой, что ему просто пришлось встать. Вцепившись в руку, она потащила его прочь от монстра, стараясь не оглядываться. На счастье, тот заинтересовался мёртвой копией Камиллы, видимо решив, что нечего еде пропадать, а новую порцию всегда нагнать успеет.

Порция, в свою очередь, таковой становиться не желала, по крайней мере, женская её половина. Тащить Эрланна за собой было трудно — он периодически замедлялся, к нормальной скорости возвращаясь только после сильного рывка за руку, но упорства в Камилле было достаточно, особенно, в чём удалось не раз убедиться за эту ночь, когда требовалось от кого-то убежать. Однако, как оказалось, у сил её всё же был лимит. Ноги начали заплетаться. Запнувшись в очередной раз, Ками почти упала, но была подхвачена Эрланном. Заметно ошарашенным, но зато ожившим.

— Что... Но ты ведь... — начал бормотать он, неверяще уставившись на Камиллу и всё ещё прижимая её к себе.

— Да не умерла я! И вообще, это просто сон, а ты только-только в себя пришёл и меня заметил, — голос Камиллы срывался, так выдавали себя изрядно потрепанные нервы.

— Но я же видел, как ты... Как тебя разрывали. И как...

— Хватит, — резко перебила она Эрла, зажав ему рот рукой. — Не продолжай. Я не хочу ничего подобного слышать. Меня уже достали мертвецы, ошмётки тел и литры крови. Всё, чего я сейчас хочу, так чтобы этот кошмар закончился. И лучше до того, как меня покинут рассудок и отсутствующее содержимое желудка!

Эрланн молча выслушивал тираду Камиллы, прижавшись щекой и крепко обняв. Кажется, он даже не улавливал смысла её слов, просто чувствуя невероятное облегчение из-за того, что она жива. Даже если это сон. Даже если и тот труп, и это тёплое тело на самом деле имели одинаковое право называться настоящими. Верить всё же хотелось в лучшее. Принимать за истину хотелось лучшее.

— Я так рад, что ты в порядке, — прошептал он, закрывая глаза и вслушиваясь в биение чужого сердца. Он был готов отдать что угодно, чтобы этот звук не затихал.

— Да какое в порядке! Эта ночь любого с ума сведёт. И я вся в крови. Это противно.

— Неважно. Главное — ты жива. Ками, — Эрланн слегка отстранился, приподнял голову и заглянул в серые глаза, в которых страх постепенно сменялся возмущением, — пусть это только сон, но даже здесь я не хочу тебя терять. Лучше видеть все смерти прошлого, чем одну твою. Я согласен каждую ночь находиться среди мертвецов, если среди них не будет тебя!

Теперь настала очередь Камиллы опешить. Она с удивлением смотрела на Эрла, не находя слов, а после нахмурилась. Услышанное, стоило это в полной мере осознать, ей не понравилось.

— Не надо таких жертв. Не надо постоянно переживать такое. Ты просто в реальности рядом будь. С реальной мною. У нас нет времени, чтобы играть в сомнения, сторониться друг друга и недоговаривать. Так что давай проснёмся и поговорим начистоту уже в реальности?

Эрланн усмехнулся и покачал головой, опять прижимая Камиллу к себе.

— Впервые веду со сном такие странные беседы. Даже жалко немного, что это только сон. Не волнуйся, красная луна скоро закончится, а с нею и этот кошмар. Ты даже не успеешь сосчитать до десяти.

Усмехнувшись, Ками начала мысленный отсчёт, но успела дойти только до семи, когда всё исчезло, а вместе с этим ушло в темноту и сознание.

Время красной луны закончилось так же неожиданно, как и началось, облегчая задачу тем хранителям, которые унимали одержимых. Сюзанна, поддерживаемая Фрейей, продолжала петь, успокаивая осколки, а Мейлир и Гленда пробуждали человеческую часть сознания, придавали ей сил вновь не поддаться хаосу. Постепенно к одержимым возвращался их привычный облик, но даже со стороны этот процесс казался мучительным.

Первым пришёл в себя Эгиль. Сидя на полу, он тяжело дышал и пытался убрать с лица сильно отросшие волосы, которые спутались и теперь мешались. На месте шипов теперь была куча мелких ран, а руки его не слушались и сильно тряслись.

Сюзанна замолчала и опустила на пол, спиной опершись на перилла. Гленда села рядом и взяла хранительницу за руку, по Сью было видно, что она очень устала. Мейлир спешно спустился к Мейнир, которая очень медленно возвращалась к прежнему состоянию, и подхватил, не давая упасть. Из-за того, что хвост снова менялся на ноги, она не могла удержаться сама. Хранитель, бросив трость, осторожно обхватил Мейнир и, присев, усадил её к себе на колени. Хранительница обвила его шею руками и безвольно свесила голову.

Фрейя тоже сбежала вниз по лестнице. Кинув рядом с Эгилем нож, она направилась на улицу, помня об оставшейся там Камилле. Теперь главной проблемой была именно она. Бессознательное тело было вымыто, переодето и перенесено в гостиную для обследования. Мейлир провозился достаточно, и хотя по окончании не сказал ничего особенного, выражение его лица заставляло задуматься о худшем.

— Что? — прошелестела Мейнир, когда они вернулись в комнату.

— Количество жизненных сил у неё резко уменьшилось, что странно и очень плохо.

— Тогда почему?

— Почему не сказал остальным? — уточнил Мейлир, ласково проводя рукой по волосам хранительницы. Та кивнула в ответ. — Возможно, это из-за ночи. Пока что рано делать выводы, к тому же, эта ночь была слишком беспокойной. На её долю хватит тревог.

Глава 25: От подвала не жди добрых вестей

После краснотунья Камилла проспала целый день, а ведь это был последний из трёх дополнительных выходных дней. По настоянию Мейлира её не тревожили и на следующий день, нужен был ещё один выходной, о чём он обещал позаботиться на пару с Ирмелин. Сейчас, когда, кажется, появилась надежда на лучший исход, было особенно важно не допустить потерь, чтобы события не начали развиваться по поколениями отработанному сценарию.

Камилла проснулась ближе к обеду. Она отчётливо помнила события, произошедшие до и во время красной луны, но, кажется, после этого ей уже ничего не снилось. И то хорошо, потому как до сих пор в голове была каша от картин прошлого и чужого кошмара. Ками поёжилась, вспомнив слова Ингрид. Или это просто в помещении было холодно? Этот вопрос сейчас волновал куда меньше, чем то, как ведьма из прошлого вообще смогла её заметить и откуда знала, сколько ей осталось? Слишком странно, легче поверить, что это просто «так совпало», и не принимать близко к сердцу. И других тоже этим не тревожить.

Несмотря на любовь к долгому валянию в кровати, сейчас Камилла довольно быстро встала и собралась. Во-первых, она хотя и не знала, какой сейчас день, но понимала, что спала долго, во-вторых, очень хотелось есть. Настолько, что даже апокалипсис подождёт.

По пути на кухню Камилла заглянула в комнату к сестре. Той, что ожидаемо, не было. Обитатели замка вообще редко находились в своих комнатах, помимо времени сна. Сёстры в этом не были исключением, ведь и комната не казалась прям своим местом, и в компании как-то спокойнее. Каждый, оказавшись наедине с собой, начинал терзаться вопросами, главным из которых был: «Почему это происходит именно со мной?» И также мысли о прошлом, о будущем. Никому от этого легче не становилось.

На кухне обнаружили Сюзанна, Гленда и Мейнир — они готовили обед. Младшие хранительницы разговаривали о выпечке и не сразу заметили приход Камиллы, а Мейнир отреагировала только слабым кивком. Ками тихо стащила из буфета несколько гренок, налила в стакан воды и присела. Раз скоро обед, то далеко лучше не уходить.

— Добрый день, Ками, — Гленда обернулась и лучезарно улыбнулась. — Как ты себя чувствуешь?

— Довольно сносно, но я определённо очень проголодалась, — ответила она, дожевав. — А где Ирма? Её не было в комнате, но раз такое время, она должна была быть тут.

— Она на работе. Ты проспала весь день, а сегодня Мейлир настоял на том, что тебе нужен выходной.

Камилла надкусила вторую гренку, обдумывая услышанное. Что же, день сна отлично объяснял разыгравшийся аппетит, а если Мейлир решил не будить и сегодня, то ему виднее. Неловко, конечно, вышло. Сестру своим сном она явно заставила побеспокоиться, да и не только её. По Гленде и Сюзанне было видно, что при виде Ками они испытали облегчение. А вот Мейнир казалась ещё более поникшей, чем обычно. Не произошло ли той ночью что-то ещё?

Сложно было остановить себя от дальнейших перекусов, но Камилла всё же собрала волю в кулак и решила дождаться обеда. Помогать ей было не с чем, поэтому она решила просто расспросить о том, что случилось ночью. Гленда описала в общих чертах, как прошла

её встреча со служителями веры, как встретила Эгилю, Мейнир, ведьму, как искала Фрейю, и как всё в итоге нормально закончилось. Потом Сюзанна пояснила, что вообще такое ночь красной луны. Камилле тоже было о чём рассказать, но она решила сделать это при Эрле.

Эрланн пришёл последним, только после того, как Гленда, приведшая Хальдис, сбежала и за ним. Он снова выглядел немного отстранённым, но, увидев Камиллу, заметно оживился, куда бодрее подошёл к столу и сел рядом. Он развернулся и после секундного промедления взял Камиллу за руки. Осторожно, нерешительно. Ками вспомнила кошмар — она почему-то была уверена, что во сне они оба были настоящими, что это был один сон на двоих. И после такого Эрланн, конечно, был изрядно взволнован из-за того, в каком виде она вернулась из леса. И не проснулась.

— Я жива. Я настоящая. Всё в порядке, — заверила она, сжав его руки.

— Я так рад, что ты в порядке... откликнулся Эрл и слабо улыбнулся.

Прежде чем что-то рассказывать, Камилла решила всё-таки нормально поесть. Чтобы не нагнетать, она не собиралась пересказывать всё, тем более в красках. Просто сказала, что либо видела ночью очень странные сны, либо, что вероятнее, попала в воспоминания замка, из-за чего увидела некоторые отрывки. И самым примечательным из этого путешествия был визит в подвал — ей удалось найти кабинет первого Мастера.

— В общем, я думаю, что стоит попробовать наведаться туда снова, но уже в реальности. Конечно, я не собиралась делать этого одна, иначе бы и не рассказала, — поспешила заверить Ками, заметив настороженный взгляд Эрланна.

— Да, пожалуй, хуже не станет, если мы туда сходим. Но только если твоё состояние позволяет.

— Я накину кофту потеплее, и можно будет пойти.

— Я с вами! — вдруг заявила Гленда. — Эрл, не надо сразу противиться, я могу быть полезна в поисках. Для меня это не опасно, а вам будет проще.

Да, Эрланн явно хотел возразить, но в итоге махнул на это рукой. Так и быть, за одним ребёнком он уследит. Или за двумя... Неожиданно, но заглянуть в подвал вызвалась ещё и Дикра:

— Я тоже хочу!

— Но...

— Ну Элл! Ну не будь букой! Сью! Сью! — Дикра дёрнула за рукав сестру, которая отвлеклась на разговор с близнецами: они обсуждали, что нужно сделать в огороде. — Ты же лазлещишь мне с ними пойти?

— Дикра, милая моя, другим навязываться — дело некрасивое.

— Но Сью-ю!

— Но если хочешь мнение моё знать, то я не против. Главное, чтоб Мастер тоже был согласен, что им не в тягость будет общество твоё, — со вздохом ответила Сюзанна.

В данном случае проще всего было согласиться с компанией Дикры, если та обещала вести себя спокойно, далеко не убегать и не трогать всё подряд. Дикра готова была согласиться со всем, лишь бы её взяли с собой. Её явно переполняло любопытство, так что существовал риск того, что она найдёт способ сама отправиться куда не надо. С надзором будет всяко лучше.

— Ладно, хорошо, вы меня уговорили, — Эрланн, сдаваясь, приподнял руки. — Тогда, девочки, вы тоже оденьтесь теплее. Собираемся в гостиной и вчетвером идём в подвал.

Камилла провозилась дольше, чем планировала. Обычно она ходила в бриджах или

шортах, смотря где была и какая погода, но сейчас она решила надеть штаны. Их найти было несложно — в них она пришла в замок, так что сильно далеко запрятать не успела, а вот с верхом было проблематичнее. Уличный плащ надевать не хотелось, трикотажный тёмно-серый жакет же лежал среди вещей, которые она так и не достала из дорожной сумки. Погода к этому не располагала. Впрочем, опоздала Ками несильно, потому что Гленда и Дикра ещё помогали убирать со стола. Она тоже хотела этим заняться, но ей сказали ограничить труд на сегодня.

Дверь в подвал они нашли быстро, потому как дорогу туда Камилла помнила, а вот с ориентированием на местности дела обстояли хуже. В воспоминаниях Ками шла до кабинета не от пола, к тому же, все проходы в подвале казались преступно одинаковыми. И здесь в самом деле очень кстати оказалась Гленда. Она попросила Камиллу нагнуться и положила пальцы ей на лоб.

— Представь то место, которое мы ищем. И всё то, что ты помнишь о нём, о его расположении. Как можно чётче нарисуй это у себя в голове. Да, хорошо, вот так...

Когда Ками почувствовала, как потеплели пальцы Гленды, та убрала их и соединила ладони лодочкой, в которой сначала образовался сгусток света, сконцентрировался, а потом вылетел в виде золотой бабочки.

— Твоя магия очень класивая, — восхищённо заметила Дикра, когда они уже последовали за бабочкой. — Ланьше я бы поплобовала её нарисовать...

— Раньше? — удивилась Гленда.

— Да. Ланьше, когда влияние осколка было голаздо слабее, я лисовала лучше. Но, — Дикра вздохнула, — мой навык уходит. Как бы с ни сталалась, сколько бы ни пыталась... У меня больше не получается, как ланьше.

Всё выглядело так, что раньше Дикра занималась рисованием серьёзно. Близняшки мало рассказывали о том, как жили раньше. Сюзанна как-то упоминала, что в материальном плане жили они неплохо, но обстановка в семье была не очень хорошей. Отчасти из-за влияния осколков. Дикра же о прошлом помнила мало и вспоминать лишний раз не хотела. Ей больше нравилось жить сегодняшним днём, не задумываясь ни о прошлом, ни о будущем.

Бабочка летела довольно медленно, а чем дальше Камилла находилась в подвале, тем неудобнее ей становилось. Холодно, мрачно, воспоминания неприятные. Похоже, что даже хранительниц пребывание в подвале напрягало меньше, они оживлённо беседовали и бодро шагали рядом, держась за руки. В очередной раз поёжившись, Ками подошла к Эрланну и взяла его за руку. Теплее от этого стать не могло, но немного спокойнее — пожалуй. Эрл удивлённо посмотрел на неё, покрепче сжал руку и ободряюще улыбнулся.

Эту дверь Камилла бы сама не узнала точно. Тогда она привлекла внимание только тем, что была приоткрыта, а сейчас стало понятно, что от прочих она совсем не отличалась. Но бабочка зависла именно здесь, так что других вариантов не оставалось. Эрланн толкнул дверь и запустил в комнату пару сфер. Это место было почти таким же, как в воспоминаниях, только пылью покрылось сильно, да паутиной. Тут и меняться было нечему, потому что мебели — минимум, а декора и вовсе нет. Серая книга не сразу бросилась в глаза, но, кажется, даже она осталась на старом месте.

Хранительницы, чихая, пытались найти что-нибудь интересное среди книг на полках, тогда как Эрланн просто стоял посреди кабинета с задумчивым видом. Он медленно осматривался, пытаясь ничего не упустить.

— Как ты? — решила спросить Камилла. — Это место... Что-нибудь говорит тебе?

Напоминает? Как-нибудь откликается?

Вот ей точно напоминало. О смерти первого Мастера. Одинокого, сожалеющего и всё-таки очень похожего на Эрла. И это произошло слишком недавно, чтобы не иметь эмоционального отклика. Не ужасать, не печалить.

— Нет... Или... Не знаю. В голове немного гудит, но больше ничего. Ничего знакомого, сюда даже не тянет, как в мастерскую.

Эрланн наконец сдвинулся с места и подошёл к шкафам, в то время как Гленда позвала Камиллу к столу. Она показала на серую книгу и прошептала:

— Она очень похожа на ту, что я читала. О духах.

— Получается, о них написал первый Мастер? — так же тихо предположила Ками.

— Не знаю, у неё не указан автор. Но раз ты это видела...

— Может, в своих странствиях он собирал информацию?

— Этого мы уже точно не узнаем, — вздохнула Гленда и потянулась к книге, чтобы открыть ту. — Ой! — она удивлённо воскликнула, когда пальцы прошли насквозь и коснулись стола.

— Оу... Похоже, это всего лишь воспоминание. Книгу вынесли отсюда? Гленда, может, ты читала именно её? — предположила Камилла.

Услышав конец разговора, Эрланн хмыкнул и начал водить пальцем по корешкам книг. Похоже, некоторые тоже были только воспоминанием, потому что палец натёкался на пустоту. Если судить по названиям, то отсутствующие книги были связаны с путешествиями между мирами. Неудивительно, что они были у первого Мастера, но кто мог их забрать и зачем? Конечно, Эрланн не всю библиотеку изучил, но пока что этих книг там не припоминал.

— Нет, я читала печатную, — отрицательно качнула головой Гленда. — А эту точно писали от руки.

— Печатную? Странно. Как книга вообще попала в мир, если Мастер умер, не успев её закончить? Либо это был кто-то из последующих Мастеров. Либо... Ведьма?

На самом деле, этот вопрос не был важным, но всё равно заинтересовал. А связано ли это с отсутствием некоторых книг? Если напрячь память, то книги на подобную тему были в часовой башне, дорогу в которую сейчас не мог никто вспомнить даже приблизительно. Такое количество тайн и магии заставляли склониться к тому варианту, что тут всё же замешана ведьма. И ничего хорошего от этого ждать не приходилось.

— Ааа!

Неожиданный крик и звук падения заставили всех дёрнуться и обернуться к Дикре. Она лежала на полу, свернувшись в позе эмбриона и плакала, иногда скуля, словно ей было очень больно. О том же говорило выражение лица малышки. Эрланн тут же подскочил к ней и нахмурился.

— Её осколок выходит из-под контроля, — напряжённо пояснил он, беря Дикру на руки. — Надо выходить. Гленда...

— Да! — хранительница тут же выпустила бабочку. Не стоило тратить время на поиск дороги назад.

Эрланн шёл впереди, он почти бежал, на ходу пытаясь подавить осколок. Девушки еле поспевали за ним, особенно низенькая Гленда, которой иногда действительно приходилось переходить на бег. Дикра продолжала плакать, от страха и боли мёртвой хваткой вцепившись в плащ Эрла. Он старался смотреть только на дорогу, ведь в полумраке очень

легко споткнуться. Им всем было страшно за малышку.

Выскочив из подвала, они поспешили в комнату близняшек, где их ждал неприятный сюрприз: на кровати в похожем состоянии лежала Сюзанна, рядом с которой стояли напуганные близнецы. Особенно взволнованным казался Исаак, который держал Сьюзи за руку и что-то сбивчиво шептал. Дикру, сняв верхнюю одежду, положили рядом. Стало понятно, что из-под контроля выходили оба осколка, что усложняло задачу по их подавлению.

Эрланн положил руку на сердце каждой хранительнице. Он выглядел очень напряжённым и, кажется, побледнел. Его сил было недостаточно, чтобы спокойно усилить контроль сразу над двумя осколками. Полностью пробудившийся дух мог даже полностью запечатать силу всех хранителей (но это могло негативно сказаться на их состоянии), тогда как сейчас Мастер соврал бы, если бы сказал, что ему в обычные дни очень просто давался контроль.

В это время Лауге как следует встряхнул Исаака — его начало трясти на нервной почве — и напомнил, что в его силах облегчить состояние близняшек:

— Возьми себя в руки! Соберись и сделай, что должен!

— Но я...

— Ты. Ты у нас главный лжец и обманщик. Сейчас то самое время, когда убедительная ложь будет во благо. В твоих силах обмануть их восприятие, убедить, что боли нет.

Исаак сжал кулаки, судорожно вздохнул, потом несколько раз глубоко вдохнул и тоже подсел к хранительницам. Он снова начал говорить, но на этот раз спокойно. По крайней мере, Исаак очень старался казаться спокойным, звучать ровно и убедительно. Лауге видел, как сильно при этом брат продолжал сжимать кулаки, как бегал взгляд, как всё равно то и дело прошибала дрожь. Он не мог ничем помочь, ведь сейчас никому не стало бы лучше от правды, поэтому просто встал рядом и положил одну руку на плечо, а вторую на голову. Просто чтобы хоть немного поддержать.

Гленда и Камилла не знали куда себя деть, потому что тоже ничего не могли поделать, но также не могли и уйти: неведение точно заставило бы накручивать себя ещё сильнее. Поэтому они, прижавшись друг к другу, молча стояли возле Эрланна, переживая и за него тоже.

Кажется, что близняшкам становилось лучше, но стоило Эрланну убрать руки, как они снова сжались, свернулись калачиком на боку. Эрл беспомощно оглянулся, словно надеялся, что кто-то подскажет, что ещё нужно сделать.

— Спина! — вдруг воскликнула Гленда, присмотревшись. — Переверните их на живот и расстегните платья, освободите спину!

Не отвлекаясь на вопросы, близнецы тут же перевернули Сюзанну и спустили верх платья, то же самое сделал Эрланн с Дикрой. И тогда они заметили по два бугорка, которые появились в районе лопаток. Те набухали всё сильнее, натягивая кожу с пугающей силой. Не в силах оторвать от этого взгляд, Камилла притянула Гленду ближе к себе, тем самым отвернув от происходящего.

А кожа всё тянулась, тянулась, бледнее, сильнее облекая нечто, что пыталось вырваться изнутри, и в один момент толстые шипы пробили её. Тут же, разрывая кожу, на свет с хлюпающим звуком, брызнув в стороны кровью, прорвались крылья. Тёмные, перепончатые, как те, что были у хранительниц на голове, но заметно больше и, вместе с тем, чуть больше метра в размахе. Крылья бессильно опали, пачкая покрывало кровью, раны от них начали

затягиваться, а близняшки, похоже, успокоились и заснули.

Камилла поняла, что теперь трясёт её, а из горла чуть не вырвался истеричный смешок. Одно дело во снах по кровавым баням ходить, хотя и там нервы сдавать начали, другое же — наблюдать такие ненормальные вещи в реальности. Гленда выбралась из объятий и обернулась, её, как и всех, ужаснуло увиденное, но то, что она не наблюдала за высвобождением крыльев, определённо пошло детской психике на пользу. Она подалась к брату и дёрнула его, заставляя встать, после чего подтолкнула к Камилле.

— Мы займёмся ими, а ты займись ею! — почти приказала Гленда и подтолкнула парочку к выходу.

Нужно было вытереть кровь, переодеть близняшек и нормально уложить их, чтобы они отдыхали до прихода Мейлира и Элеоноры. Для этого было боле чем достаточно её и близнецов.

Эрланн вывел Камиллу в коридор и отвёл в её комнату, усадил на диван. Она дрожала, обхватив себя руками и прижавшись к боку Эрла. Опираясь на прошлый опыт, он начал медленно гладить Камиллу по голове, по спине, а после заставил разнять руки и обнял. Ками тоже крепко сжала его в объятиях. На самом деле, его тоже напугало увиденное, но он потратил много сил, поэтому на эмоции их почти не осталось. К тому же, Мастер сам по себе испытывал трудности с проявлением сильных чувств и эмоций, особенно таких. Он чаще впадал в транс, как после визита в башню.

Немного успокоившись, Камилла ослабила хватку, немного отстранилась и посмотрела Эрланну в глаза. Такие спокойные, усталые, отстранённые... Тогда как её успели немного покраснеть, хотя и не были на мокром месте.

— Я... — она захватила ртом воздух, говорить было сложно. — Я всегда... Спокойно восп...воспринимала странности хранителей. Н-но... Неужели... Неужели они каждый раз проходят через... Подобное? Всё появляется таким образом?

— Если честно, я и сам не знаю. У Гленды ведь такого нет, а остальные уже были такими, когда мы пришли. При нас уже не было сильных изменений. Но... — Эрл вздохнул, вспоминая то, что переживал каждое утро. — Да, наверное, так и было, если изменения были резкими. Но, думаю, некоторые вещи проявлялись постепенно. Скорее всего, чаще было именно так. Резкий и необратимый всплеск у осколков бывает редко.

— За что они должны переживать всё это?..

Камилла опустила взгляд и уткнулась лбом в шею Эрланну. Ей было больно за хранителей. Да, она должна умереть. Первой, от силы второй, но ведь и хранители по истории умирают. Гораздо мучительнее. И в жизни им тоже приходится хуже. И если тринадцатое поколение не справится, и дальше будут рождаться проклятые дети, без шанса прервать этот цикл страданий.

— Я постараюсь больше не допустить такого. Буду внимательнее следить за осколками. Даже если это будет больше выматывать, — заверил Эрланн.

Он Мастер. Он Управляющий. Он отвечает за всех и должен ставить их благополучие выше своего. Ведь это части его сущности отравляли чужие жизни. Никто больше не совладеет с ними.

— Не бери на себя слишком много, — Ками подняла голову, — ты ведь говорил, что такое бывает редко. Ты нам живой нужен. Ну... Насколько это возможно. Ты беспокоишься о нас, а мы — о тебе. Не перенапрягайся. Ты и так за всеми следишь постоянно.

— Уследить бы мне за тобой, — усмехнулся Эрланн и потёрся носом о висок Камиллы.

Она хихикнула. Нос был холодным, но чем чаще она контактировала с Эрлом, тем меньше это смущало. Да, холодный и не совсем живой, но свой, любимый и по-своему заботливый, сопереживающий. Ками всё ещё становилось дурно, стоило только вспомнить о крыльях близняшек, но в холодных объятиях ей становилось спокойнее, удавалось отвлечься.

Глава 26: Даже мёртвое сердце способно биться

До конца дня близняшки оставались в своих кроватях, за ними присматривали Исаак, Лауге и Хальдис, которая могла раньше почувствовать изменение магической активности. Фрейя и Эгиль ушли в город, чтобы сообщить о случившемся тем, кто сегодня работал. Хозяйство полностью перешло на Камиллу, которая более-менее обрела душевное равновесие, Гленду и Мейнир. Эрланна же отправили отдыхать и восстанавливать силы.

Когда они готовили ужин, Камилла то и дело невольно смотрела на спину Гленды. В ту ночь, когда она помогла сбежать от священнослужителей, у неё ведь тоже были крылья. Неизвестно, когда те появились у хранительницы, но, похоже, она умела их прятать. И хотелось спросить у Гленды, случалось ли с ней то же, что сегодня произошло с близняшками, но ведь если да — эти воспоминания наверняка были очень неприятными. Нежелание бредить старые раны усмирало любопытство. Однако же Эрланн говорил, что у Гленды такого нет.

«Она скрыла это от брата, чтобы не заставлять лишний раз беспокоиться? Они определённо родственники. Оба мало думают о себе».

Камилла вспомнила, как не могла понять в самом начале, кто эти двое друг другу. Да, внешне они слишком разные, а о совместном прошлом помнила только Гленда, но чем дольше Ками с ними общалась, тем заметнее становилось их родство. На самом деле, по всем, кто пришёл в замок вместе, было заметно, что они близки.

Дикра часто липла к Сюзанне, как младшая сестра или дочь, а Сью очень сильно о ней переживала и заботилась. Фрейя пыталась уберечь Элеонору от травм, как могла убеждала не бояться каждого шороха и не быть настолько осторожной в словах. Нора сдерживала импульсивность Фрейи и не давала той сгоряча делать то, о чём потом пришлось бы жалеть. Исаак и Лауге почти всегда были вместе и явно понимали друг друга с полуслова, а Эгиль приглядывал за ними, не давая заходить далеко в своих проказах. Только Мейлир и Мейнир пришли одни, но нашли друг друга и теперь тоже были друг другу как родные.

— Интересно, — Камилла сбросила нарезанные овощи в салатницу, — если бы мы все встретились в других обстоятельствах, то сошлись бы? Сейчас мы почти как одна семья, пускай некоторые и противоположности друг друга. Но тут явно не обошлось без того, что общая беда и столько времени рядом сближают.

— Кто знает, — откликнулась Гленда и развела руками. — Есть ли такие ещё такие обстоятельства, которые могли бы нас свести? Из разных мест, статусов... Но, знаешь, — она улыбнулась, хотя во взгляде прослеживалась лёгкая печаль, — я была бы очень рада, если бы, переродившись, мы снова встретились. И подружались. Правда, нормальные перерождения редко когда дают шанс исполнить желания из прошлой жизни.

— О перерождениях говорить пока рано. У нас ещё есть шанс исправить эту жизнь. И прожить её долго и счастливо.

— Ну, долго — это не ко мне. Это прозвучит странно, но я даже рада, что родилась хранительницей. — Слова Гленды заметно удивили Камиллу, она аж чуть нож не выронила. — Да, понимаю твоё удивление, — Гленда усмехнулась и пожала плечами. — Но это так. Просто... Если бы не осколок, я бы, наверное, года четыре назад уже умерла. Чем сильнее его действие, тем лучше я себя чувствую. Здоровее. Боюсь, если наш успех полностью заглушит осколки, долго я не протяну. Поэтому, да, я благодарна судьбе за то,

кем родилась. Благодаря осколку, — она положила руку на сердце и, прикрыв глаза, тепло улыбнулась, — я прожила дольше, чем могла бы. Возможно, я и жила только из-за него. У меня была чудесная семья, я повстречала замечательных людей. Я увидела гораздо больше жизни, чем без него. Я очень рада, что осколок выбрал именно меня.

Сложно было понять, влияло ли на мнение Гленды то, что она хранитель надежды, или же малышка по своей природе была настолько доброй и оптимистичной, но её слова сильно впечатлили Камиллу. И ещё стало печально за Гленду — получалось, что при любом исходе её участь несильно менялась. А ведь хотелось, чтобы конец был хорошим для всех.

— Ладно, пора накрывать. Мейнир, проверь, пожалуйста, остальных. Скажи им, что пора ужинать, — попросила Гленда хранительницу, и та, кивнув, вышла из столовой.

Мейнир было очень легко не заметить, но также сложно было к ней привыкнуть. Слишком тихая, словно тень, и сама себе на уме. Здесь многие не вдавались в рассказы о своём прошлом, ведь теперь оно не имело значения, но о Мейнир знали совсем мало. Наверное, только то, что она пришла из другой страны, и до прихода Мейлира языковой барьер был значительной помехой в установке контакта. Он определённо знал о хранительнице больше остальных, но хорошо хранил секреты. Лишь сказал как-то, что с такой жизнью Мейнир и без осколка вряд ли выросла бы другой.

Как более высокая, Камилла начала доставать посуду, а Гленда стала относить еду. Сегодня они накрывали раньше обычного, потому что полагали, что Мейлир и Элеонора могут решить вернуться из города побыстрее и, не тратя много времени на ужин, отправятся осматривать близняшек. Ведь всегда желательно управиться до заката — никто не знал заранее, какие сюрпризы могла преподнести ночь.

Всё было уже почти готово, когда на кухню вбежала Ирмелин, которая ещё явно не заходила в комнату, так как была с сумкой и в уличной одежде. Она подошла к Камилле, пристально её рассмотрела и после крепко обняла.

— Как ты? Как самочувствие? С тобой-то хоть ничего больше не случилось?

— Ты меня сейчас удушишь... — со смешком ответила Ками, потому что объятия сестры были ну очень крепкими. Ирма ослабила хватку и тоже улыбнулась. — Я вполне. Разве что, хех, понервничать пришлось.

— Да, мне Эгиль рассказал. Бедные девочки...

Ирмелин вздохнула. Ей всегда становилось особенно грустно, когда страдали дети, и хотя близняшкам было шестнадцать, они тоже воспринимались детьми. И вообще таковыми казались все, кто были младше Камиллы. После Ирма отпустила сестру и убежала в комнату, пообещав сильно на ужин не опаздывать.

А вот Мейлир и Элеонора уже пришли в столовую и, позволив себе в сложившихся обстоятельствах не дожидаться остальных, приступили к еде. Они явно хотели как можно скорее сменить на посту близнецов, чтобы надолго не оставлять хранительниц одних. Даже если сейчас, по словам Хальдис, обстановка была спокойной. В то же время, от близнецов спокойствием не веяло вот ни разу: они всё ещё выглядели очень взволнованными, особенно Исаак — непривычно подавленный, растерянный и дёрганный.

Наблюдая за близнецами, Камилла понимала, что и ей далеко до полного спокойствия. Чем ближе была ночь, тем хуже становились нервы. Она понимала, что, оставшись одна, снова вспомнит события дня. Во всех подробностях. Как после такого уснуть — загадка. Страшно быть одной, когда, закрыв глаза, пугающе ясно видишь разорванную кожу, а в коридоре как обычно завывают неупокоенные души. Да, обычно. С этим удалось свыкнуться,

но в момент расшатанных нервов такая атмосфера снова начинала давить.

Хотелось, как маленькой, попроситься на ночь к сестре, но слишком неловко было так поступать. Всем сейчас было нелегко, беспокойно, пусть же хоть у кого-то будет шанс выспаться, тем более перед работой. Камилла знала, что из-за плохого сна у Ирмы легко начинала болеть голова, и нечестно так подставлять сестру.

Близнецы и Фрейя тоже ушли достаточно быстро, Эгиль явно ждал Ирму, а Эрланн, когда начали убирать со стола, подозвал Гленду и Ирмелин о чём-то поговорить, но Камилла как раз тогда ушла мыть посуду и ничего не слышала, а вернуться было бы слишком подозрительно. По возвращении девушки ничего не сказали, но обменивались подозрительными улыбками. И было видно, что на расспросы честно не ответят, из-за чего становилось любопытнее. Это даже на время отвлекло от неприятных мыслей.

После душа Камилле снова стало неуютно. И холодно. Пришлось для перерыва на чтение завернуться в плед. Дома к этому обязательно добавился бы ещё и горячий чай, но здесь ходить за ним было далеко и не всегда безопасно. Заметное упущение, которое, между тем, спасало от ночных перекусов: никому не хотелось пострадать из-за полуночного бутерброда. Зато графин для воды Ками в комнату всё же раздобыла.

Чтение шло плохо — никак не получалось сосредоточиться на книге, размышления постоянно уходили не туда, и в итоге терялась мысль. Приходилось снова и снова перечитывать одни и те же предложения, чтобы вникнуть в написанное. Это начинало утомлять и раздражать. И историю надо было выбрать более весёлую, а не про осиротевшую во время охоты ведьмочку, но книга о задорных морских приключениях осталась в гостевой, где Ками заменяла Хальдис «прошлой» ночью. Сегодня забрать время было, но она забыла.

Стук в дверь удивил и одновременно напугал, вмиг заставив сердце забиться очень быстро, тем самым спугнув даже ту немногую сонливость, что успела настичь. Камилла, настороженно прислушиваясь, медленно встала с дивана и отложила на столик книгу. В прошлый раз чужой ночной визит закончился купанием в ледяной реке.

«Но ведь сейчас здесь никого чужого. И ещё не стемнело. Чего я так паранойю?» — попробовала сама себя образумить Ками и уже бодрее подошла к двери, чтобы открыть.

— Доброй ночи... Прости, я напугал тебя?

На пороге стоял Эрланн. Вот уж кого она точно не ожидала увидеть, но удивлена была приятно. Отрицательно помотав головой, Камилла отошла в сторону, тем самым предлагая войти. Эрл жест понял правильно. Они вместе вернулись на диван.

— Извини... Я... Это очень внезапно, понимаю, но... — Эрланн явно нервничал, однако, немного помолчав, всё же смог собраться с мыслями, чтобы продолжить более складно: — Во время ужина я заметил, что ты снова была очень беспокойна, и переживал, как бы случившееся с близняшками не испортило тебе ночь. Я сказал об этом Ирме и Гленде, спросил, может ли кто-то из них на эту ночь остаться с тобой: всё же с сестрой тебе явно стало бы спокойнее, а Гленда из хранителей самая безобидная. В итоге они сказали, что прийти обязан я, хотя я совсем не уверен, что это хорошая идея. Но только что они правда следили, чтобы я сюда пришёл... В общем... Так. Если ты скажешь, что я мешаю — я уйду.

Приятно было узнать, что Эрл заметил её состояние, что решил позаботиться, уловил верную мысль. Его приходу Камилла также была рада, пусть это и добавляло некоторого смущения. С сестрой или Глендой, конечно, было бы проще, но и провести время вместе — приятная перспектива.

— Не уходи. Мне на самом деле очень не хотелось оставаться сегодня одной. И я очень рада быть с тобой. В реальности, а не во сне.

— Значит, там была действительно ты?

— Звучит странно, но я склонна думать именно так, раз уж мы оба понимаем, о чём речь. Странная беседа была не со сном. Даже если я не могу объяснить, почему произошло... Вообще всё то, что было со мной после возвращения.

Эрланн смущённо потупил взгляд, он явно не рассчитывал, что те признания были на самом деле. Хотя, даже если бы знал, в той ситуации вряд ли сказал что-то другое, ведь сильные эмоции заставляли не думая высказывать всё, что было на душе.

Чтобы немного сменить тему, Эрланн решил поделиться своим предположением о том, чем можно объяснить всё то, что видела Камилла в ту ночь. Он рассказал, что знал, о том, что такое ночь красной луны. Однако особое для магов время не должно было затронуть человека, и, вероятнее всего, ответ прятался в кольце. Ведь оно было зачарованным и имело сильную связь с Камиллой — это и позволяло вбирать в себя жизненные силы. Эрланн не располагал информацией об аналогичных случаях, но такое объяснение казалось ему самым вероятным. Ведь физическое время для Ками точно застыло, а по воспоминаниям путешествовала проекция. Это даже выглядело логичным, так как и кольцо, и замок были связаны с ведьмой, поэтому проекция и оказалась во вполне конкретном месте. Потом, вероятно, её выбросило из воспоминаний и перенесло в сон, так как это было проще всего.

Слушая Эрла, Камилла лежала головой на его плече и, стараясь сильно не звенеть, перебирала ключи на плаще. Все эти магические тонкости были интересны, практически совершенно непонятны, но хорошо отвлекали от воспоминаний о крыльях и крови. Однако сейчас беспокойство вызывало другое: Камилла помнила, что должно было произойти после захода солнца. В тот момент она снова ничем не сможет помочь и останется только наблюдать, как Эрланн вернётся к своему прежнему облику.

— Глупость спрошу, но пробовал ли ты принимать обезболивающее перед превращениями? — неожиданно спросила Ками.

— Да, но это не имело эффекта, — вздохнул Эрланн. — Хотя я об этом догадывался, но всё равно проверил. Просто из-за того, кто я есть, обычные лекарства должным образом на меня не действуют. Что мёртвому припарка. Так, вроде, говорят.

— По крайней мере, чувство юмора у тебя живо... — усмехнулась Камилла, но тут же погрустнела: — И всё же мне очень жаль, что это нельзя облегчить.

— Не беспокойся, в целом, я к этому уже привык.

Несмотря на всю уверенность, с которой было выдано это заявление, Камилла ему не поверила, но говорить ничего не стала, да и не успела бы: то, о чём они говорили, началось. И Ками снова застыла, смотря и ожидая, когда всё закончится, как и днём являясь лишь бесполезным наблюдателем. От этого было гадко на душе и тяжело на сердце, но других вариантов просто не обнаруживалось. В этом замке Камилла была одной из самых уязвимых, слабых и бессильных, потому что простому человеку нечего было противопоставить магии. От неё ведь в этом месте требовалось только умереть. И сблизиться с Мастером. Со вторым она уже справилась, и было поздно об этом жалеть, пытаться что-то изменить, отдалиться.

Как только всё закончилось, и Эрланн с ещё закрытыми глазами откинулся на спинку дивана, Ками заключила его в объятия. Она осторожно провела рукой по волосам, убрала с лица чёлку, вместе с тем огладив большим пальцем скулу. Ещё подрагивавшие руки пробрались под плед и притянули Камиллу ближе. Прижавшись щекой к щеке, она слушала,

как постепенно выравнивалось дыхание, и от этого становилось легче.

— И вот поэтому тоже я хотел, чтобы пришёл кто-нибудь другой, — виновато прошептал Эрланн.

— Я бы соврала, сказав, что меня не пугают эти перемены, но это не повод не приходить. Я всё равно рада быть с тобой, — также тихо ответила Камилла, а после посмотрела в глаза. Её и обычный вид Эрла больше не пугал, но сейчас он казался ещё роднее. Теплее. — Я люблю тебя.

— Я тебя тоже, Мила.

— Раньше меня так не сокращали.

— Но этот вариант тебе подходит. Ты ведь правда милая.

Счастливая и смущённая, Камилла не нашлась, что ответить, и вместо этого поцеловала Эрла. Медленно, осторожно, боясь сделать что-то не так. Они уже целовались, но тогда Эрланн потерял связь с миром, а она была под чарами Гленды, из-за чего пропали все сомнения, сейчас же Ками действовала более осознанно, а потому — нерешительно.

Это было странно и неожиданно, но, похоже, после превращения Эрланн становился теплее. И пальцы, и губы сейчас ощущались иначе. Приятнее и живее. Ками провела по губам языком, попробовала разомкнуть их — Эрл не сопротивлялся и постепенно начинал отвечать, тоже с заметной нерешительностью. Даже их руки двигались очень неспешно и ласково. Робкие и мягкие движения делали момент ещё приятнее, побуждая растянуть поцелуй.

Первой отстранилась Камилла, но перед этим она прошлась поцелуями по щеке до мочки уха, затронув и ту. Снова с улыбкой смотря в глаза, она огладила ушную раковину кончиками пальцев, пропустила через них пряди волос, слегка потянув их.

— Пошли в кровать. Уже поздно, что толку здесь сидеть? — предложила она.

— Но... Мне было бы правильнее остаться на диване... — Было видно, что в Эрле говорила вежливость, а не желание отпустить Камиллу, ведь руки всё так же неспешно гладили спину, не давая сильно отстраниться. Он не хотел доставить неудобств своим присутствием и, в то же время, очень хотел быть рядом.

— Но зачем? Мы уже спали рядом, когда я осталась у тебя. Нет причин ложиться порознь сейчас.

Эрланн молчал, задумавшись. Объективных причин в самом деле не было. Он отпустил Камиллу и кивнул, она встала, сложила плед и ушла на кровать, давая ему время разуться и снять лишнюю одежду. Холодная постель показалась очень неудобной, и как только Эрланн подошёл, Ками утянула его под одеяло и прижалась, радуясь слабому, но столь приятному теплу.

Усмехнувшись, Эрл поцеловал её в макушку. Да, он определённо смог отвлечь Камиллу от негативных мыслей, но радовало не только это. Ему самому было спокойнее рядом с ней. Уютнее. И хотелось жить. В самом деле, а не условно. Чтобы не пугать холодными пальцами, не заставлять ёжиться. Дышать полной грудью, дарить тепло и осознавать, что сердца бьются в унисон. Да, сердце Мастера могло биться, но только когда он ощущал себя живым, когда желание жить было сильнее принятия и смирения.

И сейчас, находясь так близко, Камилла очень ясно слышала ровный, ритмичный, уверенный стук ожившего, переполненного чувствами сердца. Пробравшись под рубашку, она положила руку на сердце, словно не доверяла слуху. Радостная, удивлённая и взволнованная, Ками подняла взгляд, чтобы увидеть такое же выражение у Эрланна. Она

подтянулась выше и снова поцеловала его: уже смелее, жарче и напористее. Этот поцелуй был короче, но выражал столько эмоций, сколько не смог бы сейчас передать ни один другой жест.

— Это прозвучит так банально и избито, — тихо начал Эрл, когда они, взявшись за руки, просто лежали рядом, — но ведь правда. Ты заставила моё сердце биться.

— Было бы в моих силах это сохранить...

— Просто будь рядом, Мила. И моё сердце будет биться до тех пор, пока бьётся твоё, — пообещал он и поцеловал палец, на котором было проклятое кольцо, способное враз разрушить все надежды.

Храня уютное молчание, они постепенно уснули. И новый день встретили также рядом.

Рассвет для Эрланна был как всегда неприятным, и он был очень рад, что Камилла всё ещё крепко спала. Ведь ему не хотелось уходить, как в прошлый раз, но также очень не хотелось беспокоить с самого утра. Поэтому, убедившись, что Ками и не думала просыпаться, он остался. Обычно Эрланн вставал сразу после превращения, но сегодня у него была причина поваляться подольше. Милая тихо сопящая причина, которая продолжала жаться к его боку. Жаль только, что вернувшиеся рога не давали повернуть голову, чтобы понаблюдать за чужим сном.

Эрл положил руку на сердце, прислушался к своим ощущениям. Это было удивительно, но даже сейчас, когда тепло жизни снова покидало тело, оно продолжало биться. Слабо, но уверенно.

Глава 27: Ложь о заботе

Дикра и Сюзанна оправились достаточно быстро, ведь все физические повреждения затянулись почти сразу, а воспоминаний о том, как всё было, почти не осталось, но в первый день близняшкам всё равно наказали соблюдать постельный режим. В то же время Гленда учила их прятать крылья, просто чтобы те не мешали в обычной жизни. На второй день близняшкам сказали сильно не активничать, поэтому Сюзанну к домашним делам не подпускали, пусть даже ей было слишком непривычно сидеть без дела. А на третий день жизнь вернулась в привычное русло.

Сюзанна в обычной компании, состоявшей из Ирмы, Гленды и Мейнир, готовила завтрак. Ей в самом деле нравилось заниматься домашними хлопотами: так она чувствовала себя полезной, на своём месте, ведь делала то, что умела, что хорошо получалось и радовало результатами. К тому же, так Сюзанна всегда знала, чем себя занять. Скука и безделье, как известно, враги здравомыслия.

Недавнее возмущение осколка не мешало бодрому началу дня, даже если тот обещал быть хмурым и дождливым. Но если Дикра, в силу своей беззаботности, оправилась полностью, то у Сюзанны остались переживания. Несмотря на заявления Эрланна и Хальдис о том, что в ближайшее время бояться нечего, осколки снова не выйдут из-под контроля, Сью опасалась, что это всё же случится. И потому, что не хотела снова пережить подобное сама, и потому, что волновалась за Дикру — у той было больше шансов пострадать.

На самом деле, компания была почти обычной. К девушкам неожиданно присоединился Исаак, который был не из тех, кто любил вставать пораньше. Сюзанна удивилась, однако же была рада его видеть, ещё не зная, что утреннее появление — это только начало, и Исаак будет находиться рядом весь день, ведя себя непривычно, немного странно. Он помогал накрывать на стол, очень тихо вёл себя за едой, помог убрать посуду, а потом присоединился к уборке. К тому же, то и дело Исаак справлялся о самочувствии Сюзанны.

— Я очень рада помощи твоей, но делать это не обязан ты. Пожалуй, я в достаточном порядке, чтоб справиться с обычными делами.

— Мне просто скучно, вот и решил чем-то другим заняться, — без лишних раздумий ответил Исаак.

И соврал. Исаак был рядом, потому что все эти дни очень беспокоился о Сюзанне, и не хотел оставлять без присмотра. Боялся, что что-то снова случится, либо что она может переутомиться. Просто искренне переживал за Сюзанну. В этом и была проблема. В искренности. По своей природе Исаак был лжецом, но зачастую не потому, что хотел этого. У всех бывали в жизни моменты, когда было трудно, либо не хотелось говорить правду. У Исаака это было выражено гораздо сильнее: чем важнее была правда, чем важнее эта правда была *для него*, тем труднее было её сказать. Он не мог быть честным, иногда даже с самим собой, поэтому о серьёзных вещах в их паре говорил Лауге. Однако на брата всё не переложить, особенно очень личное.

Сюзанна бодро проходила тряпкой по полкам, мурлыкая под нос незатейливую мелодию. Волосы она сегодня собрала в тугий пучок, а платье выбрала шерстяное, «школьное», тёмно-коричневое, с кремовыми кружевами на воротнике и подоле юбки. Такого же цвет был пояс, завязанный бантом на спине. Крылышки у неё на голове подрагивали в такт мелодии. Исаак находил это всё милым, очаровательным, но слова

застреливали в горле, даже умиленно улыбнуться он мог лишь тогда, когда никто бы этого не увидел. Исаак давно отбросил надежду честно выразить свои чувства. Он просто иногда оказывался рядом, говорил на нейтральные темы, если обстановка располагала. Даже его препирания с Дикрой были только для того, чтобы привлечь внимание Сью. Хоть иногда, хоть какое-то. Даже если это будет недовольный взгляд, замечание по поводу поведения или спасибо за принесённые с огорода овощи. Исаак был уверен, что на большее рассчитывать не мог.

Что было странно — Исааку казалось, что подобное уже было раньше, но раньше — это не до прибытия в замок. Когда-то до, возможно даже, в другой жизни. Мысли об этом появились совсем недавно: после попыток зачаровать статуэтку. Тогда хранители увидели места, в которых никогда не были (за единственным исключением), однако те показались знакомыми. И после этого иногда стали всплывать обрывки иной памяти, но короткие, редкие, беспорядочные и непонятные.

Протирая подоконник, Исаак посмотрел в окно. С погодой не задалось, всё небо было ровного светло-серого цвета, а воздух был наполнен неприятной изморосью, словно лес забыл, что сейчас лето. Исаак потянулся протереть оконную раму, резко отпрянул, выронил тряпку, столкнулся с креслом и шумно упал. К нему тут же бросилась Сюзанна, а он сидел на полу и испуганно смотрел на свои пальцы. Исааку показалось, что они стали полупрозрачными, словно он исчезал, превращался в призрака, в туман. Такое случалось, когда собственные силы брали над ним верх.

— Что случилось с тобой, Исаак? Не ушибся ли, когда падал? — с беспокойством спросила опустившаяся рядом Сюзанна и осторожно взяла за вытянутую руку, накрыла пальцы своими.

Само присутствие Сью успокаивало, и, снова посмотрев на руку, Исаак понял, что всё в порядке. Он не исчезал, похоже, просто воображение разыгралось, но эта ситуация кое-что напомнила.

О склонности близняшек лунатить первым узнал именно Исаак. Тогда ещё месяц не прошёл с их прихода, кажется, только пара недель. Близняшки успели оправиться с дороги, устроиться в замке, Сюзанна сразу взяла организацию хозяйства на себя — до этого им по большей части занимались те, у кого руки доходили, «домоправителем» становиться никто не спешил. Учитывая, как молодо выглядели близняшки, никто не ожидал от Сью такой тяги к домашним делам, но не стоило и влияние осколка со счетов сбрасывать. В общем, появление близняшек сделало это место чуть более уютным и домашним, а способности Сюзанны оказались довольно полезными, ведь она успокаивала гораздо мягче, чем Фрейя. Исаак сразу заметил Сью. Он не мог сказать, что почувствовал к ней, но хранительница была ему приятна. Симпатична.

Та ночь была беспокойной. На самом деле, в то время беспокойно было и днём, ведь не было Мастера, который сдерживал бы в это время осколки. Однако ночь всё равно была хуже: в тёмных коридорах легко навернуться, шумели души, появлялись ловушки, а осколки становились сильнее, когда властвовала луна.

Исаак нехорошо себя чувствовал и потому ушёл из комнаты, чтобы не навредить брату. Обычно они могли немного повлиять друг на друга, уравновесить нестабильные силы, но сейчас Исаак сильно сомневался в этой затее.

Кружилась голова. Или это кружился иллюзорный мир? Сейчас Исаак кое-как отличал

реальность от иллюзии, с трудом ориентировался в пространстве. Он просто пытался уйти туда, где сможет переждать всплеск, никому не навредив, но перестал понимать, где находился, как только отошёл от комнаты. По коридорам замка можно было плутать очень долго... Исаак дошёл до лестницы, но не знал, куда та вела. Стены постоянно перемещались, менялись местами, изменяли свой вид, и даже протянутая к ним рука не помогала. Иллюзии казались материальными, тогда как руки — нет.

В состоянии полной потерянности Исаак не сразу обратил на это внимание, но он становился прозрачно-мутным, словно превращался в туман. Прислонив руку к стене, он мог видеть сквозь неё камень. Разве что сквозь стены пройти не мог. Хотя... Чтобы быть в этом уверенным, надо было знать, какие стены реальные. А реален ли он сам? Он попробовал подняться по лестнице, но мир снова качнуло. Исаак оступился и упал. Сильно ударился коленями и ладонями. Боль точно не была иллюзией.

Исаак немного отошёл от лестницы и сел возле стены. Он снова посмотрел на руки: в тех местах, где он при падении ободрал ладони, из них поднимались тонкие струйки тумана. Он словно исчезал. Исаак спешно зажал рот рукой, сдержав тем почти вырвавшийся нервный смешок. Ох, нет. Он не хотел исчезать. Он так испугался, что сейчас вдруг исчезнет в тумане. На открытом глазу выступили слёзы.

Ложь отличается от правды тем, что её не существует. Это выдумка. Нечто, созданное чужим воображением и словами. Правде неважно, знают ли о ней, потому что она была, она есть, она — часть этого мира. Ложь существует до тех пор, пока её помнят, пока в неё верят. И существует только в головах.

Также может исчезнуть он. Нет... Почему? За что? Он не выбирал становиться лжецом, не хотел этого. Становиться частью лжи, мира иллюзий и туманных лесов. Становиться ложью. Где найти дорогу назад, если дороги не видно вообще? Как это исправить?

Пальцы становились холоднее и прозрачнее. Исаак попытался подышать на них, размять, но теплее не становилось. Сейчас перед ним было окно. Он вытянул руку и посмотрел сквозь пальцы на почти полную луну. Луна была красивая. И тоже ненастоящая, ведь светила из другого мира. Когда-нибудь и она исчезнет, а вместе с ней пропадут и маги. Но это произойдёт когда-то. Нескоро. А он растворялся сейчас.

Исаак так сильно погрузился в этот хоровод иллюзий и наваждений, что не услышал шагов. Кто-то опустил рядом с ним, осторожно коснулся вытянутой руки у запястья и над плечом. Исаак вздрогнул от этого прикосновения, но ему стало немного спокойнее.

— Простите, не хотела вас пугать, но вид ваш очень меня беспокоил. Ох, вижу стало вам нехорошо вдруг. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Сфокусировав взгляд на собеседнице, Исаак узнал в ней Сюзанну. Та была с распущенными волосами, в длинной светлой сорочке и, похоже, настоящая. Ведь настоящая? Исаак неуверенно и осторожно коснулся её обеими руками: волос, лица, плеч. Он чувствовал тепло, видел, как поёжилась Сюзанна от холода пальцев. Но не отстранилась. Она взяла руки Исаака в свои, когда он захотел их убрать, и слабо улыбнулась.

— Я... Я веду себя странно. Прости, — голос Исаака срывался, но сейчас он так легко мог сказать именно то, что думал. — Прости... Просто... Я так запутался... Заблудился. Я сейчас не могу верить тому, что вижу. Я не знаю, где правда. И я сам... Что я сейчас? Я не могу понять.

Сюзанна гладила его руки, не оставляя тщетных попыток их согреть. Она была взволнована его состоянием, действительно хотела помочь, но самое важное: она не боялась

его, не отталкивала. Давала ему высказаться, спокойно слушала и не отпускала.

— Здесь комната есть. Давай пройдем пока лучше туда? — спросила, но, скорее, предупредила Сюзанна и потянула Исаака за собой.

Они зашли в комнату. Та была похожа на гостиную в менее жилой части замка, но Исаак не был уверен в своей способности верно оценивать обстановку. Он просто послушно шёл за Сюзанной, сел на диван. Она отошла в сторону и начала рыться в ящиках комода. Исаак понял, что мир снова начал кружиться, и прикрыл глаз. Вскоре на плечи лёг шерстяной платок, рядом села Сюзанна, поправила платок и снова взяла за руки.

— Я вспомнила, что убиралась здесь недавно. И что полезное кое-что нашла. Надеюсь я, что так тебе согреться будет легче.

Её присутствие и голос успокаивали. Особенно голос — он был очень приятным, мягким. Исаак снова посмотрел на Сью, что-то смущало в её виде: она будто только встала, но зачем пошла так далеко?

— Скажи, почему ты здесь?

— Что у меня, что у сестры, проблема временами возникает. Бывает так — лунатим мы ночами. Вот я ушла... И как — не знаю, но в этом месте оказалась по итогу. Вернуться думала, но что-то заплутала, тебя нашла, и это взволновало.

Исаак протянул руки и обнял Сюзанну. Проблема близняшек, определённо, была опасной для них, но сейчас Исаак был очень рад этой особенности. Был рад, что его нашли, хотя наверняка именно из-за него Сюзанна и не могла определить дорогу назад.

— Спасибо, что нашла меня, — прошептал он. — Это страшно... Так страшно пропасть в собственном обмане...

Сюзанна обняла его в ответ, успокаивающе погладила, а потом положила голову Исаака себе на колени, проверив, чтобы платок хорошо укрывал. Некоторое время она молчала, а после — запела. Её пение отгораживало от мира иллюзий и успокаивало настолько сильно, что усыпляло. Исаак не мог и не хотел этому сопротивляться. И чем глубже он засыпал, тем больше возвращался к своему нормальному виду.

Тот случай не повлиял сильно на их отношения, ведь Сюзанна с заботой относилась ко всем, для неё это было в порядке вещей, а Исаак снова потерял способность быть искренним о вещах личных, из-за чего тоже вёл себя так, словно ничего особенного не произошло. Со стороны они были просто приятелями, а на деле... Просто заблуждались.

Сюзанне нравился Исаак, но она не понимала, как он относился к ней на самом деле — да, она допускала, что он врал, но и обманывать можно о разном. Можно ненавидеть и презирать, но притворятся другом, а можно скрывать любовь за незаинтересованностью. А можно просто никак не относиться, тогда можно обойтись и без вранья. Действительно, хуже всего та ложь, что смешивалась с правдой. А Исаак бывал честен. Сюзанна боялась ошибиться, поэтому вела себя с ним, как с остальными — приветливо, дружелюбно, вежливо.

— Всё в порядке, просто споткнулся, — ответил после некоторой паузы Исаак.

Он высвободил руку, встал и помог подняться Сюзанне. Конечно, она ему не поверила. Тот, кто всего лишь споткнулся, не оказался бы настолько ошарашенным, даже испуганным. К тому же, это было странно для Исаака, он был достаточно ловким, чтобы не запутаться в собственных ногах, отходя от окна.

Посчитав, что не стоит ворошить настолько личные страхи, Сюзанна не стала

допытываться до правды — у неё всё равно были подозрения. Вместо этого она задумалась над недавними событиями, над тем, как вёл себя Исаак в последние дни.

Они были в огороде, искали поспевшие помидоры, когда Сью упала, также неожиданно, как и Дикра в подвале. Первым к ней бросился именно Исаак, на лице которого она на мгновение увидела неподдельный испуг. Именно он держал её за руку, внушал, что всё в порядке. Это можно было списать на то, что Лауге ничего не мог поделать в сложившейся ситуации, но его беспокойство выглядело иначе. И руки так сильно не дрожали. Когда Сюзанна пришла в себя, Исаак то и дело оказывался рядом. Под разными предлогами. Вот и сегодня. Сказал, что просто скучно стало, взял на себя часть работы, справлялся о самочувствии и следил, видимо, полагая, что Сью этого не замечала. Но она замечала и постепенно понимала, о чём врал Исаак.

Уборка была прервана обедом, а после Сюзанна решила испечь к полднику пирог, чтобы хоть как-то скрасить этот хмурый день. К тому же, вчера Фрейя и Эгиль принесли болотных ягод, которые очень для этого пирога подходили. Исаак вызвался понаблюдать за готовкой, чем только подкрепил предположение. Тут ведь не в чем было помогать, нечем было заняться, чтобы избавиться от скуки.

Пока Сюзанна замешивала тесто, а Исаак подавал ей необходимые ингредиенты, на кухне занималась отваром Гленда. Она то и дело косилась на хранителей, которые по очереди бросали друг на друга очень интересные взгляды. С явной симпатией, которую, с одной стороны, показать хотелось, а с другой — что-то мешало. Такие гляделки, конечно, очень милительны, но почему бы не поспособствовать развитию событий? Гленда улыбнулась и сдула с открытых ладоней золотую пыльцу, что осела на хранителях и растворилась. Забрав чайник и посуду, Гленда тихонько покинула кухню.

Сюзанна неожиданно почувствовала прилив оптимизма и необходимость именно сегодня честно поговорить с Исааком, только в подходящий момент. Да, шанс ошибиться всё равно есть, но достаточно небольшой, а если не пытаться — лучше точно не станет. Хуже тоже, но... Как-нибудь эту неловкость она переживёт. Зато расставит точки над «ё» и перестанет терзаться догадками.

Нужно было выдержать полтора часа тесто. Сюзанна хотела помыть использованную посуду, но этим уже занялся Исаак, поэтому она просто села и стала наблюдать за ним. Странными тревожными воспоминаниями отдавался вид спины Исаака. Казалось, что он мог в любой момент пропасть, уйти навсегда. Что так уже было. Болото, ягоды, выпечка... Кто-то важный, кто ушёл и больше никогда не появлялся. И о ком она очень мало знала правды.

Сью тоже вспомнила их ночную встречу. Да, Исаак действительно был способен пропасть. Что могло случиться, если бы силы ещё больше взяли над ним верх? Всегда есть шанс, что это снова произойдёт. И никого не будет рядом, никто не поможет. А он, даже если заранее почувствует неладное, не сможет об этом сказать. Люди часто врут о своём состоянии, чтобы не заставлять беспокоиться, не казаться слабыми, не отходить от дел. Но каково это — просто не иметь возможности сказать? Подвергать себя опасности, потому что запрещено быть честным?

Не выдержав, Сюзанна подошла к Исааку и обняла его со спины. От удивления он чуть не выронил последнюю не вымытую миску, но справился с шоком. Только с сердцебиением совладать не мог. Сюзанна молчала, поэтому Исаак быстро закончил с посудой и развернулся, посмотрев на неё с немым вопросом.

— Хочу тебе я кое-что сказать. Прощу — дослушай, пусть будешь думать, что глупость говорю. И, может быть, ошиблась в том, что о тебе подумала внезапно, но точно знаю то, что о себе я правду расскажу — Сью говорила медленно, потому что из-за особенностей своей речи не могла говорить просто то, что было на уме. Ей приходилось обдумывать каждую фразу, но получалось всё равно не очень складно. — Я понимаю, что, наверное, ты этого не замечал. Конечно, это так, ведь то было специально. Я думала — тебе я безразлична, поэтому, боясь обжечься, старалась себя не выдавать. Но тут, обдумав то, что было, я поняла — молчать нельзя. Нет смысла, нет причины. Как два шута, мы прячемся, играем, хотя за маской правда та одна. Люблю тебя. Люблю. И больше не скрываю. И, кажется, что и тебе нужна. Прощу, не уходи, не пропадай. Опять.

Признание вышло долгим, путаным, Сюзанна очень надеялась, что Исаак понял мысль, которую она решила донести. Однако по его реакции сложно было что-то сказать: он будто завис, очень сильно о чём-то задумался.

Или же с чем-то боролся. Да, признание шокировало, это было очень неожиданно, но очень приятно. Исаак не хотел оставлять Сью без ответа, но слова, которые он желал произнести, снова застревали в горле. Ещё больше не хотел ранить ложью, ведь понимал, что Сюзанне было непросто решиться раскрыть себя, что нельзя вечно полагаться на её догадливость.

— Могу я попросить тебя спеть? Что угодно, — попросил, наконец, Исаак.

Сюзанна сначала удивилась просьбе, но догадалась, что он задумал. И запела, позволяя своему осколку ненадолго заглушить чужой.

— Сью, ты права, — начал очень быстро говорить Исаак, словно боялся, что не успеет, что «отрезок честности» закончится раньше, чем он выскажется. — Я тоже люблю тебя. Сильно. Но не могу обычно этого сказать. Я с самого начала обратил на тебя внимание. Ты добрая, милая, красивая. Я хочу быть с тобой. Но мне очень сложно быть честным. Особенно в этом. С тобой. И я решил, что это безнадежно. Я никуда не денусь. Я сам очень этого боюсь. И... Не хочу снова тебя оставить.

Исаак крепче обнял замолчавшую Сюзанну. Он понимал, что вряд ли скоро снова может быть таким откровенным — он не мог часто просить её использовать силу. Только сейчас. Чтобы всё прояснить. Чтобы Сью услышала правду, а не должна была постоянно о ней только догадываться. Как быть дальше? По-прежнему, конечно, уже не получится. Это Исаак тоже понимал. И был готов показывать своё отношение действиям, а не словами. Честно себя вести у него получалось лучше. Главное, что их чувства были настоящими и взаимными.

Серый ненастный день стал светлее и приятнее. Надо было ещё закончить пирог продолжить уборку, а там и ужином заняться. Но дела шли легче и быстрее, а страхи, что напомнили о себе днём, больше не возвращались. Зато была вера в то, что впереди поджидало что-то хорошее.

Глава 28: Правда о надежде

Прошла неделя с того дня, как хранители и Хальдис попытались зачаровать статуэтку. Настало время проверить её и, следовательно, жизнеспособность этой затеи. Все собрались после завтрака в гостиной, Эрланн принёс статуэтку и передал её Хальдис. Долгое время она сосредоточенно молчала, а после улыбнулась — чары прижились, можно было добавить ещё немного. Здесь нельзя было торопиться, потому что чуть более сильное воздействие могло разрушить статуэтку, и тогда пришлось бы начинать сначала.

— Но в этот раз я не буду проводником, — предупредила Хальдис, — а постараюсь научить вас переносить силы самостоятельно. Не знаю, сколько ещё потребуется заходов, но достаточно, а я должна буду вскоре покинуть вас. Скинуть с хвоста священников удалось, но у меня есть и другие враги. От них может не уберечь и замок. Я не хочу подвергать вас дополнительной опасности.

— Решила ли ты уже, куда путь держать будешь? — обеспокоенно поинтересовался Мейлир.

— Да. Я решила отправиться в Кольнем. Знаю, в этом замке должны были сохраниться сведения о более коротком пути до него, которым во время охоты пользовались маги.

— Значит, уйдёшь к ведьмам... Да, полагаю, так будет лучше. На родине ты будешь в безопасности.

— Да, но сначала надо будет изучить дорогу. Мастер, вы позволите мне привести в библиотеку кого-нибудь из леса? Мне будут нужны чужие глаза, чтобы изучить карты и книги. Обещаю, это никому не навредит.

— Конечно. Если то будет необходимо, не стесняйся обращаться и ко мне, — согласился Эрланн.

Хальдис с благодарностью кивнула. Теперь можно было перейти к зачарованию. Хранители подходили в том же порядке, что и в прошлый раз. Теперь им приходилось самим произносить слова заклинания, которые подсказывала Халь. Она чутко следила за магическом фоном и сразу поправляла, если хранители делали что-то не так. Без проводника было сложнее, однако помогало то, что на статуэтке уже имелись родственные чары, к которым новые тянулись сами. Также рядом стоял Эрланн: на случай, если воздействие хранителей начнёт просачиваться наружу, либо же осколки попытаются перехватить контроль. Особенно внимательно он следил за близняшками, но, к счастью, на этот раз всё обошлось.

Когда Гленда закончила накладывать чары, Хальдис приняла статуэтку из её рук и снова проверила магический фон. Энергия была стабильной, но требовалась хотя бы ещё одна неделя, чтобы можно было пойти на третий круг. Хальдис объяснила Эрланну, как проверить состояние чар, а потом он под её диктовку записал необходимые заклинания.

Все покидали гостиную в хорошем настроении: успех давал надежду, что им действительно удастся изменить привычный ход этой истории. Это ведь было вопросом времени, а на него пока не было наложено каких-либо ограничений. Главное, чтобы все соблюдали осторожность. И, конечно, были живы. Камилла с тревогой снова вспомнила слова Ингрид, но всё ещё не была уверена в их правдивости. Слишком глупо, что ведьма из прошлого могла что-то предсказать жертве настоящего.

В гостиной остались только Камилла, Эрланн и Гленда, но последняя тоже решила

удалиться. Она заметила, что в их отношениях произошёл заметный прогресс, и не хотела мешать уединению влюблённых. Если брат был так счастлив, что даже сердце его забилося вновь, то большего сейчас она не могла желать.

За Глендой, стараясь остаться незамеченным, последовал Лауге. Он сейчас тоже был сам по себе, ведь у Исаака тоже начала налаживаться личная жизнь. Лауге был рад за брата, хотя и удивился столь быстрым переменам. К тому же, ему казалось, что тут не обошлось без участия одной маленькой светлой сводницы. Ведь Гленда очень хорошо многое подмечала и не могла не подействовать. Счастье, что она до сих пор не раскрыла его. Или же раскрыла? Но делала вид, что нет, потому что в данном случае ничем не могла бы помочь. Насильно мил не будешь.

В замке стало гораздо спокойнее, когда туда пришли Мастер и хранительница надежды. Первый усмирил осколки хотя бы днём, а вторая своим присутствием вселяла веру в лучшее, которой всегда не хватало. Лауге был поражён тем, как сильно Гленда привязана к Эрланну, любила его, заботилась, поддерживала и принимала любым, несмотря на то, что их связь была потеряна — это не могло ускользнуть от Лауге, ведь он хорошо распознавал ложь. Когда эти двое только пришли, связь между ними была настоящей, взаимной, и он, конечно, заметил изменения, фальшь и появление новой связи. Гленда не позволяла сдаваться другим и не сдавалась сама.

Если честно, Лауге даже завидовал. Нет, он не жаловался на свои отношения с братом и Эгилем — те были хорошими, и другого он не желал. Однако никто и никогда не проявлял — и не проявит — к нему столько заботы, беспокойства и любви, сколько отдавала Гленда Эрлу. Даже если говорить о чисто родственных отношениях.

Он и сам не был способен на такое. Как и не был способен лгать. Только попытки держаться в стороне и молчание помогали Лауге хранить его секрет, ведь на прямой вопрос он смог бы дать только честный ответ. Однако такое отношение к хранительнице у него было не всегда.

Если обратиться к прошлому, то с первого взгляда здесь была отнюдь не симпатия. Когда Лауге увидел Гленду в первый раз, первой его мыслью было то, что в замке стало на одного ребёнка больше, а дети — это проблема, тем более зимой, когда длинные ночи делали только хуже. Вполне хватало и непоседливой Дикры, за которой нужен был присмотр. А тут ещё одна — на вид младше и слабее, наивнее, глупее. Милая, конечно, но слишком уж дитя, почти не имевшее дело с жизнью и реальным миром. В первый день она застенчиво пряталась за братом, но всё равно каждому улыбалась.

На деле Гленда оказалась достаточно осторожной и усидчивой, к тому же, большую часть времени она находилась возле Эрланна, а, следовательно, под наблюдением. Только вот причины для неприязни всё равно нашлись. Эта девчонка абсолютно со всеми была слишком милой, слишком доброй, слишком оптимистичной. Настолько, что Лауге просто не мог поверить в существование такого человека. Он постоянно искал подвох, обман, фальшь, и раздражался из-за того, что не находил. Кроме того, что изменение Мастера вызвало изменение в их отношениях, он больше ничего не обнаружил. Будто бы Гленда в самом деле была такой. Раздражающе хорошей.

Только почему-то раздражало это только его. Может, потому что другие не были одержимы идеей во всём докопаться до правды? Они принимали то, что было, потому что их гордость не уязвляла невозможность узнать истину. Он даже обман Исаака мог опознать, а

тут какая-то мелочь заигралась в доброе и светлое.

Лауге следил за Глендой, применял к ней способности, задавал каверзные вопросы, даже провоцировал, чтобы вывести из себя, но, конечно, никогда не пытался навредить. Подловить — да, но не сделать плохо. Ни физически, ни морально. Однако все опыты только убеждали его в «правильности» хранильницы. В том, что она верила в лучшее, не сторонила Эгиля, не считала невозможным обрадовать Мейнир, не могла испытывать ненависть даже к ведьме и проклятию.

Как? Почему? Гленда ведь просто ребёнок, который оказался в мрачном и опасном замке, полном чужих людей, который потерял родного человека, оказался обречён на смерть. В такой ситуации для ребёнка естественно быть напуганным, ноющим, обиженным на жизнь. Хотя бы иногда. Даже если Гленда была хранителем надежды, всё равно это она выглядела той, кому нужна поддержка взрослых, а не как та, которая будет помогать старшим не опускать руки. Даже тем старшим, которые очень хорошо делали вид, что им это не нужно.

Но, может, она просто недоговаривала? Выплёскивала негативные эмоции тогда, когда этого никто не видел? И после на самом деле была такой, какой и представляла. Лауге начал допускать этот вариант, но подловить на этом было сложнее. Да и не так сильно уже хотелось, всё же с Глендой действительно было лучше, чем без неё. Она всегда замечала, когда кому-то была нужна доля надежды и оптимизма, и охотно этим делилась. Когда словом, когда делом, а когда и магией. Когда активным участием, а когда оставаясь незамеченной. Раздражение и недоверие Лауге постепенно сменялись принятием и удивлением. Интересом, симпатией и завистью.

Шанс подобраться к правде всё равно выпал. Зимой распорядок дня был жёстче, потому как надо было раньше расходиться по комнатам. Но у близнецов иногда давало о себе знать подростковое бунтарство, и они шатались по замку не в такое уж и позднее, но уже вполне тёмное время. Конечно, когда о прогулках узнавал Эгиль, им за это доставалось, но надолго воспитательных бесед не хватало.

Вот и тогда близнецы гуляли по замку, когда солнце почти исчезло. Да, они делали это в хорошо известных им частях и неприятностей не искали, но режим всё же нарушали, а это неправильно и рискованно. Близнецы проходили мимо неиспользуемого кабинета, когда Исаак неожиданно затормозил, одёрнул брата и указал на приоткрытую дверь. Лауге заглянул внутрь и заметил, что в кресле сидела Гленда. Целиком забравшись в кресло, обхватив себя руками, она казалась ещё меньше, уязвимее. И милее.

— Она уснула? — тихо удивился Лауге.

Исаак кивнул в ответ. Близнецы зашли в комнату и приблизились к хранильнице. Да, она мирно сопела, совсем не отреагировала на голос и шаги. С этим надо было что-то делать — не стоило оставлять её спать вне своей комнаты.

Лауге опустился рядом на колени и присмотрелся к Гленде — что-то его напрягло, беспокоило. Странно было, что она ушла в дальнюю комнату, что уснула. И поза была такой, словно она хотела спрятаться, защититься. Поза грустного, испуганного ребёнка, что остался один. Лауге осторожно отодвинул светлые пряди, упавшие на бледное личико. Веки Гленды покраснели, а на щеках остались следы — похоже, она плакала. Значит, и ей было тяжело, но малышка настолько не хотела обременять других своей печалью, что хорошо пряталась, дабы дать слезам волю. А после брала себя в руки и с новыми силами улыбалась миру.

Да, в чём-то Лауге оказался прав, но сейчас это не радовало. Теперь ему хотелось ошибиться, чтобы у Гленды не было причин плакать. Тем более — одной, обняв себя в заброшенной комнате, свернувшись в старом кресле. Надеюсь, что никто этого не увидит, не станет волноваться. Ведь так нельзя. Делиться можно не только радостью, но и печалью. Лучше, чтобы этой печали и не было.

Лауге решил, что не стоит будить малышку, что нужно просто отнести её в комнату. К счастью, Гленда не проснулась, когда он поднял её на руки. Лауге заметил, что она удивительно лёгкая даже для своей миниатюрности — словно птичка, а не человек. Возможно, физически она была гораздо слабее, чем казалась. И намного беззащитнее.

Гленда отправилась в сад, Лауге последовал за ней. Сегодня погода была замечательной и совсем летней: солнечной, тёплой, но без сильной жары. Хорошее время для прогулок. Лишь бы не по лесу. Несмотря на то, что он понимал мотивы Гленды, Лауге всё же был сильно обеспокоен, когда она ушла. Быть доброй и милой хорошо, но обычно эти качества не спасают, а Гленда явно не была способна кому-либо навредить. Намеренно уж точно. Таких, как она, зачастую губит именно собственная доброта.

Было у хранительницы и ещё одно качество, которое поражало Лауге — оптимизм. Гленде бывало и грустно, и тяжело, но она удивительно быстро оправлялась. Как в тот раз, в беседке, когда некая весть очень сильно выбила хранительницу их колеи, а Лауге только и мог, что отправиться за помощью. Правда редко помогала кого-то успокоить и ободрить. Он никогда ранее не видел Гленду настолько шокированной и подавленной, но уже под вечер она была бодрой и весёлой — ни следа от того опустошённого состояния. Во время красной луны Лауге не было рядом, но он знал, что произошло, и потому наблюдал за Глендой — опасался, что пережитое слишком сильно напугало её. Но нет, она вела себя как обычно, хотя первые дни Лауге ощущал хорошо скрываемый страх, что возникал у Гленды при виде Эгиля и Мейнир. Она была маленькой, но сильной, хотя ей было бы простительно вести себя, как Дикра. Та тоже быстро приходила в себя, но была переменчивее, эмоциональнее на всё реагировала и не умела скрывать мысли и чувства.

Сад был действительно красивым местом. Больше всего им занималась именно Гленда, потому что любила цветы и яркие краски. Также к нему прикладывал руку Мейлир, как главный ценитель красоты и жизни, и ещё помогали близнецы. С инициативы Лауге, который видел, как это место радовало Гленду, и потому захотел помочь его сохранить.

Он остался в стороне, в тени, решив с расстояния наблюдать за Глендой, которая кружилась среди цветов и любовалась ими. Её лёгкое светлое платье и как всегда заплетённые в косички светлые волосы были такими яркими на солнце, что даже немного слепили. Но ещё ослепительнее была улыбка. Хранительница просто искренне радовалась новому дню, свежему ветерку, бескрайнему небу и пёстрым цветам.

— Эй, Лауге, иди сюда, составь компанию! — неожиданно позвала его Гленда.

Лауге растерялся, смутился. Он совсем не вписывался в эту светлую и радостную картину — слишком мрачный на вид и пессимистичный. Правда часто бывает несовместимой с надеждой. Чёрное с белым противоположны. Нет, ему определённно не стоило быть рядом. Он ведь всё испортит!

— Что-то не так? — Гленда подошла ближе, озадаченная молчанием. — Не похоже... О, думаю, мне стоит тогда задать вопрос иначе. Хочешь побыть со мной?

— Да, — ответил Лауге быстрее, чем придумал способ избежать честного признания.

— Тогда пошли. Никогда не знаешь, когда ещё погода будет так располагать к прогулкам. Тебе тоже нужно развеяться.

Она схватила Лауге за руку и потянула за собой. Смотря на спину Гленды, он вспомнил о крыльях — знание о них снова не давало покоя. Только теперь это перекликалось с какими-то порывами из прошлого. Словно раньше он (он ли?) пытался что-то узнать, понять, докопаться до истины. А истина ускользала, улетала, как бабочка. Или же как птица? Да, птица...

«А ведь правда оказалась так близко», — с усмешкой подумал Лауге.

Посчитав, что они зашли достаточно далеко, Гленда отпустила его. Теперь они просто шли рядом, и так было гораздо спокойнее. По крайней мере для Лауге, потому что он не смог бы с такой же лёгкостью схватить Гленду за руку и продолжать держать. Он слишком нервничал и ещё больше опасался, что его раскроют. В такие моменты Лауге завидовал Исааку.

— А знаешь, я очень рада тем дням, которые могу проводить в саду. Думаю, так я компенсирую то время, что должна была проводить дома.

— Ты мало гуляла в детстве?

— Да, с долгими прогулками были сложности, но я очень любила те дни, когда меня отпускали с братом на луг. — Гленда покружилась и взмахнула рукой, с которой сорвалась бабочка. — Там водились точно такие же бабочки. Это было очень красиво. Мне всегда хотелось кружиться среди них, словно это вальс с феями. Правда, Ос... Эрл очень уж беспокоился обо мне, так что кружил, держа на руках. Думаю, так даже лучше, ведь он высокий, и это было очень захватывающе.

— Ты скучаешь по тем дням? — спросил Лауге, заметив оттенок печали в мечтательном выражении, с которым Гленда рассказывала о прошлом. — Ведь Эрланн этого не помнит, а ты считаешь, что это довольно глупое и несущественное воспоминание. Стесняешься попросить покружить как раньше.

— Ты как всегда прав и наблюдателен! Да, как бы мне ни хотелось, но я не попрошу Эрла о таком. Вдруг я поставлю его в неловкое положение? Он не захочет заниматься такими глупостями? Я понимаю, что ему такое ребячество не навевает хороших воспоминаний.

— Уверен, он бы с радостью это сделал, если бы знал, что тебя это порадует, — заверил Лауге.

Гленда улыбнулась и развела руками. Да, она тоже так считала, но решительности ей всё равно не хватало. Делать что-то для себя бывает сложнее, чем для других.

Дальше они пошли к пруду. Лауге решил поинтересоваться, что происходит с бабочками, которых создавала Гленда, ведь зачастую она отпускала их в свободный полёт. Продумывала ли она их дальнейшую судьбу? Или они просто порхали некоторое время и исчезали? Оказалось, что у каждой отпущенной бабочки была цель: найти человека, которому это будет нужно, и передать ему немного надежды. Только после этого бабочка исчезала. Гленде это не доставляло проблем, так как она использовала силы только для их создания.

На пруду Гленда скакала по камням возле самого края. Она делала это достаточно ловко, но Лауге всё равно следил внимательно — он помнил, как часто, заигравшись, в пруд падала Дикра. В этом не было ничего страшного, но всё равно происшествие неприятное, ведь надо было идти менять одежду на сухую, развешивать мокрую. После такого игры

обычно приходилось прекращать. С Дикрой было весело. С ней было проще, понятнее, но всё-таки она была большим ребёнком, а Гленда — маленьким взрослым.

Скользь!

Лауге чудом успел отреагировать и поймать Гленду. Он прижал её к себе и сделал несколько шагов от пруда, Гленда даже не успела осознать, что произошло. Они застыли: Гленда от непонимания, а Лауге от волнения. Ему следовало сразу отпустить хранительницу, а не притянуть её чуть сильнее, но не получалось. Не хотелось. Когда ещё выпадет такая возможность?

То есть, конечно, Гленда была из тех, кому не нужна была причина, чтобы кого-нибудь обнять. Если она знала, что собеседник не против, то могла просто подойти и обнять, лишь бы момент был подходящим. Однако Лауге таким не был, и столь сильное изменение в поведении выглядело бы слишком подозрительно. А Гленда в этих вещах достаточно наблюдательная, но если бы только она! Раскрываться другим тоже не хотелось, не хотелось видеть их реакцию, какой бы она ни была.

И особенно видеть жалостливые взгляды. Он не выбирал, в кого влюбляться, и сам понимал всю безнадёжность ситуации! Несмотря на сводничество, Гленда призналась, что по ощущениям сама ещё не «доросла» до *той* любви, не испытывала ничего кроме родственных или дружеских чувств. И ей было этого достаточно.

Иронично. Хранитель надежды лишала надежды.

В который раз Лауге подивился тому, какой маленькой она была. Макушкой Гленда даже не доставала ему до ключиц. Ей точно было хорошо слышно, как изменилось сердцебиение, но это можно было списать на быстроту и резкость случившегося. Гленда была очень худая, казалось, что случайным усилием её можно сломать. И кожа у неё была очень бледная, тонкая, любые повреждения на ней сразу бросались в глаза. Поэтому Гленде не удалось скрыть оцарапанную во время краснолуния руку, поэтому Лауге и расспросил её о случившемся.

Да, естественно, она мало гуляла. Наверняка же в детстве была ещё слабее и уязвимее. Её активность и весёлость одурачивали, но если внимательно присмотреться, становилось ясно, что Гленда не была здоровым ребёнком. Возможно, что и детство её в основном состояло из общения с братом — конечно, она была так сильно к нему привязана, что не могла отойти, даже когда он сильно изменился и потерял память.

Даже понимая разумом всю нелогичность, Лауге не мог не завидовать. Ему очень хотелось, чтобы однажды и он стал также дорог кому-нибудь. Нет... Не кому-нибудь, а именно ей. Но в нынешних условиях это невозможно.

— Лауге? — Гленда подняла голову, с недоумением и лёгким беспокойством заглянула ему в глаза. — Всё в порядке?

— Ох, да, извини, я задумался, — тут же ответил Лауге и отпустил её.

— Спасибо, что не дал упасть. Сегодня тепло, но всё равно было бы досадно промокнуть.

Гленда мило улыбнулась и не стала вдаваться в расспросы. По её реакции нельзя было сказать, догадалась ли она о чём-то, но Лауге был даже благодарен за это. Может, когда-нибудь он будет готов признаться, но сейчас было лучше давать себе надежду, хотя бы ложную, что его не раскрыли. Иметь возможность быть просто наблюдателем со стороны тоже неплохо.

Со временем всё могло измениться. А время у них, похоже, было.

Глава 29: Семейное затишье

Следующий день Хальдис проводила в компании Мейлира и Мейнир. Четырнадцать лет назад скверные обстоятельства разделили её с братом, а теперь им предстояло разойтись снова. Вероятно, что навсегда, ведь даже если Мейлир освободится от проклятья, ему не стоило отправляться в Кольнем. К его семье там относились неоднозначно, а Мейлир был не последним её представителем. Хальдис было проще, ведь она была ведьмой, а её мать — оттуда родом.

На самом деле, оба оказались рады порвать с семьёй, даже если это было непросто, но навсегда прощаться друг с другом всё же не хотелось. Особенно сильно расставание печалило Хальдис, потому что продолжительность жизни у ведьм обычно больше, чем у людей. Если их не убивала церковь, конечно. Или семья... Матери Хальдис было чуть больше тридцати пяти, когда её казнили. Совсем мало для ведьмы, но она же должна была понимать, за кого выходила. Эта затея была глупа и опасна от и до. И хотя Хальдис было очень жаль маму, хотя она любила её и скучала по ней, всё же считала, что та сама выбрала такую судьбу. Какой бы сильной ни была любовь между матерью и отцом, пока тот был частью семьи, эта история не могла иметь хорошего конца.

Они сидели на диване в комнате хранителей. Мейлир посередине, Хальдис справа, Мейнир слева, обе положили голову ему на плечо, а он держал каждую за руку. Любимую родственницу и любимую девушку. В комнате пахло лавандой, букет которой Мейлир принёс из города. А сейчас он смотрел на часы, стрелки которых как всегда показывали ровно час. Словно олицетворение замка, который застрял в собственном мире, лишённом времени. Это место было создано для защиты, но приносило одни несчастья. Сейчас, когда попытки зачаровать статуэтку начали пробуждать незнакомые воспоминания, Мейлиру стало ещё тяжелее здесь находиться. Он словно ощущал груз вины, но не знал чьей и за что. Однако он знал, за что должен извиниться сам.

— Хальдис, пока ты здесь, я считаю, что обязан сказать одну вещь. Даже если спустя столько времени, но потом времени не будет и вовсе...

Хальдис в удивлении выпрямилась, легко провела пальцами по лицу Мейлира, пытаясь лучше понять его эмоции. Он был очень серьёзен и слегка печален, хотя и старался по привычке сохранить нейтральное выражение. И у него это неплохо получалось, но Хальдис слишком хорошо улавливала интонации.

— Я должен извиниться, что тогда, четырнадцать лет назад, ничем не помог, что ты потеряла всё, а я, тоже обладая магией, мог жить как прежде. Это абсолютно несправедливо, даже притом, что мотивы семьи ясны — легче сделать вид, что наследник простой человек, чем неожиданно от него избавиться. Особенно когда он сам досадно живуч. Однако же и с тобой не было причин так поступать, ведь ты себя не выдавала, можно было сделать вид, что ты не унаследовала способностей от матери. Это, конечно, очень редкий случай, но мои способности ещё меньше вписываются в правила.

— Мейлир, я не могу простить тебя просто потому, что в сложившемся виноват кто угодно, но не ты. Конечно, если тебе действительно важно моё прощение, то, да, я прощаю. Однако ты ничего не мог тогда поделать, тебе было только пять лет. Твоя собственная жизнь постоянно была в опасности, и, боюсь, даже если бы ты попытался меня защитить... В лучшем случае тебя бы проигнорировали, в худшем — этот поступок обернули бы против

тебя.

С другой стороны согласно кивнула Мейнир. Она достаточно знала о Мейлире, поэтому могла оценить правоту Хальдис. Какой бы ни была ситуация в прошлом, но лучше тот исход, при котором оба остались живы. Приподняв голову, Мейнир потёрлась носом о щеку Мейлира. Сколько бы он её ни учил, она всё равно с трудом выражала чувства словами, ведь раньше не имела права даже просто их иметь. Мейлир слабо улыбнулся и, обхватив Мейнир за плечи, прижал её к себе, а после сделал то же самое с Хальдис.

— Что бы ни было дальше, я счастлив, что сейчас у меня есть вы, — тихо признался он, стараясь, вопреки обыкновению, окрасить голос всеми эмоциями, что сейчас испытывал.

Ведь, в самом деле, в этом месте не было необходимости держаться так, как раньше: предельно осторожно, всегда ожидая подвоха, никому не доверяя, не выдавая, кто тебе дорог, скрывая эмоции за бессменным вежливым спокойствием. Да, сейчас Мейлир был свободен от всего этого, но тяжело избавиться от старых привычек, поступать наперекор тому, чему учился чуть ли не все восемнадцать лет.

— Дети, осторожнее! — прикрикнула Ирмелин, попутно поймав Дикру, которая чуть не влетела в стацию.

Сегодня вся компания от четырнадцати до шестнадцати (близнецы, близняшки и Гленда) резвилась на улице, а Эгиль и Ирмелин за ними следили. Так, на всякий случай. По большей части, потому что хотели просто посидеть на скамейке в погожий день. Сейчас младшие устроили бадминтон на пятерых, и насколько внимательно они следили за воляном, настолько же не смотрели, куда бежали. Местность была достаточно свободная, но всё равно стоило бы проявлять немного внимательности. И если Эгиль считал, что набитая шишка — лучшая наука, то Ирмелин считала правильным оберегать от травм.

— Зачем тебе только доверяли детей, если ты просто предпочитаешь смотреть за тем, как они разбивают колени и обдирают руки? — спросила она у Эгиля, вернувшись на скамейку в тени.

— Чтобы они пережили учёбу на своих ошибках, — усмехнулся он и легонько цапнул Ирму за нос, чтобы она улыбнулась. — С моими подопечными ничего страшного в итоге не случилось, я всегда следил, чтобы они не нашли больших проблем на свою голову. Просто некоторые вещи они лучше усвоят сами, чем слушая мои предупреждения.

— Я бы тебе своих детей не доверила.

— И правильно сделала бы. Ещё бы был выбор.

Ирмелин шутливо ткнула Эгиля в бок. Она поняла, что он вспомнил, и не хотела продолжать эту тему. Не в такой хороший день. Вместо этого Ирма взяла его за руку и начала водить пальцем по венам, которые контрастировали с абсолютно — нечеловечески — белой кожей. Лёгкий диссонанс вызывало то, что Эгиль был очень даже тёплый, хоть его вид и вызывал ассоциации со статуей. Он сам по себе был человеком-контрастом. И внешностью, и сущностью.

Отвернувшись к подносу, Ирмелин разлила по стаканам лимонад, который сегодня утром делала вместе с Ками. Младшие играли уже достаточно долго и наверняка хотели пить. Наблюдать за их весельем было очень приятно, сразу становилось легко и уютно, словно они были обычными людьми в обычный выходной.

— Эй, не пора ли сделать перерыв? — Ирма окликнула младших и помахала им рукой.

Они переглянулись и молчаливым голосованием решили, что действительно пора

отдохнуть. Ракетки и воланы были сложены возле скамейки, каждый взял по стакану. Гленда и Сюзанна устроились на скамейке, а остальные решили расположиться прямо на траве.

Медленно накатывала духота. Разморённые отдыхом, младшие уже хотели просто спокойно посидеть, предаться блаженной лени. Ирмелин взяла книжку и перебралась с девчонками под дерево — она обещала почитать им. Эгиль подобрал захваченные с собой ножи и пошёл нарезать ветки ивы, чтобы после научить близнецов делать свистки, сидя под тем же деревом, но с другой стороны.

Когда свистки были закончены, близнецы стали с ними забавляться, за что получили от Эгиля замечание, потому что мешали чтению. Они немного попротестовали для виду, но в итоге улеглись на траве и тоже стали слушать. Ирмелин очень хорошо читала вслух: внятно, выразительно, в удобном для восприятия темпе. И голос у неё был приятный, хотелось слушать как можно дольше. Но без перерыва говорить всё-таки нельзя.

Глава закончилась как раз к тому времени, как к отдохавшим пришла Камилла с бумагой, пледом и несколькими дощечками. Пока она раскладывалась, Ирма налила себе лимонаду. Настало время внести небольшое разнообразие и заняться оригами. Как только Эгиль услышал это предложение, тут же попытался дать заднюю, но был вынужден сдаться, так как его слишком единодушно просили присоединиться.

— Я тут меньше всего расположен к тому, чтобы складывать бумажки, — пробубнил Эгиль, пытаясь повторить действия сестёр. Он хорошо управлялся с ножом, а складывать кораблики, журавликов и прочие бесполезности никогда не стремился.

— Да ладно тебе, хорошее успокаивающее занятие, — усмехнулась Ирмелин, словно издеваясь, ведь успокаивало это только тогда, когда получалось. — Ками, помоги Дикре, она явно запуталась.

— Хорошее успокаивающее занятие начинается на «с» и заканчивается на «н».

— Всю жизнь спать нельзя! Нет-нет, Лауге, Исаак, не пытайтесь складывать на весу. Это в принципе неправильно и, тем более, когда ещё не отточили схему.

— Но, учитель, вы сами нам так неправильно показываете! — по-доброму подколот её Лауге.

— Ты сам сказал, что я учитель. Уж что-что, а этих журавликов я не то что на весу, но и с закрытыми глазами сложу. Но это не значит, что так делать правильно.

— С закрытыми глазами, значит... — коварно протянул Эгиль и сощурил глаза.

— На что ты на... И вы туда же! — Ирмелин всплеснула руками, заметив, что близнецы прищурились в той же манере. — Злыдни! Коварни! И с чего бы мне вообще вам это доказывать?

— Ну... Это просто весело? Но если хочешь, можем на что-нибудь поспорить, — предложил Эгиль, сохраняя всё то же выражение.

Ирмелин задумалась, крутя в пальцах бумажку. Камилла и девчонки тоже заинтересовались происходящим и теперь ожидали, что будет дальше. Хотя Ками представляла самое вероятное развитие событий, потому что знала сестру достаточно хорошо, так что ей просто было интересно наблюдать за разговором. Редко когда ей доводилось так легко воспринимать чёрную тройцу.

— Нет, никаких споров. Я не могу придумать ничего, на что хотела бы поспорить, но раз вам так хочется, то покажу.

Близнецы слегка разочаровано вздохнули — спор взрослых им всё же был интересен, Камилла же усмехнулась — именно этот вариант она и предполагала, а Ирмелин подозвала

к себе Эгиля, чтобы он для честности закрыл ей глаза руками, и начала неспешно складывать журавлика. Она внимательно прощупывала края и проглаживала сгибы, всё же журавлик был достаточно простой фигурой, в которой самая важная задача — ровно складывать пополам или к центру. Потребовалось немного больше времени, чем если бы была возможность смотреть, но всё же у Ирмы получилось и, надув журавлика, она протянула его перед собой.

— Вот, пожалуйста. Эгиль, можешь убрать руки, — напомнила Ирмелин, потому что хранитель не спешил их опускать.

— Что ж, ты выиграла.

— Но мы же не спорили.

— Наверное. Но ты всё равно выиграла, так что можешь подумать о желании, — с усмешкой пожал плечами Эгиль и неохотно вернулся на своё место.

Под наблюдением Камиллы младшие продолжали заниматься оригами. Кроме Дикры. Широко зевнув, она подобралась к Ирме и легла к ней на колени. Хранительница выглядела очень довольной и немного утомлённой, она счастливо смотрела то на Ирмелин, то на Эгиля, и в какой-то момент тихо выдала:

— Мы словно одна большая семья. А вы прямо как настоящие лодители.

Ирма и Эгиль удивлённо переглянулись. Какие же из них родители? Да, они старшие, но не настолько ведь. Хотя, наверное, в детском представлении Дикры всё сходилось. А ещё она выглядела такой радостной, когда говорила о семье... Похоже, малышке очень этого не хватало. Похоже, не только из-за нахождения в замке.

Сюзанна посмотрела на сестру и тоже улыбнулась — она была очень рада видеть сестру такой, к тому же, отчасти разделяла её мнение. Пока она любовалась Дикрой, сзади тихо подкрался Исаак и поставил на голову бумажный кораблик, однако случайно задел крылышко, из-за чего Сью резко дёрнула головой от неожиданности. Кораблик сполз вперёд и упал ей на колени. С ещё более широкой улыбкой Сюзанна обернулась к Исааку и очень-очень слабо щёлкнула его по носу, после чего туда же чмокнула.

Лауге захихикал, увидев, как брат на мгновение опешил, а потом сам застыл, почувствовав, как что-то коснулось его волос. Это Гленда, увлечённая бумажными бабочками, заразилась дурным примером и решила украсить голову Лауге. Он был не то чтобы против, но подумал, что с такими внезапностями рискует украсить собой клуб аритмиков. В лучшем случае. Взяв себя в руки, Лауге развернулся и кинул в проказливую хранительницу кривоватым журавликом, но Гленда увернулась, и птичка попала в Камиллу, которая пыталась вспомнить, как складывать лилии. В итоге недоделанная лилия достигла лба хранителя, но не того, и всё грозило перерасти в забрасывание друг друга бумажными фигурками, если бы старшие вовремя не вмешались и не напомнили, что тут ребёнок почти дремал.

Дикра скоро уснула. Сюзанна решила, что пора вернуться к делам, Гленда и близнецы собирались ей в этом помочь, они также забрали с собой поднос, ракетки и ножи. Камилла начала собирать то, что принесла — она решила вернуться к Эрланну, а попутно закинуть вещи на место. Жаль было, что Эрл не присоединился к веселью, но он снова закопался в какую-то книгу, заявив, что это может быть очень важно. Именно поэтому Камилла пришла одна, но надолго оставлять Эрла в покое она не собиралась.

— Так тихо стало, — заметила Ирмелин, всматриваясь в небо. Несмотря на весёлое щебетание птиц, повисло затишье — прекрасное, но предостерегающее. И небо заметно тяжелело, омрачалось.

— Да, гроза идёт, — согласился Эгиль. — Покой никогда не приходит просто так. Пора.

Ирма кивнула. Эгиль поднял на руки дремавшую Дикру, и они направились обратно в замок. Сначала надо было отнести малышку в её комнату. Ирмелин открыла дверь, пропуская хранителей, откинула покрывало. Эгиль осторожно положил Дикру на кровать, а Ирмелин заботливо прикрыла её и поцеловала в лоб перед уходом. Дети не должны были переживать такое. Никто не должен был.

Они отправились в комнату к Эгилю. Она была очень мрачной из-за тёмной мебели и вечно задёрнутых плотных штор. Словно хранитель специально окружал себя темнотой, которая неотрывно следовала по пятам, затягивала и не позволяла забыть о себе. Как страх. Иногда в виде тени, иногда — всепоглощающей тьмы.

Эгиль сбросил ботинки, залез на кровать и подозвал Ирмелин, похлопав рядом с собой. Она тоже села и угодила прямо в его объятия. Как всегда жадные и крепкие, хотя так сильно выражать привязанность Эгиль позволял себе только наедине. Он уткнулся лбом в плечо, а Ирма медленно перебирала тёмные волнистые пряди, вспоминая слова Дикры. Родители, да? Что-то в этом определённо было. Одновременно светлое и грустное.

— Ты тоже об этом подумала? — тихо спросил Эгиль.

— Да. Быть одной семьёй... Было бы чудесно. Конечно, мы и сейчас почти, но ведь и наше затишье закончится.

— Как думаешь, сколько ещё осталось?

— Не больше недели. Дальше это уже будет только мучительством. Я это чувствую.

Эгиль тихо и тяжело вздохнул. В такие моменты хотелось спросить себя: «Что было бы, если бы была возможность начать всё заново?» Да только ответ был известен, ведь всё это начиналось снова и снова уже столько поколений. И детали, конечно, менялись, но суть оставалась та же. И надо быть слишком наивными, чтобы верить в предопределение. Одной верой в судьбу проблемы никогда не решались.

Ирма почувствовала, как Эгиль вздрогнул, и обняла его крепче. Всем хранителям начали являться неизвестные воспоминания. Они могли быть странными, непонятными, грустными, светлыми... Или пугающими. Сценами чужой боли, наполненные криками, звуками истязаемой плоти и запахом крови, который, казалось, продолжал преследовать и в реальности. Надо быть безумным маньяком, чтобы не испугаться такого, но нельзя было подавать виду, будто что-то не так. Ведь страх взрослых воспринимался серьёзнее, влиял на тех, кто младше. Ведь, поддавшись страху, можно было потерять над собой контроль и сделать плохо всем, а не только себе.

— Посмотри на меня, — шепнула Ирмелин, и Эгиль поднял голову.

В абсолютной черноте глаз нельзя было увидеть ничего, ведь в ней терялся даже зрачок, но Ирма видела, как взгляд дрожал, и этого было достаточно, чтобы всё понять. Она подняла руку и осторожно провела кончиками пальцев по контуру звезды. Тот немного покалывал, и это тоже было знаком.

— Всё ещё болит?

— Уже меньше.

После краснотуния метки проклятия сильно болели, напоминая о потерянном контроле, об обращении. Меток даже стало больше, просто этого нельзя было заметить со стороны. Эгиль не просто так постоянно носил тёмные вещи, ведь не только чёрной звездой отметило его проклятье. На теле тоже имелись чёрные переплетения — не так много, как когда ему пришлось набросить страх на большую часть леса во время поисков Дикры, но были. Эгиль

переживал, что чернота будет просвечивать сквозь светлую ткань, поэтому привык всегда ходить в тёмном.

Ирмелин медленно прошлась по пуговицам рубашки, расстёгивая их. Чернота брала своё начало над сердцем, пуская свои извилистые корни от него. Они расходились по всему телу. Их действительно стало больше. Протянув руку, Ирма положила её на сосредоточение черноты. Сердце под ней давно потеряло покой от вечного влияния страха.

— То, что ты увидел, не относится к тебе. Это не ты. Этого нет. И больше не будет. Верь в меня, верь в то, что есть. Не терзай себя чужим прошлым, отпусти, — она говорила спокойно, стараясь достучаться не столько словами, сколько голосом. Ровным, мягким, уверенным.

Эгиль закрыл глаза, обхватил её кисть обеими руками и ткнулся лбом в тыльную сторону. Правда ли это? И отпустит ли прошлое? Ведь что-то ещё тянулось из него. Не только проклятье хранителя. Нечто более древнее, тяжёлое, неумолимое. Проклятье, связавшее души самым крепким узлом, который приносил лишь страдания обеим сторонам. До тех пор, пока они не выполнят условие, о котором не помнили.

— Если бы я только знал, что отпускать. Что произошло и как это решить.

— Ты знаешь. Мы знаем. И я уверена, что на этот раз все условия будут выполнены.

Снова тихий вздох. Проклятья — крайне жестокая штука. Ещё никому и никогда не становилось лучше от них. Ни творцам, ни жертвам. Ведь с ними надо быть ещё осторожнее, чем с желаниями, однако никакие предосторожности не спасут от последствий. Просто они могли быть разной степени тяжести.

Эгиль коснулся губами ладони, а после и губ Ирмы. Пока что было затишье. Наступит оно и после бури. Но её следы никуда не исчезнут. Ничто не будет как прежде.

Глава 30: Если...

Утром в середине новой недели Хальдис ушла, и, если говорить начистоту, прощание печалило всех. В разной степени, конечно, но все успели привыкнуть к ведьме и принять её. Однако тяжелее всего расставание давалось Мейлиру — настолько, что это было заметно. Волнение и печаль проступали во многих вещах: в выражении лица, в голосе, в постукивании по набалдашнику трости.

— Пожалуйста, береги себя, — в очередной раз попросил он, обняв Хальдис.

Она улыбнулась в ответ и заверила, что с ней всё будет в порядке, потому как для ведьмы этот путь очень безопасен. И ещё она пообещала, что если появится возможность, то обязательно пришлёт весть. После Хальдис подняла руки и к ней прилетели две птицы — её новые компаньоны и проводники.

— Спасибо вам всем, что приняли и помогли. Возможно, однажды судьба нас снова сведёт. Может, не в этой жизни, но всё же... Случайных встреч не бывает. До свидания.

Хальдис улыбнулась всем. Немного грустно и словно сожалея о чём-то. Хотелось сказать что-то ещё, хотелось растянуть мгновение, остаться подольше, но надо было идти. Хальдис неуверенно поправила сумку, при помощи птицы окинула всех взглядом, ещё раз улыбнулась со вздохом и ушла, быстро скрывшись среди деревьев, словно лес поглотил её.

Вскоре после её ухода нужно было идти на работу, но Камилле пришлось остаться в замке. На этой неделе она чувствовала себя заметно хуже, поэтому ей запретили уходить. И она не стремилась нарушать запрет, понимая, что сейчас способна только стать причиной беспокойства и сократить собственное время. Оно уходило. Оно действительно уходило, но страха уже не было. Только принятие и ожидание решающего часа.

Утро началось со странного — с Фрейи, которая вдруг надела кофту с высоким воротником. Мейлир осторожно привлёк её внимание и молча указал на шею, Фрейя кивнула и поправила ворот, из-под которого выглядывал край бинта. Такое общение между хранителями сразу наводило на мысль, что случилось нечто серьёзное, однако узнать об этом больше удалось только когда столовую покинула Элеонора.

Оказалось, что ночью Фрейя попала в ловушку, и под утро заявила к Мейлиру с множественными ранами, в том числе на груди и шее. Конечно, это не было простой прихотью, желанием пощекотать нервы и рискнуть жизнью. Фрейя ушла из комнаты, потому что чувствовала — это ночью она потеряет над собой контроль. И в таком состоянии её не удержит дверь, её вообще никто и ничто не удержит, поэтому единственным выходом было уйти как можно дальше. Конечно, замок закинул её в ловушку. Стоило сказать ему за это спасибо, Фрейя потратила немало времени, чтобы выбраться, а когда это удалось — уже почти пришла в себя. И она бы с радостью не обращалась за помощью к Мейлиру, но тогда не было шансов скрыть случившееся от Норы, а Фрейя меньше всего хотела заставлять её волноваться. Элеонора и так всегда беспокоилась из-за своей сострадательной сущности, а после работы была жутко подавленная, поэтому Фрейя всеми силами из раза в раз старалась вернуть ей бодрость духа. Даже если для этого нужно было скрывать собственные проблемы.

— Но как ты узнала, что этой ночью потеряешь контроль? — спросила Камилла.

Сегодня, в последний рабочий день этой недели, она, вопреки всем уговорам Ирмелин и Мейлира, решила пойти в ателье. Просто чувствовала, что это необходимо, поэтому встала

вместе со всеми.

— Нора, — пожалала плечами Фрейя. — Последние недели давались ей особенно тяжело. Я ж как бы за неё в ответе, подбадривать должна. Даже если надо использовать силу. Ну и вот. Допользовалась. Малясь переборщила. Не то чтобы я точно знала, что случится. Это было оч вероятно. Лучше перебдеть, чем новую дверь вешать. Двери. Мне эти чары на ручках... Какой толк, если я просто расхреначу дверь?

Учитывая силу Фрейи даже в обычном состоянии, в её слова было легко поверить.

— Но вот шо странно, — неожиданно продолжила она, — когда я стала вменяемее, то видела в коридоре силуэт. Женщины. И потом она с кем-то говорила. И плакала. Хотя, блин, больше я всё равно ничего не знаю. Тащила себя к Мейлу. Не до подслушивания было. Мож, это просто души были.

Камилла вздохнула и вернулась к еде. Эрланн осторожно тронул её за руку, но Ками только отрицательно качнула головой — нет, всё в порядке. Просто на душе было странно, хотя, не считая ран Фрейи, день выглядел обычным, неплохим. Вероятно, просто сказывалось состояние последних дней, ввергавшее в сильную задумчивость. Был какой-то внутренний диссонанс: дела шли хорошо, проблема казалась решённой, а счастливый конец — вопросом времени, но вот у Ками не было такого чувства. Потому что слабость затянулась? Потому что всё не могло быть так просто? Или потому что появилось чувство, что они допустили ошибку в чём-то очень важном?

Перед уходом Эрланн обнял Камиллу и осторожно поцеловал в висок. Взяв её за плечи, он очень серьёзно посмотрел в глаза:

— Будь осторожна. И не перетруждайся.

— Конечно. И если со мной что-то будет не так, я оповещу Ирму или Мейлира, — согласна кивнула Камилла, повторив условие, с которым её согласились отпустить.

Путь до города проходил в тишине. В погожее утро дорога через лес была даже приятной — это место казалось обманчиво спокойным, обычным, безопасным. Главное было не поддаваться этому впечатлению, ведь шаг в сторону мог завести куда угодно.

Камилла думала, что Доротея обязательно начнёт расспрашивать о причинах долгого отсутствия, но этого не произошло. Дора была непривычно спокойная, тихая, задумчивая и очень странно, серьёзно и пристально смотрела на Камиллу. Конечно, взгляд Доры часто был странным, потому что, когда она рассматривала магические потоки, это больше походило на взгляд в пустоту. И отсутствие зрачков только усиливало впечатление.

— Расскажи мне правду, — внезапно попросила Доротея.

— Что? — увлечённая подбором кружев, Камилла вздрогнула и с удивлением посмотрела на коллегу. — О чём ты? Какую правду?

— О себе. Я понимаю, что это тайна. Я не выдам тебя, но мне очень хочется узнать правду, пока есть такая возможность.

Некоторое время Камилла молчала. Доротея, конечно, была очень разговорчива, но секреты хранить умела. К тому же, правда была такой, что в неё вряд ли кто-то поверит. Кроме Доры. Всё же, чувствующая видела больше других и даже сама поняла, что на самом деле Ками живёт в лесу. Так что, если рассказать, хуже не будет. Однако сначала Камилла решила пересказать сказку о ведьме и Хенбетестире, считая это самой разумной подводкой.

— И эта история оказалась правдой. В лесу действительно есть замок. В нём есть Мастер и хранители. И есть жертвы. И я — одна из них. Наверное, это звучит совсем бредово и невероятно, я бы и сама не поверила, что какая-то сказка окажется правдой. Я даже не

вспомнила о ней, когда мы пошли через лес, даже когда остались на ночь в замке. Но потом поверить пришлось.

— Если бы я не видела магию, то, наверное, не поверила бы, — согласилась Дора. — Но сейчас я наоборот понимаю, что всё сходится. Что это правда. Знаешь, в детстве я тоже слышала эту сказку, правда, это подзабылось. Вот ты сейчас рассказала, а я вспомнила, что в этой истории мне... Конечно, мне всех героев жалко, но ещё мне жалко ведьму.

— Ведьму? — в непонимании и удивлении уточнила Камилла.

— Да. О ней рассказано очень мало, но всё же. Не просто же так она хотела отомстить обидчикам. Это же ведьма. Она точно знала, что у мести всегда есть последствия. Значит, причина была серьёзной. Очень серьёзной, раз ведьме потребовалась сила духа. Ведь всё случилось очень давно, когда маги были куда сильнее, чем сейчас. И ведьма, если она была настолько сильной, как гласит молва, своими силами могла сотворить очень многое. Я думаю, она была глубоко несчастна, раз решилась на подобный шаг. А в итоге она ещё и оказалась заперта в замке, не может переродиться и забыть то, что разрушило её жизнь.

— Своим поступком она тоже разрушила много жизней.

— Я слышала версию, что ведьма появилась в замке во времена охоты на ведьм. Что ей довелось пережить? Может, ведьму нельзя простить, но стоит попытаться понять. Ведь её цель была иной. И виновата не только она.

Так сразу понять и принять мнение Доротеи было сложно — требовалось время, чтобы хорошенько всё обдумать, но уже сейчас Камилла была согласна с одной вещью. Да, первую ошибку совершила ведьма, наложив проклятье, но вторая ошибка — за Мастером. Странник не усидел в замке, поэтому ситуация стала хуже. Информация о событиях прошлого и увиденные эпизоды тоже вызывали сомнения, обнажали несостыковки, нарушавшие складность принятого за истину мнения.

«Когда Боргхилль умирала, она улыбалась. И смотрела на Ингрид совсем не как на врага. Она будто что-то знала, что-то поняла. Жаль, я не знаю, есть ли где-то в замке то её воспоминание, которое могло бы рассказать об этом», — с сожалением подумала Камилла.

После этого она вспомнила видение из прошлого, в котором в замок пришла женщина с мёртвым ребёнком. Ками не видела её лица, но могла ли это быть Ингрид? Что с ней случилось? Она пыталась спасти от охоты себя и ребёнка? Если принять эти размышления за правду, то ведьму действительно становилось жаль.

Сложно было заметить, что Дора стала грустнее. Она часто косилась на кольцо Камиллы, старалась взять на себя побольше работы, говорила редко и на отвлечённые темы, пока Дора не захотела поведать рассказ-легенду о цветке. Считалось, что в этом лесу иногда прорастал очень необычный цветок, что отдалённо напоминал лилию. Однако куда красивее, загадочнее, в том числе и потому, что встретить его было большой редкостью. Несмотря на обещанную красоту, самостоятельно найти этот цветок хотели лишь те, кому было нечего терять.

— Этот цветок ещё называют письмом от смерти, словно этим подарком смерть напоминает о себе. И о том, что может явиться в любой момент. Те, кому довелось найти этот цветок, долго после этого не жили.

— Я бы сказала, что это звучит нереалистично, но не в моей ситуации ставить что-то под сомнение. Сейчас я готова допустить существование многих вещей и знаков, которые раньше назвала бы выдумками и совпадениями.

Камилла со вздохом посмотрела на кольцо. Для неё главным подарком смерти было

именно оно. Что изменилось бы, если бы по глупости Ками не надела его? Сделала бы она это по другой причине, либо же это был действительно шанс что-то изменить в своей судьбе? Зачем вообще ведьма давала одной из жертв кольцо, которое забирало жизненные силы? Ведь не только для того, чтобы убить — это можно сделать и другим способом. В этом был какой-то смысл. Ведьма не делала это просто так. И почему она плакала в ту ночь, когда отдала кольцо? И через кого в итоге ведьма следила за всеми?

Да, действительно. Вот ещё один момент, который смущал Камиллу, но она только сейчас вспомнила об этом. Исходя из слов Боргхилль, ведьма наблюдала за ними с самого начала. То есть, ведьма точно узнала о попытках зачаровать статуэтку, однако за это время ничего не предприняла. Она не видела в этом деле помех для себя? Говорило ли это о полной безнадёжности затеи? Или о совершенно иных планах ведьмы?

Какими бы ни были планы, смерть жертвы в них явно входила. Смерть жертвы и пробуждение Мастера. Камилле было страшно не только за себя, но и за Эрланна. Она не знала и не узнает, что произойдёт дальше, но догадывалась, что, став полноценным Мастером, Эрл окончательно потеряет себя. Отчасти, это уже случилось, когда он только пришёл в замок, но Гленда говорила, что иногда в Эрланне проглядывали его прошлые черты. Можно сказать, что он тоже умрёт. Ведь тот, кто будет после — это уже не Эрланн, а древний дух, которого сформировали не последние двадцать два года, а периоды смертей и одиночества.

В конце каждого акта на сцене оставались только двое древних — ведьма и дух. Как изменило их время? Ведь они не могли остаться такими, какими были тринадцать поколений назад. Чем стало для них это противостояние? Как бы они поступили теперь, если бы вернулись в прошлое, в день роковой встречи?

Дора забрала иголку из дрожавших пальцев, и Камилла благодарно кивнула. Тело становилось всё слабее, а мысли — тревожнее. Она и не собиралась постигать планы древних, но очень переживала за ныне живущих. И больше всего — за Эрланна, понимая, что слова о сердце были правдой. То, что он захотел жить, то, что оно забилося, было чудом, но чудом хрупким и недолговечным. Эрл мог казаться равнодушным и отстранённым, но он абсолютно точно не был тем, кто мог спокойно перенести смерть близкого, кто привык к этому. Эрланн в самом деле очень боялся потерь, а потому, не имея надежды на хороший исход, не хотел становиться живее, отвергал свои чувства, свою человеческую сторону.

«То, что мы полюбили друг друга, тоже было предопределено? Судьба всегда приводила в замок тех, кто мог бы сблизиться с Мастером. А судьба ли?»

Почему-то во всём этом сборнике невероятных для простого обывателя событий меньше всего верилось именно в судьбу. Судьба есть набор случайностей, но случайности очень ненадёжны и не могут быть частью проверенного механизма. Значит, была деталь, отвечавшая за появление в замке жертв.

Прощание в конце рабочего дня было совсем не таким, как обычно. Дора крепко обнимала Камиллу и — это было очень заметно — с большим трудом сдерживала слёзы. Она почти ничего не сказала, но выглядела так, словно прощалась навсегда. Стоявшая рядом Ирмелин, пришедшая за сестрой, тоже была печальна. Прежде чем уйти, она что-то шепнула Доре, а та ответила понимающим кивком.

По возвращении в замок Камилла первым делом поспешила к Эрланну. Села рядом, прижалась ухом к груди и слушала, стараясь взять эмоции под контроль. Эрланн был в растерянности, не знал, что сказать, как поступить. Одну руку он положил Камилле на

голову, а второй обхватил за плечи.

— Что-то случилось, Мила? — спросил Эрл с беспокойством.

— Нет, просто... Захотелось побыть с тобой. Соскучилась.

— Всего на день ушла и уже? Не похоже на тебя. Как ты себя чувствуешь?

— Не хуже вчерашнего. Не волнуйся.

Камилла приподнялась, улыбнулась и поцеловала Эрланна в щёку. Удивительно, каким привычным успело стать это действие. Однако привычность проявления чувств ничуть не обесценивала их. Ками легонько провела пальцами по загнутому рогу, по бледной щеке, убрала с лица чёлку, чтобы ничто не мешало смотреть в глаза. Такие добрые и обеспокоенные. Очень красивые. Живые. Оторвать от них взгляд с каждым разом было всё сложнее.

«Если бы только мы переродились свободные от всяких проклятий... Я бы нашла тебя, чтобы снова быть рядом. Как в сказке — долго и счастливо. Быть рядом как обычные люди с обычной жизнью, обычными проблемами. Ведь их уж точно можно преодолеть».

— Знаешь... — медленно заговорила Ками, откинувшись на спинку дивана. — У меня никогда особо не было планов на жизнь. Я никогда не была из тех, кто чётко планирует будущее, кто знает, к чему стремится. Я всегда просто жила, плыла по течению... И всегда казалось, что ещё много времени, чтобы принять какие-то важные решения, чтобы определиться... Наверное, потому что жизнь у меня была спокойная и хорошая. Любящие родители, заботливая сестра, — Ками мечтательно улыбнулась, смотря вверх и сжимая руку Эрла. — И печали, «проблемы» тогда были такие мелкие. Простые. Вроде того, что Ирма очень сильно опекает, не даёт залезать куда попало, панаму носить заставляет... Хотя, конечно, она всё правильно говорила. О, а ещё я часто капризничала из-за того, что летом не могла гулять столько, сколько хотела. Да, это из-за того, что у меня не всегда хорошие отношения с солнцем, но тогда я не хотела этого понимать. Так много глупостей было сделано, но без них жизнь была бы пресной, так что... Если бы я могла вернуться назад, то не изменила бы ничего, что зависело от меня. Ну... По крайней мере ту часть, что была до прихода в замок. А то, что было после... Кто знает, могло ли оно вообще быть иначе?

Камилла замолчала и обхватила себя за плечи. Ей снова было холодно. Не только физически. И одиноко. Даже сейчас, сидя рядом с любимым человеком, она ощущала этот пронизывающий холод одиночества. Но... Именно сейчас нельзя сдаваться и поникать. Нужно собрать остатки сил, улыбнуться, расправить плечи. Принять свою судьбу. И не наполнять последние шаги сожалением.

Тряхнув головой, Ками выпрямилась и уверенно, с улыбкой посмотрела на Эрланна, который хотел снова её обнять, но застыл, удивлённый внезапной переменой. Она сама порывисто обняла его, растрепала волосы и шутливо тыкнула нос.

— Знаешь, у меня нет сожалений, — спокойно, сохраняя улыбку, заговорила Камилла. — Единственное, что меня печалит... Если я уйду, то оставлю вас. Ирму, тебя, своих друзей, которых нашла здесь. Я не хочу вас печалить... И никак не смогу утешить. Может быть, где-то в замке сохранится воспоминание обо мне. А, может, и нет. Воспоминания — это так ненадёжно. Оно всё равно ничего не сможет сделать. Думаю, быть воспоминанием замка — неинтересно. Куда важнее, если меня будете помнить вы.

«Особенно ты. Эрл,охранишь ли ты воспоминания обо мне, став полноценным Мастером? Жить в чужих сердцах не так уж плохо. Гораздо печальнее знать, что, умерев, просто пропадёшь, словно и не жил. Я не великий деятель, чтобы оставлять следы в истории,

я просто хочу, чтобы обо мне помнили близкие».

— Мила... Ты говоришь странные вещи. Почему ты решила заговорить об этом? — с беспокойством уточнил Эрланн. Он определённо не понимал, почему были затронуты такие темы.

— Не знаю, — пожала плечами Ками и усмехнулась. — Просто. У каждого бывает такое время, когда задумываешься о смерти. Просто такое настроение, такой день. Это необязательно что-то значит. Ведь никто не может знать заранее, когда умрёт. Не бери в голову. О, слушай, я тут недавно прочитала...

Камилла почувствовала, что надо сменить тему, поэтому начала делиться впечатлениями о недавно законченной книге. На прошедшей неделе у неё было очень много времени на чтение, потому что на более активную деятельность часто не хватало сил. Однако это тоже было неплохо, ведь в замке нашлось так много интересных книг, что жизни не хватило бы все прочесть. Очевидно, что каждое поколение пополняло библиотеку, а окутывавшие замок чары позволяли её сохранять. В иных обстоятельствах из этого места вышел бы хороший исторический объект. Магический музей, сохранивший в себе следы тринадцати поколений так хорошо, как не сможет обычный музей.

Ужин проходил обычно, отчего на душе было радостно, спокойно и уютно. Если всё как всегда, значит, всё хорошо. Если младшие улыбаются и проказничают, если Эгиль подшучивает над Ирмой, если Фрейя спорит с Мейлиром, а Нора робко и безуспешно пытается это прервать, значит, вечер задался.

Камилла с улыбкой наблюдала за всеми. Как хорошо было видеть, что все тринадцать на своих местах. Никто не потерялся, никто не пострадал. Пока их тринадцать, есть надежда преодолеть любые трудности. Пока их тринадцать, есть вера в предназначение.

Пока их тринадцать.

Глава 31: В два пошёл отсчёт

На следующий день после завтрака Камилла сидела у себя в комнате и листала записную книжку. Между страниц она нашла засушенный цветок, что напоминал лилию и был очень красив даже сейчас. Чтобы сорвать его, она сошла с дороги и потерялась. Потом поссорилась с Эрлом, сильно наглупила. Письмо от смерти, о котором рассказывала Дора. Сейчас Камилла с уверенностью могла сказать, что очередная легенда оказалась правдой.

Этот цветок стал вестником встречи с ведьмой. Вестником обретения кольца. Вестником, что сообщал о невозможности изменить судьбу жертвы. И сегодня она исполнит своё предназначение. Почему-то Камилла была в этом уверена.

Камилла сделала некоторые записи. Эта книжка была подобием дневника, но не о событиях прошедших дней, а о мыслях. Камилла писала сюда то, что думала о замке, о хранителях, о проклятье, о ведьме, о Местере и о жертвах. Всю эволюцию мыслей можно было проследить на этих страницах. Для кого это было? В целом, конечно, для себя. Чтобы лучше формулировать мысли, чтобы не забыть важное, чтобы в итоге найти свой ответ. Сейчас Ками казалось, что она поняла. Не всё — это было выше не только её, но и чьих-либо возможностей. Но кое-что очень важное, что давало ответы на главные для неё вопросы и меняло отношение к ситуации.

Записная книжка была отправлена в ящик стола. Камилла подошла к окну. Сегодня снова был дождь. Такой же сильный, как в день их прибытия, из-за чего мир стал ужасно серым. Подходящий день, подходящая атмосфера для такой серой мыши.

С горькой ухмылкой Камилла снова вспомнила Боргхилль. Она наверняка ушла в яркий, под стать ей самой, день. Захотелось снова посетить её комнату, оказаться ещё раз в реальности своей противоположности. Беглой принцессы, о которой до сих пор помнили и вне замка. Только вряд ли даже самые дотошные историки узнают правду о её пропаже и смерти. Иначе им придётся иметь дело с совсем иными загадками.

Камилла уже привыкла чувствовать слабость, но сейчас та накатила с небывалой силой. На полпути в глазах начало темнеть, а ноги стали ватными и свинцовыми одновременно. Шаркая, Камилла подошла к стене и оперлась на неё плечом. Становилось труднее дышать. Неестественный холод пробирал до костей. Развернувшись, Ками сползла по стенке на пол. Всё, что она сейчас могла — смотреть перед собой и ждать.

Ждать её.

Как полотно бледную женщину в чёрном платье. Образ ведьмы так гармонировал с образом смерти, что хотелось и смеяться, и плакать. Но на это уже не хватит сил. В этом просто нет смысла.

Тихие шаги и шелест ткани. Ведьма опустилась рядом — тихая и печальная. Камилла слабо улыбнулась и сама взяла Ингрид за руки. Перед лицом смерти не было страха, только скорбь, поделенная на двоих. Плечи ведьмы дрогнули от нервного смешка, когда она сжала руки Камиллы. Ласково, осторожно. Словно давая немного сил для прощания.

— Дорогая, твоё время пришло. Не волнуйся, больно не будет, — тихо сказала Ингрид. И в голосе её не было угрозы, только бездонная горечь и сожаление.

— Я чувствовала это. Ждала. Но не думала, что это случится днём.

— Приди я ночью — у тебя не было бы возможности попрощаться с остальными. Я не настолько жестока.

— А успею ли я сейчас?

— Зависит от быстроты нашего наблюдателя. Если он прямо сейчас побежит за остальными, то времени хватит.

Сказав это, Ингрид посмотрела в сторону. Через несколько мгновений послышался удалявшийся топот — кто-то убежал. Камилла даже не успела разглядеть, кто стал свидетелем её встречи с ведьмой, но это пояснила сама Ингрид:

— Лауге. Так что ему точно поверят. И придут. В конце концов, к чему это, если Мастер лично не застанет смерть жертвы? Потерять любимую у себя на руках — отличное потрясение, — ведьма попыталась рассмеяться, но вышло настолько неубедительно, что больше напоминало плачь.

Камилла покачала головой, подняла руку и щёлкнула Ингрид по лбу. Несильно, но осуждающе.

— Можешь не притворяться. Я уже догадалась, кто ты, так что в эту игру не поверю.

— Догадалась? — Ингрид тяжело вздохнула и, кажется, ещё больше поникла. — Что же, тогда у тебя есть ещё больше причин меня ненавидеть. Не только за проклятье, за свою участь, но и за обман, за...

— Нет, — перебила её Камилла, даже палец к губам приставила. — Конечно, нельзя отрицать всё то, что случилось в прошлом, но и перекладывать всю вину на тебя — тоже неправильно. Как и ненавидеть. Да, ты причина моей смерти, но... Я прощаю тебя. — Камилла улыбнулась шире и обняла Ингрид. — Пожалуйста, не вини себя.

Ингрид всхлипнула, отвечая на объятия. Её трясло от сдерживаемых слёз. От необходимости сделать следующий шаг. Ведьма отстранилась и взяла Камиллу за руку, на которой было кольцо. Её собственные руки мелко дрожали, пальцы не слушались.

— Я бы хотела уберечь тебя. Уберечь всех вас. Но у меня нет таких сил. Я должна, — голос Ингрид снова дрогнул, слова прервались всхлипом, — нести смерть. В-всем... Вам...

— Сейчас уже ничего не изменить. Так что... Если так надо... Просто сделай это.

Смотря Камилле глаза, смотря на её слабую, но искреннюю улыбку, Ингрид становилась ещё нерешительнее. На её собственном лице были лишь страдание и отчаяние, так сильно противоречившие образу злодейки. Ингрид несколько раз глубоко вздохнула. Правильно, уже не отступишь. Она медленно стянула с пальца кольцо и вместе с тем поцеловала Камиллу в лоб:

— Покойся с миром, дорогая. Пусть твоя новая жизнь будет долгой и счастливой.

— Я надеюсь, ты тоже найдёшь свой покой, — тоже шёпотом ответила Камилла.

Ведьма поднялась и тихо исчезла, словно растворилась.

Очень скоро можно было услышать шаги. Много-много быстрых шагов. Все спешили к этому месту. Ведьма не обманула — они успеют попрощаться. Ками тихо-тихо усмехнулась и открыла глаза, посмотрела на пришедших.

Эрланн бросился вперёд, к ней. Упал рядом на колени. Одного взгляда на руку хватило, чтобы всё понять. Происходящее казалось нереальным. Разум отказывался верить глазам. Принимать правду. Голова была пуста, а любые слова застряли в пересохшем горле. Только глаза горели от подступавших слёз. Эрл смотрел на Камиллу и видел, как угасала в ней жизнь. Как исчезали те крохи сил, которые не забрало проклятое кольцо.

Ками с трудом подняла руку и провела ею по щеке, растирая влагу. Эрланн вздрогнул, схватил и прижал к груди Камиллу. Она умиротворённо улыбнулась, услышав, что сердце любимого всё ещё бьётся. Умереть под этот звук было неплохой перспективой. Милым

самообманом.

— Эрл... — Ками немного подтянулась и оставила лёгкий поцелуй на дрожащих губах. — Я люблю тебя. Я так... Рада, что встретила... Всех вас. Простите... Что ухажу так... Рано. Но в этом... Никто... Не виноват.

— Мила... — отчаянно прошептал Эрл, крепче прижимая Камиллу. — Мила... Почему это должно было случиться? Именно тогда, когда у нас появился шанс... Ты всё равно... Почему...

Камилла ничего не ответила. На ум просто не шло подходящих слов. Их не было. Разве что...

— До встречи.

Она закрыла глаза. Их сердца совершали последние удары. Слабые, как тиканье часов.

Бон-н.

Бон-н.

Два удара, что разнеслись по всему замку, ознаменовали конец. В руках Эрланна осталась лишь пустота, а на стене появился портрет.

— Два часа, — тихо сказала Мейнир.

И в тот же момент все хранители упали на колени, в раз ослабев. Мастер пробудился окончательно. Он встал и посмотрел на стену мёртвым равнодушным взглядом. Посмотрел на хранителей, которые пытались прийти в себя после резко угасших сил — для их тел это был ощутимый стресс. Сейчас из-за случившегося все были сломлены и морально, и физически.

Кроме, пожалуй, Мастера. Хенбетестира. Потеряв столько близких, о всех смертях которых он теперь помнил, прожив столько лет в одиночестве, когда до следующего круга перерождений в замке оставался только он, он почти потерял способность чувствовать. Тяжесть и боль, которые он ещё ощущал, были всего лишь отголосками Эрланна. Того «я», что так мало просуществовало на стыке сущностей Мастера и человека.

Мастер почти прошёл мимо, но заметил бессознательное тельце, которое придерживал Лауге. Похоже, такое сильное подавление осколка для тела Гленды оказалось слишком большим шоком. Чувств, может, почти не осталось, но долг Управляющего требовал всё же заботиться о хранителях. Мастер поднял Гленду на руки и понёс в комнату — пусть лучше приходит в сознание на кровати, вредно на каменном полу лежать. Лауге, поднявшись первым, ушёл следом.

И всем остальным пора было расходиться. Что толку стоять в коридоре? Для осознания произошедшего требовалось гораздо больше времени.

Мейлир подобрал трость, встал сам и помог подняться Мейнир. Почти заставил её сделать это, потому что сейчас она выглядела безвольной оболочкой. Фрейя стала опорой для разрыдавшейся Элеоноры. Посмотрев на вцепившихся друг в друга близняшек, их она тоже позвала с собой. За ними тихо последовал Исаак — он бы, может, предпочёл побыть один, но не хотел оставлять Сюзанну. Эгиль подошёл к Ирмелин, которая растирала по щекам слёзы в стороне, отдалившись ото всех.

Да, только трое смогли сохранить самообладание. Больше для вида — чувствуя ответственность за тех, кто слабее, уязвимее, чувствительнее. Чувствуя, что в горе кто-то обязан стать плечом, на которое можно опереться, в которое можно расплакаться. Даже если самим тяжело до сдержанного воя, даже если собственные руки опускаются, а мысли превратились в свинцовую кашу.

Когда Мейлир вернулся в комнату, первым делом обратил внимание на часы, чтобы подтвердить ожидания. Да, теперь они показывали два часа. Как и сказала Мейнир. Как было предсказано в записке, оставленной в этих же часах.

Он посадил Мейнир на кровать и сел рядом. Снял перчатки, погладил холодные синеватые пальцы, заглянул в потухшие глаза цвета лилово-оранжевого заката. На вид Мейнир была не живее Мастера, но Мейлир слишком хорошо её знал. И потому понимал, что её скорбь непостижимо сильна. Вечная скорбь, что усилилась в этот момент. Чем тяжелее было на сердце у Мейнир, тем меньше она могла выражать. И застывшее, словно у манекена, выражение для Мейлира было невероятно красноречиво. Верный признак полнейшего хаоса в душе.

Обняв Мейнир, он попытался поделиться с ней собственными силами. Теперь делать это стало гораздо сложнее — так сильно Мастер влиял на осколки. Хранители не лишились полностью способностей, которые давали осколки, однако те стали ощутимо слабее. Точнее, стало труднее их применять, силы хуже растекались по телу, достигали цели.

Но сейчас это было неважно. Потому что Мейлир хотел только одного — помочь Мейнир, вдохнуть в неё жизнь, даже если это тяжело, если сопротивлявшийся осколок давил на сердце. Той, кто отдала себя скорби, сейчас было намного тяжелее.

Мейлир молча обнимал её и наполнял своим теплом до тех пор, пока Мейнир не обняла его в ответ, не вцепилась в спину ещё слабыми пальцами, не прижалась сильнее, чуть слышно скуля. Большого от Мейнир ждать не следовало, но даже эти действия принесли Мейлиру облегчение. Он хотя бы смог вывести её из апатии. Ведь даже если заглушить осколок, душа Мейнир от тоски убивала сама себя. От древней тоски, порождённой бессилием и грузом вины, усиленной пробуждением памяти о далёких временах.

С тяжёлым вздохом Мейлир посмотрел перед собой поверх головы Мейнир. Кажется, сегодня он не сможет уснуть — стоило закрыть глаза, как в голове тут же вырисовывался образ, в котором Мейнир точно так же умирает у него на руках. Мейлир готов был отдать всю свою жизнь, только бы этого не случилось.

Фрейя была как никогда растеряна, понятия не имея, что делать с шокированными детьми и Норой, которая из-за невероятно чувствительной натуры, кажется, собиралась плакать до тех пор, пока не уснёт, растратив все силы. Фрейя позвала близняшек с собой, потому что беспокоилась о них, понимала, что детей нельзя оставлять одних. Хотя сама она предпочла бы побыть одна некоторое время, не беспокоясь о необходимости сохранять внешнее спокойствие. Ушла бы в лес, несмотря на ливень, чтобы охладить голову, привести в порядок мысли, выровнять чувства. Но вместо этого сидела со всеми у себя на кровати.

— И что мне с вами делать? — тихо спросила себя Фрейя.

С одной стороны в её руку мёртвой хваткой вцепилась Нора. Мало того, что она сама по себе была той ещё плаксой, так ещё и способность к состраданию, пусть даже ослабленная, приняла на себя за раз слишком много чужой боли. Поэтому Элеонора сейчас была в состоянии абсолютного несостояния. Её трясло, она заикалась, но волнообразные приступы рыданий захлёстывали её с новой силой. Фрейя понимала, что бесполезно пытаться успокоить Нору, и надеялась только на то, что ей станет немного легче после пробуждения. Что не случится второго такого же сильного захода.

С другой стороны были дети. Дикра, подобно Элеоноре, прижалась к Сюзанне. Нс

всхлипы малышки стали тише, она уже начала засыпать. То ли силы закончились, то ли песня Сюзанны помогла. Да, Сью, как всегда, успокаивала сестру пением, несмотря на то, что у самой по щекам катились слёзы, а голос то и дело срывался. Со спины её обнимал сильно притихший Исаак. У него было очень странное выражение лица — застывшая, неестественная улыбка. Это выглядело жутко, неуместно, но стоило вспомнить, что хранитель лжи бывал обманщиком даже по части своих чувств. У Фрейи было достаточно времени, чтобы присмотреться и заметить бегающий взгляд Исаака и внезапные подрагивания.

Фрейя тихо вздохнула и свободной рукой погладила хранителя по голове. Вышло, наверное, грубовато, но обращённый к ней взгляд был полон мольбы и благодарности, так что Фрейя решила не убирать руку. Этот ребёнок просто не мог попросить о поддержке иначе.

— Что же делать... Вот уж не знаю. Но оставить вас точно не могу.

После того, как Мастер отнёс Гленду и оставил в её кровати, он просто ушёл к себе. В чём смысл сидеть с бессознательной девчонкой? Нельзя сказать, что он не чувствовал по отношению к хранительнице вообще ничего — малая часть души хотела уберечь, защитить малышку, как последнюю оставшуюся ценность. Однако сейчас его присутствие не имело смысла.

А вот Лауге остался. Растерянный, потерянный, первый выбитый происходящим из колеи. Страх захватил его в момент встречи с ведьмой — естественный страх всех хранителей перед той, кому они не могли противостоять. Да, ему оставалось только убежать. Лауге не помнил, как нашёл остальных, как сбивчиво и сумбурно объяснил увиденное, надеясь, что его поймут, как отвёл туда, где, конечно, уже не было ведьмы. Была только смерть, которую больше не отсрочить. В этот момент Лауге уже был на грани, слыша мир словно через слой ваты, видя — через толстое стекло. Но потерявшая сознание Гленда его добила. Он не осознавал, что делал. Действовал на автомате. Подхватил, чтобы не ударилась. Держал, не позволяя разлечься на полу. Пошёл следом, чтобы иметь возможность видеть, как она.

Что произошло? Лауге накрыл ладошку Гленды своими, всмотрелся в умиротворённое лицо. Действительно ли она просто не выдержала стресса морального и физического, либо же подавление осколка радикально сказалось на её самочувствии? Конечно, Лауге знал, что чем дальше, тем больше жизнь Гленды фактически держалась на осколке. Совсем недавно она могла спокойно бегать по замку, резвиться в саду, поделиться с каждым своим светом. А что будет с ней после пробуждения? Не будет ли она вынуждена проводить большую часть времени в кровати?

Мысли Лауге метались между осознанием смерти и беспокойством о будущем. Он сжался, склонился к коленям, прижавшись лбом к тонким пальцам, что сейчас казались совсем слабыми, хрупкими. Готовыми в любой момент потянуться к смерти. Сквозь сжатые зубы всё же вырвался стон. Лауге слишком хорошо знал правду, о которой не мог рассказать.

Смерть. Она всегда была гораздо ближе, чем всем им казалось. Она просто терпеливо ждала, не обманываясь надеждами. И теперь можно было не сомневаться, хранители шли со смертью под руку. Чья-то прогулка будет длиннее, чья-то — короче, но теперь всё вернулось на известный маршрут. Ведьма открыто заявила о себе. Пробудила Мастера и сама обрела полностью силы. Теперь не было смысла бояться ночи — только замок становился тогда

немного опаснее. Теперь можно было бояться всегда. Потому что это Мастер теперь мог спокойно уйти, а хранители всё так же неспособны покинуть замок надолго. Замок, в котором ведьма, можно сказать, всеильна.

Ведьма могла управлять окружением. Перемещаться сквозь стены, тем самым неожиданно появляясь в любых местах. Потому что, связанная душой, ведьма была частью замка. Была под защитой замка. Хранители не могли ей противопоставить абсолютно ничего. И только ожидать, когда за ними придут. Но их смерть будет куда менее мирной и безболезненной.

Эгиль помог Ирмелин дойти до её комнаты. Сама она даже с пола вряд ли смогла бы подняться. Да, её не подкосило пробуждение Мастера, ей было достаточно смерти сестры. Последнего родного человека. Они росли вместе. Всегда были очень близки. Поддерживали друг друга, особенно после смерти родителей. Уверенность в том, что кто-то всегда будет рядом, на твоей стороне, поймёт и поддержит, давала силы принимать любые превратности судьбы. Но этому пришёл конец.

Сквозь слёзы Ирмелин посмотрела на дверь, словно надеясь, что та откроется, и на пороге окажется Камилла. Растрёпанная после сна, с пятном от подушки на щеке и шальной улыбкой человека, который ещё не полностью осознал, проснувшись, где он и что он. Она больше не придёт. И Ирме больше не надо стучаться в соседнюю комнату утром, а потом со вздохом заходить, чтобы растормошить эту соню. Некого торопить, чтобы успеть на работу. Камилла больше не заглянет внезапно в обед. Её больше не нужно встречать вечером. И, шутя, делать замечание на кухне, чтобы не перебивала аппетит перекусами. Не с кем больше вспомнить дни в Лиоле, погрузиться о покинутом доме.

Больше нет Камиллы. Больше нет сестры. Это казалось таким неправильным. Невозможным. Казалось, что на следующий день всё будет как раньше. Их будет тринадцать. Они будут вместе. Смерть окажется просто дурным сном. Ужасным, но всё-таки сном.

Ирма прижалась к Эгилю. Ей нужно было чувствовать кого-то тёплого. Живого. Настоящего. Ей нужно было понять, что она ещё не совсем одна.

— Ками... Дорогая... Я так не хочу оставаться здесь без тебя...

Но никакими мольбами не изменить того, что тринадцать их уже не будет никогда.

Глава 32: Когда пройдена грань

Смерть Камиллы в самом деле стала той гранью, которая поделила всё на «до» и «после». Ощутимо изменилась не только атмосфера, но и состояние хранителей. То были странные и противоречивые изменения: с одной стороны, да, они стали слабее, но, с другой, у хранителей сильно ослабли человеческие потребности. Еда и сон были теперь не столько надобностью, сколько привычкой. Это пугало, дезориентировало и угнетало. Ещё хранителям было неуютно в присутствии Мастера, потому что он выглядел как тот, кого они знали, с кем даже успели подружиться, но на самом деле это был кто-то совсем другой. Молчаливый, холодный, чужой.

С появлением в комнате Мастера затихали разговоры, сменяясь неловким переглядыванием. Дикра начинала прятаться за Сюзанну, по Элеоноре было видно, что она боялась даже пошевелиться, а близнецы отводили взгляд, словно были в чём-то виноваты. Однако, казалось, Мастера такая реакция на его появление ничуть не волновала. Он почти не проявлял эмоций, не инициировал разговор, а заговорить с ним никто не решался. Одни надеялись мысленно, что это сделает кто-то другой, другие не видели в этом смысла.

Подсознательно все надеялись на Гленду, но она до сих пор не пришла в сознание, хотя прошло уже четыре дня. Это только добавляло беспокойства. Хранители и без того бессильны перед ведьмой, а бессознательная Гленда была наиболее уязвима. Никто не знал, каков окажется следующий ход ведьмы, но... Она ведь должна ещё избавиться от второй жертвы? Только вот не было никаких подсказок о том, что могло предвещать вторую смерть. Жертва просто тоже однажды умирала.

Ирмелин сейчас меньше всего походила на человека, который хотел жить. И больше всего напоминала ту, которая уже ждала своей очереди. Ирмелин часто приходила к портрету Камиллы и тихо о чём-то говорила, словно пыталась вести с покойницей беседу. А на ближайшем окне она оставила вазу с букетом из жёлтых цветов — Ками часто ставила такие в своей комнате. Чтобы они заменяли солнце.

Вечером пятого дня Гленда очнулась. Она долгое время просто лежала, уставившись в потолок. Пыталась понять, произошло ли всё на самом деле, либо же только приснилось. Все ощущения подсказывали, что это не было сном. Гленда осторожно приняла сидячее положение — давно она не ощущала себя столь немощной. Стоило об этом подумать, как на белом одеяле расцвели красные пятна. Тихо ахнув, Гленда спешно нашарила на прикроватном столике платок и зажала им нос.

«Прямо как в детстве», — горько отметила она и приподняла подушку, чтобы опереться на ту спиной.

Встать Гленда даже не пыталась — очень велик шанс быстро оказаться на полу. Оставалось только сидеть и ждать, когда хотя бы прекратится кровотечение. Да, это очень напоминало моменты из детства, но тогда рядом часто оказывалась мама. Или брат. С ними было не так страшно. Они всегда подбадривали, отвлекали разговорами или книгами от мыслей о болезни, которая никогда не отступит, не позволит жить полной жизнью. Просто не позволит жить рано — без всякого «или поздно». Надежд давно не было ни на медицину, ни на магию, но все бессознательно продолжали на что-то надеяться. Видимо, на чудо.

Дверь тихо открылась. В комнату вошли Мейлир и Элеонора. Заметив, что Гленда в сознании, они поздоровались с улыбкой и явным облегчением в голосе. Малышка

приветливо улыбнулась в ответ и помахала свободной рукой — не хотелось выглядеть поникшей перед другими, пусть даже окровавленный платок не позволял в полной мере сделать вид, что всё хорошо.

— Рада вас видеть. Я долго спала?

Хранители сели рядом на кровать. Взгляд Мейлира был полон доброжелательного спокойствия, а вот Элеонора выглядела явно встревоженной, из-за чего Гленде стало немного неловко. Конечно, даже сейчас у неё не было шансов скрыть от Норы, что на душе тревога и кошки скребут. Очень жаль, ведь правда не хотелось так сильно беспокоить.

— Пятый день сегодня шёл, — ответил Мейлир и аккуратно обхватил руками лицо Гленды.

Она почувствовала, как от рук начало распространяться по телу приятное тепло. Хотелось остановить Мейлира, сказать, что не стоит тратить на неё силы — бесполезно, от одного взгляда глаза в глаза решимость исчезла. Иногда вид Мейлира вызывал подсознательный трепет, словно он был не таким же хранителем, а очень важным и влиятельным человеком. Предводителем. Королём. Хотя, конечно, такого титула Мейлир точно не имел до прихода в замок.

Элеонора сохраняла молчание, но держала за руку. И на сердце постепенно становилось легче. Через пару минут Гленда чувствовала себя гораздо лучше, чем после пробуждения. Вскоре Мейлир убрал от её лица платок, отложил его в сторону, достал свой и стёр оставшиеся следы крови.

— Скажите... Всё ведь произошло на самом деле? — робко спросила Гленда.

Даже зная ответ, она всё равно хотела убедиться. Всё равно сохраняла надежду даже тогда, когда не было ни единого шанса.

— Как ни прискорбно, но да, — кивнул Мейлир. — Знаешь, нас всех очень подкосило случившееся, можно сказать, что блокировка осколков подкосила нас в прямом смысле. Однако для твоего тела это оказалось слишком, все эти дни оно пыталось адаптироваться к новому состоянию. Насколько я могу судить, тебе скоро станет лучше. Не хочется так говорить, но... — он затих, поджав губы и явно желая отвести взгляд. — Но до прежнего состояния ты, скорее всего, уже не восстановишься.

— Понимаю. Думаю, я уже года четыре живу только за счёт осколка.

— Именно так это выглядит. Впрочем, если не блокировать его ещё сильнее, то твоё состояние должно быть стабильным и приемлемым, насколько я могу судить по отклику. Проводить дни в кровати тебе точно не придётся.

— Очень рада это слышать! — воскликнула Гленда, искренне обрадованная такой новостью.

Мейлир ещё раз убедился, что Гленде стало лучше, извинился и ушёл. Как только он закрыл дверь, Элеонора захватила Гленду в объятия. Такие мягкие и уютные, что хотелось только блаженно улыбаться. Её пушистые розоватые волосы щекотали нос, из-за чего малышка забавно скривилась и заёрзала, но от этого волосы только начали лезть ещё и в рот. Элеонора отпустила Гленду и дотянулась до расчёски, чтобы помочь заплестись.

В процессе причёсывания Нора рассказала о последних днях. Никаких значимых событий не было, поэтому она просто поведала, кто чем занимался, как себя чувствовал. С особой нерешительностью и дрожью в голосе Элеонора говорила о Мастере. Гленда хорошо понимала чувства остальных, потому как пережила подобное, когда пришла в замок. И, конечно, не могла осуждать за то, что Мастера очевидно сторонились, хотя считала такое

поведение неправильным. Очень захотелось самой встретиться с Мастером. Увидеть изменения своими глазами.

— В-вот, готово, — сказала Элеонора, завязав вторую косичку. — Знаю, т-тебе сейчас не х-хочется есть, но в-всё же н-н-надо. Прин-нести тебе еду? Или х-хочешь, чтобы я п-проводила тебя на кухню?

— Я бы очень хотела пройтись, если это тебя не затруднит.

Элеонора кивнула и помогла Гленде одеться, отметив, что у той все платяица очень милые, на что Гленда сказала, что просто очень любит шить, поэтому сама над всеми поработала. Не только же куклам милые одёжки носить.

На выходе из комнаты они встретила Фрейю — та стояла, привалившись к стене и скрестив на груди руки. Заметив удивлённые взгляды, она пояснила, что Мейлир сказал подойти сюда, чтобы одна малышка точно смогла дойти до кухни. Фрейя была рада видеть Гленду бодрой и уже в неплохом здравии — хоть одно хорошее событие за последние дни. Гленда же просто была рада, что кто-то рядом.

На кухню они прошли через столовую, и Гленда заметила, что стульев вокруг стола стало двенадцать — один отставили к столику в углу, на котором обычно располагалась ваза с фруктами. Тринадцатое место опустело навсегда, а рядом с Мастером осталась одна лишь Гленда. Хотя в последние дни он был и вовсе один, если вообще приходил в столовую. Все места однажды опустеют, а вместе с тем, вероятно, и эта часть замка. Когда останется только Мастер, у него точно не будет причин сюда приходить.

Гленда сжала губы и сглотнула. Она уже давно приняла собственную смерть, насколько это возможно. Неизбежную и раннюю при любом раскладе. Но осознание чужой смерти плотным комом застряло в горле, сдавило грудь. Застыв возле стола, Гленда вцепилась дрожащими пальцами в подол. У них нет надежды.

«Нет, не думай об этом. Не сейчас. Нельзя, чтобы увидели. Нельзя нагнетать. Они же наверное, только начали отходить. Не надо угнетать никого своим запоздавшим осознанием», — попыталась она успокоить себя, пока ещё не стали влажными глаза и не начало щипать нос.

В самом деле Гленда не считала чем-то зазорным проявлять отрицательные эмоции, не осуждала за это других, понимала, что у каждого есть право быть грустным и делиться переживаниями с другими. Только вот одного понимания мало, ведь такие действия противоречили её сути. Как не мог быть честен Исаак, как не мог врать Лауге, как не могла повзрослеть Дикра, а Элеонора — перестать беспокоиться, так и Гленда не должна была сообщать своим видом другим, что надежды нет. Иногда это противоречие между ролью хранителя и чувствами разрывало так сильно, что причиняло физическую боль. Так было со всеми хранителями. Так было сейчас, когда казалось, что осколок впился гранями в сердце.

Тёплые ласковые руки легли на плечи, заставив вздрогнуть. Обернувшись, Гленда снова оказалась в объятиях Норы. Милая, робкая, добрая Нора. В её силах было ведь не только забирать чужую боль, но и вселять в души смятение, пробуждать в них сочувствие, чтобы разделить с другими то, что свалилось на её плечи. Она всегда использовала только первое, оправдывая своё имя.

Вскоре Гленде полегчало, и они дошли-таки до кухни, где уже ждала Фрейя, а Сюзанна готовила кашу. Никто не спросил, почему они задержались. Сюю только слабо улыбнулась и порадовалась, что Гленда наконец проснулась. А Фрейя качалась на стуле с видом человека, который мыслями отнюдь не здесь.

На обратном пути они встретили Мастера, который тоже возвращался к себе. Заметив его, Элеонора тут же схватила за руку Фрейю и словно попыталась спрятаться, сама же Фрейя внешне никак не отреагировала, не изменилась в лице, но начала поглаживать кисть Норы большим пальцем, успокаивая, напоминая, что она рядом.

Гленда же, не осознавая своих действий, подбежала к Мастеру, как раньше подбегала к Эрлу, чтобы обнять. Просто так, без особой причины. Но сейчас, одумавшись, она застыла на расстоянии пары шагов и растерянно посмотрела на Мастера. Когда она побежала, он остановился, но больше никак не отреагировал. Просто смотрел, но на лице — ни единой эмоции. Гленда нервно дёрнулась, спрятала руки за спину, открыла рот в попытке что-то сказать. Слова не шли в голову. Она сделала шаг назад, не зная, куда деться, куда смотреть, как себя вести. Такое знакомое состояние. Да, в то утро было что-то похожее, только сейчас оказалось страшнее.

— Эр... Ох, эм... Я... Прости... — промямлила Гленда, совсем растерявшись. — Простите за беспокойство! — не выдержав напряжения, воскликнула она, пробегая мимо Мастера в комнату.

Закрыв дверь, Гленда прижала руку к груди. Сердце бешено стучало, её трясло. От полного осознания, что теперь это не Освальд, даже не Эрланн, а совсем-совсем чужой человек. Дух. От того, как глупо она повела себя перед незнакомцем. От того, что в своей реакции она была ничем не лучше остальных, за что тут же начала себя осуждать. Она не должна показывать такие эмоции кому-либо. Недопустимо. Ужасно.

«Но ведь Элеонора всё равно бы всё почувствовала... Мне просто надо поскорее взять себя в руки», — попыталась утешить сама себя Гленда.

Успокоиться точно стоило, не ровен час снова кровь пойдёт. Гленда не знала, в каком состоянии стабилизируется теперь, но проверять свои пределы не хотелось. Надо было отвлечь себя делом. Гленда подошла к письменному столу и достала книгу — из-за потери сознания она не сделала записей о случившемся. Конечно, занятие было довольно бесполезным, история этого поколения никому ничем не поможет, но польза была для Гленды. Сосредоточившись на деле, она могла отвлечься от собственных переживаний, упорядочить мысли.

Ночью Гленде совсем не спалось. Связанно это было и с тем, что хранителям теперь гораздо меньше требовался сон, и с тем, что она спала несколько дней подряд. Можно было найти занятие и в комнате, но всё же была одна вещь, которая не давала покоя. Некрасиво и неправильно повела она себя перед Мастером. Да, он выглядел так, словно ему всё равно, но вот Гленде всё равно не было. И она не могла всё так оставить. Ни в коем случае!

Гленда вскочила из-за стола. Да, сейчас ночь, но уж попасть в соседнюю комнату без происшествий она сможет. Гленда знала, что духи не спят, только если надо восстановить магические силы. До сих пор сон был прихотью оставшейся человеческой составляющей. Так что сейчас Мастер с наибольшей вероятностью бодрствовал — нет поводов откладывать разговор.

Вежливости ради она постучала в дверь, изначально не надеясь на ответ. Гленда тихонько зашла. Мастер сидел в кресле и листал альбом с эскизами кукол. Бегло глянув на ночную гостью, он вернулся к своему занятию. Гленде от такого «приветствия» захотелось сбежать, но раз пришла, то будь добра, доведи дело до конца. Хотя бы попытайся. Ведь если не прогнали, то всё уже не так уж плохо. Есть надежда наладить контакт.

— Я не помешаю, если останусь? — уточнила она.

Мастер кивнул, поэтому Гленда подошла и села на диван, на тот край, что был ближе к креслу. Кажется, когда Мастер снова посмотрел на неё, во взгляде его промелькнула искра интереса.

— Не обессудьте за столь поздний визит, я просто подумала, что в нашем случае время суток роли особо не играет. Я пришла извиниться за то, как повела себя при встрече. Извините, что так бросилась к вам. Привычка сказалась. И что так убежала после этого. Этим было некрасиво с моей стороны.

Начав говорить, Гленда пыталась смотреть Мастеру в глаза, но под конец уже бегала взглядом по давно изученной обивке дивана. Осознав свои действия, Гленда снова подняла взгляд. Мастер тем временем уже отложил альбом на кофейный столик, тем самым обратив всё своё внимание на хранительницу.

— Ты странная, — отметил он, склонив голову к плечу.

— Хех, да, такое мне уже говорили. Но я бы не смогла успокоиться, если бы не извинилась. И... Если честно, я бы хотела с вами поговорить. То есть, в плане... Просто пообщаться. Мы ведь вас толком не знаем, и было бы неправильно всё так и оставить. На самом деле мы ведь не чужие. Просто надо попытаться узнать друг друга. Я могу быть не права, но мне кажется, что вы не против этого.

— И забавная... — Мастер усмехнулся и слабо улыбнулся. — Ты права. Правда, у меня остались некоторые знания о вас, но не то, что касалось бы отношений между вами и... Хм... Моим предшественником.

— Значит, снова... — Гленда не смогла сдержать вздох разочарования. — Полагаю, вы знаете, как нас зовут, кто где живёт, какие осколки хранит и всякое такое. Но не отношения. Понятно. Хорошо.

— Вижу, мои слова расстроили тебя сильнее, чем я предполагал. Нас связывало что-то особенное?

— Просто, я... Вы... Понимаете, в этом поколении... Тот ребёнок, в которого вы вселились на этот раз, был моим старшим братом. Так что, да, в некотором смысле — связывало. Поэтому моя первая реакция была такой странной. Я привыкла проводить с братом много времени, подбежать к нему для меня было само собой разумеющимся.

— Вот оно как. Извини, но я не помню ничего такого.

— Понимаю, — кивнула Гленда, заставив себя улыбнуться. — Так уже было. Эрланн тоже обо мне забыл, просто поверил и принял. Я была бы рада продолжать быть рядом с вами, но не буду навязываться, если вы против.

— Я не против, Гленда. Не против ни твоего общества, ни чьего-либо ещё, просто не хочу, чтобы вы принимали меня через силу. К тому же, не думаю, что наше знакомство будет долгим.

Гленда правильно поняла намёк Мастера. Да, однажды ведьма доберётся и до хранителей. Лишние связи, лишняя привязанность только помешают Мастеру, ведь смерть сожителей перенести легче, чем смерть приятелей, друзей. Но лучше ли быть одиноким даже сейчас? Осознавать, что твоё появление является причиной неловкого молчания? Видеть в глазах окружающих страх и равнодушие?

— Даже если недолго, я хочу быть с вами, хочу узнать вас. И не хочу, чтобы вы были одиноки, пока мы рядом.

— У всех хранителей надежды было что-то общее, но ты больше всех похожа на неё.

— На кого?

— На одну волшебницу, которую я встретил во время странствий. Задолго до встречи с ведьмой.

Заинтересовавшись, Гленда попросила Мастера рассказать о его жизни «до». Он не был против, однако предупредил, что по прошествии стольких лет и из-за повреждённой сферы воспоминания его сильно размыты. Это даже воспоминаниями назвать нельзя было, скорее сгустки образов и впечатлений, которые стали немного живее после встречи с нынешним поколением.

Во время странствий Мастер встретил очень много людей и магов, но некоторые произвели на него особенно сильное впечатление. Только вот сейчас почти невозможно было вспомнить больше. В памяти сохранились только смутные отголоски тех впечатлений и, что странно, имена. Если говорить точнее, то именно из-за хранителей Мастер вспомнил их — он понял, что хранителей зовут так же, как тех, с кем он был знаком. И это было бы нормально, ведь ни одно имя не было уникальным, но Мастер был уверен, что образы хранителей и знакомых, которые разделяли одно имя, перекликались.

Так, например, Мастер был уверен, что встречал в прошлом очень белую и очень добрую волшебницу, которая тоже была Глендой. Она жила ради того, чтобы дарить другим радость и надежду. Мастер не мог вспомнить ни её внешность, ни её историю, но всё равно в нынешней Гленде видел отголосок той волшебницы. А вот Элеонора была похожа на целительницу. Та, конечно, не была настолько робкой, но отличалась редкой сострадательностью. Сюзанна напоминала дочку пекаря, которая была не по годам ответственная и заботливая. Лауге явно походил на одного юношу, который очень сильно хотел узнать правду о чём-то. Да, все хранители постепенно воскрешали образы, чего Мастер не замечал раньше.

— Возможно, мой рассказ был несколько путанным, но без сферы у меня нет никакого шанса полноценно вернуть воспоминания. Такова суть духов.

— Да, я понимаю. Я читала ту серую книгу.

— Я удивлён, она ведь довольно скучная. Но иначе о духах и не расскажешь.

— Не отрицаю, было непросто, зато полезно. Так я могла хоть чем-то помочь...

Смотря на Гленду, Мастер снова улыбнулся. На этот раз более открыто. Гленде было очень приятно наблюдать такую реакцию — верный признак того, что затея оказалась не напрасной. Они ещё немного поговорили, а перед уходом Гленда сказала, что постарается приходить каждый день, чтобы вести беседы за чашкой чая. Без какой-то особой цели. Просто чтобы хотя бы сейчас Мастер был не так одинок. Надежда ведь уходит последней.

Глава 33: Девушка из пекарни

Сложно заставить себя спать, когда ненужно и не хочется, однако бодрствование никак не давало отвлечься от реальности. Сюзанне редко удавалось уснуть, но она каждую ночь усыпляла Дикру — для такого у неё ещё хватало сил. Эта ночь отличалась от предыдущих. Дикру даже не пришлось усыплять — она ровно засопела почти сразу после того, как оказалась в кровати.

Уложив сестру, Сью поняла, что и сама очень хочет спать. Настолько сильно, что сон пришёл, как только она устроилась в своей кровати. До странного реалистичный сон, о котором Сюзанна знала лишь одно — он закончится только когда произойдёт определённое событие. Когда она что-то найдёт. Точнее, когда найдёт та, от чьего лица был сон, ведь сама Сью не имела над ним никакой власти. Ах, и ещё, хотя героиня сна определённо была кем-то другим, её тоже звали Сюзанной.

Прекрасное солнечное утро. Утро всегда прекрасное, если оно наступает. Сюзанна была на ногах спозаранку, ведь надо быть готовой к открытию пекарни. Сегодня её очередь стоять за прилавком, но в первых приготовлениях Сью всё равно принимала участие — уж очень сильно ей нравилось это дело. Их семейное дело.

Семья Сюзанны уже не одно поколение владела пекарней и имела хорошую репутацию, пусть и омрачённую слегка подозрительным отношением ко внешности, которая выделяла Сюзанну, её братьев и сестёр, отца, его мать и далее вглубь семейного древа. Все они были очень светлыми, особенно волосы — почти белые, но с яркими выразительными глазами. Ходил слух, что их род брал начало от самой священной птицы, да только не давало это семье никаких особых способностей. Лишь обострённую заботливость и доброту ко всему живому. И оптимизм. Впрочем, так думали окружающие, тогда как потомки птицы считали такой взгляд на мир настоящим даром. Видеть прекрасное во всём, ценить жизнь, несмотря ни на что, упорно сохранять веру в лучшее — это очень важное и очень ценное умение. Это именно то, что могла дать птица своим потомкам, что она хотела дать всему миру.

Сюзанна вышла в зал, чтобы отпереть двери. Для первых посетителей ещё было рановато, но только если говорить о людях. У двери уже выжидала кошка. Брюхатая и очень голодная. Она мякнула и с громким урчанием начала отираться о ноги. Сюзанна улыбнулась и повела кошку к углу булочной, в руках у неё были мясные и рыбные обрезки и мисочка с водой.

— Кушай, моя хорошая, кушай, и у тебя родятся замечательные здоровые котятка, — проворковала Сью, сидя на корточках рядом с кошкой и наблюдая за ней.

Кошка благодарно боднула ногу и продолжила есть. Сюзанна, поднимаясь, чуть не столкнулась с незаметно оказавшимся рядом мужчиной. По одежде было видно, что он не местный, странник. Серые волосы до плеч, но лицо не старое, хотя возраст по нему угадать было нельзя, золотистые глаза с вертикальными зрачками, голубой рог — очевидно, что незнакомец маг. Охота уже прошла, но к магам до сих пор относились с большим недоверием, что, впрочем, не распространялось на Сюзанну и её семью.

— Доброе утро, — приветливо поздоровалась Сью и между делом отряхнула юбку. — Столь раннее время, а вы уже в пути?

— Доброе утро, водяная лилия. Я шёл к вам — не хотелось своим видом смутить

основных посетителей.

Незнакомец тоже улыбался и выглядел очень доброжелательным. И сразу располагал к себе. Смотря ему в глаза, Сюзанна чувствовала себя так, словно была давно с ним знакома, словно ей обязательно нужно поговорить со странником и рассказать то, что тревожило душу, но чем она не могла ни с кем поделиться.

— Ох, я надеюсь, вы не прождали долго. Я не ждала никого так рано, поэтому отвлеклась на кошку... — смущённо пробормотала Сью, возвращаясь в пекарню вместе с незнакомцем. Порыв ветра убрал волосы, которые отчасти прикрывали его лицо, тем самым обнажив свежую царапину. — Вы поранились! Пожалуйста, присядьте, я принесу мазь.

Странник в недоумении провёл рукой по щеке, на которую с тревогой смотрела Сюзанна, и удивился, заметив кровь. Он явно хотел возразить и сказать, что это мелочи и всё в порядке, но Сью уже успела усадить его за стол и убежать. Да, в пекарне также было небольшое кафе.

— Это не стоило такого беспокойства, — со смешком ответил он, когда царапина была промыта и намазана. — Но твоя забота очень трогает. Я наблюдал за тобой некоторое время, Сюзанна, и даже тех немногих дней хватило, чтобы понять: забота — одна из самых ярких твоих характеристик. Меня зовут Хенбетестир, как ты уже догадалась, я путник. Просто странствующий маг, который любит узнавать людей и их истории.

— Истории... — озадаченно повторила Сью. — Но в моей жизни не происходит ничего такого, о чём было бы интересно слушать. Я просто живу в этом городе со своей семьёй. Дома у нас всё спокойно, дело своё любим, дело любит нас. О хорошем и спокойном времени редко когда можно рассказать увлекательно. Боюсь, если вы хотели послушать меня, то я могу рассказать только о выпечке.

Хенбетестир внимательно смотрел на Сюзанну. Её мягкая улыбка несомненно была честной, она называла свою жизнь хорошей, потому что действительно так считала, а не из-за нежелания делиться с кем-то проблемами. Но от такого пристального взгляда точно не ускользнули детали. Синяки под глазами — последствия бессонных ночей возле кровати больной бабушки. Сюзанна оставалась следить за бабулей чаще других, чтобы остальные лучше высыпались. Шрам на лбу — память о дне, когда Сью бросилась закрывать собой друга-мага, которого начали забрасывать камнями слишком религиозные горожане. После того случая семье друга пришлось уехать из города, больше они не виделись, но Сюзанна искренне желала, чтобы на новом месте друга хорошо приняли. Ожоги на руках — напоминание, что надо лучше следить за детьми. Младшая сестра тогда хотела сама достать горячий противень, но он оказался слишком тяжёл для неё. Сюзанна кинулась на помощь, потому что противень мог упасть сестре на ноги, однако свои руки кое-как прикрыла полотенцем.

На Сью было ещё достаточно следов, свидетельствовавших о побочных эффектах заботы об окружающих. Она неловко поёжилась. Хенбетестир, кажется, итак многое о ней знал, но всё равно хотел что-то услышать. Сюзанна догадывалась, что именно. Ей не хватало решимости рассказать об этом.

— Вижу, тебе надо собраться с мыслями. Я вернусь вечером, к закрытию. Тогда и продолжим разговор, — сказал Хенбетестир, вставая.

Он ушёл слишком быстро, чтобы Сюзанна успела как-то отреагировать. Она выбежала на улицу, но там была только кошка, умывавшаяся после плотного завтрака. Сюзанна забрала мисочку и вернулась за прилавок. Скоро должны прийти первые посетители.

День выдался богатым на покупателей. Сюзанна была поглощена работой, в которую также входили беседы со словоохотливыми клиентами, и перевести дух смогла только когда её подменил брат. И даже в такой обстановке мыслями Сюзанна постоянно возвращалась к разговору с Хенбетестиром. В этом маге было что-то необычное, помимо того, насколько быстро он располагал к себе. Он словно смотрел в душу, заставляя достать из неё скрытое ото всех заветное желание. Желание, которое Сью, возможно, смогла бы исполнить сама, но вряд ли успеет. Те, в ком сильнее всего проявляла себя кровь птицы, часто умирали молодыми.

Всякий раз, когда звенел колокольчик над дверью, во взгляде Сюзанны мелькала искорка надежды. Даже зная, что тот, кого она ждёт, вряд ли объявится снова, Сью продолжала глупо и наивно верить в невозможное. Нет никакой надежды, что он объявится спустя четыре года. И всякий раз она подавляла разочарованный вздох, заменяя его приветливой улыбкой.

Хенбетестир сдержал обещание. Пришёл перед закрытием, когда посетителей уже не осталось, поэтому Сюзанна начала наводить порядок: протирать столы, подметать. Он вернулся так незаметно, что Сюзанна вздрогнула, повернувшись и заметив его.

— Добрый вечер. Пожалуйста, присаживайтесь. Я сейчас быстренько закончу и подойду, — сказала Сью и продолжила мести.

Поздоровавшись в ответ, Хенбетестир занял место в углу и стал внимательно следить за Сюзанной. Иногда в его руках появлялась сфера цвета лунного камня, тогда Хенбетестир словно высматривал что-то в её сердце. Несмотря на любопытство, Сью старалась не отвлекаться от дела, чтобы побыстрее перейти к разговору.

— Я всё ещё не считаю, что моя история окажется интересной, — начала она с виноватым видом, когда села напротив.

— Не беспокойся об этом, я стараюсь больше узнать о людях, а не написать сборник самых невероятных историй. Поэтому просто поведай мне то, что хочется рассказать. Расскажи о себе и о том, что связано с *твоим* главным желанием. Оставим ненадолго мир во всём мире, счастье для каждого и всё в этом духе. Подумай о себе и поделись этим со мной.

Снова этот взгляд, которому нельзя было сопротивляться. Сюзанна могла только смотреть Хенбетестиру в глаза и воспринимать всё, что он говорил. Она молчала некоторое время, собираясь с мыслями и решимостью, а он не торопил, только продолжал молча смотреть.

Сначала Сюзанна просто рассказала немного о себе. Она была старшим ребёнком в семье, поэтому стала главным помощником для родителей, и в делах, и в заботе о младших. Жизнь её текла ровно, спокойно, поэтому не на чем было заострять внимание, но всё же нашлось за двадцать лет событие, которое можно было выделить.

Город, в котором жила Сюзанна, располагался недалеко от леса, который пользовался дурной славой из-за туманов. Те возникали безо всякой связи с погодой и скрывали дорогу от тех, кто зашёл в лес. Многие из-за этого терялись, некоторые из них — не вернулись. Ещё часто говорили о том, что из тумана звучал смех, источник которого никто не мог найти. Несмотря на это, в городе были те, кто регулярно ходил в лес. В том числе и семья Сюзанны — там они собирали болотные ягоды. Обычно Сью ходила туда с матерью, но в пятнадцать лет была отправлена туда одна как достаточно взрослая и знакомая с местностью.

Конечно, без происшествия не обошлось, иначе этой истории не было бы. Сюзанна уже собрала ягоды и собиралась вернуться, как вдруг её окружил густой туман, из-за которого

она не видела ничего дальше вытянутой руки. В такой ситуации стоило оставаться на месте и ждать, когда туман рассеется, но Сюзанну очень беспокоила быстро портящаяся погода, и пугал смех. То есть, она не слышала ничего, кроме обычных звуков леса, но была уверена, что преждевременно отдаст небу душу, если лесное нечто начнёт смеяться.

И если смех Сюзанна хотя бы ожидала, то шагов — точно нет. Они напугали так сильно, что если бы Сью в тот момент попыталась измерить пульс, не угнала бы за ним и сбилась. Туман немного спал, и из него показался юноша. Он явно был магом, но мало отличался внешне от людей. Самой примечательной частью, несомненно, были глаза. Светлые-светлые, почти белые, и без зрачков. Можно было подумать, что он слеп, только поведение говорило о обратном.

Незнакомец был молчалив, встреча с ним в лесу не могла быть случайной, но Сюзанна всё равно доверилась ему. Что-то её привлекло, вызвало симпатию, да и в действиях юноши не чувствовалась угроза. Он помог ей выбраться из леса, проводил до пекарни и ушёл после короткого разговора.

Они общались примерно год — без всякой периодичности он навещал её, молча ожидая возле пекарни, изредка заходил внутрь. За это время Сюзанна так и не узнала о нём почти ничего, даже его имени. Юноша представлялся разными именами, а Сью чувствовала, что ни одно не было настоящим. Он рассказывал иногда о себе, однако самые важные вещи ощущались ложью. Он был неисправимым лжецом, честным только в мелочах и поступках. Сюзанна прекрасно понимала это, но всё равно любила его. Это противоречило здравому смыслу, да ведь сердцу не прикажешь.

Даже не зная правды, Сюзанна догадывалась о некоторых вещах, была в них уверена. Сью точно знала, что он жил один и был очень одинок. Общество не без обманщиков, но настолько лживый человек не смог бы в нём ужиться. Да, некоторая ложь была очень искусной и правдоподобной, но стоило пообщаться подольше, и становилось ясно, лучше не верить ни одному слову. Даже если среди них вдруг промелькнёт правда, она не будет иметь никакой ценности. Стоя в стороне, юноша часто обхватывал себя руками и с явной тоской наблюдал за людьми, а когда замечал Сюзанну — становился более оживлённым, тянулся к ней, почти ластился.

Сью не беспокоилась о том, что её обманывали. Да, она не могла узнать лучше собеседника, но сама ложь не причиняла ей вреда. Более того, Сюзанна видела, что больше всего от лжи страдал он сам. Хотел быть честным, но так сжился с этой шкурой, что просто не мог. Физически не мог, теряя дар речи и кривясь от боли.

Сюзанна догадывалась, что он жил в лесу и был связан с туманом, со смехом, но никого не хотел губить. Изначально это была забава, над которой он потом потерял контроль, когда перестал быть хозяином собственной лжи.

Спаситель был совсем не безгрешен, и всё же, Сюзанне было с ним хорошо. Она видела, что в нём были хорошие черты. Он молча помогал, когда видел, что это необходимо. Веселил, если Сью была подавлена. В его объятиях было спокойно и уютно. Он охотно пробовал кулинарные эксперименты Сюзанны, очевидно любил пироги с болотными ягодами. И пение Сюзанны. Она хорошо пела и любила это, но зачастую стеснялась петь при свидетелях. При нём стеснение пропадало, а сердцу очень хотелось петь. И лучшей наградой было умиротворённое выражение на милом лице. Сюзанна всегда очень радовалась, когда в её силах было помочь, сделать чью-то жизнь легче.

Возможно ли, что это было что-то другое? Не любовь. Так как Сюзанна не влюблялась

ни до, ни после, ничего утверждать она не могла. Неважно, как назвали бы эти чувства другие, Сюзанна всё равно очень ими дорожила. Вот только рассказать о них не успела — сомневалась, какие подобрать слова, боялась, откладывала до следующей встречи. Пока однажды он не пропал. Нет, не настала следующая встреча. Он больше не приходил к пекарне, его нельзя было встретить в лесу.

— Я так сожалею, что из-за сомнений упустила момент, — вздохнула Сюзанна с кислой улыбкой. — Четыре года прошло, а я всё надеюсь, что он придёт. И знаю, что этого не случится. Прошое не вернуть, но если бы было возможно, если бы случилось чудо, если бы у меня был второй шанс... Я бы хотела встретить его и рассказать всё то, что не успела.

Сюзанна опустила взгляд и закусила губу. Наконец рассказав о том, что было на душе, она чувствовала, как к горлу подступали слёзы. От облегчения, что удалось с кем-то поделиться, и от сожаления о том, что не вернуть, не исправить.

— Я думаю, у тебя ещё будет такая возможность, — ответил Хенбетестир и протянул Сюзанне руку.

Он накрыл своей ладонью её, сложенные на столе и нервно сцепленные в замок. Рука оказалась прохладной.

— Сомневаюсь, — качнула головой Сюзанна. — Даже если бы у меня было на это время, я бы не смогла найти его, ведь слишком мало знаю.

— Люди перерождаются, поэтому я уверен, что однажды судьба сведёт вас снова. Даже если вы друг друга не вспомните, не узнаете, у вас всё равно будет шанс начать заново. Тогда будут и честность, и признания. Твоё желание может исполниться, вопрос лишь в том, поймёшь ли ты это в тот момент.

Хенбетестир снова звучал очень убедительно. Ему очень хотелось верить. И Сюзанна поверила. Судьба слишком загадочна и непостижима, но для того и дан оптимизм, чтобы верить в лучшие её повороты, в её благосклонность.

— Да, вы правы. И даже если в будущей жизни я ничего не вспомню, до конца этой я буду думать о том, что моё желание не безнадёжно. И буду надеяться на его осуществление. Спасибо, что выслушали.

— Тебе спасибо, что рассказала. Я рад видеть, что в мире есть такие добрые и заботливые люди. И всё же, береги себя. Не забывай, что заботиться нужно и о своём благополучии.

На это Сюзанна ничего не ответила. Она слишком много думала о других и поздно вспоминала о себе. Просто Сью так хорошо было видеть результаты своей помощи, что она переставала обращать внимание на собственное состояние. Кому-то в любом случае придётся пожертвовать удобством и силами.

Дальнейшая беседа была на отвлечённые темы. Немного о городе, о путешествиях, о пирожках. Но скоро Хенбетестиру надо было уходить. Сюзанна спросила, встретятся ли они снова, на что он только улыбнулся и пожал плечами. Здесь снова всё зависело от судьбы. Сью провожала Хенбетестира взглядом, пока он не скрылся из виду, и это было также тяжело, как навсегда прощаться с давним другом. Странник был большим, чем просто магом, но Сюзанна не имела ни малейшего предположения, кем именно. Его путь лежал и через пространство, и через время, только вот не было конечной цели. Он просто куда-то шёл, потому что некуда было возвращаться.

Сюзанна вздохнула и заперла двери. Ещё одна загадка не получит ответа, если только в дело не вмешается чудо. А пока было не до чудес. Надо было закончить последние дела и

вернуться к семье. Сюзанна предупредила, что задержится, но о ней всё равно могли начать беспокоиться. Да и с ужином надо было помочь.

Неизвестно, сколько прошло времени. Пара дней? Неделя? Несколько месяцев? Да это и неважно. Просто было утро. Сюзанна вышла в зал, чтобы отпереть двери, однако её внимание привлёк блеск в углу. В том самом, где когда-то она разговаривала с Хенбетестиром. Подойдя ближе, она заметила на столе осколок цвета лунного камня. Как та сфера, которую удавалось заметить у Хенбетестира.

Рука потянулась к осколку раньше, чем Сюзанна успела осознать свои действия. Одна взяла осколок и покрутила, рассматривая. Красивый, но странный. Даже не разбираясь в магии, Сюзанна ощущала энергию, испускаемую осколком. Сжав осколок двумя руками, она поднесла их ко рту и прошептала:

— Удачи в пути. Надеюсь, вы найдёте цель.

Когда Сюзанна раскрыла ладони, осколка в них не оказалось, а в груди закололо. Она охнула, прижав руку к сердцу.

Сюзанна резко открыла глаза. Она всё ещё чувствовала запах выпечки и боль в груди. Сердце сильно и беспокойно колотилось. Сью села на кровати и облегчённо улыбнулась, заметив, что волосы у неё снова тёмные. Хорошо снова стать собой.

Дикра ещё спала, но время уже было не слишком раннее — для Сью самое то, чтобы встать и начать приводить себя в порядок. Даже изменившаяся обстановка не была поводом отложить домашние дела — расшатанные нервы особенно нуждались в уюте.

А из головы никак не шёл странный сон. Да и верно ли считать это просто сном? Обстановка была очень похожа на ту, что являлась в обрывках образов, возникших после попыток зачаровать статуэтку. И то, что Сюзанна увидела во сне, вполне могло быть воспоминанием из далёкой жизни. Стоило прислушаться ко сну, пока снова не стало поздно.

Глава 34: Та, чьё время идёт назад

Та ночь выдалась необычной и для Дикры. Уже то, что сон пришёл сам, без песни сестры, стало удивительным. Дикра была благодарна Сюзанне за её заботу, за то, что каждый день убаюкивала, но наваянные магией сны пусты. Глупая причина для печали, когда живёшь во владениях врага, убийцы. Дикра это осознавала, но ничего поделать со своей реакцией не могла. Она была из тех, кто часто видел сны, кто любил сны, кто черпал в них вдохновение. Когда-то вдохновение имело значение, было для неё очень важно. Когда она ещё могла писать картины. Сейчас Дикра просто любила забывать о реальности в мирах, что рисовало сознание. Ярких и беззаботных мирах, словно сошедших из детских книжек.

В эту ночь Дикра снова увидела сон, но совсем непохожий на обычные сны. И потому, что он оказался очень реалистичным, и потому, что в нём была какая-то другая Дикра. Свободная от влияния осколка, повзрослевшая. Так славно не чувствовать себя ребёнком хотя бы на один сон.

— Время вспять я поверну-поверну-поверну, время вспять я поверну и будет всё как надо, — пропела Дикра, подходя к своему рабочему месту.

Дикра — способная волшебница и не менее способный часовщик. У неё была собственная мастерская, о которой говорили, что это место, где покорено время. Особенность этого места заключалась в том, что любые внесённые в него часы начинали идти в обратном направлении. Вне мастерской ход стрелок восстанавливался, но здесь словно бы высшие силы пытались повернуть время вспять.

На самом деле это — последствия запрещённых опытов. Высшие силы, если они вообще были, всегда отличались редкостным равнодушием к делам земным. Нарушить ход времени страстно желала сама Дикра. Чтобы исправить прошлое. Чтобы вернуть потерянное.

Сегодня были все шансы завершить интересный и сложный заказ: часы, которые имелась бы возможность настроить на ход времени определённого мира. Так как Дикра с особой тщательностью изучала всё, что касалось времени, она знала, что в разных мирах то шло с разной скоростью. Пока в одном мире проходил день, в другом могла пролететь неделя. И тем, кто путешествовал между мирами, иногда требовались особые часы, чтобы знать, сколько времени прошло в другом мире.

Такую работу Дикра выполняла впервые, оттого в ней смешались страх потерпеть неудачу и азарт, предвкушение успеха. Больше недели ушло на то, чтобы подобрать или составить правильные заклинания и зачаровать все необходимые детали. Объёмная, трудная и тяжёлая работа, однако полезный опыт и прекрасная магическая практика. Дикра чувствовала, что ей это пригодится в достижении цели.

Задумывалась ли она о том, почему эксперименты со временем запрещены? К чему они могут привести в случае ошибки? Немного. Прожитые годы и ранняя потеря родителей делали Дикру взрослой, но умение думать о последствиях, способность принимать решения, основываясь не только на собственных «хочу, чтобы стало по-моему», зачастую были на уровне, свойственном ребёнку.

Спина устала от пребывания в одном положении. Пришлось отложить работу и пойти сделать перерыв на чай. По обычным часам сейчас три часа ночи. Режим Дикры сбился уже давно и исправлению не подлежал, чему также способствовала работа. Некоторые чары

требовали заниматься ими в определённое время суток, которое могло быть любое. Раннее утро, полдень, глубокая ночь, только с пятнадцати до тридцати минут любого часа... Так что спала Дикра, когда получится, а к клиентам выходила, когда сигналил звонок. Бывало и такое, что она приходила прямо из постели, только немного себя пригладив, чтобы не смотреться совсем мятой.

Межпространственные часы требовали ночной работы, так что последние дни Дикра активничала в тёмное время суток. Поздним вечером и ранним утром она занималась остальной работой, а ночь посвящала занимательному заказу.

Стоя на втором этаже у окна, Дикра, обхватив руками горячую чашку, смотрела на спящий городок. Таким он ей нравился гораздо больше, чем днём. Вся эта суэта была неинтересна и только отвлекала от работы. Дикра с радостью перебралась бы куда-нибудь к другим магам, в отличие от ведьм, те сейчас вполне могли жить в сообществах и не скрываясь. Только вот в среде себе подобных Дикра рисковала быть раскрытой. Нет, лучше оставаться одной, чем отказаться от идеи обернуть вспять время.

— А это что такое? — пробормотала она, наблюдая, как внезапный ночной прохожий направился напрямиком к её мастерской.

К Дикре могли приходиться в разное время, но всё же ночью это делали крайне редко. Очень интересно. Она застыла в ожидании, продолжая наблюдать. Неизвестный точно шёл сюда, и вскоре подал сигнал звонок. Дикра отставила чашку и неспешно спустилась, чтобы открыть дверь.

Первой реакцией стал испуг. Ночной гость выглядел как маг, а внезапные маги Дикру пугали. Кто-то понял, что необычный ход часов в этом месте не простая косметическая причуда, а отголоски экспериментов? Но тогда странно, что пришёл только один маг. Может, он очень сильный и опасный? Тогда шансов нет, нужно сразу сдаваться.

Второй реакцией стал интерес. Дикра присмотрелась к гостю внимательнее. Да, он был похож на мага, но имелись также некоторые несоответствия. Не столько в облике — простой человек точно не заметил бы подвоха, сколько в ауре. Привыкшая работать с тонкими чарами и точными механизмами, Дикра хорошо чувствовала небольшие, но важные отличия. Гость не принадлежал этому миру, но маскировался под его обитателя.

— Не представляю, что вас привело, но проходите. Ночь холодная, ветер резкий, лучше поговорить внутри.

Дикра отошла в сторону, пропуская незнакомца. Тот кивнул и вошёл. В обычное время, даже при мерзкой погоде, Дикра сначала уточнила бы, к ней ли пожаловали и для чего, но этот гость быстро начал ощущаться кем-то своим. Уже знакомым. Безопасным.

— Доброй ночи, волшебница. Я — Хенбетестир. Странник. Хожу по миру, узнаю людей, их истории. Некоторые слухи привели меня в это место, — объяснил гость, осматриваясь.

Можно заметить и догадаться, что его, как и многих посетителей, заинтересовали часы, которые шли в обратном направлении. Но Хенбетестир выглядел как тот, кто знал, что его ждёт. Даже жаль немного. Приятно видеть недоумение на лицах новых гостей.

— Дикра, приятно познакомиться, — ответила она и тут же уточнила: — Вы ведь не просто маг?

— Да, вы верно заметили. Вы разборчивая... Я дух и пришёл из другого мира, но в своих возможностях чем-то похож на местных магов. И всё же к ним не отношусь.

— Не слышала о духах, но если вы не связаны напрямую с нашими магами и их

порядками, то у нас может сложиться славная беседа. Думаю, вы замёрзли. Пройдём на кухню?

— Не беспокойтесь, я в порядке. Духи могут не чувствовать холода.

— Неважно, всё равно пошли, я свой чай не допила, — махнула Дикра, призывая последовать за ней.

Хенбетестир не стал спорить. Они поднялись на кухню. Дикра усадила гостя за стол, а сама взяла чашку и вернулась к окну, чайник начал нагревать воду. В этом доме давно не было именно гостей, а не посетителей, потому что Дикра опасалась общаться близко с кем-либо. Чем дальше заходила она в своих экспериментах, тем меньше могла доверять другим. История знала слишком много случаев, когда магов предавали, даже если они использовали дар только на пользу окружающим. По сути, чем добрее маг, тем больше сам от этого страдал. Дикра добренькой не являлась, просто дорожила спокойной жизнью.

— Значит, ты собираешь истории? — уточнила Дикра и сама себе кивнула. — Мне есть, о чём рассказать, но принципы магии гласят о равноценности обмена. Поэтому, в свою очередь, я бы хотела узнать о духах.

— Это будет не самый интересный рассказ, но скрывать мне нечего. С твоего позволения, я не буду сильно углубляться в детали. Оно того не стоит. Мы — духи — имеем разные названия и, в то же время, никакого конкретного. Просто нам это неважно. Мы появляемся в сером мире. Да, он просто серый. Никакой. Каждый из нас появляется, зная, кто он, где он. И мы просто существуем в том месте, где появились, не покидая его, не общаясь с другими духами. Иногда в мире появляются создания, которые могут путешествовать между мирами, и когда они приходят к духу, то предлагают покинуть серый мир. Можно отказаться, пожелать сохранить спокойное существование, и в итоге просто снова стать частью мира, раствориться в серости. А можно согласиться.

Вот только, покинув серый мир, мы всё также остаёмся кем-то. Точнее, никем. Нас нельзя назвать полноценными людьми, магами... Да кем угодно. Дух — это некий облик и сущность: предмет, который всегда был у духа, и который хранит его память. Потому что память — это всё, что у нас есть. Отбери у духа память, и он станет никем. Ни имени, ни характера, ничего у него не будет. Даже наша внешность...

При помощи тех самых созданий мы можем перемещаться между мирами, через время, и наш облик подстраивается под мир. Обычно под то, как должны в нём выглядеть маги. В целом, магия у нас есть. Мы из неё состоим. По сути, мы не являемся живыми существами в привычном смысле, потому что все эти внешние признаки жизни — дыхание, изменение внешности с течением времени и всё такое... Это тоже часть маскировки, которую мы поддерживаем за счёт магии. А силы получаем из окружающей среды и из снов. Не своих. У нас их нет.

Обычно мы получаем силы просто от кого-то. Это нестабильно, ненадёжно, поэтому дух может найти себе хозяина, сны которого всегда будут его подпитывать. Тогда мы в большей степени становимся частью мира, в котором живёт хозяин. Магия органично вписывает нас в него, делает его частью. Мы появляемся в памяти людей, у нас появляется фальшивое прошлое в этом мире, дом. И за то, что у нас появляется место, за то, что мы становимся кем-то, мы можем исполнить одно желание хозяина. Однако найти его не так-то просто. У меня нет хозяина, и я слишком долго странствую, чтобы иметь возможность вернуться, поэтому я просто познаю мир. Сам я никто, но пускай хоть моя память будет полна разных историй.

Дикра слушала, не перебивая, только заварила ещё чаю, когда вода вскипела, а потом разлила его по двум кружкам. Одну она передала Хенбетестиру, со второй тоже опустилась за стол. Духи могли путешествовать через время — это очень заинтересовало Дикру. Об этом стоило подумать на досуге, поискать больше информации, а сейчас её очередь рассказывать.

Дикра родилась далеко от этого города. Её отец был магом-целителем, а мать — ведьмой. Они жили в лесу. Мирно, осторожно, избегая людей. Тогда уже несколько лет длилась охота на ведьм, но до их укрытого в глуши домика пока не добрались. Дикра — старший ребёнок, ещё у неё был брат и, незадолго до рокового дня, родилась сестрёнка.

Да, до поры до времени они жили спокойно. Зла не делали, врагов не наживали, друг друга любили. Детство выдалось по-настоящему счастливым временем, даже если тогда Дикра капризничала из-за того, что не могла уходить из леса и играть с другими людьми. Считала, что родители просто вредные, занудные и слишком осторожные. А ведь они просто хотели огородить детей от того, что пережили сами среди людей.

Осторожность не спасла. Дикра хорошо помнила тот день. Зима. Матери потребовалось уйти — у ведьм часто бывают дела в лесу. Отец следил за новорожденной дочкой, и чтобы старшие дети в своих играх далеко не убегали. Семилетняя Дикра, будучи способной волшебницей, тогда уже неплохо владела магией, а потому учила брата. Потом их позвали обедать. Отец хвалил детей за успехи; сам он не мог стать для них хорошим учителем из-за слабого дара.

А потом они услышали шаги. Сначала подумали, что мать вернулась, но вскоре стало понятно, что пришедших было несколько. Охотники на ведьм. Даже если бы семья знала, они бы всё равно не выдали, где мать. Охотников такой ответ не устроил. Стало ясно, что в такой глуши они рады по старой памяти избавиться и от магов.

Охотников заявилось слишком много, чтобы отбиться. Они готовы были пытаться, лишь бы получить информацию о ведьме. Первым взялись за отца, а связанные дети оказались вынуждены за этим наблюдать. Как его били, кололи, прижигали, вырывали зубы. Все те ужасы остались в памяти сплошной кровавой кашей.

Однако же сейчас Дикра живая. Получается ли, что охотники пожалели детей? Нет. Конечно, нет. Для них маги оставались отребьем вне зависимости от возраста, а пытки доставляли омерзительное удовольствие. Из последних сил отец уничтожил верёвки, что сдерживали детей. Дикра схватила брата и попыталась бежать. Шанс спастись был слишком мал. Брат пожертвовал собой, чтобы Дикра смогла сбежать. У неё больше шансов выжить.

Дикра чудом спаслась. Магический дар, когда дело не касалось охоты, очень способствовал выживанию. Дикра хотя бы могла согреться, пока добиралась до людей. Долгое время она слонялась беспризорницей, пока её не взял под своё крыло часовщик. Он нуждался подмастерье-маге, который смог бы в перспективе освоить сложные зачарования. Так Дикра и вступила на этот путь.

Она училась собирать часы и накладывать чары, и параллельно узнавала больше о времени. У учителя оказалось очень много книг на эту тему. Постепенно к Дикре пришла идея, которой она теперь жила, но исполнить её рядом с учителем было невозможно — он слишком уважительно относился ко времени, так что первый бы и выдал её за эксперименты. Поэтому Дикра ушла и открыла свою мастерскую далеко-далеко от места, где жил учитель.

— Я хочу вернуться в прошлое, чтобы исправить тот день. Чтобы охотники не нашли

нас, чтобы семья была жива, чтобы... — Дикра запнулась, крепче сжала кружку. Замолчала, пытаясь унять дрожь. — Нет, не так. Я бы хотела вернуть свою семью, снова оказаться с родителями. Просто снова стать ребёнком, просто мирно проводить дни с ними. Я так сожалею, что не ценила то счастливое время. Что обижалась на родителей, не понимая их заботы. Никакой магией не вернуть погибших. Но ведь есть шанс... Пусть небольшой, пусть ненадёжный... Что я смогу вернуться. Мне неважно, что это запрещено! Мне всё равно, чем это чревато!

Хенбетестир наблюдал за Дикрой и видел, что эта сильная волшебница, выбравшая остаться одной для достижения цели, в душе всё ещё ребёнок. Потерянный, напуганный, обиженный. Не желающий взрослеть, двигаться вперёд. Боящийся этого неизбежного процесса.

И ведь, конечно, она знала о перерождениях, поэтому Хенбетестир сразу понял, что нет смысла поднимать эту тему. Дикра, очевидно, слишком упёрлась в своё желание встретить родителей именно в этой жизни. Скорее всего, у неё ничего не получится, но зато у неё имелась цель в жизни, которая заставляла развиваться. Хенбетестир встречал и тех, кто загубил себя, застряв в прошлом. Чья скорбь не оставила настоящему ни шанса.

— Тебе есть, ради чего жить, и это хорошо. Хотя я могу уйти в будущее, но предвидеть его не способен. Однако уверен, твой дар позволит тебе многого добиться. И всё же, — он мягко улыбнулся, — будь осторожна. Думаю, ты и сама понимаешь все трудности, связанные с твоим выбором.

Дикра кивнула. Предостережение Хенбетестира она поняла по-своему, но согласилась с ним. Да, будет плохо, если из-за неосторожности она привлечёт к себе внимание. Все старания насмарку. Впрочем, гибель из-за неудачи тоже обесценит труд, но такой расклад не тревожил. Дикра жила в иллюзии того, что с ней всё обойдётся.

После ухода Хенбетестира Дикра вернулась к заказу. Она, как и планировала, успела закончить часы в тот день. Часы в мастерской продолжали идти в обратную сторону. Время неумолимо двигалось вперёд. Дикра больше не виделась со странником и не слышала о нём, но тот разговор на кухне прочно засел в памяти. Она пыталась узнать больше о духах, но только убедилась, что о них почти ничего неизвестно. Она всё также жила идеей вернуться в прошлое.

Дикра долго планировала эксперимент. Пожалуй, самый важный и самый масштабный в её практике. Она высчитывала время, тщательно подбирала детали, перепроверяла составленные заклинания. Вот только чего-то всё равно не хватало, и это нервировало. Чутьё подсказывало, что в старательно собираемом пазле недостаёт детали. Какой?

Сидя на кухне, она перебирала шкатулку с минералами. Камни часто использовались в колдовстве, так что стоило ещё раз присмотреться к ним. Дикра чувствовала себя утомлённой, долгое пребывание в тупике подавляло, всё чаще мелькали мысли о бесполезности всего, что она делала. Пока получалось убеждать себя, что поздно останавливаться, но руки с каждым днём опускались всё больше. Дикре не хватало поддержки, которую негде искать. Кроме Хенбетестира, она больше никому о своей цели не рассказывала.

— Ай! — раздосадовано вскрикнула Дикра, когда неосторожным движением скинула на пол часть камней.

Пришлось лезть под стол и подбирать, только вот один камень привлёк внимание. Дикра такого в своей коллекции не припоминала. Она внимательно осмотрела камень.

Похож на лунный, но магический фон совсем другой и напоминал что-то такое, что нельзя перепутать ни с чем другим.

— Хенбетестир, — пробормотала она, осознав. — У духа был похожий фон. И если это связано с ним...

Дикра вспомнила по предметам памяти. Осколок мог быть связан с чем-то таким, но как он сюда попал? И так ли это важно? Мысли уже начали двигаться в другую сторону. Хенбетестир мог путешествовать сквозь время, так что существовала очень большая вероятность, что предмет, связанный с духом, являлся той самой недостающей деталью. Да! Именно так! Надо только лучше изучить осколок и найти ему применение.

— Спасибо за наводку, — бодро усмехнулась Дикра и убежала в мастерскую.

Апатия и подавленность отступили, сменившись желанием прямо сейчас взяться за работу. О такой поддержке Дикра и не мечтала. Она снова была уверена в своих силах и замысле. Теперь от цели её отделяли лишь несколько дней подготовки.

Но чем обернулся эксперимент волшебницы? Ответ на этот вопрос сон не дал.

Пробуждение сопровождалось тяжестью в груди, непониманием от увиденного во сне и разочарованием, что пришлось снова стать собой. Даже диссонанс возникал от столь резкого перехода. Только что она была взрослой, сильной, и вот уже снова — беспомощный ребёнок. Дикра посмотрела на свои руки. Ни часы собрать, ни чары сотворить, ни картину написать. Ничего она не умела и ничему не научится. Её время действительно шло назад. И чем дальше, тем меньше это даже осознавать получалось. Хотя после пробуждения Мастера Дикра чувствовала себя стабильнее, но осколок уже слишком сильно на неё повлиял.

Она не спешила вставать. Если допустить, что это были сцены из много раз «поза» прошлой жизни, то поводов для размышлений появилось достаточно. Очень сильно различались Хенбетестир и Мастер: первый дружелюбен, располагал к себе, явно любил путешествовать и был заинтересован миром, по которому бродил; второй пугал, был отстранённым, почти мёртвым, никаким. Так Хенбетестир и описывал духа, потерявшего память. Но только ли разрушенная сфера тому причина?

Ещё Дикра не понимала, как осколок стал частью её, если в прошлом он был просто найден на полу. Может, это последствие эксперимента? Знать бы его результат, но кто теперь расскажет? Дикра только пребывала в уверенности, что ничего хорошего из этого не вышло.

Однако главный вопрос был связан с семьёй той прошлой Дикры. В своём рассказе она не называла имён, но в мыслях они мелькали. И от одного становилось особенно тревожно. Мать Дикры звали Ингрид.

Глава 35: Три, четыре — не дожили

Вид из окна башни не менялся веками. Всё тот же лес в разную погоду. Картина была столь однообразной, что нельзя с уверенностью сказать, реальность за стеклом или же воспоминания замка. Но иногда это мрачное и безмолвное спокойствие леса прерывалось событиями тех дней, когда в замке ещё жила его настоящая хозяйка. И того дня, когда все погибли.

Она не была здесь тогда, но при виде тех воспоминаний всё равно каждый раз становилось больно за сородичей. За то, что им пришлось пережить просто потому, что они отличались от людей внешне и обладали магическим даром. Ведь с ней тоже случилось подобное.

Вздыхнув, она отвернулась от окна и подошла к столу, на котором лежал каменный диск, разделённый на десять секторов. В каждом секторе был высечен символ. Два символа светились, что было необычно, потому как никогда раньше свет не был настолько ярким.

«Значит, этой ночью особенно сильно пробудилась память сразу двух осколков... Лучшее время, чтобы их забрать. Но... Сразу два... — она тяжело вздохнула и устало провела рукой по лицу. — Тяжело будет обработать сразу два осколка. А если верить предсказанию, надо управиться быстро, ведь скоро придётся забрать ещё три».

Забрать — убить. Тут не существовало иных вариантов. И в этот раз уже не было времени искать пути обхода. Она должна справиться. Обязана. Сфера будет собрана, потому что ещё одного шанса не будет. Все «вторые» попытки уже израсходованы. Все альтернативы изучены. Все роли распределены единственно верным способом. Ей отведено быть предателем и убийцей. Злом, которое необходимо, чтобы переложить всю ответственность, обвинить во всех грехах. Чтобы было, против кого выживать.

Только вот само зло не желало быть таковым. Если Мастера прошедшие годы почти лишили эмоций, сострадания, потому как после стольких потерь оставалось либо сойти с ума, либо очерстветь, то она... Её чувства были всё также остры, ведь своим пробуждением она не стирала появившуюся после перерождения личность, а сливалась с ней. Это не позволяло привыкнуть к жестокости, стать равнодушной, разучиться привязываться. Но даже если бы кто-то об этом знал... Ничего бы не изменилось.

— Я не заслуживаю ничьей жалости и ничьего прощения. Я не прошу понять меня и перестать ненавидеть, — пробормотала она и, сжав руки в замок, прижала их к губам. — Только... Позвольте мне закончить это. Пока ещё я на это способна.

Она повесила шаль на спинку стула и покинула комнату. Нет смысла забиваться в угол и упиваться сожалениями. От этого ни время не застынет, ни проблемы сами себя не решат.

Уже началась осень, а потому утром было достаточно прохладно, но Сюзанна не замечала этого, задумчиво провожая взглядом тех, кто уходил в город. До сих пор было сложно принять, что теперь их трое. Всё казалось, что вот-вот из замка должна выбежать задержавшаяся Камилла и занять своё привычное место рядом с Ирмелин. Теперь на этом месте была пустота. И тишина. Все трое хранили молчание, погружённые в свои одинаково невесёлые мысли.

Ирма выглядела поникшей, потерянной и очень одинокой. Больно было видеть её такой, но и помочь ничем нельзя было. Да и возможно ли приободрить человека, который тоже

обречён на смерть? Может ли это сделать такой же обречённый?

Сью прижала кулак к груди — к тому месту, где с утра болел осколок. Чтобы ни значил сон, предельно ясно стало одно — однажды настанёт тот момент, когда больше откладывать нельзя. Слишком безрассудно полагаться на завтра, которое может не настать. Как вслепую бродить по затянутому туманом болоту.

Тихо вздохнув, она подняла взгляд к небу, словно надеясь найти там подсказку, а потом снова посмотрела на лес. Так странно, Сюзанне показалось, что она видит тот самый плотный туман, в котором заплутала в той далёкой жизни. Ветер ударил в спину, боковым зрением Сюзанна заметила белую прядь. Она поймала волосы и неверяще на них посмотрела. Одна прядь действительно посветлела, словно таким образом давая знак и избавляя от последних сомнений.

— Но может ли такое быть, что если я — это она, то ты... — пробормотала Сью, резко разворачиваясь к замку. — Это был ты, и теперь я знаю имя твоё, — предположение было очень смелым и не без доли наивности, но уж если верить в судьбу и совпадения, то до конца.

Сюзанна поспешила внутрь. Ей нужно было срочно найти Исаака. Она так торопилась, что перескакивала через ступеньки, поднимаясь по лестницам, хотя обычно этого себе не позволяла. Бежала по коридорам, не замечая, как продолжали белеть с левой стороны волосы.

Удивлённый вздох вырвался из груди, когда возле гостиной Сюзанну, чтобы избежать столкновения, поймал и прижал к себе Исаак. Стук сердца отдавался в ушах, Сью пыталась отдышаться после внезапной нагрузки. Она подняла голову и увидела, как сменяли друг друга тревога, смятение и растерянность на лице Исаака. Слегка дрожащей рукой он провёл по побелевшим волосам.

— С тобой всё в порядке, — заявил Исаак. — Тебя долго не было, поэтому я собирался уйти.

Уверенный и холодный тон не мог обмануть Сюзанну. Даже если бы она не знала о проблеме Исаака, будучи так близко, она чувствовала его беспокойство. Он был встревожен тем, что половина её волос поменяла цвет, и опасался, что это из-за осколка. Он заметил, что она не возвращалась дольше обычного, а потому собирался пойти проведать, из-за чего они чуть не столкнулись. Сюзанна успокаивающе улыбнулась, взяла Исаака за руку и отвела обратно в гостиную. Почему-то дрожали колени. Хотелось сесть на диван.

Собираясь с мыслями, она с задумчивым видом пропускала волосы сквозь пальцы. Белый цвет был таким чужеродным, но, в то же время, казался своим. Неужели за время сна Сью успела с ним так породниться? Исаак приобнял её за плечи и терпеливо ждал ответа.

— Не знаю я, как это объяснить, — тихо начала Сюзанна, переводя взгляд с волос на глаз Исаака, — но знаю, что не из-за осколка это. Быть может, это часть души моей, а, может, след магии прошёлся где-то. Но не о том хотела я поговорить с тобой, не для того спешила. Не осуди, коль странно буду я звучать, но, знаешь я... Я благодарна миру, что встретила тебя. Пусть даже здесь, пусть даже так. Мы всё же получили шанс ещё для одной встречи, — Сюзанна широко улыбнулась, с каждым словом полнее осознавая, что исполнилось давнее желание. — И мы смогли не упустить его, смогли озвучить то, что не успели. Мне не узнать, из-за чего пропал тогда, но рада, что *тебя* узнала.

По реакции Исаака она догадалась, что он не понимал причину столь внезапного порыва, не видел цельной картины прошлого, и, вероятно, стоило бы рассказать о сне... Но

отчего-то не хотелось. Сюзанна то ли сомневалась, как сделать так, чтобы это не выглядело наивным бредом, то ли не представляла, как со своей речью складно передать то, что сама плохо понимала. Оставалась лишь надежда на понятливость его подсознания.

Исаак поджал губы и отвёл взгляд. Он всё ещё молчал, но Сью заметила слабый кивок — понял. Если не всё, то суть её слов точно. Исаак неуверенно провёл рукой по горлу, судорожно выдохнул. Значит, не мог выразить в словах то, что хотел. И всё же, он очень сильно хотел ответить хоть что-то. Честно. Исаак склонился и ткнулся лбом в лоб Сюзанны.

— Спасибо, — выдавил он тихо и хрипло, словно больной, у которого сел голос.

Только одно слово, но если нельзя позволить большего, то лишь оно могло как можно полнее выразить его мысли. Благодарность за шанс, за желание узнать правду о нём, за любовь. За то, что у неё хватило упорства, терпения, доброты сквозь всю невольную ложь она увидела истину.

Сюзанна вздрогнула от неожиданности, когда Исаак поднял голову, слегка отстранился, и бережно коснулся её щеки, медленно и нежно огладил большим пальцем. Его руки были прохладными, но, кажется, мурашки по спине пробежали не из-за этого. Сюзанна, кажется, знала, что должно последовать дальше, но не хватало смелости поверить в эту догадку.

Исаак подался ближе. Они почти синхронно прикрыли глаза. Их губы соприкоснулись. Осторожно, робко. Они не позволяли себе зайти дальше и, в то же время, не хотели разниматься. Такие близкие и тёплые губы не могли ни соврать, ни утаить. И могли без слов и заминок поведать о глубине чувств.

— Спасибо, — отозвалась Сюзанна, когда они смогли отпустить друг друга. — И за то время тоже спасибо, Исаак.

Некоторое время они просто молча смотрели друг на друга. Протянув руку, Сью провела пальцами по краю повязки, отодвинула в сторону чёлку с цветными прядями. Как ни странно, она до сих пор не знала, почему близнецы носили повязки. Очевидно, имела место быть некая проблема с глазами. Но какая? И почему у обоих? Никто так и не задал этого вопроса — одним было неинтересно, другие считали такой вопрос слишком нетактичным.

Исаак чуть склонил голову и отодвинул руку Сюзанны к уху, тем самым давая понять, что она может снять повязку. Сью вопросительно подняла брови, он ответил кивком. Протянув обе руки к резинкам повязки, Сюзанна аккуратно сняла её, не зная, к чему быть готовой.

Нервно сжав губы, Исаак не удержался и отвёл взгляд. Ему не хватало смелости открыть правый глаз, но неправильно будет отступить, когда сам решил открыть эту... Даже не тайну, просто некрасивую правду, которая многих пугала или вызывала отвращение. Сюзанна ободряюще накрыла сжатую руку Исаака своей. Он нервно выдохнул, снова посмотрел на неё и открыл глаз.

Точнее, то место, где он должен был быть. Глазница хранителя лжи была пуста. Как у ведьмы, только с другой стороны. На это зрелище в самом деле сложно было отреагировать спокойно. Сюзанна смотрела на Исаака распахнутыми глазами, немного испуганная, испытывающая неловкость из-за того, что так пристально смотрит. Но противно ей не было, только беспокойно из-за того, какие болезненные события могли лишь близнецов глаз. Ведь если они не родились такими, то без боли не обошлось. Сью приподнялась и поцеловала Исаака в правую бровь. Она не хотела будить неприятные воспоминания расспросами, зато хотела показать, что увиденное не изменило её отношение к Исааку. Он снова благодарно обнял её в ответ.

Дикра сегодня была непривычно спокойна, словно на неё всё ещё влиял тот более взрослый образ из сна. После обеда она сидела на кровати и перебирала сложенные из бумаги фигурки. От воспоминаний о том дне, когда они веселились в саду, становилось тепло на сердце. Это был один из самых приятных и семейных моментов. Печально и иронично, но только в замке Дикра почувствовала, что значит иметь любящую семью, заботливых родителей... Что значит мир и счастье в доме. Пусть даже счастье длилось недолго.

— Исполнила ли я твоё... своё желание? Хотя бы немного? — спросила сама себя Дикра, разглаживая крылья журавлика.

Время вспять не повернуть, но, может, черед перерождений хоть раз свела её с родителями? Может, мироздание не всегда жестоко и коварно? Дикре даже смешно стало от наивности этой мысли. Мироздание и милосердие объединяло только то, что они начинались и заканчивались похоже.

Неожиданно Дикра решила снова попытаться порисовать. Она не возвращалась к этому занятию с того дня, как пробудился Мастер. Не было ни настроения, ни желания что-то делать. Хотелось только привычно сбежать от реальности, забыться сном, но не получалось уснуть, хотелось предаться фантазиям, но мешал страх. Только сегодня наступило необъяснимое спокойствие, почти умиротворение. Да, словно она так до конца и не проснулась.

Достав из тумбочки альбом и пенал с карандашами, Дикра надела тёплую кофту и направилась в сад. Ей очень нравился вид из беседки на пруд, но она всегда сдавалась уже на стадии набросков. Всё было не то, не так. Кривые, неверные линии. Неверное построение — Дикра знала, как надо делать, но почему-то не могла это изобразить. А уж какой ужас творился с деревьями — плакать хотелось. К счастью, обычно не хватало усидчивости, чтобы дойти до этой стадии.

Раньше в беседке часто можно было встретить Гленду. Даже если осознавать, что Гленда не настолько ребёнок, насколько выглядит, в её обществе всё равно было проще. Дикра не чувствовала себя, как единственное дитё, угодившее в общество взрослых. С ней было легко, а ещё она смотрела на Дикру, как на шумную малолетнюю помеху. Вот только теперь, когда Гленда снова нашла общий язык с Мастером, казалось, он старался её от себя не отпускать. Их редко теперь видели поодиночке, хотя в остальном поведение Мастера почти не изменилось. Он всё также не шёл на контакт, почти не проявлял эмоций. Дикру он пугал не меньше ведьмы. Очевидно же, что ему не было до хранителей дела! Он не пытался с ними общаться, чтобы случайно не привязаться, ведь считал их гибель неизбежной. И это притом, что только он в этом замке мог что-то противопоставить ведьме, коли силы хранителей на неё не действовали. Да и сил стало мало. А без них они слабы перед магией, как все прочие люди.

Сейчас Дикра не ожидала никого встретить, поэтому удивилась, заметив в беседке Эгиля. Сначала она по привычке испугалась, но решила приблизиться, а не убежать. Эгиль её приближения не заметил, будучи сильно погружённым в раздумья, зато Дикра с более близкого расстояния заметила, насколько он выглядел усталым. Совсем нестрашным.

В этот момент Дикра впервые задумалась, почему всегда боялась Эгиля. Он был достаточно взрослым, чтобы осколок не воздействовал всегда фоном на окружающих, значит, дело было в образе. Но каким был этот образ? В замке Эгиль играл роль строгого

отца. У Дикры осталось мало воспоминаний о её родном отце, однако она точно знала, что он был куда более пугающим человеком, а его строгость не была обусловлена заботой. А если ещё поднапрячь память, то можно было отметить, что на самом деле Эгиль был по-своему добр и очень терпелив. Он никому не отказывал в помощи, хотя часто делал вид, что делал это не по доброте душевной, а чтобы поскорее оставили в покое. Он часто не спал по ночам, в том числе и потому, что близняшки могли лунатить. Да, иногда они попадали в неприятности, но куда чаще их находил и возвращал Эгиль.

Дикра подошла ещё ближе, зашла в беседку, нервно вцепившись в прижатый к груди альбом. Когда Дикра положила вещи на скамейку, Эгиль вздрогнул, чуть ли не шарахнулся в сторону. Он ошарашенно посмотрел на пришедшую, но быстро взял себя в руки.

— А... Это ты... — растерянно пробормотал он. — Тогда я лучше пойду, — сказав это, Эгиль встал, намереваясь покинуть беседку.

Но Дикра остановила его. Сама того не ожидая, она схватила хранителя за руку. Как ребёнок, который испугался потерять в толпе отца. Не зная, чем объяснить свои действия, Дикра понимала только то, что не хотела оставлять Эгиля в покое. Одного.

— Не уходи, — попросила она робко.

Эгиль пожал плечами и сел обратно. На его лице снова была лишь лёгкая насмешка. Такая привычная, но всё же неспособная скрыть вымотанность. Дикра опустила рядом, не отпуская руку.

— Что такое, малышка? Остаться одной страшнее, чем со мной? Зря тревожишься. Сейчас ведьма точно не явится за тобой.

Дикра удивилась не только словам Эгиля, но и самой себе, потому что в этот момент совсем не думала о ведьме, хотя с того самого дня воспоминания о ней очень часто накатывали вместе с волнами страха. Только не сейчас.

— Нет... Я не... — Дикра растерянно потупила взгляд и совсем по-детски обняла руку Эгиля, чем вызвала добродушную, но усталую усмешку. — Мне показалось, что сейчас тебе лучше не оставаться одному.

— Может, ты и права, — неожиданно согласился Эгиль.

Кажется, даже улыбка его стала мягче, добрее. Он погладил Дикру по голове, словно пытался пригладить растрёпанные ветром волосы, отчего крылышки на голове сначала встрепнулись, а потом она стала напоминать довольную кошку, даже почти щурилась. Впервые Дикра чувствовала себя так спокойно и уютно в обществе хранителя. И так сильно доверяла, что решила поделиться знанием, которое тревожило после сна.

— Эгиль, я могу кое-то ласказать? — доверчиво обратилась к нему Дикра.

— Конечно, малышка.

— Сегодня я видела один очень стланный сон. Не знаю, почему, но я увелена, что он связан с моим плошлым. Он был похож на то, что я иногда видела после зачалования того стланого яйца. Какая-то плошная жизнь. Я жила в то влемя, когда охотились на ведьм и... — у Дикры дрогнул голос, когда она вспомнила рассказ и воспоминания той себя. — И потеляла семью из-за способностей лодителей. И я их во сне не видела, но... Я знала имя мамы. Инглид. Прямо как наша ведьма. А если это была она? Если она обозлилась на мил из-за того, что сделали с её семьёй? Но чего она хочет спустя столько лет...

Дикра печально вздохнула. Она всё ещё держала Эгиля за руку, а он размеренно гладил хранительницу по голове. Из-за разницы в росте она ещё сильнее казалась ребёнком в его руках, и от того, как доверчиво она жалась, становилось теплее на сердце и даже не так

сильно ощущалась усталость.

— Возможно, что и она. Мы не можем этого знать, а у самой Ингрид никто не спрашивал. Странно вести беседы за жизнь со своим врагом, к компромиссу мы всё равно не придём.

Эгиль пристально посмотрел на Дикру. В это время он заметил, что некоторые её пряди начали отблескивать зелёным, а когда Дикра подняла взгляд, то обратил внимание на зелёную кайму, которая сильно контрастировала с бордовой радужкой.

— Ты так на неё похожа... — пробормотал Эгиль, рассматривая хранительницу.

— Что? — переспросила Дикра, не расслышав его.

— Скоро из города вернутся, похоже, говорю. Нам лучше вернуться назад, тебя сестра будет искать.

Во время ужина все, конечно, заметили изменения во внешности близняшек, но так как обе сказали, что никакого влияния со стороны осколков не ощущали, да и это было слишком маловероятно при пробудившемся Мастере, то разобраться с этим решили чуть позже. Хотя бы на следующий день. Только близняшки чувствовали — следующего дня не будет. Такое необъяснимое, но чрезвычайно ясное чувство, которое шло из самого сердца, от осколка, который переживал это уже не впервые.

Сюзанна сидела на кровати Дикры и пела, вкладывая песню как никогда много сил. Это было тяжело, почти больно, но Сью не жалела себя, лишь бы только сестра уснула как можно крепче, лишь бы только ей не было больно и страшно. Дикра попыталась запротестовать, не желая оставлять сестру одну перед лицом неминуемого, но не смогла сопротивляться песне. Она держала Сюзанну за руку, а на слипавших глазах поступили слёзы. Сью тоже беззвучно плакала, когда поняла, что сестра уже не откроет глаза. Плакала и пела последнюю колыбельную в жизни.

Голос Сюзанны становился тише и в какой-то момент совсем пропал. Она крепко сжала ослабевшую руку глубоко уснувшей Дикры и повернула голову. Из угла комнаты за ними молча наблюдала Ингрид. Спокойная и мрачная.

Ведьма медленно подошла к кровати, и чем ближе она была, тем сильнее страх сжимал сердце Сюзанны. Сковывал. Но даже без этого Сью не отпустила бы Дикру, не попыталась бы убежать. Она, конечно, хотела жить, но также чувствовала, что её история завершена. И своим бегством они бы никому не сделали лучше.

— Они могли бы узнать о вашей смерти сейчас из-за боя часов, — задумчиво произнесла Ингрид, поднимая вверх левую руку, вокруг которой начинали кружиться тёмные потоки, — но уже поздний час, а трое видят самые важные сны. Так что давайте оставим это между нами, девочки. Давайте закончим всё тихо.

Тьма сорвалась с руки и разлетелась по замку. Сюзанна почувствовала, что уши словно заложило ватой. Она даже не слышала, как ведьма сделала оставшиеся несколько шагов. Ледяные пальцы крепко вцепились в плечо, теперь хранительница не смогла бы никуда деться, даже если бы была в состоянии двигаться. Ей оставалось только смотреть в лицо склонившейся к ней. Как будто знакомое лицо...

Лёгкий поцелуй в лоб. Ужасная боль от пробитой груди и цепкие пальцы на сердце. Сюзанна раскрыла рот в немом крике, но через мгновение ведьма выдернула руку, вырывая осколок, и хранительница исчезла, оставив на память о себе только портрет и пятна крови на постельном белье.

После этого Ингрид склонилась над Дикрой. Отодвинула окровавленной рукой одеяло, поцеловала малышку в лоб... И таким же отточенным движением вырвала из сердца осколок.

— Спи спокойно, водяная лилия. И ты, дитя моё, тоже спи, — прошептала она, прижав частички сферы к груди, и исчезла из комнаты.

Звуки вернулись в замок, но ещё двоих не вернуть никогда.

Глава 36: Дом, где не было счастья

После убийства близняшек Ингрид переместилась в башню. Окровавленная рука прижимала к груди осколки, ещё хранившие тепло юных хранительниц. Она достала из шкафа тяжёлую мраморную миску, покрытую магическими символами, и перенесла на стол, положила в неё осколки. У близняшек было много общих воспоминаний, поэтому можно было обойтись одним ритуалом.

Сфера имела свойство вбирать в себя воспоминания владельца. Раньше — духа, ныне — хранителей. Но чтобы воссоздать сферу, надо избавиться от чужой памяти, иначе вместо личности духа получится помесь личностей хранителей. Это не имело смысла. Очищение от памяти прошлых поколений Ингрид провела в прошлые жизни, сейчас надо было убрать только следы этого витка цикла. К сожалению ведьмы, во время очищения она узнавала чужие истории. Потому что она была в этот момент проводником между осколком и душой, которой принадлежали воспоминания.

Ингрид наполнила миску водой, достала из другого шкафчика флакон с недавно приготовленным зельем. Немного мутная жидкость напоминала светящийся лунный камень — такой когда-то была и сфера Хенбетестира. Сфера, которую она уничтожила в непростительном порыве эмоций. Ингрид опустила за стол и добавила несколько капель зелья в воду, что была красноватой из-за крови. Краснота рассеялась, сменяясь лунным свечением.

Белые руки с серебряным кольцом на безымянном пальце легли на края столь же белого мрамора. Холодного, покалывавшего магией. Ингрид закрыла глаз, который так пугал людей, и зашептала слова заклинания. Сознание начала обволакивать пелена чужого прошлого.

Со стороны эта семья казалась чуть ли не образцовой, вызывая зависть и у знакомых, и у случайных свидетелей. Муж — Вальдемар — наследник успешной торговой компании, прекрасно продолжающий семейное дело. Жена — Эйра — тоже из семьи торговцев, хорошо разбирающаяся в деле, прекрасная опора для супруга и в работе, и в быту. А ещё — милейшие дочки-близняшки, обе одаренные талантами: у одной был столь дивный голос, что своей песней она могла очаровать любого, другая же была очень способной художницей, по работам которой нельзя было сказать, что их написал ребёнок.

Эта картина семейной идиллии была столь же прекрасна, сколь и лжива. Родители никогда не любили друг друга, их брак — сделка двух торговых домов, взаимовыгодный союз, от которого страдала Эйра, ведь была разменной монетой, у которой было два варианта: или согласиться выйти замуж, или быть изгнанной. Ведь она не была наследницей, а семье этот контракт был слишком важен. Важнее, чем она.

Первые годы супруги просто спокойно жили вместе, больше походя на партнёров и соседей, но нужны были дети. Рождение близняшек обнажило то, насколько хрупок был покой в этой семье. Насколько Эйра ошибалась, однажды позволив себе мысль, что этот брак не так уж плох, если быть просто сожителями и коллегами.

Эйра только недавно пришла в себя после родов, о чём сообщили Вальдемару. Она робко улыбнулась супругу, когда тот вошёл в комнату, скрывая за этой улыбкой страх. Во время беременности его поведение постепенно менялось, он стал обращать больше

внимания на жену, только вот внимание это выражалось в недовольстве, замечаниях, придирадках. Чем дальше — тем хуже, разве что до рукоприкладства не доходило.

— Доброе утро, Вальд... — Эйра не договорила, голова дёрнулась в сторону от удара.

— Почему?! — в гневе закричал Вальдемар, всё ещё держа руку поднятой. — Почему девчонки?! Ещё и две! Ты сдурела? Мне нужен от тебя наследник, а не бабский выводок!

Эйра смотрела на мужа широко раскрытыми глазами, оцепенев, не зная, что сказать. В чём она виновата? За что получила пощёчину? Разве она решала, кто родится? Могла на это как-то повлиять? Эйра невольно дёрнулась, когда Вальдемар снова поднял руку, но он лишь зачесал назад волосы и одарил супругу холодным презирующим взглядом.

— Уж постарайся теперь сделать так, чтобы мне не стыдно было появляться на людях с девчонками.

Вальдемар ушёл, громко хлопнув дверью, а Эйра приложила ладонь к покрасневшей щеке и тихо заплакала. Сердце чувствовало, что это было только начало, а дальше станет хуже. Особенно когда супруг узнает, что больше детей она иметь не сможет, а потому наследника точно не родит. Ей было больно и обидно не только за себя, но и за дочерей: с таким отношением со стороны отца им не суждено узнать, что такое полноценная и любящая семья. Что же, тогда Эйра постарается дать девочкам всё, что будет в её силах.

Старшую называли Дикра, младшую — Сюзанна. Казалось, что через некоторое время Вальдемар немного остыл, принял тот факт, что у него дочери. Он продолжал относиться к Эйре пренебрежительно и грубо, но больше не бил.

Ситуация снова ухудшилась, когда стало ясно, что у близняшек тёмные волосы и бордовые глаза. Ни у кого в роду такого не было. На самом деле виной были осколки, девочки родились гораздо позже, чем переродился в этом поколении Мастер, так что осколки повлияли на них в первые дни жизни. Только вот родители этого знать не могли, поэтому Вальдемар начал подозревать жену в измене. Эйра была в растерянности. Она не знала, чем объяснить внешность дочек, но всеми силами пыталась доказать, что дети у неё могли быть только от Вальдемара. Она же всегда была либо дома, либо у него на виду! Он не желал её слушать. Со временем голос разума снова ненадолго победил, но ссоры уже стали регулярными гостями в этом доме.

Близняшки были чудесными детьми. Дикра — не по годам разумной и с малых лет проявила свой талант, словно родилась с ним. Окружающие называли это божьим даром, отец — проклятьем чужой, грязной магической крови (но это наедине, а среди людей как будто гордился дочуркой). Сюзанна же была очень спокойной, послушной и прилежной, быстро училась, особенно пению. В душе Эйры искренняя любовь к дочкам и желание позаботиться о них тесно переплелось с обидой за то, как портило её жизнь появление детей.

Это тоже было из-за влияния осколков. Близняшки ещё совсем не могли их контролировать, даже не осознавали своих сил, а потому могли спонтанно влиять на людей. И если влияние Сюзанны успокаивало... В присутствии Дикры все конфликты обострялись.

Дома Вальдемар относился к детям, словно они были чужими. Придиричивый, строгий — мог отругать за любой неверный писк, любая ошибка переводила в его глазах близняшек из разряда не оправдавших ожидания помех в разряд ничтожеств. И, конечно, он никогда не хвалил их за успехи. Эйра тихо молилась о том, чтобы муж не срывался на детях, принимая весь удар на себя. Она очень любила дочек. Возможно, потому что они были единственными, кто любил её. Эйра очень хотела сбежать от мужа-тирана, но против неё

была даже собственная семья, а Вальдемар слишком жёстко её контролировал. Запрещал выходить на улицу одной, под страхом смерти наказал прислуге тоже следить за Эйрой. Несмотря на отношение к жене, ему нужен был этот брак. Потому что без него пришёл бы конец и сделке. Он слишком ценил всё, что касалось работы.

Поэтому хуже всего было в те дни, когда на работе что-то шло не так. Вальдемар становился ещё раздражительнее, часто со злости напивался. Когда Эйре удавалось заранее узнать, что у мужа пошла не по плану какая-то сделка, когда он не заключил контракт, получил плохой товар... Когда она знала, что он будет зол, то просила близняшек закрыться в комнате и тихо-тихо сидеть там, ни в коем случае не показываясь. Всё для того, чтобы Вальдемар не вспомнил о девочках и не переключил своё внимание на них.

Они, конечно, выполняли просьбу матери. Садилась обычно на одну кровать, и Дикра начинала тихо читать вслух книгу, чтобы отвлечь себя и Сюзанну от криков и грохота. Они обе боялись того, что слышали, но Дикра старалась подавить, скрыть свой страх, отчего-то ощущая ответственность за сестру. Она ведь была старше, а потому должна была помочь успокоиться Сюзанне. Обнять, утешить, убедить, что скоро всё стихнет. Утереть так и не проступившие слёзы. А после этого помочь уснуть. Ведь Дикра лучше всё осознавала, поэтому и должна была стать той, кто больше поддерживает и заботится.

Или, может, это до сих пор отзывалось прошлое, когда Дикра не смогла защитить младших детей? Когда выжила ценой их жизни?

Что бы ни было причиной, близняшки всегда старались держаться вместе, быть друг для друга опорой и утешением. Они ведь тоже были жертвами контроля, а потому не могли завести детей. У них были только они сами и любящая, но очень грустная мама. Эйра улыбалась только на людях, но как бы она ни старалась, в этой улыбке всё равно можно было углядеть неестественность, натянутость. Если Вальдемар замечал, что Эйра и дети недостаточно хорошо изображали счастливую семью, то дома им перепало за это. Ради этой иллюзорной красивой обёртки он даже бил Эйру так, чтобы следы можно было легко скрыть за одеждой. А если срывался так, что последствия побоев оказывались слишком заметными, Эйре приходилось сидеть дома, притворяясь больной, если вдруг кто-то приходил в гости и хотел с ней поздороваться.

Время гостей было для девочек хорошим и страшным одновременно. С одной стороны, это было единственное время, когда дома отец вёл себя спокойно и дружелюбно, с другой же — они должны были изо всех сил показывать себя с лучшей стороны, вызывать у гостей одобрение и восхищение. Если гости часто хвалили близняшек, то день заканчивался спокойно, они просто снова становились пустым местом для Вальдемара, когда всё заканчивалось. Если же отец считал, что дети проявили себя недостаточно хорошо... Они слушали о своей ничтожности, о том, что вообще не должны были появляться на свет.

Бывали моменты, когда Вальдемар замахивался на детей, но так как Эйра должна была быть рядом, то успевала закрыть их собой, увести или дать время самим уйти и спрятаться. С каждым годом Вальдемар становился всё жёстче. Чаще пытался ударить. Со злости оставлял без еды на день или несколько, запрещал видиться с мамой. Дикру он мог заставить в сжатые сроки написать определённое количество картин, Сюзанну нагружал домашними делами, хотя обычно для этого хватало сил прислуги.

Очередной переломный момент случился, когда близняшкам было семь лет. Из-за провала на работе Вальдемар вернулся пьяным и очень злым. Эйра как всегда попросила девочек закрыться в комнате, но крики и грохот в этот день были настолько громкими, что

даже отвлечься на чтение не получалось.

— Мне страшно за маму, — прошептала Сюзанна, тяжело сглотнув.

— Скоро станет спокойнее... Мама заглянет к нам, скажет, что утром мы сможем спокойно выйти. Скоро... — Дикра не знала, кого она больше старалась убедить в этот момент — себя или Сюзанну.

Сердце было не на месте и не верило, что в этот раз обойдётся. Что-то колело и болело в груди, и грызло чувство, что Дикра очень повинна в происходящем, что слишком велик её вклад в эту ужасную атмосферу в доме. Потому что с появлением Дикры становилось хуже. И чем больше она боялась и переживала, тем больше накалялась обстановка, даже если Дикра старалась никак не проявлять эти эмоции, если пряталась в этот момент за стенкой.

Это чувство вины побудило её встать с кровати, когда снова донёсся грохот, после которого наступила подозрительная тишина. Дикра подошла к двери, прижалась к ней ухом. Ничего. И это только больше пугало.

— Я пойду и посмотрю, как они там, — сказала она Сюзанне, отпирая дверь.

— Но ведь мама просила нас ни в коем случае не выходить, — робко возразила Сью.

— Знаю. Но сейчас мне слишком тревожно. Я должна пойти, а ты подожди здесь. Вдвоём легче попасться.

Не дав сестре времени, чтобы придумать ответ, Дикра выскользнула из комнаты и поспешила вниз. Судя по звукам, сегодня конфликт разразился в столовой. Дикра притаилась у входа. Всё ещё было слишком тихо, поэтому она осторожно заглянула.

Эйра сидела на полу. С разбитого подбородка капала кровь, на щеке наливался синяк, у блузки был почти оторван рукав, а правой рукой Эйра, придерживая, прижимала к груди левую. Мама затравленно смотрела на отца, а он, постукивая по раскрытой ладони ножкой стула, глядел так, словно ждал ответа. Отнюдь не терпеливо ждал, готовый в любой момент снова ударить.

Вальдемар сплюнул.

Замах.

— Мама! — в отчаянии крикнула Дикра и бросилась вперёд.

Удар пришёлся в голову. Дикру дёрнуло в сторону, в падении она стукнулась о стол.

Бесчувственное тельце лежало на полу. Родители были ошарашены, дезориентированы, но Вальдемар, в чьи планы не входило добивать, просто откинул ножку, пнул Эйру и ушёл. Эйра же подползла к Дикре. Левая рука у неё была сломана и каждое движение вызывало сильную боль, поэтому пришлось обходиться правой. Только нащупав пульс и уловив дыхание, Эйра смогла облегчённо выдохнуть. Дикра была жива — большего в этот момент она желать не могла.

Все считали, что виной всему был удар по голове, но на самом деле в момент столь сильного испуга сильно оказалось и возмущение осколком. Когда Дикра пришла в себя, она стала... Ребёнком. Казалось, что её навыки и интеллект не изменились, но стало куда более детским поведение. Дикра стала беспечнее, непостояннее, ребячливее. Она отказывалась воспринимать реальность, категорически не желала взрослеть и даже боялась этого. Пряталась от мира в творчестве и фантазиях. Её память часто блокировала травмирующие моменты, особенно те, что были связаны с отцом. Если Дикра долго не видела отца, то могла даже не узнать его. Просто не хотела воспринимать его, всё чаще рисуя в воображении нормальную семью и счастливое детство.

С того момента стала «старшей» Сюзанна. Она поняла, что теперь её очередь

заботиться о сестре, защищать, отгораживать от того, что пугало. Вскоре Сюзанна осознала, что своим пением она действительно могла успокаивать. Не так, как все прочие люди. Это была некая магия, природу которой Сюзанна не могла понять, но старалась использовать. Старалась успокоить отца, тем самым заботясь не только о сестре, но и о маме. Было прекрасно, когда у неё получалось. Было ужасно, когда нет. Когда осколок не проявлял себя, Сюзанне доставалось от отца за неуместное пение. Однажды чуть не убив Дикру, Вальдемар словно почувствовал новый уровень власти и в приступе злости бил детей. Точнее, Сюзанну. Эйра уже не всегда успевала защитить дочек, но Сюзанна всегда закрывала Дикру. Она слишком сильно боялась потерять сестру. Слишком сильное впечатление произвела на неё бессознательная Дикра. Влияло ли также то, что из-за внешней схожести Сью легко представляла на месте сестры себя, и просыпался страх собственной смерти? Возможно, но всё же главным мотивом было желание защитить самого близкого человека.

Из-за того, что Дикра впала в детство, её контроль над осколком, в отличие от Сюзанны, стал только хуже. Это проявлялось и в том, что конфликты стали ещё острее, и в том, что сама Дикра иногда начинала теряться. Чаще — в пространстве, реже — во времени. Препятствием она осталась только в творчестве, да в любви к сестре и маме.

Эйре с каждым годом становилось всё невыносимее. Она жила ради детей, понимая, что без неё Вальдемар полностью переключится на них, но душу всё сильнее и глубже отравляла обида. Сил жить оставалось меньше и меньше, даже осознание последствий не помогало при выходе из дома натянуть улыбку. Эйра стала словно заводной куклой, которая на автомате делала любые дела. Даже детей она обнимала уже без чувств, потому что сил не было уже и на них. Давно уже не успевали хоть немного пройти старые травмы, как появлялись новые, давно уже не было ни слёз, ни голоса. Эйра увядала до тех пор, пока не осталось сил даже просто жить.

— Сью... — Дикра потрясла сестру за плечо, чтобы разбудить. — Сью, я не чувствую маму, — пробормотала она испуганно.

— Что такое? — Сюзанна сонно потёрла глаза, пытаясь понять, что происходит. — Что случилось, Дикра? О чём ты? Растревожило что вдруг тебя?

Да, в двенадцать лет Сюзанне уже сложно было говорить нормально. Какая-то сила словно заставляла её всегда пытаться петь.

— Я не знаю... Но мама... Мама плопала. Я всегда чувствовала, когда она льдом. Но... Сейчас не могу. Надо пловелить маму!

Сюзанна ненадолго задумалась, а потом согласно кивнула. Стоило заглянуть в мамину спальню — родители всегда спали раздельно. Дикра легко терялась сама, но других действительно чувствовала хорошо, поэтому её тревоги стоило проверить.

Держась за руку, близняшки дошли до маминой комнаты. Они обе дрожали от страха, но Дикра — ощутимо сильнее, чем ближе была спальня, тем тяжелее давался каждый шаг. Сюзанна осторожно проверила дверную ручку. Обычно мама закрывала на ночь дверь, но сегодня та оказалась открыта. Страх ещё крепче вцепился в тревожно стучавшее сердце. Сюзанна толкнула дверь.

И еле успела зажать рот себе и Дикре.

Мама. Их любимая милая мамочка покачивалась на верёвке. У близняшек самих земля ушла из-под ног, они осели на пол, с трудом осознавая то, что видели. Сюзанна прижала к себе Дикру, не давая и дальше смотреть на мёртвую мать, а сама пыталась найти в себе силы встать и уйти. Больше ведь им ничего не оставалось. Нельзя было идти будить отца, чтобы

рассказать о произошедшем. Он будет очень зол, а значит, может стать на два труп больше.

Случившееся совсем выбило Дикру из колеи. С того времени её время совсем пошло назад, и она начала терять навыки. О том, что именно случилось с мамой, Дикра через некоторое время забыла. Знала только, что та мертва. Маму теперь отчасти заменяла Сюзанна. Она многое делала дома, принимала на себя срывы отца. Приходилось тщательно прятать следы побоев, чтобы не беспокоить Дикру — она принимала всё близко к сердцу, а от сильного стресса опять начинались проблемы с осколком. И памятью. Отца Дикра забывала ещё быстрее.

Через год после смерти мамы близняшки начали слышать зов. Они понимали, что должны уйти, но как? Вальдемар теперь обращал на них не только весь свой гнев, но и тягу к контролю. Раньше они могли иногда ненадолго выскользнуть на улицу. Например, под предлогом сходить за покупками для творчества. Теперь их без присмотра не выпускали никуда. А так хотелось сбежать, вырваться из этой клетки! Не только из-за зова, но и из-за страха. Страшно и тяжело было находиться дома. Казалось, ни в каком другом месте не придётся испытать столько ужаса и боли, сколько они переживали тут.

И всё же они готовились к побегу. По большей части, конечно, готовилась Сюзанна, а Дикра помогала по мере сил, в основном исполняя просьбы сестры. Они знали, что должны любыми силами покинуть дом. Зов становился всё навязчивее, преследуя и в реальности, и во снах. Было сложно думать о чём-то другом, в сознании прорисовывался замок и дорога к нему. Что это за место? Зачем им туда? Тогда близняшки ничего не знали, только имели цель.

Несколько попыток побега оказались неудачными. Близняшек ловили, а потом наказывали. За их комнатой теперь даже ночью следил кто-то из прислуги. Оставался только один выход — в окно. Дикра и Сюзанна смогли взять под контроль свои силы. Первая дезориентировала тех, кто был дома, а вторая успокоила настолько, чтобы все почувствовали невыносимую сонливость. И пользуясь шансом, который мог закончиться в любой момент, они сбежали.

Неведомая сила так сильно тянула хранительниц в замок, что они совсем не запомнили дорогу туда. словно просто покинули дом, а вскоре уже пришли в себя на пороге замка, где наконец избавились от навязчивого влияния зова.

Сюзанна, привыкшая к работе по дому и любившая её, взяла на себя организацию быта, а Дикра пыталась сделать это место чуточку ярче. Несмотря на то, что пугали и замок, и отмеченная проклятьем судьба, в этом месте близняшки чувствовали себя спокойнее. словно обрели тот самый дом, где есть уют, любовь и крепкая дружная семья.

И верная, неминуемая смерть.

Глава 37: Пленник туманного леса

После разговора с Сюзанной Исаака не покидало навязчивое чувство тревоги. Её слова... Они словно ставили на чём-то точку. Подводили итог. То время... Что она имела ввиду? Догадки были очень смутными, основанными на обрывистых, туманных видениях. Да, тумана в них было много. И это вызывало необъяснимый, подсознательный страх. Кажется, страх раствориться в тумане был гораздо древнее, чем казалось Исааку. Быть может, это даже был не его страх?

Исаак был бы не против поразмышлять над этим, но сейчас его мысли занимало другое. Слишком напрягало это ощущение завершенности. Когда этап завершён, что-то ведь обязательно должно произойти. В их случае — ничего хорошего. Но ведь вторая жертва ещё жива... Иронично, но хранитель лжи правду знал, поэтому был обременён куда меньшим количеством ложных надежд.

Казалось бы, беспокойство и желание поскорее встретить Сюзанну, чтобы успокоить граничащее с паранойей предчувствие беды, должны были совсем отогнать сон, и Исаак был обречён провести очередную ночь, не сомкнув глаз. Реальность оказалась иной. И на него, и на Лауге после ужина накатила непреодолимая сонливость, не оставляя выбора. Пришлось ложиться. Но простой ли сон столь настойчиво требовал внимания?

Кругом был туман. Такой плотный, что в нём терялись собственные руки. Исаак сделал усилие и попытался разогнать туман. Получилось ненадолго, но этого хватило, чтобы разобрать путь до дома. Плохо дело. Собственное творение почти перестало его слушаться.

Исаак бежал к дому, словно тот мог пропасть в любой момент. Так и было. Белая пелена в любой момент могла затянуться обратно, и не было никакой надежды, что получится разогнать её вновь. Исаак споткнулся о торчавший из земли корень, но тут же вскочил и в несколько широких прыжков преодолел оставшееся расстояние.

Этот затерянный в лесу домик был единственным его убежищем, пусть даже нёс на себе отпечаток вечной скорби, оставшийся единственной памятью о прошлой хозяйке. Как же её звали? Исаак даже этого не смог узнать, но зато всё ещё мог почувствовать следы, свойственные его роду. Он знал только об одной из Халльгеров, кто навсегда ушёл из Кольнема в Валлерал. Королева-ведьма Изольда. И также Исаак знал, что она погибла в замке, который располагался в другой части этого леса. Даже королева не спаслась от слепой ненависти церкви.

Исаак заскочил в дом и привалился к двери, будто боялся, что туман может прорваться в дом. Он знал, прекрасно знал, что однажды поплатится за содеянное, только столкнуться с этим всё равно оказался не готов. Исаак улыбнулся и тихо рассмеялся. Не было ни единого повода для такой реакции, просто ещё одна вышедшая из-под контроля затея.

Оттолкнувшись от двери, Исаак прошёл дальше и повалился на старую скрипучую кровать, обнял свалывшуюся подушку. Он чувствовал себя выжатым, измотанным. Зачем он продолжал делать то, ради чего и поселился в этом лесу, если это больше не приносило удовольствия? Жизнь стала такой же пустой, как и ложь, из которой она состояла, а оборвать или изменить её не хватало ни сил, ни смелости. Исаак понимал, что всегда был слабаком. Только слабак мог выбрать путь лжи.

Стук в дверь оказался столь неожиданным, что Исаак бы точно подпрыгнул, если бы не

лежал. Кто вообще смог найти этот дом? И с чего вдруг решил постучать? Это место не похоже на жилое, а ближайшие жители, к тому же, прекрасно осведомлены, что если в этом лесу кто-то и обитает, то лучше с ним не пересекаться. Что же, как бы то ни было, но любопытство взяло верх, поэтому Исаак встал и подошёл, чтобы открыть.

Первое, на что он обратил внимание — голубой рог и золотистые глаза незваного гостя. Маг. Это немного объясняло, как он дошёл до дома, но не вносило ясности в то, зачем пожелал войти. Или не совсем маг... Серые, лишённые зрачков глаза чувствующего были способны заметить некоторые странности: обрывистость магических потоков, узлы, соединявшие со сторонними линиями, несколько слишком толстых и натянутых нитей-основ. Незнакомец не принадлежал этому миру, но оказался вписан в него.

— Это место не сильно изменилось... И снова обитаемо... — пробормотал незнакомец, рассматривая Исаака. — Впрочем, именно вас я и хотел сейчас встретить.

Исаак застыл, когда гость посмотрел ему в глаза. Долгий, пронзительный взгляд, не оставлявший возможности отвести глаза. Отвлекавший от того, как зашевелились магические нити, оплели заклятьем, до самого сознания, самой сути. Гость прервал зрительный контакт, мягко улыбнулся, и в этот момент Исаак почувствовал, что совсем не против пообщаться с ним, и что сейчас может... Говорить правду. Любую. Свободно. Когда он мог такое в последний раз?

— Не знаю, зачем вы искали со мной встречи... Но проходите... — Исаак отошёл в сторону и кивнул в сторону стола.

Там стоял только один стул, но Исаак приволок из угла табуретку, на которой валялось несколько старых книжек и всякая мелочёвка — это было закинуто на кровать. Возможно, стоило извиниться за беспорядок дома, но ведь это была простая вежливость, а на самом деле Исааку всё равно. И раз он мог не врать, то и не делал этого.

— Кто же вы? И для чего я вам? — спросил Исаак, когда они оба сели.

— Странник. Хенбетестир. Хожу по миру, узнаю истории разных людей. В этом нет какого-то особого смысла, просто образ жизни. Сюда я пришёл, чтобы узнать о том, кто зачаровал этот лес туманом.

— Зачаровал лес, значит... И что же вам ещё известно? — спросил Исаак с прищуром.

— Ничего, — без промедления ответил странник. — Я даже не был уверен, что это вы, просто это был самый вероятный вариант: найти создателя чар в месте, подобном этому. На самом деле, я слышал, что никто не знает правды об этом месте.

— Действительно. Откуда же взяться правде, если её не может рассказать единственный, кто её знает?

Исаак сдавленно рассмеялся. Когда-то он любил смеяться, но чем дальше, тем чаще делал это либо через силу, либо против своей же воли. Наверное, он был бы даже рад разучиться смеяться, чтобы уж точно больше не делать этого никогда.

— Исаак... — тихо сказал Хенбетестир и кивнул сам себе. — И что же вам мешает рассказать правду? Это такой большой секрет?

— Ох, нет, если бы... Точнее, когда-то, думаю, секретом это было, но сейчас нет смысла делать из этого тайны. Я чувствую, скоро мне будет всё равно, узнает её кто-то или нет. Просто... Не знаю, что произошло сейчас, что и как вы сделали, но обычно... Я разучился не лгать. Я не смог сказать правду даже тогда, когда это было нужно, когда очень этого хотел.

— Значит, сейчас вам ничто не мешает рассказать правду о себе и об этом месте?

— Значит, да, — пожал плечами Исаак. — Не могу сказать, что в этой истории будет много приятного и интересного, но раз вас интересуют разные люди, то вот он я. Я происхожу из одного древнего рода, родина моя отнюдь не в этих слепо слушающих церковных местах. Возможно, вы слышали про Кольнем. Может даже бывали там. Когда-то давно наша принцесса стала женой местного короля, такое вот заключение союза между королевствами. Не буду о ней рассказывать, если вы достаточно любознательны, то уже знаете историю Изольды. И то, что местные церковники убили её за попытку помочь гонимым магам. Я не потомок самой Изольды, но из того же рода.

Исаака с детства отличала любовь к выдумкам, проказам и розыгрышам, а ещё — любопытство. Ему было очень интересно побывать там, где погибла самая смелая представительница рода — ведь действительно надо иметь завидную храбрость, чтобы, будучи ведьмой, предложить союз правителю королевства, где очень плохо относились к магам. Так что ничего удивительного, что однажды Исаак сбежал в Валлерал. Почти по тому самому пути, который когда-то спасал магов.

Здесь Исааку очень пригодилась способность ловко врать. К нему и так относились настороженно, когда опознавали мага (а это сложно не сделать, ведь в почти белых глазах очень заметно отсутствие зрачков), а если бы узнали, что он из Кольнема — быть беде, если не сразу гибели. Так что Исаак рассказывал о себе всё, кроме правды. Если честно, ему очень нравилось врать, примерять раз за разом новые личины. Был в этом интерес, азарт. Однажды «придумав себя» сложно было остановиться. Исаак понимал, что даже если бы мог без опаски рассказать *о себе*, то не стал бы этого делать. Потому что быть собой скучно, потому что сам он был далеко не так интересен, как созданные образы.

— Ложь прекрасна уже тем, что гораздо легче заставить поверить в неё, чем в правду, — заметил Исаак с улыбкой, в которой читалось явное отвращение. — Все врут. Просто одни играют в благородство, другие врут неосознанно. Я же просто не скрываю от себя того, что ложь — неотъемлемая часть жизни. Что лучше других я разве что качеством лжи.

Пару лет Исаак просто странствовал и по возможности узнавал больше о событиях прошлого. Так он узнал слухи о том, что в лесу есть какой-то заброшенный дом, где жила раньше дева, чьё имя давно забыли. А ещё, так как Исаак мог видеть больше прочих, он заметил, что среди жителей прилегавших к лесу земель были и потомки тех, кто убил всех магов в замке. Эти потомки часто были очень горды поступками своих предков.

Для начала Исаак решил найти тот дом, чтобы поселиться в нём. У него уже созрел план, чем заняться дальше. Любовь к проказам опасно сплелась с жадной отыграться на людях за то, что было совершено в прошлом. Это желание стало только сильнее, когда в обнаруженном доме Исаак почувствовал знакомые следы. Он посчитал, что это знак, что сама судьба привела его в это место.

Исаак заколдовал часть леса, теперь его мог в любой момент заволочь плотный туман, вне зависимости от погоды. Опасное явление, ведь в этой местности много болот. Из-за тумана в эту ловушку природы стало слишком легко угодить. Этого Исаак и хотел.

— О, как забавно было заставлять людей плутать по лесу! Так было весело наблюдать за тем, как они с искажёнными страхом лицами пытались найти дорогу! Я просто не мог сдерживать смеха, когда наблюдал за ними. Особенно весело то, что в этот момент они были бы рады получить руку помощи даже от самых заклятых врагов. Даже от магов. Даже святоши.

Многих Исаак отпускал, когда ему надоедала эта игра. Просто рассеивал туман, а там уж судьба человека была в его руках. Но далеко не всем так везло. Были и те, кого забавы Исаака заводили напрямик в болото. Он смеялся, наблюдая за тем, как умирали потомки тех, кто с таким же безумным восторгом убивали его собратьев, прикрываясь божьей волей и очищением мира от скверных магических тварей. Особенно приятно, когда в ловушку попадали служители церкви. Их Исаак особенно долго дурачил перед тем, как оставить умирать.

Выходя к людям, Исаак продолжал рассказывать небылицы. Во многих местах именно он пустил слух о том, что во всех бедах, которые обрушивались на зашедших в лес, виновата болотная ведьма.

— Люди так охотно верили в это... Я даже удивлялся сначала, ведь ведьмы с того самого дня обходят это место стороной, так как оно навевает очень неприятные воспоминания, а потом понял, что люди о таком не задумываются и не хотят задумываться. Они и рады были сделать виноватой несуществующую ведьму. Сами охотно обвесили слухи новыми подробностями, придумали образ ведьмы. Нашлись даже те, кто утверждал, будто мельком её видели! Так глупо и так смешно. Хорошо хоть, не решили пока на неё поохотиться. Они ведь не найдут этой ведьмы. Но виноватую всё равно найдут, — добавил Исаак и развёл руками.

Совесть Исаака не мучила от слова совсем. Он не считал, что делал что-то воистину дурное. Однако со временем он начал от такой жизни уставать. Угнетало одиночество. Исаак понимал, что на лжи прочных отношений не построить, а честным быть он разучился. У него не было друзей, да и приятелем вряд ли можно было назвать хоть кого-то. Можно было бы вернуться домой... Да что-то не давало. То ли мысль, что там не примут, то ли место это не отпускало. Вероятно, это был признак того, что Исаак начал терять контроль над ситуацией.

И вот однажды Исаак решил позабавиться над девушкой, что пришла на болота за ягодами. Просто заставить побродить в тумане, припугнуть, а там уж найдёт дорогу назад — молодец, нет — невелика потеря. Шутка не удалась. Увидев девушку поближе, Исаак понял, что не хочет ей вредить. Было в ней что-то очень светлое. Слишком светлое. Словно она произошла от самого доброго мага на свете. Исаак таких не знал, да и в девушке магии не видел совсем, но хорошо чувствовал след той чистоты, которая не была свойственна людям.

— Её звали Сюзанна. Водяная лилия. Её волосы были такие же белые, как лепестки кувшинки, — с мягкой улыбкой сказал Исаак, предавшись тёплой ностальгии. — Я помог ей выйти из леса. Узнал, что она работает в пекарне. Попытался поговорить, но быстро понял, что честно способен только молчать. Я подумал, что такой как она, хотя бы часть правды, но можно рассказать. Что она примет даже такого слабого и пустого человека. Однако... Я даже имени не мог сказать! — воскликнул он надрывно. — Она была со мной такой искренней. А я безнадёжен. И в итоге безнадёжно влюбился.

Изначально Исаак решил проводить и больше на глаза не попадаться, раз уж попытка сблизиться была обречена на провал, но раз за разом он ловил себя на том, что шёл к пекарне, чтобы просто увидеть Сюзанну, а если повезёт — побыть рядом с ней. От молчаливого наблюдения одиночество только сильнее вгрызалось в душу. Хотелось подойти, обнять и просто беззаботно поговорить. Как делали люди, которых он всё также не любил, с которыми играл, которых губил. Последнее происходило всё реже. Кого хотел Исаак уже завёл в болото, смерть остальных удовлетворения не приносила. Да что там смерти,

туманные игры тоже стали не по душе, но отказать от них Исаак не мог. Даже смех его стал ложью.

Последним светлым моментом в его жизни стала Сюзанна. Удивительно и неправильно было то, что она принимала его. Точно знала, что он постоянно врал о себе, но всё равно очень тепло относилась. Угощала. Пела. Рядом с Сюзанной на душе уже становилось легче, но пение дарило тот покой, которого очень не хватало.

— Я хотел, чтобы она улыбалась. Чтобы она тоже была рада, когда мы вместе. Но что я мог сделать? Я не мог открыто сказать ей, что беспокоюсь, что хочу что-нибудь для неё сделать. Поэтому решил помогать, когда точно вижу, что ей нужна помощь. Приносил с болот ягоды, чтобы она не ходила по этим опасным местам. Пытался делать хоть что-то хорошее, на что ещё был способен.

На самом деле Исаак долгое время отрицал свои чувства. Врал себе, что просто привязался к человеку, который был к нему добр. Что ему было важно только это, а не сама Сюзанна. Нет. Настал момент, когда Исааку пришлось признать, что дело не в этом. Что он полюбил. От этого осознания стало жутко. И противно. Исааку стала противна собственная суть. Не имел права кто-то вроде него любить такую светлую и заботливую девушку. Он мог плохо на неё повлиять, или, что ещё хуже, пускай и было маловероятно, она сама могла его полюбить. Почему-то казалось, что Сюзанна способна полюбить вопреки всей его мерзости, лживости.

— Я испугался. И решил больше не приходить. Наверное, я её этим расстроил, но ей будет лучше без меня. У неё и так забот хватает, нечего добавлять к ним лесного губителя, — вздохнул Исаак и поджал губы. — Сколько уже прошло времени? Наверное, месяц. Как-то я потерял счёт времени. Мне не хватает встреч с ней, но лучше мне не приходить. Так будет правильнее. Я не должен отступаться от этого решения, я должен хоть раз не сдать слабости. К тому же, кажется, я больше не могу покинуть лес.

Хенбетестир внимательно смотрел на Исаака. Поникшего, отчаявшегося и явно чего-то недоговаривающего.

— Может быть, должен. Или нет. Но чего же ты на самом деле хочешь? Раз уж сейчас ты честен, то будь честным до конца.

— И правда, — он усмехнулся. — Я бы хотел снова встретить её, быть честным с ней, признаться в чувствах и... Поблагодарить. Как бы ни хотелось, я ни разу не смог сказать ей «спасибо».

— Судьба иногда даёт второй шанс. Может быть, сейчас ты уже не сможешь открыться ей, но однажды вы сможете встретиться вновь.

— Только на то и надежда, что однажды перерождение окажется к нам благосклонно, — согласно кивнул Исаак.

Они ещё немного поговорили. Исаак узнал у Хенбетестира, кто же он такой, раз так странно вплетён в магическую картину мира. Хенбетестир рассказал о духах, показал сферу, немного поведал о своих странствиях и вскоре покинул дом безнадёжного лжеца, а вместе с этим забрал и те короткие минуты правды.

— Было весело обсудить то, чего не было, — задорно отметил Исаак, закрывая дверь.

После встречи прошло всего несколько дней, Исаак снова гулял по лесу, по болотам, среди тумана. Без цели, без желания это делать. Гулял, потому что какая-то внешняя сила заставляла это делать. Раньше он управлял этой силой, а не она им.

Что-то привлекло внимание Исаака. Отблеск, странный магический след, источник

которого очень хотелось найти. Исаак шёл, ведомый тонкой потусторонней нитью, чтобы на конце увидеть осколок, слишком похожий на часть сферы странника. Откуда ему тут взяться? Исаак подобрал осколок и решил вернуться домой.

Туман снова стал непроглядным. Сколько бы Исаак ни пытался, он не мог его разогнать. Вот он и угодил в собственную ловушку. Неверный шаг в сторону, потерянное равновесие. Болото цепко ухватило того, кто завёл сюда столько людей. Исаак понял, что это конец.

— Прекрасный день, чтобы продолжать жить. До завтра, до встречи, друзья, — с широкой улыбкой сказал Исаак и от души рассмеялся.

С одной стороны его поглощала топь, с другой — пожирал туман. Впивался под кожу иглами, опустошал, пытался отодрать куски плоти, чтобы сделать частью себя. Таким же плотным, но несуществующим туманом. Укол в сердце означивал пропажу осколка.

Сон закончился. Исаак резко сел на кровати. На лбу проступил холодный пот, дыхание сбилось. Вот оно. Вот откуда пошёл этот страх. Он уже умер так в прошлом, и никто не сказал, что это не может повториться. Исаак снова откинулся на кровать и запустил пальцы в волосы, убрал с лица чёлку. Не верилось, что это просто сон. Он даже во сне никогда не смеялся. Ведь этого хотело его прошлое?

«Хотело... А чего он... Я ещё хотел? Неужели об этом Сюзанна и говорила? Она тоже видела подобный сон? И... Это была она? Она говорила, что я пропал. Мы встречались в прошлом и разошлись, не успев что-то сделать, но сделали это сейчас».

Исааку не понравилась эта мысль. То тревожное ощущение законченности, что донимало его перед сном, снова вернулось. Он нахмурился, вспомнив, что часть волос Сюзанны побелела. Более толстого намёка прошлое дать не могло. Они встретились, как и говорил странник. Они, вероятно, исполнили свои желания. Но что должно следовать после этого? Счастливый конец?

Или просто. Конец?

Помимо всех тех тревог, что преследовали его перед сном, сейчас Исаак нашёл ещё один повод для беспокойства. Ему казалось, что ночью что-то произошло. Непоправимое.

«Но бой тех часов такой громкий, что должен был меня разбудить...»

— Сюзанна в порядке, — прошептал Исаак и понял, что соврал.

Глава 38: Тот, кто искал правду

В последние дни Лауге очень хотелось поговорить с Глендой. Он даже не знал, зачем и о чём, но этот разговор словно должен был помочь осознать некую важную истину. Любопытно, какую, ведь хранитель правды тем более знал, как на самом деле обстоят дела проклятых. Глядя на Гленду, он уже подумал о том, что правда была близко, только до сих пор не понял — какая. Лауге думал о птице, но что за птица? И если та самая, священная, то какое ему до неё дело? Священная птица не давала покоя только верующим, а Лауге, будучи хранителем и потому в некотором смысле магом, не имел с религией дела и иметь не хотел. Так можно было только проблем найти.

Как бы то ни было, с тех пор, как Гленда пришла в сознание, Лауге так и не смог толком провести с ней время. Потому что рядом почти всегда был Мастер, а Лауге казалось, что он в любой момент может задать вопрос, честно отвечать на который запрещено. И бесполезно. Даже если бы Мастер к этому моменту не сдался и не смирился с давно отработанным сценарием, он всё равно ничего бы не смог изменить, зная ответ. Никто бы не смог.

Лауге почти смирился, ужился с одержимостью мыслью, которую не мог понять, которая даже не ему принадлежала, но изменения во внешности Сюзанны снова растревожили чужую память. Белые волосы. Когда-то он искал зачем-то тех, у кого были белые волосы и слишком добрая натура. Это тоже касалось птицы.

— Да что же с ней не так? — пробормотал Лауге и запнулся. Он хотел сказать, что это ведь просто сказка для святош, но не смог. — В реальности была некая птица... — нахмурился он.

И вскоре потерял нить рассуждений и уснул.

День начался так хорошо, что, казалось, его ничто не могло омрачить. Обычно именно в такие дни происходят особенно гадостные вещи. Письмо в руках Лауге не предвещало ничего хорошего, ведь на конверте был герб его семьи: перекрещенные меч и кадуцей, обнятые костяными крыльями, знак нерушимого союза с церковью, чьи действия против магов всецело поддерживала семья. Именно поэтому Лауге был не с ними.

Всю дорогу до дома он то и дело посматривал на конверт, каждый раз хмурясь. В прошлый раз семья призывала его одуматься, вернуться, потому что грядёт обсуждение новой охоты, а он со своей тягой к запретному мог попасть под удар. Лауге ответил тогда отказом, однако семья не спешила оставлять его в покое.

— Чего такой хмурый? — спросил помощник, выглянув в прихожую. — И с возвращением, да.

— Опять семья пишет. В душе не чаю, что на этот раз, но ничего хорошего не жду. Не в их стиле написать только ради того, чтобы справиться, как мои дела, — пробурчал Лауге, вешая пальто на вешалку.

Была середина осени, и мрачневшее день ото дня небо тоже не располагало к оптимистичным мыслям. В обществе нарастала враждебность по отношению к магам, а особенно — к ведьмам. Мир между людьми и магами после прошлой охоты и без того был настолько эфемерен, что просто отсутствовал, но в последние годы гонения и издевательства набирали силу, а пропаганды церкви становились всё настойчивее.

— Неприятная новость. Между тем, к тебе тут гость. Какой-то странный маг, который

очень уж хотел с тобой поговорить, — помощник растерянно почесал в затылке. — О чём — не сказал, но я не почувствовал от него никакой опасности, так что сказал подождать в гостиной.

— Понятно, тогда сначала пойду к нему. Письмо явно может подождать, — кивнул Лауге и убрал сложенный пополам конверт в карман жилета.

Сам Лауге магом не был, иначе бы семья давно избавилась столь позорного потомка, однако активно общался с магами, в том числе по мере сил и знаний помогал избегать гонений, за которыми стояли церковь и семья. Поэтому в его доме они были частыми гостями. И всё же... Было тому письмо, омрачившее день, или что-то ещё, но внезапная встреча пробудила странное предчувствие. Не плохое — странное. Для Лауге наивысшую ценность имела правда. Настолько, что он сам никогда сознательно не врал, позволяя себе только недоговаривать. И чуйка на правду у Лауге тоже была хорошая.

Гость обернулся к двери, когда Лауге вошёл, и поздоровался с приветливой улыбкой. Седой, но не старый, в посеревшем от пыли дорог плаще, в самом деле похожий на мага. Большого Лауге как человек определить не мог.

— Здравствуйте, — ответил Лауге, подходя ближе и садясь в кресло напротив. — У вас ко мне какое-то дело?

— Можно и так выразиться... Товарищ, — ответил странник, смотря Лауге в глаза. Этот взгляд вызывал двойное чувство: располагал к себе и вызывал желание поёжиться. — Позвольте представиться: меня зовут Хенбетестир, я — странствующий маг. По крайней мере, это самое простое и близкое к правде объяснение... Занимаюсь тем, что собираю истории и пришёл сюда, чтобы узнать вашу. Насколько мне известно, вы из рода Гвалгвен, но, вопреки взглядам семьи, не считаете магов воплощением зла. Этих знаний было достаточно, чтобы заинтересоваться вашей историей.

Лауге внимательно наблюдал за странником. Похоже, тот также знал о любви Лауге к правде, поэтому о цели визита сказал честно, насколько можно было об этом судить. Скрестив руки на груди, Лауге откинулся на спинку кресла. Считал ли он причину визита странной? Конечно — к нему ещё не приходили, чтобы просто поговорить о жизни. Его. Несмотря на расположение, возникшее после зрительного контакта, он не мог так просто довериться гостю.

— Вас не затруднит пройти со мной в соседнюю комнату? — поинтересовался Лауге. — Мне нужно кое-что проверить, прежде чем решить, стоит ли удовлетворять ваше любопытство. — Пояснил он.

Хенбетестир согласился, и Лауге жестом указал следовать за ним. В гостиной на противоположной от входа стене была ещё одна дверь, которая из-за цвета почти сливалась со стеной. Лауге коснулся ручки и дождался щелчка, после чего открыл дверь, пропустил вперёд странника и вошёл следом.

Вспыхнул магический свет, озаряя комнату, в которой слишком легко было потерять чувство пространства: стены и пол были полностью покрыты зеркалами, а мраморный пол — натёрт до зеркального блеска. По набору мебели это место напоминало кабинет, но такую функцию оно выполняло только по особым случаям. Окон здесь не было, а освещение, казалось, не имело источника — просто было.

Пока Хенбетестир с интересом осматривал комнату, Лауге внимательно смотрел на их отражение и пытался сохранить контроль над эмоциями, потому что гость не отражался в зеркалах. Вместо него был нечёткий серый сгусток в форме человека, а в груди —

светящаяся полупрозрачная сфера. Лауге тяжело сглотнул и перевёл взгляд на Хенбетестира. Нет, рядом всё ещё стоял вполне обычный маг, которого, кажется, совсем не удивило отражение. Он только улыбнулся и пожал плечами, перехватив недоумевающий взгляд Лауге.

Все зеркала в этой комнате были зачарованными и помогали увидеть истинную суть вещей, людей, магов. Зеркальная комната — место, где невозможно скрыть правду. Лауге просто хотел убедиться, что Хенбетестир не представляет угрозы, ведь в зеркалах не только отражались настоящие эмоции, но также можно было разглядеть ауру. Ауру Лауге видел, но кроме неё и сферы у странника ничего не было.

— Кто вы? И каковы ваши цели? — выдавил Лауге, продолжая смотреть то на Хенбетестира, то в зеркала.

— Я — дух, гость из серого мира. Если надо, я могу рассказать об этом больше, но не обещаю, что всё будет понятно — я сам недостаточно разбираюсь в том, кем являюсь, а узнать больше не у кого. Цель же моя, как я и говорил, узнать вашу историю. Зачем я это делаю? — спросил сам себя Хенбетестир, смотря наверх. — Что ж, не для того, чтобы потом как-то воспользоваться этими знаниями против вас или кого бы то ни было. Причина моих действий может показаться вам странной, но коли вы хотите знать правду... Я просто хочу наполнить память разными вещами. Знаниями о том, какие бывают люди и судьбы, как может быть связана судьба человека с тем, кто он есть. Потому что у меня нет ни личности, ни истории жизни. Может, так я пытаюсь их сформировать? Наверное, можно и так сказать.

Лауге кивнул. У него не было причин не верить Хенбетестиру только потому, что правда казалась странной и отчасти вне его понимания. Не в этой комнате. Как и не было причин отказать в рассказе. Теперь, когда сомнениями было покончено, Лауге почувствовал, что хочет рассказать о своей жизни, даже если не считал её сильно интересной.

— Что же... Тогда мы можем вернуться в гостиную. Я расскажу вам о себе, а потом хотел бы послушать о духах. Даже если это что-то непонятное, мне было бы интересно узнать что-то новое.

Они вернулись в гостиную и сели на прежние места. На кофейном столике уже стоял чай, предусмотрительно оставленный помощником. Лауге молчал несколько минут, собираясь с мыслями, а Хенбетестир терпеливо ждал, сохраняя заинтересованное выражение.

Как верно сказал Хенбетестир, Лауге был потомком рода Гвалгвен. Это был древний и уважаемый род, который ещё во времена Изольды, до охоты породнился с королевской семьёй. Благодаря этому семья Гвалгвен стала второй по значимости, первыми же были Шефре, начало которой дал непосредственно король, когда отдал престол старшему сыну, а потом семью возглавил младший сын. Из-за событий прошлого род Гвалгвен возненавидел магов и потому стал помогать церкви с охотой. Время не сгладило острых углов, ненависть к магам никуда не делась, а союз с церковью стал только крепче.

В своей семье Лауге был белой вороной. Несмотря на все попытки родственников с ранних лет привить свои взгляды, он считал, что в слепой ненависти абсолютно ко всем магам просто из-за их способностей не может быть ни правды, ни справедливости. Быть настолько честным сторонником правды в семье аристократов — это уже нечто странное, заметно усложняющее жизнь, но таков уж был Лауге. Ему было физически сложно лгать. До тошноты. Ему пришлось научиться подделывать эмоции, хотя для аристократа он был в этом довольно плох. Но даже для такой мелочи пришлось ломать себя.

— Поэтому я решил, что проще не лгать. Жить от этого, конечно, не проще, а чужой обман я очень не люблю, но решил, что мне самому важнее правда. Ведь только она настоящая, а жить в иллюзиях — не для меня.

Тяга к правде выиграла в нём очень рано, да и ребёнком он был очень сообразительным. В рамках семейного обучения Лауге с пяти лет изучал историю, а в семь понял, что именно в истории надо искать ответ на вопрос, на чём основаны взгляды семьи и есть ли в этом хоть какая-то справедливость, однако не в той истории, которую преподавали ему, которая была в учебниках. Эту историю писали те, кто разделяли взгляды церкви. В этих источниках была только часть правды, в лучшем случае — половина. Но где искать вторую половину? Откуда взять недостающие детали паззла? У магов. Только ради этого Лауге стал товарищем магам, хотя из-за семьи это было очень рискованно.

Отношения с родственниками с самого начала складывались напряжённые. И не только с ними, Лауге в целом плохо сходился с людьми, у него было крайне мало даже не друзей, а просто приятелей, потому что он слишком прямо выражал свои мысли. Люди не любят лжецов, но на самом деле тех, кто умеет быть только честен, тоже не готовы принять. Сам же Лауге старался не держать в своём окружении обманщиков, ведь даже не мог делать вид, что доверяет им, верит, что считает их лживость обычным, свойственным всем людям делом.

— Я вообще не уверен, что в моём случае есть шанс на близкие отношения. Все говорят, что отношения строятся на доверии, но также они невозможны без способности сглаживать острые углы. Ложь во благо или как это называют? Я с этим не согласен. Нет никакого блага в том, чтобы утешать мороком. Однажды правда всё равно вскроется, будет только больнее, но на любые доводы я всегда слышал, что мне просто не хватает эмпатии. Хватает. Я хочу открывать глаза только тем, до кого, до чьих чувств мне есть дело, — поморщился Лауге. — А это обычно принимают за желание оттолкнуть. В мою честность не верили. Забавно, что люди куда охотнее верят лжецам.

Скрывать от семьи свою деятельность было очень сложно, ведь из-за невозможности врать у Лауге оставался только один вариант — не попадаться. Требовалось действовать максимально скрытно, обдуманно, чтобы избежать лишних вопросов. Нет вопроса — нет обмана. На счастье, обычно Лауге не вызывал подозрений.

Уже само общение с магами позволило убедиться, что семья не права, считая их воплощением зла, особенно сейчас, когда маги были гораздо слабее, чем раньше. Чем обезумевшие древние маги, от которых семья защищала людей. Изучая историю, Лауге неизменно узнавал больше об охоте, ведь она началась вскоре после нападения древних. Те сведения об охоте, которые он мог найти в книгах, тоже казались ненадёжными. Кажется, вся та эпоха была искажена куда сильнее, чем это обычно происходит с официальной историей.

Достигнув совершеннолетия, Лауге начал жить отдельно от семьи и некоторое время много путешествовал в поисках правды. Семья знала о слишком сильной тяге к истории и подозревала, что Лауге имел дело с запрещёнными источниками, но покуда это не вызывало тревог у церкви, на его интерес смотрели сквозь пальцы, но на отношениях с родственниками это сказывалось не лучшим образом. Благо, что Лауге не был наследником. Его судьба мало кого волновала, лишь бы сильно репутацию не портил.

В своём доме при поддержке знакомых магов Лауге создал зеркальную комнату, чтобы проверять в ней вещи, людей. Ему просто хотелось иметь обитель правды в этом полном

лжецов мире. Место, где не только он будет полностью честен. Потому что лучше всего он верил тому, что видел сам.

— Больше всего во всей этой истории с охотой меня смущала часть о птице, — отметил Лауге. — Считалось, что церковь получила одобрение начать охоту свыше, когда во время молитвы к ним явилась сама Священная Птица. Я сначала в само существование птицы не верил, думал, её просто придумали, как и многое. Но... — он сделал паузу, поджал губы. — С той молитвы принесли её перья. Сложно было найти такую реликвию, но тут помогли связи семьи. Я попросил у церкви перо, проверил в той комнате и при помощи магов. У него была очень светлая аура и оно происходило из того времени. Значит, в самом деле была какая-то птица... Вот только... Мне кажется, что птица эта совсем не божественного происхождения.

С того момента Лауге сосредоточил свои поиски на птице. Ему стало жизненно важно выяснить, что же это было, но церковь была убеждена в том, что это просто форма божественной силы, благословение, а маги и вовсе разводили руками. Они не могли отрицать факта существования птицы, но считали, что сущность её не божественная, а магическая. С птицей связывали три явления: доброту, белый цвет и золотых бабочек. Также и церковь, и маги сходились в том, что были семьи, связанные с птицей, отмеченные ею, но не владевшие магией.

Найти такую семью удалось только в городке возле леса с крайне дурной репутацией. В этом деле помог нынешний помощник, потому что его предок в детстве дружил с одной очень заботливой девочкой, но был вынужден сменить место жительства. К сожалению, толку от этой находки было мало. В той семье наследовались белые волосы, яркие глаза и очень добрая натура, но о настолько далёких своих корнях они ничего не знали. Впрочем, их аура напоминала ту, что была у пера птицы. Это натолкнуло на мысль, что те люди не были отмечены птицей. Они произошли от неё.

Между тем, в последние годы всё чаще приходили письма от семьи с призывами образумиться, вернуться, перестать рисковать жизнью из-за тяги к запретному, ведь они же верили (три раза «ха» этой вере, Лауге знал, что это были только попытки задобрить и сохранить чистоту репутации), знали, что он просто слишком увлечён историей, однако церковь может понять всё неправильно, причислить к еретикам и избавиться. На самом деле между строк всё чаще читалось предупреждение, что если Лауге не вернётся, то отец лично позаботится о том, чтобы он не пережил грядущую охоту. А Лауге просто не мог вернуться, не мог оставить поиски, не мог принять сторону семьи, не мог бросить магов, которым помогал скрываться от церкви.

— Я как раз недавно вернулся из того городка, а сегодня получил очередное письмо, от которого не жду ничего хорошего, — вздохнул Лауге. — Чувствую, в ближайшее время я всё равно буду вынужден прервать поиски, потому как если начнётся очередная охота, получить доступ к «запрещённым источникам», — он с усмешкой изобразил кавычки, ведь считал невероятно глупым запрещать неудобную правду, — станет ещё труднее. На самом деле, если говорить про изначальную цель, про то, с чего началось моё углублённое изучение истории, то я ведь уже достиг цели. Я понял, что у моей семьи есть причина ненавидеть магов: мы потеряли слишком много своих людей, когда отражали нападение сумасшедших древних магов. Даже глава семьи потерял тогда сестру... Такое не могло не оставить отпечатка, — признал Лауге, — но нет смысла проносить эту ненависть сквозь века, нет смысла переносить её на обычных, давно ослабевших магов. Они совсем не так опасны, как

те древние. Семья просто спелась с церковью, а церковь слепо верит в собственноручно созданные иллюзии.

— И всё же теперь у вас есть новая цель. Чего вы хотите? У вас ведь есть какое-то конкретное желание, потому что пролить свет на всю историю невозможно. Не за одну человеческую жизнь. И вы это тоже понимаете.

— Да, — кивок, — я знаю, что всей правды о мире никогда не найду, что не могу вечность заниматься поисками и придётся однажды сменить деятельность... Давно уже следовало это сделать, но я не найду покоя, если сделаю это сейчас. Я бы хотел узнать правду о птице. Увидеть своими глазами то, что стало точкой невозврата, того, чьё появление загубило многих. Но ведь это невозможно. Птицы давно уже нет, слишком много информации уничтожено, те, кто всё видели, мертвы, да и были необъективны.

— Мне бы хотелось сказать, что в жизни всякие чудеса бывают, — покачал головой Хенбетестир. — Однако вы правы, птицы в этом мире давно нет. По крайней мере, в её прежнем виде, иначе откуда у церкви перья. Но всегда есть шанс, что вы ещё найдёте то, что поможет расставить точки над «ё», что будет убедительным доказательством уже имеющихся у вас подозрений.

Лауге на это только криво улыбнулся. Не верил он в такое чудо, не верил в само существование такого доказательства. Если что-то и могло его полностью убедить, то только личная встреча с птицей, кем бы она ни была: воплощением божьей силой, сгустком магии или даже просто волшебной тварью. Не было ни единого шанса, что такая встреча возможна.

Чтобы раньше времени не углубляться в мрачные мысли, Лауге решил расспросить Хенбетестира сначала о духах, а потом о странствиях. Разговор продлился до глубокого вечера, Лауге предложил гостю остаться на ночь, но тот настоял на том, что должен идти дальше и не должен злоупотреблять гостеприимством. С этим осталось только смириться.

После Лауге поднялся к себе и быстро уснул. О письме он вспомнил только через два дня, когда снова надел ту же жилетку. Нервно сжимая конверт, Лауге направлялся в зеркальную комнату, но когда зашёл туда, замер в удивлении. На полу лежал осколок, который светился также, как сфера в груди Хенбетестира. Откуда он мог тут взяться? Сильно не задумываясь о своих действиях, Лауге подошёл к осколку и поднял его. Прохладный, как и полагалось камню, так похожий на что-то обычное, но это продлилось мгновения. Осколок засветился ярче и исчез, в груди кольнуло. Лауге растерянно перевёл взгляд с пустой руки на зеркало — теперь вокруг его собственного отражения был слабый свет, который концентрировался в сердце.

— Что я только что наделал? — пробормотал Лауге.

Он же знал, что нельзя так просто трогать магические вещи, особенно будучи человеком. Не просто так ведь столько лет с магами общался. Но... Сделанного не изменить, а никаких признаков опасности не наблюдалось, поэтому надо было вернуться к письму. Лауге сел в кресло, располагавшееся у стены, вскрыл конверт слабо трясущимися пальцами. Обычное приветствие, набор красивых фраз, словно без этих хитросплетений слов невозможно начать разговор, но чем дальше читал Лауге, тем бледнее и напряжённее становилось лицо.

Решением Гвалгвен, Шефре и церкви была объявлена новая охота. Охота на ведьм. Лауге сорвался с места и побежал на поиски помощника — даже если тот был просто магом, ему нужно было убраться как можно дальше, ведь семья толсто намекнула, что избавится не только от неугодного сына, но и от всех магов, которых уличит в связи с ним.

Сердце продолжало тревожно биться, словно бежал Лауге не во сне, а в реальности. Не торопясь садиться, он повернул голову в сторону — судя по всему, брат тоже недавно проснулся и выглядел очень встревоженным. Значит, этой ночью он тоже пережил встречу с прошлым, но там оказалось что-то куда более неприятное. Лауге снова посмотрела на руку, которой взял осколок.

— Я сам сделал себя проклятым, — прошептал он, чтобы подтвердить истинность мыслей. — Я стал таким потому, что у меня было неисполненное желание. Я не успел узнать о птице...

Он снова вспомнил побелевшую Сюзанну. Вспомнил Гленду. Белые волосы, золотые бабочки и доброта, которую он сначала считал слишком подозрительной, чтобы быть настоящей, а потом полюбил. Именно эта правда была близко. Птица была всего лишь волшебницей.

— Так просто и так смешно, — нервно хихикнул Лауге, садясь. — Церковь считала божественным знаком одну из тех, кого ненавидела. Иная правда абсурднее любой лжи.

Глава 39: Палач, которого поглотил страх

Вокруг было так темно, что сколько ни привыкай, всё равно ничего не разобрать. Эгиль боялся темноты, боялся того, что может в ней прятаться, особенно в месте, где это не являлось беспочвенным опасением. И он не считал, что если намеренно сталкиваться с тем, что пугает, это поможет избавиться от страха. Нет. Не в его случае. Единственное, чем помогало такое издевательство над собой, так только тем, что он научился не выдавать того, что чувствовал.

Эгиль перевернулся на бок, так сильно клонило в сон... Это был очень плохой знак, Эгиль не мог сказать, почему так считал, но не сомневался в верности своих ощущений. У него было хорошее чутьё на дурное, что и заставляло выходить ночами из комнаты, искать младших, которые в свою очередь, искали неприятности.

Он вспомнил, как изменилась на его глазах Дикра, стала больше похожа на Ингрид. На дочь Ингрид, которой она была много поколений назад. Если бы только ведьма знала, что её дочь выжила... Может, ничего этого и не было бы? Может. Сейчас это не имело значения. Эгиль закрыл глаза и тяжело вздохнул. Именно сегодня, когда так неожиданно захотелось спать, он очень не хотел, чтобы наступал сон. Он боялся того, что мог в нём увидеть. В его снах никогда не было ничего хорошего.

День ото дня одно и то же: маги, крики, проклятья, запёкшаяся кровь, драная плоть. И страх. Страх тех, кто был воплощением зла, кто заслуживал только страданий и смерти и кто мог быть полезен только как источник информации, однако даже с этой ролью они не справлялись — не признавались. Как же это раздражало — ещё ни один пойманный маг, ни одна ведьма... Никто не признался, где их убежище, куда они все держат путь, пытаюсь скрыться от охоты. От своей заслуженной участи.

Эгиль любил свою работу и ненавидел магов. Он был палачом, тем, кто должен был заставить их сознаться, но на самом деле просто был счастлив видеть их страдания, чувствовать своё превосходство над ними — такими слабыми, бессильными, беззащитными, беспомощными, когда вся их гнилая магия была заблокирована священными артефактами. Как жаль, что таким же образом нельзя было убрать их уродливый облик, но в таком случае то, что раздражало, можно было просто вырвать, вырезать, выжечь, — удалить любым из доступных способов. Пожалуй, была в магах ещё одна положительная черта: выносливость. Они достаточно долго держались, прежде чем теряли сознание.

Склонившись над измученной женщиной, закованной на кресле допроса, Эгиль приподнял её голову за подбородок и посмотрел в глаза. Отвратительные глаза. У них была покрытая ярко-синими узорами склера, фиолетовая с оранжевыми прожилками радужка и горизонтальный зрачок, который положено иметь козе, а не человеку. Впрочем, это было бы оскорбительно для козы, что её сравнили с таким не богоугодным существом.

— Не отводи взгляд, — елеиным голосом протянул Эгиль, надевая на неё вилку еретика. — Смотри, пока можешь смотреть, — холодно добавил он, доставая кинжал.

Волшебница испуганно вскрикнула и зажмурилась, когда Эгиль замахнулся кинжалом, целясь прямо в глаз. Какое бессмысленное действие, словно веко способно остановить остро заточенную сталь. Однако Эгиль не стал выкалывать глаза парой точных, быстрых движений. Сначала он сделал надрез на веке и на пару секунд приподнял кинжал, словно

давая жертве надежду, что этим всё и ограничится, но стоило только раздаться несдержанному облегчённому выдоху, как кончик острия снова коснулся глаза.

Эгиль надавил, очень-очень медленно погружая кинжал, наслаждаясь кровавыми слезами, стекавшими по щеке волшебницы. И только когда лезвие уткнулось в глазницу, он резко повернул кинжал и вынул. То же самое он проделал со вторым глазом, со всё той же садистской медлительностью. Кровавое месиво было самой приятной частью на этом мерзком лице. Гораздо лучше, чем та фиолетовая ошибка извращённой магической природы. Жалко только, что жертва потеряла сознание, и теперь Эгилю нечего было тут делать.

Он вытер кровь об одежду и убрал кинжал. Раз уж так получилось, можно позволить себе отдохнуть. Он был в пыточной с самого утра, допрашивал эту волшебницу. Сначала он сжёг её вызывающе красные волосы — в огне им и место, потом срезал наросты с плеч, заклеил все покрывавшие тело узоры. До обречённого хруста суставов он вывернул руки, посмевающие творить мерзкое колдовство, разбил колени, на которые волшебница отказалась вставать перед лицом правосудия. Как много среди них было глупых гордецов, но вся эта шелуха слетала под руками палача. Да, Эгиль был занят с утра важными вещами, а теперь уже, наверное, наступило время обеда. Есть хотелось, вот что точно.

Не сказать, что Эгилю не нравился воздух в пыточной, но глупо отрицать, что снаружи было посвежее. Всегда приятнее дышать, когда рядом нет ненавистных магических порождений. Эгиль пошёл в столовую, но есть среди всех ему не хотелось, поэтому он забрал еду и ушёл обратно в пыточную. Не в ту часть, где сидела колдунья, в соседнее помещение, где был стол, чтобы можно было вести записи новых сведений.

Его напрягало находиться даже среди братьев по делу, казалось, что даже среди них могли затеряться маги, желавшие помочь своим пойманным собратьям. Всегда, везде он ждал, что случится какая-то магическая подлость. Только в пыточной ему становилось спокойнее, ведь это было самое защищённое от магии место. Ведь ни для кого не секрет, что самые сильные чары — предсмертные. Палачей не хватит, если не позаботиться должным образом о безопасности: всех проклянут, убьют. Эгиль нервно сглотнул, вспомнив о проклятье.

«Та дрянь, — раздражённо нахмурился он, — как она только смогла...»

В дверь постучали. Эгиль вздрогнул, слишком нервно и испуганно для нормального человека, но всё же позволил войти. На пороге стоял незнакомый ему церковник. Видимо, кто-то из новеньких, недавно как раз привезли тех, кто закончил обучение. Эгиль смотрел на этого человека и пытался понять, что же его смущает, но разум так и не смог ни за что уцепиться, а стоило встретиться с ним взглядом, как мысли начал обволакивать туман. Этот туман заглушал то, что Эгиль считал здравомыслием, и заставлял вопреки обычному чувствовать себя спокойно в присутствии незнакомца. Доверять ему.

— Добрый день. Чем могу помочь? — спросил Эгиль, кивком приглашая занять второй стул.

— Добрый, — ответил со слабой улыбкой незнакомец и занял предложенное место. — Я здесь, как вы уже могли догадаться, недавно... Много слышал о вас, вы известная фигура среди палачей, вот и решил зайти поговорить, раз уж выпал такой шанс. Кара, — тихо промолвил он, посмотрев в сторону соседнего помещения, — лезвие, — перевёл взгляд на кинжал на столе, — страх.

На последнем слове незнакомец посмотрел на Эгиля, и он снова вздрогнул. Едва заметно, но это точно не укрылось от внимательных золотых глаз. Словно этот седой

человек мог видеть его насквозь, но сейчас Эгилю это казалось нормальным. Это ведь пыточная. Если здесь и могут проявляться какие-то силы, то только святые. Ведь так?..

— Кто вы? — спокойно спросил Эгиль и расслабленно откинулся на спинку стула.

— Хенбетестир, но не утруждайтесь запоминать моё имя. Я пришёл просто поговорить с вами, как и сказал ранее. После этого я уйду и больше не буду смущать вас своим присутствием. Вам необязательно помнить обо мне, вам, очевидно, и так хватает причин для беспокойства.

Хенбетестир говорил эти странные и очевидно подозрительные вещи так спокойно, что туман в мыслях становился только плотнее, поэтому в ответ на услышанное Эгиль только плечами. Иногда и поговорить можно, почему нет? Он в каком-то веке был действительно спокоен и хотел растянуть этот момент. Эгиль, чьё имя было известно среди магов и стало синонимом ужасной смерти, кто пугал многих, сам успел позабыть, что такое не испытывать вечный страх.

— Вы хотите поговорить о чём-то конкретном? Просто перетереть мне кости вы могли бы и с кем-то другим. Легко найти тех, кто в красках расскажут, почему я ужасен как человек и хорош как палач.

— Сплетен я слышал уже достаточно, но я бы хотел услышать о вас от вас. Вы ведь не без причины стали таким. Какой была ваша жизнь? Что заставило вас стать палачом?

— Я стал им, потому что сам того захотел, — хмыкнул Эгиль. — Я ненавижу магов и желаю им только умереть в мучениях. Их существование приносит людям только несчастья. В моей жизни от них были только несчастья... Вы хотите знать, как так вышло? Давайте начнём с начала...

Эгиль родился в деревне близ границ Валлерала, за которыми — только пустоши: земли, убитые магией. Печально известные места, то и дело страдавшие от нападений одичавших, сошедших с ума древних магов. Раньше нападения были редкими, одиночными, поэтому хватало имевшейся на месте охраны. Большая часть семей в той деревне произошла от таких же охранников границы, потомки которых не захотели покидать эти земли, считая их своей ответственностью. Глупая и смертельная убеждённость.

Да, долгие годы удавалось обходиться малыми жертвами, но когда Эгилю было шесть лет, случилось непредвиденное: маги начали нападать на границы группами. Те деревни, которые располагались ближе к пустошам, оказались стёрты за считанные дни. Несмотря на срочную мобилизацию, требовалось много времени, чтобы стянуть к границам достаточно сил. Эгиль успел затаиться, его успели спасти, как и многих других осиротевших друзей, но он видел смерть всех своих близких.

Его мать разорвало на куски. Эгиль помнил, как трясся от страха, стараясь не издать ни звука, а по щеке, раненной осколком ребра, сползал кусок её лёгких. Его отец в одно мгновение просто вспыхнул. И сгорел заживо. Бабушке свернули шею корнями. Этот хруст до сих пор преследовал Эгиля во снах. Дедушку сожрала тьма. Сначала он сошёл с ума и зарубил своего второго сына — дядю Эгиля, — потом распотрошил дочь и повесился на её кишках. Его труп тут же был сожран чёрной тварью. Эгиль пытался сбежать, а вокруг были трупы тех, кого он знал. Или их ошмётки. Кто-то кричал в агонии, кто-то сошёл с ума и даже лишившись части конечностей пытался напасть на других. А вокруг мельтешили твари. Маги. Они были так сильны, что в их облике не осталось ничего человеческого. Родные земли гибли извращённой, безумной смертью.

— Разве, увидев всё это, можно относиться к магам иначе? Зная, какими они становятся

в итоге. Зная, что они могут сотворить с теми, кто просто жил. Мы даже не были частью церкви, которая издавна знала, как ужасна магия, и пыталась образумить остальных. Мы просто... Жили. Тихо, спокойно. Даже с миром дел особо не имели, ведь к пустошам редко решался прийти кто-то новый. Кроме воинов, конечно, чтобы защищать границы. Столько людей просто погибло от магии... — Эгиль горько усмехнулся и прикрыл глаза. От воспоминаний о детстве его снова начало трясти.

В тот день в его душе дали ростки ненависть и страх. И всё же Эгиль смог пережить ту ночь. Он был спасён воинами, которые успели добраться до тех мест. В ближайшей церкви, которую переоборудовали под лечебницу, был также организован временный приют для спасённых детей. Тогда не было возможности отправить их в более безопасное место, к тому же, многим требовалась медицинская помощь. Защита границ от магов легла на род Гвалгвен. Все мужчины этого рода были воинами, а женщины — целителями. Поэтому забота о детях легла на тех целителей, которые были отправлены для поддержки воинов.

— Главная, на кого легла забота о детях, была сестра главы рода. Мы звали её Элли. Чудесная и очень сострадательная женщина... — вспоминая о ней, Эгиль впервые искренне и мягко улыбнулся. — Была, — резко добавил он.

Маги смогли добраться до церкви-приюта. И хотя туда были направлены воины, они не смогли прибыть раньше магов. Погибли многие целители, когда пытались спасти детей. Погибли многие дети, среди них ведь было достаточно и совсем маленьких, и ещё не успевших поправиться. Эгиль выжил и тогда, но только потому, что Элли закрыла его собой.

— Маги снова убили тех, с кем я успел сблизиться. Они убили даже её... — голос Эгиля дрогнул, он сжал руку в кулак и с отчаянием посмотрел на собеседника. — Её! В чём она была виновата?! Она только спасала жизни! Ей даже комара было сложно прибить! — воскликнул Эгиль и даже привстал, опираясь на стол, но потом выдохнул, успокаиваясь, и снова сел.

Тогда Эгиль полностью убедился в правоте церкви и решил пройти обучение, чтобы помогать очищать мир от магической заразы. Конечно, через какое-то время и ценою больших жертв, особенно среди обычных людей, древних магов удалось усмирить. Убить. Но магия-то никуда не делась, никуда не делись обычные маги, которые тоже были опасны. Кто сказал, что любой из них не может сойти с ума и начать убивать всех вокруг? Теми жестокими способами, которым люди совсем ничего не могли противопоставить. От этого могло уберечь только одно — уничтожение всех магов.

— К нашему счастью, церковь смогла начать охоту. Но маги же не только дурные, но ещё и хитрые. Они все идут куда-то своими тайными тропами, чтобы всё переждать. Пережить. Наверняка многие сбегают в Кольнем, но там мы пока бессильны. Но ничего... Однажды мы поймаем тех, кто всё расскажет...

Эгиль ни секунды не сомневался в том, что его призвание — стать палачом. Пытать и убивать магов на благо церкви — разве можно найти занятие лучше? Разве можно найти палача лучше, чем тот, кто ненавидит магов больше, чем главы церкви? Однако в тени ненависти медленно разрастался и страх. Ведь никто не знает, когда в руки церкви попадётся маг, который будет слишком силён, чтобы его смогла сдержать местная защита. Особенно опасны были ведьмы, ведь проклятья — их стезя. И всё равно Эгиль нравилась его работа.

— Знаешь, — отметил он между делом, — когда слой за слоем срезаешь с магов кожу и плоть, многие из них внутри оказываются очень похожи на людей. Это, конечно, тоже

обман. Их просто ещё магия недостаточно поглотила. Я видел тех, у кого текла чёрная кровь, у кого кости были цветные. Я доставал из них органы, которые никак нельзя было перепутать с человеческими. Такое уродство не должно существовать. Тем более наравне с людьми. Но, знаешь... Среди тех, кто попадал ко мне, была одна...

Эгиль поморщился и нервно дёрнулся, подходя в воспоминаниях к ведьме. Он даже не знал её имени, ведь это ни к чему, а внешне помнил только что-то такое же кровавое, изуродованное, изодранное, как и многие другие. В его памяти она больше была похожа на сплошную рану, чем на женщину. Он даже помнил, как вырвал ей соски и клеймил половые губы. А лучше бы забыл о ней всё.

Та ведьма была очень сильной, удивительно, как её вообще удалось поймать. Однако задаваться такими вопросами не задача Эгиля, у него другая работа, которую он и выполнял. Чем сильнее маги и ведьмы, тем с ними веселее, тем дольше они остаются в сознании, да и банально живы. С той в этом плане было очень хорошо. На ней целого места не осталось, она вся была в крови, но жива, бодрa, полна гнева. Надо было быстро убить её, но Эгилю слишком нравилось смотреть, как она бессильно билась в оковах, как направляла прямо на него опустевшие глазницы. Это было непростительной ошибкой. Защита пыточной не смогла сдержать все силы ведьмы, поэтому, почувствовав близость смерти, она прокляла Эгиля.

— Мне кажется, я до сих пор слышу её... Бог мой... — Эгиль обхватил голову руками и с ужасом посмотрел на Хенбетестира. — Я бы хотел избавиться от этого проклятья. Но это невозможно. Словно это было вчера, я помню, что она говорила. Она ведь, издеваясь, сказала, в чём будет заключаться проклятье. И даже как положить ему конец. Сказала, что остаток жизни я проведу в вечном страхе, а, переродившись, сам стану магом, который обречён связать свою жизнь с ведьмой. Но это породит только страдания. И разорвана проклятая связь будет только тогда, когда стороны простят друг друга. То есть, никогда.

Эгиль запрокинул голову и рассмеялся. Это был смех человека, который с каждым годом всё больше сходил с ума. Который с каждым месяцем приближался к краю. Которого с каждым днём всё сильнее поглощал страх. Именно он уже давно был ведущим чувством, а не ненависть. Та осталась, но просто скромно позволяла чувствовать себя лучше во время работы. Просыпаясь, засыпая, каждую минуту своей жизни Эгиль чувствовал только одно — страх.

— Эта дрянь специально задала невыполнимое условие. Убила мою и без того раздолбанную магией жизнь. Обрекла стать одним из тех, кого я ненавижу. Вот это номер, вот это юмор! — Эгиль смахнул проступившие слёзы, блеск его глаз был совсем нездоровым. — Но это всё когда-нибудь. Может, её сил и не хватило на эту часть. Какая мне разница? Пока я могу, я буду избавлять мир ото всех, кто попал в мои руки. Так, как они того заслуживают.

Он ненадолго затих и прислушался. Он что-то уловил из соседней комнаты, из-за чего губы растянулись в кривой улыбке.

— Кажется, очнулась. Люблю таких, которые быстро в себя приходят. Эй, может, пойдёшь со мной? Посмотришь на работу того палача, о котором только слышал. Не волнуйся, это не займёт много времени. Ей осталось недолго.

Хенбетестир, кажется, хотел возразить, но Эгиль не обратил на это внимание и потащил его за собой. Ему очень хотелось показать своё творение. Он очень не хотел оставаться сейчас с колдуньей наедине. Зашедший для разговора незнакомец оказался очень кстати. Что

толку слушать сплетни? Лучше самому посмотреть на то, как вырываются ногти, с хрустом давятся пальцы, раскалённым крюком разрывается грудь. Эгиль не отпускал Хенбетестира до тех пор, пока жертва не умерла, но стоило гостю уйти, как о нём в самом деле почти ничего не осталось в памяти.

Шли дни. Страх продолжал вытеснять рассудок. Эгиль, как обычно, пришёл в пыточную, но новую жертву к нему ещё не привели. С напускной скукой он рассматривал грязный пол и вдруг заметил блеск. Появилось подозрение, что это у кого-то из недавних жертв выпал потаённый артефакт. В таком случае от него требовалось избавиться, однако Эгиль не мог решиться даже приблизиться к этой вещи. Магические предметы опасны не меньше магов, их глупо вот так просто трогать.

«Но ведь здесь он не должен работать... — попытался убедить себя Эгиль. — Его в любом случае надо убрать с пола. А вынести отсюда попрошу кого-нибудь другого...»

Эгиль подошёл и наклонился. Возле кресла, в котором не так давно сидела та волшебница с фиолетовыми глазами, лежал просто осколок какого-то камня. Необычного камня, да, но сами по себе камни не так уж опасны. Эгиль поднял его, но когда выпрямился и разжал руку, та оказалась пуста. А вместе с тем оказался пуст разум, ушли последние отголоски здравомыслия. В порыве безумия Эгиль раскалил штырь и пробил себе горло.

Горло всё ещё жгло, болело сердце, а в голове была какая-то каша. Широко раскрытыми глазами Эгиль бессмысленно смотрел на потолок и пытался прийти в себя. Осознать, что произошедшее было просто сном, пусть и сном о прошлом. Да, когда-то в далёкой жизни это был он, но ведь не сейчас. Сейчас он не сумасшедший палач, который пытается ненавистных магов. Сейчас он ни за что не смог бы сделать ничего подобного. Даже от мысли о таких вещах становилось тошно.

Его трясло, но надо было хотя бы внешне казаться спокойным. Да какое там спокойствие, когда сон ощущался слишком реально? Не просто страшная картинка, на которую смотришь со стороны. Эгиль чувствовал всё, чего касался, ощущал все запахи. Пропустил через себя все эмоции, которые испытывало в те моменты его прошлое.

И всё же... Была одна вещь, за которую можно было поблагодарить сон. Эгиль, наконец, вспомнил, узнал, какое же ещё проклятье висело на нём. Тянулось через многие жизни, возможно, даже дольше, чем проклятье хранителей, ведь оно возымело силу только после чар Ингрид, а она жила во время следующей охоты.

— Кажется, ты была права, — прошептал он, когда нашёл в себе силы сесть. — На этот раз мы сможем исполнить условия и закончить хотя бы это. Знай, с моей стороны прощение точно есть. Надеюсь, ты тоже простишь меня, И.

Глава 40: Пять, шесть, семь — грядёт

Гленда забежала на кухню и очень удивилась, что там никого не было. Это показалось странным, ведь даже до пробуждения Мастера Сюзанна вставала очень рано и приходила на кухню первой. Однако на обычном месте стоял завтрак, который надо было подогреть, чем и занялась Гленда. За ней, словно тень, в кухню зашёл Мастер и просто сел в углу. Гленда постаралась не подавать виду, что ей всё ещё было немного неуютно от столь пристального его внимания.

«Может, Сью отошла в огород?» — подумала она между делом.

Скоро подошли Мейнир и Элеонора, было странно, что так и не появилась Ирмелин. Она, в отличие от остальных, не страдала бессонницей, но тоже рано вставала по утрам. На душе становилось беспокойно, но в последние дни тревога стала настолько привычным спутником, что Гленда не обратила на неё внимания, вместо этого она помогала накрывать на стол в столовой. Каким бы условным ни был завтрак, он позволял чувствовать себя людьми чуть больше, чем это было на самом деле. К тому же, Сюзанна ведь очень старалась, слишком бессовестно было бы это проигнорировать.

Фрейя и Мейлир, похоже, встретились по дороге, потому что в столовую вошли уже о чём-то споря, но их быстро отвлекли Элеонора и Мейнир. Потом пришли близнецы. Они казались встревоженными, когда внимательно осматривали присутствующих.

— Сью и Дикра не появлялись? — спросил Лауге, его брат нервно улыбался.

— Нет. Когда я пришла, завтрак уже стоял, но Сюзанны не было, — ответила Гленда. — Я подумала, что она снаружи...

Близнецы переглянулись, у Лауге было такое выражение, словно на улице они уже посмотрели.

— Мы пойдём поищем их, — сказал он, прежде чем они спешно покинули столовую.

— Наверное, надо будет подождать всех... Вы не слишком торопитесь? — уточнила Гленда у Элеоноры и Мейлира.

— М-мы сегодня свободны, — пробормотала Элеонора, нервно сжимая подол юбки и смотря куда-то в пол.

Однако никто из отсутствующих не торопился приходить.

— Сад? — спросил Исаак, когда они бежали по коридору. Ложь. Лауге тоже понял это.

— Комната? — прозвучало почти правдиво, и Лауге не знал, как это «почти» толковать.

Одно близнецы знали точно — что-то случилось. Это что-то было связано с ведьмой, но как бы хорошо они это ни понимали, до последнего не хотелось верить в худшее. То худшее, о котором они знали с самого начала. Близнецы застыли перед дверью, не решаясь открыть. Их сердца стучали одинаково быстро, а тревожные мысли были почти идентичны. Первым не выдержал Исаак. Сначала он постучался, но вместо того, чтобы дождаться ответа, распахнул дверь и зашёл в комнату.

Та была пуста, и можно было подумать, что надо бы пойти проверить другое место, но в глаза бросилось кровавое пятно на кровати Дикры. Близнецы синхронно выдохнули и перевели взгляды на ближайшую стену. Там было два портрета. Лауге потерял дар речи, Исаака трясло, как от приступа истерического смеха. С совершенно неуместной натянутой улыбкой он подошёл к портрету Сюзанны, дрожащей рукой коснулся рамы. Здоровый глаз

начал слезиться. Исаак обхватил себя руками, его бросало то в жар, то в холод, пока он смотрел на портрет Сюзанны, которая как всегда мягко улыбалась. Как никогда хотелось, чтобы всё это оказалось жестокой игрой вышедшей из-под контроля силы, но Мастер держал осколки в узде, а реакция брата подтверждала, что он видел то же самое.

— Дрянь! — гневно воскликнул Исаак и резко развернулся. — Сколько мы можем об этом молчать? Хватит! Мы все скоро помрём, так почему другие не могут знать правду? Днём раньше или позже... Уже не имеет значения. Если не вы, то я расскажу *правду*.

Исаак уже выбежал из комнаты, когда Лауге смог прийти в себя. Он знал, о какой правде собирался рассказать брат, и хотел остановить, но теперь для этого нужно было догнать. Лауге сразу знал, что не сможет, а Исаак очень старался успеть первым и молил только о том, чтобы Эгиля до сих пор не было в столовой. Он точно всё поймёт и помешает. Он и без того был предательски близко с ведьмой.

Дверь в столовую распахнулась так резко, что могла бы сильно ударить приблизившуюся на звук шагов Гленду, если бы та благоразумно не остановилась на расстоянии, но хранительница всё равно испуганно отшатнулась, когда Исаак ворвался в столовую. Он быстро окинул помещение взглядом и облегчённо выдохнул, убедившись, что Эгиля всё ещё нет. Ещё ничего не было сказано, а в груди уже болело от того, что придётся быть честным.

— Что случилось? — осторожно спросила Гленда.

— Ведьма, — сквозь зубы выдавил Исаак. Он шумно дышал, пытаясь прийти в себя после стресса и бега.

— Чё она сделала? — с плохо скрываемым беспокойством резко спросила Фрейя.

Исаак опёрся на стену и с отчаянием посмотрел на присутствующих. Нельзя было медлить, скоро тут окажется Лауге, однако горло сдавливало не только лживое влияние осколка, но и смертельная клятва. Та, которая заставляла молчать всё это время.

— Всё это время ведьма была среди нас, — сдавленно сказал он, чувствуя привкус собственной крови. — Каждый грёбаный раз. Жертва всегда была только одна. И ведьма сама приводила её сюда, — Исаак обернулся к открывшейся двери, запыхавшийся Лауге тоже зашёл в столовую, поэтому он поспешил выпалить: — Ирмелин — это Ингрид. Медленно бегаешь, братец, — сказал он и громко рассмеялся. Впервые в жизни.

— *Исаак...* — испуганно пробормотал Лауге.

Все застыли в шоке, непонимании. То, что сказал Исаак, безжалостно выбивало из колеи, но разве можно верить словам хранителя лжи? Не имел ли он ввиду что-то противоположное? Только Лауге, тяжело сглотнув, схватил брата за руку и с сожалением посмотрел на остальных.

— Это правда, — сказал он так сипло, тихо, словно что-то сжимало его горло.

Близнецы снова выбежали из столовой. Перед уходом Лауге быстро обернулся и с тоской посмотрел на Гленду. Дверь за ними захлопнулась, а остальные хранители не могли пошевелиться — невидимая сила парализовала их, чтобы никто не посмел нарушить запланированный ведьмой ход событий. Только Мастер был свободен в своих действиях, но ему было всё равно куда и зачем ушли хранители, ему тоже надо было осознать услышанное. Понять, как близко всегда находился злейший враг. Понять, как часто рядом были предатели.

Эгиль был единственным, кто и не думал идти утром в столовую. Как и Ирмелин.

Конечно, эти вещи были связаны. Не получив ответа на стук в дверь, он направился к месту, где была надёжно спрятана дверь, ведущая в часовую башню. Эгиль тоже не знал об этой двери, просто это было их обычным местом встречи в последние дни. Предчувствие подсказывало, что и сейчас надо ждать здесь.

Эгиль стоял, привалившись к стене, и всеми силами пытался унять дрожь. Из всех вещей он больше всего боялся ведьмы. Больше всего и больше всех. Присутствие Ингрид доводило до оцепенения и ужаса любого из хранителей, нет сомнений, даже похожая на бесстрашную Фрейя испытает это жалкое чувство, когда придёт её время. Что уж говорить о нём. Зная правду, Эгиль испытывал приступы неконтролируемого страха каждый день с момента прихода Ирмелин. И даже это не помешало ему влюбиться. Абсурдно, но такова его участь.

— Я ожидала, что встречу тебя здесь сегодня, — раздался рядом голос, заставляя Эгиля вздрогнуть, потому что, погружившись в мысли, он ослабил над собой контроль.

— Почему?

Ингрид подошла к Эгилю, обняла его и уткнулась в ключицу, не давая рассмотреть выражение лица. Она не спешила отвечать, цепляясь за рубашку хранителя так, словно умрёт, если их сейчас разделить. Только вот Ингрид уже очень давно не боялась своей смерти. Она была бы счастлива найти покой, но не имела права на такое благо.

— Твой осколок был среди тех, которые проявили этой ночью повышенную активность. Я подумала, что ты мог что-то узнать этой ночью и захотеть об этом поговорить. Пока есть такая возможность.

Эгиль усмехнулся и кивнул. Он слегка отодвинул от себя Ингрид, чтобы мягко обхватить руками её лицо и приподнять его. Сейчас они были одинаково бледны. Когда он был рядом с Ирмелин, то, как и среди прочих людей, слишком хорошо замечал, насколько выбелило кожу проклятье. А вместе с Ингрид мог почти забыть об этом, так хорошо они сочетались. Эгиль тихо вздохнул. Она выглядела слишком измотанной, под глазами залегли тени. Для Ингрид эта ночь тоже оказалась очень тяжёлой.

— Ты сегодня совсем не спала? — тихо и с беспокойством спросил Эгиль.

— Я убила близняшек... — также тихо ответила она, а в голосе послышались всеми силами сдерживаемые слёзы. — И до утра очищала их осколки. Я заглушила часы, чтобы они не разбудили вас. Скажи, что ты видел этой ночью?

— Прошое. Я... Я видел прошое. Кажется... — Эгиль закусил губу и чуть тряхнул головой, заставляя себя говорить. — Думаю, это было то само прошое, отрывки которого я начал видеть после зачарования. Только теперь это были цельные эпизоды. Я видел тот день, когда встретился со странником. До того, как он стал Мастером. А потом то, как подобрал осколок. Точнее, не я... Но его звали также. Я, наверное, его перерождение...

— Активированные осколки показали память, которую хранили, основываясь на памяти души, — тихо сказала Ингрид. Для неё это многое объясняло.

— Да, наверное. Я бы не хотел говорить, что именно было в том прошлом, но... Ингрид, я вспомнил, какое проклятье связывает нас.

Она молчала, но точно хотела услышать продолжение. Эгиль глубоко вдохнул в попытке убедиться, что верно всё запомнил из рассказа и мыслей своего прошлого, ведь сам момент проклятия не видел. И хорошо, потому что ему хватило и одной изувеченной волшебницы.

— В прошлом я убил ведьму. Я был палачом, который ненавидел всех магов, и пытал её. Перед смертью она сказала, что до конца той жизни меня будет поглощать страх, а потом я сам перерожусь магом и влюблюсь в ведьму. Буду одним из тех, кого ненавидел, и сам свяжу

себя с той, кого ненавидел. Тогда для меня уже и этого знания хватало, чтобы ужаснуться от проклятья. Но ведь на самом деле это было бы слишком гуманно... Поэтому она сказала, что эта связь принесёт мне много страданий, что я сполна пойму, каково на самом деле было магам, которых я убивал. И это проклятье будет преследовать меня, пока мы не простим друг друга.

Тяжело вздохнув, Эгиль огладил бледную щёку. Ингрид не выглядела удивлённой, скорее задумчивой. Она покачала головой и слабо улыбнулась. Немного облегчённо и очень печально.

— Теперь-то я очень хорошо знаю, насколько проклятья опасны и подлы к тем, кто их насылает. Делая зло другим, будь готов принять его и на себя, и не надейся, что смерть поможет этого избежать. Что ж, значит, хотя бы одно мы смогли разрушить? — спросила она и получила в ответ неуверенный кивок. — Я не помню этого, но по знакомым чарам могу понять, что в этом тоже виновата я. Знаешь... — Ингрид положила правую руку Эгилю на сердце. Он вздрогнул, но быстро понял, что момент смерти ещё не настал. — Мой муж был слабым магом. И я чувствовала на нём такую же знакомую магию, но так и не нашла причину этого чувства. Иронично и очень ожидаемо, проклятье связало тебя со мной. Значит, оно же постаралось потом всё разрушить. Ради мести я испортила своё же будущее...

— Ингрид, ты не виновата, — твёрдо прервал её Эгиль. — В момент проклятья тобой двигали отчаяние и гнев. Совершенно справедливый гнев. А жизнь поломала начавшаяся охота. Она бы никуда не делась, даже не будь того проклятья.

— Нет, — она отрицательно качнула головой. — Ничто не оправдывает такого поступка. Из-за этого и существует отдача. И она тем сильнее, чем большее зло было совершено. Магия, в отличие от нас, непреклонна и справедлива. И всё же... — Ингрид посмотрела на серебряное кольцо с серым камнем, оно было надето как раз на правый безымянный палец. — Пока мы были вместе, я была счастлива. Моя семья — самое ценное, что у меня было, но как память о тех днях осталось только кольцо. Оно заменяло обручальное, мы ведь не могли заключить брак законно. С его же помощью я тринадцать раз убивала своих близких. Потому что у меня больше не было ничего, что можно было бы использовать как сосуд для энергии. У моих новых тел почти не было сил... — Ингрид развернула руку и посмотрела на ладонь. Чистую, но ей всё ещё мерещилась кровь. — У Дикры была душа нашей дочери. Почему тогда я не знала, что она выжила? Я ведь думала, что потеряла всех, поэтому была готова на любой шаг. Вся моя жизнь — это ошибки и расплата за них.

Эгиль поцеловал Ингрид в лоб и прижал её к себе. Ему было ненавистно то, что она вешала всю вину на себя, но переубедить было невозможно. Оставалось только быть рядом до тех пор, пока он не погибнет от её же руки. Странно и безумно — обнимать свою убийцу, подсознательно отсчитывая минуты до конца, но Эгиль правда любил её. Не потому, что так велело проклятье. Просто любил и потому сожалел, что вскоре должен покинуть. Снова оставить одну наедине с грузом ответственности, ошибок и чужой ненависти. Ведь для остальных Ингрид — только источник зла, но можно ли их судить, если они её совсем не знали? Они знали только ту часть истории, в которой Ингрид была причиной всех бед, страшной ведьмой, жестокой убийцей.

Эгиль аккуратно оттолкнул от себя Ингрид и согнулся, схватившись за горло. Им не нужны были слова, чтобы понять, что это значило, что произошло. Ингрид взмахнула рукой.

Нужно было остановить остальных и как можно быстрее привести сюда близнецов. Их должна убить она, а не нарушенная клятва. Ну почему только смерть может быть достаточно убедительной причиной, чтобы хранить молчание?

Секунды растягивались до целой вечности. Ингрид судорожно вцепилась в своё же запястье, оставляя ногтями глубокие красные отметины. Эгиль пустился на колени, хрипло и поверхностно дыша. Шаги близнецов стали слышны, только когда он начал заходиться в кровавом кашле. Ингрид раздражённо цокнула и отпустила запястье, длинный рукав тут же скрыл следы её беспокойства.

— Слишком долго, — прошипела она.

Пол сковал ноги близнецов, как только они оказались достаточно близко. Ингрид окинула их быстрым, но внимательным взглядом. Судя по состоянию Исаака, именно он нарушил клятву, значит, первым нужно убить его. Ингрид сделала шаг навстречу. Последний шаг, которого недоставало ей, чтобы дотянуться до близнецов, которые продолжали держаться за руки. Потому что не могли больше пошевелиться. Дальше было быстро.левой рукой Ингрид закрыла Лауге правый глаз, а правой вырвала осколок из сердца Исаака. Сразу после этого левая рука опустилась к сердцу второго хранителя. Пара резких движений, и вот у неё два осколка и две окровавленные руки, а вместо трупов — портреты.

Ингрид тут же развернулась к Эгилю, который держался из последних сил. Она кинулась к хранителю и опустилась рядом. По всему замку раскатывался бой часов. Пять ударов, а почти сразу за ними — шесть.

— Ну и дети, даже день спокойно дожить не дали, — усмехнулся Эгиль, но это прозвучало слишком надорвано.

— Теперь уже ничего не поделать, — прошептала Ингрид, откладывая осколки в сторону и одной рукой обнимая хранителя.

— Да, но... — Эгиль, пересиливая себя, поднял голову и посмотрел ей в глаза. — Любимая, пожалуйста, не вини себя. Ни за прошлое, ни за настоящее. Просто... Найди свой покой.

Ингрид поджала губы. Ответ не шёл в голову и не было времени подбирать слова. В прошлый раз она уже оплошала, когда не смогла убить того, кого любила.

— Друг перед другом мы больше не имеем долгов, поэтому найди покой и ты, — прошептала она в покрасневшие от крови губы и припала в последнем поцелуе.

Окутанная невидимой магией рука давно отработанным движением пробила грудь, с отвратительным треском ломая рёбра. Тонкие пальцы лучше любого наточенного ножа вонзились в такое тёплое, незащищенное и давно потерявшее покой сердце. Теперь оно, наконец, перестанет испуганно трепыхаться в клетке груди. Ингрид нащупала осколок и вместе с пальцами сомкнула губы. В её объятиях была только пустота. И семь ударов отдавались в голове.

«Надо поторопиться отнести осколки. Они точно захотят меня найти», — отрешённо подумала Ингрид, поднимаясь с пола. Хотелось бы в последний раз увидеть всех, ведь больше она не сможет открыто находиться рядом с ними.

Как только часы затихли, с хранителей спало оцепенение.

— Семь часов, — еле слышно прошептала Мейнир, вцепившись в Мейлира.

Только что они потеряли ещё троих. Или четверых? Ведь Ирмелин, которую они считали частью своей объединённой одним несчастьем семьи, теперь была врагом.

Близнецы же сказали правду? Даже если поверить Исааку было сложно, его слова подтвердил Лауге. Он бы не стал пересиливать себя и врать, тем более о таком.

— Надо проверить, — сказала Фрейя, вскочив со своего места.

Как ни странно, но ей ответил согласным кивком Мастер. Кажется, это был первый раз, когда он среагировал на кого-то, кроме Гленды, когда фраза не была обращена напрямую к нему. Следом согласился Майлир, а у остальных просто не было выбора — теперь их бы точно не оставили одних. Фрейя взяла за руку Элеонору, Мейлир подхватил под локоть Мейнир, а Мастер просто поднял Гленду на руки, потому что от навалившихся эмоций ей снова стало слишком плохо, чтобы идти самой.

— Н-но к-куда нам идт-ти? — спросила дрожащим голосом Элеонора и тихо всхлипнула. На неё снова навалилась чужая боль, только теперь их осталось шестеро.

— В комнату, — резко и уверенно ответил Мастер. Он и сам не понимал, почему решил начать оттуда, просто чутьё подсказывало. Чутьё на врага.

Никто не стал спорить, они просто пошли за Мастером. Для хранителей он вед главный, их сердца слишком сильно связаны. Мастер шёл быстро, но не переходил на бег, даже если очень хотелось. Беспокоился, что от этого может стать хуже Гленде, которую он заботливо прижимал к своей груди. Почему этот ребёнок заставлял его хоть что-то испытывать? Об этом ещё будет время подумать, однако сейчас все мысли занимала Ингрид.

Так как у Мастера и Мейлира руки были заняты, дверь открывала Фрейя, предварительно задвинув Элеонору себе за спину и положив вторую руку на эфес меча. Даже осознавая, что это может оказаться бесполезным против ведьмы, она не хотела чувствовать себя беззащитной и беспомощной. От сил хранителей не было толку, от оружия — был.

Ирмелин стояла спиной к окну и улыбалась. Было видно, что она ждала гостей, но не настолько, чтобы отмыть руки. Или она просто хотела предоставить это как ещё одно доказательство? Их не требовалось, все и так почувствовали присутствие ведьмы. Внешность Ирмелин изменилась так плавно, что это удалось осознать только когда она стала совсем другой.

— Ингрид, приятно познакомиться, — проворковала она и улыбнулась ещё шире. — Как жаль, что вы больше не примете меня в свои ряды... Ну ничего, я ещё пообщаюсь с каждым из вас. Извините, сейчас на это нет времени. До встречи в восемь часов.

Ингрид помахала рукой и исчезла раньше, чем кто-либо успел что-то предпринять. Фрейя бросилась вперёд, но меч рассёк пустоту.

Глава 41: Судьба на троих

В часовой башне Ингрид ожидали в спешке оставленные на столе осколки. Несмотря на способность свободно перемещаться по замку, в тот момент Ингрид испугалась, что не успеет. Что все придут в комнату, пока её там не будет. Почему? Точного и разумного ответа не было. С одной стороны — это самый простой способ в последний раз увидеться сразу со всеми, с другой — не хотелось заставлять бегать в поисках по всему замку. Потому что если они уже узнали, кто она, в этом вопросе надо было поставить точку. Развеять болезненные остатки сомнений.

Ингрид хорошо помнила последние слова Боргхилль: «В моей истории уже поставлена точка. Не надо превращать её в многоточие — это больно». Она вспоминала о них всякий раз, когда не справлялась, когда не хватало решимости всё обрубить. И резкая точка становилась трусливым многоточием, за которым следовал новый круг проклятия.

«Порассуждаю об этом потом, сейчас мне надо очистить три осколка», — вернула себя к реальности Ингрид, задёргивая шторы.

Осилить три осколка за раз, даже если у них общее прошлое, уже задача сложная, но ещё труднее становилось из-за того, что лишь несколько часов прошло после очищения двух предыдущих осколков. Ингрид описывали как очень сильную ведьму, но таковой по большей части она была на фоне нынешних магов. Мир медленно покидала магия, так что почти всегда новое поколение было слабее предыдущего. Ингрид по силе была почти как раньше, но и близко не такой всемогущей, как говорилось в легендах. Просто старая ведьма в слабом, почти человеческом теле.

Ингрид достала необходимые для ритуала вещи. Всё как обычно: миска, вода, зелье, заклятье. Привычно, почти на автомате. От этого становилось жутко: она так часто убивала кого-то, что на самом деле непростой ритуал стал обычным делом. Как какао сварить. Только каждый раз, как в первый, было страшно от того, что предстоит увидеть. Какое прошлое было у хранителей на этот раз?

В тринадцатом поколении был один хранитель, который родился нормальным человеком. Не просто был похож на нормального, проявил странности со временем. Он на самом деле первые годы жизни был просто человеком, потому что родился раньше Мастера, во времена жизни до замка — Освалля. Конечно, этим хранителем был Эгиль.

Он родился в самой обычной семье. Отец был охотником, а мать работала в мясной лавке. В доме поддерживалась атмосфера уюта, а первые три года жизни стали для Эгиля самыми беззаботными. Тогда ещё он был единственным ребёнком в семье. Тогда ещё он боялся не больше прочих детей. Но наступил *тот* день.

Трёхлетний Эгиль сидел на полу и мирно играл с игрушками, которые заботливо сделал его отец. Пока ещё русые детские кудряшки золотисто поблёскивали в тёплом свете. Беременная мать лепила на кухне пельмени, изредка заглядывая в детскую, убедиться, что с ребёнком всё хорошо. И всё было хорошо. А потом Эгиль упал, скорчился от боли в сердце, от колючей энергии, быстро распространившейся по телу. В тот момент он очень испугался, что умрёт. Так сильно, что не мог ни пошевелиться, ни позвать на помощь. Только лежать и бояться чего-то неизвестного и очень болезненного.

Приступ закончился раньше, чем мать снова заглянула в комнату. Приступ — да, но

страх полностью не прошёл. Он был ещё слабым и просто заставлял более нервно реагировать на многие вещи. Но к тому моменту Эгиля уже начали готовить к роли старшего брата. К тому, что придётся стать защитой и опорой для того, кто слабее, кто родится, когда Эгилю уже исполнится четыре. Будучи послушным ребёнком, желая, чтобы родители им гордились, чтобы гладили по голове, называя своим незаменимым помощником, Эгиль старательно запирали страхи в себе. Не всегда получалось, ведь он был ребёнком, однако и этого хватало, чтобы никто не догадывался, какой мрак зарождался в его голове и сердце.

Было бы проще, если бы от страха страдал только сам Эгиль. Влияние осколка было ещё очень слабым, но достаточным для того, чтобы вселять страх в наиболее подверженных этому чувству. В других детей. Одни избегали Эгиля, другие начинали плакать в его присутствии. Как бы он ни хотел, он не мог завести друзей. Поэтому замкнулся, убедил себя, что ему это не нужно. Становился всё более молчаливым, сдался после множества неудачных попыток и держался в стороне. Сам себе был напарником в играх, собеседником. Попытки обуздать страх привёл к тому, что начали пропадать остальные эмоции. Проще, когда не проявляешь ничего. И это тоже не позволяло сблизиться с другими детьми.

Скоро в этом отпала надобность, ведь родился младший брат. Да, он тоже реагировал слезами на приближение Эгиля, но по прошествии времени, похоже, привык. И Эгиль привык. Он хорошо выполнял обязанности брата, особенно для своего возраста, тут его нельзя было в чём-то упрекнуть, но большая часть эмоций оказалась заперта глубоко внутри, а оставшиеся были слишком тихими. Тихая злость, тихое раздражение, тихая радость, тихий смех. Всё было столь приглушённым, что Эгиль казался не по годам строгим, серьёзным, взрослым, когда на самом деле ему часто хотелось подбежать к маме и со слезами пожаловаться на страшную тень, на стук веток об окно ночью, на холод, скользнувший по спущенным с кровати ногам. Хотел. И не мог. Теперь и навсегда он — старший, а значит не имел права проявлять слабость. Это могло напугать тех, кто слабее. К тому же, он замечал, что его страх был особенно заразен.

Когда Эгилю было пять лет, он снова почувствовал, как посторонняя сила прошла по телу, и увидел странный сон. Там была ведьма. Одна и та же, но в разное время. В разных местах. Эгиль чувствовал, что как-то связан с ней, да мог ли он тогда понять большее? Ни тогда, ни далее, почти до самой смерти оставалось слишком много белых пятен. Однако тем утром Эгиль осознал, что теперь у него два главных страха: смерть и ведьмы. С первым было понятно, причину второго он нашёл в том, что в их местности была сильна нелюбовь к магам, их явно опасались, что прививали и детям.

Годы шли. У Эгиля темнели волосы и глаза, а на кожу всё хуже ложился загар. Родились двойняшки — брат и сестра, забота о которых тоже отчасти легла на Эгиля. Он просто смирился с этим. Несмотря на капризы мелких, на то, что иногда приходилось получать вместо них наказания, лучше быть с младшими, чем одному. Они к сознательному возрасту хотя бы привыкали к присутствию Эгиля, сойтись с другими детьми у него всё так же не было шансов. Несмотря на весь самообман, Эгиль боялся одиночества. Оставаясь наедине с собой, он оставался наедине со страхами, которые было сложнее контролировать, потому что пропадала необходимость играть роль старшего.

Эгиль никогда не был слишком заботлив, опекал младших ровно настолько, чтобы с ними не случилось ничего серьёзного. Считал, что они обязательно должны набивать собственные шишки, совершать ошибки, привыкать к трудностям, учились быть самостоятельными. Чтобы не бояться всего этого. Эгиль как никто понимал, насколько

сложно жить со страхами, но сам мог только обзаводиться новыми.

Семья Эгиля тесно дружила с другой семьёй, и когда ему было девять, у друзей-соседей родились близнецы: Лауге и Исаак. Первый родился без левого глаза, второй — без правого. Уже при первой встрече с ними Эгиль почувствовал схожесть. Связь, которой только предстояло окрепнуть. Так как родители близнецов были ещё более занятыми, чем родители Эгиля, очень скоро на него повесили и этих детей. Помимо этого, он ещё и учился в школе, помогал учить младших, а редкое свободное время проводил за чтением или с отцом. Последнее Эгилю особенно нравилось. Одному или с первым братом слушать истории с охоты, учиться что-то мастерить.

— Когда вырастете, я обязательно возьму вас на охоту, — в очередной раз сказал отец.

— Правда? — воскликнул брат, чуть ли не светясь от восторга. Он хотел пойти по стопам отца и завидовал старшему брату, которого раньше посвятят в серьёзные дела. — Прямо на настоящую? Так классно! Правда же, Эгиль?

— А?.. Да. Было бы здорово... — ответил он с вялой имитацией энтузиазма.

Эгиль не хотел быть охотником. Он боялся опасностей, связанных с этой деятельностью. Боялся и не хотел собственноручно лишать кого-то жизни. Уже знал, что обладал некой силой, которая ещё плохо поддавалась контролю и которая могла стать помехой — спугнуть животных, даже если Эгиль никак не выдаст своё присутствие. Но от него ждали этого пути. Он снова смирился и внимал настояниям отца, его урокам.

«Ты старший», — часто слышал Эгиль, а ещё чаще повторял сам себе. И постепенно переходил на более тёмные вещи, потому что замечал всё больше странных следов на теле, о которых не решался сказать. Ведь это выглядело как что-то связанное с магией. Если об этом узнают другие, это может доставить проблемы семье. Нельзя. Нельзя показывать, что с тобой что-то не так, нельзя делиться тем, что на душе. Уже давно миновал тот момент, когда ещё можно было выдать свою слабость. Признаться, что ты не такой уж серьёзный, хладнокровный и не по годам взрослый, как всем казалось. Поздно. Не поймут. Не примут. Заставят перестать выдумывать, жаловаться, и убедят дальше жить в удобном для других образе.

— Магическое отродье! — Эгилю не впервой было слышать такие слова. Только в этот раз это говорила не мелюзга, не одноклассники за спиной, а группа подростков, загнавшая в тупик.

Внешне казалось, что Эгиля совершенно не беспокоила сложившаяся ситуация, что только сильнее выводило подростков из себя. На самом деле он очень боялся и совершенно не представлял, что делать. Страх снова охватил так сильно, что не получалось даже крикнуть. Как в детстве, только хуже и опаснее. Эгиля ударили по голове сломанным черенком от лопаты. Он упал на землю, кровь начала заливать левый глаз, вокруг которого ещё не было звезды.

Эгиль остекленевшим взглядом смотрел на подростков. Отчётливо понимал, что его сейчас избьют и хорошо, если не до смерти. Хорошо, если после этого он как-то доползёт домой. Но если нет... Если он умрёт в этом грязном тупике... От мыслей об этом колючая тьма расплзлась по телу, проступая не только чёрными линиями, но и редкими тонкими шипами. В тот момент, когда глаза Эгиля полностью почернели, весь его страх перекинулся на обидчиков. Он не помнил, что именно произошло дальше, только крики ужаса и топот убегающих ног. Эгиль боялся, что после этого случая его точно нарекут магом, но либо у тех подростков тоже не осталось отчётливых воспоминаний, либо им не поверили.

Сложно было сказать, новые способности больше впечатлили или напугали, точно Эгиль знал одно — он не хотел снова их применять. Это больно. Это чревато внешними изменениями. Это слишком жестоко, даже если заслуженно. Это вполне могло закончиться тем, что неизвестная сила в итоге поглотит его самого.

Тем временем близнецы, когда немного подросли, оказались довольно проблемными детьми. Лауге был слишком прямолинеен, из-за чего часто обижал других детей. Ему было слишком сложно привить корректность и объяснить, что какой бы правильной ни была правда, не надо постоянно ею во всех тыкать. Исаак слишком любил врать и отказывался воспринимать слова о том, что это нехорошо и неправильно. Оба слишком любили проказничать, выводить окружающих на эмоции. Сохранять с ними спокойствие мог только Эгиль, который даже отчитывал с эмоциональным диапазоном табуретки. Близнецы его уважали, боялись и считали старшим братом.

Эгиль о близнецах беспокоился, как о родных, ведь странности, которые они проявляли, только укрепляли подозрения о схожей судьбе. А значит, рано или поздно их могли заподозрить в связи с магией. Если не уследить, они могли в раннем возрасте столкнуться с более серьёзными проблемами, чем отсутствие друзей. Последнее и так наблюдалось: одних детей пугала одноглазость, другие из-за этого начинали задирать. Лауге отталкивал не только излишней прямоотой, но и резкой реакцией на чужую ложь, потому что в детстве плохо понимал разницу между ней и простой выдумкой, а ещё на вопросы взрослых он мог отвечать только честно, за что был прозван стукачом и крысой. Исаак совершенно не умел смеяться, что при долгом общении начинало напрягать. Он был ненадёжен из-за того, что любое его слово могло оказаться ложью. Пугал тем, что иногда пугал реальность с выдумкой, но хуже было то, что подобное могло случиться с теми, кто был рядом. Особенно если рядом не было Лауге. Словно они уравнивали друг друга.

Близнецы очень сильно дорожили друг другом. Исаак был единственным, кому Лауге прощал лживость, ведь знал, что в делах на него всегда можно положиться. Лауге был единственным, кто понимал, что на самом деле хотел сказать Исаак. Их сущности были противоположны, но вместо того, чтобы пребывать в вечном конфликте, близнецы решили дополнять друг друга. Ведь жизнь невыносима, когда в ней не на кого положиться.

Понять и принять особенности близнецов смог только Эгиль. На примере своего страха он знал, что поведение Лауге и Исаака было обусловлено не тем, что они хотели быть такими, а тем, что такими их заставляла быть иная сила. К тому времени Эгиль почти полностью разобрался с собственными силами, поэтому видя, что у близнецов они развивались быстрее, учил самоконтролю. Учил, как принять влияние осколков и как с ним ужиться. Они были благодарны и видели в Эгиле пример, к которому надо стремиться, поэтому пытались копировать как его поведение, так и манеру одеваться. Первое, в силу возраста, получалось не очень хорошо, зато из-за второго их уже до замка прозвали тёмной троицей. Даже со стороны они выглядели как те, кому суждено разделить одну судьбу.

Склонность к проказам с возрастом никуда не делась, зато близнецы научились применять на благо делу свои способности. Когда об этом узнавал Эгиль — ругал, но ведь он не мог всегда за ними уследить. Особенно в школе. Они были ночным кошмаром учителей, зато множеством сорванных уроков заслужили любовь части одноклассников. Хлипкую, недолговечную любовь, но лучше так чем быть изгоями. Родителей часто вызывали в школу, однако они были слишком мягки к детям и не могли как следует отругать. Неприятности возникали, когда из-за занятости родителей вместо них вызывали Эгиля. Его в излишней

мягкости упрекнуть было нельзя.

Сам Эгиль уже достиг совершеннолетия и должен был во всю помогать отцу. Он был хорош как в стрельбе, так и в установке ловушек, но вместе с тем всеми способами избегал охоты. Тут спасением стало рождение тройняшек: две сестры и брат. Даже с учётом достаточно взрослого первого брата, от Эгиля в заботе о детях было куда больше толку. Так что он взял детей на себя, чтобы к работе могла раньше вернуться мать. Благодаря самоконтролю, тройняшкам даже почти не приходилось плакать из-за его появления.

Если не считать косых взглядов и усиления влияния осколков, жизнь складывалась совсем неплохо. Эгиль надёжно прятал страх всего и вся за насмешкой, надменностью и холодностью. Лауге научился умалчивать то, что не стоило говорить, зато умело вытягивал правду из других. Исаак стал ещё искуснее во лжи и находил забавным то, как легко одурачить других людей. Хорошая стабильность, если не считать одного: изменений во внешности, которые нельзя было скрыть одеждой. И которые всё сильнее отличали их от родственников.

Когда близнецам исполнилось тринадцать, а Эгилю — двадцать два, они услышали зов. В тот момент Эгилю пришло понимание того, что такое случалось уже не раз и что зов не пройдёт, он станет только настойчивее, пока не начнёт приносить ощутимый дискомфорт, пока не захватит волю и разум, лишь бы отвести туда, где должны собраться хранители. Это было первой причиной, почему он решил, что нужно уходить. Вторая заключалась в том, что окружающие в любой момент могли от перешёптываний о причастности троицы к магии перейти к активным действиям. Тем самым, когда магов в лучшем случае изгоняют, а в худшем — передают в церковь, перед этим обвинив во всех несчастьях за последние годы. Не стоило дожидаться такого развития событий, не стоило подвергать опасности семьи.

Память родственников была искажена при помощи сил Исаака, чтобы они легче восприняли пропажу. Особенно сильно это могло ударить по родителям близнецов, ведь других детей у них не было. Эгиль больше беспокоился о том, как без него будут справляться с тройняшками, но он верил в и брата, и в двойняшек. Он считал, что со своей стороны воспитал их достаточно хорошо, чтобы они могли помочь родителям и справиться с возможными трудностями.

Тихо простившись со старой жизнью, троица ушла. Им было достаточно достичь леса, а там уже чары зова, созданного ведьмой, почти переместили хранителей до самого замка. Пока ещё пустого. Так они думали, столкнувшись с атмосферой безжизненности, запустения. Слишком много вещей указывало на то, что они добрались сюда первые, однако в первый же день пришлось осознать свою ошибку.

К ним явилась та часть души ведьмы, которая была привязана к замку. Блеклое, полупрозрачное воплощение Ингрид, возникшее явно не только для того, чтобы поприветствовать. При виде этой женщины хранителей охватил страх, а больше всего — Эгиля, который вспомнил давний сон и ведьму из него, но даже в таком состоянии он закрыл близнецов собой и попытался твёрдо и спокойно встретить её взгляд.

— Я не причиню вам вреда. Не сейчас, — вздохнула ведьма. — Я ещё не вернула сюда вторую часть своей души и могу только играть в призрака.

— Тогда что тебе нужно? — спросил с подозрением Эгиль, и голос прозвучал на удивление ровно.

— Поговорить, — она пожала плечами. — Помочь. И помешать. Мне повезло, что первыми сюда пришли именно вы.

Ингрид предупредила об опасностях замка и невозможности его покинуть, рассказала о хранителях, осколках и силах, о безопасной и быстрой дороге до города. О том, что детская сказка — не вымысел, кроме одного момента: жертву сюда приведёт та, у кого будет вторая половина души. Что нет и не было второй жертвы, это просто необходимое заблуждение.

Но почему Ингрид решила всё рассказать? Она знала, что Эгиль мог догадаться о многом из-за некоторых своих особенностей, а Лауге, как хранитель правды, при должном старании однажды докопался бы до истины. Так уже когда-то случилось. Раскрывать себя раньше времени в планы Ингрид не входило, поэтому она связала хранителей клятвой молчания. Даже Исаака, который не способен выдать столь важную правду. Нарушение клятвы убивало всех связанных, так что у Эгиля и Лауге было больше поводов молчать. Можно быть готовым пожертвовать собой ради всех, но решиться унести с собой жизни ещё двоих близких — тяжёлое решение.

Это что касалось второй жертвы и ведьмы. Ингрид не сказала, как зовут её новое тело, об этом будет несложно догадаться. Всё остальное она объяснила только для того, чтобы немного облегчить им жизнь, помочь понять, почему и что с ними было не так, и как обустроиться на новом месте. И чтобы потом троица смогла ввести в курс дела остальных хранителей, ибо Ингрид не собиралась устраивать им приветственную встречу.

— Теперь у вас одна судьба на троих, — сказала ведьма, прежде чем исчезнуть.

Хранители действительно больше не встречались с Ингрид. По правде говоря, им и не хотелось, потому что даже в присутствии половины души, лишённой тела и почти без сил, становилось крайне неудобно. И только появление Камиллы и Ирмелин заставило отчётливо вспомнить ту встречу. Ни у кого из троицы не возникло сомнений, кто фальшивая жертва. Особенно у Эгиля, что не помешало из любопытства проверить, была ли у Ирмы слева слепая зона. Была. Она не видела тем же глазом, что и ведьма, хотя со стороны казалась нормальной.

Близнецы были бы рады избегать Ирмелин, зная, кто она такая, но это вызывало бы вопросы, ответ на который они не могли дать. Поэтому пришлось сначала изображать неведение и дружелюбный настрой, а потом... Потом мысли о ведьме отошли на второй план, потому что личность Ирмелин не только не пугала, но и была приятна. Сначала близнецы между собой выражали недовольство тем, что Эгиль слишком сблизился с ведьмой. Потом приняли и это.

Эгиль и сам не понимал, откуда возникло желание сблизиться с Ирмой. С Ингрид. Её тянуло к ней той силой, которая не была связана с сущностью хранителя и даже шла с ней вразрез. Он хотел понять, с чем это связано, хотел понять значение давнего сна, новых снов, то и дело возникавших после прибытия в замок. Это желание смогло даже пересилить страх.

Лауге было тяжело держать клятву. Тяжело молчать, слушая чужие надежды на лучшее. Он бы точно всё рассказал, если бы от этого зависела только его жизнь, однако приходилось хранить молчание. Исаак всё глубже увязал во лжи, поэтому знал, что не сможет пересилить свою сущность, чтобы сказать такую правду. Эгиль... Даже понимая всю неизбежность смертельного исхода, он с несвойственной для старшего наивностью верил, что это можно отсрочить. Верил, что если хранители не будут часто использовать способности, то можно будет дольше обойтись без пробуждения Мастера. Верил, что если огородить жертву от событий и поступков, которые сокращали её жизнь, то можно отсрочить возвращение кольца ведьме.

Но ни веры, ни приложенных усилий не хватило. Всё повторилось опять.

Глава 42: Справедливость — это то, что придумали счастливые

Растерянно и раздражённо Фрейя смотрела на пустоту, что осталась на месте ведьмы. Если бы Ингрид просто спряталась, хранители всё равно ощущали бы её присутствие, но ничего подобного не чувствовалось, поэтому Фрейя нехотя убрала меч. Её трясло от негодования и очень хотелось выместить на чём-то свою злость.

Произошедшее не укладывалось в голове ни у кого из присутствующих. Со смерти Камиллы прошло больше двух недель. Слишком спокойных недель, из-за чего, признаться честно, все немного расслабились. Ведьма словно пропала, её до этого дня никто не встречал, а осколки больше не беспокоили по ночам, из-за чего не было причин покидать комнаты. Когда ничего не можешь поделать и просто живёшь со всеми навалившимися обстоятельствами, которые вроде всё ещё есть, но пока что не касаются тебя напрямую, привыкаешь, теряешь бдительность и не чувствуешь опасность. Иногда такой подход себя оправдывает, позволяет сохранить нервы, но иногда одним резким, жестоким ударом возвращает к действительности.

Так произошло и сейчас. Расплата за покой — пять смертей и одно предательство. Слишком резкий переход. Слишком тяжёлый удар, чтобы сразу его полностью осознать. С одной стороны — горечь утраты, опустошение и осознание, что собственная смерть тоже где-то рядом, поджидает подходящего момента; возможно даже, что смерть оставшихся пятерых тоже станет делом одного дня. С другой стороны — недоумение, негодование и ужас понимания, что долгое время жил рядом с врагом, посвящал во все дела, доверял и дорожил, а ведь были те, кто всё знал.

Но только ли они знали правду о ведьме? Фрейя резко развернулась и посмотрела на Мастера. Со всей эмоциональной скудностью и скупостью его шок выглядел так жалко, словно существовал только для того, чтобы хоть немного соответствовать настроению остальных. Это бесило Фрейю. Сейчас ей было особенно сложно ему поверить. Тот, кто относился ко всем с таким безразличием, вполне мог скрывать правду просто потому, что считал — это ничего не изменит. Какая разница, как много знают те, кто всё равно умрёт?

— Ты! — воскликнула она, подходя к Мастеру. От неожиданного оклика он даже сделал шаг назад, а хранители вздрогнули. — Если б не Глен, я бы тебя пнула. Признавайся! Ты ж помнишь, что было в прошлом. Знал, что эта змея пристроилась на месте второй жертвы. Знал и молчал!

— Не знал, — заторможено ответил он.

Может, хранители и подчинялись Мастеру, но в суровом, тяжёлом взгляде Фрейи не было ни капли магии, от него не спасали никакие навязанные узы. От него становилось неуютно даже Мастеру, отвыкшему от любых чувств.

— Я не узнавал об этом в этой форме. Если знал в другой — не помню этого. Я... — он нахмурился, прижимая к груди Гленду. — Не стал бы находиться рядом с ведьмой, зная, что это она.

— А ты прям много находил! — Фрейя ударила по дверному косяку, сожалея, что Мастер трусливо прикрывался ни в чём не виноватым ребёнком.

Элеонора вздрогнула от испуга и сжалась. Мейлир встрепнулся, словно выходя из сна. Он посмотрел на Фрейю, на остальных девушек, подозвал жестом Элеонору и увёл её и

Мейнир из комнаты. Им не стоило продолжать наблюдать за этими разборками, надо было позаботиться об их состоянии. К сожалению, как бы этого ни хотелось, Гленду Мейлир забрать не мог.

— Ты всегда держался в стороне! От нас. От неё. Так какого хрена я должна поверить, что ты не знал? Всё равно б ничего ей не сделал. Просто заперся у себя и ждал, пока она от нас избавится. Вы одинаково ужасны. И цель у вас одна — чтоб мы сдохли! Посрались там в прошлом, а страдаем от этого только мы. И знаешь что? Ведьма хоть что-то делает! А что ты? Пытался исправить ошибки? Пытался помочь тем, кто из-за тебя перерождается уродом, изгоем у людей и магов?

— Замолчи, — процедил сквозь зубы Мастер. Фрейя скрипнула зубами и в напряжении сжала кулаки, сопротивляясь влиянию. — Ты-то точно не знаешь, что и как было. Сколько пустых усилий, тщетных попыток. Сколько раз я терял тех, к кому привязался. Ничто не имело смысла. Какая разница, делал я что-то или нет, если результат один — вы мертвы, ведьма пропала. Да, сейчас мне всё равно. Я не собираюсь ничего делать. Чем скорее всё закончится, тем лучше. Но... — Мастер замялся и потупил взгляд. — Если даже мне всё равно сейчас, мне... Мне тоже тяжело принять, что я заблуждался столько лет. Общался с врагом. Рассказывал о попытках вам помочь, потому что верил, думал, что должен спасти и её тоже. Это противостояние всегда было слишком неравным. Она слишком много знала о нас, мы о ней — почти ничего. Нужны ли ещё доказательства того, что все усилия тщетны?

Смотря на Мастера, Фрейя чувствовала, как внутри нарастало отвращение. Этот человек... Эта пародия на человека просто на ходу искала оправдания своему нежеланию стараться что-то изменить после нескольких неудач. Даже ненавидя ведьму, Фрейя признавала — та заслуживала больше уважения, чем Мастер. Если тринадцатое поколение собралось в замке, значит, в течение прошлых двенадцати она тоже потерпела неудачу, какой бы ни была её цель. Ведьма тоже могла сдаться, ведь на ней не висело проклятье. Но нет. Из поколения в поколение она продолжала пробуждать Мастера и убивать хранителей. Такой силе воли и целеустремлённости даже позавидовать можно. А этот?.. Фрейя усмехнулась. Чего она ждала от того, чья сила воли хранилась у неё?

— Бездушная сволочь. Считаешь себя самым несчастным и этим оправдываешь бездействие. Тот, кого ты стёр своим пробуждением, действительно старался! У нас даже появился шанс, но в тот момент время уже было против нас. Если бы *ты* приложил больше усилий, додумался до этого способа, мы уже были бы свободны от проклятья. Теперь-то, конечно, поздно. Мы тринадцатые, но мы провалились. Мои поздравления!

Фрейя быстро покинула комнату, а Мастер проводил её взглядом, сохраняя молчание. В чем-то она была права: души у него не было. Потерял свою личность вместе с осколками и, кажется, с каждым перерождением перенимал от них всё меньше черт. Да, может, именно это позволило ему быстрее сдаться, принять поражение. Мастер посмотрел на Гленду. Она снова потеряла сознание, надо было отнести её в кровать.

Странный ребёнок. Мастер не мог понять, она была такой сама по себе или настолько сильна была надежда в его собственной душе? Почему она верила в него? Почему верила в спасение, если для неё самой оно невозможно ни в каком виде? Мастер понимал только одно: сейчас он был способен дорожить только Глендой. Только её осколок хоть как-то связывал его с собственной душой.

Вернувшись в опустевшую столовую, Фрейя тяжело опустилась на стул, сложила на

столе руки и положила на них голову. Она снова потеряла тех, кем дорожила. Снова не оказалась рядом в нужное время. Так уже было в прошлом, которое она знала только в виде отрывков.

«Но, Нора, я не позволю умереть тебе, пока я жива. Чего бы это мне ни стоило. Я буду защищать тебя до конца».

Фрейя думала, как быть дальше. Надо убедить Элеонору продолжать ходить в город, потому что вне замка ведьма ничего ей не сделает. Очень жаль, что нельзя покидать его больше, чем на сутки, но нужно пользоваться даже временным побегом от опасности. Ещё нельзя допускать, чтобы Элеонора одна ходила по замку. Сейчас с ней был Мейлир, но он недостаточно силён, да и должен следить за Мейнир. Значит, быть рядом должна она. Ещё надо перебраться в одну комнату, потому что ведьма может прийти ночью, как это случилось с близняшками. И надо дать Норе хотя бы нож. Она не должна оставаться совершенно беззащитной.

Бездействие начинало угнетать. Побывать наедине с собой хорошо, но побывать слабой и рефлексирующей она успеет на том свете. Фрейя поднялась, стул в тишине скрипнул нестерпимо громко. Надо найти место, где умерла троица. Даже если они умолчали правду о ведьме, неправильно делать вид, будто с ними ничего не случилось. Будто они не были такими же обречёнными изгоями.

Судя по тому, как скоро раздался бой часов, на другой конец замка они уйти не успели, по крайней мере близнецы. Неизвестно, где всё утро находился Эгиль, но эти трое всю жизнь были рядом. И смерть, скорее всего, встретили также.

Фрейя начала поиски от столовой, внимательно осматривая стены на предмет новых портретов. Всегда казались странными эти чары, из-за которых в замке не оставалось тел. Кто и для чего их придумал? Ведьма, наверное. Если ей не нужны были тела, то и маяться с ними смысла не было. Но из-за этого потеря ощущалась ещё более окончательной. В земле люди исчезали со временем, в огне от них оставался прах. Тут все обращались в ничто, потому что никак не получалось воспринимать портрет как часть умершего.

Она остановилась. Вот они. Трое. Как всегда рядом. Фрейя положила руку на сердце и, закрыв глаза, поклонилась в память об умерших. Особенно жалко было детей. Можно ли называть детьми в шестнадцать? А какая разница? Они нормальной жизни почти не видели, а с тринадцати лет и вовсе находились в замке. В месте, которое можно считать обособленным от всего мира. Была ли здесь хоть пылинка от справедливости?

— Справедливость — это то, что придумали счастливые, — пробормотала Фрейя, всматриваясь в грустные лица.

«Наверное, вам было очень страшно знать правду. Мы не можем не бояться ведьму, а вы знали, что она рядом. Но почему вы не рассказали? Вам же не было от этого пользы, вы не могли быть с ней заодно».

Фрейя вздохнула и перевела взгляд на портрет Эгиля. В отличие от близнецов он улыбался, в коем-то веке в улыбке не было насмешки. Фрейя понимала, что никогда бы не стала с ним чем-то большим, чем приятелями, потому что не могла воспринимать как друга человека, который настолько сам себе на уме. По Эгилю было заметно, что у него есть какая-то тайна, но всегда казалось, что она как-то связана с прошлым, а о нём тут расспрашивать не принято. И всё же он, держась в стороне, был со всеми.

В памяти всплыл день, когда они искали в лесу Дикру. Эгиль без колебаний вызвался воздействовать способностями на большую территорию, а ведь знал, что это будет тяжело,

что после станет уязвимее перед влиянием осколка. А ведь они могли просто продолжить поиски, надеясь, что дезориентация спадёт. Или дождаться, пока пройдёт сутки, чтобы Дикру вернул в замок зов. Однако на это ушло бы больше времени, за которое с Дикрой могло бы что-то случиться.

— Но если бы ты этого не сделал, то, возможно, не стал бы одержимым в красную луну. Ты всегда был готов поставить чужую жизнь выше своей. Но охотником ты был хорошим, — на последних словах Фрейя удручённо хохотнула.

Она провела по лицу рукой и решила осмотреть место, где умерла троица. Почему это произошло именно здесь? Совершенно непримечательный коридор, а у хранителей не было причин идти к гостевым. Или были? Фрейю удручало, что даже не будь её способности приглушены, единственным ориентиром для неё служил ужас от присутствия ведьмы. Ни единого шанса обнаружить магические или любые другие следы, скрытые от простого глаза. Здесь мог бы помочь Мастер, он же маг, но Фрейя не могла ему доверять, как и не верила, что он согласится что-то делать.

И всё же, с этим местом что-то было не так.

Мейлир отвёл доверенных ему девушек к себе в комнату. Он тоже считал, что их нельзя оставлять без присмотра. В данный момент — не из-за опасности, а из-за состояния. Мейлиру почему-то казалось, что в ближайшее время ведьма не объявится, если бы в её планы входило убить кого-нибудь как можно быстрее, она бы спокойно могла сделать это при встрече в комнате. Вместо этого Ингрид просто исчезла. Да и выглядела она... Ослабленно. Стоило признать, она хорошо притворялась, но Мейлир привык жить среди притворщиков и неосознанно примечал детали, по которым можно догадаться о правде.

Да, в данный момент появления ведьмы Мейлир не боялся, зато боялся, что девушки что-то с собой сделают. Что Мейлир пройдёт точку невозврата, после которой даже он не сможет заставить её проявлять хоть какие-то признаки жизни. Что Элеонора так близко примет к сердцу случившееся и чужую боль из-за этого, что не выдержит и решит умереть. Он не сомневался в силе духа Элеоноры, ведь иногда даже со своими переживаниями совладать сложно, куда уж там брать на себя чужие. А она брала, даже когда не хотела этого. Но кто угодно может превысить свой предел и сломаться.

«И что мне с вами делать?» — подумал он, сажая обеих на кровать. Иронично, что при всех их различиях, он всё чаще мыслил с Фрейей в одном направлении. И отношение к ней становилось лучше, а ведь раньше на самом деле сложно было находиться рядом и не ругаться. Было ли это то самое влияние общей беды, которая сближает? Или здесь тоже ответ притаился в прошлом?

Мейлиру оставалось только вздохнуть и налить в стакан воды. Больше не было Сюзанны и её песен, Гленда совсем ослабла, поэтому оставалось только предложить Элеоноре снотворное. Хотелось верить, что Фрейя знает подход и поможет Норе, когда та проснётся.

«Но как ты будешь справляться с работой? — мысленно спросил Мейлир, глядя Элеонору по голове, пока она засыпала. — Я же видел, тебе уже стало в разы сложнее. Быть может, стоит уже прекратить? Нам ведь на самом деле уже нет надобности уходить в город, это лишь возможность ненадолго покинуть это проклятое место. Оказаться подальше от ведьмы...»

Точно. Мейлир застыл, осознав одну простую и глупо забавную мысль. Будучи в городе, он переживал за тех, кто остался. Вдруг до них доберётся ведьма, вдруг по возвращении

придётся узнать о чьей-то смерти? На самом деле ведьма каждое утро уходила в город вместе с ними. Даже она не могла физически находиться в двух местах одновременно.

«Хах, зато мы столько раз оставались с ней наедине в лесу, но ни разу не было даже намёка на опасность. А ведь леса — обитель ведьм, там она должна чувствовать себя также свободно, как и в замке. Ей не было причин от нас избавляться? Или она хотела как можно дольше остаться не раскрытой? Но тогда она могла сделать вид, что возвращалась сильно раньше нас. Ингрид, каков же твой план?»

Элеонора уснула быстро. Повезло, что лекарство вообще подействовало; из-за того, что хранители в плане потребностей стали больше похожи на Мастера, чем на людей, Мейлир не мог быть уверен, что сработает. Поправив одеяло, он обернулся к Мейнир. Та выглядела лучше, чем он предполагал.

«Настолько смирилась? Или так повлияло присутствие Элеоноры?»

Пока Мейлир задавался вопросами, Мейнир продолжала пристально смотреть на застеклённый шкаф, который стоял напротив кровати. Там лежали разные красивые вещи, которые Мейлиру, как ценителю, пришлось по душе, она же к ним раньше была равнодушна.

— Дорогая, что внимание твоё привлекло так сильно? — поинтересовался Мейлир, так и не сумев определить конкретное направление взгляда.

Вместо ответа Мейнир встала с кровати, Мейлир сделал это следом, потому что стоило перейти на диван и не мешать Элеоноре. Хранительница же подошла шкафу и достала оттуда золотой обруч с четырьмя камнями. Она села рядом с Мейлиром и кивнула на украшение в своих руках.

— Откуда он у нас?

Мейлир хотел ответить, но растерялся. Он помнил, что нашёл обруч этим летом, но при попытке восстановить всю цепочку события, в голове воцарялась каша. Мейлир помнил только то, что то место пришлось покинуть в спешке из-за того, что замок выдал очень реалистичные и пугающие воспоминания, а ещё пришлось бегать по лестнице и от этого заболело колено.

— Я нашёл его где-то в замке, но совершенно не помню, где именно. Наверное, показать его тебе я также забыл, но что заинтересовало тебя сейчас?

Вот его заинтересовало то, что Мейнир с непривычной живостью рассматривала обруч, даже ушки иногда вздрагивали.

— Это ведь обруч Изольды, правда? — уточнила она, аккуратно проводя пальцами по тонким узорам.

— Да... — удивлённо кивнул Мейлир. — Откуда ты это знаешь?

Мало кто сейчас в целом знал о королеве-ведьме Изольде достаточно, чтобы опознать её обруч, а уж от Мейнир таких знаний ждать не приходилось. Насколько Мейлир знал о её жизни до замка, ей было совсем не до образования. Тем более не до изучения таких труднодоступных вещей.

— Я узнаю его. Словно уже видела. Много раз.

— Это может быть связано с воспоминаниями, которые иногда к нам приходят? Не связаны ли твои воспоминания с замком, может, ты видела в них Изольду?

Мейнир отрицательно покачала головой и перевела взгляд с обруча на Мейлира. Она что-то прошептала одними губами, из-за чего Мейлир вздрогнул, надеясь, что понял неправильно. Даже Мейнир не могла знать о нём этого.

— Я не вижу в прошлом замка. Но многое кажется мне более знакомым. Не потому, что

я тут долго. Просто. Узнаю некоторые вещи. Не знаю, почему. Моё прошлое, кажется, не было здесь, но хорошо знало это место.

Слабо улыбнувшись, Мейлир взял Мейнир за руку и слегка сжал её. Он тоже не понимал, как так могло получиться, что это вообще были за воспоминания, почему появлялись и как на самом деле были связаны с ними, но если благодаря этому Мейнир оживлялась, он мог только порадоваться.

— Если то, что ты видишь, не заставляет тебя тревожиться, я уверен, что об этом нет смысла беспокоиться, однако если память неожиданно начнёт досаждать, обязательно расскажи мне об этом. Я обязательно сделаю для тебя то, что в моих силах, даже если придётся отдать их все. Тебе и так слишком часто приходилось терпеть.

Мейнир слабо кивнула, отложила в сторону обруч и, приблизившись, уткнулась Мейлиру в шею. Конечно, она никогда не примет от него такую жертву, ведь тогда в её жизни точно не останется смысла, как не было его до их встречи. Она не знала, что такое нормальная жизнь и никогда не нашла бы в ней места.

Кружилась голова и тряслись руки. Мысли нечёткие, ещё не до конца отделившиеся от чужой памяти. Ингрид достала осколки из миски и положила поверх соответствовавших им символов на каменном диске. Ровно половина уже собрана. И было только одно желание — чтобы оставшаяся половина дала хотя бы день, чтобы перевести дух.

Ингрид покачнулась и обессиленно рухнула на пол. От камня тянуло холодом, и тонкая ткань платья совсем не спасала от него. Оставалось только свернуться и обхватить себя руками — не было сил даже чтобы сесть. Почти остекленевшим взглядом Ингрид смотрела перед собой на ножки стола и стульев, на пыльный пол. А на душе гадко и пусто. Та часть души, что была связана с замком, уже не чувствовала ничего, кроме смирения, вековой тоски и желания умереть, но та, что двадцать три года жила как Ирмелин... Её пробивал озноб от осознания, что она снова осталась совсем одна. Что она убила последнего человека, кто мог поддержать, просто побыть рядом. Кто мог любить такую, как она. Убила последнюю часть своей семьи.

Тихо всхлипнув, Ингрид зажмурилась. Почему и Камилла, и Эгиль просили её не винить себя? Почему простили? Она ведь знали не только о совершённых ею злодеяниях, но и об обмане. О том, как трусливо пряталась ведьма среди остальных, строила из себя такую же жертву, имела наглость радоваться рядом с теми, кого вскоре убьёт. Как она могла подумать, что у неё было такое право? Как они могли искренне улыбаться той, кто входила в чужие жизни только чтобы их разрушить?

«Но, Ками, смогла бы ты простить меня, если бы узнала, что родители тоже умерли по моей вине?»

Из-за недостатка собственных сил, чтобы начать и поддерживать зов, ведьма стала неосознанно вытягивать силы из близких. Это и сгубило родителей. Да, Ингрид этого не хотела, это не было обязательной частью плана, но убийство всегда остаётся убийством.

«Мне нужно поспать. Хотя бы чуть-чуть. Замок, пожалуйста, перенеси меня».

Повинуясь мысленной просьбе, замок поглотил Ингрид и переложил с пола на кровать, что располагалась в другой комнате башни. Ингрид сразу уснула, не найдя сил хотя бы укрыться.

Глава 43: Госпожа с мечом

После конфликта с Фрейей Мастер спросил у Гленды, о каком шансе шла речь. Она неожиданно для себя замялась, казалось, что всё происходило не этим летом, а настолько давно, словно тоже в другой жизни. Гленда принесла статуэтку и рассказала о попытке её зачаровать. После ухода Хальдис к этой теме больше не возвращались. Сначала было рано, а потом пробудился Мастер, который не помнил, что и как делать. О том, что он более опытный маг, чем Эрланн, никто не подумал — после того дня попытки избежать судьбу казались полностью лишёнными смысла, чтобы к ним вернуться, потребовалось бы больше времени. Которого не оказалось. Теперь же, когда не стало половины хранителей, замену сфере точно не сделать.

Передавая Мастеру статуэтку Гленда не могла не надеяться на... А на что? В этом человеке ничего не осталось от брата, он точно не вспомнит безделушку с верхней полки. Но, может, из-за чар эта вещь найдёт в душе хоть какой-то отклик?.. Гленда нервно сцепила дрожащие руки, наблюдая за тем, как Мастер вертел и рассматривал статуэтку. Из-за того, что лицо его ничего не выражало, становилось только беспокойнее, но стоило Гленде потянуться, чтобы забрать статуэтку, как Мастер дёрнулся, почти прижал ту к груди. Он не смог объяснить свой порыв, Гленда приняла это за добрый знак и решила оставить всё как есть.

Впрочем, Мастер не собирался отпускать от себя и Гленду. На этот раз совсем. Если раньше он просто старался быть рядом в течение дня, то теперь не оставлял одну даже ночью. В этом он оказался очень похож на хранителей, разве что в целом мог беспокоиться только об одном человеке. Внешне Гленда приняла всё спокойно, но на самом деле ей просто не хватало смелости сказать, что от постоянного присутствия Мастера рядом становилось неудобно. Невозможно постоянно обманывать сознание, что рядом брат, к надзору которого она привыкла. Это был совершенно чужой человек, попытки сблизиться с которым только подтверждали: он сломан страданиями прошлого и равнодушен к настоящему, он покорно примет судьбу, потеряв смысл ей сопротивляться, а из чувств помнил только бессильную ненависть. И эти чувства направлены на ведьму — единственное постоянное, что осталось в жизни Мастера.

Чем отчётливее Гленда это видела, тем сложнее ей было оставаться рядом, улыбаться, проявлять дружелюбие, пытаться вести беседу. Она ведь не являлась хранителем сострадания, способным, скорее даже обязанным, сочувствовать всему живому, вне зависимости от личностных качеств и собственных мыслей на их счёт. Просто слишком добрый ребёнок, преисполненный надеждами. Это и удерживало. Просто видя, как Мастер к ней привязывался, как пытался проявлять эмоции и как неуклюже заботился, она надеялась, что однажды он вернёт связь с душой. Ради этого можно пересилить себя. Ради этого можно проигнорировать заметное ухудшение самочувствия, словно блок на осколке стал сильнее.

Полторы недели снова прошли в подозрительном, усыпляющем бдительность спокойствии. Мейлир и Элеонора продолжили ходить в город на работу, конечно, тут не обошлось без вмешательства Фрейи, которая сделала всё так, как и запланировала. И убедила не оставаться в замке, и ножом снабдила, и в свою комнату Элеонору переселила. Пока их не было, Фрейя приглядывала за Мейлиром, а по возвращении менялась с Мейлиром напарницами. И Фрейя, и Мейлир больше не пытались спать, чтобы вместо этой

бессмыслицы охранять покой тех, кого защищали.

И всё же, вопреки планам, настал тот день, когда Фрейя не смогла побороть как никогда сильную сонливость. Она сидела на кровати. В одежде, поверх одеяла, рядом с мирно спящей Элеонорой. Правая рука лежала на рукояти спрятанного в ножны меча. Мысли постепенно и непреклонно становились обрывистыми, а распутать их оказалось так же сложно, как и заставить себя снова открыть глаза. Фрейя могла сколько угодно убеждать себя, что не хочет спать, ведь сон ей больше не нужен, но всё равно была вынуждена погрузиться в тайны прошлого.

Если судить по погоде, была середина весны: то самое время, когда постепенно становилось теплее, оживала природа. Только не здесь. Эта мёртвая земля ещё долгие годы будет хранить следы битвы с древними магами. Среди руин, костей и развороченной земли, — свидетельств того, что раньше это место являлось полем битвы, стояла высокая статная женщина со светлыми волосами и тяжёлым взглядом, от которого хотелось упасть перед ней на колени. Не зря, ведь в ближайшие годы именно в её руках окажется вся военная мощь королевства.

Однако сейчас она одна пришла в это сосредоточение болезненных воспоминаний, чтобы почтить память погибшей сестры. Одна, потому что это место всё ещё угнетало не только по причине своего вида, но и из-за остаточных чар. Сюда боялись приходить люди — те, кто слаб духом, могли даже сойти с ума. Здесь ничего не росло. Даже птицы почти не летали над этим местом, раньше даже падали замертво. Подобная участь постигла все земли, принявшие на себе особенно масштабные стычки с древними магами.

Фрейя тоже ощущала воздействие магического фона, но знала — серьёзного вреда тот ей не причинит, особенно спустя столько времени. Почти восемь лет прошло. Но когда Фрейя бродила среди обломков церкви-лечебницы, казалось, что и года не прошло, только пара сезонов сменилась.

Опустившись на колени перед невзрачным могильным камнем, Фрейя закрыла глаза и склонила голову. Ни сила, ни власть не вернут погибших, оставалось только бороться за лучшее будущее, чтобы больше никто не пострадал из-за магов. Этой ужасной ошибки природы.

В мёртвой тишине поля битвы услышать шаги оказалось очень неожиданно. Фрейя тут же вскочила, а рука сама потянулась к мечу. Сколько бы она сюда ни возвращалась, ещё ни разу не встречала других людей, поэтому сейчас была настороже, оглядываясь. Если это просто заплутавший человек, надо поскорее увести его в более безопасное место, если это маг — первой обнаружить его, чтобы получить преимущество.

Звук падения помог обнаружить неизвестного. Фрейя поспешила в ту сторону, ловко перескакивая через неровности ландшафта. На земле, опираясь на руки, сидел путник. На первый взгляд просто человек, не пострадавший, но немного ошарашенный.

— Вы в порядке? Вам помочь? — спросила Фрейя, протягивая руку.

Мужчина поднял голову и едва заметно вздрогнул, встретившись с Фрейей взглядами. Растерянный, почти оцепеневший. На неё часто так реагировали даже те, кто не знал о высоком происхождении.

— Спасибо, госпожа, — ответил он, неуверенно принимая поданную руку. — Всё в порядке, просто засмотрелся... Это место сильно изменилось.

— Вы были здесь раньше?

— Да, но давно. Тогда здесь было... Живее.

— Здесь уже лет восемь нет следов жизни, странно, что вы об этом не знаете, — покачала головой Фрейя, наблюдая, с какой растерянностью мужчина смотрел по сторонам.

— Я долгое время странствовал далеко от этих мест, но, конечно, кое-что слышал. Просто не думал, что всё окажется настолько удручающе. Не знал, как всё плохо на самом деле.

— Что же, теперь знаете. Вам лучше поскорее уйти — здесь крайне неудачное место для прогулок. Обычно сюда никто не приходит, так что, признаться честно, вы меня крайне удивили.

— Но ведь вы тоже здесь, — вскинул бровь мужчина и снова посмотрел Фрейе в глаза.

В местном воздухе витало так много магии, что крайне сложно было заметить вмешательство ещё одних чар. Вероятно, именно поэтому Фрейя не начала сопротивляться им. Не то чтобы сила воли являлась надёжной защитой от влияния на разум, но хотя бы усложняла его.

— Я пришла навестить сестру, а не гулять. Здесь в этом больше смысла, чем на семейном кладбище, где она так и не оказалась. Остальные поминают там просто потому, что боятся сюда ступить. Раз боятся, значит, им действительно не стоит здесь находиться, — усмехнулась Фрейя и села на ближайший камень.

Разговор с незнакомцем начал интересовать её, сместив желание поскорее его прогнать с опасных земель. В конце концов, будь ему тяжело здесь находиться, сам поспешил бы уйти — это самая естественная реакция. Однако мужчина совсем не торопился. Он отряхнул одежду после падения, сел рядом и с интересом осмотрел Фрейю, чей наряд очень напоминал мужской. Да и держалась она так расслабленно, свободно, уверенно, как редко позволяли себе женщины.

— А вы, значит, не боитесь, госпожа? Раз так спокойно пришли сюда одна, пусть даже с оружием. Но ещё удивительнее то, что вас сюда отпустили.

— У них не было выбора, — пожалала плечами Фрейя. — Приказы отдаю я, а не мне. Те, кто пытаются оперировать тем, что я слаба, потому что женщина, вынуждены сдаться после дуэли. Остальным достаточно напомнить о статусе, чтобы не пытались помыкать.

— У вас настолько высокое положение? — удивился мужчина, но, кажется, больше для виду. — Не расскажете ли немного о себе?

— А, может, сначала вы о себе? — Фрейя прищурилась. В ней ещё пыталась воспрянуть подозрительность, но её голос становился всё слабее. Это была последняя попытка разума обратить внимание на странность собеседника.

— Хенбетестир. Странник. Нигде надолго не задерживаюсь, ни с кем долго не вожусь. Просто изучаю мир без какой-то цели. Пожалуй, больше обо мне рассказывать и нечего.

— Фрейя Гвалгвен, сестра короля, военачальник.

— Я раньше не слышал, чтобы в Валлерале к военному делу допускали женщину... Должно быть, на вашем пути оказалось много трудностей? Я бы хотел узнать о вашей жизни.

— Отнюдь. Главная трудность сама смирилась с моим выбором, а остальные преграды оказались вполне преодолимыми. Что же, если вам интересно знать, как всё было...

Несмотря на то, что Фрейя — старший ребёнок, она не могла претендовать на престол, ей в целом не приходилось ждать чего-то кроме выгодного для короны замужества. Однако она не была бы с собой, если бы смирилась с таким раскладом.

— На самом деле, если бы мне того хотелось, я бы и за власть могла побороться, —

усмехнулась она. — В этом вопросе переубедить отца было бы даже проще. Но к этому душа у меня никогда не лежала.

Фрейя не могла отрицать, что из её брата, человека более миролюбивого, дипломатичного, сдержанного и любящего беспокоиться о чужом благе, правитель получится в разы лучше. В мирное время. К счастью или к сожалению, но его душа совершенно не лежала к военному делу. В отличие от Фрейи, которая возжелала занять эту нишу. Да, такое решение было тяжело принять всем, кроме брата. Не только потому, что ему на радость сложить с себя часть претящих обязательств, но и потому, что он правда поддерживал желание сестры заниматься близким по духу делом.

Отец упрямылся долго. С одной стороны, он и не против, чтобы дочь сама решала свою судьбу, проявляла себя там, где захочет, с другой стороны, так ведь не принято. Так никогда не было. Да и по силам ли ей? Конечно, в силу происхождения, можно сразу дать звание повыше, обыграть всё так, чтобы она всё равно оказалась как можно дальше от войны. Однако Фрейя на такое согласиться не могла. Хотя бы потому, что тогда её голос ни во что ставить не будут. На неё в любом случае начнут смотреть со снисхождением, сомневаться в возможностях, поэтому нужно иметь весомые доказательства, что чего-то стоишь.

Она начала своё обучение с низов, среди простых солдат. Договорилась с отцом, что если там покажет себя ничуть не хуже других, то тогда и можно метить выше. Конечно, Фрейе пришлось скрывать свою личность, чтобы получить равное со всеми отношение. Если начать свой путь с поблажек, потом ими будут попрекать.

— Тебе поддавались и берегли, потому что ты принцесса, — передразнила Фрейя предполагаемого недовольного. — Да, что-то такое мне и пришлось бы выслушивать от тех, кто считает, что моё место за мужем. С этими, правда, всё равно сталкиваться приходится, поэтому куда важнее то, что если я хотела быть не хуже других, то и тренироваться должна как все. А не с урезанными кругами, лёгким мечом и поддавками.

Фрейя показывала одни из лучших результатов, тем самым доказав отцу, что физически уж точно не слаба, но, конечно, не могла и дальше идти путём простого человека. Если она собиралась однажды стать главнокомандующим, надо получить соответствующее образование. То самое, которого чурался брат. Военную теорию он изучал без всякого энтузиазма, просто потому, что заставили, и разбирался также посредственно, как Фрейя в этикетке. То есть только на том уровне, которого требовали учителя.

С учителями тоже возникли трудности. Стараясь сохранить уважительный тон, они всеми силами пытались намекнуть Фрейе, что она, видимо, уроки попутала, музыкальная комната этажом выше. Фрейя в свою очередь продемонстрировала, что из неё тут толку выйдет куда больше, чем из брата, у которого, кстати, и музыкальный слух лучше, и любви к искусству больше. А её удел — искусство войны, которому Фрейя уделяла почти всё свободное время. О тренировках она также не забывала, искала на роль учителей лучших мечников.

Реакций разных повидать пришлось немало. Одни на отрез отказывались (некоторых удавилось переубедить посредством дуэли), другие соглашались, но вели себя очень снисходительно, не веря в серьёзность намерений Фрейи. Меньше всего было третьих — тех, кто соглашался учить и воспринимал всерьёз.

Валлерал воевал мало, главной проблемой долгие годы являлось появление обезумевших магов с пустошей. Фрейя много об этом знала, что и зародило в ней неприязнь к магам. С ними в королевстве и без того ситуация была напряжённой из-за радикального

настрою церкви, полностью игнорировать голос которой король не мог. Но также король не мог позволить изгонять и истреблять магов, ведь на самом деле они приносили обществу пользу и вносили большой вклад в защиту границ у пустошей. Пока что удавалось балансировать между двумя сторонами, но однажды это равновесие должно было нарушиться.

Тем временем брат влюбился в принцессу соседнего королевства. Отец не мог ничего сказать против этого союза даже с политической точки зрения, да и Фрейя радовалась, что брак брата будет держаться не только на выгоде, только вот... Избранница оказалась ведьмой. Это настораживало.

— Я не слышала, чтобы среди одичавших были ведьмы, но всё же... Я не могла не беспокоиться за брата, который решил связать жизнь с такой потенциально опасной женщиной. И всё же... Я смирилась, когда пообщалась с ней. Просто поняла, что мы чем-то похожи. Она ведь согласилась жить в королевстве, где на неё многие будут косо смотреть из-за связи с магией. Где придётся терпеть нападки церкви. Где постоянно придётся доказывать, что занимаешь своё место по праву, а не подстроила всё при помощи чар. Она знала, на что идёт, и не собиралась отступать. Пусть и ведьма, но заслуживающая уважения.

Фрейе тоже не удалось избежать брака, да она и не старалась, ведь главное, чтобы муж не пытался запереть дома. В её союзе не нашлось места любви, только выгода и взаимное уважение. Большого и не требовалась. Так Фрейя стала Гвалгвен. Мужчины этого древнего и знатного рода испокон веков посвящали себя войне, а женщины — целительству. Конечно, Фрейя не стала вдруг лекарем после свадьбы, она всё также прикладывала все силы во имя достижения мечты, а муж её в этом поддерживал.

У мужа была младшая сестра. На самом деле, Фрейя сначала познакомилась именно с Элли. Фрейю серьёзно ранили, когда участвовала в сражении на границе, а Элеонора почти вытащила с того света и помогла встать на ноги. Они быстро нашли общий язык, подружились, а когда Фрейя жаловалась, что ей настоятельно рекомендуют поскорее найти мужа, пока отец не сделал это сам, Элеонора познакомила её со старшим братом.

— Собственно, родной сестры у меня никогда и не было, — с улыбкой развела руками Фрейя. — Просто Элли стала мне близка, словно сестра. Пожалуй, она куда больше была для меня семьёй, чем муж. Да, я им дорожу, но... Нет, не могу поставить его на один уровень с Элли. Даже сейчас, — тяжело сглотнув, добавила она, и посмотрела в сторону могильного камня.

Ситуация на границе с пустошами стала гораздо хуже, когда среди сумасшедших магов появились древние. Они были несравненно сильнее, требовалось собрать все силы даже не для того, чтобы защитить людей на границе — те были обречены, с этим оставалось только смириться, — а просто чтобы не дать пройти дальше и если не уничтожить, то отогнать обратно в пустоши. Фрейя и рада бы броситься в бой, но занималась подготовкой армии.

Зато к границам отправили Элли. Точнее, она сама вызвалась, не слушая ни брата, ни Фрейю. Да, там не хватало воинов, но ещё хуже дела обстояли с целителями. Те, кто выжил, оказались серьёзно ранены, много детей пострадало и осиротело. Фрейя была против, очень хотела оставить Элеонору в более безопасном месте, но понимала — тогда она станет ничуть не лучше тех людей, которые хотели сделать из неё примерную принцессу, что никогда даже близко не подойдёт к полю боя.

— И всё же я чувствовала неладное... Я не привыкла поддаваться мнительности. Нельзя постоянно прятаться, проиграв трусости и малодушию. Нельзя отсиживаться в безопасном

месте, предав свой долг. Но в тот раз... Мне было слишком тяжело отпускать Элли. Она обещала, что вернётся домой... — голос Фрейи дрогнул, она сжала руки в кулаки, сминая штанины.

Лечебница, в которой заботились о детях Элли, располагалась именно здесь. Сначала казалось, что она достаточно далеко от границ, но одичавшие дошли до этого места быстрее, чем воины. Многие лекари погибли, спасая людей. Элли тоже.

— Мы даже тело её не смогли найти, чтобы похоронить. Только медальон с бабочками. Её любимый, с которым она никогда не расставалась. Его и вернули домой, чтобы хоть что-то положить в могилу на семейном кладбище. Ни о какой лояльности к магам я теперь не могу говорить, но брат всё ещё пытается унять гнев церкви. Совершенно справедливый гнев, как видите! — гневно воскликнула Фрейя, сдержав порыв вскочить на ноги. — От магов слишком много бед. Потерь. Даже самые безумные из людей не способны принести столько разрушений за такое короткое время.

За восемь лет удалось достичь относительного мира. Древние ещё не были побеждены окончательно, но их удалось изгнать в пустоши. Теперь древних старались находить по одному, чтобы был шанс уничтожить. Церковь с каждым годом всё сильнее настаивала на необходимости устроить охоту на магов, но король — уже новый, брат Фрейи — пока находил способы не поддаваться. То, что его жена — ведьма, делало ситуацию ещё более шаткой.

— Этот мир не продлится долго. Лет пять, не больше. Церковь точно найдёт способ образумить брата. Мы должны избавить Валлерал от магов. Я должна отомстить за Элли.

— Вы бы хотели, чтобы она осталась дома? Не приезжала сюда? — вдруг спросил Хенбетестир. Фрейя посмотрела на него с непониманием и отрицательно качнула головой.

— Может быть, но это не совсем то, чего я желаю. Моё желание не должно идти наперекор её. Поэтому... Я бы хотела защитить Элеонору. Если бы я была здесь, я бы стала её щитом. Тогда она смогла бы вернуться. И, на самом деле, не только здесь... Будь такая возможность, я бы всегда защищала её. Перестала бы бороться с теми упрямыми, которых оказывается на моём пути всё больше, по мере того, как я перевожу армию под своё начало. Если бы так я могла защитить самых близких людей, это бы того стоило. Но... — Фрейя посмотрела вверх. Кажется, она пыталась сдержать слёзы. — Но Элли умерла. Мне остаётся только идти к своей цели. И когда брат изменит решение, я обязательно помогу расправиться с магами.

Хенбетестир ещё раз присмотрелся к Фрейе. Он мог бы сказать, что уничтожение магов совсем не порадует покойную сестру, что судьба ещё может дать шанс, пусть и не в этой жизни, встретиться вновь и стать защитником для столь дорогого сердцу человека. Мог бы, но, во-первых, в перерождениях были уверены в первую очередь маги, поэтому так он раскроет себя, во-вторых, какие у него шансы переубедить женщину-военачальника в патриархальной стране? Она была слишком тверда в своих убеждениях. Вместо этого Хенбетестир ещё немного расспросил о том, что на данный момент отделяет Фрейю от должности главнокомандующего, а она охотно рассказала.

Вскоре они разошлись, чтобы больше не пересечься. Фрейя снова вернулась на поле боя в конце лета, в годовщину смерти Элеоноры. Привычно опустившись перед могильным камнем, она с удивлением обнаружила рядом осколок. Голос разума опоздал лишь на мгновение, которого хватило, чтобы дотронуться до бледного камня. И тот исчез, оставив лишь короткий угол в сердце.

«Показалось? — растерянно подумала Фрейя. — Тут и не такое привидеться может».

Фрейя дёрнулась так резко, что чуть не свалилась с кровати. Как она могла поддаться сну? Не стала ли эта слабость роковой? Фрейя посмотрела на Нору и выдохнула с облегчением — та всё ещё спокойно спала, была в полном порядке.

«И будет. Пока я жива, я буду делать то, что не смогла тогда. Я буду защищать тебя. Даже ценой своей жизни».

Глава 44: Сестра-милосердие

На душе у Элеоноры было очень тяжело и беспокойно. Когда Исаак рассказал правду, когда Фрейя накричала на Мастера, Нора вспомнила нечаянно подслушанный разговор, о котором пообещала никому не рассказывать. Тогда она ещё несколько дней задалась вопросом, почему они обсуждали ведьму так, словно больше остальных знали, кто она и чего от неё ждать. Теперь поняла.

Страх и сомнения вгрызлись в сердце. Правильно ли она поступила, что сдержала обещание? Стала ли она из-за этого сообщницей, невольным хранителем мучительной тайны? А стало бы лучше, если бы рассказала? Помогло бы это спасти хоть кого-то? Жаль, так жаль, что в жизни нельзя отмотать время назад, посмотреть альтернативный вариант развития событий и выбрать лучший. Но если такого варианта нет? Если решающий выбор был сделан так давно, что до него уже не домотаешь?

Хотелось кричать, но горло сдавливали рыдания, не давая даже ровно дышать. Не только сомнения о верности собственных поступков легли на душу могильной плитой. Неправда, что силы хранителей совсем не действовали на ведьму — они только навредить не могли. В момент той короткой встрече в комнате у осколка Элеоноры случился энергетический всплеск, и она невероятно сильно ощутила чужую боль. Это продлилось лишь несколько мгновений, но поглощённое потрясло, поразило так сильно, что Элеонора потеряла связь с реальностью до того момента, как проснулась после снотворного.

Несомненно, хранителям стало плохо из-за потери друзей, но их чувства не могли ударить с такой силой. В те мгновения Элеонора узнала, какой многовековой груз был на душе у Мастера и Ингрид. Даже если сейчас они что-то не чувствовали, что-то забыли, даже если время притупило боль, создав иллюзию, что раны превратились в шрамы, прошлое продолжало терзать душу, не выпуская из холодной, тёмной и липкой пучины. Да, Элеонора не могла не сочувствовать. Ни тому, кого годы сделали безразличным к судьбе хранителей, ни убийце, которая намерена довести дело до конца.

Всё чаще при взгляде на нож, который дала Фрейя для собственного успокоения, Элеонора видела спасение, освобождения от сочувствия, о котором она не просила, от чувств, которыми не могла управлять. Вот только храбрости и эгоизма не хватало, не настал ещё тот предел, после которого станут незначительными любые поводы не обрывать свою жизнь. Сейчас главным поводом жить была Фрейя. Её сердце ведь не из гранита, у неё почва из-под ног уйдёт, если самый дорогой человек, ради которого она готова на всё, сам себя убьёт. Быть смыслом чьей-то жизни — большая ответственность.

И всё же, сидя одна во время перерыва на работе, Элеонора присматривалась к остро наточенному лезвию, прикладывала, словно примеряясь, к запястью. Да, она знала: чтобы умереть, резать надо не здесь и не так, но можно ли заглушить физической болью душевную? Элеонора видела людей, которые так делали. Они говорили, что это ненадолго помогало. Только вот порезы от Фрейи скрыть не удастся, у Норы же не было привычки заматывать руки для цельности образа.

«А если у неё...» — размышляя о том, как скрыть если что порезы, Элеонора вдруг подумала, что бинты Фрейи отнюдь не часть образа. Что, может, они тоже скрывали что-то болезненное. Но Фрейя точно не из тех, кто будет вредить себе, значит, с ней что-то сделали другие.

«В этом тоже может быть моя вина», — со страхом предполагала Элеонора, теряя веру в то, что хоть раз поступала в этой жизни правильно.

Элеонора была благодарна Фрейе, что теперь та оставалась рядом даже ночью. Нет, она не ведьмы боялась, а себя, собственной слабости. Когда рядом была сестра, важнее было не то, что она не позволит себе навредить, а то, что в её присутствии становилось спокойнее. Потому что Фрейя всегда была сильной и надёжной, и так легко себя обмануть, убедив, что сестра способна защитить от любой беды. Как всегда защищала.

На ночь приходилось принимать снотворное, хотя сегодня сон прекрасно шёл без него. Да, хранителям больше не нужно спать, но Элеоноре было просто необходимо отдохнуть, отвлечься от реальности. Засыпая, она прямо как в детстве, держала Фрейю за руку — тёплую и грубую от работы.

В нос ударил знакомый запах трав и медикаментов, но быстро отошёл на второй план, уступив место свежесваренному чаю с мятой и чабрецом. Элеонора устало вздохнула и обхватила чашку, пытаясь отогреть пальцы. Сегодня не её очередь дежурить, но сон всё равно не шёл, поэтому она пришла на кухню за чаем.

В голове было слишком много мыслей. О детях, которых пытались спасти, вылечить, которые были вынуждены стать свидетелями ужасных сцен, осиротели. О том, насколько безопасно в лечебнице. Элеонора понимала: маги доберутся и до этих земель, но не было возможности организовать лечебницу ещё дальше от границ. Её и сейчас нет, точнее, для этого нужно дождаться подкрепления. Если бы речь шла просто об эвакуации людей... Однако здесь было слишком много раненых, некоторые до сих пор в тяжёлом состоянии, в том числе и дети. И не было сил их переправить.

Элеонора коснулась медальона, который был скрыт под бежево-серым платьем лекаря. Она уже чувствовала, что не сможет сдержать обещание. Можно было воспользоваться положением и самой перебраться в безопасное место, но Элли не могла оставить тех, о ком заботилась. И даже не потому, что работа и долг, просто сердце болело за каждого подопечного.

Чай ещё был слишком горячим, чтобы пить, поэтому Элеонора решила подышать прохладным ночным воздухом на пороге церкви. Иногда это помогало освежить голову. Рядом с церковью росли цветы, которые очень сладко и душисто пахли в ночи, но сегодня их перебивала сырость — лило так сильно, что порадоваться можно было только ветру: он дул в противоположную от порога сторону. Элеонора поёжилась. Ей нравился дождь: и запах, и звук, только вот стоило накинуть что-нибудь потеплее.

Она уже собиралась зайти внутрь, когда услышала торопливые шаги. По мере приближения всё чётче становился силуэт высокого незнакомца, укутанного в плащ. Он почти бежал, и Элеонора решила его дождаться. Нельзя же оставлять человека на улице в такую погоду.

— Пожалуйста, проходите, — попросила она, открыв дверь и поторопив жестом.

Сначала надо было завести в тепло, а уже потом выяснять обстоятельства, приведшие к церкви-лечебнице в такую погоду. Элеонора отвела незнакомца на кухню, повесила сушиться плащ, с которого ручьями стекала вода, наказала сесть возле огня, а сама стала греть воду для чая. Элеонора даже бровью не повела, заметив рог у внезапного гостя, когда он снял капюшон. Зато сбегала за полотенцем, чтобы можно было вытереть волосы, и собственным шерстяным платком.

— Вам повезло с плащом, здесь сплошь дети и женщины, сложно было бы найти сухую одежду, если бы ваша промокла, — покачала головой Элеонора, заливая кипятком заварку.

— Спасибо за заботу. Я удивлён, что вы так просто пустили к себе мага, учитывая не столь давние события...

— Если непогода заставляет искать кров, как обычного человека, то маг или нет уже не имеет значения, — пожалала она плечами. — Если вы простынете, то страдать от болезни будете, как любой из нас или даже хуже, магам сложно сейчас обратиться за медицинской помощью.

— Кажется, вы очень сострадательны, — по-доброму усмехнулся незнакомец и принял чашку.

Элеонора взяла свою уже едва тёплую кружку и села поближе.

— Может даже слишком. Мне часто такое говорят, но я не вижу в этом ничего плохого. Чем лучше я понимаю пациентов, тем легче мне им помочь. Я не буду слишком любопытной, если спрошу, что привело вас сюда? — осторожно поинтересовалась Элеонора.

— На вашем месте я бы спросил это ещё до того, как впустил. Я Хенбетестир — странствующий маг, но о последнем беспокоиться не стоит. Я никому не причиню вреда и уйду, как только закончится дождь. Ливень разразился, когда я был в пути, далеко от всякого укрытия... Поисковые чары вывели меня сюда, но я не мог постучаться в какой-нибудь дом, ведь люди сейчас особенно нервно воспринимают магов. Помимо того, что многие должны были сбежать из этих земель. Поэтому я решил попытаться счастье в церкви. Даже не знаю, чем в тот момент думал, — покачал головой Хенбетестир. — Служители веры никогда нас не любили, но я просто слышал, что здесь организовали лечебницу. А у лекарей легче снискать милосердия.

— Обычно да, но сейчас сёстры тоже на взводе, а больные могут очень нервно отреагировать, — вздохнула Элеонора, но тут же ободряюще улыбнулась: — Однако на кухню никто не должен зайти, так что если мы посидим здесь, то всё будет в порядке. А если нужно будет выйти, можно просто прикрыть вашу голову. Ох, точно! — воскликнув, она смущённо отвела взгляд. — Как невежливо получилось-то... Меня зовут Элеонора, приятно познакомиться.

— Взаимно. И ещё раз спасибо, что приютили, — с улыбкой ответил Хенбетестир.

Минут пятнадцать они просто молча пили чай. Когда дело не касалось работы, Элеонора чувствовала себя неловко в присутствии малознакомых людей, прямо как сейчас, но то ли чай так действовал, то ли к Хенбетестиру оказалось так легко привыкнуть — точно не сказать, просто очень скоро стало спокойнее.

Элеонора вздрогнула, услышав стук в дверь. Она быстро отставила чашку, накинула полотенце Хенбетестиру на голову и подошла, чтобы открыть. На кухню робко заглянула маленькая заплаканная девочка. Она тут же обняла Элеонору и жалобно всхлипнула.

— Тётя Элли, мне кошмар приснился... — пискнула, когда Элеонора подняла её на руки.

Прижимая к себе девочку и поглаживая ту по голове, она начала покачиваться и шептать что-то успокаивающее, пока девочка не перестала всхлипывать. Тогда Элли опустила ребёнка и сказала возвращаться в кровать, пообещав скоро подойти с тёплым молоком и внимательно выслушать.

К сожалению, в лечебнице по пальцам можно было пересчитать детей, которых не

мучили бы кошмары. В основном им снилось что-то из увиденного: жестокие смерти родственников и друзей, маги, превратившиеся в чудищ, горящие дома, тучи насекомых, хищные лианы... Такое травмировало психику даже взрослым, что уж говорить о детях, но многие лекари были слишком вымотаны, в том числе эмоционально, у них не хватало сил на эмпатию. Поэтому утешение детей лежало на Элеоноре. У неё слишком болело за них сердце, чтобы суметь проигнорировать страдания, не попытаться их разделить, уменьшить. Дети очень любили тётю Элли, а она любила детей.

— Извините, она правда очень долго засыпала. Неудивительно, после такого-то сна... — почти оправдываясь пробормотала Элеонора, когда вернулась и села на прежнее место.

— Всё в порядке, ей была необходима ваша помощь, — понимающе кивнул Хенбетестир. — Но часто ли к вам приходят среди ночи?

— В последние дни чуть реже, но поначалу дети совсем плохо спали. Иногда приходилось дремать днём из-за этого.

— Вы так стараетесь ради них и, кажется мне, совсем себя не бережёте. Скажете, как вы стали лекарем? — спросил Хенбетестир, заглядывая в глаза. Элеонора затаила дыхание, заметив, как подчёркивал блеск пламени их необычный золотистый цвет. — Пожалуйста, расскажите о себе.

Элеонора медленно, словно зачарованная, кивнула и начала рассказ. Её судьбы была предрешена в тот момент, когда она родилась в семье Гвалгвен. Вне зависимости от желаний, она должна была стать целителем, ровно как старший брат, будущий глава семьи, воином. В этой семье к делу жизни детей начинали готовить с самых малых лет, фактически лишая детства. Элеонора помнила, как пытался по этому поводу бунтовать брат. Сейчас это вызывало улыбку и ностальгический смешок, а тогда Элли искренне восхищалась его смелостью. У неё духу не хватало сказать что-то против, хотя очевидно было, что такому человеку не место в лазарете.

Дело в том, что обострённое сострадание Элеоноры было заметно с детства. Она так близко к сердцу принимала чужую беду, словно свою собственную. Мать беспокоилась, что если с возрастом эмпатия Элли не притупится, то она слишком быстро перегорит на работе. Все это понимали, но закон семьи не обойти. Да и сама Элеонора того не хотела.

— Конечно, меня пугало то, с чем придётся столкнуться. Я в детстве начинала плакать, случайно наступив на хвост кошке. Или пыталась в любой мелочи помочь брату, если он возвращался с тренировки с синяками. Ну какой тут лазарет с оторванными ногами и теми, кто умирает в агонии? — горько усмехнулась Элеонора. — Мне становилось тяжело за людей даже от подобных мыслей. Вот только... Ещё тяжелее было на душе, если подумать, что кто-то мог умереть, потому что именно меня не оказалась рядом, ибо я струсила и пожалела себя. Нет-нет, спокойствие одной меня не стоило тех жизней, которые я могла спасти. Да и не была бы я спокойна.

Несмотря на знатное происхождение, Элеонора обладала очень тихим, кротким нравом. Впрочем, от неё, как от девушки, другого и не ждали. Боишься возразить, высказать своё мнение, обидеть случайным словом? Прекрасно! Будь тихой, послушной и делай то, что от тебя хотят, тогда и за тебя семье не будет стыдно.

Честно говоря, Элеонора старалась соответствовать ожиданиям, потому что не хотела никого расстраивать или, того хуже, вызвать гнев. Ей от конфликтов становилось физически плохо, поэтому она не отстаивала свою позицию, даже если точно была права.

Доказательство правоты не стоило того, чтобы продолжать конфликт, да и собеседник мог расстроиться, узнав, что его позиция была неверной. А если так, то и Элеонора удовлетворения не почувствует. Она в любом случае будет ощущать себя проигравшей, но лучше, когда это собственное чувство, а не чужое.

С возрастом, конечно, пришлось стать немного твёрже, ведь нельзя всегда потакать пациентам, нельзя бояться сделать больно, если это необходимая часть лечения. В этом Элеонора научилась выбирать меньшее из двух зол, однако в обычной жизни оставалась слишком мягкой. Повезло, что при возможности брат защищал её и не давал в обиду. Отношения между ними были хорошие, пусть и не очень близкие, к чему Элеонора относилась с пониманием. Сложно обращать внимание на человека, который очень старается его не привлекать, так что брат часто просто не замечал присутствия Элли. Вот и не складывалось общение.

Работать в лечебнице Элеонора начала с двенадцати лет. Сначала, конечно, под надзором старших, но в четырнадцать ряд задач она уже должна была выполнять сама. Речь шла именно о лечении, потому что для «грязной» работы всегда имелись люди более скромного происхождения.

— Я помню, как у меня впервые умер пациент... Совсем молодой парень, у него вся жизнь впереди была, он обещал своей девушке сыграть свадьбу, когда вернётся... Попал под магическую атаку. Чары постепенно уничтожали его лёгкие, мы когда потом его вскрыли, там остались два рыхлых чёрных сгустка чуть больше грецкого ореха... — Элеонора сжалась, вспоминая это. Ей потребовалось успокоиться, чтобы продолжить. — Знаете, раньше мы нередко прибегали к помощи магов. И в битвах, и в лечении, это сейчас начинают думать, что от них потенциального вреда больше, чем пользы. В тот раз даже приглашённый маг сказал, что заклятье слишком сильное и слишком глубоко обосновалось. Ничего нельзя было сделать, мне оставалось только приложить все силы, чтобы облегчить его страдания. Когда он умер... Конечно, с этим тяжело было смириться, но уже ничего не изменить. Он больше не мучился и это, наверное, лучше, чем продолжать жить в том состоянии. Да, — Элеонора кивнула сама себе и криво улыбнулась, — он даже сам сказал, что ждёт смерти, как избавления, что будет рад ей. Но... Мне нужно было как-то сообщить его родственникам, что он умер. А у меня горло сдавливало уже от мысли, как больно я сделаю им этой новостью. Но это тоже часть работы. Я потом осталась утешать невесту. Просто поняла, что её нельзя оставлять сейчас одну. Она выглядела так, словно смысл жизни потеряла, а вслед за этим могла потерять и жизнь. Я подумала, что чувствовала бы себя так же, узнай, что брат умер. Мне нужен был бы кто-то, кто утешит, побудет рядом, пока я не смогу мыслить достаточно ясно, чтобы осознать: да, я потеряла очень важного человека, но это только часть моей жизни, даже если очень значительная, но моя жизнь будет иметь смысл до тех пор, пока я жива.

В отличие от многих знакомых врачей, Элеонора так и не смогла привыкнуть к страданиям, смертям и необходимости о них сообщать. Она всё ещё слишком сопереживала и пациентам, и их близким. По этому поводу о ней переживал брат, но Элли уверяла его, что не считает свою эмпатию помехой. Ведь находились те, кому помогало сочувствие.

В семнадцать Элеонору перевели работать в лазарет. Многие попадали туда только для того, чтобы всё равно умереть на поле боя, но немного позже. Такая безнадежная работа, беспросветная чередка дней, страшно похожих друг на друга. Элеонора могла бы вернуться в городскую лечебницу, даже брат уговаривал сделать это, но она считала, что нужнее здесь.

— Всё так тянулось, что я потеряла счёт времени. Мне часто говорили, что я выгляжу не лучше некоторых пациентов. Да, наверное, так и было. Тогда казалось, что жизнь стала затянувшимся кошмаром, от которого у меня не было сил очнуться. Моральных сил. Они все уходили на больных. Матушка, конечно, была права... — вздохнула Элеонора. — К счастью, в девятнадцать лет я встретила человека, который помог вырваться из сна. Напомнил, что я-то ещё жива. Я очень удивилась, когда к нам доставили женщину. Она не была пострадавшим полевым медиком, она была воином. Это уже стало очень ярким пятном среди одинаковых дней, но ещё больше меня потрясла новость, что на самом деле Фрейя была принцессой. Я восхищалась в детстве братом, который мог поспорить с родителями, но тогда я встретила человека, который не только бунтовал, но и пошёл против уготованной судьбы. Если бы я была хоть немного такой же сильной...

Однако восхищения восхищениями, а Фрейю надо было спасать. И на это Элеоноре хватило сил, а когда состояние стало более стабильным, она отправилась в столицу вместе с Фрейей, чтобы продолжить лечение. Всё же член королевской семьи не тот человек, которого можно не долечить и снова отправить на поле боя. Проведённое с Фрейей время помогло Элеоноре вспомнить, что есть жизнь вне лазарета, что есть не только боль и страдания. Она впервые за два года улыбнулась и заплакала от облегчения.

Конечно, когда Фрейя поправилась, пришлось вернуться к прошлой работе, но новая подруга не позволяла больше погрузиться в работу настолько сильно. Если Фрейя приходила и заявляла, что нужно отдохнуть, попереспорить её не было возможности. Особенно кому-то вроде Элли. Рядом с Фрейей ей было хорошо, потому что, перенимая её чувства, она перенимала уверенность и желание бороться за своё счастье. Поэтому, когда Фрейя согласилась выйти замуж за брата, Элеонора была счастлива.

— Я стала звать её сестрой, а она и не была против. Даже не знаю, чем объяснить тот порыв. Просто, кажется, даже от брата я не получала столько заботы. И слов поддержки. Фрейя никогда не говорила, что мне стоит найти занятие поспокойнее, зато утверждала, что я тоже сильная, раз продолжаю возвращаться в лазарет. И она первая поддержала меня, когда я решила отправиться сюда.

Элеонора сделала паузу и перевела взгляд на огонь. В свете пламени её слегка рыжие выбившиеся из-под косынки волосы казались ярче, солнечнее. С огнём Элли никогда не сравнивали, говорили, слишком мягкая для этого, зато иногда проводили параллель с рассветным солнышком.

— Когда я узнала, что здесь много раненых и мало врачей, то просто не могла поступить иначе. Даже если это очень опасная зона, до которой в любой момент могут добраться одичавшие, а защиты у нас почти никакой, — она удручённо покачала головой. — И всё же... На самом деле... Я бы хотела вернуться домой. Нет, не сбежать. Просто сумею вернуться, исполнить обещание. Я всё ещё верю в эту возможность, пусть и осознаю, насколько малы шансы.

— Но всё же, пока вы живы, шанс есть.

— Да. Но если вдруг передо мной встанет выбор: спасти или спастись, я выберу первое. Каким бы сильным ни было моё желание вернуться, я не исполню его ценой чужой жизни. Моя судьба всегда была предрешена...

Хенбетестир не знал, как приободрить притихшую Элеонору. В отличие от многих, её желание ещё могло исполниться, но только не будь Элеонора собой. Взгляд, поза, — во всём читались смирение и готовность умереть. Он даже слышал, как на любые доводы выбрать

себя, Элеонора отвечает, что у других вся жизнь впереди, но только если её сохранить. Да ведь ей самой было не сильно больше двадцати! Она сама жить так и не начала!

Как и обещал, Хенбетестир ушёл, стоило только дождю закончиться. Тогда уже почти начало светать. Элеонора попыталась уговорить его остаться подольше, отдохнуть, но была вынуждена проводить до дверей. Она смотрела страннику вслед, пока тот не скрылся из виду, а сердце сдавливала тоска. Хенбетестир выглядел таким одиноким, странствовал просто потому, что пытался найти то, о чём сам не помнил. И хотя он говорил, что привык к такой жизни, что бесцельны путь его не тяготит, Элеонора очень хорошо чувствовала — это ложь. Это на сердце у странника была тоска, но он не знал, чем та вызвана.

Вернувшись на кухню, Элеонора нашла на полу осколок неизвестного камня. Ей подумалось, что его потерял Хенбетестир, и, наверное, ещё можно было попытаться нагнать и вернуть, но стоило взять камень в руку, как тот исчез.

А следующей ночью исчезла лечебница, исчезла Элли, закрывшая собой ребёнка, и надежда вернуться домой так и повисла на душе грузом неисполненного желания.

Элеонора медленно открыла глаза. Неожиданный сон отпускал её очень неохотно. Рядом сидела Фрейя. Такая спокойная, внушающая уверенности одним своим видом. Элеонора улыбнулась и взяла сестру за руку, на душе отчего-то стало немного легче.

Глава 45: Восемь с честью погубили, девять — вслед уйдёт

— Знаешь, а в-ведь я... Всё же вернулась домой. К тебе, — с улыбкой сказала Элеонора, продолжая держать Фрейю за руку.

Таким долгим и странным вышел путь. Да, может быть, Элеонора и не вернулась в свой старый дом, но ведь на самом деле ей было важно не конкретное место, на самом деле она хотела снова оказаться рядом с сестрой. Да, сейчас она совсем не была похожа на благородную деву, которая между битвами могла посетить светский приём, но это точно была та самая Фрейя. Сильная и уверенная в себе госпожа.

Фрейя тоже улыбнулась. Тепло и немного печально, понимающе. Она притянула к себе Элеонору и обняла. Очень осторожно, тщательно контролируя силу. Особенно растрёпанные после сна волосы, розовый цвет которых приобрёл едва заметный рыжий оттенок, привычно щекотали нос и настойчиво пытались попасть в рот.

— Да, Элли. С возвращением.

— А... А ты? У т-тебя было какое-то желание?

— Было, — тихо усмехнулась Фрейя. — Я хотела тебя защитить.

— Значит, ты ис-сполняла его в-всю эт-ту жизнь...

— Да. И буду исполнять до конца, — решительно заявила Фрейя и отпустила Элеонору. Удерживая сестру за плечи, она внимательно, строго посмотрела ей в глаза. — Нора, знаю, сегодня ты не должна была уходить. Но сделай это. Не оставайся здесь. Ты найдёшь, чем заняться в городе?

Элеонора помедлила, но всё же неуверенно кивнула. Уходить не хотелось, но Фрейя будет настаивать, а вне замка действительно чуть спокойнее. Если бы не зов, Элеонора была бы рада не возвращаться, только не отпустят чары хранителей надолго. Удивительно уже то, что у них была эта странная возможность уходить на день. Просчёт ведьмы или непостижимая задумка?

— Д-да... Но... П-почему бы т-тебе не пойт-ти со м-мною?

— У меня были планы на сегодня. А ты иди. Я провожу тебя через лес.

Оставалось только смириться и начать собираться. После стольких смертей в замке путь через лес казался не таким уж страшным, но Нора всё равно была рада не идти одна. Даже хорошо зная дорогу, она всё равно боялась где-нибудь ошибиться и потеряться. Опыт Камиллы показал, что даже пара шагов в сторону, когда кажется, что основной путь даже из вида не пропал, может привести в совершенно иное место. За всё время из хранителей поладить с зачарованным лесом смогли только Фрейя и Эгиль.

Фрейя довела Элеонору до лечебницы, где никогда не были против сверхурочной работы, сказала, что к вечеру зайдёт, чтобы отвести обратно, и вернулась в замок. Слова о планах были ложью. Просто скажи она, что чувствует скорую встречу с ведьмой, которую не имеет право отсрочивать или избегать, Элеонора ни за что не согласилась бы уйти. Словно это могло улучшить ситуацию. Легко заметить, что убитые хранители в момент смерти находились рядом, значит, если предчувствие начало подавать тревожные сигналы, надо держать Элеонору подальше от себя. Но не в замке.

Остановившись возле фонтана, Фрейя окинула взглядом двор. Осень давала о себе знать, природа увядала, ещё зелёную траву постепенно скрывали слишком яркие для этой

картины листья. И всё же бросалось в глаза, что место стало менее обитаемым. Пока не настолько, как если бы в замке веками никто не жил, но весь с трудом созданный уют таял, как снег по весне.

«Нет никакой надежды, что кто-то кроме Мастера доживёт до весны», — с досадой установила Фрейя и напряжённо сжала челюсти.

Мысли о надежде заставили вспомнить, что она перестала видеть днём Гленду. Фрейя знала, что за малышкой следил Мастер, поэтому мысли заняты были Норой и Мейлир, а сейчас очень захотелось найти и проверить, всё ли в порядке. Гленда ведь и полторы недели назад находилась под присмотром, но её можно было встретить. Она уже не могла быть такой активной, как до смерти Камиллы, и всё равно не любила сидеть на одном месте, тем более — безвылазно в комнате. Почему Гленда перестала гулять? Почему её присутствие стало таким незаметным, что настолько легко оказалось забыть, что она тоже ещё здесь?

Фрейя взбежала на третий этаж, перескакивая через три ступеньки. Вариантов было немного: одна из двух спален или мастерская. Почувствовать Гленду не удавалось, оставалось только ориентироваться на расположение Мастера — на его близость отзывался осколок.

Резко распахнув дверь, Фрейя ворвалась в мастерскую. Мастер сидел за столом и что-то вырезал из дерева, он почти не отреагировал, только ненадолго повернул голову и напряжённо посмотрел в направлении её сердца, словно почувствовал что-то, что ему не понравилось. Гленда полулежала на диване, укутанная в плед. Она читала книгу и при виде Фрейи слабо улыбнулась. По спине пробежал холодок. И без того хрупкая, словно птеник, малышка, казалось, стала ещё тоньше, бледнее, под ярко-зелёными глазами пролегли тёмные круги.

— Глен, что с тобой? Почему больше не выходишь? — с беспокойством спросила Фрейя, опустившись перед диваном на колени.

— Я не могу, — тихим, ослабевшим голосом ответила она, и улыбка её дрогнула. — Ноги... Больше не держат... Даже просто встать не могу.

Гленда всеми силами делала вид, что такая слабость — пустяк, временная трудность, скоро пройдёт и совсем не тревожит. Не верилось. Совсем. Фрейя гневно посмотрела на Мастера. Мейлир говорил, что не должно быть дальнейшего ухудшения состояния, если не будет усиления влияния на осколок. Основания не верить Мейлиру отсутствовали, как и вера в Мастера.

— Это ты виноват. Зачем издеваешься над ребёнком? — с нажимом спросила Фрейя. Она старалась не повышать голос, чтобы не пугать этим Гленду, но это требовало больших усилий.

— Так лучше, — коротко ответил Мастер, не отрываясь от работы.

Фрейя вскочила и подошла к нему. Дёрнула за плечо, заставляя обратить на себя внимание. Не будь рядом ребёнка, матом бы покрыла, но матом оставалось только смотреть. Очень выразительно. И с отвращением замечать, насколько их глаза были похожи. Только её желтее, живее.

— Кому лучше, хмырь рогатый? Самому понравилось бы, если б ноги отказали? Ни сердца, ни мозгов не осталось!

— Чем слабее осколок, тем меньше шанс, что ведьма за ним придёт.

От ровного тона Мастера ещё сильнее хотелось свернуть ему шею. Да, вероятно, он был прав, но логику Фрейя найти не могла. Совсем. Мастер был единственным, кто *мог бы*

противостоять ведьме. Если Ингрид явится за осколком Гленды, ситуация не будет такой же безнадежной, как у остальных хранителей, если он будет рядом. Но Мастер выбрал избегать встречи, убивая здоровье бедного ребёнка.

— Да какой ей толк от такой жизни?! Она тебе не кукла, с которой важен сам факт существования! Ты совсем не видишь, что Гленда от твоей «заботы» только страдает?

— Лучше так, чем умереть. Я не отпущу её.

Хлёсткий звук пощёчины показался таким громким, как если бы Фрейя со всей силы ударила кулаком по столу. Ладонь горела, но при виде покрасневшей щеки хранительница почувствовала лёгкое удовлетворение.

— Мы хранители, а не твоя собственность. Как же мало в тебе осталось человечности, если ты считаешь такие поступки нормальными. Если бы Хенбетестир был таким же мудаком, я бы своими руками закончила его путь в тех руинах. Очень жаль, что не сделала этого.

Фрейя быстро вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь. Не громкой сцены ради, просто весь контроль силы ушёл на пощёчину, чтобы шея не издала вдруг неестественный хруст. Не хватало ещё, чтобы Мейлир тратил силы на этого бесхребетного эгоиста. Спустившись на второй этаж, Фрейя свернула не к жилым комнатам, а к гостевым.

— Выходи. Я тебя чувствую, — сказала она в пустоту и достала меч.

— Другого настроения от тебя и не ждала, — со смешком откликнулась Ингрид, выходя из стены. — Мне очень понравилась та сцена. Не хотелось её прерывать. Однако наступление восьми как-то уж слишком затянулось... — она с явно притворным вздохом покачала головой. — Это нельзя так оставлять.

— Я не дам тебе подойти ближе, — холодно ответила Фрейя, вставая в стойку.

— Знаю. Но даже твоих сил не хватит.

Ингрид больше ничего не сказала, она просто снова исчезла. Фрейя напряглась и резко обернулась, услышав за спиной лязг. К ней стремительно приближались два рыцаря-доспеха, вооружённые мечами.

Фрейя еле успела увернуться. Не ожидала, что противники будут двигаться так легко, так ловко. Конечно, это же не скованные тяжёлой бронёй люди, просто зачарованные куклы-пустышки. Звон. Фрейя скрестила мечи с рыцарем, но была вынуждена отпрыгнуть назад. Отвратительная ситуация. Их не ранить, не вымотать, можно только попытаться развалить. Ещё удар. Для простого человека Фрейя управлялась с мечом очень хорошо, но два опытных противника — серьёзная проблема.

Она обменялась ударом с каждым, пытаясь найти слабое место, уязвимость. С какой стороны подобраться? Когда Фрейя пыталась напасть со спины на одного, тут же была вынуждена уворачиваться от второго. Проскочила под мечом. Получила удар по ноге. Не смогла устоять. У неё не было никакой защиты, а доспехи били очень больно. Фрейя откатилась в сторону, тут же вскочила на ноги. Нащупала ногой сзади стену. Оттолкнулась от той. Нельзя долго находиться возле стен, там могла притаиться Ингрид.

От резких движений волосы распустились и теперь сильно мешали. Недолго. Удар рыцаря, направленный в левую лопатку, срезал всё, кроме пряди справа. Уклоняясь от одного меча, Фрейя напоролась на второй. Острая боль в боку заставила сжать зубы, чтобы не вскрикнуть. Это был шанс.

Фрейя схватила рыцаря за руку и своим мечом снесла его пустую голову. Оторвала руку. Ударом ноги, проклиная доспехи и радуясь тяжёлым носам сапог, снесла корпус. Первый

рыцарь был повержен, он явно не намеревался собираться обратно. Только и сама Фрейя понимала, что долго не выдержит. Рана в боку, подбитая нога и ограниченная человеческая выносливость давали о себе знать.

Атаки второго рыцаря, кажется, стали стремительнее, напористее. Или это сказывалась усталость? Ран, пусть даже незначительных, становилось всё больше. Фрейя с трудом уворачивалась в последний момент.

Как на зло, на шум прибежал Мейлир. Фрейя мельком глянула в его сторону и пробормотала ругательство.

— Иди следи за своей королевой! — хрипло крикнула Фрейя, стараясь быть громче лязга мечей. — Тут ты ничем не поможешь, братец. Зря потратишь силы.

— Но!.. — Мейлир хотел возразить, но был тут же прерван.

— Уходи! Не смей вмешиваться! — отдала она приказ, вкладывая в тот как можно больше сил. Чтобы точно не ослушался.

У Мейлира не оставалось иного выбора, кроме как уйти. Фрейя издала короткий смешок и попыталась снова подобраться к рыцарю. Она уже заметила, что тому очевидно был отдан приказ не убивать, иначе бой закончился бы куда быстрее. Только легче от этого не становилось.

Фрейя зашипела. Теперь ей пробили другой бок. Прекрасная мерзость! Она разрушила второго рыцаря так же, как первого. Бездушные жестянки у её ног, но какой в этом смысл, если сама хранительница могла только сползти на пол? Хрипло дышала, продолжая сжимать меч, хотя сил понять его скоро не останется.

«Правильно, что отослала Мейлира. Он бы сам оказался при смерти, попытайся вылечить такое, — с вялым удовлетворением подумала Фрейя. — Прости, Нора, я не смогу тебя встретить. Надеюсь, ты благополучно пройдёшь через лес».

Больших трудов стоило не закрывать глаза, но Фрейя хотела посмотреть в лицо явившейся смерти. Бледное-бледное лицо, в котором, к сожалению, можно было найти черты человека, который так ладно притворялся слабой жертвой. Только эмоции прочесть не удавалось. Фрейя ожидала увидеть явное удовлетворение победителя, а столкнулась с непроницаемой маской. Ингрид скользнула взглядом по мечу, который уже не представлял для неё опасности, и опустилась рядом на колени, совсем не заботясь о том, что испачкает юбку в крови.

— Ты была славной защитницей для сестры, но пора уйти на покой, — прошептала она, стойко выдерживая взгляд Фрейи.

Хранительница продолжала смотреть до последнего, через боль, сопровождавшую хруст рёбер и чавканье плоти. Пока не исчезла, лишившись осколка. Восемь ударов разнеслись по замку, оповещая, что закончился ещё один бой.

В лечебнице всегда хватало дел, поэтому внезапно заявившаяся Элеонора всё равно была занята. Это хорошо отвлекало от тревог и размышлений о том, какие планы могли появиться у Фрейи. Только сердце всё равно не на месте было. И чем ближе вечер, тем сильнее становилась тревога. Элеонора бросала взгляды то на часы, то в окно. Солнце начинало клониться к закату, а Фрейи до сих пор не было. Это заставляло думать о худшем.

И вот, когда небо по цвету стало походить на её волосы, Элеонора не выдержала. Неловко, торопливо со всеми попрощавшись, она поспешила в замок. Даже о страхе леса забыла, все мысли были заняты только тем, что же могло случиться.

Элеонора пыталась бежать, но с её выносливостью приходилось часто останавливаться, чтобы отдышаться. Очень быстро начинало сдавливать горло. Только не получалось ни спокойно идти, ни дать себе достаточно времени на передышку. Лишь бы не сойти с тропы, не потерять ещё больше времени.

Ноги тоже устали, после быстрого подъёма по лестнице почти не слушались. Вбегая в замок, Элеонора споткнулась о порог и упала. Сильно ударились коленями, еле смогла подняться. Волнение спровоцировало новый всплеск активности осколка, и Нору прошиб шквал чужих эмоций, снова чуть не сбив с ног. Она заскулила, цепляясь за перила. Любое движение теперь отдавалось невыносимой головной болью, но Элеонора всё равно взбежала по лестнице.

На втором этаже пахло кровью. Было подозрительно тихо. Покачиваясь, Элеонора пошла в сторону гостевых. Она уже знала, что увидит, но до последнего это отрицала. Позорно и подло надеялась, что на потрете окажется кто-то другой. Не сестра. Не Фрейя. День ведь так хорошо начался. Они были вместе, улыбались. Даже, кажется, жить захотелось. Рука весь день не тянулась к ножу.

— Н-нет. Н-не может быть... — сдавленно пискнула Элеонора, смотря на портрет и отказываясь верить, что это Фрейя.

Нора обессиленно осела. Даже расплакаться не получалось, так пусто стало на душе. Только нервный смешок пробрал. Она думала, какая ответственность быть смыслом чьей-то жизни, да только не учла, что сейчас смыслом её жизни была Фрейя. Без неё становилось неважным всё. И это не тот случай, когда нужно переждать, вернуть себе ясность ума и найти силы идти дальше, пусть даже для этого придётся пройти по стеклу, до мяса изрезав ноги осколками.

Нет. Тут не было смысла ждать. Смерть неизбежна. Если даже кто-то столь сильный и волевой проиграл, то какие шансы у Нору? Что плохого в том, чтобы приблизить смерть, прервать, наконец, страдания. Элеонора достала нож, судорожно сжала рукоять. Бегло посмотрела на портрет и виновато потупила взгляд. Фрейя дала ей этот нож для защиты, а она решила прервать им жизнь, которую пыталась уберечь сестра. Теперь уже точно решила. Надо только унять дрожь в руках, убедить себя, что краткие мгновения боли — не так страшно, как то, что с новой силой разрывало душу, захватывало разум. И болело, болело, болело. Такое возьмёт лишь одно лекарство — забытьё. Вечное.

— Успела!

Белая рука цепко ухватила за запястье, сильно сжала, заставляя выронить нож. Элеонора застыла в оцепенении. Тяжело дыша, рядом сидела Ингрид. Она была так по-человечески обеспокоена, что это совсем не сочеталось с ужасом, который вселяло её присутствие.

— 3-зачем? — только и смогла выдавить Элеонора. Она ведь и так собиралась умереть, почему ведьма её остановила?

— Тише, девочка моя, не так быстро, — успокаивающе пробормотала Ингрид, обнимая Нору и глядя её по спине. Отчего-то из-за этого к глазам хранительницы начали подступать слёзы. — Не пачкай руки, не бери на душу убийство. Даже своё. Для этого у вас есть я. Обещаю, я освобожу тебя. Всех вас. Только не надо поспешных действий.

Продолжая говорить, Ингрид нащупала нож и отбросила в сторону. Её тоже потряхивало от мысли, что Элеонора решилась на такой радикальный шаг. Ещё немного и осколок ускользнул бы от неё, поставив крест на последнем шансе снять проклятье. Ингрид всё гладила тихо всхлипывающую Элеонору и старалась не расплакаться сама.

До какого отчаяния она раз за разом доводит несчастных детей из-за своего эгоизма, импульсивной злости? Они не должны терпеть побои, быть изгоями, накладывать на себя руки. Они не должны расплачиваться за то, что когда-то повздорили ведьма и дух. Не должны, но теперь есть только один способ это изменить.

Тонкие губы коснулись тёплого лба. Рука, что так заботливо гладила спину, отточенным движением вырвала из груди осколок. Так умело, что Элеонора даже вскрикнуть не успела, только от неожиданности вздрогнула.

— Пусть и твоя душа найдёт покой, милосердное дитя. Пусть тебе больше не придётся доходить до той грани, когда желание найти избавление в смерти пересилит.

Под девять ударов часов Ингрид поднялась с пола, прижимая к груди осколок. Осталось только трое. Знать бы, как скоро... Но сначала надо очистить сегодняшние осколки.

Глава 46: Меч и бабочка

Прежде чем вернуться в башню, Ингрид попросила замок избавиться от пролитой крови. Для него это не представляло труда, он с радостью поглощал человеческие жертвы. Действительно жуткое, ненасытное место. Ингрид была бы рада сделать замок безопаснее, но даже за нынешнее «властвование» платила очень большую цену. Сил ещё и на распутывание хитросплетения чар у неё не было.

Тринадцатое поколение оказалось в самом деле примечательным. Раньше не было такого, чтобы большую часть хранителей связывала общая судьба даже до замка. Это облегчало очищение осколков, если рассматривать несколько смертей за раз. Но, может, при ином раскладе и убивать хранителей пришлось бы по одному? Может быть.

Как бы то ни было, Ингрид понимала, что Фрейя и Элеонора — последний такой случай. Как бы близки ни были Мейлир и Мейнир, до замка они точно жили совсем по-разному, а Гленда и вовсе была связана с Мастером. Не исключительный случай, уже бывало, что Мастер приходил в замок вместе с хранителем в силу близких отношений, но вот кровное родство наблюдалось впервые.

Солнце уже зашло, но окна Ингрид всё равно зашторила. Никогда не знаешь, как изменится картина за окном, а отвлекаться сейчас нельзя. Пропускать через себя чужую память не только выматывающе, но и опасно. Если потерять контроль над ситуацией, перестать видеть грань между чужим и своим сознанием, можно просто лишиться рассудка. Или даже навсегда застрять в тонком мире, потеряв способность к перерождению.

Конечно, Ингрид боялась, что такое может случиться, но право выбора она не давала себе сама. И снова погрузилась в историю тех, кого погубила.

В одном селе в семье кузнеца вместо ожидаемого сына родилась дочь. Не то чтобы Тарбен был против, просто очень хотел обучить первенца своему делу. Однако вот он ребёнок, никто не виноват, какого он пола, поэтому оставалось только принять и полюбить. Девочку назвали Фрейя — так решила жена. Тарбен очень её любил, заботился, помогал, но беременность и роды слишком сильно подорвали здоровье супруги. Она умерла, не дожив даже до первого дня рождения дочери.

Тарбен и думать не хотел, чтобы найти другую женщину, поэтому решил растить Фрейю сам. Совмещать работу в кузнице и уход за ребёнком было тяжело, так что пришлось обратиться за помощью к своей матери — родители супруги жили далеко. Вот и получилось, что Фрейя была выращена отцом и немного, когда очень надо было оставить с кем-то дитя, бабушкой. Это стало одной из причин, почему в ней, по мнению как всегда невероятно умных и лучше всё знающих окружающих, было так много «мужского». То есть бойкость, своевольность, драчливость, тяга к мужской одежде, тяжёлому физическому труду и оружию.

Можно подумать, что Тарбен пытался воспитать в Фрейе сына, о котором теперь можно и не мечтать, но на самом деле просто не мешал делать то, что ей самой больше нравилось. Хочешь бегать, а не с куклой нянчиться? Пожалуйста! Интереснее наблюдать, как отец куёт, а не как бабушка готовит? Хорошо, только будь осторожнее. Не собираешься смиренно молчать, когда задирают, верить в «бьёт значит любит» и не давать сдачи, потому что «ты же девочка»? Конечно. Так гораздо лучше, чем привыкать быть жертвой.

В целом, Фрейе очень повезло с семьёй. Бабушка, конечно, иногда ворчала, что помощницы по хозяйству нет, но и только. У Фрейи, конечно, с детства были странности во внешности, которые постепенно развивались. Вертикальный зрачок, глаза, которые из карих становились жёлтыми, зеленца в волосах. И длина волос. Фрейя была бы рада ходить с короткой стрижкой, но стоило ей обрезать волосы, как на следующий день они тут же вырастали. И эта «навязанная» минимальная длина тоже с годами увеличивалась. Дома приняли даже эти странности, пусть и не смогли найти им объяснение, а вот для детей и некоторых взрослых это стало лишним поводом придраться.

Что же, осколок наградил Фрейю как силой воли, так и силой физической, так что она прекрасно справлялась с любыми нападками. Её не задевали слова, она умело отвечивала тумаки тем, кто лез с кулаками. А к семи годам у Фрейи начала развиваться способность к приказам. У неё и раньше неплохо получалось приструнить особо наглую мелюзгу строгим взглядом и властным тоном, но иногда приказам было особенно тяжело сопротивляться.

С такими задатками Фрейя смогла бы приемлемо, даже неплохо жить среди людей. Среди тех людей, которые очень косо смотрели на магов, но боялись не настолько сильно, чтобы не трогать. Жить с внешностью, которая свидетельствовала о связи с магией.

Отнюдь не так хорошо началась жизнь Элеоноры. Отец о ней даже не знал. Он был в той деревне проездом и силой взял женщину, что была слишком добра, разрешив остаться у себя на ночь. Мать сильно заболела на последнем месяце, и хотя смогла родить здорового ребёнка, умерла в первый месяц. С тех пор Элеонору мотало от одних родственников к другим. С первыми она пробыла дольше всего — чуть больше года. За это время у неё на голове появились те самые фиолетовые отростки, что напоминали бабочек.

Родственники логично предположили, что отцом Элеоноры был маг. Они не хотели растить у себя магическое отродье, но избавиться от ребёнка не позволила совесть, поэтому его скинули на другую родню. Новая семья оказалась менее суеверной, однако когда по деревне поползли слухи о ребёнке-маге, поспешили передать Элеонору дальше. Просто слишком беспокоились о своей репутации, ведь дурная слава могла доставить проблем и собственным детям. В этом доме просто не хотели обременять себя лишним ртом, согласились только потому, что за это пообещали простить долг. Так что здесь сразу начали раздумывать о том, на кого скинуть ребёнка.

Четвёртая семья приняла Элеонору почти охотно, готовы были даже потерпеть слухи и необычную внешность. Вот только через три месяца у них серьёзно заболел маленький сын. Тянуть ещё одного ребёнка не было ни сил, ни денег, поэтому трёхлетняя Нора снова сменила дом. Пятая семья стала последней остановкой. Там и вовсе не были уверены, можно ли считать Элеонору родственницей, конечно, ей давали кров и воспитательный минимум, но из-за эмпатии девочка особенно хорошо чувствовала, насколько лишней была в этом доме.

Элеонора старалась как можно меньше нервировать семью своим присутствием. Часто слонялась по улице, словно беспризорница, могла даже несколько дней не возвращаться, а «родителям» до этого совершенно не было дела. Их больше свои дети волновали, а те, в свою очередь, издевались над Элеонорой, когда взрослые не видели. Это была ещё одна причина, почему Нора не хотела находиться дома. Она даже пожаловаться не могла. Во-первых, чувствовала, что издевались, потому что боялись кого-то столь непохожего. И... Сочувствовала? Ей бы тоже было сложно находиться рядом с тем, кто пугает. Нельзя осуждать за страх. Впрочем, будучи ребёнком Элеонора ещё не могла так рассуждать, просто

знала такие вещи на подсознательном уровне и смирялась с любым отношением к себе. Вторых, она не хотела снова быть переброшенной к другим людям, а самый простой способ избавиться от конфликтов — выкинуть их причину.

Вне дома тоже было не так спокойно, как хотелось бы. Среди других детей у Элеоноры тоже нашлось множество недоброжелателей, которым она не могла ответить. К тому же, она была уверена, что заслужила такое отношение, что в чём-то провинилась. Ведь не может столько людей гневаться на неё несправедливо? Им же тоже плохо! И если они чувствуют себя лучше, срываясь на ней... Значит, так надо. Так правильно. Просто нужно стараться избегать любых встреч, а если попалась — молча терпеть.

От непоправимых последствий обычно спасало то, что в самый отчаянный момент Элеонора могла использовать силу осколка пробудив в обидчиках немного смятения и сочувствия. Этого хватало, чтобы они решили: на сегодня с девчонки хватит. Наступил день, когда способность не сработала, и всё могло бы закончиться смертью Элеоноры, если бы не крайне удачное стечение обстоятельств.

Тогда Элеоноре было уже четыре, а Фрейе — семь. Тарбен приехал в соседнюю деревню отдать заказ, взяв дочь с собой. Потому что она сама хотела. И чтобы не нагружать бабушку. Пока отец разговаривал, Фрейя отпросилась погулять. Услышав крики, улюлюканье, переходящий в скулёж плачь и удары, она поспешила узнать, что произошло. Стайка детей избивала девочку с розовыми волосами, которая даже с земли подняться не могла.

— Живо разбежались! — тут же крикнула Фрейя. — Но если кто-то бессмертный или зубов не жалко, может остаться, — добавила с насмешкой, но дети поспешили подчиниться приказу и скрыться из виду.

Фрейя тут же бросилась к девочке. Она была в грязной и рваной одежде, явно плохо питалась. Вся в гематомах — свежих и уже пожелтевших. Волосы слиплись от крови, рядом валялись вырванные клоки, из сломанного носа и разбитой губы тоже текла кровь, а левый глаз не открывался из-за фингала. Фрейя готова была догнать каждого причастного и на пальцах объяснить, почему так поступать нельзя. На кулаках. А ещё она почувствовала, что похожа с этой девочкой. И что не может её оставить.

Элеонора потеряла сознание почти сразу, как оказалась в руках Фрейи. Фрейя нашла отца и очень убедительно сказала, что теперь у него две дочери. Бабушка сначала пыталась быть против, но тоже вскоре согласилась принять второго магического ребёнка, рассудив, что хоть теперь получится вырастить помощницу и хозяйку. Так у Элеоноры появилось место, где она почувствовала себя уместной. Дома.

От того, какой зашуганный была Элеонора, жутко становилось даже Фрейе. Это дитя дрожало от любого неожиданного звука или из-за появления рядом человека, заикалось, боялось съесть куском больше или лишний раз подать голос. Даже о том, что в родном селе нашлись дети, начавшие задирать Элеонору, Фрейя узнала только по плохо скрытому синяку. А ведь в этом доме все относились к Норе с любовью, но она терялась, не зная, как на это реагировать. Потому что она впервые столкнулась с тем, что её не просто не боялись, не презирали и не били, но даже заботились. И так страшно было всё испортить, разочаровать недопустимо наглým поведением.

Вместе с этим Элеонора восхищалась Фрейей. Видела, что над той тоже пытались издеваться, но Фрейю это совершенно не задевало. Даже эмпатия подтверждала — колкие слова не могли оставить и ментальной царапины, что уж говорить про какую-либо

тщательно спрятанную боль. Рядом с Фрейей становилось спокойнее, даже вера в себя начала потихоньку зарождаться. Появилось бы ещё умение давать отпор...

— Нора, чо случилось на этот раз? — со вздохом спросила Фрейя, обрабатывая рассечённый лоб.

Элеонора смущённо отводила взгляд и кусала губы. Чувствовала, что Фрейя зла, но не на неё, а потому что она снова позволила над собой издеваться.

— Горм к-кинул в мен-ня кам-мнем... — тихо призналась она.

— И ты это просто так оставила? И даже мне не собиралась ничего говорить, да? — Когда Элеонора робко кивнула в ответ, Фрейя только закатила глаза. — И почему? Одним придурком больше вырастет, оставляй такое безнаказанным.

— Н-но ведь... Он... У него... Отец ег-го б-буйствует. В-вот он и х-ходил р-раздражённый, об-биженный, что ег-го ни за что уд-далили... А я р-рядом оказалась. О-он и в-выместил н-на мне. Он в-ведь сам н-не плох-хой. Просто дома т-трудная с-ситуация...

Фрейя снова вздохнула и тихо, едва слышно выругалась, а Элеонора сжалась, боясь оторвать от пола взгляд. Она правда не могла держать зла на Горма, у него же просто на душе тяжело было. И было бы плохо, реши он выместить злобу на ком-то другом. Ей-то не привыкать.

— Нора, какого... — Грязное слово почти сорвалось с губ, но Фрейя с переменным успехом себя сдерживала. Нора и бабушка очень не любили, когда она ругалась. — С хрена ли ты должна терпеть, что у кого-то там дома буйный мудака? Он не имеет права на тебя срываться. И если так продолжит, вырастет таким же утырком, как его отец.

И так всегда. Всем обидчикам Элеонора сама находила оправдание. Находила причину, почему несчастные тут они, а не она, у которой новые синяки расцветали, когда ещё не успевали пройти старые. Почему их нужно понять и простить, даже если вывернут или сломают руку, оставят на шее следы от неудачной попытки удушить, отломают бабочку, которая всё равно снова отрастёт. Невозможно злиться на несчастных людей. Страшно ранить даже словами. Элеонора слишком хорошо знала, как уязвимы и хрупки человеческие души.

Понимая, что с сочувствием Элеоноры ничего не поделать, потому что способность «лезть в душу» была ей навязана неизвестной силой, Фрейя старалась ограждать сестру от лишнего беспокойства, а ещё втайне ходила «побеседовать» с обидчиками. Саму Фрейю трогать боялись, особенно один на один, очень уж она больно била. И сдержанностью не отличалась. Несмотря на способность приказывать, она предпочитала махать кулаками, а не говорить.

Сила силой, а одной против всех устоять сложно. К тому же, обидчики тоже росли, становились сильнее, подлее. Кто-то нападал с ножом, кто-то облил горячим маслом, кто-то спустил собаку. Фрейя старательно прятала раны, шрамы, чтобы Элеонора не узнала, не паниковала, не винила себя. Сложнее всего было со шрамами на руках, поэтому Фрейя их бинтовала. Говорила, что так надо делать для тренировок с мечом, которые она как раз начала. Надо-то надо, но там можно было обойтись запястьями, о чём Элеонора не знала. Она постепенно привыкла к спрятанным рукам сестры и воспринимала это как часть образа, ведь даже эмпатия не подавала причин заподозрить неладное.

Последней каплей стал случай, когда мальчишки под предводительством Горма заперли Элеонору в заброшенном сарае на краю села и подожгли тот. Другая компания подкараулила Фрейю, чтобы задержать и не дать найти сестру. У них почти получилось, но в гневе

приказы Фрейи были особенно убедительны. Когда она добежала до сарая, Элеонора уже лежала без чувств, надышавшись дымом. Если бы не сила осколка, их бы убили обвалившиеся балки, которые приняла на себя Фрейя, заработав два перелома на руке, а также большие ожоги на ней же и на спине. Но в тот момент никакая боль не имела значения. Главное было достать Элеонору и вернуть домой, под заботу отцу и бабушке.

Потом Фрейя собрала на пепелище всех причастных. Горма она подозвала к себе, а остальных заставила молча стоять и смотреть. Меч замер в паре миллиметров от горла побледневшего парня. Насладившись гаммой ужаса и отчаяния на мерзком лице, Фрейя плюнула в него и приказала взяться руками за лезвие. Горм выл от боли, но не мог послушаться и отпустить.

— Если ещё кто-то сунется к Норе — отрежу самую ненужную часть. Слишком длинный язык. Распустившиеся руки. Трусливые ноги. Выбирайте, что не жалко, и приходите. А у тебя, — Фрейя посмотрела Горму в глаза, вертикальные зрачки делали взгляд ещё более жутким, — в следующий раз отлетит голова. Ты в неё всё равно только ешь.

Если говорить совсем честно, Фрейя действительно готова была исполнить угрозу. Да, калечить или убивать — ужасно, но в первую очередь от этого останавливала Элеонора. Она же изведётся, если кто-то так сильно пострадает из-за неё. И не докажешь ведь, что не из-за неё, а из-за себя, потому что издевались над той, которая готова была умереть, лишь бы никого не обидеть. К счастью, никто не был достаточно смел, чтобы злить Фрейю после того случая.

На радость бабушке Элеонора очень хотела быть полезной и любила работать по хозяйству. И хотя из-за неуклюжести могла разбить тарелку или порезаться, всё равно была славной, трудолюбивой и старательной девушкой. Фрейя же радовала отца интересом к кузнечному делу, а её сила и выносливость оказались тут очень кстати.

Хорошо шли дела в этой странной, но дружной семье, однако Элеонора чувствовала, что Тарбен всё ещё тосковал по супруге. Она старалась потихоньку забрать его боль, ведь нельзя вечно жить в трауре, с закрытым сердцем. Странно и тяжело было пропускать через себя такие сильные даже по прошествии времени чувства, но Элеонора очень хотела, чтобы отец снова нашёл своё счастье. Тем более, к ним стала чаще навещаться одна очень славная женщина. Нора чувствовала, что её мотивы чисты и искренни, а Тарбен мог бы полюбить её, если бы отпустил прошлое.

Фрейя тоже желала счастья отцу, поэтому даже если внутренне не могла до конца смириться, что Элеонора брала на себя чужую боль, не препятствовала этому. Только следила, чтобы сестра не переусердствовала. Поэтому дело шло медленно, и Тарбен смог завести новые отношения только когда хранительницы услышали зов.

Для Фрейи не представляло особого труда сопротивляться ему. Ей до того противна была мысль о подчинении — неважно, кому-то или неведомой силе, — что она могла заглушить его почти полностью. А вот Элеоноре со временем становилось хуже. Она плохо спала, мучилась от головной боли, очень хотела, но не решалась уйти. Если успокоить Нору могло только подчинение зову, Фрейя готова была пойти на это.

Задуматься об уходе побудило также появление новой женщины у отца. Всё шло к тому, что однажды он сделает предложение, создаст новую семью. Тарбен, конечно, не собирался из-за этого пренебрегать дочерьми, Фрейя даже могла с уверенностью заявить — он бы отказался от возлюбленной, если бы та плохо относилась к отмеченным магией детям. Но нет, женщина очень мило вела себя с девушками. Поэтому стало жалко её и будущих детей.

Хранительницы понимали: из-за их репутации могла лечь тень и на лишённых магии детей.

Поэтому они ушли. Перед этим Фрейя убедила отца, что они просто решили посвятить жизнь путешествиям, что всё в порядке, не надо ни искать, не беспокоится. Что пусть он создаст новую семью и будет счастлив. И со временем забудет о том, что у него вообще были такие странные и проблемные дочери.

— Н-но если т-только м-мне так нужно б-было уйт-ти, ты м-могла бы остаться... В основн-ном же проб-блемы от м-меня... — виновато пробормотала Элеонора, за что получила очень лёгкий, больше похожий на поглаживание подзатыльник.

— Нет, Норка. Чтоб больше таких мыслей не было, — недовольно буркнула Фрейя и сжала руку сестры. — Первое, если в тебе есть проблема, то во мне тоже. Мы одинаковые. Второе, куда я тя одну пуцу? Ты ж беззащитнее бабочки. Я себе места не найду, если следить перестану.

— Но то место... Т-то место, куда м-меня тянет. Там м-может быть опасно.

— Тем более. В опасность без меня ни ногой. Нора, я решила, что мы идём вместе. Мы. Идём. Вместе. Возражения не слушаю.

Оставалось смириться, в глубине души испытав облегчение. Элеонора не представляла, что бы делала, если бы пришлось уйти без Фрейи. Да, магическим образом дорога до замка оказалась невероятно короткой, по пути ничего не успело бы случиться. А вот в замке... Можно было и от страха умереть. Мрачное, давящее место. Неупокоенные страдающие души, на которые, увы, сочувствие Элеоноры тоже распространялось. И другие хранители.

На момент их прибытия в замке было только четверо. Вечно скорбящая, явно покалеченная жизнью Мейнир, которую из апатичного бездействия могли вывести только приказы Фрейи. Чёрная троица, от которой веяло чем-то тревожным. С близнецами ещё можно было найти общий язык, тогда как само присутствие Эгиля вызывало в Элеоноре желание в панике забиться в угол, а лучше и вовсе исчезнуть. Не только из-за окружающей его ауры страха, хотя Норе и этого бы хватило. Она была бы рада не лезть в душу, но всё равно знала, насколько обманчивым было внешнее спокойствие хранителя. Поэтому очень боялась усугубить ситуацию.

Не так много времени прошло, как появился Мейлир. Нельзя сказать, что Фрейя его ненавидела, просто не получалось не конфликтовать. От чего-то весело было его подкалывать, выводить из себя в попытках сорвать эту маску вежливости и спокойствия. А вот его манера речи и попытки попрекать, навязать правила приличия и этикет правда раздражали. Элеонора из-за этого очень переживала и пыталась примирить, хотя точно знала — дальше словесных перепалок не зайдёт, да и те всерьёз не задевали и не обижали.

Близняшек Фрейя тоже определила как детей, которых нужно защищать. Несчастных, недолюбленных. Элеонора подтвердила это, шепнув наедине, что несмотря на внешнюю лёгкость и беззаботность, у девочек была тяжёлая жизнь. И хотя Фрейя была плоха в проявлении любви и ласки, она как могла помогала близняшкам почувствовать себя спокойнее в новом месте. Да только уберечь не смогла.

Глава 47: Король, полюбивший ведьму

Приказ Фрейи эхом отдавался в голове Мейлира, а перед глазами всплывали увиденные раны. Нет, ему не впервой подобное наблюдать, ведь именно он лечил попавших в ловушки хранителей. Жутко было от осознания, что за этими ранами последует смерть, что вскоре подтвердили часы. Восемь часов. А вечером уже девять. Мейлир с трудом нашёл в себе силы выйти, чтобы убедиться — второй жертвой стала Элеонора. Неудивительно. Кристально ясно было то, что она не переживёт смерть Фрейи. Либо сломается и убьёт себя, либо ведьма найдёт её раньше.

Мейлир не планировал ложиться. После такого, кажется, не уснуть, даже будь такая возможность, но крепко вцепившаяся Мейлир не оставила выбора. Она слабо всхлипывала до тех пор, пока не уснула. Мейлиру приносило слабое облегчение то, что она ещё была способна на хоть какую-то реакцию. У него было не так много сил, чтобы вывести из глубокой апатии.

Ткнувшись носом в тёмные волосы, Мейлир тихо выдохнул. Медленно засыпая, он думал о том, какое же странное чувство юмора у судьбы, как любила она сводить вместе противоположности. Породнила правду и ложь, вечное детство и не соответствующую годам ответственность. Непреклонную волю, готовую на всё ради своих интересов, и мягкость, приносящую себя в жертву во имя других. Страх тянуло к его источнику, убийцу — к жертве. Жизнь и смерть полюбили друг друга, хотя были несовместимы даже по происхождению, а надежда держалась за того, кто совсем её потерял. Странное и местами жестокое чувство юмора.

Это место мало изменилось в будущем, но сейчас вместо затаённой опасности здесь витал дух смягчённой временем тоски. И лаванды. Запах с лавандового поля доносился даже до дома, но тонкий, еле уловимый, как призрак памяти о той, с мыслями о ком было засеяно то поле.

Окно было открыто, и Мейлир сидел на подоконнике и радовался погожему дню. Приятно, что когда тебе за пятьдесят и ты бывший король, никто уже не учит тебя, как жить и как себя вести. Приятно снять с себя груз ответственности, передав его сыновьям, и просто жить. Искать прекрасное в каждом дне, в каждой вещи, заботиться о саде и следить, чтобы букет возле портрета покойной супруги всегда оставался свежим. Иногда видеться со старшей сестрой, направлять детей, когда им нужен совет. Да, сейчас было очень славное время, но никогда не стоило забывать, что пришлось пережить на пути к нему.

День казался самым обычным, но Мейлир с нетерпением присматривался к дороге, которая вела к особняку. Не так давно с ним связался странствующий маг, который искал встречи. Вопреки всем событиям прошлого, Мейлиру нравилась компания магов, а подозрительностью он в свои годы не страдал от слова совсем, так что легко согласился.

Заметив странника, Мейлир сам поспешил ко входу, попутно приказав заварить чай и отнести тот в уже подготовленную гостиную. Резвость прошлого правителя, которая не соответствовала ни возрасту, ни титулу, уже давно никого в этом доме не удивляла, а на внезапного странного гостя смотрели как на очередную причуду. Чем бы чудак не тешился, лишь бы снова не впадал в траур, превращаясь на время в собственную тень.

— Добрый день! — с лучезарной улыбкой поприветствовал странника Мейлир и провёл

за ворота.

— Доброго здравия, король, — ответил маг и тоже не смог сдержать улыбки.

— Можно просто Мейлир. В моих руках уже давно нет никакой власти.

— Хенбетестир, — представился он в ответ, хотя, конечно, уже сделал это в письме.

Мейлир снова улыбнулся и сказал следовать за ним, ведь не было никакого смысла вести беседу возле ворот. В гостиной куда удобнее, спокойнее, и туда как раз принесли чай с лавандой и лавандовую пастилу. Очень легко заметить равнодушие Мейлира к этому цветку, но стоило попытаться что-то узнать, как он улыбался и умело менял тему.

— Чем же вызван ваш интерес к моей персоне? — поинтересовался Мейлир, когда слуга вышел за дверь.

Он выглядел таким дружелюбным, солнечным, что легко было забыть, в чьей компании находишься. Просто гостеприимный мужчина с морщинками вокруг голубых глаз, которые напоминали о небе в ясный летний день, и сединой, что легко терялась в светлых волосах. Даже его одежда на первый взгляд казалась простой, хотя общий вид был совсем не лишён элегантности.

— Мне очень хотелось узнать больше о человеке, которого маги продолжают вспоминать добрым словом.

— Правда? — Мейлир усмехнулся, а его взгляд на мгновение потускнел. — Сомневаюсь, что заслуживаю такого.

— Разве же? Всем известно, что вы хотели дать магам место в обществе наравне с людьми.

— Хотеть можно чего угодно, — пожал он плечами, — но это не имеет смысла, если не уходит дальше желаний. Не на то время выпало моё правление, чтобы исполнить задуманное... — Мейлир задумчиво посмотрел в чашку, где плавало несколько цветков, а сам чай из-за особой заварки тоже имел фиолетовый оттенок. — Впрочем, мой сын сейчас хорошо справляется с поддержанием мира. Хочется верить, что так будет и дальше, что маги в самом деле смогут спокойно жить в нашем королевстве. Жена была бы очень рада это узнать.

Мейлир быстро вернул себе светлую, добрую, искреннюю улыбку, но всё равно можно было заметить налёт меланхолии, вызванный воспоминаниями. Давно они не всплывали так ясно, давно не хотелось так сильно рассказать о событиях, что оставили на душе тёмные пятна. На душе, которая всегда тянулась к свету, красоте и счастью для всех.

— Но ведь от того лишь удивительнее и похвальнее, что даже в то непростое время вы сохранили верность своим взглядам и стремлениям, — заметил Хенбетестир. — Не расскажете ли о себе? О том, как на троне Валлерала оказался такой оказался такой необычный человек? И почему вы решили отказаться от власти?

Встретившись со странником взглядом, Мейлир словно оцепенел на несколько мгновений. Внутри расплодилось тепло. Успокаивающее, внушающее доверие, побуждающее открыться. Он отставил чашку и посмотрел на открытое окно, через которое в комнату врвался лёгкий, тёплый ветерок. В лучах солнца, словно пыльца фей, кружили пылинки. Но взгляд Мейлира был направлен в прошлое.

— Почему бы и да. Пусть хоть кто-то из долгожителей знает меня, ведь история всё равно многое перевернёт. Надеюсь, вы не утомитесь и не слишком разочаруетесь.

Мейлир Шефре был вторым ребёнком королевской четы, но единственным наследником, ведь годом раньше родилась сестра. Фрейя. Тогда ещё никто не знал,

насколько оба ребёнка не оправдают ожидания, но нельзя сказать, что это было к худшему. В противоположность боевой сестре, которую прямо-таки манили оружие, война и всё с ними связанное, Мейлир был крайне миролюбивым созданием. Его всегда тянуло к прекрасному, к искусству, он очень ценил жизнь и выступал против всякого насилия.

Могло показаться, что он слишком мягкосердечен, чтобы стать королём, но Мейлир умел проявлять твёрдость, судить по справедливости, просто всегда отдавал предпочтение дипломатии, мирному решению вопросов. А ещё он совершенно не хотел изучать военное дело, из-за чего был очень рад, когда эту нишу решила занять сестра. Мейлир видел, что меч в руке Фрейи лежал куда лучше пера, что она чувствует себя на своём месте среди солдат, а не на светском приёме. Если ей такое по душе, ему оставалось только поддержать сестру.

Что же касалось магии, то Мейлир видел прекрасное и в ней. Да, он знал и о той мрачной стороне, которая представляла опасность для людей, что жили на границе с пустошью, о которой так рьяно рассказывала церковь, пытаясь склонить на свою сторону. Знал, принимал, но не мог согласиться, что стоит обращать внимание только на опасное и уродливое.

— Отрицать красоту магии — это как говорить, что яблоня мрачная, жуткая и скучная просто потому, что видел её только в конце осени, совершенно забыв о том, как чудесны первые цветы, что потом разносятся тёплым снегом, как ярка и жизнерадостна первая листва. Это ведь всё та же яблоня. Да, потом она отцветёт, опадёт листва, а оказавшиеся на земле яблоки начнут гнить, но неправильно и бессмысленно обращать внимание только на одну сторону. В конце концов, людям тоже по силам совершать жестокие, отвратительные, губительные вещи. У нас другие возможности, но мы не лучше... — Мейлир вздохнул, подавив нервный смешок. — А сами маги? Да, они... Простите, вы не похожи на нас, ваша внешность такая разная, необычная, но в этом тоже есть своя красота. Несомненно, встречаются особенности, которые могут быть неприятны глазу, так и у людей встречаются изъяны, иной раз ещё более отвратительные. Я не видел и не вижу причин, по которым жизнь магов стоит ценить меньше, по которым они должны чувствовать себя неудобно, быть изгоями. Вы можете больше, вы творите настоящие чудеса. Так это и к лучшему! Силами людей и магов можно создать прекрасное общество.

Подобные мысли были у Мейлира с детства, и если отец просто не принимал ни сторону магов, ни сторону церкви, то Мейлир хотел добиться мирного сосуществования. Кого-то позиция юного принца возмущала, кто-то её разделял, в любом случае те, кто знали Мейлира, редко могли остаться к нему равнодушны. Кого-то покорила солнечная, тёплая, без грамма надменности и высокомерия улыбка. Кто-то был удивлён прекрасными, даже в юные годы, познаниями в искусстве и музыкальным талантом. Мейлир умел достойно держаться, соблюдая все правила этикета, или же общаться почти по-простому, всё же немного выдавая благородное происхождение манерой речи.

Руководствуясь собственным чувством прекрасного, Мейлир иногда выглядел экстравагантно и эпатажно, на возмущения имея один ответ: «То ведь не моя вина, что я опережаю общество; не нервничайте так сильно, уважаемые, через пару лет вы сами будете так одеваться, но я уже обзаведусь новыми идеями». Также, конечно, порицание встречали его благосклонность к магам и тяга к садоводству. Второе объяснялось тем, что Мейлира очаровывала уже самая идея создания новой жизни, которая впоследствии могла радовать не только его глаз, но и окружающих.

— Нам, людям, магия недоступна, но мне всегда казалось, что в этом есть её малая

частица. Когда видишь, как в отчет на старания и заботу семечко даёт такой тонкий, хрупкий росток, который впоследствии может стать изящным или роскошным цветком, буйным кустом, могучим деревом. Если бы не трон, я был бы счастлив стать садовником, но, по крайней мере, это увлечение стало причиной первой встречи с прекрасной девой.

Валлерал соседствовал с Кольнемом — королевством ведьм и магов. Конечно, в отношениях между королевствами всегда витало напряжение, ведь хотя правитель Валлерала сам против магов настроен не был, невозможно игнорировать существование церкви, голос которой всё равно имел значение. Однажды из Кольнема для очередных переговоров прибыла делегация. Среди гостей также была третья принцесса — Изольда.

Мейлир тогда занимался садом. Услышав шаги, он поднял голову и первым делом обратил внимание на длинные волосы цвета лаванды. Ветер трепал их, смешивая более тёмные и светлые пряди, из-за чего они ещё прекраснее блестели на солнце. Но окончательно околдован Мейлир был в тот момент, когда девушка обернулась, и он увидел глаза невероятного бирюзового цвета. Такого чистого, яркого, что он сначала и не заметил, что у незнакомки отсутствовали зрачки. Она дерзко улыбнулась, вспышка лилового света — пальцы сжали веточку лаванды, которую девушка вставила в волосы поднявшемуся с земли Мейлиру. Звонко рассмеявшись, она убежала, а Мейлир застыл, пытаясь вспомнить, как дышать.

«Ведьма», — только и смог пробормотать он тогда. И это правда. Изольда была самой настоящей ведьмой, в чём совершенно не видела проблемы.

— Любовью с первого взгляда это, конечно, не назвать, ведь я ещё ничего не знал о её личности, но во внешность, несомненно, влюбился. Разве же это плохо? — спросил сам себя Мейлир, а губы растянулись в мечтательной улыбке. — Можно же влюбиться в картину, в мелодию, в статую. И в красоту человека, мага — не суть важно! — тоже. Любая красота заслуживает любви.

Мейлир, конечно, захотел найти девушку из сада и узнать получше. Это случилось даже скорее, чем он предполагал — во время официального представления. Изольда держалась очень уверенно, свободно, словно не замечала презрительных, злых, подозрительных взглядов, которые бросала некоторая знать Валлерала и присутствовавшие представители церкви. Мейлир же старался сильно не глазеть и придерживать на месте челюсть.

Оказалось, что принц-садовник Изольде тоже был симпатичен. Общаясь, узнавая друг друга лучше, они лишь больше убеждались — притяжение держалось не только на внешней привлекательности. Изольда, как и всякая ведьма, с трепетной любовью относилась к природе и её творениям. Была очень свободолюбивой и как принцесса, по мнению людей, совсем неидеальной. Зато она любила решать головоломки, бегать по утренней росе и узнавать новое. Среди многих приятных черт Мейлира особое любопытство в ней вызывало его отношение к магии. Очень хотелось проверить, не только ли на словах он так лоялен, так ли уверен, что нет разницы с кем водиться: с магом или с человеком.

— Я подозревал, а потому пытался угадать, какую же она проверку мне устроит, — сказал Мейлир, еле сдерживая смех. — Кто же знал, что она спросит, хватит ли у меня смелости жениться на ведьме! Что же, я прямо там и сделал ей предложение, только пришлось кольцо из цветка надевать, очень уж спонтанно всё вышло. Она согласилась. Кажется, именно такой реакции она и ждала. А ведь это ей нужна была недюжинная смелость, чтобы принять моё предложение. Всё же быть королевой-ведьмой в Валлерале... — Мейлир вздохнул и с тоской посмотрел в окно, на небо. — Удивительная

женщина. В двадцать три я женился на ней, в двадцать пять взошёл на престол, а в двадцать шесть понял, что исполнить мечту о мире между людьми и магами будет очень тяжело, если не невозможно.

Ведьма в королевах уже вызвала волну негодования со стороны церкви и поддерживающей её знати, а тут ещё и хаос, который устроили на границе древние маги. Это было очень серьёзное испытание для молодого короля, он восемь лет балансировал на тончайшей нити, в попытках не дать разгореться идее, что необходимо устроить охоту на магов. Мейлир был очень благодарен сестре, которая руководила боевыми действиями, покуда он задействовал все дипломатические навыки, чтобы сохранить мир в народе. А ведь у Мейлира уже появились два сына, и хотя в них не было ни капли магии, стоило внимательно следить, чтобы церковь не подобралась к семье.

Пять лет казалось, что дела шли неплохо. Да, древних ещё не победили, но больше не было потерь среди простого люда. Ещё год и с древними было бы покончено, а церковь потеряла бы очень важный рычаг давления.

— Но... — голос Мейлира дрогнул, он сжал кулаки, пытаясь сохранить на лице хотя бы тень спокойствия. — Во время молитвы явилась Священная Птица. Честно, я даже не верил раньше, что она существовала, думал, это просто символ веры. Нет. Мне принесли её истерзанное тело. Боже, они превратили в кровавый ком то, на что молились. И всё же, даже мёртвая она излучала невероятно сильную светлую энергию. Этот знак Неба стал для меня приговором. Вооружившись священными белыми перьями, они склоняли на свою сторону всё больше людей, те сами начали травить, гнать магов. Я... — Мейлир опустил взгляд и прикрыл лицо рукой. Его самого уже начало трясти, и потребовалась почти минута, чтобы суметь продолжить: — Я должен был разрешить начать охоту. Иначе мог случиться переворот. Могла пострадать моя семья. Как король... Конечно, как король я не должен давать добро на убийство подданных по такой эгоистичной причине, ради лишь троих жизней. Н-но... Дело ведь не только в них. Покуда власть у меня, я ещё мог... Пусть даже со временем... Мог исправить ситуацию. А если бы трон захватил кто-то другой, кто-то со стороны церкви... В Валлерале в самом деле могло бы не остаться ни одного мага.

Детей Мейлир оставил подле себя. Старшему сыну на тот момент было пятнадцать лет, а младшему — семь. Изольду он отправил в замок в лесу. Тот был построен при помощи магов, кроме них и Мейлира никто не знал о том месте. Даже родная сестра. Как бы Мейлир ни любил её, но Фрейя безоговорочно поддерживала церковь, потеряв «сестру».

Пока Изольда собирала в замке магов, пока вместе с ними зачаровывала лес, чтобы убежище было сложнее найти, пока тайными тропами кого могла переправляла в Кольнем, Мейлир искал способ прекратить охоту, не спровоцировав восстание. Каждый день его терзало осознание, что он, всем сердцем желавший помочь магам, сделал законным их уничтожение. Они же не хотели вредить людям, а если защищались, то только доказывали свою опасность. Многие из-за этого, если их находила церковь, сдавались, надеясь хотя бы близких защитить. Но некоторым служителям веры было всё равно, они убивали даже простых людей, если те имели близкую связь с магами.

— Я искал тех немногих, кто разделял мои взгляды и тех, кого мог переубедить. Только на третьем году в людских сердцах начал постепенно затихать гнев, стало немного легче находить тех, кто замечал, что маги нам не враги, что они не воплощение зла. На шестой год у меня было достаточно сторонников, чтобы начать переговоры с церковью. Но я опоздал. — Мейлир сцепил в замок дрожащие руки. Взгляд его стал совсем пустым, а выражение лица

непроницаемым. — Мне снова не хватило года. Они нашли замок. Убили всех, кто там был. В том числе и Изольду. Я всё равно договорился с церковью, остановил охоту, но к тому моменту Изольда была уже год как мертва. Только я в этом виноват. Пожертвовал и подданными, и женой.

После этого Мейлир правил ещё три года, попутно готовя старшего сына к принятию новых обязанностей. Как только тому исполнилось двадцать пять, Мейлир отрёкся от престола и передал его сыну. Просто не осталось ни моральных сил нести такую ответственность, ни веры в то, что получится сделать для королевства хоть что-то хорошее. Повело, что сын разделял взгляды Мейлира о мире. Два года он помогал новому правителю советами, а потом переехал в этот дом, чтобы провести остаток жизни в тишине и покое, храня память об убитой жене.

— Нельзя повернуть время вспять. Даже магия не может вернуть к жизни умерших. И всё же, будь такое возможно... Я бы хотел снова встретиться с женой, попросить прощения за то, что не успел, не уберёг. Просто снова оказаться рядом, пусть даже ненадолго... Этого было бы достаточно, чтобы я сам смог умереть без сожалений.

Хенбетестир смотрел на опущенные плечи, на тоску в потускневшем взгляде, которая так не сочеталась с этим солнечным человеком. Он хотел мира, хотел лучшей жизни для подданных, но получил только множество невинных жертв и смертельную усталость. И всё равно старался сиять, видеть прекрасное в окружающем мире. Старался не провести остаток жизни бледным подобием себя.

— Изольда ведь была ведьмой. Они способны перерождаться, сохраняя память о прошлой жизни. Ваша встреча может оказаться не такой уж и невозможной, — предположил Хенбетестир, хотя и сам не до конца верил в свои слова. Перерождение могло занять много времени, и никогда не знаешь, куда занесёт нужную душу.

— Да, я знаю, — кивнул Мейлир и снова взял чашку. — Пожалуй, где-то в душе даже верю в подобных исход. Быть может, это и даёт силы жить. Вот только, боюсь, мне снова не хватит времени.

Мейлир усмехнулся и больше не возвращался к разговору о прошлом. Они пили чай, Хенбетестир рассказывал о том, что видел во время странствий, о том, как поживали встреченные маги. Потом Мейлир отвёл его посмотреть на лавандовое поле. Эти цветы очень напоминали об Изольде, и хотя воспоминания причиняли боль, Мейлир не хотел забывать о жене. Он любил лаванду не больше, чем другие цветы, но именно память об Изольде делала её такой ценной и вездесущей.

Когда Хенбетестир ушёл, Мейлир снова сел на подоконник, чтобы оттуда наблюдать за закатом. Даже если смотреть на небо каждый день, оно всё равно казалось прекрасным и восхитительным, но своими красками тоже бредило душу. Напоминало, как особенно красиво смотрелись лавандовые волосы в таком тёплом свете, становились похожи на небо.

Прошло несколько дней. Без дела шатаясь по дому, Мейлир снова заглянул в гостиную. Там на столике лежал осколок камня. Необычный и так красиво поблёскивающий, что рука сама потянулась к находке. Мейлир хотел подойти к окну, чтобы лучше рассмотреть камень на просвет, но тот исчез, отозвавшись болью в сердце.

Проснувшись, Мейлир крепче прижал к себе Мейнир. Даже глаза открывать не хотелось. Зато в памяти всплыл разговор, что случился полторы недели назад. Тот обруч. То, что Мейнир узнавала его и это место... Нельзя утверждать наверняка, но эти вещи указывали

на то, что он правда смог встретиться с ней.

Глава 48: Скорбящая дева

Мейнир сама не знала, что у неё на душе. Там было что-то помимо привычной пустоты и скорби. Помимо желания спрятаться от мира в объятиях Мейлира. Чувства, мысли, память о чём-то, мысли о деле, которое надо обязательно выполнить перед смертью. Она ведь точно умрёт. Они все умирали. Это было предрешено, и сейчас оставалось только смириться. В конце концов, Мейнир не боялась смерти. Своей уж точно, вот нести смерть — это страшно. Но если её не будет, то и навредить она никому не сможет.

Однако пока что она была жива. А рядом был Мейлир, который её жизнь ценил за них обоих. Мейлир был единственным солнцем, которое позволяло увидеть ей хоть какой-то свет. Тем, кто хоть ненадолго показал ей жизнь. Мейнир была рада чувствовать его тепло, засыпая в объятиях. Если, конечно, она может знать, что такое радость.

В этой хижине не бывало гостей, несмотря на множество слухов. Никто не хотел рисковать, соваться на болота только чтобы убедиться в существовании скорбящей девы, а сама она никого и не ждала. Никого, ничего. Мейнир чувствовала себя так, словно не прожила ни дня, словно уже родилась мёртвой. Почему же она продолжала жить? Потому что была уверена, что должна скорбеть о погибших, нести память о том, как не справилась, не спасла, пока смерть сама не явится за ней. Всё равно осталось не так уж долго. Этому телу было лет двадцать, но оно уже медленно умирало.

Мейнир просто сидела перед входом и смотрела на лес. Таким взглядом, словно ничего не видела, хотя в этой жизни у неё даже зрачки были. Насколько же надо было разгневать судьбу, чтобы не только родиться с бременем памяти, но и оказаться в этом месте?

Птицы зашумели, предупреждая о появлении рядом кого-то чужого, незнакомого. Мейнир с трудом встала. Она была удивлена, но на лице как всегда не отражалось ничего кроме тоски. Кто решил прийти сюда? Зачем? Мейнир так давно не видела людей, что боялась, не разучилась ли говорить. Чем громче становились шаги, тем отчётливее она чувствовала ауру мага. Или почти мага. Мейнир уже не была уверена в своём умении распознавать ауры, но эта всё равно казалась необычной.

Из-за деревьев показался седой мужчина в пыльном плаще. Заметив Мейнир, он улыбнулся как человек, что был удовлетворён успешными поисками. Она хотела сделать шаг навстречу, поздороваться, но запнулась и точно упала бы, как марионетка с обрубленными нитями, если бы странник не подбежал и не подхватил.

— Мейнир, будьте осторожнее, — с беспокойством сказал он, давая опереться на себя.

— Спасибо, — тихо и слабо откликнулась Мейнир.

У неё снова не получалось твёрдо стоять на ногах, и это было хорошо заметно. Странник вздохнул, и хотя понимал, что такое предложение должно поступать не с его стороны, спросил, не стоит ли пройти в дом и присесть. Мейнир ответила на это согласным кивком. Она не боялась пускать к себе незнакомца или, точнее, не имела сил бояться.

Внутри хижина казалась пустой и если не заброшенной, то покинутой неделями назад. Было много пыли. Раньше Мейнир старалась убираться чуть чаще, но теперь почти не получалось заставить себя сделать это. Она послушно села за стол и безучастно смотрела, как опустившийся напротив странник достал из своей сумки склянку. Видимо, с зельем. Странник нашёл чашку, протёр и перелил в неё содержимое склянки. Подал Мейнир.

— Это должно придать сил, — пояснил он. — Что-то подсказывает, что вам сейчас тяжело даже говорить.

Это правда. Мейнир медленно обхватила чашку обеими руками — опасалась, что одной не удержит. Ей в самом деле хотелось узнать, кто этот гость, зачем он её искал. Если зелье поможет стать достаточно живой для беседы, почему бы и не принять его. У жидкости был цвет слабо заваренного зелёного чая, а пахла она сладковато, цветами и немного фруктами. Не удавалось почувствовать ничего подозрительного, но Мейнир всё равно пила очень медленно. Особенно тяжело дались первые глотки. Просто совсем не хотелось пить, казалось, что стошнит даже от капли. Но всё обошлось. Тело начала наполнять энергия, пальцы крепче сжали чашку, мысли стали не такими вялыми. Мейнир допила зелье и попыталась улыбнуться. Получилось плохо, она ведь никогда не улыбалась.

— Ещё раз спасибо, — произнесла она уже твёрже, но всё равно довольно тихо. — Кто вы? Почему оказались здесь?

— Хенбетестир. Странствующий дух. Или маг. В целом, это не так уж важно, да и значит почти одно и то же. Я занимаюсь тем, что хожу по миру и знакомлюсь с разными людьми, магами. Кем угодно. Просто потому, что пытаюсь их лучше понять и, может, однажды стать похожим на человека.

— Тогда вы ошиблись с целью. Не думаю, что сама могу называться полноценным человеком.

Мейнир печально вздохнула. Она сама больше походила на духа, призрака, тень, так что точно не могла стать удачным примером, рассказать что-то полезное.

— Да, я слышал, что вас называли скорбящей девой, призраком, захватившим мёртвое тело. Но всё же вы живы. И у того, почему вы в подобном состоянии, тоже есть причины, которые стоят того, чтобы их узнать.

— Есть... — кивнула Мейнир, и взгляд её стал ещё тоскливее. — Только они связаны с прошлым. С прошлой жизнью, которую я вынуждена отчётливо помнить. Как кару за содеянное. Это справедливо, но всё же... Лучше, когда смерть приносит избавление.

— Что же случилось в вашем прошлом, что погребает теперь настоящее? Кем вы были?

— Ведьмой и королевой. Да, сейчас в это поверить сложно даже мне самой...

Сколько Мейнир себя помнила, её жизнь состояла только из скорби. Радость, желания, тяга к жизни, — всё это было ей чуждо, незнакомо. У ведьм особенно велик шанс вспомнить свою прошлую жизнь, но как жестоко, что память, особенно столь отчётливая, сохранилась именно в этот раз. Мейнир постоянно вспоминала о тех, кого не смогла спасти, винила себя за это и оплакивал погибших. Ведомая странной тягой, она сбежала из дому в этот лес, нашла заброшенную хижину, в которой когда-то жил лесничий, и поселилась здесь. На самом деле её тянуло к тому, что находилось в сердце леса, но не хватало сил туда дойти, не хватало смелости снова увидеть то место. Как ведьме, ей очень сильно помогало выжить зверьё и сам лес, потому что она очень редко могла заставить себя дойти до людей, а почва в этом месте без магического вмешательства плохо подходила для выращивания еды. Впрочем, Мейнир совсем не против была умереть. И это, пожалуй, всё, что можно было рассказать о ней сейчас.

Однако в прошлой жизни она была Изольдой Халльгер, третьей принцессой Кольнема. Там испокон веков правили ведьмы, и главнее всегда была королева, а не король. Впрочем, третьей принцессе престол не светил, а она и не была против. Власть — это что-то слишком тяжёлое, удушающее, особенно для той, кого тянуло на волю, а лучше — в небо. Совершенно

естественное желание для ведьмы, чья натура близка с природой. Пожалуй, именно поэтому у аристократии Кольнема было не такое строгое воспитание, как в том же Валлерале. Нет смысла пытаться полностью изгнать из волшебника его суть.

У Изольды был не самый простой характер, и взрослым пришлось с ней изрядно помучиться. То туфли выкинет, потому что босиком бегать удобнее, то обратится птицей и на целый день куда-то пропадёт, то попытается сбежать, чтобы понаблюдать за людьми. Особенно много проблем доставляло последнее. Изольду очень интересовали люди. Они были такими простыми, такими похожими между собой. Слабыми, даже ауры чувствовать не умели, но среди них почему-то всё равно находились те, кто ставил себя выше магов. Это очень веселило! А ещё было интересно смотреть за тем, как люди трудятся, пытаясь сделать то, для чего магу хватило бы одного заклинания. Человеческое трудолюбие вызывало уважение и даже немного восхищало.

Только вот в Кольнеме почти не встречалось обычных людей. Надо было очень постараться, чтобы не унаследовать способности к магии. Она ведь могла передаваться как по наследству, так и вместе с душой, поэтому когда соединялись склонное к магии тело и душа мага, не оставалось шансов родиться человеком. Так что для удовлетворения любопытства Изольда сбегала в другие королевства, а самым близким как раз был Валлерал. Она совершенно не боялась местных верующих, которые попытались бы убить ведьму, не задумавшись, что это могло бы привести к войне. На Изольде ведь не было написано, что она принцесса.

Зато по ней было хорошо заметно, почему её называли лавандовой ведьмой. Она любила этот цвет и эти цветы, ловко создавала их при помощи магии, предпочитала фиолетовую одежду, а волосы напоминали лаванду не только цветом, но и запахом. Изольда дивно играла на флейте, а танцевала так легко, словно в любой момент вспорхнёт, на память оставив только перо. Она не была сильной ведьмой с точки зрения магии, зато любила изучать теорию и решать сложные задачи.

— Все думали, что в будущем я стану помощницей старшей сестры — будущей королевы — в вопросах магии. Конечно, она тоже хорошо в этом разбиралась, в целом была примерной принцессой и гордостью короны, но мне теория магии давалась лучше. Особенно самые мудрёные её части, о сложных чарах и их сочетании. Как их составлять, как совмещать, не нарушая магические законы... — Мейнир вздохнула и махнула рукой, останавливая себя от углубления в этот вопрос. — Но у меня, видать, был талант не оправдывать ожидания. И чужие, и свои.

Узнав о подготовке делегации для визита в Валлерал, Изольда тут же заявила, что тоже хочет туда отправиться. Мать восприняла это без энтузиазма и была изначально против, но Изольда заявила, что в таком случае просто прилетит в Валлерал сама. Безопаснее было взять дочь с собой официально.

Всё бы хорошо, но иногда Изольда становилась переменчивее весеннего неба. Оказавшись во дворце, она решила, что официальные встречи её уже утомили, а потому сбежала в сад. Захотелось подышать свежим воздухом после такого количества душных людей, которые уже с порога с трудом себя сдерживали от того, чтобы откровенно не кривить мерзкие рожи. Хотелось учинить какую-нибудь проказу, чтобы сбить спесь, но такого принцессе не простили бы. Так что скрыться в саду было лучшим решением.

Изольда долго бродила по саду, пока не оказалась в месте, которое показалось особенным. Слово все растения здесь выращивались с особой любовью. Ей стало очень

любопытно, кто отвечал за эту часть сада. Она стала вглядываться и прислушиваться, надеясь, что садовник на месте. Не было никакой гарантии, что она кого-то найдёт, но возвращаться всё равно не хотелось.

И она нашла. Садовник сам показался из-за куста гортензий, он, кажется, так удивился встрече, что потерял дар речи. Молодой человек был красив и выглядел таким растерянным, что не получилось сдержать улыбку.

— Мне показалось, что он хорошо смотрится среди цветов. Поэтому перед уходом я украсила его волосы лавандой. Просто не хотела продолжать смущать своим присутствием, а то он, кажется, готов был потерять челюсть где-то в кустах, — говоря это, Мейнир выглядела удивительно оживлённой, почти радостной.

Изольда собиралась потом узнать, что это за дивный блондин, ухаживающий за садом, но неожиданно встретила с ним на приёме, которого нельзя было избежать. Чего уж скрывать, Изольда удивилась, узнав, что садовник — кронпринц Валлерала. Иначе она представляла себе будущего правителя. Надменнее, суровее, с таким же презрительным взглядом, как у святош, пытавшихся подмазаться к короне. В общем, кого-то другого, а не солнышко с любовью к цветочкам.

— Ну правда, Мейлир был таким солнечным, что, казалось, можно ослепнуть, если долго на него смотреть, — с любовью проворковала Мейнир. — Впрочем, меня и так часто принимали за слепую.

У всех представителей рода Халльгер была характерная черта — отсутствие зрачков. Эта особенность путала и смущала даже магов, что уж говорить про людей. Халльгер часто применяли это себе на пользу, делая вид, что в самом деле видеть могут только при участии помощников — зверей или птиц. Это давало преимущество в ситуациях, когда окружающим казалось, что их действия останутся незамеченными.

Изольду в достаточной степени заинтересовал Мейлир, чтобы пожелать узнать его получше. В итоге, неожиданно для себя, она влюбилась в принца. Несмотря на интерес к людям, Изольда всё же считала — они слишком скучны, чтобы полюбить кого-то из них. У судьбы на этот счёт оказалось иное мнение. И хотя Мейлир утверждал, что к магам и к магии относится положительно, Изольду терзали сомнения. Он же принц Валлерала, а у них тут, похоже, у всех хотя бы на подсознательном уровне запрятана неприязнь.

— Не знаю, чем я думала в момент принятия решения. Наверное, хотела развеять все сомнения одним вопросом. Только потом поняла, как глупо это звучало, но в моменте считала себя абсолютно правой. В общем, спросила Мейлира, готов ли он жениться на ведьме. Ладно я, мне и правда была свойственна некая спонтанность, но это солнце тоже долго над ответом не думало и сразу сделало предложение. Разве я могла не согласиться?

Так и стало понятно, что вместо советника по магическим вопросам Изольда станет королевой. Мать не знала, как реагировать: с одной стороны, брак был политически выгодным, но с другой — дочери будет тяжело в Валлерале. Сама же Изольда пыталась понять, насколько же это большая любовь, что она так легко согласилась лишиться себя такой бесценной свободы. Видимо, любовь до гроба. Шутки в этом была только доля.

Перебравшись в Валлерал, Изольда поняла, что в косых взглядах тут может даже купаться, но решила, что это проблема тех, кто так страстно желает окосеть. В обществе приходилось умирять свой нрав, чтобы не давать больше поводов злословить о королеве-ведьме. Сторонники церкви хоть немного приняли её только потому, что считали слепой и безобидной политической пешкой. Изольда до того времени и сама не знала, что была такой

хорошей притворщицей.

Она смирилась с новой обязанностью, новым местом, новой ролью. На публику Изольда была готова быть кем угодно, главное, что супруг не считал её тихой и покорной декорацией. Мейлир очень ценил её поддержку и прислушивался к советам, ведь на его долю выпало много проблем с магами, а из-за церкви было очень сложно завести советника по этим вопросам.

Очень удручало то, как жили в Валлерале собратья по магии. Это тоже послужило причиной, почему Изольда вышла за Мейлира: очень хотелось помочь ему исполнить мечту о мире. И вряд ли кто-то другой на месте королевы так же сильно разделял бы взгляды правителя.

Изольда подарила жизнь двум сыновьям. Если честно, она была бы не против, передайся им магический дар, но понимала, какие это может создать трудности. Что удивительно, детям не достались даже особенные глаза. Наверное, в случае с мальчиками это сбавывало реже — тут сложно проверить, потому что у Халльгеров обычно рождались девочки.

Семейная жизнь Изольде даже по душе пришлась. Ей понравилось воспитывать детей, а забота Мейлира очень трогала. Он так бережно относился к жене, словно она была хрупким цветком, а не ведьмой. На минуточку, эта ведьма была сильнее и опаснее, даже если учесть, что Мейлир хорошо фехтовал. Не любил, как и любое применение силы, но умел. Порядки вынудили. Однако счастливые времена имеют одну скверную черту: они долго не длятся.

— Мужу пришлось разрешить начать охоту, — вздохнула Мейнир. В её голосе не было ни капли осуждения, только грусть и сочувствие. — Я видела, как тяжело ему далось это решение. Мы оба понимали, как много крови из-за этого прольётся, как много пострадает магов, какой это поставит крест на мечте. И всё же он должен был отдать этот приказ. А я должна была помочь спастись стольким магам, скольким смогу. Да, конечно, всем не помочь... Но любая спасённая жизнь имела бы смысл.

В целом, то, что Изольда перебралась в замок в лесу было не только и не столько для её спасения. Скорее всего, церковь была бы достаточно удовлетворена охотой, чтобы смириться с существованием королевы-ведьмы. Основная причина заключалась в том, чтобы попытаться спасти как можно больше магов, пока Мейлир пытается прекратить охоту.

Даже если церковь не знала о расположении замка, маги, которые массово куда-то следовали, обязательно вызвали бы подозрения. Поэтому снова пришлось применить глубокие познания в магической теории. Надо было придумать, какие чары наложить на лес, чтобы непрошенные гости не смогли добраться до замка, но у магов оставался шанс его найти. Надо было придумать чары, которые стирали бы магам память, если их ловила церковь, чтобы никакие попытки не позволили раскрыть расположение замка. Вместе с тем надо было связаться с Кольнемом и уговорить принять беженцев. Но отправлять туда магов всё равно можно было только небольшими группами. Чтобы не раскрыть расположение тайного пути, чтобы в Кольнеме их успевали принимать, чтобы были те, кто поможет новоприбывшим в замок (среди них было много раненых и истощённых), кто расскажет другим магам о замке, кто поможет накладывать и поддерживать чары.

Изольда чувствовала, что ответственна за каждого, кто пришёл под её крыло. Каждый день она думала, как спасти подданных, как оправдать надежды, что возлагали на королеву-ведьму. «Королева-ведьма Изольда», — маги произносили это с большим почтением, словно она уже их спасла. А Изольда лишь отчётливее ощущала груз ответственности, давящий на

опущенные от усталости и бессилия плечи.

— Множество магов против людей. Казалось бы, очевидно, кто сильнее, кто должен победить. Да только уязвимыми оставались мы. Мы не должны были допустить ситуации, в которой придётся себя защищать, потому что любые активные действия с нашей стороны церковь могла использовать против нас. Мол, сами посмотрите, как ужасны и опасны маги. С какой лёгкостью могут ранить или убить. Никто же слушать не станет, что мы просто защищали себя! Что мы просто тоже хотим жить! — отчаянно воскликнула Мейнир, её глаза покраснели от подступавших слёз, вызванных обидой и несправедливостью жизни. — Убийство всегда останется убийством, только почему-то мало кого волновало, сколько наших убили. Просто так. За сам факт существования. И если бы наша проблема была только в этом... Мы бы смогли переждать, нас бы не нашли. Но церковь... Они ненавидели магию, но охотно пользовались артефактами. Достаточно было признать их священными инструментами для исполнения воли Небес.

В какой-то момент стало понятно, что церковь сможет найти замок. Тогда Изольда приняла решение, что надо оплести чарами и его. Если его найдут, если магов загонят в угол, то те, кто это сделают, поплатятся. Замок станет ловушкой, которая покарает людей за слепую ненависть, за жестокость. Решение, лишённое гуманности, но разве можно простить, оставить безнаказанными тех, кто придёт унести столько жизней?

— Я слишком хорошо помню тот вечер... — Мейнир судорожно вздохнула и закусила указательный палец. Её взгляд метался, руки тряслись, не получалось сдержать слёзы. — Семь часов. Лес в огне. Они пришли раньше, чем я ожидала, уже ничего нельзя было предпринять. Только бороться за жизни, только пытаться дать возможность сбежать хоть кому-то. Если бы я не собирала магов в замке, жертв было бы меньше... Но в тот момент ничего нельзя было исправить. Я отдала замку последний указ, завещала, чтобы в будущем он смог защитить хоть кого-то. И ушла туда, где уже всюю шла битва. Я умерла там, как и все, кто прятался в замке. Так много магов оказалось загнано в угол из-за меня... Я не оправдала их веру, их надежд. И, переродившись, ничего не забыла. Потому что то, что я тоже там умерла, не дарует мне прощения. Я не справилась. И должна хранить траур в память о каждом погибшем.

Мейнир закрыла лицо руками и разрыдалась. Хенбетестир подошёл к ней и начал осторожно гладить по плечам. Почему она тоже смотрела только на то, с чем не справилась, и забывала о тех, кто спасся благодаря ней? Она была убита виной и не могла видеть хорошее. Считала новую жизнь наказанием.

— Мейнир, расскажи, чего ты желаешь? Что на самом деле не даёт покоя твоей душе?

Она глубоко вдохнула несколько раз, пытаясь выровнять голос, унять хоть немного слёзы. Давно их не было. Обычно не хватало сил даже заплакать, хотя на душе было так гадко, что очень хотелось.

— Я понимаю, что спасти всех и каждого — слишком невероятно. Поэтому будь у меня сейчас возможность загадать желание... Я бы хотела снова увидеть мужа, узнать, что замок исполнил мою последнюю волю. Я так спешно попрощалась с Мейлиром, а после отправки в замок мы больше не виделись. То есть, не знаю, может, он видел мой труп. Я его не видела, а сейчас он уже должен быть мёртв. Что же касается замка — я не смогу до него дойти. Не хватит сил. Да и вид его будет невыносим.

— Но, может, однажды судьба вас всё же сведёт? — предположил Хенбетестир, продолжая придерживать Мейнир за плечи.

— Может... Шанс мал. Тем более мал шанс снова что-то вспомнить. Да и не хочу я ещё одну жизнь провести с этой памятью. Мне бы просто умереть...

Хенбетестиру было очень жаль эту деву, но не в его силах ей чем-то помочь. Как только закончится действие зелья, у неё не останется сил даже чего-то желать. Она умирала, угасала, словно больная, только физически всё с ней было в порядке. Её убивал сломленный разум, убивала вина. Однажды она не найдёт в себе сил даже встать, но здесь Мейнир никто не сможет помочь.

Через два дня после разговора со странником Мейнир потянуло на улицу. Она дошла до места, где начиналось болото, и упала. Мейнир лежала на земле и апатично смотрела перед собой, даже не думая подниматься. Неожиданно внимание привлёк осколок какого-то камня. Мейнир дотронулась до него пальцами и закрыла глаза. Силы окончательно покинули её.

«Так вот, почему я знаю это место», — первым делом подумала Мейнир, проснувшись. И потёрлась носом о грудь Мейлира. Как хорошо, что он всё ещё рядом.

Глава 49: Десять жизнь не пожалеет, одиннадцать — счёт ведёт

Почувствовав шевеление со стороны Мейнир, Мейлир посмотрел на неё и ослабил хватку, когда она захотела сесть. Она протянула руку и встрепала светлые, почти как в прошлом, волосы, только в этот раз кончики были голубыми. Мейлир усмехнулся. Он знал, в честь кого его называли, но забавно осознавать, что в некотором смысле он сам себе потомок. Забавно, в каком месте и при каких обстоятельствах встретил свою слишком бойкую сестру — теперь уже не оставалось сомнений, что это была та самая Фрейя. Забавно, где и при каких обстоятельствах он смог вновь встретиться с женой.

— Мейнир, это ведь *тот* замок? — тихо спросил Мейлир, желая развеять последние сомнения.

Она тихо кивнула, продолжая водить пальцами по волосам и щекам. После сна Мейнир всё ещё чувствовала себя очень слабой, хотя и гораздо живее. Непривычно живее.

— Значит, ты вернулась в место своей смерти... Однако же ты говорила, что не видела в прошлом замка. Что же получается?

— Сохранила память после перерождения. Я не была Изольдой телом, только душой. Подняла осколок, будучи Мейнир.

Вздохнув, она положила руку Мейлиру на сердце. Очень слабо, но Мейнир чувствовала его осколок. Вспоминая Мейлира в прошлом, она убеждалась, как сильно ему подходило всё, что было связано с жизнью, светом и красотой.

— Солнышко, — прошептала Мейнир со слабой улыбкой.

Мейлир улыбнулся в ответ и осторожно убрал её руку. Встав с кровати, он, хромя из-за отсутствия трости, подошёл к столу и взял обруч. Мейнир пересела на край кровати, с интересом, который выдавали приподнявшиеся ушки, наблюдала за ним. Мейлир вернулся и опустился перед ней на колени. Поморщился на мгновение — такие действия давались тяжело из-за старой травмы. Он долго смотрел в глаза цвета заката, пытаясь подобрать слова. Они все казались пустыми, бессмысленными, неподходящими. Но и промолчать будет неправильным.

— Ваши старания были не напрасны, моя королева, — не отводя взгляда, сказал Мейлир, и надел обруч Мейнир на голову. Этот обруч не был символом власти, всего лишь подарком любимой женщине, но именно поэтому Изольда всегда очень дорожила им. — Прости, — почти прошептал он, обхватывая её ноги и лбом утыкаясь в колени. — Прости, что не успел тебя спасти. Мне снова не хватило года. Всего лишь год, и мы закончили охоту. Те, кто благодаря тебе попал в Кольнем, вскоре смогли увидеться со своими близкими. Дорогая, ты спасла гораздо больше жизней, чем думаешь.

Мейнир коснулась его головы обеими руками и заставила снова посмотреть на себя. Сейчас она слышала то, что очень хотела узнать, однако нельзя было оставлять Мейлира без ответа. Коли он оказался здесь, то на его душе тоже лежало неисполненное желание.

— Ты всегда делал всё, что в твоих силах. Как я могу простить тебя, если никогда не винила? Защита замка была моей ответственностью, ты ничего не мог поделать с тем, что нас нашли. Я тоже не думала, что это случится так скоро. И я... Очень сожалела, что не смогла увидеть тебя с того дня, как оказалась в этом замке. Мне не хватало тебя, Мейлир.

Мейнир тоже спустилась на пол и обняла хранителя. Настолько крепко, насколько

позволяли её ослабшие руки. Неважно, где они встретились, неважно, что осознали всё только перед тем, как умереть. Они уже умерли и не должны были получать второй шанс, ведь так много желаний оставались несбыточными. Мейнир не умела надеяться, поэтому сейчас испытывала разве что облегчение. Она встала и помогла подняться Мейлиру. Хорошо, что теперь он меньше отказывался от помощи, чем на момент их знакомства. По крайней мере, когда они были наедине.

Глянув на свои руки, Мейнир снова вздохнула, но теперь особенно тяжело. Мейлир с беспокойством посмотрел на неё, уловив, что этот вздох был вызван новой мыслью. Мейнир часто вздыхала, и очень важно было уловить интонацию, чтобы понять причину.

— Что тебя тревожит?

— Замку больше не нужно столько чар.

Всё, что пронизывало замок и представляло опасность для его обитателей, было делом рук Изольды и магов под её началом. Чтобы священникам было сложнее здесь хозяйствовать, чтобы они не смогли осквернить эту могилу. Чтобы не покинули замок, зайдя в него. Чары должны были ослабнуть со временем, но в процессе их наложения всё же были нарушены некоторые магические законы, когда стало ясно, что терять нечего. К тому же, некоторые заклинания поддерживали друг друга. Такое очень сложно распутать, наверное, даже невозможно, если не знать, из чего именно состоял магический клубок. Но даже будучи Изольдой она не смогла бы снять эти чары.

— Я не могу от них избавиться. Могла бы оставить подсказку, но... Надо влезть в структуру, а на это не хватит сил.

— Тогда я поделюсь своими, — без колебаний ответил Мейлир.

— Тебе может стать плохо.

— Мейнир, если нам суждено умереть, то это уже в любом случае не имеет значения.

— Не хочу, чтобы ты страдал из-за меня даже в такое время.

— Всё в порядке, дорогая, — успокаивающе заверил Мейлир и поцеловал в висок. —

Мне совсем несложно поделиться с тобою силами.

«Для тебя мне не жалко и жизни», — мысленно добавил он.

Мейнир помедлила, но всё же согласно кивнула, ушла за пером и бумагой. Она села за стол, а Мейлир встал сзади, положил руки на плечи. Их окутал слабый тёплый свет. Мейнир сделала несколько записей, в потом положила левую руку на стол открытой ладонью вверх. Над ней сгустилась, мерцающая звёздочками от вкраплений чужой энергии тьма, завертелась то быстрее, то медленнее, а потом распалась на символы, формируя слова и строки, которые Мейнир поспешила записать.

Несмотря на душу Изольды, своей изначальной хозяйки, замок принимал её вмешательство не так охотно, как хотелось бы, потому что магия хранителей была для него чужой и неправильной. Если бы Мейнир попыталась добыть ключи от чар сама, то умерла бы от истощения раньше, чем закончила даже половину работы. Её собственный резерв был мал и нестабилен, потому что никогда не хватало силы воли, желания, чтобы научиться его контролировать. И обычно при нехватке сил Мейнир начинала неосознанно вытягивать их из живых, однако сейчас в замке таковых почти не осталось. По-настоящему живой, наверное, была только Ингрид, а воздействовать на неё силами хранителя невозможно. Поэтому сейчас Мейнир могла получать силы только от осколка жизни Мейлира.

В какой-то момент хватка Мейлира стала крепче, словно он боялся упасть. Извинившись, он отошёл, чтобы взять стул. Стоять действительно больше не было сил, но

это не повод прерывать работу. Он ещё может быть полезен. Не время себя жалеть.

— Всё в порядке, просто колено заболело, — сказал Мейлир и почти не соврал. Колено в самом деле болело, но не настолько, чтобы это нельзя было перетерпеть. Он переложил руку Мейнир на спину и продолжил делиться энергией.

Грудь начало сдавливать. Подавленный осколок сопротивлялся такому долгому использованию сил, Мейлир пытался отвлечься от неприятных ощущений на размышления. Думал о том, что они сами очень даже причастны к тому, в какой ситуации оказались. Не начнись первая охота, скорее всего, не удалось бы потом начать и вторую, которая загнала Ингрид в замок. Не начнись первая охота, Изольде не пришлось бы зачаровывать лес и замок. Этого также не случилось бы, если бы Мейлира не тянуло к магии, если бы он не женился на ведьме. Да, была бы охота и много погибших магов, но, может, их правда не осталось бы в Валлерале. Тогда Ингрид просто не родилась бы. Либо не было бы замка, в котором она могла бы скрыться и выносить план мести.

«Так много бы, которые зависели от нас. Мы создали предпосылки для этой ситуации задолго до того, как она случилась. Нельзя сказать, по какому пути пошла бы история, сложись хоть что-то иначе, было бы лучше или хуже, но точно понятно одно — этого не случилось бы. Ни проклятия, ни хранителей. Значит ли это, что настоящая вина лежит на нас?»

Мейлир сжал зубы. Мейнир сказала, что осталось немного, но сердце болело так сильно, что становилось почти невыносимо. Он чувствовал, что помимо сил начал отдавать собственную жизнь. Оказывается, что-то от живого человека в нём ещё было.

Кажется, что громче стало тиканье часов, словно они отсчитывали оставшиеся минуты жизни. Посмотрев в сторону окна, Мейлир вспомнил Хальдис. Не зря ему казалось, что они прощались навсегда. А ведь, не будь проклятья, они бы не встретились снова. Он не узнал бы, что кузина выжила и даже имела теперь возможность жить спокойно и счастливо.

«Надеюсь там, в Кольнеме, ты ещё вспомнишь меня добрым словом», — усмехнулся Мейлир.

Голова кружилась. Он положил руку на стол и уткнулся в неё лбом. Мейнир всё чаще с беспокойством поглядывала на Мейлира и спешно записывала последние ключи. Она пыталась больше использовать свои силы, но место пустоты тут же занимала жизнь Мейлира.

Дописав ключ, Мейнир отбросила перо и подхватила Мейлира, который почти потерял сознание. Мейнир вслушивалась в тяжёлое поверхностное дыхание и кусала от бессилия губы, чувствуя, как стрелки часов неумолимо приближались к десяти. Она на часы никаких чар не накладывала, видимо, эта связь появилась просто из-за связи с замком. На самом деле, Мейнир знала даже о башне, в которой пряталась ведьма, только не могла об этом рассказать. Замок мешал, потому что Ингрид была под его защитой. А это значило, что он исполнил последнюю волю Изольды.

Шорох юбок оповестил о приходе ведьмы. Мейнир подняла голову, её взгляд снова был пустым и отстранённым. Скорбь и готовность принять любую судьбу снова охватили её, ведь тот, кто пытался показать краски жизни, в любом случае умирал.

Ингрид тоже это заметила, ей нельзя было медлить, нельзя допустить, чтобы Мейлир умер из-за истощения. Она не стала просить Мейнир отпустить возлюбленного, просто накинула на неё заклятие тишины и ударила со спины. Даже если Мейнир выглядела совсем безучастной, слишком жестоко заставлять её слышать этот омерзительный звук,

сопровождая смерть.

Мейнир и Ингрид одновременно обернулись к часам, когда по замку раскатился их бой.

— Десять часов, — до жути привычно объявила Мейнир.

Заклятье спало, а её руки были пусты. Мейнир обернулась к записям, из-за которых Мейлир умер именно сейчас. Стоило ли оно того? Уже неважно, хотя Мейнир чувствовала — она сделала то, что должна была.

— Написала, что наложено на замок, — тихо и монотонно сказала она. — Должно помочь снять чары.

Ингрид посмотрела на обруч, который всё ещё украшал голову Мейнир. Да, она знала, что хранитель смерти связан с Изольдой, из-за чего при убийстве, как ведьма, испытывала ещё большие угрызения совести, которая и без того мёртвой и судорожной хваткой сомкнула свои челюсти. Затянуть в историю с проклятием и впоследствии убивать королеву, память о которой уважали и хранили все ведьмы, казалось последнем гвоздём в крышке гроба, в котором был захоронен хотя бы самый малый шанс на прощение.

— Мейнир, твоё время тоже пришло, — озвучила Ингрид хорошо известный факт, просто пытаюсь оттянуть время.

Хранительница только едва заметно кивнула. У неё промелькнула мысль, что она не только должна была умереть, но и заслуживала смерти, ведь никак иначе нельзя отплатить за то, что когда-то она сама отнимала жизни. Неважно, что не хотела этого и не имела выбора. Убийство всегда остаётся убийством.

Ингрид медлила. Она отложила осколок, посмотрела на новый портрет. Даже там Мейлир казался очень солнечным, словно живым. А Мейнир всё больше напоминала тень, куклу.

— Мейнир... Королева, вы навсегда останетесь в нашей памяти, — сказала Ингрид, кладя левую руку на плечо. — Но я надеюсь, что вас память больше тяготить не будет.

Мейнир покорно закрыла глаза, словно краски заката наконец сменились неотвратимой чернотой ночи. Ингрид задавила в душе последние сомнения и объётой заклитием рукой пробила грудь, нашла слабо трепещущее, какое-то слишком холодное для живого человека сердце. И вырвала осколок.

— Одиннадцать часов, — объявила Ингрид вместо Мейнир.

Ей не верилось, что остался только один хранитель. Последний ребёнок, за которым, однако, ещё рано было приходить. Осколок Гленды пока не проявил активность, как остальные, но из-за действий Мастера становилось тревожно, что подавленное состояние продлится слишком долго. Не говоря уже о том, что Ингрид совершенно не одобряла его действий, от которых не могло стать лучше ни ему, ни Гленде.

Ингрид подошла к часам и положила пальцы на стекло, закрывавшее собой циферблат. Их первый удар раздался в тот момент, когда хранители начали слышать зов, тогда его могла слышать только половина души. Она и не думала, что первые гости придут так скоро. И кем будут эти гости. Обычно первым появлялся самый безвольный хранитель — хранитель смерти и скорби, но с ним никогда не было проблем. Кроме нестабильности, но для Ингрид это всё равно не представляло опасности.

Она забрала со стола второй осколок и записи Мейнир. Потом, когда уже не нужно будет беречь силы для работы со сферой, можно будет их изучить и попытаться сделать замок более мирным и безопасным местом. Может, таким образом получится даже освободить души, которые до сих пор стонали по ночам. Но сейчас нужно возвращаться в

башню и готовиться провести много времени, пропуская через себя воспоминания.

С самого утра Гленда, как обычно, была с Мастером. С того момента, как она потеряла возможность ходить, не оставалось выбора, кроме как находиться там, куда отнесёт Мастер. В основном она шила или читала в мастерской, хотя довольно быстро утомлялась, из-за чего приходилось просто лежать. Это очень напоминало детские годы, только вот тогда рядом был любимый брат, а не пугающий незнакомец.

Положив на колени открытую книгу, Гленда перевела взгляд на Мастера, который рисовал лицо новой кукле. Очень странно, что тот, кому ни до чего не было дела, продолжал делать кукол. Когда это увлечение внезапно появилось у Эрланна, это и то смотрелось естественнее. Например потому, что Освальд любил работать с деревом, так что привычка могла быть отголоском человеческой жизни. Теперь никакой связи с братом не осталось, но Мастер делал кукол так ловко и умело, что появились догадки, почему его так прозвали.

— Мастер, я могу задать вопрос?

— Ты и так это делаешь, — откликнулся он, не отрываясь от работы, что означало согласие.

— Почему вы делаете кукол?

Мастер отложил кисть, задумавшись над ответом. Он почему-то выглядел потерянным и растерянным, словно сам был удивлён этим увлечением. Только же оно не могло быть случайностью, если вспомнить, сколько обнаружилось в замке инструментов, материалов, книг. Гленда поняла, что как-то упустила этот немаловажный факт. Наверное, потому что раньше так сильно искала в Эрланне черты брата, что старалась связать с ним всё возможное, какой бы тонкой ни была нить.

— Я не знаю... Не помню, — признался он наконец.

Ответ прозвучал жалко, словно Мастер стеснялся, находил такой ответ достойным презрения. Или, может, ему правда было неловко, что он не знал даже себя? Словно был сам себе чужаком. Гленда почувствовала знакомое, ставшее ещё одним отголоском прошлого, сочувствие.

— Мне кажется, я когда-то этим занимался, любил это занятие. Но я совсем ничего не помню. Словно... Сохранил только навыки, а память потерял ещё до разрушения сферы.

Гленде очень хотелось спросить, был ли он кем-то до того, как стал странником, однако она понимала, что не получит ответа, только снова поставит в неловкое положение. Вместо этого она решила узнать не о прошлом, а о гипотетическом будущем:

— Мастер, а что было бы с вами, если бы вы вернули себе восстановленную сферу?

— Исчез, — с холодной, пугающей уверенностью быстро ответил он. — То есть, не сразу. Прожил бы какое-то время. На сколько хватило бы сил у тела. Исчез бы, когда умер. Я не человек, я не могу перерождаться. Даже то, что было — не перерождение, хотя со стороны очень похоже. Я просто занимал тело без души, чтобы оно стало моей новой оболочкой, потому что старая пришла в негодность. Я не знаю, как работает обычное перерождение. Но оно точно не обусловлено тем, что душе надо оказаться хоть где-то, чтобы не исчезнуть. Духи либо живут с продолжительностью, которая зависит от разных вещей, либо возвращаются в пустоту, из которой появились. Сформирует ли эта пустота нового духа? — спросил сам себя Мастер. — Да, скорее всего, только у него не будет ни следа от прошлого. Душа при новой жизни не помнит старой, но на самом деле хранит всю память. Поэтому, если очень постараться, её можно вызвать. У духа всё сохраняется в предмете

памяти. Он разрушается с нашей смертью, поэтому ничего от старой личности не остаётся.

— Но ведь, как дух, вы не должны быть привязаны к ограничениям этого тела, — неуверенно возразила Гленда.

— Как дух я тоже теперь неполноценен. Я слишком долго существовал с разрушенным предметом памяти, чего не должно было произойти, я должен был в то же мгновение исчезнуть. И связь с людьми моя была слишком сильной. Ты говорила, что Эрланна мучали кошмары?

— Да, с ним часто такое бывало.

— Духи не видят снов. Даже предположив, что то состояние переходное, что ночью он выглядел как человек, он не должен был видеть снов. Это подтверждает мои слова. Поэтому, вернув сферу, я бы просто дожил эту жизнь и исчез. Наверное, я и так в итоге исчезну, потому что теряю связь из-за разрушения. Как хотя бы подобие личности уж точно. Тогда останутся только перерождающиеся хранители.

— Это звучит слишком грустно.

— Просто правда.

Гленда опустила взгляд. Может, для Мастера была возможность стать ещё больше человеком, чтобы он попал в обычный круг перерождений? Вариант стать полноценным духом казался хуже. Тогда придётся продолжать жить без цели и с грузом прошлого. И сама перспектива исчезновения очень печалила. Как человек Гленда считала, что исчезнуть, будто тебя никогда не было, жутко. Духи могли считать иначе, но Мастер тоже казался опечаленным.

Неожиданно послышался бой часов. Только вчера умерли двое. И вот уже десь ударов. Гленда вскрикнула, начала испуганно оглаживаться, водить перед собой руками. Ей глаза больше не видели. Стало так страшно, Гленда чувствовала, что начала паниковать. Даже не слышала из-за этого шагов. Но когда часы забили снова, тонкие руки безвольно повисли, а голова упала на подлокотник.

— Она не получит тебя, — услышала Гленда рядом холодный, сквозящий злобой шёпот, но ничего не могла сказать в ответ.

Глава 50: Сбежавший наследник

Ингрид устало глянула на оба осколка и первым решила взяться за тот, что принадлежал Мейлиру. Просто решила соблюдать очерёдность. Как она понимала, где какой? Во-первых, осколки не были одинаковой формы, хотя это не помогло бы вернуть осколки на места, свали их любая неосторожность с диска. Во-вторых, от осколков исходила разная энергия, напоминая о том, какими силами обладал хранитель. Это уже было серьёзной подсказкой.

Надеялась ли Ингрид, что проще будет иметь дело с жизнью или что у Мейлира прошлое окажется спокойнее? Не особо. Характер осколка влиял только на то, с проявлениями каких сил приходилось сталкиваться хранителю, но не имел значения при очищении памяти. Что же касалось прошлого, то Мейлир в этом вопросе был скрытен, меньше него завесу тайны о себе приоткрывала только Мейнир. Но она в целом почти не разговаривала с кем-то помимо него. Ингрид была бы рада не ворошить так подло чужое прошлое, но ведь если нет выбора, то можно? Неважно. Когда ты кого-то убила, лезть в душу уже слишком незначительный грех.

Мейлир этого времени тоже был из рода Шефре. Того самого, который когда-то основал. Этот всё также был очень знатным и влиятельным, вот только, вопреки желаниям основателя, был отрицательно настроен по отношению к магам. В настоящее время положение магов зависело от настроения людей в конкретной местности и от того, насколько велико там влияние церкви, однако гонения были вне закона. Шефре старались не иметь дела с магами без особой на то необходимости и, тем более, не родниться с ними.

Мейлиру не повезло родиться наследником, но зато повезло, что осколок даровал лишь примечательно красивую и андрогинную внешность, которая цветовой гаммой и общими чертами не вызывала подозрений ни о том, что мать была неверна отцу, ни о том, что у него были необычные способности. Необычный оттенок на концах волос появился несколько позже.

Даже так, лёгкая жизнь Мейлиру не светила. Не только потому, что строгие семейные порядки требовали постоянно учиться и быть чуть ли не идеальным во всём, хотя уже это отлично лишало и детства, и возможности свободно вдохнуть. У Мейлира было много двоюродных родственников, которые могли бы претендовать на место главы, если бы Мейлира не стало. А почему не стало... Тут главное сделать так, чтобы было неотлично от несчастного случая, либо что сам виноват. Несмотря на строгость и благородность фасада, изнутри род Шефре стал тем ещё гадюшником.

Пока Мейлир был совсем маленьким, он постоянно находился под наблюдением приближённых родителей, но даже несколько раз чуть не оказался задушен, похищен, отравлен или скинут с высоты. Уже тогда его способность начала проявляться в виде повышенной живучести: он быстро исцелялся, но не настолько, чтобы это вызвало сильные подозрения.

Хотя когда в два года Мейлир пережил отравление, которое было столь сильным, что родители уже начали задумываться о похоронах, зародились слухи, что тут не обошлось без магии. Правда, обычно магия против ядов не помогала, ведь ради спасения сына родители, конечно, снизили до того, чтобы пригласить мага-целителя. Тот смог только посоветовать

регулярно давать зелье-противоядие, но с этим ядом такой способ не всегда срабатывал даже с крепкими, отлично подготовленными к жизни аристократов взрослыми. А Мейлир выжил. И даже не остался инвалидом, хотя такой вариант тоже был.

В три года Мейлиру недостаточно было уметь ходить и внятно говорить, учиться читать, считать и просто поскорее повзрослеть. Обретение хоть какой-то самостоятельности в действиях означало, что надо учиться самостоятельно заботиться и о сохранности своей жизни. Потому что охрана не всегда окажется рядом и не всегда будет из числа верных. Кого подкупят, кто предаст — будь возможность всегда знать это заранее, жить стало бы в разы проще.

Среди всей подготовки самой простой было регулярное принятие малых порций яда, потому что с ним организм Мейлира прекрасно справлялся. Где-то в три с половиной года Мейлир и сам заподозрил у себя магические способности. Будучи ребёнком, он регулярно обзаводился синяками или ссадинами. Иногда из-за собственной неаккуратности (за которую родители очень ругали), иногда потому что кто-то «случайно» толкнул. Удивительно, как у Мейлира не появился страх лестниц после того, как за месяц полетал с них раз шесть. В последний даже заработал сотрясение.

В целом материала для практики хватало. В какой-то момент Мейлир заметил, что если приложить руку к повреждению и очень-очень пожелать, то оно исцелится. Мейлир был восхищён этой способностью, но уже тогда понимал, что не может никому о ней рассказать. Как и о том, что умеет создавать небольшие светляки, а ведь это для ребёнка казалось ещё большей магией, чем какое-то там лечение.

С теми кузенами и кузинами, кто был близко по возрасту, Мейлир часто общался. Ему было велено постараться построить хорошие отношения, чтобы уменьшить количество потенциальных конкурентов и недоброжелателей. А родители тех детей нащёптывали втереться в доверие, чтобы впоследствии было проще ударить в спину. В этом доме даже родственникам доверять не стоило.

Лучше и приятнее всего общение складывалось с Хальдис. Слепой троюродной сестрой, которая была на два года старше. Она не могла претендовать на место главы, поэтому в её компании можно было немного расслабиться, даже довериться. Не до конца, конечно, ведь даже если Хальдис сама по себе не представляла опасности, ею могли воспользоваться другие. И всё же Мейлир очень радовался встречам с сестрой.

— Халь, а ты всегда была слепой? — как-то спросил Мейлир, совсем не задумавшись о бестактности вопроса. Какого вообще такта можно ожидать от мальчика четырёх лет? Некоторые и в тридцать четыре о нём знать не знали.

— Я не вижу с рождения, — добродушно ответила она, явно ни на что не обидевшись.

Мейлир вздохнул с печалью и сочувствием, подумав о том, как много красивых вещей упустила из-за этого Хальдис, а та едва заметно поджала губы, умолчав один настолько важный секрет, что его нельзя было рассказать даже Мейлиру. Несмотря на то, что для нечеловека не представляло трудностей заметить наличие сил, которые среди Шефре не одобрили бы.

Мейлир любил читать Хальдис книжки. Так он практиковался и выполнял задания, а она узнавала много нового. Хальдис была удивительно чуткой. Мейлира с детства приучали не выдавать свои настоящие эмоции, всегда делать вид, что всё хорошо, привыкать постоянно носить выражение вежливого дружелюбия. Такую тонкую улыбку, за которую нельзя было обвинить во враждебности, пренебрежении, равнодушии и даже казалось, что её

обладатель хорошо расположен к собеседнику. Хальдис не могла видеть его лицо, её не обмануть надёжно натянутой маской. Она очень хорошо чувствовала, когда Мейлир был расстроен, раздосадован, испуган, и как могла поддерживала. Обнимала, если никого не было рядом, либо тихо говорила то, что ему очень хотелось услышать.

Как бы было чудесно пронести эти отношения через года. Всегда иметь рядом надёжного, понимающего человека. И это было бы возможно, будь Хальдис человеком, но когда Мейлиру было пять лет, стало известно, что мать Хальдис — ведьма. Её дитя, соответственно, тоже. Та женщина долгие годы умело скрывала черты, которые выдавали её принадлежность к магам. У Хальдис же такой чертой оказался цвет глаз. Собственная мать ослепила её сразу после рождения, чтобы скрыть этот момент.

Мейлир и через года отлично помнил, как трясло его в момент оглашения приговора. От страха и от бессилия, что он ничем не мог помочь любимой сестре. От несправедливости, что она должна умереть, а он, тоже будучи магом, продолжит жить. Мейлир присутствовал на казни. Видел, не имея возможности отвернуться или даже зажмуриться, как сначала покатила голова ведьмы-матери, а потом и самой Хальдис. На тот момент не было сомнений, что это она.

От этой потери на душе стало слишком горько, но Мейлир не мог ни с кем этим поделиться. Потому что старшие в этот момент оказались удивительно единодушны, посчитав, что именно так следовало поступить с затесавшейся в семью ведьмой. Отца Хальдис при этом смогли оправдать, решив, что ведьма его околдовала. Вера в родственников и в справедливость подорвалась очень сильно.

Уже тогда Мейлиру очень хотелось сбежать из этого дома, полного лицемеров и подлецов. Или хотя бы не пересекаться с ними, не становиться главой змеиного логова. Мейлиру нравилась красота, которая сопутствовала богатой жизни, нравились дорогие (изящные, а не пафосные) вещи, нравилось учиться. Это стоило того, чтобы терпеть долгие и скучные приёмы, фальшивые улыбки и полную лжи речь. Только он был бы доволен чем-то поскромнее, чем место главы, но права заявить об этом не имел. Когда Мейлир имел неосторожность поинтересоваться у родителей, какие у него есть варианты, кем стать в будущем, ему очень твёрдо сказали, что вариантов нет. И что он обязан оправдать возложенные надежды. А для этого необходимо выжить.

Как только Мейлир смог крепко держать в руках тренировочный меч, его начали обучать фехтованию. Если во время тренировки Мейлир получал травму, которая портила благоприятный вид наследника, его ругали. Могли и выпороть. Ведь главное, чтобы следов наказания не видели другие. А там хоть спину до крови, хоть ноги в багровых синяках. Поэтому Мейлир, если успевал, применял способности, чтобы избежать наказания.

Подрастающие кузены и кузины тоже начинали портить жизнь. Они очень любили дуэли: кто физические, а кто словесные. Проигрыш, конечно, не только отмечал позором, но и приводил к наказанию. Мейлир обязан был побеждать в любой ситуации. Он ведь наследник. У наследника не может быть слабых мест. Мейлира часто пытались задеть тем, что его можно было перепутать с девушкой. И ладно в детстве, где почти всегда пол можно было понять только по одежде, с возрастом андрогинность никуда не девалась. Кузены находили это смешным, кузины порывались нарядить в платье. Если честно, Мейлир не считал, что платье — это что-то плохое, особенно если оно красивое. Только в этом обществе в восемь лет уже затягивали корсет, а на такой Мейлир категорически не был согласен. Ему и так иногда казалось, что он задыхается в этом доме.

В девять лет покушения на жизнь стали как никогда активными. На Мейлира чуть не упала здоровенная люстра в бальном зале. Его толкнули на нож, что торчал в саду из земли. Он неделю пролежал без сознания после отравления, а потом ещё неделю мучился от жара, болей и невозможности нормально есть. Попытались столкнуть с балкона. Чуть не похитили — спасло только то, что тогда Мейлир начал спать с ножом под подушкой. Это уже слишком выходило за рамки обычной семейной конкуренции. Излишне активные родственники слишком много себе позволяли, всего пара ошибок, и уже было легко доказать, что случаи совсем не несчастные и кто за всем стоит. Виновных наказали и присмирили, жить стало немного спокойнее.

Только расшатывания психики так просто не успокоить. Мейлир боялся спать, вследствие чего мучился головными болями и травмами на тренировках из-за ухудшения внимания. Боялся высоких и открытых мест, боялся даже какую-то мелочь доверить слугам, которые были с ним с детства. Он принял правила игры. Всегда сохраняя доброжелательный вид, с подозрением относился к каждому, потерял веру в отношения, построенные не на выгоде. А ведь Мейлира всё ещё можно было назвать ребёнком.

В одиннадцать лет кузен вызвал Мейлира на дуэль. У детей они обычно проводились на тренировочных мечах, но оказалось, что у меча кузена была заточенная часть, смазанная очень сильным ядом. У Мейлира не осталось чётких воспоминаний о том, как ему ранили колено. Только то, что рана была очень сильной и воспалилась из-за яда, а сам Мейлир по той же причине потерял сознание. Колено не удалось полностью вылечить. Ни лекарства, ни магия, ни силы организма не помогли. Придя в сознание, Мейлир попытался применить способности, но было поздно. Ему оставалось только учиться делать вид, что трость — это просто часть образа, а не необходимый инструмент. Что ему совершенно не больно долго стоять, ходить, вставать, что он всё так же прекрасно фехтует. Что он всё так же идеален и не пытается за улыбкой скрыть то, что вот-вот упадёт, если лишит опоры в виде трости.

Как раз тогда, пытаясь понять, насколько сильны повреждения и будет ли Мейлир в принципе способен ходить, ему провели магическое обследование. И обнаружили в сердце осколок магического камня, который никак нельзя было извлечь, не убив Мейлира. Приглашённый маг втайне рассказал главе семьи о находке и о том, что этот камень наделил магией самого Мейлира. Главе встал перед выбором: либо избавиться от сына, чтобы снова не запятнать честь Шефре магическим отпрыском, либо пойти на сделку с остатками совести и обучить сына контролировать силы, чтобы его ничто не выдало. Внешне ведь он всё ещё был неотличим от человека, если не считать особенностью красоту.

Вскоре после начала тайного обучения Мейлир понял, как жалок по сравнению с настоящими магами, что никогда с ними не сравнится. Он с большой охотой впитывал магическую теорию, а когда дошёл до практики, оказалось, что не владеет ничем, кроме поисков следов жизни, лечения и слабого управления светом. Это много относительно возможностей простого человека, но ничтожно мало в сравнении со способностями магов.

— Но почему так? — почти в отчаянии спросил Мейлир своего учителя.

— Значит, по своей природе вы самый настоящий человек, — пожал плечами тот. — Полагаю, то, что внутри вас, сравнимо с артефактом. Вы можете делать только то, что входит в его функции.

— Как же такое возможно? Разве же рождаются люди с артефактами внутри себя, разве могут внутри них сами собой вырасти магические камни?

Мейлиру стало неуютно и страшно. Он знал, что отличается от людей, причислял себя к

магам. Да, быть магом среди Шефре, как показал опыт Хальдис, неоправданно рискованно, но когда ты можешь причислить себя к какой-то группе, когда знаешь, что не один такой, становится немного спокойнее. И вдруг оказалось, что он чужак для всех. Слишком особенный, только ни в какой мере это не было комплиментом.

— Раньше ни я, ни мои коллеги с таким не встречались, — признался учитель. — Я не знаю, как такое возможно, но есть ощущение, что некоторое заклятье привязано непосредственно к вашей душе. Возможно, оно и вырастило камень.

— И его совсем никак нельзя снять? Избавиться от камня и от магии? — со слабой надеждой спросил Мейлир.

— О такой возможности я не знаю, особенно не представляю, как повернуть подобное, сохранив вам жить. Даже магическая хирургия не сможет извлечь этот камень, он слишком слился с вашим сердцем. Но зачем вам избавляться от сил, которые помогают вам выживать?

Вместо ответа Мейлир просто молча повёл плечами. Объективно у него действительно не было причин. Если бы не способности, он бы не сидел сейчас здесь, а сгнил бы в земле. Но он был неправильным, неуместным.

На публике Мейлир с лёгкостью был ярким, самоуверенным и немного нахальным. Он задорно стучал и поигрывал тростью, как бы доказывая, что та лишь украшение. Словно заряжал окружающих жизнью и своей лучезарностью. С возрастом даже в его андрогинности начинали видеть не причину для насмешек, а красоту. Ведь для аристократа такие тонкие и изящные черты — близость к картинному идеалу.

Только вот светлые волосы на концах начинали голубеть, даже если срезать часть, цвет волос всё равно вскоре менялся. Пришлось делать вид, что и это часть образа, причуда красить волосы. Также с возрастом становилось больше балов и приёмов, после которых Мейлиру стоило большого труда встать с кровати. Он не имел права выдавать свою уязвимость, просить о помощи, давать понять, что долго и упорно учился ходить не хромя. Вокруг всегда было много слуг, но даже перед ними Мейлир должен был сохранять идеальность. Ведь кого же ещё будут расспрашивать о слабостях наследника?

Когда ему было шестнадцать, родители стали внимательнее изучать девушек на предмет того, с кем брак будет политически выгоднее. Мнение Мейлира тут учитывалось, только если он тоже рассматривал вопрос с позиции выгоды. А он и не знал, как смотреть иначе. Мейлир не любил, не мечтал о любви и не верил, что когда-нибудь полюбит. Ему требовалось рядом полезное и верное плечо, которое впоследствии родит нового наследника змеиного гнезда. Мейлир даже не помнил, чтобы среди аристократов видел то, что называют любовью. Может, это просто ему так не повезло с примерами? Даже если и так, в своей семье он исключением не станет.

По крайней мере, Мейлир был в этом уверен, пока не почувствовал зов. Тогда ему уже было семнадцать. Почти задушенное желание сбежать из дому встрепенулось в душе с новой силой. Мейлир не находил себе места, но всё же ему не хватало решительности рвануть неизвестно куда. Он опять потерял сон, мысли становились более навязчивыми. С каждым днём Мейлир всё острее ощущал свою неуместность. И то, как не хочет ничего общего иметь с семьёй, жить, постоянно ожидая ножа в спину. Его уже не раз предали те, с кем он был будто бы близок. Тётя, незаметно подсунувшая бокал с ядом, кузина, попытавшаяся уколоть отравленным лезвием во время танца. Кузен, приложивший немало коварности, чтобы подстроить несчастный случай и скинуть с лошади. Дядя, подославший убийцу. Мейлир по жизни родителей знал, что дальше жизнь лучше не станет, просто в руках окажется больше

власти и рычагов давления, а вокруг — ещё больше подхалимов.

Мейлир сбежал вскоре после совершеннолетия. Если бы он не взял тогда лошадь, то не устоял бы на ногах даже после короткого пути до замка. Лошадь он потом пристроил на одной конюшне, когда понял, что замок так просто не покинет.

В этом проклятом месте Мейлир встретил Мейнир. На первый взгляд она вызывала в нём только жалость: безвольная кукла, от которой словно исходила какая-то рабская аура. Она точно всю жизни провела в услужении, но делала это совсем не по своему желанию. Она ведь даже не умела ничего желать! Молчаливость Мейнир объяснялась очень просто: она не знала местного языка. Зато Мейлир знал тот, на котором она говорила. То ли от скуки, то ли ведомый благородным порывом, он решил обучить Мейнир языку. Она довольно быстро научилась понимать других, а вот говорить получалось гораздо хуже. Да и, кажется, Мейнир было привычнее молчать.

Мейлиру казалось, что хранительница тянулась к нему просто потому, что привыкла иметь хозяина, а он привык командовать слугами. Первое время их отношения так и выглядели со стороны. Хотя на самом деле Мейлир никогда не приказывал, только просил, иногда чуть более настойчиво, когда видел, что Мейнир нужен чуть более сильный толчок, чтобы очнуться. Да и в замке удивительно просто уходили старые привычки. Потому ли, что все здесь были изгоями из-за способностей, но вместе с тем простыми людьми? Равными и свободными в общении. Или потому, что их связала общая беда? Никто не строил козней, не вынашивал коварных планов, не плёл интриг.

В итоге Мейлир позволил себе расслабиться. Ему хотелось стать частью этой «семьи», а для этого требовалось вновь научиться доверять, меньше притворяться, показывать, что можешь был слаб и не идеален, принимать помощь. Сам Мейлир очень хотел помочь Мейнир, потому и держал подле себя. Ей тоже многому нужно было научиться. Не только языку, но и тому, что она тоже имеет право чувствовать, говорить, иметь своё мнение, имеет право на хорошее к себе отношение, на защиту. Что она человек, а не чья-то собственность.

Так тепло становилось на сердце, когда Мейлир замечал, что Мейнир понемножку оживала. Конечно, иногда приходилось применять способности, чтобы вывести её из апатии. То, что Мейлир был именно хранителем жизни, тоже помогло им сблизиться. Потому что он мог исправить ситуацию, когда Мейнир теряла контроль и губила растения. Потому что ему было безопаснее, чем другим, находиться рядом с ней, ведь он мог подпитывать Мейнир магией, а не собственной жизнью.

Мейлир и сам очень удивился, когда понял, что полюбил. Ладно там доверять научиться и не бояться с кем-то в одной комнате спать. Это он когда-то умел, так что тут скорее надо было вспомнить, как оно делается. Подозрительность унять. Но любовь? Мейлир даже не мог сказать, что любил родителей, у него не было отношений более близких, чем дружба с Хальдис. А тут он полюбил девушку, к которой изначально испытывал только жалость.

Однако отрицать чувство не имело смысла, поэтому Мейлир просто стал относиться с ещё большим вниманием и заботой. А Мейнир, пусть даже плохо разбиралась в любых чувствах, очень старалась отвечать взаимностью. Поддерживала, когда замечала, что ему тяжело из-за разболевшегося колена. Помогала уснуть, если видела, что Мейлира мучила обострившаяся подозрительность или кошмары. Участие Мейнир всегда было очень тихим, но очень ценным.

И не было ничего удивительного в том, что в конце Мейлир готов был не жалеть своей жизни ради её. Ведь несмотря на все ценности, что принесла ему богатая жизнь, главной

ценностью стала Мейнир.

Глава 51: Молчаливая смерть

Доставая из воды осколок, чтобы переложить его на соответствующее место на диске и подготовиться к следующему ритуалу, Ингрид размышляла об увиденном. По сравнению с другими хранителями, Мейлиру почти не доставляли проблем его способности, у него даже имелась возможность научиться их контролировать. А счастлив всё равно не был. Возможно, не будь осколка, он бы потерял в итоге то человеческое, что имел от рождения, в самом деле став образцовым представителем семьи.

Шефре... Он был из ветви того рода, который до сих пор правил в Валлерале. Неудивительно, что Мейлир никому не называл свою фамилию. Если некоторые повадки аристократа ещё можно опустить, то всё равно психологически сложно на равных общаться с человеком, чьё происхождение напоминает о правящей семье.

«А ведь для такого происхождения он правда был очень... Простым? Когда мы пришли, говорил он, конечно, витиевато, держался очень характерно, но не зазнавался, умел быть добрым и заботливым. Даже в лечебнице работал, что теперь кажется ещё страннее».

Ингрид задержала взгляд на диске. Только два сектора из десяти пустовали. И за каждым занятым местом стояла разрушенная и преждевременно оборванная жизнь. Чья-то жизнь всё равно не сложилась бы благополучно — отец близняшек, например, чудесным образом не перестал бы быть мудаком. А кто-то смог бы прожить спокойно, обычно, как троица или Фрейя. Элеонора могла бы остаться в семье, которая бы приняла её как родного ребёнка, не испугавшись примеси магии. Мейлир... Умер бы в младенчестве или стал истинным Шефре, в чём тоже мало счастья.

А что же до оставшихся двух судеб? О Гленде гадать рано, хотя она бы тоже, наверно, не дожила до настоящего времени, а вот с Мейнир пора было познакомиться поближе. Ингрид заранее приготовилась увидеть что-то тяжёлое. У неё не получалось до конца абстрагироваться, она принимала близко к сердцу жизнь каждого убитого ребёнка.

Мейнир родилась в другой стране, она не знала своих родителей, даже имя её переводилось просто как «дева». Ещё в детстве её приобрела местная аристократическая семья. Она должна была стать даже не слугой, а рабом без каких-либо прав. У Мейнир с рождения имелся хвост, но там это никого не смущало — маг и маг, главное держать в узде и применять способности себе на пользу.

В детстве Мейнир была немного живее. Вроде даже умела плакать, когда били, чувствовать недоумение и обиду из-за несправедливо жестокого обращения. Впрочем, Мейнир всегда говорили, что она — вещь, которая должна покорно делать то, что прикажут. У вещи нет права на чувства, у вещи нет голоса. Уже тогда Мейнир была слишком пассивна, ей проще было со всем смириться, чем пытаться хоть что-то понять или, тем более, воспротивиться.

С пяти лет Мейнир была в услужении у господского чада — жестокого и капризного мальчишки. Мейнир беспрекословно выполняла любые приказы, но наследник находил такую послушность скучной, его раздражало, что Мейнир больше походила на живую куклу, чем на человека. Ему хотелось видеть страх, слёзы, слышать мольбы.

Поэтому очень скоро приказы перестали ограничиваться простыми «подай, принеси, сделай что-то за меня». Съесть землю среди новых приказов было самым безобидным.

Наследник приказывал проткнуть насквозь ладонь иглой или даже что-то к себе пришить. Приказывал себя резать, тушить о себя спички, стоять коленями на горохе, не есть, не спать. Когда наследник видел, что Мейнир делала это всё с тем же унылым лицом и отсутствующим взглядом, он её бил, таскал за хвост, резал ножницами не так давно появившиеся коровьи ушки. Хозяева такое поведение считали нормальным, ведь вещь — не человек, с ней можно делать что угодно.

— Почему не плачешь? — спрашивал наследник, давя каблуком на живот.

Мейнир только молча смотрела вверх. Она знала, что если отведёт взгляд, то ударят по голове. Щёку до сих пор саднило с прошлого раза.

— Ты вообще живая?! — взвизгнул он, когда Мейнир даже не вздрогнула от удара промеж ног. А ведь у обуви были острые и тяжёлые носы.

Живая? Но ведь вещи не могут быть живыми. Какой странный вопрос, но Мейнир знала, что попытайся она хоть что-то ответить, окажется, что слова не давали. Смотря на других рабов, Мейнир заметила, что хотя с ней обращались более жестоко, ища всё новые способы довести до слёз, к ней интерес теряли быстрее, чем к тем, кто начинал рыдать и молить о пощаде. Тех, кто больше всего веселил реакцией, могли запытать до смерти. А Мейнир потом говорили очистить помещение от кусков плоти и органов, да и кровь вытереть не помешало бы. Мейнир хорошо знала, какие люди внутри мягкие, мокрые, скользкие. Какой остекленевший взгляд у тех мертвецов, кто сохранял свои глаза. Почти как у неё.

Сначала Мейнир плакала, когда её точно никто не видел, но в итоге на это не осталось сил. В ней словно постепенно умирали любые эмоции. Она не воспринимала ничего, кроме приказов, будто бы смотрела на мир со стороны. Смотрела и не видела. В памяти был ком из смазанных лиц людей, собственной крови, чей-то смех, гневные крики, иногда — холодный каменный пол и решётки на окне маленькой тёмной комнаты, куда Мейнир скидывали в порыве особого недовольства. Ею не были довольны, какой бы послушной она ни была. Будь на то силы, Мейнир бы этому удивилась, но она просто принимала всё как должное.

Наследника ещё раздражало то, что Мейнир восстанавливалась быстрее, чем он того желал. После этого, правда, обнаруживались мёртвыми растения, рядом с которыми она долго находилась, или хуже чувствовали себя слуги, вместе с которыми она жила. Глава семьи заинтересовался этой особенностью. Сначала он приказал поселить Мейнир обособленно ото всех, а потом пригласил мага, который бы изучил странности девчонки.

Жизнь Мейнир изменилась, хотя нельзя сказать, что к лучшему. Её внезапно научили читать и писать, чтобы впоследствии она могла получать приказы, отчитываться. Её учили управлять смертью и тенями, вытягивать жизнь целенаправленно. Иногда у Мейнир не получалось использовать способности, тогда её ранили, чтобы ей пришлось вытянуть чужую жизнь.

Сначала Мейнир тренировалась на растениях. От её прикосновения могла иссохнуть как трава, так и вековое дерево. Даже их жизни отбирать было жалко. Несмотря на отсутствие эмоций, любая смерть вызывала у Мейнир острую скорбь.

Потом пришлось перейти на животных. Мейнир отчётливо помнила тот день, когда ей приказали взять в руки цыплёнка. Милый, мягкий и жалобно пищущий жёлтый комочек. Так непонимающе мигал тёмными глазками, вертел головкой. Она смотрела на него и не могла заставить себя забрать жизнь этого крошечного, невинного существа. Учитель заметил замешательство, и вскоре Мейнир почувствовала боль от вошедшего под лопатку кинжала. Умер и цыплёнок в руках, и те, что суетились в клетке рядом, и трава, на которой сидела

Мейнир. Она убивала котят, которых всё равно утопили бы. Ей пришлось убить огромную собаку, которую на неё натравили.

Мейнир готовили к тому, чтобы убивать людей. Чем чаще она использовала способности, тем легче становилось подчиняться приказам. Скорбь о погибших никуда не делась, просто совсем не было сил хоть сколько-то сопротивляться господской воле.

Хозяин остался доволен успехами Мейнир. В его руки попал очень удобный инструмент: она могла незаметно прийти через тень и убить, не оставив следов. С такими способностями Мейнир могла бы легко вырваться, сбежать от хозяев, её даже думали держать закованной в лишаяющие магии цепи. Но оказалось, что Мейнир слишком пассивна, чтобы бороться за себя и свою жизнь. Без приказов она сохраняла полнейшее бездействие. Её, конечно, проверяли. Подсылали других людей, других слуг, которые подговаривали сделать что-то во вред хозяевам.

— Ты же можешь просто подкрасться ночью и забрать жизнь. Ты будешь свободна. Больше никто не будет обращаться с тобой жестоко, — шептал кто-то на ухо.

Мейнир молча слушала и будто не понимала слов. Что-то делать? Зачем? Да и убивать ей не хотелось, даже если хозяев, которые никогда не видели в ней человека. А что делать со свободой? Мейнир не могла представить себе жизнь на воле. Она же только подчиняться умела. К тому же с такой силой ей не место среди людей. Если она вдруг потеряет контроль, то случайно кого-то убьёт. Или просто очень сильно ослабит. Но какая разница? Она в любом случае слишком опасна для общества.

Когда учитель подтвердил, что Мейнир хорошо овладела способностями, хозяин начал применять этот инструмент по назначению. Но сначала устроил последний экзамен. Мейнир отвели в клетку, где сидела девочка — недавно подобранная с улицы беспризорница. Сказали, что к утру ребёнок должен быть мёртв. Мейнир смотрела в наполненные ужасом глаза и снова вспоминала цыплёнка. Ей самой тогда было лет двенадцать, она выглядела жалкой, слабой, очень худая и покрыта множеством шрамов, синяков и недавно затянувшихся порезов.

У девочки были покрасневшие, опухшие от слёз глаза и очень жалобный вид. Девочка знала, что умрёт. Тряслась от страха, что-то мямлила. Мейнир это не воспринимала. Перед глазами всё ещё стоял цыплёнок, а руки словно ощущали его тепло. Сейчас ей уже без надобности дотрагиваться до жертвы, а голубые пальцы были слишком холодными для живого человека.

— Почему ты это делаешь? — спросила в отчаянии девочка, вцепившись пальцами в решётку, но её руки с каждой секундой становились всё слабее.

Мейнир повела плечами. Почему делает? Она только инструмент, ей не положено о таком задумываться.

— Пожалуйста... Отпусти меня... — всхлипнула девочка. — Я хочу жить... Если я не вернусь к братику, он не выживет...

Она продолжала что-то говорить, взывала к жалости. Нельзя сказать, что Мейнир не было жалко девочку, но что она могла сделать? Чтобы спасти, надо пойти против хозяина. Для этого сила воли нужна. И чтобы её до конца хватило. Если не справится, то наказание точно будет долгим и суровым. Будут ломать раз за разом, пока не почувствуют удовлетворение. Очень удобно издеваться над игрушкой, которая восстанавливается. Если справится, то... Мейнир просто не могла представить, что будет дальше. Не могла представить мир, в котором жили люди.

Девочка полностью сползла на пол. Затихла. Перестала дышать. Мейнир протянула руку между прутьев решётки и провела рукой по волосам девочки. Они были светло-русые, пушистые и мягкие.

«Как цыплёнок», — подумала Мейнир, а после неподвижно сидела на коленях до прихода хозяина.

Хозяин ничего не сказал по поводу выполненной работы, тем более не похвалил. Мейнир никогда не хвалили, даже учитель так не делал. Для неё похвалой являлось только отсутствие наказания. Что, впрочем, иногда было связано не с качеством выполненного поручения, а с настроением хозяина.

Причина, по которой Мейнир не потеряла веру в людей, не стала затравленной, заключалась только в том, что она ничего не чувствовала. Чтобы потерять веру, её для начала нужно иметь. И нужно считать, что есть справедливое и незаслуженное отношение, а не принимать любое со смиренностью стола, подушки, любого другого предмета. Чтобы трястись и шугаться, нужно бояться. Хотя бы за свою жизнь. Это ведь естественно для человека.

Иногда, когда у Мейнир после поглощения жизни были силы предаваться размышлениям, она думала, что является чудовищем. А это ещё хуже, чем быть вещью. Вещь может просто существовать, чтобы ей пользовались, на неё вполне можно не срываться. А чудовищу обязательно надо напоминать, где его место, чтобы не вздумало своевольничать и представлять ещё большую опасность.

После проверки девочкой хозяин начал использовать Мейнир, чтобы запугивать и устранять конкурентов, недоброжелателей или просто тех, кто впал в немилость. Мейнир должна была ночью проникать через тени в нужный дом и выполнять приказ: украсть что-то важное, сильно истощить цель, чтобы та потом месяц оказалась к кровати прикована, или просто убить. Чаще всего приказывали последнее, но с аристократами оказалось легче, чем с той девочкой. Очень часто они были ничуть не лучше хозяина, а потому не вызывали жалости. Если бы не навязанные осколком приступы скорби, Мейнир бы вообще ничего не испытывала при этих убийствах.

Когда требовалось навести суету или кого-то подставить, Мейнир убивала чуть более открыто. Если дать зажить синякам и скрыть шрамы, её даже можно было назвать красивой, хотя это трудно заметить, отвлётшись на до жути застывшее выражение лица и стеклянный взгляд. Поэтому Мейнир могли нарядить и отправить на мероприятие, где она должна была делать то, что хорошо умела — тихо, словно тень, стоять в стороне и вытягивать жизнь из цели. И вот в разгар бала кто-то падал бездыханно, хотя вот только-только выглядел живее всех живых и абсолютно здоровым. Поднималась паника, которая для Мейнир была лишь белым шумом.

С возрастом Мейнир становилось хуже. Из-за отсутствия воли всё больше получалось, что не она контролировала осколок, а он её. Несмотря на обучение и опыт, Мейнир всё чаще делала осечку, задевая не только цель, но и кого-то поблизости. Пока случайная жертва отделялась недопомоганием, никто не обращал на оплошность внимания. Но однажды Мейнир убила не того человека. А ещё позже — всех, кто был в доме цели.

Хозяин хотя и смог обернуть оплошность себе на пользу, но был в гневе, решив, что Мейнир таким образом бунтовала, намеренно ослушивалась приказов. В первый раз Мейнир сломали руки и ноги и бросили в темницу, где не было ни света, ни звуков, ни ощущения времени. Если бы не боль, она бы подумала, что всё это время спала, ведь у неё всегда была

пустота вместо снов. Ещё потом живот начало от голода скручивать — похоже, Мейнир располагалась в настолько изолированном месте, что неоткуда даже вытягивать жизнь. Да, чужая жизнь могла заменить ей пищу.

После второго раза Мейнир начали удерживать в ограничивающих магию цепях. Кто бы знал, что на хранителя это не действовало. В то время хозяин не хотел избавляться от сломанного инструмента, размышлял о том, как использовать дальше. Она просто сидела в заключении брошенной куклой. Её иногда пинали, проверяя, жива ли, потому что Мейнир могла целыми днями не шевелиться. Тюремщики смотрели на неё со смесью страха и пренебрежения. Вроде и пугало, что одно пребывание рядом с Мейнир могло убить, но выглядела она до невозможного жалко.

Потом случился зов, которому Мейнир не могла сопротивляться. Так как цепи были бесполезны, она просто растворилась в тенях и сквозь них направилась к замку, оставляя за собой след из зачахших растений. Мейнир не пришла в замок первой, потому что даже с укороченным магией путём сказало её расположение в другой стране.

И вот в замке Мейнир столкнулась с той самой, пусть и относительной, свободой, с которой она не знала, как быть. Она могла только держаться ото всех подальше, чтобы не навредить. Это место вызывало чувство ностальгии и казалось знакомым. Мейнир смущало само наличие отличного от скорби чувства, пусть даже очень слабого. Она не знала, что делать с ним, она не знала, что делать с собой. Потому что не понимала, что говорили Эгиль и близнецы, только по интонации догадывалась, что ей ничего не приказывали. Если нет приказа, значит, нет надобности что-то делать. Когда что-то было очень нужно, Эгиль пытался объяснить это жестами, а Мейнир это делала. Очень простые вещи вроде «подойди», «сядь», «ешь». Если Мейнир не заставляли есть, она просто губила растения, благо, возле замка и в лесу их много.

Когда пришла Фрейя, действиями Мейнир стало проще управлять. Потому что подкреплённые способностями приказы прекрасно обходили языковой барьер, а словами объясняться гораздо проще, чем жестами. Так Мейнир заняли домашними делами, чтобы она не пугала своим неестественным бездействием. Элеонора же потихоньку бередила душу, что начало оживлять Мейнир.

Только увидев Мейлира, Мейнир узнала в нём аристократа и подумала, что вот теперь всё станет понятно. Как раньше. Она даже готова была снова оказаться побитой. Это неприятно — после воздействия Элеоноры Мейнир смогла так подумать, но зато тоже понятно. Вместо этого Мейлир попытался с ней поговорить. Узнал от других хранителей, что Мейнир, похоже, не понимала местного языка, поэтому перебирал те языки, которые знал, пока она не среагировала на знакомые слова.

— Как тебя зовут? — спросил тогда Мейлир.

Мейнир склонила голову к плечу, растерявшись. Вопрос звучал так, что на него нужно было дать ответ. Не как те вопросы, на которые положено отвечать молчанием, чтобы не отхватить. Но какой ответ она должна дать? Мейнир звали по-разному, в основном это были ругательства. Надо ли перечислять все? Почему этот господин просто не может называть как угодно? Обычно так и делали.

Пальцы, тепло которых ощущались даже сквозь перчатку, осторожно коснулись подбородка, заставляя поднять голову. Мейнир ведь привыкла, что обычно не имеет права смотреть хозяину в лицо. Это слишком дерзко для вещи. От чужой руки по телу распространялось приятное живое тепло. Не похожее на то, что получала Мейнир, забирая

жизни. То тепло, та жизнь, которой ей действительно не хватало. И тогда, впервые за много лет, Мейнир почувствовала, как потеплели глаза от подступивших к ним слёз, потому что волосы Мейлира напомнили ей и о девочке, и о цыплёнке.

— Боже, да что с тобой? — тихо, даже без раздражения вздохнул Мейлир и обнял её, пытаюсь успокоить.

Мейнир долго плакала, не понимая, почему слёзы всё никак не останавливаются, почему вдруг её отпустило привычное безучастие. И почему этот человек так странно себя вёл. Мейнир не знала, что хватать могут совсем не грубо, касаться — очень осторожно, не стремясь причинить боль. И от этого ещё сильнее хотелось плакать.

— И всё же, каково твоё имя? — снова спросил Мейлир, когда она успокоилась.

— Мейнир, — ответила, вспомнив то обращение, которое не было ругательством.

Кажется, Мейлиру что-то не понравилось в ответе, но он только кивнул с улыбкой. И попросил следовать за ним. Именно попросил. Тем тоном, на который Мейнир могла среагировать и послушаться, но вежливо. Как человека. Мейлир познакомил её с другими хранителями, научил их понимать. Рассказал, что было известно, о сложившейся ситуации. Уже тогда Мейнир подумала, что всё безнадежно, но ничего не сказала. Её ведь не спрашивали.

Зато Мейлир очень часто интересовался самочувствием. Настойчиво интересовался, поэтому приходилось отвечать. А для этого пришлось начать прислушиваться к собственным чувствам. С удивлением обнаружить, что они всё же есть. Или появились под влиянием чужой силы? Мейнир казалось, что она очнулась от долгого-долгого сна.

— Мейнир, не бойся быть со всеми, не надо прятаться, — то и дело напоминал Мейлир, чуть крепче сжимая руку. — Ты никому не навредишь, а даже если что-то пойдёт не так, просто позови меня, я это исправлю. Однако если тебе всё равно беспокойно, просто будь рядом со мной, мне ты не сделаешь хуже.

Мейнир не была в этом уверена, но знала, что нужно соглашаться, ведь у неё не может быть своего мнения. Правда, то и дело Мейлир пытался объяснить, что это тоже не так. Что её мысли, чувства, желания не только должны быть, но и имеют значение. Такое же, как и у других хранителей. Мейнир оказалось очень трудно это понять. Скорее всего, будь она обычным человеком, с детства прожившим в рабстве, она бы и не поняла. Но прошлая жизнь вместе с тем казалась будто чужой, поэтому мешала меньше, чем могла бы.

Однако хотя влияние Мейлира было значительным, но всё же недостаточным. Потому что очень сильно продолжал влиять осколок, особенно ночью. Успокоить его помогало сначала пение Сюзанны, а потом — появление Гленды и Эрланна. Первая познакомила с доселе невиданным, лёгким и светлым чувством — надеждой, а второй в целом сделал состояние хранителей стабильнее.

Мейнир никогда не была такой живой, как в замке, даже если казалась остальным слишком вялой, тихой и апатичной. И если бы могла радоваться, то в конце призналась бы, что была рада оказаться здесь. Даже если обречена умереть.

Глава 52: Священная птица

Гленде было очень страшно. Она ничего не видела, не могла пошевелиться, а все звуки казались очень далёкими. Словно сознание держалось в уже мёртвом теле. Гленда не могла уследить за течением времени, не отличала сон от бодрствования.

Иногда она ощущала рядом присутствие Мастера. Он что-то говорил, но не получалось разобрать слов, а интонация усиливала страх. Иногда Гленде казалось, что где-то рядом находится и тяжело вздыхает Ингрид. А может, звуки и присутствие ей только снились? Может, она и вовсе умерла и именно так выглядит существование до перерождения?

Вместе с тем у Гленды было много времени, чтобы обдумать последний разговор. Возвращаясь к нему, хранительница понимала, что не может ненавидеть Мастера, хотя его стараниями была прикована к кровати, уподобившись одной из кукол, которых он делал. Всё же она была в своём теле, но ощущала это так, словно в нём не осталось ничего человеческого. Это ужасное состояние, и если кто-то считает, что доводить до него нормально, это нельзя понять и простить. Забрать не только свободу, но можно сказать, жизнь, при этом оставив висеть во мраке сознание, ничуть не лучше убийства.

За это нужно если не ненавидеть, то хотя бы испытывать отрицательные эмоции. На крайний случай — не испытывать положительных, ибо это уже повод усомниться в собственном здравомыслии. Гленда чувствовала, что ей жалко Мастера, и что, будь у неё возможность, она бы всё равно пожелала сделать его счастливым. Вернуть ему не только надежду, но и способность быть живым. Как глупо. Она думала о чужом счастье, когда ничего не могла сделать для себя.

На этот раз Гленда почувствовала, как погружается в сон. Поняла это в тот момент, когда начала видеть мир, который точно не относился к замку, когда почувствовала, что может не только двигаться, но и летать. О, Небо, как же давно она летала!

Над цветущим зелёным лугом пролетала белая-белая птица. Непохожая на других, единственная в своём роде. Почувствовав чьё-то присутствие, птица начала спускаться, а близ земли превратилась в такую же белую волшебницу, только золотые глаза, словно солнышки, выделялись среди этой белизны. Оперение стало белым платьем, а сопровождавшие превращение магические искры обратились мерцающими золотыми бабочками. Часть бабочек тут же улетела, другая села на протянутую руку.

Гленда осмотрелась. Она никак не могла понять, кого же почувствовала. Луг был пуст, но совсем рядом с волшебницей точно находился сгусток магии. Слабый, чужеродный для этого мира, готовый вот-вот исчезнуть, если ему не помочь.

Бабочки на руке засветились ярче, и Гленда отпустила их, доверив поиск. Тихо шурша платьем, она шла следом, пока не наткнулась на... Тень? Ничего удивительного, что Гленда никого не заметила, ведь источник магии был бледной, объёмной, но бесформенной тенью, очертания которой удалось выловить только благодаря свету бабочек. Тень слегка подрагивала, подобно водной ряби, но не убегала, не источала опасность. Только в сердце этого создания тускло поблёскивало что-то жёлто-голубое.

Гленда протянула объятые мерцанием руки и коснулась тени, наполняя ту своей магией. Постепенно тень начала приобретать очертания человека, становилась плотнее, всё ещё оставаясь серой. Поцеловав её в лоб, Гленда убрала руки, взмахнула ими, и тень

полностью облепили бабочки, а стоило ей хлопнуть в ладоши, как исчезли, оставив на лугу ошарашенного человека. Вернее, мага.

Похоже, магия Гленды наложила отпечаток на его внешность, но смешалась с изначальной серостью, поэтому волосы незнакомца стали серыми, а глаза хотя и золотистыми, но не настолько яркими. Только голубой рог выделялся из общей картины. Одежду бабочки тоже создали. Гленда не очень хорошо разбиралась в том, что носят люди, но хорошо помнила, как выглядела одежда путешественников. Она должна быть удобной, так что это, наверное, самый удачный вариант?

— Здравствуйте, — с дружелюбной улыбкой поздоровалась Гленда и протянула руку.

Незнакомец ответил неуверенным рукопожатием, он всё ещё казался растерянным и потерянным.

— Меня зовут Гленда, а вас как?

— Я... — он замылся, поджал в неуверенности губы, нахмурился, качнул головой. — Я на знаю. Не помню.

— С-совсем ничего? — с тревогой спросила Гленда.

Оказаться в другом мире и не иметь воспоминаний должно быть особенно досадно. Гленда понимала, что незнакомец выглядит как обычный маг этого мира именно из-за вмешательства её магии, но он точно являлся кем-то другим. Потому что маги не могут растаять до состояния живой — живой ли? — тени.

— Ничего о себе, — уточнил он. — Я знаю только общую информацию, что являюсь духом. И что родом из серого мира. Но это применимо ко всем духам, подобным мне. И это всё, что от меня осталось, — вздохнул он и прижал к груди правую руку. Когда он отнял ладонь от места, где у людей располагается сердце, на той лежала сфера, сделанная будто бы из лунного камня. — Это мой предмет памяти. Что-то вроде души. В нём хранится память, но, кажется, свою я потерял. Я чувствую, что предмет пуст, но я бы знал, будь это из-за того, что я только недавно покинул родной мир.

Гленда внимательно слушала объяснения незнакомца. Она где-то и как-то немного слышала о подобных духах, но всё равно почти ничего не знала, а потому и не ведала, как тут можно помочь. Может быть, потеря памяти была связана с тем, в каком состоянии она нашла духа? Однако если магическая поддержка ничем не могла помочь, то Гленда была бессильна.

Дух не возражал, поэтому она дотронулась до сферы, но смогла почувствовать только то, что та была полностью магическим предметом. Словно чистая магия вдруг стала материальной. И эта структура энергии выглядела столь прочной, что точно не потерпела бы вмешательства, поэтому Гленда даже не попыталась применить к сфере колдовство.

— Вот оно как... Но считаете ли вы отсутствие памяти проблемой? — решила уточнить Гленда.

Просто она сама жила так долго, словно появилась вместе с миром, так что о прошлом своём уже забыла и не особо беспокоилась по этому поводу, предпочитая жить сегодняшним днём. В некотором смысле память — это важно, но если её отсутствие не мешает жить, то не стоит из-за этого беспокоиться только потому, что так положено.

— Не знаю. Возможно, я забыл что-то очень важное. Мне так кажется. Но что точно — я забыл, кем был. Вдруг у меня было и имя, и прошлое, и близкие люди? Я... Мне кажется, что до этого момента у меня была какая-то очень важная цель, которую я потерял вместе с памятью.

Гленда покачала головой. Значит, её подход духу не подходил. Да и ситуация у них была разной. Гленда не считала, что потеряла себя, забыв некие очень давние годы. Скорее даже, сейчас не имело смысла, какой именно она была тогда, потому что никто о тех временах не помнил, может даже никто больше с тех времён не дожил.

— Не хотите отправиться в путь вместе со мной? Может быть, вы увидите что-то, что пробудит ваши воспоминания или хотя бы даст подсказку.

— Но не помешаю ли я вам? — с беспокойством уточнил дух.

— Ничуть! — улыбнулась Гленда. — У меня нет цели, места назначения. Я просто ищу людей, которым могу помочь, кому не хватает надежды или немного чуда. Приятно видеть улыбки на лицах и то, как преумножается добро. Хм... Но без имени вам всё же будет неудобно. Не хотите ли взять временное, пока не вспомните настоящее? — предложила она.

— Это... Так, наверное, правда будет лучше. Но я ничего не могу придумать, — растерянно добавил дух.

— Может, Хенбетестир? Оно означает «старый путник». Мне кажется, вам подойдёт.

— Тогда... Приятно познакомиться? — улыбнулся дух, и они снова пожали руки.

Так начался путь странника. Гленда знакомила его с миром, в котором он оказался, учила магии, которая помогала легче находить общий язык с людьми. Ведь иногда узнавать других — это хороший способ узнать и себя. А ещё Гленда показывала маленькие и не очень чудеса. Как у кого-то оживали зачахшие цветы, как внезапно становилась целой любимая кружка — последняя, а потому особенно ценная, памятная вещь от покойной бабушки. Как внезапно находилась важная вещь, как переставал хворать ребёнок. Как огонь обходил стороной посевы, давая шанс пережить зиму без голода. Гленда способна на многое, однако для неё важно было не попадаться, ведь она не могла причинить никому вред, даже в целях самозащиты.

Их совместное путешествие длилось долго, но в итоге пути всё равно разошлись. Ничто из увиденного не помогало вернуть память. В своих перемещениях дух был свободнее Гленды, ведь мог ходить даже между мирами. Он решил продолжить странствие один, чтобы суметь посетить больше мест. Гленда не стала возражать, только благословила на прощание и выразила надежду о новой встрече. Она не боялась, что Хенбетестир внезапно снова растает тенью, ведь дала ему возможность, которой были лишены духи — получать магию из окружающего мира.

Прошло ещё много лет, которые Гленда проводила, всё также помогая людям, магам, кому угодно. Сколько бы ни проходило времени, она совсем не менялась. Ни внутренне, ни внешне, ни даже на магическом уровне. Дивная белая волшебница, окружённая золотыми бабочками. Прекрасная белая птица, непохожая на других.

Их новая встреча произошла в довольно неожиданном месте. Гленда брела по почти заросшей тропе, думая, что никого не встретит, однако знакомую ауру почувствовала ещё до того, как увидела её хозяина. Седой, рогатый, тоже не изменившийся с течением времени, разве что одеждой, которая, к тому же, посерела от пыли дорог.

Гленда подбежала и в приветствии обняла Хенбетестира. Он тоже обнял её, ничуть не меньше радуясь встрече и тоже заметно ею удивлённый. Этот день был таким же погожим, как тот, когда они познакомились. Только теперь у Хенбетестира за спиной имелось множество чужих историй и путь, о котором он помнил. Но до сих пор не помнил о себе.

— Забавно, не правда ли? — спросила Гленда, рукой указав на храм, рядом с которым они стояли.

Белокаменный, а над входом изображена удивительно знакомая птица с распростёртыми крыльями, концы оперения которых, как и глаза, покрывал тонкий слой золота.

— Что забавного в этом месте? — недоумённо уточнил Хенбетестир.

— Это храм Священной Птицы. Возведён здесь, потому что церкви показалось, что Птица, посланник Неба, часто спускается на землю именно в этом месте. Потом, правда, они поняли, что это не так, и к храму начали забывать дорогу. Ведь в остальном его расположение неудобно.

— Я бы сказал, что история немного печальная. Грустно наблюдать, как место становится заброшенным.

— Да, — кивнула Гленда и толкнула двери пустого храма.

Они прошли внутрь. Сквозь бледно-жёлтые витражи в помещение лился свет, который казался золотым, магическим, напоминая свет бабочек Гленды. Везде лежал слой пыли, она же летала мерцающим облаком, поднятая потоками воздуха, что принесли с собой неожиданные гости. Очень неожиданные, если вспомнить, что в храм зашли два мага.

Лишь эхо шагов нарушало тишину, пока они шли до алтаря, на котором стояла статуя. Тоже птицы. Большой, белой, пыльной. Только в отличие в той, что была над входом, эта птица чудесным образом удерживала крыльями чашу. Гленда посмотрела на неё и ухмыльнулась, как перед храмом, когда назвала это место забавным.

— Ты ведь уже знаешь, что для церкви Птица — своеобразный символ веры? Что-то между посланником Неба и воплощением бога на земле?

— Мне доводилось о таком слышать, — кивнул Хенбетестир, рассматривая статую.

— И как раз это забавно. Потому что Священная Птица — это я.

Услышав это, Хенбетестир удивлённо сморгнул. Он перевёл взгляд на Гленду, потом обратно на статую. А ведь правда. Вот почему птица показалась знакомой, будучи в деталях непохожей на других птиц.

— Церковь, которая против магии, сделала своим символом волшебницу.

— А ты... Не пыталась с этим что-нибудь сделать? — спросил Хенбетестир, понимая глупость вопроса.

— Да. Я к ним прилетала, пыталась поговорить. Думала, что так смогу смягчить их отношение к магии. Однако моё появление они считали плодом своих молитв, и ни к чему хорошему эти встречи обычно не приводили. Сами проявления моей магии они причисляли к божьему благословению. Я решила, что лучше просто не пересекаться с церковью.

Хенбетестир продолжил молча рассматривать то статую, то Гленду, погружившись в раздумья, на которые наталкивало это место.

— Гленда, ведь ты продолжаешь нести людям добро? — тихо, почти шёпотом спросил он.

— Конечно, ведь для этого я и живу, — без всякой заминки ответила она.

— Но... Почему? Я многое видел в пути. И много жестокости. Между всеми. Людьми, магами. Они сеяли её между собой и между друг другом. Ты говорила, что желаешь всем добра, потому что веришь. Но как у тебя получается сохранять эту веру?

— Не знаю, — просто пожала плечами Гленда. — Просто верю. Надеюсь, что если дать добро, то им смогут правильно распорядиться. Ты не подумай, я прекрасно осведомлена о том, какие есть у мира тёмные стороны. Просто же тьма всё равно никуда не денется, а если перестать нести добро, то его, даже если ненамного, станет меньше. И вот это правда будет

удручающе. — Гленда тихо рассмеялась, зажмурившись. — Понимаю, как наивно, должно быть, звучу, особенно для своих лет. Но просто такова моя природа. Я же всё равно не смогу не помочь тем, кому по силам помощь оказать. Знаешь, я даже думаю, что... Что ведь когда-нибудь я всё же умру. Все смертны, даже если из моих уст это звучит странно. И всё же я бы хотела даже своей смертью подарить кому-то надежду. Если я уйду не напрасно, то моя душа будет спокойна.

Надежда — так можно было описать Гленду, если бы понадобилось сделать это одним словом. Или же белая и добрая, если двумя и вспомнив о значении имени. Хенбетестир всегда вспоминал о том, что имена имеют значение, когда кого-то встречал. Кому-то оно подходило больше, кому-то меньше. В случае с Глендой всё сходилось идеально. На своём пути Хенбетестир не встречал кого-то белее и добрее.

— Думаю, ты права относительно Птицы. Однако вряд ли в этом, может даже в любом другом мире есть кто-то, кто больше подходил бы на роль посланца милосердной всевышней силы.

— Если только сама эта сила, — усмехнулась Гленда. — Хотя я совсем не знаю, существует ли та. Это и неважно, лишь бы вера в Небо побуждала делать добро. Добро — это не тот случай, когда стоит разбираться в причинах, если результат привёл только к положительным последствиям. Однако что же мы всё обо мне? Хенбетестир, как твой путь?

— Всё с тем же результатом. Или, вернее, с его отсутствием. Мне нравится быть в пути и интересно узнавать людей, но туман над моим прошлым всё никак не рассеивается. Словно что-то важное продолжает от меня ускользать.

— Мне жаль, что я всё ещё ничего не могу для тебя сделать, — вздохнула Гленда.

— Ты уже сделала очень многое. Ты дала мне новую жизнь и надежду, ведь пока я живу, всё же есть шанс найти ответ. Не пролетай ты над тем лугом, я бы просто исчез, будто никогда не существовал. Но раз у меня появился второй шанс, я буду идти. Буду продолжать путь, пока не узнаю о себе или пока не найду новую цель.

Хенбетестир улыбался, говоря это, и Гленда тоже не сдержала улыбки. Она была очень рада столь положительному настрою странника, была рада упорству и нежеланию сдаваться. Если так продолжать, то одной из двух целей он точно достигнет. И какой бы она ни была, главное, чтобы в конце пути Хенбетестир стал счастлив.

Они поговорили, сидя в храме. В основном о своих путешествиях рассказывал Хенбетестир, потому что повидал гораздо больше и потому что его жизнь просто была разнообразнее. Гленда обычно не могла настолько открыто общаться с людьми, хотя какое-то время у неё даже была семья. Однако муж и дети уже давно умерли, а далёкие внуки не особо были к ней привязаны, так что Гленда смогла уйти, никого этим значительно не расстроив. Заводить новую семью Гленда не хотела даже просто потому, что не считала себя уместной в такой жизни. Да и нельзя же остальному миру только бабочек посылать.

Попрощавшись с Хенбетестиром, Гленда подумала о том, что в этот храм ещё вернётся. А вдруг их дороги снова пересекутся именно здесь? Судьба любила странные случайности, находя их, очевидно, забавными.

Когда Гленда пролетела над храмом вновь, он уже был в таком печальном состоянии, что в одном месте даже обрушилась крыша. Кружа в вышине, Гленда не могла заметить знакомую фигуру, но почувствовала ауру духа. Она начала спускаться ниже, тревожась, не начал ли Хенбетестир снова исчезать? Ощущения настойчиво подводили к дыре в крыше, пролетев над которой Гленда заметила отблеск в чаше, которую держала статуя.

Она спустилась и схватила птичьими лапами осколок, очень похожий на часть сферы Хенбетестира. И в тот же момент на Гленду упала сеть.

— Знак! Небо всё же ответило на наши молитвы! — крикнул человек.

Только сейчас Гленда заметила, что храм хотя и выглядел заброшенным, но не пустовал. В нём было много склонившихся в молитве священников.

— Мы правильно сделали, выбрав храм Священной Птицы! — поддакнул другой.

Гленду повалили на пол. Кольцо людей начало сжиматься. Гленда трепетала, пытаясь вырваться из сети, покуда имела возможность. Покуда рядом не было людей, которым она могла бы навредить сопротивлением. Однако сеть оказалась слишком прочной, на неё не действовали чары.

— Теперь Великой Охоте точно быть! Да будет охота!

— Да будет охота! — хором отозвались остальные.

Гленда не сразу поняла, что снова может видеть. Взгляд полностью застилала слёзы, а в мыслях был хаос после увиденного сна. Это она. Это её появление и неосторожность начали охоту на магов. Это она была виновата во всём.

Глава 53: С двенадцатью последний свет отсюда же уйдёт

Пустота. Внутри и вокруг. Почему в такой момент рядом не было даже Мастера? Тело сотрясалось от рыданий и нервного, истеричного смеха. В груди болело и жгло от тяжкого осознания. Жутко и смешно, как много бед принёс хранитель надежды, как много жизней одной малой неосторожностью сгубила та, что старалась всегда нести свет. Просто в голове не укладывалось, в полной мере не поддавалось пониманию.

— Ха... — Гленда бессильно выдохнула, закрыв руками лицо.

И ведь, получается, это она привела странника в мир. Как ни посмотри, она виновата, что стала возможной встреча Ингрид и Хенбетестира, что появились хранители и проклятье. А сколько было вещей, о причастности к которым она не знает? Как много смертных приговоров подписали её перьями? Для ребёнка все эти мысли были слишком большим потрясением.

Когда закончились слёзы, и голова, пусть даже болела, прояснилась, Гленда смогла встать. Удивительно легко, будто не было всей той слабости, будто она пролежала только одну ночь, но подойдя к окну Гленда заметила, что на улице всё было белым бело от снега. Она помнила начало осени, но уже наступила зима.

В замке было тепло, но внутри отчего-то похолодело. Как она упустила столько времени? Что успело произойти? Одиннадцать часов Гленда помнила, будто это было прошлым вечером.

Гленда растерянно осмотрела комнату и обнаружила, что возле кровати стояла зачарованная статуэтка. Однако Мастер не позволял даже находиться с той в одной комнате после того, как усилил блок на осколке после семи часов, а Гленда рассказала о неудавшейся затее. Боялся, что это может снять блок, ведь когда-то именно статуэтка спровоцировала появление воспоминаний.

— И всё же она здесь... — пробормотала Гленда, осторожно касаясь «механизма», что выглядывал из разбитого яйца. — Но почему?

Конечно, ответа не последовало. Гленда устало вздохнула и подошла к столу. Она чувствовала, что раз столь внезапно увидела такой странный сон, то времени у неё осталось немного. И пока то есть, она должна закончить своё дело: дописать историю тринадцатого поколения.

До сих пор висел вопрос: почему и как именно они должны были снять проклятье? Ведь оно было очень сложным, искажённым. Проклятье — магия ведьм, о них почти не было книг. И как те, кто жизни не видели и тонкостей магии не знали, могли найти ответ? Это невозможно. Недостаточно быть «избранным», отмеченным каким-то предсказанием, чтобы волею чуда решить проблему, с которой не справились многие другие, обладающие похожими изначальными данными.

Всё в этой истории было наперекосяк. Добрые поступки тоже могут быть ошибочными, а злодея нельзя определить, когда его нет. Нет чёрного и белого, потому что эти части пытаются смешаться. Нет справедливости, есть только ответственность за собственные поступки. Любые. Побуждения не важны, только результат.

Гленда закончила писать и снова подошла к окну. От стекла тянуло холодом, а Гленду тянуло в белое от покрывающих его, насколько мог охватить взгляд, облаках небо. В жизни

она всегда, даже если немного, побаивалась летать, но во сне от этого было так легко и приятно! Из-за того, как светло было на улице, на глазах снова выступили слёзы. Теперь уже они тихо скатывались по щекам, и Гленда пыталась убедить себя, что тут совсем не причём ком из страха и грусти.

С руки, что лежала на подоконнике, сорвалась золотая бабочка. Гленда думала, что создавала их по подобию тех, которых видела, но похоже, что это изначально её детища. Если прислушаться к себе, то можно понять, что у души всё ещё много сил, но тело слишком слабо, чтобы ими воспользоваться.

Бабочка залетела за спину, Гленда обернулась, желая узнать, на что среагировало золотое создание. Или на кого. Сзади стояла ведьма, но Гленда не знала, как на неё реагировать. Она догадывалась, что означает эта встреча с Ингрид, ведь больше хранителей не осталось. Что должен испытывать человек, стоя перед своим убийцей? Страх, панику, ненависть, если для неё найдётся место. Должен оцепенеть от ужаса или попытаться сбежать. Гленда слишком хорошо понимала, что во всём этом нет смысла.

— Ты наконец проснулась, малышка, — нарушила молчание Ингрид.

Она выглядела так, словно хотела подойти ближе, но не решалась. Это тоже не вписывалось в доступную для понимания картину мира. И поскольку всё уже было слишком странно и неправильно, первой подошла Гленда. Она обняла Ингрид, потому что в этот момент больше всего хотелось кого-то обнять, ощутить чужое тепло, чтобы прогнать это опустошающее одиночество.

— Сколько прошло времени? — спросила Гленда и зажмурилась, когда её бережно и ласково обняли в ответ.

Если не смотреть, то это ничем не отличалось от объятий Ирмелин. Такие же уютные, успокаивающие. А ведь Ингрид не перестала быть Ирмой, это всё была одна личность, которую знали под разными именами. Она, в отличие от Мастера, не становилась кем-то другим, теряя память и себя. Когда она была рядом как Ирмелин, не было ощущения, что доброе отношение, забота и желание со всеми поладить — фальшь. Только она часто выглядела чем-то опечаленной, но тогда казалось, что это связано с ролью жертвы, которая обязательно рано умрёт.

«Но о чём она думала на самом деле? Что чувствовала, когда мы говорили о ведьме? И как можно решиться сблизиться с теми, кого придётся убить?»

— Три месяца. Ты не приходила в себя три месяца. Казалось, что для тебя остановилось время.

— Но почему сейчас...

— Удалось подловить удачный момент, — вздохнула Ингрид с таким сожалением, что непонятно становилось, для кого момент был удачным. — Я три месяца не напоминала о себе, поэтому Мастер немного расслабился. Он ушёл в город за красками, лес охватила жуткая пурга, к тому же, я уговорила Доротеею задержать Мастера в городе. Дала тебе дотронуться до статуэтки, применив почти те же чары, что задействовала Хальдис. Конечно, не было никаких гарантий, что это сработает и что даже если блок ослабнет, именно в этот момент случится всплеск активности осколков, который сопровождается картинами прошлого.

— Откуда тебе это известно?

— У меня есть способ отследить активность осколков, потому что для меня это важно, а о снах рассказал Эгиль. Мне просто показалось, что в этот раз такое случается у всех

хранителей, но раньше я с подобным не сталкивалась.

«В этот раз...» — Гленда разжала объятия и подняла голову, чтобы посмотреть Ингрид в лицо.

— Какова твоя цель?

— Разве же это важно? — удивилась Ингрид. — Какой бы она ни была, для тебя это ничего не изменит.

— Для меня ничего не менялось, даже не будь я хранителем или будь способ избавиться от проклятья, я просто хочу понять хоть что-то. Хотя бы тебя. Пожалуйста, если у нас есть на это время, расскажи правду!

Ингрид отошла к кровати, села и потёрла виски, напряжённо морщась. Правду? Она сама до конца её не понимала, долгое время пыталась собрать воедино пазл. Из осколков сферы и из событий. Гленда, недолго поколебавшись, села рядом.

— Ладно, думаю, у нас есть время поговорить. По сугробам он в любом случае быстро сюда не дойдёт. Но насколько ты готова мне верить? Убийце, обманщице и врагу. Ты никак не сможешь проверить мои слова, а мне ничего не будет за то, что обману ребёнка.

— Я... Я готова полностью принять твою правду, — уверенно ответила Гленда после недолгого раздумья. — В конце концов, ты сама сказала, что для меня это ничего не изменит. Обманешь и обманешь. Моя совесть умрёт вместе со мной, — с улыбкой добавила она.

— На самом деле, я хочу того же, чего и вы: снять проклятье. Только вы всегда искали способ сделать это, сохранив жизни, а я знала, что такое невозможно. Ваши попытки создать замену сфере... Они были интересными, но большее, что они могли сделать и сделали — пробудить память. Это... Оказалось полезно, потому что из малоактивных осколков сферу не собрать. Я пыталась. Я уже не первый раз пыталась, но по тем или иным причинам не справлялась.

— Но если у нас одна цель, почему ты держалась в стороне и не говорила об этом?

— А что я могла сказать? — горько усмехнулась Ингрид. — Малышка, моё время для воссоздания сферы ограничено, я не могла дать вам спокойно пожить и забрать осколки только под конец. Да и замок не дал бы. Вы ведь сами узнали, что добыть осколок можно только убив хранителя. И то же это получалось? Я должна была подойти и сказать, мол, я вам не враг, потому что хочу снять проклятье, которое сама и наложила, но для этого я должна всех убить. До встречи, ждите в гости. Звучит абсурдно. Убийца не может не быть врагом. А для вас было бы совершенно естественно мне не верить, отрицать услышанное, всё равно сопротивляться и искать другой способ, которого нет. Я просто не хотела вас пугать ещё сильнее, но, кажется, даже с этим плохо справилась.

— Если это так, то откуда взялась мысль о тринадцатом поколении, которое должно справиться?

— О, это скорее недоразумение! — Ингрид попыталась улыбнуться, но получилось криво и кисло. — Это не было предсказанием, скорее напоминанием. Для меня. Ведьма может переродиться тринадцать раз, сохранив память, — напомнила она о том, что уже сообщала Хальдис. — Это предел. И мне просто нужно было помнить, что у меня есть только тринадцать попыток. Что я обязана справиться в тринадцатый раз, иначе всё. В следующий раз у меня уже не будет памяти, а значит, я точно ничего не смогу сделать. Даже не приду сюда. А как события будут развиваться без меня? Вряд ли лучше.

— Могла ли ты освободиться раньше?

— Да. Меня удерживает в замке только договор, который я могла бы разорвать ещё в первый раз, когда действия странника исказили проклятье. Могла бы. Но посмотрев на всех, кто пострадал из-за моего эгоизма, поняла, что мне же всё и исправлять. В конце концов, даже если бы я оставила подсказку, изложив в ней подробный план действий... Кто бы осмелился стать убийцей вместо меня? Мастер? Смотря на него сейчас, думаю, он бы смог... Но раньше он не был таким равнодушным. Он умел принимать смерть хранителей близко к сердцу и не смог бы убить сам. А ещё Мастера всё равно кто-то должен пробудить.

По мере объяснений Ингрид Гленде всё больше становилось жалко её. Конечно, отвечать за поступки — правильно, но ведь не Ингрид была виновата в том, каким стало проклятье. То, что сделала она, должно было разрешиться давным-давно, и её можно было понять, оставь она Мастера самому разбираться со своей расколовшейся сутью. Вместо этого Ингрид искала решение и пыталась его применить, даже если это заставляло быть злом в чужих глазах. В её голосе было столько смирения и сожаления, словно она считала себя единственной виноватой во всём, когда на самом деле ведьма была лишь звеном во всей цепи событий.

Гленда всхлипнула и крепко обняла Ингрид. Как жаль, что её силы тут не действовали, как жаль, что она не могла показать хоть немного света этой исстрадавшейся душе. Или могла? Если попробовать задействовать не силу хранителя, а ту, что досталась от волшебницы из прошлого. Сейчас, когда смерть сидела рядом, нет смысла себя беречь.

— Ингрид, спасибо тебе. Спасибо, что одна старалась ради нас всех. Спасибо, что не сдалась. Я верю, что в этот раз ты справишься и, переродившись, будешь по-настоящему свободна. И счастлива, — сквозь слёзы пожелала Гленда, пока их мягко окутывал свет.

Ингрид почувствовала, что тоже плачет. Снова. Для древней ведьмы она была слишком плаксивой, но сейчас это казалось слезами облегчения. Чувство, сродни тому, когда подходишь к родителям, совершив ужасную ошибку, но вместо наказания слышишь, что тебя всё равно любят и обязательно помогут. И с одной стороны становится тяжелее, что огорчил таких понимающих людей, но не можешь сдержать слёз, что кто-то в этом мире любит, верит в тебя вопреки всему.

Девочка в её руках всегда казалась слишком слабой, чтобы просто жить в этом мире. Слишком доброй, чтобы быть настоящей. Слишком понимающей.

Когда за спиной зашуршали костяные крылья, Гленда отстранилась. С улыбкой вытерла слёзы со щёк Ингрид. Наверное, уже пора. Нет смысла тянуть время, хотя на самом деле Гленда задавала вопросы не для того. Но была ещё одна вещь, которую очень хотелось узнать.

— Я могу спросить ещё кое-что? — с надеждой поинтересовалась она.

— Конечно, малышка, — кивнула Ингрид и на этот раз смогла улыбнуться.

— Ты знаешь что-нибудь о страннике? Не о той части, когда он уже был Хенбетестиром, а о том, что было раньше. Что он пытался найти.

— Немного. Я не знаю самой истории, потому что узнавала о прошлом при помощи гадания. Есть только одна колода, которая могла открыть столь смутное прошлое, но даже с её помощью не узнать всего, — покачала головой Ингрид. — В том забытом прошлом он, как и положено духу, нашёл хозяина, от чьих снов получал силы и чьё желание должен был исполнить. Хозяин умер раньше, чем дух исполнил свою часть договора. Дух отправился на поиски души хозяина. Её перерождения, конечно. Только обычно это почти невозможно. Вас так упорно сводило здесь только то, что ваши души были отмечены осколками, были частью

одного целого. К чему поиски привели ты уже знаешь.

— Значит, дух так и не нашёл хозяина. И не найдёт. У его пути не будет хорошего конца. — Гленда печально вздохнула, даже крылья опустились, выдавая удручённое состояние.

— Не сказала бы. Да, он не смог исполнить желание, но душу нашёл.

Хранительница удивлённо посмотрела на ведьму. Как же он это смог? Когда? В то время, когда ушёл в первом поколении? Или в один из тот периодов, когда ещё не начался новый круг?

— Камилла. Не знаю, по какой такой иронии судьбы. Хотя я и приводила в замок жертву, я не выбирала, кто ей будет. И это была та самая душа, которую искал странник. Наверное, будь у него сфера, он бы её узнал, но так вышло, что даже я о таком странном стечении обстоятельств узнала при помощи всё той же колоды.

— Она пожелала встретиться снова, — прошептала Гленда, вспоминая последние слова Камиллы. — Сможет ли он наконец исполнить желание, если вернёт сферу и всё поймёт?

— Этого я знать не могу. Я восстановлю сферу, но как это отразится на Мастере, как он поступит дальше... Я не знаю и никак не могу на это повлиять. Он мог потерять веру в цель...

— И смириться с тем, что просто исчезнет, — добавила Гленда, снова вспомнив разговор.

Повлиять на исчезновение она не могла, но вот попытаться вернуть веру — конечно. Если сейчас она вложит в колдовство все оставшиеся силы, то даже исполнит желание своего прошлого. Тогда её смерть принесла только смуту и хаос, сломала не одну судьбу, а сейчас появился шанс такой ценой подарить надежду.

— Ингрид, убей меня в тот момент, когда поймёшь, что это предел, — предупредила Гленда, вставая с кровати.

Она соскочила с кровати и осмотрелась, решая, где сосредоточить силу. На что Мастер точно обратит внимание по возвращении? В комнате не было ничего примечательного, особенно для кого-то столь равнодушного. Записи? Скорее всего, до них не будет дела. Посчитает, что не найдёт там ничего нового. Статуэтка! Та не справилась с задачей заменить сферу, но Мастера к ней всё равно тянуло. И в неё уже была вложена близкая ему магия.

Гленда с особой осторожностью обхватила яйцо обеими руками. Эта статуэтка с детства помимо любопытства вызывала одни вопросы. Почему яйцо разбито? Что значил выглядывающий из него механизм? Если замысел автора не в том, чтобы заставить других ломать головы, самостоятельно придумывая всему смысл, то лучше не надеяться правильно его постичь. Для Гленды это было просто милое сердцу напоминание о доме.

Костяные крылья расправились. Их объял свет, сформировавший золотое оперение. Такое яркое, что следящей за происходящим Ингрид пришлось прикрыть глаза рукой. Крылья дёрнулись несколько раз, и перья начали опадать, тут же превращаясь в золотых бабочек. Они садились на статуэтку и таяли, отдавая той свой свет. Отдавая все надежды на счастье для других, которые хранила Гленда. Она вспомнила о брате, об Освалле, который всегда был рядом, который пришёл в замок просто потому, что не мог отпустить сестру одну. Как они вместе гуляли, уходили на луг, где водились золотые бабочки. Как он читал ей сказки на ночь, как беспокоился и ночами не спал, когда она болела.

Гленда вспомнила Эрланна. Он так и остался загадкой. Кто-то, кто так недолго

просуществовал между жизнью в виде человека и жизнью в виде Мастера. Но вдруг именно он и был настоящим? Тем «я», которое желал вернуть дух? Ведь именно Эрланн так сильно привязался к жертве, что раз за разом не мог вынести её потерю. Именно Эрланн сопереживал хранителям и не жалел скудных сил, чтобы помочь, при этом боясь ограничить слишком сильно.

«Эрл, пожалуйста, возвращайся», — подумала Гленда и закрыла глаза, которые из зелёных стали золотыми.

Ингрид встала и тихо подошла к Гленде. Пора. Левую руку она положила под статуэтку, чтобы та не упала, правой провела по щеке. Большим пальцем стёрла след от высохших слёз. Так странно было видеть, что, придавшись воспоминаниям, Гленда улыбалась даже в такой момент.

— Прощай, малышка.

Кровь белой волшебницы оказалась такой же красной, как и у всех. Свет, наполнявший комнату, исчез, оставив о себе лишь слабое напоминание, излучаемое статуэткой. Ингрид поставила яйцо на стол и прижала к груди осколок. Последний.

Двенадцать ударов часов казались невозможно долгими. Звучали как приговор и как освобождение. Двенадцать часов... Наконец, стрелки сделали полный оборот. Значит ли это, что для душ настанет новый день? Настанет по-настоящему новая жизнь. Это только предстояло узнать.

Силы, которыми поделилась Гленда, правда вернули надежду. А то, как близок, как достижим был конец и собственное освобождение, заставило поспешить в часовую башню. Ещё одно прошлое, ещё один ритуал и всё закончится.

Ингрид почувствовала, что открылась входная дверь. Значит, Мастер уже вернулся и скоро узнает о том, что не стало последнего хранителя. Стоило потом сказать спасибо Доротее за то, что выиграла столько времени, которого хватило и на разговор, и на чары. Но сначала — дело. Нельзя выдыхать раньше времени, нельзя допустить, чтобы не только её усилия, но и все жертвы оказались напрасны.

Глава 54: Девочка, которая мечтала повзрослеть

Ингрид смотрела на последний осколок и не решалась опустить его в чашу. Просто не верилось в реальность происходящего, хотя кровь на руках не должна была оставлять места сомнениям. Двенадцать часов. Последняя часть предсказания, оставленного в часах, сбылась. Их бой уже стих, но всё ещё эхом отдавался в голове, дрожью — в теле.

Отчётливое осознание содеянного, тяжесть от убийства ребёнка не могли заглушить воодушевление — последний подарок, оставленный Глендой. Незаслуженный. Ингрид ведь догадывалась, что малышку должно было потрясти увиденное прошлое, но она так и не сказала, что в случившемся Гленда — лишь жертва. Если бы она не спустилась, охота бы всё равно началась, может только немного позже. По крайней мере, в этом можно было убедить хранительницу, чтобы её не терзала вина перед смертью. Вместо этого, как и всегда, утешение другим приносила Гленда.

«Какой же была твоя жизнь, малышка? — задалась вопросом Ингрид, погружая осколок в чашу. — Расскажи мне о себе и о своём потерянном брате».

То была в самом деле чудесная, дружная и любящая семья, что жила в тихом городке. Отец — столяр, мать — учитель. Непримечательная, обычная семья, но, может, это и есть самый верный путь к спокойной жизни?

К сожалению, мать Гленды не была способна дать жизнь здоровому ребёнку. Сын, которого она родила восемь лет назад, был мёртв, но внезапно задышал, потому что в него вселился дух. Гленда же родилась очень слабой, альбиносом и с сильным недостатком веса, было бы чудом, проживи она хотя бы до пяти. На самом деле, было бы чудом, проживи она даже год, однако некая сила упорно поддерживала в малышке жизнь.

Да, чудо — то слово, которое хорошо сочеталось с Глендой. И потому, что чудесной была она, и потому, что рядом с ней хотелось и — что самое важное! — получалось верить в лучшее. И, конечно, потому, что она доказывала невозможность возможного уже тем, что жила.

Освальд помогал следить за сестрой с самого начала, он не ревновал, что родители стали уделять очень много внимания новому ребёнку. Она ведь постоянно болела! Освальд и сам чувствовал необходимость заботиться об этом слабом, хрупком создании. Казалось, что у неё даже кости лёгкие — словно птичьи.

Сам Освальд был магом, но слабым, а потому очень похожим на человека. Разве что цвет кожи казался не совсем здоровым, а руки — холодными. В их городке к магам относились спокойно, так что Освальд часто развлекал других детей магическими фокусами. Чего-то большего он всё равно не умел, ведь был самоучкой без доступа к магическим книгам или более опытным магам. Он мог запускать светляки, заставляя какие-то предметы летать, временно менять их цвет. Мог менять характеристики еды, создавать невидимые хлопущки. В общем, всякие мелочи, что годились только для шалостей.

Раньше Освальд любил играть с ребятами, был очень активным и проказливым ребёнком. Ввязывался в драки развлечения ради, по деревьям лазал, часто возвращался домой с ссадинами и синяками. Родители только улыбались и вздыхали. Если ребёнок бодрый и неприятностей не ищет — всё в порядке, это лучше, чем прикованное к постели дитя. Однако с возрастом он всё больше внимания уделял Гленде.

Та не могла играть с другими детьми. Слишком быстро утомлялась, от чего угодно могла снова заболеть. Поэтому либо читала, либо играла сама с собой, сидя дома, либо смотрела со стороны на чужие игры. И оттого выглядела покинутой, очень одинокой. Разобравшись с уроками, Освальд приходил к сестре и рассказывал, что интересного произошло в школе, читал вслух книжки или присоединялся к игре. Гленда была очень рада его компании, но чувствовала себя неловко, что брат столько времени тратил на неё. Он ведь не должен ограничивать свои возможности из-за того, что были ограничены её!

— Тебе, наверное, хочется выйти к друзьям, — вздыхала Гленда, с тоской смотря в окно. — Сегодня ведь такая хорошая погода.

— Ты хочешь погулять? — догадался брат.

Да, она хотела. Выйти, походить по городку или за ним, а не только сидеть возле дома. Но Гленде тогда было пять лет, у неё и кровь носом могла внезапно пойти, и сознание она могла потерять. А весь прошлый месяц она и вовсе пролежала, потому что очень часто сильно поднималась температура. Чтобы родители могли отдохнуть, Освальд то и дело тоже не спал ночами, следя за сестрой. Никто не говорил Гленде, что по прогнозам она могла не дожить до следующей весны. Духу не хватало сказать подобное ребёнку, который так верил, что новый день обязательно наступит. Вновь и вновь появлялась надежда, что для Гленды наступит не только следующая весна, но и многие-многие, что следовали за ней.

Освальд правильно понял молчание, поэтому сказал сестре переодеваться. Он просто вынес Гленду на руках. Она всё также была очень лёгкой, куда легче, чем казалась, поэтому носить её совсем нетрудно. На улице Гленда становилась гораздо счастливее, поэтому Освальд старался чаще гулять с ней.

Иногда они ходили до самого луга. Освальд садился на траву, а Гленду сажал себе на колени, чтобы ей было удобнее наблюдать за золотыми бабочками, которые водились в этом месте. Они и от других людей не торопились улетать, а к Гленде и вовсе тянулись.

— Какие же они красивые, — широко улыбалась Гленда, смотря на множество мерцающих бабочек, севших на тонкие руки.

— А ты красиво с ними смотришься, — смеялся Освальд и осторожно гладил сестру по голове.

Жалко, что всё равно нельзя было находиться на улице долго в солнечные дни, которые Гленда особенно любила. Её кожа и глаза эту любовь совсем не разделяли.

Той зимой Гленде было особенно плохо. Она неделю провела в кровати, почти не приходя в сознание, металась и корчилась от боли, словно что-то пыталось вырваться из тела. Сила, которую не могло выдержать такое слабое создание. И вместе с тем болело сердце, каждым ударом будто сопротивляясь той силе, стараясь заглушить её. Об этой внутренней борьбе знал только Освальд — как маг он ощущал силу древней волшебницы, а как дух — пробуждение осколка. Но повлиять на происходящее никак не мог, только наблюдать, сохраняя надежду, что сестра справится.

В редкие осознанные моменты, открыв глаза, Гленда обязательно видела рядом родителей или брата. Несмотря ни на что, ей было радостно, что она не одна. Только почему же все выглядели так, словно она уже умерла?

Однако, вопреки прогнозам, Гленда выжила. Всё ещё оставаясь слабой и болезненной, она потихоньку крепла. Удивительно быстро для девочки, которая иногда даже ложку удержать не могла — через год Гленда уже была способна гулять и немного играть с другими детьми. На фоне этого прекрасного изменения почти никто не обратил внимания,

что глаза малышки постепенно становились ярко-зелёными.

Как-то раз Гленде довелось послушать разговор родителей после очередной встречи с врачом. Она притаилась за дверью, ведомая естественным для ребёнка любопытством.

— То, что она так быстро пошла на поправку, может быть только чудом, — слышался приглушённый голос отца.

— И всё же мы рано радуемся? — смиренно спросила мать.

— Ей лучше, чем раньше. Может, так она доживёт до десяти, но на большее сказали не надеяться.

— Но, может, есть надежда, что чудо случится ещё раз?..

Гленда тихонько отошла, чтобы не попасться. Для семилетнего ребёнка она слишком хорошо поняла смысл услышанного, но все мысли сводились к тому, что надо радоваться каждому прожитому дню. Коли это такое чудо. Коли каждый новый день, новый год — чудо. Так неплохо думать в старости, но грустно, когда о собственной смерти задумывается ребёнок.

Она вернулась к попытке шить платье для куклы. Хотя Гленда и могла теперь проводить время с другими детьми, пыталась завести первых друзей, за ней всегда пристально следили, чтобы не переутомилась. На долгие игры её не хватало. Зато Гленда поняла, что из спокойных занятий ей помимо чтения нравится шить и вышивать. Пока получалось не очень хорошо, обколотые пальцы, кривые стежки, но Гленда старалась. Ей очень хотелось самостоятельно украшать свою одежду.

Задумчивой и шьющей её обнаружил Освальд. Он подсел к сестре и сначала молча наблюдал за работой. Вместе с тем вспоминал о том, по какой ещё причине, кроме слабого здоровья, у Гленды почти не было друзей — доброта и чувствительность. Первая не позволяла ни на кого злиться или обижаться, поэтому Гленда не сторонилась явно неприятных людей. Вечно надеялась, что внутри все люди хорошие и что если дать достаточно времени, они покажут эту сторону.

Чувствительность же выражалась в том, что Гленда легко могла расплакаться, если была растрогана или расстроена. Да, она была той ещё плаксой, потому что не могла сдерживать чувств. И конечно находились те, кто считал забавным доводить малышку до слёз, а поскольку Гленда не умела отгонять от себя задир, к ней не осмеливались приблизиться дети, с которыми было бы проще найти общий язык. Словно образцовому старшему брату, Освальду приходилось объяснять, что сестру обижать нельзя, потому что уши за неё ой как надерут.

— Ос, как думаешь, я повзрослею? — спросила вдруг Гленда, не отрываясь от шитья.

— Все мы взрослеем, от этого не деться, — ответил он, не поняв сразу, к чему клонила сестра.

— Это если дожить. Я бы хотела стать взрослой, — вздохнула мечтательно. — Я понимаю, взрослым быть непросто. Даже у тебя хватает дел и ответственности, что уж говорить о родителях. Но всё же... Я бы хотела стать взрослой. Может даже старой. Хотя я и так словно седая, — хихикнула Гленда и перебросила за спину косичку. — Просто это значит, что я... Выжила? Дожила? Или это слишком смелая мечта?

Освальд промолчал. Как бы он ни надеялся, не желал для сестры лучшего, объективно такая естественная вещь, как взросление, была для Гленды несбыточной мечтой. Не только из-за слов врачей. Освальд чувствовал, что та сила, которая поддерживала в сестре жизнь, не приведёт ни к чему хорошему. Что это благословение являлось и приговором. А ещё ему

иногда казалось, что он уже дорожил человеком, чьё время было сильно ограничено.

Поскольку Гленде больше не требовался столь сильный надзор, она уже и сознание почти не теряла, и в силу возраста была самостоятельнее, Освальд с шестнадцати лет помогал отцу, постигая столярное дело. Работать с деревом пришлось ему по душе, поэтому в свободное время он вырезал для сестры милые фигурки.

В школу Гленда не ходила, училась дома. Благо, что мама и брат могли в этом очень хорошо подсобить. В первый год Гленда пыталась посещать занятия, но даже тогда ей порою бывало сложно высидеть целый учебный день. Кроме того, она снова начала часто болеть. Не так сильно, как в более ранние годы, но только возвращалась на учёбу, как в лучшем случае через неделю опять пропадала на две. В таком обучении просто не было смысла.

Поскольку малышка стала гораздо лучше переносить солнце и могла гулять дольше, Освальд чаще приводил сестру на луг. Гленда была так счастлива, когда смогла впервые пробежать босиком по траве! Правда, брат её быстро поймал и сказал не увлекаться, потому что гулять пешком Гленда могла, а вот бегать ей не стоило.

— Ос, ты слишком обо мне беспокоишься. — Гленда надула губки в притворной обиде, обхватив брата за шею.

Освальд уже заметно вырос, и Гленде нравилось смотреть на мир с высоты его роста, так что она не сопротивлялась, когда её брали на руки.

— Да, очень беспокоюсь, — слишком легко согласился Освальд. — Ты ведь моя сестра, и я хочу, чтобы ты хорошо себя чувствовала.

— Тогда не оставляй меня. Если ты рядом, со мной точно всё будет хорошо, — прошептала Гленда и протянула руку к подлетевшей бабочке.

Неожиданно точно такая же бабочка сорвалась с кончиков пальцев. Гленда ойкнула, вздрогнув, и точно свалилась бы, не держи её Освальд так крепко.

— Что случилось? — спросил он с беспокойством.

— Я... Я сделала бабочку... — неуверенно пробормотала Гленда. — Ос, опусти меня, пожалуйста.

Освальд осторожно поставил сестру на траву. Гленда посмотрела на свои руки, над которыми то и дело вспыхивали золотые искорки. Она в недоумении перевела взгляд на брата — он же маг, он должен знать, что происходит. Но Освальд тоже пребывал в растерянности, потому что не чувствовал, чтобы от Гленды исходила магия в привычном понимании. Что-то такое он улавливал только в ту ужасную неделю, когда казалось, что сестра больше не откроет глаза.

Тут была совсем другая энергия. Светлая, внешне очень похожая на магию. Будто родная и откликающаяся в сердце. Тем временем Гленда соединила ладони, сложив лодочкой, и зачарованно наблюдала за тем, как искорки складывались в новую бабочку.

Золотое создание легко вспорхнуло, облетело брата с сестрой и исчезло, сев на нос Осваллю. Он зажмурился и начал отмахиваться, чихая из-за рассыпавшихся искр. Гленда была восхищена тем, что смогла создать нечто настолько очаровательное, а Освальд решил, что даже если это какая-то особая и незнакомая магия, он обязан помочь сестре совладать с новыми способностями. Даже если они были совершенно безвредны, что случится, начини сестра бесконтрольно колдовать? Переутомится, сляжет, снова будет с тоской смотреть на улицу только через стекло.

Осваллю иногда казалось, что он в самом деле слишком волнуется о сестре — неправильно помнить только о слабых и беззащитных сторонах. А потом он обнаруживал,

как сестра снова плакала над книгой, и неважно, случилось ли там что-то плохое. Так было и в тот раз, когда в сборнике сказок Гленда нашла историю о ведьме и духе.

— Странная сказка, — пожал плечами Освальд, быстро пробежав глазами по страницам. Вроде, ему мать её в детстве читала, но и тогда сказка вызвала только недоумение.

— Г-гру-устная, — сквозь слёзы протянула Гленда. — Р-разве же так б-бывает, что совс-сем ничего хорошего... Н-не происходит?

Освальд подумал, что очень даже бывает. Можно сказать, Гленда знала мир только по книжкам, к тому же, ко всему относилась слишком оптимистично. Освальд же знал больше людей, иногда с отцом в другие города ездил, поэтому считал, что чем больше узнаёшь о жизни, тем легче в ней разочароваться. Наверное, утверждать, что *совсем* ничего — слишком категорично, но точно есть случаи, когда на фоне невзгод положительные стороны теряются. Просто не остаётся сил, чтобы их замечать.

— Ну... Просто конец и открытый, и печальный. Такое тоже бывает, — уклончиво ответил Освальд.

— Я не о том, — возразила Гленда, немного уняв слёзы. — С концами всегда непросто. Иногда кажется, что всё хорошо, но если задуматься — там просто о плохом не договорили. А бывает, что грустный, но понимаешь — так правильно, будь иначе — было бы хуже. Просто... Тут сама история такая... Безрадостная? И в начале никто счастлив не был, и потом всё обернулось против всех. Ха... — Гленда вздохнула и положила голову брату на колени. — Может, надо повзрослеть, чтобы понять?

Поджав губы, Освальд начал гладить сестру по голове. С того разговора она сама больше не возвращалась к теме взросления и, вместе с тем, не говорила о планах на жизнь. Дети ведь часто мечтают кем-то стать, когда вырастут. Необязательно становятся, зачастую раздцать успевают передумать, уменьшить амбиции. Гленда же, когда её спрашивали о мечтах, о том, кем она хочет быть, неизменно отвечала одно: взрослой. Те, кто знали об обстоятельствах малышки, только тихо бросали сочувствующие взгляды.

Тем не менее, чудо снова произошло. Гленде исполнилось и десять, и одиннадцать. Она об этом не рассказывала, но чувствовала себя странно. Словно жила, не имея на это права. Словно часы, отмеренные ей, истекли, однако она посмела этому противиться. Родители радовались, что дочь потихоньку становилась здоровее. Гленда тревожилась, потому что начала слышать зов.

Навязчивые мысли и сны, в которых мелькал замок, пугали, но Гленда не решалась рассказать о них даже брату, несмотря на очень доверительные отношения. Она думала, что тревога — плата за время, что она получала сверх срока, предупреждение, что не стоит воспринимать жизнь как должное и что в любой момент она может подойти к концу. Щедрость судьбы отнюдь не безгранична. Что же до замка... Гленда считала — это просто сильно отпечатавшиеся в сознании образы из прочитанных книг.

Гленда очень долго сопротивлялась зову. Не только потому, что сначала неправильно восприняла, но и потому, что знала — как бы сильно ни тянуло сорваться с места, отправиться в путь, она не справится с дорогой. Тут готовься, нет — неважно, для неё даже поездка в соседний город становилась серьёзным испытанием.

Но и терпеть становилось невыносимо. Гленда продержалась больше двух лет. Под конец она не могла нормально спать, и вместе с тем не различала, где реальность, а где навязанные зовом видения. Слишком часто смотрела в окно, могла не реагировать, когда к

ней обращались, иногда на прогулке пропадала в толпе, ускользала в неизвестном направлении. Родители видели в этом обычную растерянность, задумчивость. Освальд был не на шутку обеспокоен состоянием сестры, потому что ощущал, что та самая неопознанная магия становилась всё сильнее.

Он всё же заставил сестру рассказать, что происходит. Гленда не хотела, но была вынуждена выложить всё, что не давало покоя. Внимательно выслушав сестру, Освальд пришёл к выводу, что в деле замешана магия. Пусть он плохо разбирался в теории, даже на подсознательном уровне знал, что сам по себе вопрос не решится. Нельзя просто переждать, надеясь, что навязчивые мысли пропадут сами по себе. Надо посетить то место, к которому тянуло, и уже там думать, как быть дальше.

Гленде нечем было возразить на то, что Освальд решил отправиться с ней. Даже обрадовалась. Ведь если брат рядом, с ней всё будет хорошо. А с ним? В тот момент Гленда об этом не подумала, ей казалось, что раз видения приходит только к ней, Освальду точно ничего не грозит. Если бы она знала, как ошибалась... То всё равно ничего не смогла бы изменить, ведь хранитель духа тоже обязан попасть в замок.

Как только Гленда шагнула за ворота, шум в голове тут же затих, мысли стали чище и яснее. Вместе с тем, стоило встретить остальных хранителей, как в памяти всплыла сказка. Та самая — грустная и непонятная. Ещё не узнав от остальных, что происходит, Гленда всё подсознательно поняла.

Жизнь — не сказка. В данном случае Гленда очень хотела, чтобы главное отличие от сказки заключалось в том, что в жизни всё же нашлось место радости, поэтому к своей роли хранителя надежды она подошла очень ответственно. Да, ей было тяжело смириться с потерей брата, который был также и лучшим другом, и помощником, и защитником. Да, все находки указывали лишь на то, что нет способа снять проклятье. Да, Гленде было страшно среди такого количества незнакомых людей. Но если веру в лучшее потеряет она, чего ожидать от остальных?

Надежда на спасение была также хрупка, как и хранительница. И как известно, надежда умирает последней.

Глава 55: И вместе с тем история конец своё обретёт

Среди историй тех, кого судьба собрала в замке, неосвещённой осталась одна — история ведьмы. Что побудило её наложить проклятье? Оправданы ли её поступки? Заслуживала она прощения или порицания? Желая это понять, нужно обратиться к далёкому прошлому. К событиям, что начались до того, как тринадцать судебных оказались связаны заклатьем.

Ингрид родилась во времена охоты на ведьм. Она отличалась от великой охоты, когда Валлерал пытались очистить от магов. Тогда у церкви была внушительная поддержка среди людей и официальное разрешение от короля. Но к тому времени в памяти людей сильно сгладились ужасы, что сеяли обезумевшие маги — человеческий век короток, поколения сменяются быстро, и для каждого нового рассказы о тех временах всё сильнее превращались просто в истории. Жуткие или интересные, но не способные в полной мере настроить против магов, которые становились всё слабее по мере того, как бледнела луна. Поэтому от места к месту отношение к магам менялось, и если где-то люди легко соглашались поднять вилы и факелы, то в другом месте отмахивались, говоря, что есть проблемы поважнее.

Церковь не нашла поддержки у короля, но на её стороне были знатные, уважаемые семьи, чего хватало для определённой свободы действий. Церковь не могла просто истреблять ведьм, зато могла казнить тех, кто представлял опасность для людей. Надо только заставить в этом признаться, и приговор будет полностью законным. Или надо, чтобы опасность признало достаточно людей, если найдутся «доказательства», то дело сразу можно считать закрытым. Хотя отшлифовать всё признанием, несомненно, приятно.

Служители Неба рыскали по стране в поисках ведьм. Кто-то попадался, потому что был недостаточно осторожен, кого-то сдавали люди, но были и те, кто находили убежище в тихих, отдалённых местах. Главное, покинуть их до того, как церковь придёт с проверкой. Были те, кто уходил в Кольнем, но ведьмы чувствовали сильную связь с родными местами, а потому не решались их покинуть.

Оказывало влияние на ситуацию и то, что обычно люди не различали ведьм и женщин-магов. Церковь объясняла, что ведьмы сильнее (что чистая правда) и опаснее, но у страха глаза велики, и люди, что были настроены против ведьм, представляли их настоящими монстрами, пожирающими детей и украшающими себя костями, виноватыми во всех бедах. Ведь проклятье — это по части ведьм. Бывало, что церкви не рассказывали о ведьме, потому что принимали за обычного мага, бывало, что выдавали мага, потому что за любые необычные черты во внешности принимали за ведьму. Церкви, на самом деле, было неважно, какое магическое существо казнить, главное правильно записать. Иной раз охотникам сдавали просто тех женщин, которых недолюбливали. Иной раз охотники убивали тех, кто был близок с пойманной ведьмой, потому что о превышении полномочий никто не узнает.

Затянувшееся смутное время, когда не знаешь, кто предаст, когда придётся покинуть родные места, спасаясь от охотников. Покинуть одной, чтобы не подвергать опасности близких людей, с которыми, возможно, больше не доведётся встретиться.

Ингрид с везением всегда было не по пути. В том, что она ведьма, ни у кого не возникало сомнений: белая кожа, болотные волосы, жуткие глаза с красными зрачками, — слишком много странностей, чтобы перепутать с магом. Ведьмой была и мать Ингрид, и две старшие сестры. Они жили мирно, спокойно, никому не желая зла. Честно трудились, а

ведьмовство использовали для приготовления целебных зелий.

Только добро со временем начинают воспринимать как должное, а память о нём столь же коротка, сколь сильно желание найти виноватого. Одного неурожайного лета и одной вспышки болезни среди скота хватило, чтобы из мирных травниц ведьмы прекратились в злейших врагов. Те, кто не раз приходил за зельями, без колебаний сдали злодеек.

Охотники нагрянули быстро и внезапно. Убили отца, который не хотел пускать их в дом, убили мать, которая выигрывала для дочерей время, чтобы они могли сбежать. Увы, от чар может быть мало толку, если враг хорошо подготовлен, а становиться убийцей не хватает духу. Ведь какими бы ужасными ни описывали ведьм, они не могли бесстрастно, без колебаний лишать жизни других людей.

Спаслась только Ингрид. Ей ничего не оставалось, кроме как найти новое пристанище далеко-далеко от дома, ставшего могилой не только для тех, кого она любила, но и для веры в людей. Ингрид была тогда ещё очень молода, особенно для ведьмы, всего лишь шестнадцать лет, а потому не готова к тому, что люди, которым делаешь добро, так легко предают.

Пока Ингрид искала новое место для жизни, ей часто приходилось скрываться от церкви, наблюдать за тем, как ловили сестёр по магии, а потом прилюдно казнили. Костры, эшафоты, несправедливые приговоры, — всё это становилось новыми рубцами на памяти. Ингрид понимала, от такой участи спасало лишь то, что сегодня поймали не её, что пока мишенью для людского негодования стал кто-то другой. Другая. Охота на ведьм сильно повлияла на положение женщин в обществе, ведь так легко стало возвести на плаху ту, что была слишком смелой и свободолюбивой.

На новом месте она снова занималась травничеством, потому как именно это умела лучше всего. Только теперь с заметным равнодушием к людям и их несчастьям. Готовила то, что у неё просили, но душевных разговоров не заводила, не интересовалась делами, стремясь помочь больше требуемого. Такой расклад всех устраивал. Ингрид продавала зелья, настойки, припарки, а её не трогали. Особо ценные снадобья она обменивала на книги по магии — на это уже посматривали косо, но против нужды не попрёшь. Просто когда такие книги приобретали люди или маги, это смотрелось не так подозрительно, как если бы за ними пришла явная ведьма. Её могли даже схватить на месте, расценив такое приобретение как угрозу для общества.

Спокойная жизнь продлилась четыре года, а потом Ингрид привлекла внимание сына главы города. Вот уж неясно, чем привлекла его ведьма, однако он, возжелав взять Ингрид если не в жёны, то хотя бы в любовницы, начал очень упорно, навязчиво то ли ухаживать, то ли добиваться, то ли пугать слезкой и наглým нарушением личного пространства. Что сам парень, что его поведение Ингрид были не по душе, поэтому она на все попытки отвечала отказом. Вежливым, но холодным и однозначным.

Сын главы испробовал разные способы. Пытался задобрить подарками и бессмысленной лестью. Уверял, что с ним Ингрид точно не придётся бояться охотников, что он обязательно защитит, если беда постучится в дверь. Постепенно он становился настойчивее, пытался схватить, поцеловать, хотя Ингрид всегда стала держать дистанцию, чтобы даже юбкой мимолётом не задеть. В итоге дошло до угроз. Тот, кто клялся защитить, теперь обещал привести охотников, а потом лично поджечь костёр.

Ингрид думала, что у неё ещё есть время, чтобы собраться и сбежать. Ей совесть не позволяла уйти, не исполнив последние заказы. Не столько из сочувствия к людям, сколько

из чувства долга. Вопреки распространённому церковью мнению, у ведьм оно было очень сильно.

Среди ночи Ингрид проснулась от запаха дыма и жара огня. Её решили казнить даже без суда — так убедительно звучали обвинения ухажёра в привороте, при помощи которого злая ведьма хотела подобраться к главе и загрести в свои руки город. Абсурдное и нелогичное обвинение, но его оказалось достаточно. Дом Ингрид был окружён. У неё было два варианта: сгореть заживо или угодить в руки палачам. Ингрид не собиралась отдавать свою жизнь ни огню, ни людям. Она забралась на крышу, рискуя задохнуться в дыму, и впервые, вложив в единственную попытку все надежды на спасение, смогла превратиться в птицу. Если бы не ночь, её бы точно пристрелили, но Ингрид смогла добраться до ближайшего леса.

Не было желания давать людям третью попытку. Не было желания находиться среди них. Гораздо лучше было в лесу. Да, иногда от одиночества выть хотелось громче волков, но лучше так, чем очередное предательство. Ингрид нашла в лесу заброшенную, старую хижину, в которой и решила поселиться. К людям она выходила только при крайней необходимости, иногда посещала слёт ведьм. Последний случался только раз в сезон, чтобы меньше привлекать внимание. Там ведьмы обсуждали, где сейчас особенно активна церковь, кого из сестёр поймали, куда бежать. Иногда упоминали замок королевы-ведьмы Изольды. Считалось, что если туда попасть, то церковь точно не доберётся, но никто так и не смог прорваться через чары, найти это место.

Какую бы тихую жизнь ни вела Ингрид, среди людей живо распространялись слухи о болотной ведьме с пугающим взглядом, подкрепляемые дурной репутацией чёрного, туманного леса. Говорили, что она заплетала в косу человеческие жилы, носила ожерелье с птичьими черепами и насылала проклятье на каждого, кто слишком близко подходил. Но никто не знал, где именно жила болотная ведьма, да и среди охотников не находилось тех, кто рискнул бы войти в чёрный лес.

В ближайшей к лесу деревне проживал молодой и очень любопытный целитель. Он не верил в то, что говорили о болотной ведьме, он в целом, как маг, не мог согласиться с тем, какими люди представляли ведьм. Чтобы убедиться в своей правоте, он незаметно ускользнул в лес, где обнаружил совсем не жуткую девушку, которая практиковалась в колдовстве, разводила магические растения и общалась со зверьём, не имея иных собеседников. День за днём целитель возвращался к хижине и просто тихо наблюдал со стороны, убеждаясь, что нет ни жил, ни черепов, а во взгляде лишь привычное одиночество.

Однажды деревья вышвырнули целителя из укрытия. В полной растерянности он стоял перед ведьмой, которая просто хотела узнать, чем заслужила такое внимания. Магическая аура выдала присутствие целителя, так что Ингрид знала о нём с самого первого дня, но ничего не предпринимала, ожидая дальнейших действий. Однако за месяц ничего не изменилось. Целитель просто наблюдал, как ребёнок, которому было очень любопытно, чем занимались старшие, но не хотелось попасться.

Ингрид не чувствовала со стороны целителя опасности, на первый взгляд он был ей даже приятен, а ещё, если честно, она устала быть одна. Хотелось с кем-то поговорить, кому-то довериться. Поделиться радостью о том, что начало получаться новое заклинание, что очень привередливое растение прижилось в столь неподходящем ему лесу. Разделить грусть о том, что на новом слёте не досчитались ещё одной сестры по магии.

Целителя тянуло к Ингрид, Ингрид тянуло к целителю, словно здесь была замешана

иная сила. Нечто большее, чем желание пообщаться с заинтересовавшей личностью. Той силой было давнее проклятье, которое не оставляло выбора, из-за которого ведьма и целитель полюбили друг друга. Нельзя сказать, что та любовь держалась только на магии, но смогла так быстро разрастись именно благодаря ей.

Они решили поселиться по другую сторону леса, где не было слухов о болотной ведьме, где не смотрели косо на связавшегося с ней целителя, где люди не гибли на болотах, заплутав в магическом тумане. Свадьбу сыграть они не могли, обошлись клятвой, которой обменялись друг с другом при свидетельстве леса. Даже так, целитель всё равно раздобыл кольцо. Непримечательное, но ставшее для Ингрид невероятно ценным.

Девять лет Ингрид провела почти так же счастливо, как те далёкие годы, когда была жива её семья. Почти, потому что пережитое так просто не забывалось, а жить приходилось скрыто и осторожно. И всё же у Ингрид был любимый муж и трое детей, в которых она души не чаяла. Новая семья, которую очень хотелось уберечь от невзгод, не дать столкнуться с охотой. Пусть лучше ребятишки проведут детство в тишине леса, чем смотрят на казни, чем боятся быть пойманными. Чтобы оставаться в курсе о перемещениях охотников, Ингрид продолжала посещать слёты. И в этом была её ошибка.

Уже не узнать, кто и почему дал наводку охотникам. Просто в тот зимний день Ингрид ещё не вернулась со слёта, а ищейки церкви добрались до её семьи. Внезапно зародившаяся в душе тревога, отголосок посланного мужем сигнала, заставила Ингрид поспешить домой. Не было шанса успеть, как бы она ни торопилась.

Множество следов и окрашенный кровью снег не оставили сомнений о том, что случилось. Чуть в отдалении лежал труп сына, на пороге — мужа. Столь избитого, изрезанного, что лица не узнать, живого места не найти на теле. В голове не осталось мыслей, только паника, ужас и ненависть к людям. Ингрид забежала в дом и нашла новорожденную дочь. Даже она была ранена, но ещё дышала. И тут дверь захлопнулись. Охотники не ушли, просто затаились, ожидая, когда забывшая от шока об осторожности ведьма угодит в ловушку.

Ингрид не помнила, как вырвалась, как отбилась. Она бежала сама не ведая куда, желая лишь одного — спастись и спасти ребёнка. Последнее, что осталось от семьи. Лес среагировал на желание, сопровождавшееся сильным магическим выбросом, и привёл Ингрид к замку. Но когда она ворвалась внутрь, от бессилия упав на колени, оказалось, что дочь уже мертва.

Смотря на бездыханную малютку, Ингрид чувствовала, как её поглощают отчаяние и гнев. Она попросила у замка защиты, скрепив договор своим левым глазом. Она начала вынашивать план мести, желая отомстить охотникам за то, что они сделали с другими ведьмами и её семьёй. Если Небо так слепо к тому, что творят его служители, Ингрид готова покарать вместо него. Злая болотная ведьма? Хорошо! Пожалуйста! Вы получите то, о чём так много говорили. Вы получите ведьму, которая будет соответствовать жуткому образу, которая наплетёт те беды, за которые убили невиновных.

В замке было в избытке книг о магии, поэтому Ингрид потратила много времени расширяя свои познания, оттачивая мастерство. Между тем, чем больше она узнавала, тем лучше понимала, что её сил не хватит, чтобы осуществить задуманное. Ингрид узнала о духах, которые могли исполнять желания, и о том, что один такой как раз бродит по миру. Догадываясь, что по своей воле странник в лес не придёт, Ингрид подговорила зверьё украсть то, что являлось для духа самым ценным. Конечно, этим предметом оказалась сфера.

Хенбетестиру пришлось явиться в замок, но он не мог согласиться исполнить желание Ингрид в обмен на сферу. На самом деле не только потому, что считал это желание слишком жестоким — какие бы зверства ни творили охотники, он бы не решился их убить. Просто к тому моменту Хенбетестир и сам не знал, как использовать ту силу.

В момент отказа вспышка гнева вытеснила из головы всё здравомыслие. Секундный порыв, момент слабости, заставивший наложить проклятье. Ингрид просто хотела, чтобы дух, пережив потерю самого ценного, хоть немного понял её и при новой встрече согласился помочь. Однако верно в своё время подумала Гленда — сфера не потерпела магического вмешательства и убила Ингрид. Но поскольку ведьма была под защитой замка, тот, заточив в подвале мёртвое тело, привязал к себе половину души, тем самым дав шанс точно сохранить память, когда вторая половина переродится.

Перерождения — сложный и непредсказуемый процесс, но свободная от замка часть души Ингрид оказалась связана проклятьем со сферой, а потому переродилась в то же время, что и дух, и хранители. И жертва. Тогда Ингрид ещё не знала об этом, но в кару за содеянное ей было предрешено помочь духу с его желанием — свести с душой, которую он всё это время пытался найти. Так завертелось веретено перерождений.

В первом поколении не было зова, хранителей привело в замок проклятье, а Ингрид привела духа и жертву, с которыми была близка. В новом теле было мало магии, даже с помощью духа не хватило бы сил исполнить задуманное. Поэтому Ингрид спустилась в подвал, нашла то, что осталось от тела, и сняла с него кольцо. Так появился артефакт, что забирал жизненные силы жертвы. Тогда ещё память о прошлом, о цели слишком сильно подогревала гнев, поэтому Ингрид не колебалась. Она не знала, что, лишившись кольца, жертва сразу умрёт. Думала, просто ослабнет. Но смерть всё равно восприняла спокойно, в отличие от пробуждения духа. Это в планы не входила.

Изначально всё должно было сложиться иначе. В момент смерти оболочки, дух должен был стать собой, а сфера — восстановиться. Дух вернулся раньше времени, его сущность оставалась расколотой, а стремление отправиться на поиски того, о чём он сам не знал, оказалось всех предостережений, которая Ингрид посылала через хранителей. Дух странствовал долго, в том числе и между мирами, что исказило чары. Ведь чем они сильнее, тем непредсказуемее и опаснее вмешательство иной магии.

Умерли хранители, умер дух. Ингрид могла только смириться с тем, что всё пошло не так. Она решила дождаться следующего перерождения и посмотреть, что именно случилось с проклятьем. Только вот сил, полученных от жертвы, осталось совсем немного, поэтому Ингрид отдала замку и это тело, отпустив половину души в новую жизнь.

Во втором поколении Ингрид ещё тешила надежду повернуть всё так, как было задумано, но теперь силы проклятья не хватало, чтобы собрать в замке всех действующих лиц. Апатия оказалась слишком сильной, поэтому хранитель мёртвого осколка не дошёл. Из-за этого вымер целый город. Ингрид поняла, что и в этот раз ничего не получится, поэтому придумала зов, чтобы на третьем круге все хранители точно дошли до замка. Правда поддерживать зов она должна была своими силами, чем впоследствии губила близких. В этот раз дух не уходил, хотя это ничего бы не изменило. Тем не менее, он был вынужден пережить хранителей. Со временем их всех убил замок, Ингрид была ни при чём, но кого ещё делать виноватым, если хозяйка места — она? Ингрид тоже понимала свою причастность, ведь это её проклятье собрало всех в замке.

Переродившись в третий раз, Ингрид поняла, что уже не хочет мести. Церковь, конечно,

всё ещё мешала жить магам, ведьмам, но охотников почти не осталось. Не хотелось мстить, не хотелось снова убивать близкого человека, чтобы получить силы. Собраться в замке всё равно пришлось. Ингрид была бы рада не приводить жертву, та увязалась сама, не слушая возражений. Была надежда, что обойдётся, что жертва просто проведёт время в странной компании, не более. Была. Ингрид видела, что осколки захватывали хранителей. Чтобы не случилось новой трагедии, требовалось снова убить жертву и пробудить духа. Это убийство далось куда тяжелее прошлых.

Поняв, что не хочет проворачивать такое раз за разом, осознавая, что даже с помощью замка она не сможет сохранять память дольше тринадцати перерождений, Ингрид решила, что должна снять проклятье. Но как? Всё указывало на то, что чары изменились слишком сильно, чтобы сработало старое условие их снятия. И если к искажению магии причастны другие миры, велика вероятность, что ответ придётся искать там. Ингрид путешествовать между мирами не умела, поэтому пришлось искать способ этому научиться.

В процессе поисков она узнала об особой колоде карт, которая позволяла создавать мосты между мирами. Только времени раздобыть колоду не осталось. Мастер этого поколения оказался слаб и умер раньше хранителей. Чтобы усмирить осколки, Ингрид пришлось добить тех, до кого ещё не добрался замок.

В четвёртом поколении Ингрид хотела как можно скорее начать поиски, но для этого нужно было убить жертву. Без убийства в любом случае не обойтись, ведь хранителям нужен Мастер. Вот только хранитель правды раскрыл её, пока она ещё пребывала в роли второй жертвы. Защищаясь, Ингрид убила нескольких хранителей и в спешке покинула замок. Она смогла найти колоду, но это заняло так много времени, что пришлось «уснуть» сразу после возвращения в замок.

На пятом круге Ингрид поняла, что ей не хватит сил жертвы, чтобы обойти посещённые Мастером миры, каждый из которых мог повлиять на структуру проклятья. Поэтому пришлось погубить часть хранителей, вытянув силы из них. Куда отправиться Ингрид определяла при помощи гадания на той самой колоде. Тогда же ей удалось приоткрыть завесу тайны над тем прошлым духа, которое он сам забыл. Любопытства ради Ингрид решила узнать, какую душу пытался найти дух. Оказалось, что это была жертва.

Собрать все необходимые сведения удалось только во время шестого поколения. Ингрид узнала, что единственный способ собрать сферу — достать осколки до того, как хранители умрут, потому что после этого они исчезали, отправляясь на новый круг перерождения. Такое можно проверить только если самолично вырвать осколок из сердца. И будто ей было мало ужаса от осознания грядущих убийств! Оказалось, что если не собрать все осколки в течение десяти лет, уже добытые всё равно исчезнут.

Оставалось только смириться и сделать всё, чтобы исправить последствия непростительного решения, принятого в приступе гнева. Во время седьмого поколения Ингрид начала претворять план в жизнь. Она хотела дать хранителям как можно больше времени, но замок не терпел живых и чем дольше в нём жили, тем опаснее становится, а у Ингрид не было ни сил, ни знаний, чтобы это исправить. Первого хранителя она убила, когда в последний момент вырвала из ловушки замка. Теперь нельзя было тянуть время, но всё рухнуло в момент, когда хранитель детскости совершил самоубийство, не выдержав смертей товарищей. Осколок был упущен, на этот раз тоже ничего не удалось исправить.

Восьмой круг. Игнорируя предупреждения, жертва сняла кольцо и умерла раньше времени. Тех сил, что накопил артефакт, не хватило, чтобы завершить дело, а брать силы от

хранителей Ингрид больше не могла. Она уснула, не успев собрать три осколка.

В девятом поколении замок, что защищал Ингрид и позволял ей точно не потерять память, сам же и нарушил планы. Мастер ещё умел сочувствовать хранителям, поэтому старался не подавлять осколки слишком сильно. Из-за этого хранитель лжи заблудился в собственных иллюзиях и умер в ловушке, а Ингрид не успела ничего предпринять, потому что была истощена после ритуала с другими осколками. И снова любые старания стали бесполезными. В том же поколении, гадая, Боргхилль составила предсказание, которое было выжжено на дощечке. Ингрид ещё не имела представления, как применить полученные знания, поэтому сделала так, чтобы предсказание напомнило о себе тогда, когда наступит время для его осуществления.

Во время десятого поколения Мастер слишком сильно подавил осколки. Ингрид почуяла неладное ещё в тот момент, когда часы, что вели губительный счёт, не засчитали убийство. Ингрид собрала все осколки, но стрелки не сделали полный оборот. При попытке воссоздать сферу оказалось, что нынешние осколки для этого не годятся.

Одиннадцатое поколение. Отчаявшись, хранительница сострадания сбежала в лес. Она игнорировала тот зов, что через сутки возвращал хранителей в замок. Её частично захватил осколок, усилив трусость, заглушив остатки здравомыслия. Хранительница пыталась сбежать от волков, а в итоге утонула в озере, когда из-за ледяной воды тело перестало слушаться.

В двенадцатом поколении Ингрид влюбилась в хранителя страха, а перерождавшаяся половина души выросла слишком мягкосердечной. Ингрид никак не решалась убить возлюбленного, из-за чего прошли отмеренные десять лет. Она упустила собранные осколки и поняла, что следующий шанс станет последним.

И вот она переродилась как Ирмелин. В три года она потеряла левый глаз, поняв в тот момент, что ребёнок, которого теперь носит мать, станет новой жертвой. Чтобы на дочь не косились, родители отвели Ирму к ведьме, которая создала муляж глаза, со стороны неотличимый от настоящего. Он мог двигаться, мог покраснеть от слёз, реагировал на свет, но всё же не видел, так что слева у Ирмелин всегда была слепая зона, о которой, конечно, знала Камилла и которая стала для неё подсказкой. Даже зная, что приготовило будущее, Ирмелин очень хотела стать хорошей старшей сестрой. Хотела забыть на время, что она ведьма, убийца и просто насладиться семейной жизнью, о которой очень давно мечтала. Ведь память больше не сохранится, она больше не будет Ингрид и не поймёт в полной мере, как ценны эти моменты спокойствия и любви.

Она убила родителей из-за зова. Она убила сестру, чтобы пробудить Мастера. Убила всех тех, к кому правда привязалась за то короткое время, что они провели вместе. Ингрид знала, что даже снятое проклятье не дарует ей прощения, что убийство всегда остаётся убийством, какие бы за ним не стояли мотивы. Знала, что не должна была поддаваться гневу и даже продумывать план той мести, которая могла погубить множество людей. Не должна была вымещать злобу на том, кто не дал это осуществить, накладывая столь ужасное проклятье.

Изменить прошлое нельзя, можно только отвечать за содеянное. Можно узнать, что второй шанс — не всегда благо, что загаданное желание тоже может стать своего рода проклятьем, что иногда лишь чудо, удача, если жизнь даётся один раз, и что порою врагов мы создаём себе сами.

Ингрид расположила на диске все десять осколков, которые в этот момент как никогда

ярко сияли и переливались. Части души тянулись друг к другу, оставалось им только помочь. Ингрид сложила из осколков сферу и направила в неё силу, стирая трещины, забирая последние следы той магии, которая разрушила судьбы и вместе с тем исполнила желания, у которых не было шанса притвориться в жизнь.

— И что теперь?

Ингрид обернулась. Конечно, рядом стояла не сама Камилла, а созданное замком воспоминание, но на душе всё равно стало ярче оттого, что сестра была рядом в этот невероятно важный, волнительный момент.

— Я верну Мастеру сферу и, пожалуй, просто уйду, — с улыбкой пожала плечами Ингрид. — Сниму с замка часть чар, а остальное оставлю на Мастера. Пусть теперь он решает, как быть с этим местом, а я просто хочу наконец разорвать договор и покинуть его. Может, ещё вернусь сюда, но не скоро. Посмотрю, что и как. И... Наконец смогу всё забыть.

Пусть даже это только воспоминание, Ингрид обняла Камиллу перед тем, как покинуть башню. Не попадаясь Мастеру на глаза, она поставила сферу рядом со статуэткой, которой отдала свои силы Гленда. Поставила точку в истории жертв.

Изначально их было двенадцать. Тринадцатой стала сама ведьма.

Эпилог: Как всё было на самом деле

Когда-то давно жил на свете дух. Так же, как и подобные ему, не имел он ничего: ни дома, ни семьи, ни имени. У него был лишь некий облик и светящаяся сфера из прозрачного камня, в которой заключалась его сущность, его душа, его память. Как и подобные ему, он появился в сером мире и был таким же бесцветным, пустым, как и всё вокруг.

Однажды к нему явились крошечные создания и предложили покинуть серый мир, обменяв безжизненный покой на живую неизвестность. Желая сбежать от этой серости, он принял предложение. Так он стал Духом Сна, тем, кто путешествовал по мирам и получал силы от чужих снов. Он всё также оставался никем, его образ менялся, подстраиваясь под мир, но всё это было эфемерным, ненастоящим.

Стоило духу покинуть мир, как о нём забывали, его словно никогда там и не было. Но дух был рад и этому, ему очень нравилось узнавать о мирах, так непохожих на его родной, и об их обитателях, ведь в сером мире никто ни с кем не встречался. Словно в тот мир забыли вложить не только краски, но и смысл.

И всё же было у духа одно желание. Он хотел найти хозяина — того, от чьих снов он будет постоянно получать силы. Взамен он сможет исполнить одно желание, любое, на какое хватит накопленных сил, а после стать частью того мира, остаться там, если захочет.

Сны и желания — то, что сильно осложняло поиски, ведь если хозяин часто видел кошмары, это медленно губило духа, а желание можно было доверить только тому, кто не использует его во зло.

Долго странствовал дух, пока в одном из миров не почувствовал источник ярких и светлых снов. Ему казалось, что такие сны не могли принадлежать плохому человеку, поэтому дух понадеялся, что вот он — хозяин. И какими же противоречивыми были его чувства, когда он нашёл милую девушку с очень серыми глазами. И волосы у неё были чёрные, и сама она была невзрачной, потому что старалась не привлекать внимание.

Таких людей называли серыми, даже если они и не носили этот цвет вовсе. Так странно стало, он согласился на странствия, чтобы сбежать от серости, но его надежда оказалась серой. Дух всё же решил узнать девушку поближе, он уже понял, что её сны — прекрасный источник сил, осталось только понять, какова она сама, сможет ли правильно распорядиться желанием.

Девушка легко приняла незнакомца. Кажется, она ещё не очень хорошо знала мир, жизнь, ведь так просто доверилась кому-то, кто неожиданно появился в её жизни и предложил стать друзьями. Когда девушка спросила об имени, дух растерялся, ведь не имел его, а начинать союз со лжи, назвавшись кем-то другим, он очень не хотел.

«Что же, — сказала она, немного подумав, — раз ты чужеземец, то я могу звать тебя Эрланн? Знаешь, у всех имён есть значение. Я считаю, что это очень важно. Даже если кажется, что имя было дано человеку просто так, в этом всё равно есть смысл. Это имя тебе подходит».

Духу было всё равно, как к нему обращались, в разных мирах его называли по-разному, но всё это было лишь частью образа. Оставляя мир, он оставлял там и имя. Поэтому в тот момент дух почувствовал себя счастливым просто из-за того, что теперь у него было его имя. То, которое он сможет носить всегда, если исполнит желание этой девушки.

Оказалось, что из-за слабого здоровья девушка в самом деле очень мало видела мир,

ведь почти всё время проводила дома. Она была младшей дочерью одного важного человека, но даже благодаря своим связям он не мог найти лекаря, который бы помог исцелить дочь. Её возили в разные места, на ней испытывали разную магию, испробовали множество дорогих лекарств, амулетов, но всё было тщетно. Когда она чудом дотянула до совершеннолетия, жизнь в ней начала медленно угасать.

Духу, Эрланну, стало очень жалко девушку, когда он узнал об этом. Пусть даже мир вокруг неё был полон красок, пускай у неё была любящая семья, жизнь её не так уж сильно отличалась от той, которая была у него в сером мире.

В ней не было смысла, это было простое ожидание скорой смерти, тщетно наполняемое впечатлениями. Чтобы как-то скрасить её однообразные дни, Эрланн рассказывал хозяйке о своих странствиях. В эти моменты он в коем-то веке очень был рад тому, кем являлся, ведь как дух смог повидать гораздо больше, чем доступно даже многим магам. Он видел такие вещи, которые она не могла прочесть даже в книгах. Рассказывал о людях и других созданиях, о чудесах, о красотах затерянных мест.

Она очень любила его слушать, хотя взамен могла рассказать только о своих снах и том, что узнала из книг. Или предлагала заняться чем-то простым, совсем человеческим, например, рисованием, оригами, игрой в прятки, в шахматы...

Постоянно находясь дома, она всё время искала, чем же заняться, чтобы дни не проходили совсем впустую. Однажды она увлеклась созданием кукол и в это дело также втянула Эрланна. Ему занятие очень пришлось по душе, так что иногда он мастерил что-то втайне, желая порадовать хозяйку подарком.

В какой-то момент Эрланн осознал, что его чувства не ограничивались дружбой, он начал влюбляться в хозяйку. Даже серость её глаз больше не отпугивала напоминаниями о родном мире, ведь он видел в них живой блеск, яркость, которую всё равно не передали бы никакие краски.

Он любил всю её, он любил то, что она интересовалась не образом, который как обычно создал этот мир, а им самим. Пусть даже в нём ничего не было, кроме сферы, памяти... И имени.

Да, теперь ведь у него было имя, а из памяти, которую хранила сфера, сложились его история, личность. Общась с хозяйкой, дух понял, что теперь он в самом деле был кем-то. Эрланном. Он хотел подарить ей желание, а она уже подарила ему его. И вряд ли дух мог обрести в странствиях что-то более ценное.

И всё же, какими бы яркими ни были сны хозяйки, какой бы беззаботной ни была её жизнь, всё подходило к концу. Эрланн молил высшие силы о том, чтобы успеть накопить достаточно сил для исполнения желания, но подсознательно давно понимал, что для такого нужно несколько лет.

Которых у него не было. Хозяйка слабела, и никто не мог ей помочь. Эрланн знал: всё, чего она хотела — стать здоровой, но пока накопленных им сил хватило бы лишь на то, чтобы подарить ещё пару лет, а возможности загадать второе желание не будет, как бы он ни хотел дать ей это.

Хозяйка умерла. Эрланн не успел ничего сделать. Он чувствовал себя потерянным и как никогда одиноким, а ведь в сером мире в его жизни только и было, что одиночество. Тогда он не знал другого, тогда он ощущал это как что-то нормальное, а теперь ему казалось, что вместе с хозяйкой умер и он.

Однако своей верой в лучшее, тем, что она до последнего не признавала скорой смерти,

хозяйка научила его надежде. Эрланн знал, что души людей перерождаются, поэтому надеялся, что снова встретит её, пусть даже у неё будет новая жизнь, и уж тогда сможет исполнить желание.

Никто не знал, где и когда снова переродится душа, с небольшим шансом, но это могло случиться даже в другом мире, поэтому дух снова начал странствовать. Но теперь он не мог полноценно подпитываться от чужих снов, а делать хозяином кого-то другого не хотел.

По мере странствий Эрланн всё больше слабел. Он терял облик, а его память запечатывалась всё глубже, пока он не стал просто духом, бесформенной серой сущностью, которая без цели перемещалась по мирам, ища если только свою кончину. В таком виде он и встретил одну очень добрую и сильную волшебницу. Она поделилась с ним частью своих сил, чтобы дух смог снова обрести форму. Своим действием она отчасти уподобила его магам, чтобы он мог получать силы не только из снов.

«Хенбетестир, — сказала она со вздохом, — увы, но это всё, что я могу для тебя сделать. Я не могу пробудить твою память, но, может, путешествуя по миру ты сможешь сам вспомнить свою цель. Или найти новую. Пока ты жив, всё возможно. Поэтому живи и однажды ты найдёшь своё счастье».

Дух прислушался к волшебнице. Теперь он был Хенбетестиром, странником, который искал цель, который снова искал себя. Отчасти он снова хотел найти хозяина, это ведь естественное желание для духа, но теперь он был не так зависим от чужих снов, и никто ему не приходило по душе достаточно, чтобы предложить связь, желание. В итоге Хенбетестир просто собирал чужие истории, пытаясь вспомнить свою, ведь чувствовал, что она была.

И может быть, он бы смог, может, его путь подошёл бы к концу, он бы исполнил своё желание, но дорога привела его к ведьме. Дух вновь потерял себя, но даже расколовшаяся душа, не достигнув цели, не могла найти покоя и снова желала странствий. Только на этот раз он не должен был уходить.

С незапамятных времён жила на свете волшебница. Она была очень сильная и очень-очень добрая. Её звали Гленда. Она умела обращаться в птицу и путешествовала по миру, даря всем свет, красоту и надежду, она не могла причинять другим вред, даже ради самозащиты. Её символом считались золотые бабочки, а саму птицу называли божьим благословением, ведь там, где появлялась птица, обязательно случалось много всего хорошего. Гленда очень любила этот мир и просто хотела осчастливить как можно больше душ.

От западного побережья и до восточного хребта, от проклятой пустоши и до северного моря простиралось королевство Валлерал, которым правил род Шефре. Они граничили с королевством ведьм — Кольнем, под управлением рода Халльгер.

В Валлерале издавна тянулась сильная вражда между церковью и магами, тогда как в Кольнеме почти каждый житель владел магией. Отношения между королевствами были напряжёнными до того времени, как кронпринц Мейлир Шефре познакомился с принцессой Изольдой Халльгер и был очарован этой дерзкой ведьмой. Мейлир не разделял мнение церкви, что магия — это воплощение зла, и намеревался, взойдя на престол, улучшить положение магов в обществе. Чтобы укрепить отношения между королевствами, а также для ясной демонстрации своей позиции, Мейлир женился на Изольде. Впоследствии, у них родились два сына.

У Мейлира была старшая сестра — Фрейя, она не претендовала на престол и не хотела

того, вместо этого она посвятила себя военному делу и впоследствии стала главнокомандующим. Её брат всегда слишком любил мир и красоту, тогда как её тянуло к полям сражений. Они были совершенно разные, но всё равно дорожили друг другом и понимали: каждый занят тем, что ему больше всего подходит.

Фрейя с насторожённой восприняла решение брата жениться на ведьме, но смирилась и приняла его выбор. Сама же Фрейя вышла замуж за представителя знатного рода Гвалгвен, все мужчины которого посвящали жизнь войне, а женщины — целительству. У мужа была младшая сестра Элеонора, с чьей помощью они и познакомились — Элеонора спасла Фрейю, когда та была тяжело ранена.

Ситуация в Валлерале накалилась, когда со стороны пустоши пришли древние маги, сошедшие с ума и потерявшие всё человеческое. И пока воины и союзные маги защищали людей, церковь увидела в этом шанс убедить всех в том, что от магии только беды, горе и это в целом источник зла, но пока их усилия были тщетны. Король был непреклонен, а высшие силы посылать знак отказывались, так что церковь могла только в попытках переубедить людей. Однако, чем дальше земли были от пустоши, тем меньше люди прислушивались.

Деревни, что располагались близ пустоши, очень сильно пострадали, многие были стёрты с лица земли. Было очень много раненых и осиротевших детей, за которыми следило несколько целителей от Гвалгвен.

Элеонора стала ответственной за детей, у которых после пережитого определённо остались травмы даже на душах. Она пыталась сделать для детей всё, что было в её силах. Среди сирот оказался Эгиль, на глазах у которого погибли все близкие. Уже тогда в его душе зародилась непримиримая ненависть к магам.

Одной ночью на лечебницу напали. Погибли многие, но, ценой своей жизни, Элеонора смогла спасти часть детей и передать их подошедшему на помощь отряду. Её смерть видел Эгиль, и это укоренило его ненависть, он принял решение присоединиться к церкви и стать палачом.

Вести о гибели Элеоноры, конечно, дошли до Фрейи и её мужа. С того момента род Гвалгвен был радикально настроен против любых волшебников, а Фрейя пообещала отомстить за Элеонору, которую не смогла защитить.

В когда-то заброшенном храме Священной Птицы велась служба. Служители веры надеялись получить от Неба знак. Тогда же над теми местами пролетала Гленда. Её привлёк знакомый магический фон и, спустившись, она увидела камень в чаше статуи. Гленда решила забрать его, но её заметили священники...

Птица — что может быть более явным знаком? Они решили, что бог одобрил начало Великой охоты! Гленда пыталась улететь, но птицу поймали. Её убили и растерзали на части, потому что Гленда не могла навредить людям, не могла спастись. И даже умирая, Гленда хотела, чтобы её смерть могла принести кому-то свет.

У служителей развязались руки, церковь, предъявив доказательства явления Птицы, получила поддержку людей. Король ничего не мог поделать с началом охоты на всех, кто владел магией, иначе он рисковал не только своим положением, но и своей семьёй, ведь его дети были также и детьми ведьмы. Мейлир отправил Изольду в замок в лесу, потому что это было самым безопасным местом для ведьмы. Там она могла выиграть время сама, там же она стала укрывать других волшебников. Каждый, кто приходил в замок, вносил свой вклад в чары, что окружали это место и делали его недосягаемое для охотников.

Древние маги были побеждены, но даже те волшебники, кто помогали в этом, стали жертвами церкви, были вынуждены скрываться и искать спасения. Дойти до замка или других безопасных мест получалось далеко не у всех. Ищейки церкви были повсюду, в каждом городе появился штаб инквизиции.

Среди палачей инквизиции своей жестокостью и преданностью делу был известен Эгиль. Множество волшебников умерло в ужасных мучениях от его пыток, целью которых (официально) было узнать, где находится их убежище. На самом деле ему просто нравилось пытать, ведь именно здесь он чувствовал свою власть над теми, кого всем сердцем ненавидел и боялся. Но одна ведьма, попавшая в его руки, была слишком сильна, и привычные инструменты не смогли запечатать все её силы.

Проклятья, накладываемые перед смертью, самые сильные. И на прощание она прокляла палача, что остаток жизни он проведёт в вечном страхе, а, переродившись, сам станет магом, который будет страдать, полюбив ведьму. И разорвана проклятая связь будет только тогда, когда стороны простят друг друга. Вскоре Эгиль сошёл с ума от страха и совершил самоубийство.

Несмотря на все старания, Изольда не смогла спасти тех, кого взяла под своё крыло. Все, кто на тот момент скрывался в замке, были убиты, но перед смертью она наложила на замок последние чары. Изольда пожелала, чтобы в будущем это место защитило от смерти того, кто будет искать здесь спасение.

Мейлир очень сокрушался о том, что не успел. Договориться с церковью и прекратить охоту он смог только через год. Остаток жизни он провёл в трауре о жене. Когда старший сын стал достаточно взрослым, Мейлир передал ему престол и полностью отошёл от дел, переехал в особняк и провёл там остаток жизни, сожалея, что больше не увидит Изольду.

После его смерти этот дом занял младший сын, который дал начало одной из самых уважаемых семей с очень строгими правилами. И если старший сын разделял взгляды отца, то младший был настроен против магов, считая, что если бы не они, судьба семьи сложилась бы иначе. Что и повлияло на правила этой ветви Шефре.

От рода Халльгер произошли чувствующие, унаследовав главную внешнюю особенность рода — глаза без зрачков. В своё время из-за этой же особенности королеву-ведьму Изольду долгое время считали слепой. Некоторое время эту недомолвку она использовала себе на пользу. Изольда не была очень сильной ведьмой, но память о ней среди волшебников и особенно ведьм осталась на века. Изольда не смогла спасти всех, кого хотела, но помогла многим, позволив им попасть в Кольнем.

Однако закончилась история Изольды позже. К несчастью, переродившись, она сохранила память о прошлом. Она стала просто девой — Мейнир — что жила в уединении на болотах, скорбя о тех, кого не смогла спасти. Из-за груза прошлого она увяла совсем молодой. И ей только хотелось узнать, что стало с Мейлиром, исполнил ли замок её последнюю волю, дав хоть кому-то защиту.

После на этом месте поселился Исаак — один из потомков Халльгер. Это был молодой маг, который очень любил врать и обманывать. Он наполнил лес туманом, из-за чего заблудилось множество людей. Он пугал путников смехом, что доносился из ниоткуда. Его стараниями репутация проклятого леса стала только хуже, а также он породил легенду о болотной ведьме, которой в тех местах не было. Выходя к людям, Исаак всегда врал о себе. Чем важнее были слова, которые он произносил, тем больше в них было лжи.

В городе, что располагался недалеко от того леса, жила семья, унаследовавшая кровь

Гленды. Все наследники птицы отличались добротой, заботливостью, красноречием и искренностью, но магией обычно не обладали. В такой семье, владевшей пекарней, родилась Сюзанна. Из-за доброты Сюзанна даже ценой своей жизни была готова защищать мага, с которым подружилась, но семья мальчика переехала, и они потеряли связь.

Как-то раз она ушла в лес, чтобы собрать болотных ягод, но заблудилась. Исаак давно её заметил и, встретив в лесу, не смог запутать, как других «гостей». Он помог ей выбраться, то и дело навещал в пекарне, но пропал, когда осознал, что влюбился. Исаак понимал, что лжецу не место рядом с такой светлой и искренней девушкой, которой он был не в силах даже рассказать правду о себе или своих чувствах. Исаак стал жертвой лжи, которую сам же создал. Не найдя в тумане дороги, он утонул в болоте, оставив после себя только дурную славу чёрного леса.

Сюзанне тоже был мил спаситель, но прежде чем она успела сказать об этом, он пропал. Это её очень опечалило, а полюбить кого-либо ещё она не успела — многие потомки птицы жили недолго. До самого конца Сюзанна очень хотела встретить спасителя вновь, чтобы решить все недосказанности.

Род Гвалгвен пронёс сквозь поколения ненависть к магам, но однажды в этой семье родился тот, кто захотел докопаться до правды. Лауге ушёл от семьи, чтобы узнать больше о волшебниках и особенно о Птице. Ему всегда казалось, что дела обстояли не так, как это преподносила церковь, и Птица была не божьим знаком, а кем-то другим. Всю жизнь он был товарищем для волшебников и искал правду, но смог найти только потомков Гленды благодаря сыну мага, которого защищала Сюзанна. Он был другом и помощником Лауге, потому как его огорчало несправедливое отношение к братьям.

Вот только узнать больше о Птице Лауге не успел, его убили, как отступника и еретика, ведь началась охота на ведьм. А чтобы «смыть позор», который мог лечь на род из-за Лауге, семья постаралась отследить и уничтожить всех магов, с которыми он имел дело.

Началу охоты на ведьм сильно поспособствовали семьи Гвалгвен и Шефре, ведь их голоса имели большой вес. Они видели в новой охоте возможность исполнить волю предков, что поклялись отомстить за близких, чью жизнь испортила магия. Но магия в мире слабела, поэтому ныне целью церкви стали только ведьмы — те оставались достаточно сильны и пока ещё куда заметнее отличались от людей. Из них была удобная мишень.

Тот друг-маг Лауге смог спастись, так как Лауге заранее предупредил его об охоте. Он осел по другую сторону леса, обзавёлся семьёй. И вот, родился у него сын. Как и велело проклятье, Эгиль переродился магом-целителем, но слабым. В его деревне ходили слухи о ведьме в лесу, что была опасна, как смерть, носила украшения из костей, пугала одним лишь взглядом и насылала порчу на любого, кто зайдёт в чёрный лес. Но, встретив её он понял, что люди были правы только в одном — тёмные волосы она заплетала в тугую косу.

Это была Ингрид и, по иронии, перерождение той ведьмы, что его прокляла. Ингрид пряталась от людей, спасаясь от ненависти к ведьмам. Они полюбили друг друга и ушли туда, где было спокойнее и куда не дошли слухи о болотной ведьме с жуткими глазами. Они жили мирно, спокойно, уединённо. У них было трое детей. Две дочери и сын. Но охотники на ведьм добрались и до тех мест. Пока Ингрид не было дома, её семью убили. Вернувшись, она схватила новорожденную дочь и убежала, чтобы найти спасение в замке, а потом отомстить охотникам.

Если бы страх и ненависть не затуманили тогда сознание Ингрид, она бы заметила, что старшая дочь смогла сбежать. Дикра спаслась, пережила охоту, затаившись. Она была

талантливой волшебницей, которая, вопреки всем запретам, хотела повернуть время вспять и спасти семью от охоты. Дикра открыла часовую мастерскую, где все часы шли в обратную сторону. Она постоянно проводила магические эксперименты, пытаясь нарушить ход времени.

Потом была встреча духа с Ингрид, его отказ, её проклятье, разрушение сферы.

Дикра нашла один из осколков и попыталась применить его в своём деле. Эксперимент пошёл не по плану. Взрыв убил Дикру и стал причиной временной аномалии, которая привела к тому, что осколки оказались разбросаны не только в пространстве, но и во времени.

Так как Хенбетестир был духом, что не принадлежал этому миру, он путешествовал сквозь время. Те места, куда попали осколки, в определённый момент произвели на него сильное впечатление, оставили след в душе. Со всеми теми, кто их нашёл, Хенбетестир встречался, всех знал и помнил.

Он знал их историю, потому что имел способность легко разговаривать всякого. И каждый отпечатался тем образом, который впоследствии воплощал осколок. Как только они подбирали осколки, те связывались с их душой и сохранялись в каждом новом перерождении, пока носители осколков не сошлись в одном времени и не началась история проклятых жертв.

И вот, наступило время тринадцатого поколения, где все вернули свои имена. Это был последний шанс для Ингрид разрушить своё проклятье, которое усилилось из-за ошибки Мастера. Последний шанс отпустить души, которые были выбраны не случайно. Дух не исполнил желание Ингрид, но осколки его сущности настигли тех, чьи желания могли исполнить, чьи недомолвки — разрешить.

Сюзанна и Исаак смогли признаться друг другу. Фрейя стала защитницей Элеоноры, которая смогла вернуться «домой». Мейлир и Мейнир снова встретились, рассказали то, что не смогли при жизни. Дикра увидела воссоединение родителей, снова стала для них ребёнком. Эгиль и Ингрид нашли друг друга, простили прошлое и развалили проклятую связь. Лауге узнал правду о Птице. А Гленда, умирая, вернула надежду и веру в будущее тем, кто остался жив. Надежду, что все они встретятся снова, но уже — счастливые.

Даже сам дух смог встретить ту, чьи поиски были настоящей целью его странствий. И получил шанс попасть в обычный круг перерождения душ, чтобы по окончании этой жизни исполнить своё желание. Уже без всяких проклятий.

Больше книг на сайте - Knigoed.net